

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 27 (66). № 3

Серия:

Философия
Культурология
Политология
Социология

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, 2014

Редакционная коллегия:

- Багров Н.В.** - главный редактор
Шульгин В.Ф. - заместитель главного редактора
Дзедолик И.В. - ответственный секретарь

Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»

Редактор серии:

- Шоркин А. Д.,** - доктор философских наук, профессор

Редакционный совет серии:

- Берестовская Д. С.,** доктор философских наук, профессор
Кальной И. И., доктор философских наук, профессор
Катунин Ю. А., доктор исторических наук, профессор
Лазарев Ф. В., доктор философских наук, профессор
Николко В. Н., доктор философских наук, профессор
Рыскельдиева Л. Т., доктор философских наук, профессор
Сухачев В. Ю., доктор философских наук, профессор
Хриенко Т. В., доктор социологических наук, профессор
Чигрин В.А., доктор социологических наук, профессор
Эйдлин Ф., - профессор факультета политических наук
Юрченко С. В., доктор политических наук, профессор
Цветков А.П., кандидат философских наук, профессор
Зарапин О.В. кандидат философских наук, доцент
Коротченко Ю.М. кандидат философских наук, доцент

Составление оригинала макета: Страхов В.В.

Контакты с редакционным советом серии:

тел. : +7-978-736-7713
E-mail: raisaivanova2013@yandex.ua

Выпуск печатается по решению Ученого совета философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского

Подписано в печать 01.12.2014. Формат 70x100^{1/16}
21 усл. п. л., 12 уч.-изд. л. Тираж 50. Заказ № 175-о.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ

«Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского»

Научный журнал. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 27 (66). № 3.
Симферополь, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2014.

Журнал основан в 1918 г.

http://www.science.crimea.edu/zapiski/zapis_god.html

© Таврический национальный университет, 2014 г.

РАЗДЕЛ I

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 27 (66). 2014. № 3. С. 3–19.

УДК 165.21+124

ИНФОРМАЦИЯ И СМЫСЛ

Воеводин А.П.

Целью публикации является исследование системных соотношений эпистемологических категорий «информация», «знание», «понимание» и «смысл» в описании логики смены этапов усложнения процессов отражения и превращения его в осевой вектор саморазвития материи. Последовательное применение принципов телеологического анализа, сенсуализма и социоцентризма позволило преодолеть методологические недостатки детерминизма, антропоцентризма и рационализма в интерпретации процессов познания, а также выявить методологическую несостоятельность понятия «идеальное» в объяснении психики и сознания. Функциональный подход к пониманию сущности информации ограничивает ее формой «упаковки» материального носителя сообщения, тогда как его содержательные и аксиологические слои интерпретируются посредством категории «смысл».

Ключевые слова: *знание, информация, отражение, понимание, смысл, целесообразная деятельность.*

Смена социальных и культурных эпох обычно завершается генерализацией новой картины мира, составлением адекватных ей энциклопедий и словарей наиболее употребляемых понятий. Вслед за техническим перевооружением общества и появлением нового технологического поколения артефактов существующий лексикон пополняется и новыми терминами. При этом часто случается, что новые слова приходят в дополнение или на смену к таким, смысл которых так и остался не проясненным. И хотя и те и другие, по большому счету, означают одно и то же, тем не менее, все они не вытесняются из вербального оборота, а громоздятся в сознании, усложняют язык, затрудняют социальные коммуникации и понимание индивидами друг друга. Изначальная прозрачность картины мира затемняется, ее цельность и структурная упорядоченность разрушается, «семантический шум» сопровождает деструктивно-энтропийный период цитатности, коллажности, «глубокомысленного» декадентско-

филологического колдовства над калейдоскопическим вихрем оттенков былой цельной формы.

И все же здоровый теоретико-философский вкус ищет возможность оздоровления мышления и освобождения его от эклектической путаницы терминологической всеядности путем прямого сопоставления и сравнения нуждающихся в объяснении понятий. В данном случае теоретический интерес представляют корреляции понятий «информация» и «смысл», и, в какой-то мере, связанных с ними терминов «знание», «образ», «идеальное» и «виртуальное».

Как это ни парадоксально, но вошедшее в научный оборот в тридцатых годах прошлого столетия и ставшее синонимом современной эпохи понятие «информация» так и не обрело своей адекватной дефиниции. Неустранимые сложности и внутренние противоречия в определении информации вынуждают некоторых исследователей категорически утверждать, что термин информация является «неопределимым в науке понятием» [1, с. 6]. С одной стороны, оно застыло в узко коммуникационных семантических тавтологиях – «известия, сообщения, сведения, знания, организация», а с другой, обнаруживает тенденцию к безгранично расширительному толкованию и, в пределе, к отождествлению со всем, что существует, отождествлению предметного мира с «информационной Вселенной», появление творца которой, «космического разума», является результатом такого же последовательного отождествления информации с духом [см. 2, 3]. Между этими крайностями – необозримое множество определений, которые условно относятся либо к атрибутивным, полагающим независимое существование информации в качестве принципиально самостоятельного, то есть существующего помимо вещей и управляющего миром явления, либо к функциональным, рассматривающим информационные процессы всего лишь как свойство кибернетических (самоорганизующихся) систем [см. 3; 4].

Их общим и методологически обескураживающим недостатком является стремление вывести дефиницию информации из самой информации, вне понимания ее места и функции в составе сложных систем, а также вне социокультурного контекста возникновения каких-либо представлений о ней. При этом «авторы» совершают стандартную ошибку обыденного мышления – объективируют информацию и приписывают ее самим вещам, подобно тому как, например, сугубо человеческими характеристиками люди описывают сверхъестественные явления и даже наделяют ими Бога. Утверждая, например, что у вещей якобы «существует информация друг о друге», исследователи демонстрируют философскую и эпистемологическую некомпетентность. Ибо в физиологии и психологии уже давно и прочно утвердилось признание того факта, что «в природе не существует вкуса, цвета, запаха», а образная информация о них и окружающих вещах феноменологически обнаруживается (как информационное условие выживаемости) в сложнейших процессах взаимодействия рецепторов живого организма и внешнего мира. Сторонникам наивного реализма обыденного сознания стоит помнить афоризм Протагора – «человек есть мера всех вещей», согласно которому знание всего бесконечного многообразия природных форм – от субэлементарных частиц до сложнейших социальных переживаний типа патриотизма или совести – креативно

структурируется в процессе непосредственного активного участия человеческого сознания. Со времен Д. Юма и И. Канта известно, что мы смотрим на мир сквозь инструментальное устройство науки, видим его в «кривом зеркале» категорий языка и наших познавательных возможностей. А усилиями К. Маркса в антропологической психологии и эпистемологии прочно утвердился деятельностный подход в объяснении человеческого познания, рассматривающий взаимоотношения человека и мира сквозь призму структуры практики. Образно говоря, мозг (язык, человек, общество, культура) как бы «примешивает» к образам внешнего мира свою инструментальную природу, что делает человеческое знание релятивным, а всю научную, то есть субъективно оформленную информацию об этих объективируемых человеческим сознанием формах относительной истиной.

До шестидесятых годов прошлого столетия, до взрывного усложнения социальных коммуникаций, промышленного изготовления специфических орудий информационной деятельности (электронно-вычислительных устройств, средств связи, управления и массовой информации) и их глобального технологического использования никто не искал информацию об информации. Подобно Журдену, известному герою комедии Мольера, который всю жизнь говорил прозой, но не знал об этом, просвещенный мир даже не подозревал о ее существовании. Самое удивительное здесь в том, что озабоченные сущностными определениями и предметными онтологическими поисками исследователи «просматривают» тот парадоксальный факт, что несмотря на их утверждения, что информация якобы обладает статусом всеобщности, информация дана не каждому, но только тому, кто способен ее воспринять. Открывается она в виде смысла, который, как, например, символический смысл белого цвета, вовсе не является раз и навсегда безусловно данным и, даже больше, может быть различным не только в разных культурах (европейских, африканских, азиатских), но и у одного и того же индивида. Поэтому загадка информации неразрывно связана с загадкой смысла, и, прежде всего, с загадкой реконструкции и понимания смысла, понимания понимания. Практическое извлечение и логическая экспликация смысла всегда есть понимание заключенной в нем информации, но что представляет собою смысл сам по себе, смысл *per se*, также остается, подобно загадочной Золушке, по-прежнему нераспознанным, неуловимым, недоступным и непонятым [5, с. 170]. Тем самым, решение загадки природы информации упирается в генетическую реконструкцию процесса ее осмысления: узнать, что такое информация можно лишь герменевтически реконструировав процесс ее генезиса как смысла в психике индивида. Именно игнорирование понятия смысла структурно-математическими концепциями и атрибутивным подходом к информации не позволяют построить общую теорию информации.

Итак, что есть смысл, но не смысл чего-то, а смысл сам-по-себе, как эпистемологический феномен? Точнее, в чем заключается гносеологический смысл смысла? Подобная постановка вопроса вовсе не является сверхординарной и невыполнимой: теория зрения, например, является ответом на вопрос – можно ли увидеть, как мы видим, а теория мышления ответом на вопрос – как можно помыслить мысль саму-по-себе, «чистую мысль», а не мысль о чем-то еще, кроме

мысли. На этом пути осмысления смысла исследователь вынужден взглянуть на свой предмет иными глазами, как бы со стороны, что равносильно тому, чтобы описать его в составе более сложных систем и иных понятий. В противном случае такой «ученый» (или язык) впадает сам с собой в неразрешимые парадоксы и противоречия, которые так последовательно и экспрессивно осветил Жиль Делез в своей работе «Логика смысла». В ней он излагает серию логических (читай языковых или семантических!) парадоксов, образующих его теорию смысла. Как он полагает, «Легко объяснить, почему такая теория неотделима от парадоксов: смысл – это несуществующая сущность, он поддерживает крайне специфические отношения с нонсенсом» [6, с. 13].

И действительно, можно ли непротиворечиво объяснить, например, сущность человека исходя из устройства органов его тела? Здравомыслящему индивиду даже не придет в голову объяснять содержание зрительного образа устройством глазного яблока или хрусталика – они всего лишь органические инструменты, опосредующие контакт с электромагнитным излучением и делают возможным присутствие предметно-смыслового содержания образов внешнего мира в человеческой психике. Культурный смысл зрительного образа зеленого яблока невозможно свести к электрохимическому коду нервных импульсов. С инструментально-физиологической точки зрения психический образ как раз и представляет собой как бы «несуществующую сущность»: образ горящей свечи в голове не сжигает мозг, и мозг не краснеет при виде красного цвета, и не пахнет при восприятии молекул пахучих веществ.

Аналогично дело обстоит и с инструментально-лингвистической точки зрения – бессмысленно искать смысл в буквах и знаках языка. Парадоксы и нонсенсы здесь возникают из интеллектуальной игры (баловства, забавы) и сознательного смещения в одном отношении разных смыслов, как например, в софизмах. Подобно тому, как органы человеческого тела не существуют самостоятельно вне тела, так и человеческая речь, язык не является самостоятельно существующей вещью – он всего лишь интерсубъективный инструмент социальных коммуникаций, обеспечивающий относительную самостоятельность существования социокультурной информации и передачу от поколения к поколению опыта совместной социальной деятельности. Невозможно понять смысл только из языка, – аналогично тому как невозможно, согласно Дж. Гибсону, оптическую информацию вывести из точек, различающихся по цвету и светлоте [7, с. 103].

Однако увлеченный семантическими парадоксами Ж. Делез даже не ставит вопрос об отличии языка и смысла, а тем более о происхождении человеческого смысла, или, например, о том, имеются ли психологические смыслы у не обладающих речью животных. Он вообще не может определиться со способом существования смысла. Для него смысл это «бестелесная, сложная и нередуцируемая ни к чему сущность... Ибо нельзя даже сказать, существует ли смысл в вещах или в разуме. У него нет ни физического, ни ментального существования. Можем ли мы сказать, по крайней мере, что он полезен? Нет, поскольку он наделен бездейственным, бесстрастным, стерильным блеском. Вот почему мы сказали, что можем, фактически, только косвенно судить о нем на

основе того круга, по которому ведут нас обычные отношения предложения» [6, с. 38-39]. Но, в таком случае, каким образом этот «чистый», бескорыстный и «бестелесный смысл», во-первых, обнаруживает себя и свое бестелесно-фантомное существование для живущего телесно-плотской жизнью «посюстороннего наблюдателя»? Как этот «бестелесный смысл» ухитряется взаимодействовать с телесным материальным субстратом, как такая «бестелесность» вообще становится сподобной влиять на движение «телесных вещей» в пространственно-временном предметном мире? Уж не сверхъестественным ли образом? Если да, то с подобными интерпретациями, скорее, следует идти в храм, чем на университетскую кафедру.

Научное поражение и теоретическая проблематичность выводов Ж. Делеза в который уже раз свидетельствует о методологической и практической беспомощности доминирующей с XVIII века в европейской философии модернистской традиции «рационализма» (*cogito*) и, соответственно, научной несостоятельности порождаемого нею идеалистического принципа «филиации идей» в объяснении процессов предметного мира. Еще И. Кант, справедливо критикуя сенсуализм и рационализм, взятые в их односторонности, указывал, что категории, как относительно самостоятельные формы мысли, должны быть заполненными чувственной тканью сознания, в противном случае их словоупотребление превращается в схоластическую болтовню: «... это распространение понятий за пределы нашего чувственного созерцания не приносит нам никакой пользы, так как в таком случае они пустые понятия об объектах, не дающие нам основания судить даже о том, возможны ли эти объекты или нет; они суть лишь формы мысли без объективной реальности, потому что в нашем распоряжении нет никаких созерцаний, к которым синтетическое единство апперцепции, содержащее только эти понятия, могло бы быть применено, так что они могли бы определить предмет» [8, с. 139]. Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они заполняют предметно-практическим смыслом пустые понятийные формы мысли и, тем самым, «придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Что, иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для объекта как существующий не в сознании, а вне его сознания – как объективное «поле» и объект его деятельности» [9, с. 134]. Глубокая и неустранимая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что их смысловая определенность порождается в телеологических процессах целесообразной практической деятельности, связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность [9, с. 139]. Подчеркнем, что именно сенсуалистическая наполненность понятий устанавливает их определенность всякого рода: эпистемологическую (предметно-родовидовую), телеологическую (содержательно-смысловую), аксиологическую (ценностно-иерархическую).

Рационализм не в состоянии преодолеть парадоксы и антиномии смысла как «несуществующей сущности» как раз в силу игнорирования чувственно-предметной основы мышления, обращение к которой убедительно опровергает трансцендентальный идеализм и демонстрирует посюстороннюю телесность и

практический источник человеческого смысла. Смысл не приходит к человеку в готовом виде откуда-то извне, а первоначально появляется у ребенка в процессе имитации схем (сценариев) целесообразной человеческой деятельности и культурного оформления перцепций непосредственно данного чувственного опыта, которые в виде культурных констант образуют предметно-образное основание центральной зоны его картины мира. Таким образом, смысл невозможно понять, игнорируя чувственно-образную природу предметного мышления. Теоретическим же «водоразделом», отличающим материалистический подход к пониманию информации и смысла от их спекулятивных интерпретаций, является понятие отражения.

Как всеобщее свойство материально-предметного мира отражение с необходимостью присутствует в процессах взаимодействия вещей и представляет собой способность одной вещи в своих особенностях воспроизводить некоторые особенности других, воздействующих на нее вещей. Вещи так взаимно трансформируют друг друга, что от одной из них к другой «как бы передаются» определенные квазиформы, соответствующие свойствам воздействующей вещи. Эти квазиформы, в виде следов взаимодействия вещей, запечатлеваются в своем носителе, сохраняются и повторяются при воспроизведении условий взаимодействия.

В неорганической природе взаимодействия, как правило, случайны и часто сопровождаются разрушениями и уничтожениями вещей. Особый вид устойчивого действия одной вещи на другую, которое не разрушает вещь, но придает ей новые возможности, принято именовать философской категорией «связь». Связь создает условия для многократного воспроизводства структуры взаимодействия и ведет к образованию более сложных ансамблей иерархически выстроенных вещей. Современное естествознание подробно описывает эволюцию усложнения вещества от самых первичных субэлементарных форм до сложнейших химических элементов и строения Вселенной. С появлением макрообъектов вещи достигают такого уровня сложности, когда внешние воздействия могут сохраняться в виде телесных (пластических) следов, которые в зеркально противоположном виде воспроизводят особенности процесса взаимодействия. Важно подчеркнуть, что в процессах такого взаимодействия не происходит переноса материального субстрата, вещества. Но следы, тем не менее, сохраняют формально и структурно сходные характеристики действующих друг на друга вещей, что может рассматриваться как онтологическая предпосылка, протоформа знака и знаковой коммуникации.

Данный факт опровергает любые философские и паранаучные представления о «бестелесности смысла», «идеальности (нематериальности) сознания» или экзотическом «информационном субстрате» [см. 10]. Скажем, при механическом взаимодействии пятака и глины последняя пластически и зеркально воспроизводит внешнюю форму пятака. Но акцентируем внимание на том, что, во-первых, буквального отделения свойств пятака от своего носителя и «переноса» их в глину не происходит, в глине нет ничего кроме самой глины; во-вторых, структура поверхности глины так изменилась, что воспроизвела особенности внешне-предметной геометрической формы пятака, который сам по себе для глины остался

как бы трансцендентным; в-третьих, на механическом уровне отражения след пятака уже невозможно отделить от субстрата глины. Оформившись в устойчивую структуру, след, как «памятный знак» с трансцендентным телу «значением», продолжает «жить» в новых совокупных взаимодействиях, – влиять на характер движения своего носителя, вносить изменения в структуры действующих объектов.

На определенном этапе эволюции и кумулятивного усложнения материального субстрата, в контексте системной самоорганизации, самовоспроизводства и самосохранения материи отражение становится ключевым негэнтропийным аттрактором. Отражение начинает выполнять одну из важнейших функций, обеспечивающих бытие качественно нового, живого образования. Жизнь – это не просто обмен веществ. Жизнь, как форму самодвижения, невозможно понять (а тем более воспроизвести!) без отражения. Точнее, жизнь возникает в процессе усложнения отражения и превращения его из внешне случайного следа в основной, внутренне необходимый способ асимметричной самоорганизации материи, который в своем целенаправленно-негэнтропийном самовоспроизводстве-самодвижении ориентируется на внешние и внутренние изменения системы. Самоуправляющая система, какой, несомненно, является живой организм, в своей самоорганизации движения основывается на непрерывном «познании» и «оценки» среды и себя.

Отличительным способом самодвижения живых тел является целесообразность – особый вид направленной самоорганизации внутренней и внешней, энергетической и предметной сред. Доминирующие в неорганической природе причинно-следственные отношения здесь становятся частью более сложной векторно-телеологической принудительности, теперь доминируют отношения «цель – средство» [11, с. 11]. Объективная обусловленность причинно-следственных связей усложняется, дополняется столь же объективными необходимостями целесообразных связей. Сфера асимметричного органического целесообразного движения трансформирует причинно-следственные связи. Ключевыми формами осуществления целесообразного самодвижения, преодолевающими симметрию физического мира, становятся избирательность (специфическая, то есть несимметричная, ответная реакция на значимые для выживания изменения) и активность (энергетическое несовпадение стимула и ответной реакции, что также может рассматриваться как энергетическая асимметрия).

Осуществление избирательного целесообразного движения реализуется, во-первых, благодаря специализации и выделения отражательных процессов из общей массы субстрата в относительно самостоятельный процесс (впоследствии в информационно-управляющий орган). Во-вторых, складывается способности вещи адекватно (избирательно) реагировать на изменение формы следа, то есть рефлексировать или отделять состояние следа (его материально-знаковую конфигурацию) от состояния всего тела и осуществлять оценку влияния трансцендентных знаковой форме следа раздражителей на характер внутреннего и внешнего движения. Для чего необходимо «научиться распознавать» целевой характер внешнего воздействия (или внутреннего изменения) с точки зрения выживаемости тела. Живая материя обретает новый тип структурирования отражения – специализацию реагирования составляющих организм клеток на

положительные и отрицательные раздражители. Тем самым отражение одновременно совмещает в себе прото-«знание» (соответствие «снятой формы» следа трансцендентной структуре раздражителя) и прото-«оценку» его значимости (соответствия трансцендентного содержания следа условиям самовоспроизводства и самосохранения живого организма). Реакция живого организма складывается из двух взаимозависимых составляющих – отражения среды в контексте сложившейся ситуации и оценки трансцендентного содержания следов естественной (собственной) формы этого отражения на основе накопленного опыта, то, что в дальнейшем получит название «опережающий характер». Следы действия среды на возникающую нервную ткань в результате длительного функционирования запечатлеваются и постоянно воспроизводятся в ней, «кодируются», образуя особые чувствительные к отражению структуры, и влияют на движение организма в опережающем событиях инстинктивном поведении [см. 12].

Условием успешной реализации телеологического самодвижения является телеономия – наличие некоего проекта, сценария или плана. Его возможность вырастает из:

способности следов отражения влиять на характер движения вещи;

появления специфического материального субстрата отражения – нервной ткани, позволяющей благодаря знаковой форме свободно и безболезненно, без ущерба для тела, «идеально» или «виртуально» производить манипуляции со следами, то есть, моделировать их возможные смысловые значения для тела;

наличия своеобразного люфта (зазора) между такими виртуальными манипуляциями со следами и реальным движением организма (благодаря специализации и разделенности нервных центров отражения и локомоции тела);

накопления критической массы успешных цепочек следов, схем целесообразных движений (памяти) и последующего их закрепления сначала в инстинктах, а затем и в сложнейших сценариях приобретенных рефлексов;

использования накопленной массы положительных и отрицательных следов в качестве оценивающего механизма, устанавливающего стихийные эмпирические критерии оценки влияния вновь возникающих следов на вектор движения организма; появление такой «обратной связи» свидетельствует о завершении процесса формирования специализированных органов контроля и зарождении предпосылок самостоятельного или целесообразного управления движением вещи.

Накопление достаточного количества следов и появление способности их самостоятельной актуализации (воспроизводства) живым организмом знаменует появление психики. Как принципиально новый вид организации самодвижения материи, психика является индивидуальным способом управления движением тела с помощью следов отражения или так называемых «идеальных образов». Это становится возможным благодаря особому, а в эпистемологическом смысле знаковому способу бытия и движения психических «следов-образов» в нервной системе.

При этом следует подчеркнуть, что сигналы, хотя и поступают от качественно различных раздражителей, в физиологическом смысле качественно однородны – это активно перемещающиеся в нервной системе ионы натрия и калия. Сигналы,

поступающие в нервную систему от различных раздражителей и рецепторов, отличаются лишь группировкой и частотой их следования друг за другом. Например, при стимуляции вкусовых сосочков языка электрическим током у человека возникают точно такие же вкусовые ощущения, как, например, при реальном воздействии соли, сахара или перца: электрические колебания частотой 30-40 Гц вызывают у человека ощущения соленого и кислого, при 70 Гц – сладкого, при 100 Гц – горького [13, с. 74]. Сахар и электрический ток качественно отличаются друг от друга, но если эти разные вещи вызывают тождественные вкусовые ощущения, значит, чувственные образы ощущений суть не копии, а знаки вещей. Аналогично, такими же знаками являются и все остальные следы, в том числе и зрительные образы. Таким образом, все ощущения суть материальные знаковые формы, смысловое и чувственное содержание которых предметно (качественно) актуализируется благодаря их психологической интерпретации мозгом. Психика является специализированным знаковым способом индивидуального управления живым организмом.

Возможность произвольных манипуляций со «следами-знаками-образами», позволяет моделирование целесообразные композиций следов отражения, благодаря, чему реализуется способность ориентации не только в экологическом пространстве, но и во времени. Телеологическое самодвижение невозможно без оценки содержания следов отражения в рамках соответствия цель и средство. А для этого необходима возможность предвидения ожидаемых объективных результатов моделируемого в знаково-образной системе психики сценария целесообразного взаимодействия реальных вещей. Но каким образом появившиеся в прошлом следы-знаки могут создавать: картину возможного будущего, таких взаимодействий, которые еще не произошли, а также психологическую уверенность в том, что моделируемое будущее осуществится? Такую уверенность и возможность предвидения будущего создают знания – особые следы, представляющие собой структурные копии необходимых связей явлений действительности.

Структура есть некая согласованность частей целого. Способ или форма такой согласованности с необходимостью диктуются особенностями элементов, свойства которых, в свою очередь, обусловлены всем их ансамблем. Предметная буквальная материальная копия какой-либо вещи представляет собой просто повторение (удвоение) такой вещи. Структурная же копия имитирует не саму вещь, а форму или способ связи элементов в рамках целого и, по убеждению В.А. Илюшина, «представляет собой копию структуры данной вещи в форме структуры другой вещи (или системы). При этом копирующий объект может и качественно отличаться от того, с которого снимают копию» [см. 14]. Бумажная, например, графитовая или графическая копии структуры медного куба качественно отличаются от своего прототипа. Знание и есть ни что иное, как структурная материальная копия, «причем, как такая копия, которая в вещном виде способна существовать в мозге» [см. 14]. Иначе говоря, знание хотя и не является буквальным воспроизведением копируемой вещи, не повторяет собою объект, но также материально, как и все остальные «знаки-образы» сознания. Господствующие в литературе мнения об «идеальности» или «нематериальности» психических образов вызваны, на наш

взгляд, неадекватностью существующих теоретических объяснений сущности и способа существования знания, его способности взаимодействовать с вещами и изменять предметно-материальный мир.

Структурная копия есть сложный, многосоставной способ организации следов-знаков, в силу чего она имитирует первичную структуру неполно, односторонне, частично, и с изменением условий или способа копирования может быть изменена и дополнена. Поэтому не всякая структурная копия может быть знанием, но только такая, которая является копией необходимости или закона. Необходимость вытекает из обусловленности характера взаимодействия устройством наличных составных элементов такого взаимодействия, когда существование одного элемента неотъемлемым образом связано с существованием другого, как, например, существование атома связано с взаимодействием электронов с ядром. Оно обусловлено этим взаимодействием: «Необходимость – это обусловленное существование» [см. 14]. Знание всегда связано с отражением процесса взаимодействия (движения) вещей, повторение или имитация которого неизбежно приводит к одному и тому же результату. Поэтому динамическая структурная копия необходимого процесса взаимодействия вещей обеспечивает возможность предвидения и планирования человеческой деятельности. Это дает возможность человеку целенаправленно организовывать взаимодействие вещей, чтобы удовлетворить свои потребности и выжить. Например, предусмотрительное устройство пожарных гидрантов в публичных помещениях основано на знании того, что вода препятствует окислению и гасит огонь. Организуя в соответствии с образами знания практические, материально-предметные взаимодействия вещей, человек достигает поставленных целей, а значит, преодолевает зависимость от хаоса случайных взаимодействий, создает новые (небывалые) необходимости, становится в свободное отношение к природе и господствует в ней.

Знание возникало в процессе становления человека и общества как одна из форм его социального существования: человек становился человеком вместе с появлением знания и благодаря ему. Объективным условием появления, накопления, сохранения и трансляции знания явилась коллективная целесообразная деятельность или труд. Как известно, труд – это осознанная организация взаимодействия вещей с целью удовлетворения человеческих потребностей. Успешность коллективных целесообразных действий зависит от знания необходимых форм технологической организации движения людей и взаимодействия вещей. Бесчисленное воспроизводство необходимых схем и сценариев удачной практической деятельности способствовало появлению и массовому тиражированию искусственно созданных вещей, артефактов – социальных знаковых механизмов культурного отчуждения, «опредмечивания» знания, его хранения и трансляции. Как объективные хранилища «законсервированных» в знаковых системах знаний, артефакты составляют предметное тело общества, принудительно стимулирующее персональные умения «распредмечивать» и правильно «потреблять» скрытые в них знания. Общество – это не просто совокупность индивидов, но, главным образом, бесконечно многообразный мир искусственно созданных вещей – артефактов, искусственных

органов или своеобразных машин, обобщенных культурных сценариев, документов и т.п. Они то императивно и задают требуемую программу целесообразного человеческого движения, которую индивид вынужденно воспроизводит при функциональном (по инструкции) использовании артефакта. С этой точки зрения артефакты представляют собой неустранимые средства аккумуляции и ретрансляции социальных смыслов, опыта культурного движения. В процессе бесконечного «опредмечивания» и «распредмечивания» артефактов актуализируется подлинно человеческое, целесообразно движущееся бытие как материальное воплощение ненаследуемой в генах социальной информации. В известном смысле можно смело утверждать, что сущность человека не телесная, но информационно-деятельная [см. 15; 16]. В абстракции «человек» отображается вовсе не индивидуальное человеческое тело, а виртуально существующие программы всех многообразных видов целесообразной деятельности, которые всякий раз вновь и вновь «оживают» и воспроизводятся посредством телесного движения человеческих индивидов. В неисчислимом живом воспроизводстве индивидами таких программ как раз и обнаруживает себя подлинная экзистенция человека [см. 11, 12].

Таким образом, возникновение знания знаменует собой очередной качественный скачок и появление принципиально нового, культурного этапа космологической эволюции. Теперь содержание следов отражения искусственно и коллективно принудительно отчуждается от непосредственного биологического информносителя, от индивидуального тела, выносится во вне организма, оформляется в артефактах и начинает жить самостоятельно воспроизводимой жизнью. Культура предметно и представляет собой искусственно созданный мир артефактов, посредством которого осуществляется надбиологический способ существования и бесконечного воспроизводства социальной (читай, человеческой) информации: знаний и смыслов, ценностей и сценариев целесообразной деятельности. В этом смысле культура представляет собой надбиологический и надпсихический способ производства и воспроизводства человека.

Знание необходимо отличать от смысла. Знания, взятые сами по себе, вне конкретного предметного и практического контекста абстрактны и не могут служить руководством к человеческому действию. Суждение «болит голова» не содержит конкретных характеристик субъекта, а высказывание «вода кипит при температуре 100 градусов» является бессмысленным по той причине, что не в нем отсутствует конкретное указание на количественные параметры атмосферного давления и не определен вид воды. Абстрактное знание – это мертвое знание, поскольку не учитывает конкретных условий его практического применения. Когда же знания рассматриваются в телеологическом контексте целесообразного практического применения, они обретают тот или иной смысл (онтологический, эпистемологический, практический, медицинский, нравственный, религиозный, эстетический и т.д.) в зависимости от желаемой цели действия.

Очевидно, что смысл невозможен без знания. Но если знание per se представляет собой эпистемологически безучастную и бесстрастную как Сфинкс, Картину мира, то смысл открывается индивиду через телеологическую

соотнесенность, практическую связь и целесообразный контекст. Если знание представляет собой структурную копию вещи, то смысл представляет собой структурное представление о функциональной соотнесенности вещей в целесообразном акте практического действия. Структурный коррелят понимания есть ни что иное как целесообразный акт мысленного имитирования структуры телеологической соотнесенности явлений. Понять – значит уметь мысленно сделать. Осмыслить – значит мысленно воспроизвести деятельную функциональную соотнесенность вещей в рамках целесообразных связей охватываемого мыслью целого, мысленно пройти или одновременно представить, схематически «схватить» весь необходимый целесообразно-причинный путь. Согласно И. Канту, «... для того, чтобы познать что-то в пространстве, например, линию, я должен провести ее, стало быть, синтетически осуществить определенную связь данного многообразного, так что единство этого действия есть вместе с тем единство сознания (в понятии линии)...» [8, с. 132]. «Мы не можем мыслить линию, не проводя ее мысленно, не можем мыслить окружность, не описывая ее, не можем представить себе три измерения пространства, не проводя из одной точки трех перпендикулярных друг другу линий, и даже время мы можем мыслить не иначе, как обращая внимание на проведение прямой линии (которая должна быть внешне фигурным представлением о времени)...» [8, с. 143]. И. Кант отчетливо указывает на целесообразно-деятельную природу понимающего мир мышления, которое посредством целесообразно-логического согласования понятий имитирует целесообразные акты или технологию практического телесного движения.

Поэтому смысл в данном контексте может быть интерпретирован в качестве необходимой структуры понимания, как мысленное структурное представление целесообразных актов понимания. Или же, точнее, как свернутую программу целесообразного движения независимо от того, где оно осуществляется – в сформированных под воздействием целесообразной деятельности морфологических структурах мозга или среди реальных вещей. Смысл грамматической нормы «ча»-«ща» пиши через «а» заключается в банальном каллиграфическом движении руки, а нормы Правил дорожного движения «красный свет – движения нет» состоит в прекращении движения и ожидании зеленого света светофора. Смыслы не существуют в отрыве от породивших и связанных с ними видов целесообразной деятельности. В отличие от конвенционально устанавливаемого и нормативно фиксируемого в энциклопедических справочниках и словарях значений, смысл определяется не символическими закономерностями языка, а объективной целефункциональной (практической) соотнесенностью чувственно-предметного содержания образов. Поэтому слова естественного языка, в зависимости от контекста, могут приобретать совершенно различные смыслы. Непредикативность обыденной речи указывает как раз на то обстоятельство, что язык не является самодостаточным явлением, а служит всего лишь знаковым средством психологического моделирования бытия. Овладение индивидом социальными смыслами означает, прежде всего, научение его технологиям и сценариям целеустремленных социальных движений как «опережающему» отражению действительности. Подобно тому, как свойство часов показывать время

обнаруживается не в циферблате или стрелках, взятых самих по себе, а в целесообразно согласованном функционировании всего механизма, так и смыслы не существуют сами по себе в словах или где-то в «трансцендентных далях», а создаются и реализуются только в целостных и телеономично завершенных сенситивных образах целесообразных процессов коллективно воспроизводимой социально-практической деятельности.

Смысл неразрывно связан с ценностью, он насквозь ею пропитан. Осуществление целесообразной деятельности с необходимостью сопровождается непрерывным анализом-оценкой соответствия целей и средств, в процессе которого цели и средства осмысливаются как ценности. При этом всегда существует возможность неадекватной оценки (в силу неполноты или ошибочности знания структурных элементов целесообразного процесса), а с ней и соблазн релятивизации, субъективизации смыслов. Однако не стоит преувеличивать возможности субъективного искажения ценностей: относительно каждого конкретного результата целесообразная структура является абсолютной и объективно физически predetermined (причинным соотношением физических свойств средств и цели в структуре целесообразной деятельности). Целевая функция детерминирует объективные критерии оценки в параметрах соответствия средств и цели, где возможность объективности оценки вытекает из знания физически объективных закономерностей отношения средства к цели. Скажем, вода в пустыне вызывает радость и удовольствие, оценивается положительно как необходимое объективное условие выживаемости организма, но длительное обливание человека водой на морозе ведет к переохлаждению и гибели организма, сопровождается страданием и оценивается отрицательно. Правда чувства и оценки здесь задается объективно истинным физическим отношением средства (воды) к цели (выживаемости организма). Смысловая структура обладает надындивидуальным и общезначимым значением, опосредующим целесообразное отношение к действительности и обеспечивающим возможность его однозначного «прочтения», а, стало быть, возможность взаимопонимания и коллективной совместной деятельности. Если суть знания коррелируется с «истиной» (иначе это мнение, выдумка, греза или мечта), то смысл коррелируется с «правдой». Множественность, вплоть до противоположных, смыслов зависит не столько от субъективности оценки, сколько от сложности и множественности целей практического действия, что можно наблюдать в логических парадоксах смысла, сталкивающих в одном умозаключении суждения, выражающие несовместимые целесообразные структуры. Примером может служить уже упоминавшийся софизм Хрисиппа: «Все, что я говорю, проходит сквозь рот. Я говорю – телега. Следовательно, телега проходит сквозь рот». Сказанное в известной мере совпадает с выводом Г. Фрегге о соотношения денотата и смысла. Как он утверждает в своей статье «Смысл и денотат»: «Денотатом [Bedeutung] предложения является его истинностное значение [Wahrheitswert], а смыслом [Sinn] – некоторое суждение [Gedanke]» [17, с. 378].

Смыслы существуют не только у людей, но везде, где существует психика. Вопреки мнению Ж. Делезу смыслы есть и у не обладающих речью животных.

Собака отчетливо отличает функциональный смысл аrapника от поводка для прогулки, как и ворона отличает большой треугольник с едой от маленького, а паук – адекватную его размерам муху от несъедобного жука. Возможность появления смыслов связан с появлением нервной системы и электрохимического способа функционирования в ней следов отражения. Электрохимический способ существования следов позволяет производить с ними разнообразные манипуляции вплоть до парадоксов физического перемещения (sic!) следов по клеткам мозга в виде нервных импульсов или кодов, что особенно важно для определения значимости содержания следа с точки зрения целевой функции. Разные цели объективно предполагают различные технологии, наборы средств их достижения, а, следовательно, и соответствующие им различные субъективные модели и конфигурации следов отражения в психике. Поэтому одни и те же образы психики могут обретать различные смыслы в зависимости от целей и потребностей организма.

Отличие человеческих смыслов от животных вовсе не психологическое, а культурное. Человеческие смыслы рождаются в коллективно-практической, социокультурной, а не в индивидуально-биологической жизнедеятельности. Как результат совместной и согласованной целесообразной деятельности, все они, во-первых, связаны с преодолением доминирования зоологического индивидуализма в коллективных формах деятельности; во-вторых, они не могут быть запомнены и воспроизведены отдельно взятым индивидом (телом), поэтому, в третьих, они нуждаются во «внешней опоре», специальных средствах воспроизводства и управления смыслами – социально установленных артефактах или знаках. Первичными формами таких способов культурного (читай искусственного) воспроизводства и существования телеологически организованных смыслов принято считать первобытные коллективные телесные имитации удачных производственных структур с последующим закреплением их в ритуалах и натуралистических формах (образах) изобразительной деятельности. Многократное повторение эмоционально впечатляющих событий согласованной коллективной деятельности неизбежно сопровождалось стихийным обобщением и схематизацией структуры целесообразных актов. Одним из важных следствий этого стало возникновение орнамента, смысл которого, в свою очередь, необходимо было однозначно истолковывать для всех членов сообщества посредством сопровождающих действия звуковых сигналов или акустических знаков и, как результат, появление мифологически осмысленной речи [см. 18].

С возникновением письменности и книгопечатания следы психического отражения получают возможность не только отделиться от своего телесного биологического носителя, но выйти за пределы живого организма. В качестве артефактов они создают собственные закономерности развития, на основе которых стали аккумулироваться программы надбиологической, разумной культурной эволюции. Собрания внешних материальных носителей социального содержания телесных следов трансформировались в музеи, архивы, библиотеки, научные и эстетические учреждения – самостоятельно существующие специализированные хранилища социальных смыслов, знаний, человеческих переживаний.

Возникновение науки и искусства, их бескорыстная деятельность по эстетическому исследованию человеческих эмоций и получению нового знания знаменует собой новый скачок на пути самостоятельного развития человеческого разума, его освобождения не только от принудительных телесных и культурных ограничений, но и от давления утилитарных целей практики. В поисках собственного бессмертия креативный разум становится причиной развития самого себя, активно ищет и выстраивает адекватные механизмы свободного и независимого от человека собственного существования и, прежде всего, адекватные способы своего целесообразного материально-знакового оформления. В поисках эффективных средств самосохранения, самовоспроизводства, саморазвития отделившиеся от своего телесно-биологического носителя знания, смыслы, ценности, человеческие переживания диктуют особые условия своего социального и культурного существования, в процессе реализации которых подчиняют себе, а фактически порабащают человеческих индивидов, посредством образования и социальных коммуникаций превращают их в инструмент собственной самоактуализации.

Тот или иной способ целесообразного оформления и объективно-предметного (опредмеченного) существования в традициях культурной трансляции знаний и смыслов получает свое терминологическое закрепление в соответствии с названием предметного носителя знаний, смыслов или их жанрового своеобразия, как то: ритуал, миф, письмо, книга, сообщение, извещение, сведения, фотография, альбом и пр. С возникновением электронного способа своего оформления, хранения и воспроизводства знания и смыслы все чаще начинают именоваться «информацией» – дословно *in form* – специально оформленный, то есть, введенные в однозначно прочитаемую и понимаемую систему знаков, в оцифрованные человеческие знания, чувства и смыслы.

Последовательно проведенный функциональный подход к выявлению своеобразия информации, таким образом не оставляет иного ее понимания кроме как исторически конкретного технологического способа целесообразного управления знаниями и смыслами, а именно – электронного способа их «упаковки» и функционирования. Информация – это не конкретная вещь, тем более – не свойство вещей. Не является она и материальной субстанцией или специфическим материальным субстратом, каким, как уверяют, якобы заполнен весь мир (хотя никто его до сих пор не обнаружил и его физическая природа неизвестна). Термин «информация», на наш взгляд, имеет не содержательно-онтологическое, а функционально-технологическое основание, поскольку не затрагивает трансцендентное знаковому материальному носителю содержание следов отражения, для описания которого используются такие категории как человеческие знания, смыслы, чувства, интересы, верования и т. д. История свидетельствует, что человеческий разум, как продукт коллективной целесообразной деятельности, как бы распределен между людьми и обнаруживает себя в актах коммуникации и общения отдельных человеческих индивидов. Материально-знаковая основа социальных коммуникаций, в свою очередь, не стоит на месте, а трансформируется в соответствии с перманентным технологическим перевооружением общества. В

эпоху глобального доминирования электронно-технических устройств неизмеримо ускоряются переживаниями. С ростом количества информационных взаимодействий индивидов неизмеримо возрастает количество принудительных актов совместного сознательного их взаимодействия и, стало быть, растет эффективность самостоятельной деятельности разума, его способность к освобождению и «спасению» от преходящей бренности отдельного тела в бесконечной жизни в сетях информационных коммуникаций.

Список литературы

1. Информатика: [учебное пособие] / С.М. Патрушина, О.Г. Нельзина, Н.А. Арчиди, Н.Г. Савельева. – М., Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 2004. – 416 с.
2. Информация: денотат и дефиниции [Электронный ресурс] / Г.Г. Апоян // Международный форум по информатизации и документации – 1991. – Т. 16. – № 3. – С. 3. – Режим доступа : <http://books.ifmo.ru/file/pdf/448.pdf>
3. Фридланд А.Я. Информация: обзор современных представлений о сущности и подходов к определению / А.Я. Фридланд. – Тула : Изд-во ТГПУ, 2008. – 41 с.
4. Воеводин О.П. Основи загальної теорії інформації: навчальний посібник / О.П. Воеводин, Ю.Ю. Полулях. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2013. – 224 с.
5. Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф.М. Эмери. – М. : "Сов. Радио", 1974. – 272 с.
6. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез ; [пер. М. Фуко]. – М. : «Раритет», Екатеринбург : «Деловая книга», 1998. – 480 с.
7. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М. : «Прогресс», 1988. – 464 с.
8. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; [пер. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным]. – М. : «Эксмо», 2009. – 736 с. – (Антология мысли).
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с.
10. Концепции общей теории информации [Электронный ресурс] / С.Я. Янковский. – Режим доступа : <http://inftech.webservis.ru/it/information/ar2.html>
11. Воеводин А.П. SUBSTATNTIA HUMANA / А.П. Воеводин // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2013. – Т.24 (65). – № 1-2. – С. 3-16. (Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»).
12. Теория философии / [Звездкина Э.Ф. и др.]. — М. : Филол. о-во «СЛОВО»; «Эксмо», 2004. – 448 с.
13. Губанов Н.И. Чувственное отражение / Н.И. Губанов. – М. : Мысль, 1986. – 239 с.
14. Магический кристалл [Электронный ресурс] / В.А. Илюшин. – Режим доступа : http://samlib.ru/i/iljushin_w_a/kristal.shtml
15. Перформативные механизмы социальной регуляции / Воеводин А.П. // Філософські дослідження. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. – Вип.12. – Ч.1. – Луганськ : вид-во СНУ ім. В. Даля, 2010. – С. 212-231.
16. Воеводин А.П. Ноосфера : социоцентризм versus антропоцентризма / А.П. Воеводин // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2013. – Т.26 (65). – № 5. – С. 57-65. (Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»).
17. Фреге Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Вып. 8. – М. : ВИНТИ, 1977. – С. 352-379.
18. Воеводин А.П. Становление рационально-теоретических форм в структуре художественного сознания: опыт историко-генетической реконструкции / А.П. Воеводин. – Луганск : Изд-во ВУГУ, 1996. – 194 с.

Voievodin O.P. Information and Sense // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 3-19.

The purpose of the publication is to research the system correlations of epistemological categories “information”, “knowledge”, “understanding” and “sense” in the logic description of stages changing which complicate the reflection processes and transform it into an axial vector of matter self-development. Consecutive application of principles of teleological analysis, sensationalism and socio-centrism allowed overcoming methodological drawbacks of determinism, anthropocentrism and rationalism in the interpretation of knowledge processes and it also allowed to reveal methodological insolvency of the concept “ideal” in psyche and consciousness explanation. A functional approach to understanding of information essence limits it by “packing” form of the message material carrier whereas its informative and axiological layers are interpreted by means of the category “sense”.

Key words: knowledge, information, reflection, understanding, sense, advisable activity.

УДК 32.019.5

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК МИФИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Волкогорова О.Д.

В статье рассматривается процесс этнонациональной идентификации в современных обществах, дается его авторская трактовка. Автор показывает, что этническая общность редко складывается стихийно, она, как правило, формируется целенаправленно. Механизм формирования этнической общности связан с внедрением в сознание людей различных социальных мифов – автогетеростереотипов, этнонациональных идеалов, представлений о модальной личности и др., причем эффективность этих мифов мало зависит от их соответствия реальности. Миф задает идеальное пространство нации, ее истории, национального типа характера и т.п. Человек, идентифицируя себя с общностью, находит свою сущность уже «готовой», ее остается только «примерить на себя». Этнонациональные мифы имеют вид сложно-организованных знаковых систем и могут рассматриваться как особый язык, надстраивающийся над естественным языком общности. Как наличие общего естественного языка выступает одним из важнейших объективных факторов складывания этноса, так и усвоение мифологического «языка» является необходимым условием для внутриэтнической коммуникации и интеграции. Национальная мифология в этом смысле является ключом к этнонациональному сознанию.

Ключевые слова: *этническая общность, этническая идентификация, социальный миф, политизация этничности.*

Несмотря на мощные интегративные тенденции, универсализм в нашу эпоху «недоверия к метарасказам» не вытесняет партикуляризма. Особую значимость приобрела проблема сочетания универсальных принципов и ценностей с позитивным (или хотя бы нейтральным) отношением к различиям, в том числе, этническим и национальным. Переход от рассмотрения национализма (этнического и гражданского) как противостоящего глобализации феномена к определению его как к одной из составных частей глобализации, является одним из элементов новой теоретической парадигмы.

Неприятие «транснационализма» (и, как следствие, оживление национализма) проявляется сильнее всего в обществах, вступивших на путь «догоняющей модернизации»: «вращение» в глобальную техногенную цивилизацию нередко

воспринимается ими как экономическая и культурная экспансия более развитых соседей, навязывание чуждого образа жизни. Этнонационализм является своего рода ответной реакцией на изменения, что приводит к такому явлению, как этнизация политических проблем. Модельным конфликтом наших дней стал этнический или этноконфессиональный, через который этнические, религиозные или лингвистические группы реализуют свои ценности, идентифицируют себя в период утверждения «постсовременной» цивилизации.

На уровне группы предметом анализа становится состояние этничности. Можно выделить три основных его разновидности: этнический покой, актуализированная этничность и политизированная этничность.

В состоянии покоя у большинства представителей этнической группы проблемы, связанные с ее статусом в системе этнической стратификации данного общества, с политическим и экономическим положением, с возможностями культурного развития, находятся на периферии интересов группы.

При наличии элементов социального неравенства, обусловленного этнической принадлежностью, нерешенности важных проблем, обеспечивающих нормальное функционирование этнической общности, происходит актуализация этничности. Возрастает ее значимость в структуре групповых ценностей. Этничность начинает выполнять роль механизма интеграции группы, формирования ее как «мы – общности», осознающей свою связанность общей историей, культурой, общими интересами и потребностями.

В большинстве республик бывшего СССР актуализации этничности способствовал сам факт образования независимых государств, изменение статуса многих этнических групп, одни из которых стали государствообразующими, другие перешли в положение «национальных меньшинств». В целом, актуализация этничности, свидетельствуя о пробуждении этнического самосознания группы, еще не означает ее готовности к совместным действиям. Предпосылкой таковой является политизированная этничность. Это такое состояние группы, когда она охвачена стремлением достичь политических целей, добиться для себя таких изменений в государственном механизме, которые бы обеспечивали ее интересы. Политизация этничности всегда является результатом целенаправленной «мобилизации» группы.

После работ П.Бергера и Т.Лукмана [см. 1], проанализировавших механизмы, с помощью которых индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности, социальный конструктивизм стал представлять собой теоретический «main stream». Люди создают социальные феномены, которые институционализируются и превращаются затем в традиции. Такие факты толкают исследователей к конструктивистской парадигме, которая акцентирует внимание не на «субстанции», а на отношениях, на процессах формирования и поддержания границ между этническими общностями. Получается, что этничность не воспроизводится естественным путем, а должна постоянно поддерживаться. Этническая общность рассматривается как социальный конструкт, потому особая роль в ее создании принадлежит элите, которая сознательно отбирает те культурные черты, которые используются в качестве этнических маркеров для сплочения

общности и различения ее с «чужими». Им придается смысл критериев принадлежности к этносу, при этом что-то отсеивается, а что-то принимается массовым сознанием и даже приобретает сакральный смысл.

Тем не менее, для большинства отечественных исследователей на протяжении десятилетий был гораздо ближе примордиалистский подход, согласно которому этносы и нации не только не зависят от сознания людей, существуют объективно, но и складываются под влиянием независимых от сознания объективных факторов (эндогамии, общности территории, культуры).

Думаю, чувство этнонационального единения возникает не столько стихийно (из сходного жизненного опыта, общности «крови» и «почвы»), сколько формируется целенаправленно. Вера в наличие естественных связей между членами этнической общности значит больше, чем реальное наличие этих связей. Именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса (о которой рядовой член общности может иногда иметь весьма смутное представление), единой культуры этноса (несмотря на то, что в условиях господства массовой культуры, этнодифференцирующий аспект культура имеет лишь для интеллигенции), религии (хотя речь идет в большинстве случаев о мировых религиях, и православный алеут не менее православен, чем православный русский) и т.д. По сути, этнонациональная идентификация становится своеобразным следствием «национальной агитации», когда интеллектуалы пытаются активно формировать национальное самосознание.

Тем не менее, в этих процессах конструктивизм ограничен: конструирование этнонаций только тогда бывает исторически возможным и состоятельным проектом, когда оно фундировано «в легендах и ландшафтах» [см. 3], то есть ограничено, локализовано географически и этнографически. Вряд ли можно согласиться с утверждениями радикального конструктивизма о том, что этнические границы можно произвольно сооружать и перекраивать.

Сложности, с которыми сталкиваются примордиалисты, очевидны: трудность этнонационального «приписывания» детей от смешанных браков; ситуации, когда этнические сообщества долгое время (подчас – века) проживают без этнического самосознания и, наоборот, быстрое возникновение новых этнических общностей при «вызове» извне или в результате направленного идеологического воздействия (иллюстрации этих процессов дает современная Восточная Европа); описание жизни крупных этносов и др. Конструктивистская же парадигма чрезвычайно плодотворна в случаях описания этногенеза – возникновения и развития племен, народов и наций, но сталкивается с проблемами объяснения имевшихся в истории фактов, когда, несмотря на идеологическое воздействие («этнизацию» масс), этническая общность не возникала. Менее продуктивна она и для анализа развития малых этносов и наций. Таким образом, налицо ограниченность каждого из подходов, что толкает к мысли об их взаимодополнительности.

Социальный конструкт является идеей, которая воспринимается как естественная и очевидная теми, кто ее принимает, но при этом она остаётся «изобретением», искусственно созданным культурным артефактом, принадлежащим определенной культуре. Все мы примордиалисты «изнутри», хотя

«внешняя» теоретическая рефлексия по поводу социальных процессов позволяет признать правомерность умеренного конструктивистского подхода: конструирующая деятельность элит может быть успешна лишь при наличии целого ряда объективных предпосылок и факторов. В конечном итоге, направленное воздействие элит на массы как раз и связано с таким «стихийным примордиализмом» на уровне обыденного сознания: индивид воспринимает искусственно создаваемые общности как естественно существующие.

Говоря о процессе этнонациональной идентификации, я предлагаю выделить три его основные фазы:

1. Фаза этнодифференциации, когда происходит осознание особенностей своей общности, отличий «мы» от «они». Речь идет об определении этнонима (самоназвания), мифологизации прошлого общности, ее «почвы» (территории, языка, культуры, религии).

2. Фаза выработки авто- и гетеростереотипов. В рамках данной фазы складываются представления о национальном характере, психическом складе, темпераменте типичного представителя общности. Для описания такого типичного представителя обычно используется термин «модальная личность» или «этноиндивидуальности».

3. Фаза формулирования национального идеала. Эта фаза является своего рода синтезом двух предыдущих, поскольку включает в себя не только оценку своего этноса, но и представление о его социально-исторических задачах, предназначении, а также о господствующих ценностных ориентациях, специфических для данной общности. Основной функцией национальных идеалов является интеграция общности, остальные же функции (коммуникативная, компенсаторная, прогностическая и другие) носят вспомогательный характер.

Основной формой упорядочивания социальной реальности в национальных идеологиях выступает миф. Если учесть, что спецификой мифологического мышления является неразличение реального и идеального, то очевидно, что мифологическое восприятие своей этнической общности становится ведущим в переходные эпохи: в мифе оппозиция «должного» и «сущего» стирается, общность абсолютизируется, что является эффективным психологическим стабилизатором сознания. Идентификация происходит в сравнении, в отталкивании от «соседей», в выработке общих стереотипов восприятия, причем именно миф становится основой для интерпретации происходящих событий – будь это миф об общей «крови и почве» или миф о «загадочной русской душе». Г. Гачев использует очень удачное выражение, называя национальный миф «энтелехией нации» [см. 2].

Очевидно, что современное отношение к мифам далеко от рассмотрения их как неких «иллюзий» и «заблуждений». Миф – это вечный (пока существует человек) способ упорядочивания реальности, который можно сравнить с кантовскими априорными формами, интегрирующими опыт. Социальный миф всегда содержит в себе обобщение событий, но это внетеоретическое обобщение, в котором знание и переживание не дифференцируются, они сплавлены в мифологических образах, что делает мир мифа для человека не менее реальным, чем мир вокруг него. Применительно к национально-этническому сюжету, – не так важно, насколько

стереотипы восприятия отражают реальные особенности этносов, гораздо важнее, что, приняв форму мифологем, стереотипы определяют поступки людей. Миф «переводит» отвлеченную информацию на язык действия. В конечном счете, миф дает определенную картину мира, он является коллективным верованием и чрезвычайно успешным механизмом консолидации общности. По сути, идеологии обретают жизнь в массовом сознании тогда, когда они теряют свою рациональность и начинают функционировать как социальные мифы.

Механизмы этнонациональной идентификации демонстрируют и такую традиционную для мифов особенность, как «возвращение к истокам» [см. 4]. Речь идет о выстраивании «корней» нации, конструировании «начала» национальной истории и поиска в ней «поворотного пункта» (принятие Русью христианства, освобождение от монголо-татарского ига или победа Октябрьской революции, например). Знание истории общности (мифологической истории) дает члену общности не только право быть ее репрезентантом, но и ощущение причастности к судьбе нации.

Миф задает идеальное пространство нации, ее истории, пережитых испытаний, национального типа характера и т.п. Человек, идентифицируя себя с общностью, находит свою сущность уже «готовой», ее остается только «примерить на себя». Мифические структуры упорядочивают социальную действительность в сознании человека; объяснение реальности через призму мифа позволяет «возвысить» эту реальность, увидеть в единичных событиях некую символическую логику, найти в профанном – сакральное. В результате само выделение этнонациональной общности возможно лишь при наличии исторического мифа (поэтому создание новых учебников по истории стало важной задачей для многих постсоветских стран).

Этнонациональные мифы имеют вид сложно-организованных знаковых систем и могут рассматриваться как особый язык, надстраивающийся над естественным языком общности. Как наличие общего естественного языка выступает одним из важнейших объективных факторов складывания этноса, так и усвоение мифологического «языка» является необходимым условием для внутриэтнической коммуникации и интеграции.

Этническая идентификация совпадает с мифическим структурированием действительности, в результате чего этнонация начинает восприниматься как персонифицированная ценность, как своего рода «высшая» реальность. Миф о нации отсылает нас к понятию архетипа. В процессе идентификации индивид идентифицирует себя не с реальной этнической общностью, а с мифологической, идеальной. Миф об этнонации становится глубинной правдой, освобождающейся от мелочной необходимости соответствовать конкретным реалиям. Национальная мифология в этом смысле является ключом к национальному сознанию.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; [пер. Е. Руткевич]. – М. : «Медиум», 1995. – 323 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира : курс лекций / Г. Гачев. – М. : Academia, 1998. – 430 с.

3. Смит Э. Национализм и модернизм : критический обзор теорий современных наций и национализма / Э. Смит. – М. : Праксис, 2004. – 464 с.
4. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – СПб. : Алетея, 1998. – 250 с.

Volkogonova O.D. National Identification as Mythical Structuring of Reality // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 20-25.

This article contains an original approach to the process of finding an ethnic identity in contemporary societies. The sense of ethnic unity cannot arise spontaneously, it is usually formed by ideologists. Ethnic stereotypes play a crucial role in embedding national myths into peoples consciousness, and the effectiveness of their influence is practically independent of their accuracy. The image “we” is fixed in the system of auto-stereotypes, images of other groups – in hetero-stereotypes. Perception of self and others becomes psychologically fixed – involuntarily, and often imperceptibly for an individual community member. National myths appear as sign systems with a complex organization (hierarchy of stereotypes, ideals, perceptions, evaluations) and can therefore be viewed as languages of sorts, build up above the natural language of an ethnic community. Just as the existence of a common natural language is one of the most important objective factors contributing to a construction of an ethnic unity, the learning of a mythological “language” is a necessary condition for intra-ethnic communication and integration. Thus, one can say that turning mass consciousness towards a national myth is the main method of the formation of etnonational identity.

Key words: ethnic community, ethnical identification, social myth, ethnical politicization.

УДК 1(091)+101.1+101.2

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

Суходуб Т.Д.

Классическая философия неоднократно становилась предметом критического анализа в XX веке (в философии жизни, феноменологии, экзистенциализме, «постмодернистском» проекте и др.). В статье показывается, что задачи философии, поставленные Н.А. Бердяевым, вполне можно рассматривать как программу «поворота» в философии, открывающего пути к «новой» философии, ключевой характеристикой которой становится коммуникативная составляющая. Иной «модерн» Бердяева ориентирован на совмещение абсолютного, универсального измерения бытия с жизненным, индивидуальным его измерением. Он также несёт в себе опыт личностного сопротивления репрессивности, исторические формы которой направлены на поглощение индивидуального – коллективным.

Ключевые слова: личность, индивидуальное, универсальное, модерн, «новый» модерн, свобода, коммуникативность.

Предметом исследования является классическая философия (культура философского «модерна») в критической оценке Н.А. Бердяевым роли и перспектив этой традиции в развитии философии. **Цель** исследования – на основе бердяевского понимания философской «классики» рассмотреть возможности становления «инового» модерна как основания современной культуры.

Современная философия, как и философские школы минувшего столетия, активно пересматривает философскую классическую традицию, критически оценивают «просвещенческую идеологию» и вышедшую из неё немецкую философию XIX века. Такое отношение по-своему реализовывали философия жизни и экзистенциализм, лингвистическая философия и структурализм, феноменология и «проект постмодерна», в целом пытались преодолеть законодательность, всеобщность и монологизм классического разума, его нацеленность на трансцендентальную субъективность, прививающих, как доказывалось, идеологические (не-диалогические) начала социокультурного бытия, тем самым способствующих установлению тоталитарных тенденций в развитии общества.

Пожалуй, только в «этике ответственности» или «трансцендентальной прагматике» К.-О. Апеля реализовалось возвращение к классической традиции на

основе иной интерпретации всеобщего и понимания того, что принцип универсализации, рождённый немецкими философами XIX века, вовсе не тождественен идеологической унификации (как политическому проекту века XX-го), а свойственен культуре в целом. А это значит, что категории универсального, всеобщего важны для развития и форм современной диалоговой культуры, ибо свойственны всему, что имеет значение для всех (то есть несёт в себе императивность как одно из существенных свойств, определяющих логическое содержание категории «всеобщее»). Иначе говоря, всеобщее – это не количественно одинаковое, а качественно разное, сочетающее на определённых (устанавливаемых сообществом) основаниях неравные друг другу части в некоторое целое, несущее в себе императивность всеобщего. Безусловно, в современной немецкой школе философствования рождается иной категориальный строй понимания мира; метафизическое мышление опирается на такие понятия, как «интерсубъективный консенсус», «жизненный мир», «трансцендентальная (идеальная) коммуникация», «этический универсум» и др., но при этом сохраняются и интеллектуальные достижения классики, а потому выстраивается продуктивное, работающее в современной культуре, отношение к ней.

Об этом весьма красноречиво, на наш взгляд, говорят следующие суждения К.-О. Апеля о классической философской школе: «В серьёзном мышлении, – пишет он, – мы всегда уже предположим, что наши притязания на значимость, притязания на истину и притязания на нормативную правильность должны быть интерсубъективно значимыми. Это означает, что они в принципе должны быть такими, в отношении которых можно договориться со *всеми* членами идеального аргументативного сообщества. *Это не противоречит*, как может показаться, *великим достижениям Нового времени*, а именно автономной очевидности и автономии совести отдельных субъектов, которые решаются руководствоваться собственным рассудком, как этого требует просвещение по Канту» (курсив – Т.С.) [1, с. 11]. Таким образом, круг критической настроенности нынешней философии по отношению к «классике» размыкается «возвращением» к ней, к новому её пониманию и актуализации в определённых контекстах современного философского дискурса.

Учсть этот «поворот» нам важно, прежде всего, для того, чтобы представить в новом свете идейные достижения Н.А. Бердяева: ведь стало уже общим местом отмечать персонализм, экзистенциализм, нацеленность его философии на дух, бытие, свободу, но рассматривать эти особенности в контексте почти исключительно историко-философского процесса. Но ведь нужно увидеть и другое – поставленные мыслителем перед философским знанием задачи, по сути, определившие «программу» становления важной для современного человека культуры иного модерна, преодолевающего репрессивность «всеобщих» идей за счёт выдвинутого философом принципа «коммунарности». При таком подходе категория всеобщего сохраняется, но рождается уже не как абстрактная идея, навязываемая властвующими идеологическими силами в нужном для них аспекте, а разворачивается как основополагающий для сообщества принцип складывающихся отношений между людьми на основе формирующейся культуры диалога.

Именно этот аспект «новой» философии просматривается в работе Н.А. Бердяева «Моё философское мирозерцание», носящей резюмирующий характер и призванной прояснить основополагающие авторские идеи. В частности, акцентируется внимание на необходимости переориентации традиционной для философии теории познания на «социологию познания», увязывающую знание и социальные контексты его существования и востребованности, так как именно этому направлению «...надлежит установить связь между познанием, с одной стороны, проблем общества и общности (Gemeinschaft), коммуникацией и общения, с другой» [2, с. 20]. Классическое философское знание мыслитель связывает с «объективированным познанием», т.е. ориентированным на объект и пренебрегающим как «погрешностью» субъективностью знания и познания (почитаемый Бердяевым Кант, поставивший вопрос о человеческой активности как условии познания, здесь исключение). Отсюда вытекает перекокс «классики» в сторону общего, понятийного (не смыслового), систематического и детерминированного, влечёт за собой игнорирование принципиально асистемных начал познания и бытия – свободы, творчества, личности.

В противовес этому Н.А. Бердяев ставит перед собой задачу показать, что философия является «...познанием смысла бытия через субъект. Субъект экзистенциален. В объекте, напротив, внутреннее существование закрывается. В этом смысле философия субъективна, а не объективна» [2, с. 19-20]. Он считает, что классическая философская традиция имеет дело с объективированным познанием, которое «всегда имеет дело с «общим», а не с «индивидуальным», поэтому объективированная метафизика, основанная на системе понятий, невозможна» [там же, с. 20]. Иначе говоря, метафизика обязана быть субъективированной, нацеленной на понимание связей человека с другими, на культивирование не столь значений (понятий о чём-либо), сколь смыслов (определения человеком как личностью своих жизненных задач). Такой подход как бы «запрограммирован» спецификой философии, ведь «философское познание, – поясняет Бердяев, – не может абстрагироваться от человеческого существования, для постижения одной и той же истины здесь необходима духовная общность» [2, с. 20].

Согласно этой же логике, философ определяет философию как «науку о духе», которая в таком статусе является «наукой о человеческом существовании»; подчёркивает субъективность философии, её связь с «духовным опытом» человека; говорит применительно к философскому знанию о необходимости замены понятия объекта понятием «объективации». Последний термин, согласно Бердяеву, должен подчеркнуть расщеплённость положения человека, вытекающую из пограничного существования между природным, социальным и духовным мирами. Если понятие объекта лишь фиксирует противопоставление чего-либо человеку как субъекту, т.е. пассивного начала деятельности активному началу, то объективация – понятие, выказывающее принуждение человека к пребыванию в чуждом его экзистенциальному «я» (духу) мире. В толковании объективации философ часто употребляет понятие «выбрасывание». Им автор подчёркивает процесс отчуждения духа человека вовне, в мир, где действуют иные законы, где происходит подчинение его духовного «я» причинности, рационализации, социальной

необходимости, внешнему принуждению – всему тому, что вытекает из неподлинного феноменального мира, не связанного с личностью духовными связями.

Таким образом, принимая навязанную внешними обстоятельствами социальную необходимость, человек обрекает себя на потерю собственного «я». Не учитывать процессы объективации в «социологии познания», согласно Бердяеву, недопустимо, так как между объективацией и процессом познания наблюдается прямая связь. «Существуют разные ступени познания и соответствующие им ступени объективации. Чем более объективировано познание, чем дальше оно от человеческого существования, тем больше его общеобязательность. Эта логическая общеобязательность имеет социальную природу. Логическая общеобязательность объективированного познания связана с низшей ступенью духовной общности людей, основанной на коммуникации» [2, с. 20]. Следовательно, как можно предположить, субъективированное познание также несёт «общеобязательность», но при этом призвано подниматься к более высокой ступени общности людей, отражающей коммуникацию иного порядка, нацеленную на духовное измерение бытия, на восприимчивость к ценностям.

Чтобы представить эту принципиально иную коммуникацию, Н.А. Бердяев вводит в обращение понятие «коммунотарности», сопоставляя его с коллективизмом, характерным для идеологически (абстрактно, односторонне) интерпретируемой современной культуры. Согласно его объяснениям, «коллективизм всегда утверждается через насилие над человеческой личностью. Коммунотарность и соборность всегда признают ценность личности и свободу. *Коммунотарность есть духовное качество людей, общность и братство в отношениях людей*, и она совсем не означает какой-то реальности, стоящей над людьми и ими командующей. <...> Коммунотарность обозначает *качество* личной совести, которое *не может быть замыканием и изоляцией*» (курсив – Т.С.) [3, с. 95].

Такое видение философии в аспектах сопряжённости классической её формы с новейшей, на наш взгляд, могло бы послужить добрым уроком современным философам. Так как весь этот «круг» критики и обновления классики, растянувшийся на столетие, в сжатом виде уже имел место в творчестве Н.А. Бердяева. В какой-то мере интерпретация «германской философии», осуществлённая им, может служить «праформой» критического анализа и отношения к философской классике. Философ понимал, что универсальное, всеобщее определяют в качестве культурных начал существование любого общества во все времена, и что вне актуализации, в частности, кантовской регулятивной идеи как нормативного принципа невозможны ответственные человеческие действия вообще. С другой стороны, Н.А. Бердяев, персонифицируя, экзистенциализируя своё философское учение («философия с необходимостью антропологична и антропоцентрична»), тем не менее, приходит к необходимости актуализации коммуникативной составляющей философской рациональности. Правда, автор обращается здесь ко всеобщему не в аспекте классического монологизма, «провозглашающего» общезначимые идеи, а утверждает всеобщее уже в духе постклассического диалогизма, учитывающего такое начало бытия как

личность (отсчёт от которой, по его мнению, выстраивает, собственно, как культуру, так и общественность). Бердяев поясняет, почему исходным началом всего в мире людей должна выступать именно личность, исходя из диалектики части и целого: «Индивид есть часть природы и общества. *Личность не может быть частью чего-то: она есть единое целое*, она соотносительна обществу, природе и Богу» (курсив – Т.С.) [2, с. 21].

Отсюда философ выводит и принципиально разное понимание категории «мы» при ориентации на принципы коллективизма и коммюнитарности, соборности. «Мы» в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность. Он носит механистически-рациональный характер. Объективация страстей, интересов, ненависти людей и групп может принять форму коллектива» [3, с. 94]. Различая таким образом в объединениях людей «сборность» и «соборность», философ исходит из понимания необходимости взаимодействия, взаимоотношения людей, преодоления субъективных границ (как бы люди внутренне не отгораживались друг от друга, оберегая свою уникальную нетождественность с другими или, напротив, как бы ни пытались нивелировать друг друга в желании видеть некоторое групповое «единство»). В этом отношении «философская вера» Н.А. Бердяева демонстрировала надежду на то, что человек может изменяться, воспитывать себя (буквально – питать себя определёнными ценностями). Ведь, уверяет философ себя и нас, «человек призван быть не убийцей, а воскресителем. И за воскресителем стоит сила большая, чем человеческая. Я верю в возможность *изменения сознания, переоценки ценностей, духовного перевоспитания* человека. И *иному сознанию* предстанет и *иной мир*» (курсив – Т.С.) [4, с. 179]. Эту тягу к иному человеку, занимающему место в ином мире, большей частью благодаря изменившемуся в нём сознанию, демонстрирует личный жизненный опыт философа.

Философия была для Н.А. Бердяева «актом жизни», вызванным, как представляется, с одной стороны, пониманием чрезвычайной хрупкости культуры, а, с другой – желанием все силы отдать делу культуры. «Классический стиль культуры невозможен среди цивилизации, – утверждал он. – И все лучшие люди культуры в XIX веке были романтиками» [5, с. 170]. Однако, всё-таки особую надежду мыслитель возлагал на действенность такой человеческой характеристики как «воля к культуре», понимая необходимость, незаменимость культуры как пути личностного человеческого роста. Философ принял романтическое мироощущение, считая, что в истинном своём проявлении романтизм представляет собой «... томление человеческой души по вечно ценному» [6, с. 36], без чего невозможно никакое творческое призвание, в том числе и призвание философа. Именно поэтому Н.А. Бердяев утверждал, что «метафизическое творчество в философии тоже, пожалуй, романтизм и романтизм вечный по своему соответствию сокровеннейшим запросам человеческого духа» [там же, с. 37-38].

Из этого же беспокойства о культуре рождается и тревога мыслителя по поводу недостаточного внимания общественности к формированию культуры философского мышления. В своей «веховской» статье Бердяев отмечает «консерватизм» и «косность» среды «интеллигентщины», которые удивительным

образом, соединяются с вниманием к «последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко» [7, с. 24]

Это наблюдение в значительной мере, на наш взгляд, предопределило стиль философского дискурса Бердяева. Так, с одной стороны, философа вдохновляет кантовский призыв к человеку – иметь «мужество пользоваться собственным умом», он определяет своё учение как «философию духа», подчёркивая её дуализм и близость к Канту. «Это есть дуализм духа и природы, свободы и детерминации, субъекта и объективации, личности и общего, царства Бога и царства Кесаря. В этом я чувствую себя ближе к Канту, чем к монистическому немецкому идеализму начала XIX века» [2, с. 19]. А, с другой стороны, Бердяеву дано было пережить в конкретной истории трагедии, отражающие действие эпохальных идей в малокультурном их преломлении, преобразующих мир отнюдь не гуманно. Неудивительно, что в этих обстоятельствах его оценка революций как крайних вариантов общественных трансформаций звучит как приговор. «Революция – дитя рока, а не свободы. <...> Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества» [3, с. 130].

Таким образом, вопреки тенденции невнимания к философской традиции, её истории, Н.А. Бердяев актуализирует в своих текстах философскую классику, размышляя о перспективах зарождения на этой основе ростков «новой» философии, преодолевающей её ограничения и развивающей перспективные идеи. Неслучайно (особенно в пред- и послереволюционный периоды творчества) Бердяев много пишет для периодической печати, переосмысливая пути и перепутья философских идей [см.: 6; 8–11]. Связывая таким образом философскую «классику» и «неклассику» (вплоть до публицистики), Бердяев подчёркивал особую роль в становлении его мировоззрения и социальных взглядов И. Канта, К. Маркса, Ф. Ницше.

Что касается Ницше (практически непонятого современниками, да и позже ложно интерпретируемого массовым сознанием его соотечественников), то Бердяев видит философа «зрелыми» очами, предугадывает ситуации некультурного восприятия ницшеанских идей «человеком массы» как главным персонажем грядущей истории. «Германский милитаризм – окончательная победа стадности, окончательная гибель индивидуальности, торжество того духа, против которого выступал Заратустра» [9, с. 57].

Н.А. Бердяев одним из первых делает критический анализ философии Просвещения, по-своему трактуя смыслы эпохи, её задачи и последствия. В отличие от современных «постмодернистов», он попытался сохранить основание, вне которого культура как культ человечности разрушается. Речь идёт об ориентации на категорию вечного, ценностно общезначимого во все времена. Так, философ пишет: «Мы не можем уже верить в теории «прогресса», которыми увлекался XIX век и в силу которых нарождающееся будущее всегда должно быть лучше, прекраснее и отраднее прошедшего. Мы более склонны верить, что лучшее, прекрасное и отраднее находится в вечном, а не в будущем, и что было оно и в прошлом, насколько прошлое приобщалось к вечному и творило вечное» [11, с. 21-22].

Однако вновь нельзя не отметить, что Бердяев никогда не работает в стиле зряшного негативизма, отрицания ради самого отрицания, вне обращённости к утверждению и действию. Так, подчёркивая своё скептическое отношение к одной из главных просветительских идей – прогрессу, философ ищет в ней иное содержание. По его мнению, для того, чтобы развитие действительно было прогрессивным, необходимо внести в теорию развития телеологический принцип. «Прогресс есть движение сущего по направлению к должному, есть торжество должного в сущем. Другого смысла прогресс иметь не может, и в философии прогресса мы должны вернуться к великим идеалистам прошлого, особенно к Фихте...» [6, с. 27]. По сути, Бердяев и тут подчёркивает значение культуры как особого измерения бытия, ориентированного на должное, считая, что вне самоопределения человека через культуру, в том числе и культуру философского мышления, всякое социальное развитие теряет смысл.

Итак, в критике классической философии Н.А. Бердяев, в отличие от школ XX века, не пытался найти контрпонятия разуму (хотя они и были – экзистенциально понятая «свобода», «воля к культуре»). Мыслитель искал пути к новой (коммюнитарной) философии и иному модерну, совмещающих всеобщее, универсальное, должное и автономное – с личностным, жизненным, экзистенциальным и индивидуальным.

Список литературы

1. Апел К.-О. Дискурсивна етика як політична етика відповідальності в ситуації сучасного світу / К.-О. Апел ; [пер. А. Єрмоленка] // Дискурсивна етика : політика і право. – К. : Український філософський фонд, 1999. – 74 с. – С. 5-22.
Apel K.-O. Diskursethik als politische Verantwortungsethik in der gegenwärtigen Weltsituation / К.-О. Апел // Ethik und Politik heute. Verantwortliches Handeln in der technisch-industriellen Welt. – Opladen : Leske+Budrich, 1990. – S. 37-55.
2. Бердяев Н.А. Моё философское миросозерцание / Н.А. Бердяев // О русской философии / [сост., вступ. ст. и примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова]. – Ч. 1. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 288 с. – С. 19-25
3. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев // Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 349 с. – (Философия. Психология). – С. 5-142.
4. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи / Н.А. Бердяев // Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения / [сост. и послесловие В.Г. Безносова, примеч. Е.В. Бронниковой]. – СПб. : РХГИ, 1996. – 384 с. – С. 156-326.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М. : «Мысль», 1990. – 175 с.
6. Бердяев Н.А. Борьба за идеализм / Н.А. Бердяев // Sub Specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные (1900 – 1906) / [сост. и коммент. В.В. Сапова]. – М. : Канон+, 2002. – 656 с. – (История философии в памятниках). – С. 10-43.
7. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей. 1909-1910 / [сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева]. – М. : «Молодая гвардия», 1991. – 462 с. – С. 24-42.
8. Бердяев Н.А. Кризис рационализма в современной философии / Н.А. Бердяев // Sub Specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные (1900 – 1906) / [сост. и коммент. В.В. Сапова]. – М. : Канон+, 2002. – 656 с. – (История философии в памятниках). – С. 326-341.
9. Бердяев Н.А. Ницше и современная Германия / Н.А. Бердяев // Футуризм на войне (Публицистика времён Первой мировой войны). – М. : Канон+, 2004. – 384 с. – (История философии в памятниках). – С. 53-60.

10. Бердяев Н.А. К спорам о германской философии / Н.А. Бердяев // Там же. – С. 72-79.
11. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса (к современному кризису культуры) / Н.А. Бердяев // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии / [под ред. Н.А. Бердяева и при ближайшем участии Л.П. Карсавина и С.Л. Франка]. – Берлин : б/н., 1923. – С.21-46.

Sukhodub T.D. Classical Philosophy in Critical Discourse of N.A. Berdyaev // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 26-33.

Classical philosophy has become the subject of critical analysis in the twentieth century (in the philosophy of life, phenomenology, existentialism, “postmodernism” project and others). The article shows that the task of philosophy, that was appointed by NA Berdyaev, can be considered as a “turn” program in philosophy, that opens the way to the “new” philosophy, and its key feature becomes the communicative component. It is emphasized that NA Berdyaev NA defines philosophy as “the science of the spirit”, which, in this status, is “the science of human existence”; points out the subjectivity of philosophy, its relationship with the “spiritual experience” of a man; says in relation to philosophical knowledge of the replacing the concept of the object by the concept of “objectification”. The latter term, according to Berdyaev, shaded must emphasize the split human state, which follows from the existence between the natural, social and spiritual worlds. If the concept of the object only fixes the opposition anything man as a subject, ie, passive inception active principle, the objectification is a concept which evinces enforcing man to stay in the alien to his existential “I” (spirit) world. Other “modern” of Berdyaev is focused on the combination of absolute, universal and individual dimensions of being; it has the personal experience of repression resistance, which historical forms are aimed at the absorption of the individual shapes by the collective ones.

Key words: personality, individual, universal, modern, “new” modern, freedom, communication.

УДК 141.201

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПНОЙ ФУНКЦИИ БИОСФЕРЫ В КОНЦЕПЦИИ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Солодухин Д.В.

Духовно-интеллектуальные качества личности, в том числе творческие способности, интуиция и нравственность, рассматриваются как продукт эволюции биосферы. Становление ноосферы предстаёт сквозь призму эволюционного развития человеческого разума – в широком смысле. При этом все основные сущностные характеристики человека предстают как проявление жизни, неотделимой от рационально-иррационального взаимоперехода, обусловленным обменом энергией Земли и Солнца.

Ключевые слова: *диалог когнитивных практик, эволюция, человек, биосфера, ноосфера, персоналистский подход, рационально-иррациональный взаимопереход*

В понимании В.И. Вернадского человек по определению есть часть «живого вещества» и шире – биосферы. Последняя представляет собой оболочку Земли, связанную с жизнью, «планетное явление космического характера», пронизываемое космическими излучениями, особенно от Солнца (любые изменения на Солнце и в космосе – и новый тип человека!). Биосфере свойственна органичность и внутренняя организованность. Жизнь – во всех её формах воздействует на неживое «косное вещество» и меняет его. Значение человека настолько велико, что он способен целенаправленно изменять даже саму биосферу. Излишне говорить, что человеческая личность рассматривается в неразрывном единстве с природой, как её органическая часть.

В антропогенезе принципиальным является человеческий разум, познающий и преобразующий мир. Уже самим фактом своего возникновения разум возводит биосферу в новое эволюционное состояние – ноосферу. Вне всякого сомнения, последняя коррелирует с прогрессом научного знания. («Ноосфера – биосфера, переработанная научной мыслью» [см. 1, с. 471].) Причём, в «зрелых» состояниях это – прежде всего, творческий научный разум, не сводящийся к дискурсивно-логическим компонентам.

Для Вернадского интуиция и творческое научное познание есть неотъемлемое проявление биосферы и результат её эволюции. Дискурсивный разум, да и сам человек – проходящий; вид *homo sapiens* не является вершиной эволюции. Ноосфера предполагает определённую духовную и даже биологическую трансформацию

самого человека, который, как и его мозг, «не есть “венец творения”» и «не может быть конечной, максимальной формой проявления жизни» [1, с. 545].¹

Все сущностные человеческие характеристики – в том числе, развитие когнитивных способностей – подвержены тем же самым законам эволюции, что и биосфера. В этом смысле разум, логика, наука и научное творчество, равно как и все иные формы духовного освоения реальности есть не только плод сугубо человеческой деятельности, но также закономерный этап и неотъемлемая характеристика самой жизни, биосферы.

Но не в меньшей степени ноосфера связана также с человеческой *личностью* и «энергией человеческой *культуры*», то есть не сводится к одной лишь рационально-логической составляющей, как не сводятся к ней личность и культура. К тому же наука сама обусловлена не только интеллектуальной и вербальной деятельностью человека, но также биологическими моментами – его психофизической организацией (структурами мозга). В этом смысле переход на новую эволюционную ступень может быть связан со своего рода «преодолением» существующего ныне Homo sapiens с его разумом либо трансформацию самого разума. «В порядке десяти тысячелетий – читаем у Вернадского, – *изменение мыслительного аппарата человека может оказаться вероятным и даже неизбежным*» [1, с. 545]. Думается, здесь речь идёт о новой антропологической ступени: в лице человека эволюционирует сама *биосфера*... Конечно, подразумевается не столько о возникновение чего-то принципиально нового, сколько дальнейшее развитие ноосферы, которое, среди прочего оказывается связанным также с эволюционированием самого человека, его мозга.

Вероятно, предполагаемая эволюция должна идти по пути актуализации духовно-интеллектуальных способностей и возможностей человека, в том числе за счёт развития рационально-иррационального обмена.

Речь не только о расширении внутренних потенций разума (в том числе преодолении «узких мест» рационалистической логики). Вернадский как бы намекает: на смену человеку может прийти своего рода «сверхчеловек», обладающий несравнимо большими когнитивными способностями. Точнее, одно не исключает другого, поскольку освоение новых внутренних ресурсов личности, в том числе нравственных и религиозных аспектов, в каком-то смысле уже означает восхождение на новую антропологическую ступень. В любом случае применительно к человеку признаётся то, что в своём развитии он не застыл, а продолжает эволюционировать.

Подобное «когнитивное расширение» само по себе является необходимым, но не достаточным условием развития высших форм жизни в биосфере. Ноосфера обязательно предполагает не только научно-творческий, но не в меньшей мере *нравственный* компонент. В отличие от ницшеанского *Übermensch'a*, как бы преодолевающего традиционную мораль, ноосферный человек русского мыслителя не только различает добро и зло, но и по большей части устремляется к первому, стараясь избежать второго. Нравственность для Вернадского неслучайна: как и

¹ Здесь и далее в цитатах подчёркивание моё, жирный курсив В.И. Вернадского – Д.С.

разум, она есть порождение жизни и ноосферы. Ср.: «"Добро" и "зло" есть также создание ноосферы, как и всё другое... В *ноосфере* решающим и определяющим фактором является *духовная жизнь человеческой личности*» [1, с. 532, 632]. Таким образом, изменение психофизической организации человека (прежде всего, мозга) обязательно должно сопровождаться его ментально-нравственным совершенствованием. Словом, подразумевается целостное «преображение» личности.

Согласно Вернадскому, способность к расширению широты охвата и глубины анализа напрямую зависят от степени и глубины *прочувствования* исследователем изучаемой проблемы. Заметим: речь идёт о живом интуитивном чувстве непосредственного переживания. На это мог обратить внимание лишь человек, которому это чувство было хорошо знакомо по собственному опыту [см. 6].

Стоит подчеркнуть, что русский учёный не был иррационалистом. Здесь, скорее, действует принцип взаимодополнительности. Вернадскому был опытно ведом и близок взаимообмен рационального и иррационального, как для биосферы в целом одной из важнейших её характеристик является живительный обмен энергий Земли и Солнца. Логика структурирует научную мысль – как в естественно-математических, так и в гуманитарных науках. Именно науку учёный позиционирует как наивысшую форму познания, как универсальный язык, на котором только и можно говорить о реальности. Он подмечает также, что сама эта «мало отражающаяся» в логическом аппарате сфера восприятия связана с социальным строем и шире – со строением биосферы и ноосферы. (Рациональное сознание человека, как и ноосфера, есть функция биосферы; «наука есть создание *жизни*» [1, с. 482].) Деятельность мозга человека связана с дискурсивным логическим мышлением. Сама научная рациональность увязывается Вернадским с существованием человеческой личности. Существование человека и научный разум – корреляты. Рациональность является одним из фундаментальнейших атрибутов бытия человека и общества: причём не только когнитивной характеристикой, но также созидающим личность онтологическим фактором, значение которого трудно переоценить.

Впрочем, личность превосходит свою рационально-логическую составляющую, и значение рационального дискурса не стоит переоценивать. Кроме того, разум Вернадский понимает не только как аппарат мышления, но включает сюда также «*все духовные проявления личности человека*» [1, с. 632].

Учёный словно намекает на иной тип знания – практически-непосредственное, интуитивно-обыденное, «бытовое» знание, которое по своим характеристикам и направленности отличается от знания научного, но в известном смысле в чём-то не менее авторитетно, чем наука. «Мы видим и знаем, – читаем русского учёного, – «но знаем бытовым, а не научным образом, что *научная творческая мысль ВЫХОДИТ за пределы логики* (включая в логику и диалектику в разных ее пониманиях). Личность опирается в своих научных достижениях на явления, *логикой* (как бы расширено мы ее ни понимали) *не охватываемые*» [1, с. 598-599]. Религию и искусство мыслитель рассматривал как проникающие в самые глубины человеческой личности, которые науке недоступны; обе они незаменимы в

постижении жизни. По-видимому, Вернадский подразумевает трансформированию самой рациональности. (Что, конечно, вовсе не исключает «перехода» на новый антропологический «уровень» в ноосфере.)

Итак, когнитивные аспекты у Вернадского оказываются связанными с эволюционными; познание является целостным процессом и сопровождается трансформацией личности. Говоря о появлении *Homo sapiens* как о новом этапе эволюции биосферы, о научной мысли как геологическом, т.е. объективном, явлении и его связи с возникновением ноосферы, учёный связывает воедино познание и бытие. В этом смысле ноосфера представляет собой новый этап в развитии живого вещества природы.

Когда говорят о понятии ноосферы у Вернадского, то нередко заведомо вносят искажения. Общим местом стало отождествлять ноосферу с техносферой либо с культурой. В обоих случаях подразумевается исторически преходящая форма. Даже если при этом не исключается экологический ракурс, а также осмысление человека в контексте живой природы и в связи с нею, не учитывается нечто принципиальное. То, что учёный писал о возможности ноосферного этапа планеты, совсем по-другому прочитывается, если иметь в виду его личность (такой подход В.М. Розин назвал персоналистическим). В конечном итоге, для русского учёного огромную роль сыграло **чувство живого**. Вероятно, в том числе и поэтому физическую картину Космоса, имеющую дело с «косной материей», мыслитель рассматривал лишь как *один из способов описания* реальности, сам по себе недостаточный *вне связи* с элементом живого.

Думается, Вернадского можно рассматривать как предтечу эволюционной эпистемологии, рассматривающей жизнь как процесс познания, а познавательный аппарат – как результат коэволюции природных и социокультурных факторов. (Правда эволюционная эпистемология сделала акцент на наивном биологизме.) Её главный тезис сводится к допущению, что люди, как и другие живые существа, являются продуктом живой природы, результатом эволюционных процессов, и в силу этого их когнитивные и ментальные способности и даже познание и знание (включая его наиболее утонченные аспекты) направляются в конечном итоге механизмами органической эволюции. При этом все когнитивные способности человека не просто обусловлены всем ходом эволюции, но релевантны в познании мира живой и неживой природы, в том числе тонких ментальных состояний [3, с. 39-40, 55-56, 169-176, 245]. Здесь дискурсивные и интуитивные способности человеческого разума оказываются востребованными в равной мере. Существенно, что в отличие от многих других эпистемологических школ и направлений, эволюционная эпистемология исходит из предположения, что биологическая эволюция человека не завершилась формированием *Homo sapiens*. (В этом смысле формируемое системой ЕГЭ «тестовое мышление», существенно суживающее познавательные и особенно творческие способности массового человека, самим фактом своего возникновения губящее интеллект, представляется не просто бесперспективным, но в эволюционном ракурсе вообще оказывается деградацией и шагом назад [см. 2].)

В.С. Стёпин оценивает В.И. Вернадского как *предтечу постнеклассической методологии*, который близко подошел к идее самоорганизации. В самом деле, ряд положений русского учёного оказываются созвучным универсальному эволюционизму современной науки, в частности, синергетической парадигме с её идеей коэволюции организмов и экосистем, приведшей впоследствии к социокультурной эволюции [см. 7].

Особенно актуальными «эволюционно-антропологические» размышления Вернадского представляются в контексте проблемы искусственного интеллекта, «трансгуманизма» и «постгуманизма» [см. 5], поисков бессмертия (в том числе через соединение человека с машиной), целого ряда негативных последствий формируемого т.н. «тестового мышления», способного в лучшем случае лишь к репродуктивной функции и, как правило, неспособного к творчеству. Словно бессмертие техногенного «машинчеловека», почти лишённого способности творить, чувствовать, сострадать. Бессмертие для «господ Земли» и «неразмывающее мышление» для остальных. «Новый мировой порядок» и рационалистическое «новое мышление» коррелируют? Вспоминаются замятинские люди, строившие межзвёздный корабль «Интеграл», бредбериевские неразмывающие техносферные земляне, страшась книги больше огня, и почти забытая песенка времён Перестройки «Компьютер» с её проблемой угрозы превращения человека в вычислительную машину.

Любое расширение возможностей и способностей человека исключительно за счёт научно-технических достижений вне связи с духовно-нравственным развитием личности, в том числе внутренних потенций целостного разума, является односторонним, в лучшем случае лишь организованным, а не органичным, а потому губительным, прежде всего, потому, что игнорирует «экологию духа». Конечно, это вовсе не означает ненужности научно-технического прогресса; оно важно, но само по себе недостаточно без внутреннего преобразования человека, рационально-иррационального обмена, вне связи с природой и обмена энергией Земли и Солнца. Личность либо трансцендирует, либо деградирует. Предостережения «Матрицы» и Оруэлла по-прежнему современны. Как, впрочем, и обращённые к человеку призывы, символы и предостережения «Апокалипсиса».

Список литературы

1. Научная мысль как планетное явление [Электронный ресурс] / В.И. Вернадский // Избранные труды / [сост., авт. вступит. ст. и комм. Г.П. Аксёнов]. – М. : РОССПЭН, 2010. – 742 с. – Режим доступа : <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html>
2. Тестовое мышление губит интеллект [Электронный ресурс] / А. Зверев // Официальный блог «Учительской газеты». 13.05.2010. – Режим доступа : <http://uchitel-gazeta.livejournal.com/11426.html>
3. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
4. Культурологические исследования. Проблемы культурологии. Античная культура. [Электронный ресурс] / В.М. Розин. – Режим доступа : <http://www.park.futureussia.ru/upload/iblock/c97/trvlg%20%20vfq%20.pdf>
5. Идея постгуманизма и трансгуманизма [Электронный ресурс] / Е.А. Сакирко // Художественная культура. Электронный рецензируемый научный журнал. ISSN 2226-0072. –

2011. – № 1. – Режим доступа : <http://sias.ru/magazine/vypusk-1/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html>
6. Солодухин Д.В. Наука как жизнетворчество. Заметки на полях интеллектуальной биографии В.И. Вернадского / Д.В. Солодухин // Человек. – 2013. – № 6. – С. 139-146.
7. Стёпин В.С. Теоретическое знание / В.С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

Solodukhin D.V. To the Issue on the Anthrop Function of Bioshere in the Vernadskiy Conception // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 34-39.

V.I. Vernadsky is regarded as the forerunner of evolutionary epistemology, considers life as a process of learning and cognitive apparatus - as a result of co-evolution of natural and socio-cultural factors. True evolutionary epistemology emphasizes the naive biologisms. Its main thesis is the assumption that humans, like other living things, are products of nature, the results of evolutionary processes, and therefore their cognitive and mental abilities and even knowledge and knowledge (including the most delicate aspects) are directed by mechanisms of organic evolution. Thus all human cognition is not simply caused by the whole course of evolution, but is relevant to understand the world of animate and inanimate nature, including subtle mental states. Moral and intellectual qualities of person, including creative abilities and intuition are considered to be biosphere's evolutional product. Forming noosphere is interpreted from the "prism" of human reason (in its wide meaning) development. All essential human features are defined as manifestations of life, inseparable from rational-irrational interchange and the interchange between Sun and Earth.

Keywords: the dialogue of cognitive practices, evolution, human being, biosphere, noosphere, personalistic approach, rational-irrational mutual conversion.

УДК. 1(091)

ТЕЛЕОЛОГИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Зарапин О.В.

В статье ставится вопрос о взаимосвязи предмета и метода познания в истории философии. Выделяются и сравниваются телеологическая и генеалогическая модели деятельности историка философии. Телеологическая модель раскрывает исторический характер философской мысли в виде связи идей прошлого и настоящего, чем обеспечивает исследователя задачей построения историко-философской системы. Генеалогическая модель предлагает иное решение проблемы, здесь философская идея связывается с тем дофилософским источником, из которого она произрастает и реальность которого она символически обнаруживает. Создаваемый генеалогией смысл прошлого и настоящего не совпадает с привычной нам хронологической картиной истории как процесса продвижения вперед. В генеалогическом смысле настоящее фиксирует любое время, когда философия уже есть и выступает в роли культуры, основанной на деятельности интеллектуальной объективации. Философское настоящее – это время, в котором мы наблюдаем выход мысли за пределы приватной интеллектуальной жизни человека и ее превращение в идею, ставшую предметом публичного внимания. Прошлое в таком случае – это не время оставленное позади настоящего, а сопутствующая философской разьединенности идеи и личности глубина их взаимопроникновения. Генеалогическая модель исходит из тезиса, что в качестве исторического феномена философская идея не связана с предшествующей, она указывает на пространство, под-лежащее философскому умозрению, где интеллектуальный опыт еще не выразил себя на всеобщее обозрение в виде учения и является способом внутренней жизни человека. Эта интерпретация истории может быть изображена картиной множества повторяющихся Событий. Друг от друга их отличает только набор культурных представлений, в терминах которого человеческая мысль выражает себя во внешнем мире и становится философской. В этом плане мы не можем сказать, что учение древних философов было наивной попыткой проникновения в законы природы, о которых сейчас мы знаем больше и лучше них. События интеллектуальной жизни воспроизводятся друг в друге и могут быть поняты как различные вариации гипотетического Прото-события. Специфику генеалогического подхода отражает парадоксальная вера в то, что философская мысль обладает сущностью исторического явления даже при условии, что она принадлежит

единственному философу в мире и у этой мысли нет ни предшественников, ни последователей.

Ключевые слова: телеология, генеалогия, система, интерпретация, история философии.

Объектом исследования выступает предметная реальность историко-философского познания. **Цель** исследования – сравнить телеологическую и генеалогическую модели предметной реальности историко-философского познания.

Что представляет собой предмет историко-философских исследований? На этот вопрос есть, как минимум, два ответа. Данный гегельянством ответ – история самопознания разума – в марксизме переосмысливается таким образом, что мы имеем дело с качественно новой версией взаимодействия философской мысли и исторической жизни. Для гегелевской традиции, одного из самых ярких и влиятельных образцов классической школы, характерна убежденность в том, что история и философия органически взаимосвязаны и что именно историческое своеобразие времени, которому принадлежит философ, дает ему ответ на вопрос кто он и зачем призван к своему делу. Маркс впервые продемонстрировал альтернативную возможность говорить о философии так, что она не распоряжается собой и посредством идеологического механизма вписана в функциональность исторического процесса, сама не понимая собственного предназначения.

Марксистское видение историко-философской реальности исходит из подозрения, что это, строго говоря, вообще не реальность, а поверхностное отражение процессов, скрытых от глаз профессиональных интеллектуалов. В этом подозрительном отношении к непосредственности, с какой философ воспринимает себя в истории, заложена важнейшая для современности тональность, раскрывающая логику и методологическую специфику историко-философских исследований, оппонирующих гегелевской концепции.

Гегелевская позиция сегодня более чем уязвима и воспринимается скорее как образцовый раритет классической культуры, нежели источник реальной и продуктивной интеллектуальной силы. Чтобы занять такую позицию, предварительно нужно вооружиться аргументами против мысли о том, что в истории философии существует поверхность и глубина и что на поверхности мы наблюдаем искаженные или, другими словами, зашифрованные знаки нефилософской деятельности человека. Современная история философии пронизана редуционистскими настроениями, в которых всякая философская идея и учение априорно воспринимается как несамодостаточное образование или как знак, отсылающий к обозначаемому, скрытому от философского самосознания.

Весьма показательным в этом отношении примером служит влияние психоанализа и его методов, разработанных в начале XX века З. Фрейдом. Симптоматичным представляется сам по себе факт проникновения в философскую культуру чужеродных ей по содержанию и предназначению элементов, что было немислимо в эпоху классического представления о философском разуме как автономной и самовоспроизводящейся структуре. Феномен философского творчества психоаналитически расшифровывается как попытка компенсировать

невротическое переживание. Психически здоровый человек никогда не станет философом, потому что в его жизни нет ничего патологического, что нужно было бы уравновесить творческим. Философская идея является вовсе не признаком интеллектуальной одаренности человека и не открывается душе, умеющей отделять себя от телесного мира чувственных восприятий, как это представлял Платон. Она всего лишь способ косвенно видеть то, что напрямую увидеть нельзя. Нельзя напрямую видеть собственный невроз, как учит психоанализ, он скрыт в глубинах бессознательной жизни человека, но при этом проявляется в знаках не только сновидения, но также и интеллектуального творчества. Расшифровать эти знаки, осознать, что стоит за ними и проявляет себя таким косвенным образом – значит соединить герменевтику как искусство толкования с терапией. Ключевое понятие здесь – искусство толкования и было бы ошибкой в отношении него считать психоаналитический подход наиболее репрезентативным, скорее он играет роль, выражаясь словами П. Рикера, прививки, которая естественно укоренилась на дереве философского познания. Зато психоанализ прекрасно демонстрирует условие, при котором становится понятной герменевтическая ориентированность современных историко-философских исследований.

Данное условие предполагает специфическое устройство исследуемого предмета. Бессмысленно заниматься толкованием идей, если мы ограничены поверхностью их расположения. Именно так дело обстоит в гегелевской концепции, где история предстает перед нами в образе поверхности, на которой располагаются философские идеи и учения. Внимательному взгляду, вооруженному диалектическим методом, не составит труда увидеть, что эти идеи и учения даны не в беспорядочной последовательности и нагромождении, напротив, они демонстрируют взаимосвязь и как бы переходят друг в друга, организуясь в текучий процесс самопознания общечеловеческого разума. Здесь предметная реальность истории философии представлена в виде объективной системы идей, которая со временем все более разрастается и усложняется вплоть до того момента, пока не появится система, объединяющая в себе все прочие.

Очевидно, что историку философии в силу самого принципа организации изучаемого предмета в наибольшей степени подходит метод систематизации. Для того чтобы историк философии переориентировался от построения системы к практике истолкования, необходимо предварительно откорректировать свое восприятие изучаемого предмета. К поверхности необходимо добавить глубину, метафора отражения поверхностью того, что происходит в глубине, дает нам представление о некоей символически наблюдаемой реальности, которая обнаруживается через посредников. Именно там, где мы имеем дело с посланником, выступающим от имени неизвестного, естественным образом возникает герменевтическая задача разгадать, кто стоит за ним.

Сказать, что философия имеет историю – значит не сказать ничего, констатируя очевидность, требующую своего прояснения. Профессиональный разговор начинается с предположения, что речь идет не просто об истории как некоем предмете, непосредственно доступном наблюдению, куда упакована философия, но об исторической упорядоченности философских идей. Решающее значение в

различии между методами истолкования и систематизации приобретает вопрос о том, в каком смысле философская идея есть исторически упорядоченное явление. Попробуем сформулировать его иначе в духе трансцендентального метода И. Канта: при каком условии философская идея обнаруживает характер исторически упорядоченного явления? На этот вопрос есть, как минимум, два ответа, раскрывающие проблему того, что представляет собой предмет историко-философского изучения.

Первый ответ отсылает нас к систематическому принципу организации, выражающему рациональную установку классической философии – при условии, что идея является не замкнутой на себя монадой и в качестве агента умопостигаемого мира логически связана с другой идеей. Взаимосвязь идей представляется той единицей порядка, из которой как из эмбриона вырастает сложно организованная система. История философии при этом раскрывается в виде процесса обогащения идеи все более новыми связями. Логическая взаимосвязь идей не вносится исследователем истории философии, она устанавливается на правах объективного явления. В осмыслении объективности такой связи Гегель приходит к выводу о телеологической организации феномена философской идеи. Мы не сильно искадим картину, уподобив гегелевское понимание исторической функции идеи функционированию живого организма в природе. Многочисленные примеры и иллюстрации на этот счет не являются редким исключением и встречаются во множестве на страницах гегелевских сочинений.

Как известно, в семнадцатом веке в науке произошел переворот, в его основе лежит попытка заменить традиционные схемы объяснения мира, опирающиеся на понятие целевой причины, новыми схемами, в которых главная роль отведена действующей причине. Если это с легкостью можно сделать в физике, где речь идет о неживой природе, то в науках о живой природе телеологический подход долгое время сохранял свою силу. Это понятно, поскольку телеология не есть абстрактное учение о целях, как это может показаться из названия, а специфический язык описания реальности, у которого есть своя исходная модель и такой моделью служит живой организм. Организм представляет собой любопытный предмет для теоретического описания так, как уже в зародыше в скрытой форме содержится ясная картина того, каким будет взрослый организм. В этом смысле развитие живого существа идет в направлении осуществления в реальности того, что заложено в нем с самого начала в виде возможности.

Этот классический язык, уводящий нас к традиции аристотелевских понятий «акт» и «потенция», наследуется Гегелем в попытке приблизиться к исторической сущности философской мысли. Обобщая полученную в результате телеологической обработки картину, мы приходим к следующему выводу: исторически философская идея функционирует как момент реализации возможностей, заложенных в предшествующей идее, и как момент формирования новых возможностей, которые будут реализованы в последующей идее.

Отсюда хорошо видно, что выдаваемая за исторический процесс логическая привязка идей друг к другу существенно отличается от совершаемой в человеческом уме логической операции вывода. Отличается прежде всего тем, что в

истории философии мы сталкиваемся с объективной логикой явлений, в уме же имеем дело с субъективной логикой человеческих понятий. Исторический смысл философской идеи, строго говоря, не должен совпадать с тем представлением об идее, каким владеет философ. В «Энциклопедии философских наук» можно найти два важных замечания на этот счет. В первом Гегель подчеркивает, что непонимание философом своего места в истории выступает естественным состоянием исторического процесса, движущегося к цели посредством обходных маневров. Исторический порядок не зависит от того, насколько в его тайну посвящен человек, эту мысль Гегель закладывает в понятие «хитрости разума». Читаем: «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга ..., не вмешиваясь непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель. В этом смысле можно сказать, что божественное провидение ведет себя по отношению к миру и его процессу как абсолютная хитрость. Бог дает людям действовать, как им угодно, не стесняет игру их страстей и интересов, а получается из этого осуществление его целей, которые отличны от целей, руководивших теми, которыми он пользуется» [1, с. 397-398].

Чуть ниже мы находим второе замечание, из которого ясно, что несоответствие объективной исторической сущности идеи ее субъективному отражению в уме философа выступает, и это надо подчеркнуть, необходимым условием развития историко-философского процесса. В тот момент времени, когда философу в его ограниченном и конечном уме открывается бесконечность подлинного предназначения разума в истории, а это не может случиться по воле самого человека, требуется время духовного созревания, история философии приходит к своему завершению. Гегель пишет: «В рамках конечного мы не можем испытать или увидеть подлинное достижение цели. Осуществление бесконечной цели состоит поэтому лишь в снятии иллюзии, будто она еще не осуществлена. <...> В этой иллюзии мы живем, и вместе с тем только она является побуждением к деятельности, она одна заставляет нас интересоваться миром. Идея в своем процессе сама создает себе эту иллюзию ... и ее деятельность состоит в снятии этой иллюзии. Лишь из этого заблуждения рождается истина ...» [1, с. 399].

Остается только ответить на вопрос – что значит возможность и ее реализация в терминах объективной логики разворачивания историко-философского процесса? Важнейшее понятие, подводящее нас к правильному ответу, – хорошо знакомый гегелевский конструкт «противоречие». Мы ничего не поймем, полагая, что противоречия существуют только в человеческой голове и характеризуют скорее наше представление о вещах, нежели существование самих вещей. Для Гегеля это объективное состояние, в которое изначально вовлечен философский разум уже в первый момент своего существования в истории. Следовательно, оно предшествует тому времени, как появится историк философии, пытающийся осмыслить данный факт. Возможность возникает там, где разум противоречит себе, заставляя различать, что он есть в отношении к собственной сущности и в отношении к действительности. Реализация означает разрешение данного противоречия. Но разрешаясь в одном смысле, противоречие тут же восстанавливается в другом

смысле, что делает реализацию неокончательной и открывает в ней новую возможность. Именно поэтому цель, к достижению которой стремится история философии, является бесконечно удаленной от всякого конкретного философского шага, направленного в ее сторону. Получается парадокс – сколько бы мы ни шли к цели, она удаляется от нас на равное расстояние. Никакое конкретно пройденное количество шагов не приведет нас к искомому, похоже, и не в этом смысл.

Хитрость разума запутывает, вовлекая в непроходимые дебри диалектических ловушек, пока не станет очевидным, что его игра подобна поведению педагога в учебной аудитории. Даже незначительный педагогический опыт демонстрирует, что там, где поиск истины не требует никаких усилий и знание преподносится уже в готовом и завершённом виде, истина обесценивается и воспринимается человеческим умом на уровне автоматических реакций запоминания. Педагогическое мастерство состоит в том, чтобы пробудить любопытство к самостоятельному поиску. Дело не только в том, что такой подход побеждает скуку и способствует психологической разрядке. Истина, вошедшая через дверь запоминания, лишь временно поселяется в нашем уме, стоит о ней не напомнить, как она тут же забывается, потому что мы не понимаем своего знания. Фактически усвоенное знание мало что значит. Если в него не заложен фактор личностного усилия, оно превращается в неудобный груз, обременяющий ум своей тяжестью. Чего не скажешь о знании, основанном на творческом поиске, его невозможно забыть хотя бы потому что оно укрепилось в уме не через процессы запоминания.

Эта, по сути, общеизвестная мысль служит прекрасным образом поведения разума в истории. Сущность разума скрыта от непосредственного созерцания, иначе она просто не будет освоена умом и не получит адекватного выражения в мире. Не утаивая себя в глубине, разум открыто заявляет о своем существовании в мире в виде философской идеи, одновременно с этим предлагает решить задачу, заданную в терминах исторического разнообразия и, на первый взгляд, тематической несогласованности философских идей. Решить такую задачу – значит построить историко-философскую систему, в которой идеи взаимно перекликаются и дополняют друг друга. Конечно, изначально такая система возникает в уме историка философии как его авторская концепция, отражающая субъективный взгляд на происходящее. Вместе с тем, и это образует ключевой момент гегелевского типа мышления, искусственно созданная философом система выступает конечной объективной формой самовыражения разума, использующего философа и его мышление как инструмент достижения собственной цели. Осознание инструментальности своего философского мышления – вот гегелевский рецепт прозрения, раскрывающего завесы тайны, наведенной хитростью разума, и избавляющего философа от «иллюзии» по поводу своего места в истории. Телеологическое самосознание философа, воспринимающего себя как инструмент достижения высшей цели, вносит завершение в объективный процесс исторического развития философии и обозначает некий предел осуществления философских возможностей разума, дальше этого идти попросту некуда.

Итак, подведем итог сказанному: телеологический способ приведения в порядок исторического разнообразия философских идей состоит в том, чтобы

считать эти идеи вспомогательными средствами или инструментами, предназначенными для достижения конечной цели, представленной в виде системы историко-философского знания. Гегель дает ясно понять – там, где мы строим систему знания, нам не избежать телеологической предпосылки в виде допущения, что элементы этого знания играют роль инструментов в построении системы и значат ровно столько, сколько подчиняются целому как образующие его части.

Данное обстоятельство объясняет культурную ограниченность систематизации в качестве метода историко-философских исследований и отвечает на вопрос, почему сегодня мы вынуждены искать ему альтернативы, в частности, ориентируясь на разнообразные герменевтические практики истолкования. Ядром современной интеллектуальной культуры выступает болезненно переживаемая очевидность того, что рационально оправданная инструментализация человеческого поведения в исторической и социальной действительности оборачивается саморазрушительными эффектами построения тоталитарных систем, в которых подчинение всеобщему достигается за счет угнетения и подавления индивидов.

Сформулированный Т. Адорно тезис, что после Освенцима мы не можем мыслить по-прежнему, показывает, сколь наивной с точки зрения, конечно, сегодняшнего дня была мысль Гегеля, допускающая, что система, рационально выстроенная в голове, не просто описывает факты в удобной для себя форме, но выступает объективной силой, объединяющей их в действительности. Подобная очевидность – это не интеллектуальный просчет, который можно было бы исправить и учесть в дальнейшем, речь идет о симптоме специфического и самодостаточного механизма идеологического функционирования человеческого сознания. Его маркеры хорошо известны, европоцентризм и вносимая им ксенофобия в практике культурной жизни оказываются в этом смысле явлением того же ряда, что и эксплуатация труда в экономике, стремление подвести нравственное разнообразие человеческой жизни под универсальный образец общечеловеческих ценностей, а также идея привилегированного положения научной истины. Мультикультурализм, толерантное отношение к Другому, свобода от эксплуатации, этический релятивизм и реабилитация архаических форм рациональности – вот тот ряд противовесов, на которые опирается дух современной интеллектуальной культуры.

Марксизм точно определил самое уязвимое место гегелевской концепции развития разума в истории, обратив внимание на идеологическую очевидность провозглашаемых ею философских истин. Систематизация идей – удобный и продуктивный метод историко-философского познания, но если выбить у него из-под ног очевидность того, что идеи сами по себе в объективной исторической реальности организованы в систему или, по крайней мере, стремятся к такому типу организации, этот метод превращается во вспомогательный теоретический прием и теряет значение, на которое претендовал в качестве фундамента историко-философского познания.

Альтернативу философствованию, стремящемуся к систематизации, составляет герменевтическая позиция, превращающая линию исторического процесса подчинения особенного всеобщему в разомкнутый круг, содержащий точку, где по

закону круговращения особенное и всеобщее меняются местами. Истокование и систематизация составляют дихотомическую пару, отражающую методологический вопрос о том, каким образом строится историко-философское знание. У всякой методологии есть коррелирующая с ней онтология, способы получения знания так или иначе связаны с определенным представлением об устройстве предмета, подлежащего изучению. Вопрос о том, знание определяет устройство предмета или, напротив, устройство предмета задает способ нашего познания, является классической проблемой различия догматического и критического подходов, сформулированной И. Кантом.

Не вдаваясь в детали этой самостоятельной проблемы, можно констатировать, что существует устойчивая взаимосвязь между методом познания и представлением об устройстве познаваемой реальности. Применительно к истории философии это общее замечание позволяет связать систематизацию как методологическое понятие с телеологией как соответствующим ему онтологическим учением о реальности, которую исследует историк философии. Если построению системы мы противопоставляем практику истолкования, что в таком случае будет играть роль герменевтической альтернативы телеологии?

Действуя иначе в обход данного вопроса, мы попросту не поймем, каким образом возможны различные герменевтики и что их объединяет. Методологическое пространство современной истории философии можно лишь весьма приблизительно описать в терминах некоей общей герменевтической направленности. В действительности мы наблюдаем множество различных и даже конкурирующих методологических программ, их взаимодействие друг с другом удобнее всего реконструировать, основываясь на предположении общего для всех представления об особой форме упорядоченности познаваемой историком философии реальности. Конечно, и здесь неизбежны свои нюансы, но они будут касаться, скорее, расхождения в вопросе о том, какой материал образует содержание данной формы, сама же она остается структурно неизменной.

Наличие такой структурно повторяющейся формы позволяет зафиксировать введенное Ф. Ницше в философский лексикон понятие генеалогии. Оно-то как раз и служит герменевтической альтернативой гегелевскому понятию телеологии. Мысль о том, что Ницше является историком философии и тем более новатором, изменившим наш взгляд в данной области изысканий, при первом приближении, представляется не совсем привычной. Традиционно идеи Ницше относят к разделу философии культуры, но подобные дисциплинарные размежевания не всегда соответствуют действительности тем более что сам Ницше никогда не был профессиональным философом, сферой его академических интересов изначально выступала филология.

В 1887 году в свет вышла книга, озаглавленная Ницше «Генеалогия морали», именно в этой работе сформулирована идея генеалогического подхода к истории, которая может служить удобной моделью, раскрывающей специфику герменевтической альтернативы систематической философии. С самого начала важно определить ракурс последующего разговора. В нашем изложении взглядов Ницше мы будем опираться на предположение о существовании определенной

генеалогической модели взаимосвязи исторического знания и его предмета, которая служит основой герменевтической культуры мышления и задана в методологических установках конкретных герменевтических практик, используемых в ходе историко-философского исследования. В этом смысле мы стоим перед сложной задачей отделить позицию Ницше от того, как он сам ее понимал, и зафиксировать следы ее присутствия там, где используется, на первый взгляд, другой набор понятий и проблем.

Такой подход кроме всего прочего можно оправдать феноменологически достоверяемой очевидностью актуальности ницшевских идей. Благодаря метафорическому языку выражения они изначально не были теоретически строго ограничены пространством авторского замысла, за что, впрочем, мыслителю пришлось заплатить неизбежной в таком случае вульгаризацией. Но это обратная сторона весьма примечательного явления: в какую бы сферу современного философского знания ни погружался исследователь, он, как правило, сталкивается с ощущением «пророческого дара» Ницше, сумевшего распознать в зачаточной форме тенденции развития новой ситуации в европейской культуре. Каким же образом ницшевский гений предсказал путь современной истории философии?

Было бы глупо искать ответ на этот вопрос напрямую, его необходимо вычитывать из текстов, главным из которых, пожалуй, является уже упомянутая «Генеалогия морали». Из первоначальных пояснений становится ясно, что интерес к моральным вопросам, сформировавший у Ницше культуру исследовательской работы, проявляется в том юном возрасте, когда, как он пишет сам, сердце молодого человека наполовину занято игрой, а наполовину – богом. В тринадцатилетнем возрасте он пишет свою первую философскую работу, в которой размышляет над проблемой происхождения зла. Предложенное Ницше решение – сделать бога виновником зла – вполне укладывалось в метафизическую картину тогдашней философии, не видевшей проблемы в том, чтобы рассматривать добро и зло в качестве сущностей, воплощенных в материи человеческих поступков.

Ситуация кардинально изменяется по мере того, как Ницше находит свой собственный историко-психологический ракурс рассмотрения проблемы, что позволяет победить философскую привычку говорить о добре и зле в терминах сущности, имеющей, как бы мы сказали, независимое от человека онтологическое основание. Свое новое историческое понимание Ницше как раз и описывает как переход от языка сущности, представляющего добро проявлением вечного бытия, на язык «следствия, симптома или маски» человеческой потребности, рисующий совершенно иную картину. Здесь добро играет роль зеркала, в котором человек находит свое отражение, само по себе зеркало ничего не значит, его смысл в том, чтобы служить вместилищем образов.

Необходимость иметь свой образ, находить себя в отражении служит важной психологической особенностью человеческого сознания. Постоянно подчеркивая, что является психологом, Ницше тем самым попросту дистанцируется от той философской традиции, представители которой вслед за Декартом убеждены, что в отличие от объектов внешнего мира, человек знает себя непосредственно и не нуждается в подсказке образа. Метафизическую веру в предметность добра и

несомненность человеческого знания о себе сменяет психологическая гипотеза самопознания, разворачивающегося как опосредованный процесс, в частности, опосредованный нашими моральными представлениями.

Проблема морали в изложении Ницше превращается в арену, на которой пересматриваются важнейшие постулаты классической философии. Ощущение того, что эпоха классической культуры подходит к своему концу приходит к Ницше как раз через сомнение в очевидности моральных истин, в которых отпечатались многовековая интеллектуальная традиция. Менее всего Ницше движим теоретическим интересом, время, когда мы могли позволить себе пускаться в абстрактные размышления и искать истину ради самой истины, уже прошло, моральные вопросы обращают на себя внимание как признак, говорящий об угрозе если и не гибели европейской культуры, то во всяком случае очевидного упадка и стремления к вырождению. Разобраться в происходящем – значит идти от симптома к сути, этот путь закрыт для языка сущности.

Возможности нового языка зависят от того, насколько прочными окажутся связи, скрепляющие психологию, историю и мораль в едином конструктивном решении. Два элемента данной конструкции мы уже приводили. Психологию и мораль объединяет тезис о том, что в процессе человеческого самопознания задействован посредник. Исторический элемент делает конструкцию завершенной тем, что вносит свою ясность – самопознание выходит за пределы настоящего момента времени, в котором фактически осуществляется.

В каком смысле оно преодолевает границу времени и как это вообще возможно? Дело в том, что настоящее время обладает, как бы мы сказали, объективирующей силой, осуществляемая вчера деятельность сегодня оборачивается готовыми результатами, функционирующими вполне самостоятельно и независимо от затраченных в прошлом усилий. Это в общем-то тривиальное наблюдение имеет решающее значение, если его перевести на ницшевский язык морального анализа. К настоящему моменту времени, речь идет, конечно, о культурной ситуации конца девятнадцатого века, моральный образ человека уже окончательно сформировался под воздействием христианской проповеди добродетели сострадания и действует как самостоятельная сущность, обращающаяся к человеку в повелительном наклонении долженствования.

Ницше поворачивает этот процесс вспять, вместо того, чтобы продолжать философствовать на традиционном языке предметных сущностей, задаваясь вопросом, о проявлениях добра и зла в мире, он стремится реконструировать отвлеченный предмет сегодняшних моральных рассуждений как элемент, органично встроенный в практику вчерашней человеческой жизни. Такой подход, подкрепленный этимологическими экскурсами в прошлое, обнаруживает, что на протяжении всей истории человечества существовали две конкурирующие морали.

Первая проникнута аристократическим духом превосходства благородного человека над простолюдином. Это мораль знати, которая несет в себе специфический образ сильной и деятельной личности, готовой к сражениям и преодолению препятствий, находящей радость в утверждении себя самого. Отличительным признаком «благородной морали» выступает пренебрежительное и

вместе с тем снисходительное отношение господина к низкому человеку как представителю черни. Подлинному носителю аристократического духа не нужно самоутверждаться за счет других, его ощущение собственного достоинства и его счастье имеют внутренний источник. Благородный человек узнается по отношению к врагу, он не станет тратить силы на борьбу со всяким, кто выступает против него. Внимания заслуживает лишь такой враг, которого можно уважать, он равен во всем и поэтому сражение с ним будет поистине благородной схваткой.

Аристократическому идеалу нравственной жизни противостоит мораль «восставших рабов», ее основу составляет рессентимент (чувство мести). Мораль рессентимента несет в себе совершенно противоположный образ человека, который, однажды подвергнувшись насилию, превращает свое желание отомстить в основу нравственной жизни. Такой человек инертен и лишен воли к жизни, им движет не избыток жизненной силы, толкающий на авантюры и заставляющий искать приключений, а стремление к самосохранению и комфортной жизни. Рессентимент играет роль механизма, формирующего моральную реакцию черни на превосходство, демонстрируемое знатью. Не в силах фактически изменить свое положение чернь играет смыслами так, что слабость и бездеятельное смирение объявляются вершиной добродетели вместе с тем, как сила, могущество и радость жизни клеймятся в качестве проявления порочных склонностей.

Присутствие рессентимента легко распознать по отношению к врагу. Без врага немислимо счастье, стремление к отмщению превращает мораль в одержимое враждебностью преследование всего иного, что недостойно никакого уважения и подлежит искоренению. Здесь схватка далека от соображений благородного соперничества, она нацелена на истребление «злого врага». Ницше пишет: «Люди □благородного происхождения□ чувствовали себя □счастливыми□; им не нужно было строить искусственно свое счастье; глядя на своих врагов, не нужно было при случае убеждать себя в этом, обманывать себя <...> Это является полной противоположностью понятию □счастья□ на ступени бессильных, угнетенных, исполненных ядовитыми и враждебными чувствами ...» [2, с. 25].

Пусть все так – скажет внимательный читатель – но какое отношение это имеет к сегодняшнему дню? Что было, то было, и прошлое, как говорится, не вернуть. Современное состояние морали имеет мало общего с тем временем, когда человеческое сознание впервые прочертило для себя границу между добром и злом и ощутило силу нравственного начала жизни. И в чем польза генеалогического открытия, что «добро и зло» представляет собой плебейский язык, возникающий в ответ благородному «хорошее и дурное»?

Подобное отношение к морали, отделяющей вчерашний день от сегодняшнего, можно сравнить с поведением индивида, который, самостоятельно действуя в многообразии жизненных ситуаций, оставляет незамеченным тот факт, что в исторической реальности является представителем рода. Принимая решение, он не берет в расчет свое происхождение. Но это отнюдь не значит, что фактор происхождения не сыграл своей незаметной роли в процессе выработки решения.

В этом смысле Ницше выглядит философом нового поколения, который отказывается принимать в качестве последнего основания своих рассуждений

очевидность субъекта, самостоятельно распоряжающегося своими поступками. Возвещающий о такой очевидности декартовский принцип *cogito* прочерчивает линию, выглядящую непроходимым барьером для мышления, поскольку оно само отказывается ее перейти. Опасения понятны, перейдя черту мы ступаем на территорию, где мыслящий субъект подчиняется другим законам. В этом мире картезианская фраза принимается в иной последовательности, сущность перемены позволяет почувствовать язык юридического документа. В оригинале «я мыслю» звучит как бесспорное свидетельство, удостоверяющее самостоятельность личности. В ницшевском прочтении фраза «я мыслю» звучит как свидетельство о вступлении в наследство. В «По ту сторону добра и зла» на этот счет сказано: «Что касается суеверия логиков, то я неустанно буду всегда подчеркивать один маленький, коротенький факт, который неохотно допускается этими суеверами, а именно, что мысль приходит, когда □она□ хочет, а не когда я хочу. Поэтому является извращением факта, когда говорят: подлежащее □я□ обуславливает сказуемое □мыслю□» [3, с. 166].

Нам хорошо знакомы юридический смысл понятия «наследство», равно как и его биологический эквивалент «наследственность», но у этого понятия существует также и свой исторический смысл, реконструируемый Ницше в «Генеалогии морали». Наследование – это особый тип исторической связи прошлого с будущим, который не требует телеологического допущения о конечной цели. Накопленный некогда запас морального опыта откладывается в личности в виде мгновенной инстинктивной реакции, которая представляется человеку свободой его собственного решения. Стремление начать жизнь с чистого листа также трудновыполнимо, как мечта человека поселиться на планете, лишенной кислородной атмосферы. Мы дышим моральным воздухом и не замечаем атмосферного давления, образованного борьбой ressentimentа и благородства. Сформулированная Ницше идея наследования проявляет основу нового философского самосознания, выражающейся в антикартезианской очевидности того, что в мышлении мы не начинаем жизнь с нуля и всегда занимаем позицию, predeterminedенную нашим местом в классовой структуре общества, принадлежностью культурной традиции или, наконец, случайностью родного языка.

Отсюда понятен замысел генеалогического метода. Аналогично с тем, как генеалогическое исследование связывает индивида с родом и тем самым реконструирует исторический фон, на котором разворачивается личная жизнь человека, мы можем связать моральный предмет с условиями его появления в мире и тем самым реконструировать исторический фон современных проблем моральной жизни. Важнейшее открытие, сделанное Ницше, состоит в том, что прошлое не противостоит настоящему, оно незаметно присутствует и сопровождает настоящее так же, как солнечный свет сопровождает открывающееся нашему глазу многообразие видимого мира или тишина – звук.

Вопреки расхожему мнению, что прошлого не вернуть, опыт генеалогического познания убеждает нас, что его и не надо искусственно возвращать, граница времени преодолевается иначе, стоит только представить настоящее как затвердевшую оболочку из предметных сущностей, внутри которой спрятано

магматически расплавленное ядро прошлого, где нравственная жизнь еще не превратилась в оторванный от жизни и обремененный «духом тяжести» моральный образец, вещающий сверхъестественным голосом должного. Психологически прочитанная история морали предстает в этом свете как философский опыт самосознания, приводящий к мысли о том, что прошлое – это и есть нераспознанное человеком его настоящее. Распознать свое настоящее – значит увидеть действие прошлого в себе. Так закладывается основа генеалогической модели восприятия исторической реальности. Прошлое соотносится с настоящим не в горизонтальной развертке последовательности состояний, заставляющей предположить некую связующую их цель, внутри генеалогического восприятия они нанизаны как бы на вертикальную ось, делающую прошлое сопричастным настоящему, точным образом чего служит глубина и поверхность.

Пришло время подвести итог нашей попытке выделить в моральных рассуждениях Ницше генеалогическую модель восприятия истории, определяющей специфику герменевтической культуры мышления в современных подходах историко-философского познания. Первое, с чего нужно начать, касается того обстоятельства, что генеалогия отказывается от допущения изолированной сферы идей, в которой они сообщаются друг с другом. История – это связь прошлого с настоящим. Телеологическая модель полагает ее в виде связи идей прошлого и настоящего, чем обеспечивает исследователя задачей построения историко-философской системы. Генеалогическая модель предлагает совершенно иное решение проблемы, здесь философская идея связывается с тем дофилософским источником, из которого она произрастает и реальность которого она символически обнаруживает. «Будем же мы хоть раз осмотрительны, будем □не-философами□ ...» – скажет Ницше [3, с. 167].

Создаваемый генеалогией смысл того, что такое прошлое и настоящее, не совпадает с привычной нам хронологической картиной истории как процесса продвижения вперед. Понятое в генеалогическом смысле настоящее фиксирует любое время, когда философия уже есть и выступает в роли культуры, основанной на деятельности интеллектуальной объективации. Проще говоря, философское настоящее – это время, в котором мы наблюдаем выход мысли за пределы приватной интеллектуальной жизни человека и ее превращение в идею, ставшую предметом публичного внимания. Выделившись из эмоционально-интеллектуального переплетения личностного переживания, идея ведет себя в качестве самостоятельного предметного образования. Если в начале объективации она воплощает голос мыслителя, будучи органичным элементом его интуитивно незащищенного чувства жизни, то по завершении превращается в нечто, свидетельствующее о самом себе. Прошлое в таком случае – это не время оставленное позади настоящего, а сопутствующая философской разъединенности идеи и личности глубина их взаимопроникновения, представленная в хаотических проблесках того, что на поверхности потом выглядит философски обоснованным и упорядоченным строем мыслей.

Вносимое генеалогической моделью принципиальное соображение состоит в том, что в качестве исторической данности философская идея не связана с

предшествующей, она указывает на пространство, под-лежащее философскому умозрению, где интеллектуальный опыт еще не выставил себя на всеобщее обозрение в виде учения и является способом внутренней жизни человека.

Вместо поступательного продвижения вперед, где каждая идея и философское учение принимают вид отдельного шага, складывающегося в совокупный образ исторически прогрессирующей мысли, генеалогия предлагает видеть череду напрямую не связанных Событий. Данное обстоятельство стоит подчеркнуть – генеалогическое восприятие исторической связи прошлого с настоящим укладывается именно в форму ряда событий. Друг от друга их отличает только набор культурных представлений, в терминах которого человеческая мысль выражает себя во вне и становится философской. В этом плане мы не можем сказать, что учение, к примеру, Гераклита было наивной попыткой проникновения в законы природы, о которых сейчас мы знаем больше и лучше него. События интеллектуальной жизни воспроизводятся друг в друге и могут быть поняты как эмпирически различные вариации, идентичные по своему типу, или попытки повторения одного прото-события. Даже если бы в мире существовал один единственный философ, реализовавший в своем мышлении путь от невыразимого ощущения до внятного изложения сути, его опыт вполне достаточен, чтобы исчерпывающе заполнить собой все пространство генеалогически моделируемой историко-философской реальности.

Наконец, там, где генеалогия отвечает на вопрос о взаимосвязи настоящего и прошлого в философии, получает свой смысл вопрос герменевтики о специфике познания исторической взаимосвязи. Генеалогия и герменевтика идут рука об руку, возможность истолкования как специфического типа познавательной деятельности задана соответствующим устройством познаваемого предмета. Эта возможность отражает вовсе не произвольное решение субъекта, она выделена целесообразностью ситуации, в которой вовлечен исследователь вместе с тем, как он принимает генеалогический постулат о том, что прошлое скрытым образом содержится в настоящем. Что представляет собой истолкование в качестве практики историко-философского познания в самом общем виде можно понять исходя из конфигурации предмета, где мы различаем глубину и поверхность в предположении, что они символически сообщаются друг с другом. Нет никакой необходимости заниматься толкованием там, где поверхность точно и без изъяна отражает происходящие в глубине процессы. Такая необходимость возникает лишь при условии, что на поверхности мы наблюдаем символически зашифрованные свидетельства, которые нельзя воспринимать напрямую.

Ближайшая аналогия, которая приходит на ум, связывает практику истолкования с образом работы сыщика. О каком расследовании может идти речь, когда преступник сам себя изобличает? Интрига, вокруг которой строится детектив, возникает при условии, что картина преступления и действительность не совпадают. Преступник, как правило, так ловко запутывает следы, что тень подозрения падает на невинного человека, а виновник произошедшего выглядит как рядовой добропорядочный гражданин, о котором и не подумаешь ничего такого. Профессионализм сыщика проявляется как раз в том, чтобы не доверять

очевидному положению вещей, каким бы бесспорным оно не представлялось. Но как установить действительность, если фактически наблюдаемое вводит нас в заблуждение? Задача превращается в неразрешимую проблему лишь при условии, что мы разделяем действительность и видимость. Стоит только предположить, что действительность незаметно для нас содержится внутри видимого положения вещей, смысл расследования становится понятным. В таком случае сыщик воспринимает фактически наблюдаемую картину как зашифрованное послание, которое нельзя принимать непосредственно на веру и необходимо растолковать.

Историк философии ведет себя подобным образом, только дело он имеет не с преступлением, а с интеллектуальным происшествием. Картина, которая открывается его глазам, говорит о существовании в культуре некоего ряда философских идей и учений, естественным образом переплетенных друг с другом в комбинации традиций, школ, направлений и т.д. Герменевтическая практика вступает в силу с предположения, что наблюдаемая нами картина представляет собой поверхностный слой исторической действительности философии и здесь, на поверхности, нам даны факты, которые лишь выглядят таковыми, в то время как в действительности выступают иероглифическим отражением скрытой реальности.

Уместно вспомнить, что поверхность отличается от глубины степенью объективации интеллектуальной жизни человека. Чтобы на основе поверхностных данных реконструировать их глубинные эквиваленты, нам необходимо пройти путь объективации в обратном направлении, именно это и пытается осуществить толкователь. При этом, конечно, была бы весьма кстати «нить Ариадны», ведь, мы жители поверхностного мира и, спускаясь в подземный, оказываемся не на своей территории, куда смертным вход закрыт. Временный пропуск дает нам язык, он служит нитью, не позволяющей всплывать на поверхность в процессе герменевтического погружения. Именно язык образует среду объективации интеллектуальной жизни человека, через слово мысль отделяется от ума и превращается в предметно функционирующую идею. Следовательно, глубину и поверхность связывает движение слова, в одном направлении это путь философского творчества, в другом – герменевтической реконструкции его продуктов.

Стоит задать вопрос: каким образом человек приходит к философскому мышлению. Действительно, становится ли человек философом просто потому, что желает этого? Современная интеллектуальная культура в недвусмысленных терминах акцентирует наше внимание на том обстоятельстве, что философская мысль лишена самодостаточности и разум не в состоянии прийти к интенсивности философского переживания по воле человека. Чтобы в человеческом сознании пробудился дух философского поиска и сформировалась соответствующая ему интеллектуальная культура восприятия мира, одного лишь стремления недостаточно, каким бы сильным и настойчивым оно ни было, требуется дополнительное условие, именно оно определяет конечный результат. Аналогично тому, как музыкант нуждается в инструменте и лишь с помощью него способен пробудить свой талант, философу необходимо собственное устройство и технические навыки обращения с ним. Для того, чтобы стать философом нужно

начать говорить, но это будет напрасной тратой времени, если мы будем использовать язык в той системе значений, к которой привыкли и которая является для нас естественной. В таком случае человек лишь продлит нефилософское сознание, для его превращения необходимо, чтобы язык из повседневного механизма передачи сообщаемого смысла превратился в эксклюзивный механизм объективации, делающий смысл идеализированным предметом всеобщего умознания.

Именно поэтому хотя язык и является необходимым элементом культурной жизни, его существование служит важнейшим условием появления и формирования культуры, философию мы наблюдаем лишь в тех культурах, где в результате различных обстоятельств были сформированы специфические практики обращения с языком. К примеру, в Греции эти обстоятельства были связаны с практикой демократического устройства полиса, требовавшей особых риторических навыков, основывающихся на умении переключаться в языке и переходить из режима повседневного бытового функционирования речи на режим общественно-политической дискуссии.

Вопреки расхожему мнению, философия не учит думать, этому вообще научить нельзя, как нельзя научить видеть или слышать, ее компетентность касается выразительных средств мышления. Философия появляется на границе мышления и языка и появляется как рискованное и, следовательно, ответственное предприятие. После того, как философ что-то сказал у него нет возможности вернуться обратно, выпущенные в мир смыслы начинают жить своей языковой жизнью, последствия которой могут быть непредсказуемыми и разрушительными. Этого не понимал Ф. Ницше, играя на грани откровенно провокативных метафор. Зато болезненно ощутил М. Хайдеггер, отказавшись от публичного извинения за свое сотрудничество с режимом, выразившееся, в частности, в известной ректорской речи. Молчание Хайдеггера естественно воспринимать как знак профашистского настроения, однако, это было бы слишком простым объяснением, вполне правдоподобным если бы только речь не шла о философе. Его случай явно не вмещается в рамки повседневного опыта языкового поведения. Не в том ли дело, что никакое извинение не зачеркнет сказанного и философ должен нести ответственность, не имея при этом возможности взять собственное высказывание в скобки оправдания или признания собственной вины. Там, где в выбор слова закладывается готовность извиниться, прекращается всякая философия. Мышление, отказывающееся от языка, тем самым отказывается также и от самого себя. Возвращаясь в доязыковое прошлое, мысль уходит в измерение нереализованных возможностей и существует условно, а не фактически. Высказывание философа есть необратимый момент – тот языковой факт, в прошлое которого нельзя просто так уйти и сохранить себя. Необратимость философски сказанного делает язык поистине местом исторического воплощения философии.

Герменевтические попытки составить карту этого места, выделить его центр и периферию, показывают насколько неоднозначными, а иногда и философски неприемлемыми, могут быть результаты. Многообразие герменевтических позиций сложно уложить в схематику какой-то теоретически исчерпывающей

классификации или типологии. Рискнем предположить, что это вовсе и не первоочередная задача. Вопросу о том, каким образом различные герменевтики сосуществуют друг с другом в пространстве историко-философского познания, следует предпочесть вопрос о том, каким образом вычленимая посредством понятия генеалогии герменевтическая установка образует внутреннее ядро различно направленных герменевтических практик. Данный вопрос выводит нас за пределы генеалогии и вместе с тем показывает направление дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики / Гегель Г.В.Ф. – М. : Мысль, 1974. – 452 с.
2. Ницше Ф. Генеалогия морали / Фридрих Ницше // По ту сторону добра и зла. Избранные произведения. Книга вторая [сост. Иванова М.Ш.]. – М., 1990. – С. 3-148.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Фридрих Ницше // По ту сторону добра и зла. Избранные произведения. Книга вторая [сост. Иванова М.Ш.]. – М., 1990. – С. 149-326.

Zarapin O.V. Teleology and Genealogy in History of Philosophy // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 40-56.

The article poses the question of the object and method relationship in the history of philosophy. Highlighted and compared teleological and genealogical model of the philosophy historian activity. Teleological model reveals the historical character of philosophical thought in the form of ideas overall development, by this way researcher try to construct the historical system of philosophy. Genealogical model offers a different solution to the problem past and present historical connection. Philosophical idea has its own pre-philosophical source and idea symbolically reflects its source. Genealogy gives us a new interpretation of the philosophy phenomenon in history, this interpretation is opposite to the teleological picture of chronological moving forward intellectual process. According genealogical model present moment in philosophy history does mean anytime philosophy is observed in the culture as production of objectification intellectual activity. Philosophical present moment – it is time we observe the output of thought beyond the private intellectual life and its transformation into idea, which has functions of public attention subject. The past moment is not what we left behind ourselves; it is under philosophical ideas and philosopher personality separation depth of each other interpenetration. Genealogical model is based on the thesis that as a historical phenomenon philosophical idea does not depend on the preceding, it points to under-lying philosophical speculation space, where intellectual experience has not expressed itself on public display in the form of teaching and preserves the form of man's inner life. This interpretation of history can be shown as a recurring events set picture. From each other they are distinguished only cultural performances, in terms of which the human thought expresses itself and becomes philosophical one. In this regard, we can not say that ancient philosophers ideas were naive attempt to penetrate the laws of nature, which we now know more and better than them. Intellectual life events are reconstructed in each other and can be understood as different variations of the hypothetical Proto-event. The specificity of the genealogical approach is reflected the paradoxical belief that philosophical thought embodied historical essence even it has neither predecessors nor successors.

Keywords: teleology, genealogy, system, interpretation, history of philosophy.

УДК 17

ДВОЙНАЯ ПРИРОДА СМЫСЛА: ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ¹

Кацапова И.А.

В статье рассматриваются столь актуальные для современности темы – идеология, национальная идея; проблемы современных международных отношений, правоотношений на уровне международного права, проблема универсальных ценностей. Автор статьи анализирует концепцию глобального сообщества через призму универсальных ценностей и прав человека, социальных ценностей – идеологии и национальной идеи. Обосновывает проблему кризиса политико-правовой деятельности. В статье обосновывается смысл и технология «двойных стандартов». Автором статьи предлагается актуализировать тему т.н. национальной идеи – в новой ее версии: право на достойное человеческое существование.

Ключевые слова: глобализация, международные отношения, международное право, права человека, нации, народ, национальная идея, политическая культура, право, человек.

Современный уровень цивилизации, которого достигло человечество в своем эволюционном развитии, по сути, есть производная того порядка вещей, согласно которому человек обязан подчиняться конкретным правилам общественной жизни и законодательной политике, установленной государством. Такая организация социальной жизни и отношений не означает для разумного человека кабалу, скорее, напротив, просвещенный человек сам заинтересован в социализации такого рода, потому что именно такие условия способствуют саморазвитию и самовыражению человека в системе общественных отношений. Именно с такого порядка началось культурное развитие самого человечества, как и то, что именно такой порядок предопределил качественный ход исторического развития.

В процессе исторической эволюции, постепенно, человечество пришло к осознанию и того, что общественная жизнь должна строиться не только по особым правилам и законам, но осознано также и то, что общество без системы идейных ценностей – уязвимо. Так возникли государства, правовые системы и семьи, соответственно, политические идеологии, которые, заменив религиозную систему

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ №14-03-00535 «Социо-культурный аспект формирования русской школы философии права».

взглядов, становились то более, то менее влиятельными на мировой арене. Идеологии, трансформируясь и приспособляясь к новым историческим условиям, преодолевая разного рода кризисы, закрепились в общественном сознании, став по сути неотъемлемой частью общественного и индивидуального бытия – практически стали системой идейных, политических, а нередко и моральных ценностей.

И хотя в теоретическом анализе многозначность термина «идеология» рассматривается, с одной стороны, в широком смысле, например, в качестве теоретического обоснования того или иного вида деятельности, осмысления целей и задач стратегического характера, а с другой, в узком смысле, как теоретическое выражение и защита общественных интересов. Между тем, разумно представить идеологию и как социо-культурный феномен. Социально-культурный аспект идеологии заключается прежде всего в том, что она объединяет людей по их убеждениям и смыслам, формируя при этом конкретные социальные группы, классы, политические партии, или общество в целом. В рамках таких объединений по сути и складываются конкретные политические, правовые, нравственные, религиозные, философские или другие воззрения, которые, в свою очередь, уже непосредственно глубоко осознаются или оцениваются индивидами. Главное, на что следует здесь обратить внимание, о чем утверждали классики, создавшие, собственно, концепцию идеологии, К.Маркс и Ф.Энгельс, идеология всегда только сопровождает общественное развитие – содействуя или препятствуя ему – вследствие чего, идеология опосредованно включена в социальную реальность, через представления индивида и осознания им этой реальности. Изменяется жизнь, в реальном ее течении, – соответственно, изменяются и взгляды людей, подстраивается соответствующая идеологическая форма осознания и выражения этих изменений (случается, и неадекватная). Духовное же творчество – будь то философское, политическое, правовое, религиозное – по сути, представляет собой идеологическое искажение реальности в той степени, в какой оно вообще претендует на самостоятельную или авангардную роль в жизни общества. И проявляется это независимо от классово-политической – радикальной ли, консервативной ли, либеральной ли – ориентации автора (или авторов), его (или их) идеологий. В любом случае, идеи и концепции, даже самые радикальные и революционные, не могут служить источниками и причинами исторически заданных изменений в реальности. Идеи или смыслы способствуют формированию определенного уровня отношений между людьми, соответственно, и их отношение к действительности.

Надо заметить, что в современном общественном сознании, в частности, в отечественной практике, довольно распространено, почти нигилистическое, отношение к идеологии. Понятно, что деидеологизация сознания такого рода есть результат своеобразной классово-идеологической обусловленности практически всех форм социальной организации и жизни людей в т.н. советский период. Однако необходимо отличать вульгаризацию и упрощение, свойственные концепции классово-идеологической обусловленности, от смыслообразующих моментов концепции социо-культурной обусловленности идеологии в обществе. Необходимо отнестись к этому понятию более вдумчиво и критически разобраться во всех его

смыслах. Необходимо помнить, что в основном значение слова идеология подразумевает не только политизацию идеи, а систему идей, представлений, взглядов, характеризующих отношение человека к социально-политической реальности. И в данном случае, конечно, необходимо сделать акцент на главной составляющей социо-культурного смысла идеологии – на наличии политической культуры индивида. Политическая культура представляет собой не просто систему теоретических и обыденных знаний индивида, его оценок, настроений, чувств, посредством которых человек отражает реальность, но прежде всего его интеллектуальную способность адекватно отражать социально-политическую и экономическую сферы общественной жизни.

Политическое сознание индивида представляет собой результат процесса восприятия и осмысления политической реальности с учетом своих или групповых социальных интересов. Поэтому политическая культура человека отражает те политические идеи, взгляды, интересы, настроения и чувства, которые человек непосредственно испытывает под влиянием государственной и мировой политики. Именно поэтому сегодня так необходимо рассматривать политическое воспитание как условие социальной адаптации современного человека. В настоящее время эта тема становится для человека как никогда актуальной, в силу того, что отсутствие политической культуры делает человека уязвимым, он воспринимается по сути марионеткой в руках манипуляторов его сознанием. Ярким примером тому являются трагические события, развернувшиеся на Украине, когда сознание людей отражает иллюзорные, во многом даже фантастические, представления о реальности, когда политики, став «социальным лицемерием эпохи», по сути, отражают социально-политическую практику современной Украины.

Сознание, присущее человеку, помогает ему не только ориентироваться в пространстве, осмысливая и оценивая все, что его окружает, но и осознавать свою социальную роль. Поэтому вполне закономерно то, что все поступки человека, конечно, за исключением каких-либо патологических случаев, являются осознанными, а соответственно, должны оцениваться по степени их влияния на общественные формы жизни. В процессе социализации у человека формируется система идей, представлений и взглядов, при помощи которых он, бесспорно, может отстаивать свою точку зрения в любых социальных ситуациях, но это не будет его идеологией. Мировоззрение, которым наделен человек, развивается под воздействием большого числа разнообразных факторов, что не позволяет всесторонне учесть их воздействие. Однако, со всей уверенностью можно утверждать, что без политической составляющей мировоззрение человека представляет собой просто его мировоззрение. Важно подчеркнуть здесь и то, что само по себе мировоззрение не творит и не создает реальность, оно лишь выражает жизнь, которая меняется по своим законам, доступным и понятным людям лишь частично.

Главное, на что следует обратить внимание, идеология – это не просто система взглядов или убеждений – это, прежде всего, учение об идее. Поэтому необходимо к такому явлению социальной жизни относиться более внимательно и принципиально. Тем более, как показывает социальная практика, всякая идеология,

сориентированная ли на политические, либо на экономические формы сотрудничества, нацеливается прежде всего на прагматические, рационально сформулированные доктрины и дискурсы.

Современный порядок, который человечество в процессе своей исторической эволюции выделило и, на который сориентировалось в общественной организации, соблюдается только при определенном – демократическом – образе жизни. Данный тип социального порядка в первую очередь предполагает наличие и соблюдение социального принципа, согласно которому, отличия между обществом и индивидом должны проявляться не в виде конфликтов или противостояний, когда один из двух должен подчиниться воле другого, напротив, такое отличие должно соответствовать принципу добровольного взаимодействия. Необходимо, прежде всего, иметь в виду то, что формирование современных форм государственности не может происходить с чистого листа, не возможно искусственно вызывать когнитивные установки как с религиозной, так и с секулярной стороны, как и нельзя в одночасье изменить сознание человека или людей, в силу того, что процессы эти формируются в результате исторических изменений, и по сути представляют собой т.н. изменения менталитета, который, надо заметить, происходит независимо от рационально изменяющихся идей и политических пристрастий. Главное, понимать, что государственная политика, нацелившаяся на демократическую общность, чтобы она развивалась, должна, как справедливо заметил немецкий социолог Ю.Хабермас, учитывать, что любой фундаменталистский настрой в ней несовместим с ментальностью, которую разделяют большинство граждан [1, с. 9]. Соответственно, и смыслообразующие концепты современной государственной политики, если, конечно, иметь в виду позитивные результаты, должны учитывать эти факторы – иначе, неизбежно будут возникать конфликты, а то и экспансия.

СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТЬ»

Совершенно очевидным моментом является и то, что в современных условиях цивилизационного развития общество без существования определенных ценностей и принципов не только не может существовать, но также невозможен и сам процесс развития и поддержания как общества, так и общественных отношений. И хотя каждому историческому периоду присуща определенная шкала ценностей, тем не менее существуют ценности, прошедшие апробацию историческим временем, которые человечество выделило и которыми всегда и во все времена руководствовалось в своей деятельности и жизни. Такими основополагающими и ведущими в иерархии ценностей стали понятия – свободы, справедливых отношений, подчинение договорам и законам. Пребывая в поисках новых принципов и знаний, новых средств и форм социальной организации, человек, независимо от того на каком уровне развития он находится – на начальном уровне или, идущий по пути прогресса, – всегда руководствовался свободой – порядка, собственной инициативы и, конечно, успеха. Поэтому важным критерием социальной организации сознания человека является убежденность его в том, что в обществе понятия «свобода», «справедливость» являются наилучшими социальными гарантиями как развития общественной культуры, так и самой жизни

человека, без которой практически невозможен дальнейший процесс осмысления каких бы то ни было форм общественного развития.

Сегодня же обесцениваются универсальные принципы и ценности, и надо отметить, не идеологиями, а современным типом политизации всех сфер жизни, при которой рациональные и разумные формы порядка переходят в прагматическую сферу зависимости и подчиненности непредсказуемым формам дискурса. Во второй половине V века до н.э. софист Горгий утверждал, что «Искусство слова – это величайшее благо, которое дает людям как свободу, так и власть над другими людьми – каждому в своем городе». Именно в этот исторический период люди стремились овладеть искусством, публично доказывать свою точку зрения, умением возбуждать сочувствие к себе и антипатию к оппоненту, способностью использовать двусмысленность законов и договоров. И именно в этот период люди пытались ответить на вопрос: можно ли вообще овладеть искусством управления государством-полисом? Протагор в дискурсе с Сократом (в диалоге «Протагор» Платона) приходит к заключению: что всякому подобает быть причастным к таким добродетелям, которые позволят каждому человеку понять, что такое полисная справедливость, иначе, подчеркивал он, не бывать государствам.

Поражает здесь то, насколько сегодня актуальны эти выводы Протагора, произнесенные в тот далекий исторический период (пятый век до н.э.). Но пугает то, что современными политиками такого рода умозаключения не только не воспринимаются серьезно, скорее, даже игнорируются. На повестке нашего времени в политике главной мотивацией самих политиков являются амбиции, а не культура политического сознания или политического дискурса, соответственно, и политики часто за своими прагматическими действиями не замечают главного – как саму реальность, в которой они живут, так и человека, который просто хочет и должен жить. В отличие от современных политиков, древние греки ориентировались на политико-правовые добродетели и считали главной целью общественного блага – справедливость.

О ПОНЯТИИ «ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ»

Хотелось бы обратить внимание на фразеологию софистов: овладеть «способностью использовать двусмысленность законов и договоров». Именно этим приемом руководствуются современные политики, прибегая к т.н. двойным стандартам – когда говорят одно, подразумевают другое, когда существующие нормы и принципы подменяются с лихвой собственно-интерпретированными умыслами. В социальной практике понятие справедливое, будучи во всем правосудным, между тем, по закону правосудным не является, хотя и «вносит исправления в правосудие». И, надо заметить, исправления эти происходят в контексте юридического, а не морального поля. Правовая норма, или закон, безусловно, всегда и везде – есть нечто обобщенное, тем не менее, «бывают случаи, для которых невозможно предположить общее высказывание», приемлемое для него с непреложностью. И тогда юридическая практика сталкивается с т.н. сложными делами, когда правосудие вынуждено прибегать к т.н. двойным стандартам в интерпретации принципов и норм права. Правовая аксиома гласит:

юрист или правовец прежде всего должен следовать букве и духу закона, несмотря на это, в юридической практике, существует система, когда сам закон может быть интерпретирован в чьих-либо интересах и тогда возникают те самые двойные стандарты, о которых так часто сегодня говорят.

Тему эту актуализировал в своем творчестве французский философ П.Рикёр. В полемике с англо-американским юристом и правоведом Р.Дворкиным он, в частности, обсуждал злободневную тему для юриспруденции – допустимы ли аргументация и интерпретация в юридической практике. К сожалению, именно здесь, как справедливо заметил Рикёр, приходится сталкиваться «со смутным характером юридического языка, с временным молчанием закона относительно «трудных дел» (*hard cases* Дворкина), с удобной возможностью и зачастую необходимостью выбирать между буквой и духом закона» [2, с. 142-143], с которым, собственно и сталкивается юридическая аргументация.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СТАНДАРТЫ И СМЫСЛЫ

Разумеется, не только эта тема сегодня привлекает внимание общественности, на повестке дня куда более глобальные проблемы, которые непосредственно связаны с самим понятием «глобализации». Сегодня, на политической и мировой арене обстоятельства складываются так, что в век глобализации международных отношений именно понятие глобализации или общемирового развития поставлено под удар политическим кризисом. В то время, как всем казалось, что человечество в своих теоретических проектах и политических амбициях наконец-то достигло консенсуса и обще-цивилизационной гармонии, на самом деле обнаружилось, что именно это общемировое пространство подверглось серьезному испытанию и, главное, переоценке универсальных ценностей. Именно сегодня вдруг стало ясно, что не все общемировые ценности являются приоритетными. И что нельзя, например, сегодня быть уверенным, что завтра наступит, потому что человека не сможет защитить основополагающее конституционное право человечества – право на жизнь. И что целые государства, народы, этносы – в век глобальных процессов: гуманитарного и технического прогресса, нанотехнологий и т.п., окажутся перед дилеммой: ни что-либо изменить к лучшему или хотя бы сохранить то, что есть, а вынуждены будут в мировом пространстве – сосуществования и солидарности, страдать от осознания своей беспомощности и незащищенности.

Современный социально-политический кризис, спровоцированный политиками, показал всему миру, как устоявшиеся привычные для всех универсальные ценности, усвоенные практически всем мировым сообществом – могут в одночасье стать обезличенными. Вчера еще казавшееся невероятным, сегодня вдруг становится реальным. И в век глобализации международных отношений совершенно безнаказанно можно, например, дискредитировать основополагающий принцип международного сотрудничества – право народов (*ius gentium*) или международное право, призванное защищать, прежде всего, – права человека. В свете последних политических событий, развернувшихся вокруг Украины и за ее пределами, налицо кризис таких понятий как международное сообщество или обще-цивилизационное развитие.

Современное понятие глобализации предполагало взаимодействие стран разного цивилизационного типа и, соответственно, сориентировано было это взаимодействие на межгосударственные отношения. Основная концепция мирового сообщества сообразовывалась со сложившейся системой международных отношений, которые представлены главными действующими субъектами – международными организациями², которые нацелены в первую очередь не на национальные, а на универсальные нормы и принципы взаимоотношений. Эти организации, соответственно, создают свою нормативную базу, правила и законы которой отличаются от национальных государственных форм нормативности, но сама система нормативности представляет собой интегрированные и трансформированные – под универсальные – национальные государственные законодательные системы. Именно таким образом появилось «мировое» право, или международное право. Согласно этим законодательным правилам, всякого рода коллизии или конфликты, возникающие в мировом пространстве, с необходимостью должны регулироваться на основании принципов и норм этих документов. Конечно, если право предназначенное для решения общегосударственных споров, как справедливо заметил еще в XIX веке отечественный правовед и социальный философ П.И. Новгородцев, само будет свободно не только от изменчивых и временных колебаний личного чувства и интереса, но, самое главное, само право «должно быть бесспорным» [3, с. 123].

Очевидно, современный кризис затронул в первую очередь международные отношения, которые исторически, преодолевая рамки национальной замкнутости, выстраивались на основе таких понятий как универсальность и мировое господство. Намотившийся кризис в международных отношениях поставил под угрозу уничтожения вполне привычные для современного человека понятия, такие как взаимосвязи народов, солидарность, объединяющая человечество в единое целое и, конечно, само международное право, а в целом механизмы общемировой законодательной политики.

В современных государствах, учитывая уровень их развития, право является первоосновой и фундаментом их общественной жизни. Соответственно, важно учитывать, что система социальных связей и отношений выстраивается в основном на базе позитивистского юридического мировоззрения, которому присущ формальный подход к анализу жизненных отношений, соответственно, и институтов, когда действенность права напрямую зависит от узаконенных должным образом наказаний (или санкций). Такой подход приемлем только с точки зрения позитивной организации праворегулирования общественных отношений, когда практически обеспечивается правопорядок и пресекаются правонарушения. Но фактическая жизнь человека в обществе не исчерпывается только такими отношениями. Иначе, человек всегда бы находился в пограничной ситуации и, важно заметить, ни между – быть или иметь, а в ситуации определения смысла жизни – кем ему быть: праведником или преступником.

² К таким относятся: межправительственные (ВТО), надгосударственные (Европейский союз), негосударственные (Международный олимпийский комитет) и мн. др.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

В своем историческом развитии человек не раз обращал внимание на то обстоятельство, что общественные интересы скрепляются не только идеологиями, но и общей идеей, которую часто принято называть – национальной. И, главное здесь то, что национальная идея все-таки остается той духовной скрепой, которая способна объединять не только политические, но и культурные, духовные мотивы в развитии той или иной общности. Сегодня может показаться странным желание актуализировать тему национальной идеи, в частности, русской идеи, о которой шли философские дискуссии между славянофилами и западниками еще в XIX веке, которые отечественный историк литературы П.В. Аненков назвал, например, «спором двух различных видов одного и того же русского патриотизма». Систематизированное же философское обоснование русской идеи дал В.С.Соловьев, придав ей концептуальную форму.

Понятно, что давно пережиты иллюзии по поводу своей национальной исключительности, своего мессианизма. Однако, сегодня сама идея русского или какого-либо другого национального мессианизма окончательно неприемлема для современного мировосприятия (хотя, справедливости ради, этого нельзя отрицать по отношению к американской внешней политике «мессионизма»). Между тем, сформулированный в концепции В.Соловьева вопрос – о смысле существования России во всемирной истории, сегодня не лишен смысла и объективности. Парадоксальность исторического времени заключается как раз в том, что поставленные некогда историей вопросы вдруг оказываются современными. Сформулировав когда-то вопрос о смысле существования России во всемирной истории, В.Соловьев предложил и ответ на него: «русская идея»³, которая в понимании философа не вытекает непосредственно из социально-экономических условий страны, а выступает долгом или моральным обязательством [4, с. 219-222].

Мыслитель понимал русскую идею, как миссию России в составе мирового сообщества. Отсюда идея нации – это не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что «Бог думает о ней в вечности». В том смысле, что национальная идея – это определенная цель, данная Богом, которая, в свою очередь, является долгом народа, объединенного в государство. Важно здесь отметить то, что Соловьев под нацией понимал не этнос, а совокупность народов, объединенных в одном государстве. Во всемирной истории у каждой нации есть свое предназначение, т.е. в истории человечества каждое национальное объединение, как считал философ, выполняет определенную роль, или миссию. В свою очередь, роль (или миссия) нации в рамках мирового целого, и есть ее национальная идея. Другим, не менее важным условием, сформулированным Соловьевым, является то, что каждая нация должна обрести свою идею, в противном случае ее существование в истории не оправдано.

³ Хотя, справедливости ради, следует заметить, что сам термин «русская идея» принадлежит Ф.М. Достоевскому, который в объявлении о подписке на журнал «Время» в 1861 г. написал: «мы знаем, что не оградимся уже китайскими стенами от человечества. (...) характер нашей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые (...) развивает Европа в отдельных своих национальностях».

Проблема самосознания будь то индивидуального, или национального сегодня вновь становится актуальной. В концептуальном плане проблема самосознания, прежде всего, соотносится с проблемой идентичности, которая непосредственно вписана в определение национальной идеи как таковой. Национальная идентичность не отрицает субстанциональной идентичности национальной идеи, поскольку предполагает «самоидентификацию с определенным политическим (национальное государство) и культурным (национальная культура) сообществом» [5, с. 79].

Исследование национальной идеи, как и вообще любой идеи, задача не простая. Любая идея возникает объективно и спонтанно. И главное – любая идея покоится на некоторой интеллектуальной конструкции. Если рассматривать идею в теоретическом плане, то она выступает конечной целью, к которой, или от которой стремится мысль. Тогда как, в практической плоскости идея рассматривается уже как бесконечная, и в этом случае ее можно соотнести с кантовским понятием регулятивной идеи. Одновременно, смысловое содержание, носителем которой идея выступает, закладывает перспективу ее развития. По существу, понятие идеи, можно рассматривать как понятие, объективно определяющее тот духовный, моральный и интеллектуальный уровень народа, который создается им в процессе исторического становления.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

В общем плане, в социальной реальности понятие идеи адекватно отражает общественное бытие, играя важную роль в государстве. В оптимальном варианте общественная идея сопряжена с общественным идеалом и ориентируется на выборе ею социального пути развития. Например, в общественной философии отечественного мыслителя П.Новгородцева, общественный идеал играет роль одного из важнейших конструктивных принципов социального развития, соответственно, он есть цель «сама по себе». Отказаться от мысли о «безусловном идеале» значит, согласно правоведам, отказаться от мысли и цели прогресса. В практическом плане, общественная идея сплачивает «огосударствленную» общность, делая ее более устойчивой к противостоянию как деструктивным внутренним, так и внешним негативным воздействиям.

По сути дела, проблемы общественной философии тесным образом, как показал в своих работах Новгородцев, пересекаются с проблемами государства, а значит и с проблемами порядка и закона. Очевидно, что проблемы общественных отношений непосредственно соотносятся с такими как – правоотношения и правопорядок. В свою очередь уже эти отношения исследуются в рамках философии права. Задача философии права неоднозначна: она имеет как теоретическое содержание, в рамках которого исследуются онтологические, гносеологические, аксиологические проблемы права как специфической формы общественных отношений. И, конечно, практическое содержание, в рамках которого происходит теоретическое конструирование идеала правового порядка, потому что философия права предполагается в качестве связующего звена и общего начала всей политико-правовой организации общества. Общественная идея или идея права в философии

права выступает именно как возможность философского обоснования соотношения права и политики как подсистем общества. В таком случае, философия права обосновывает идеологию демократического типа общества, в котором предполагается единство права, политики и морали. Проблематизация философского обоснования права является актуальной темой в силу того, что нацелено на прояснение внутренних условий существования феномена права. Ведь в социальной реальности право выступает как универсальная категория, из которой выводятся все основные эмпирически опосредованные социальные и правовые реалии – государство, общество, власть, правопорядок, естественное право, правовой обычай, правовое поведение человека, соответственно, и его правосознание. Получается, что в рамки этой универсальности заключен практически весь спектр социо-культурной жизнедеятельности исторических субъектов (права), раскрывающих как объективное, так и субъективное содержание права. Объективное содержание права задается всей системой общественных отношений, а его субъективный аспект выражается в правовой политике государства.

В государстве правовая система ориентируется на определенную культурно-правовую традицию, т.е. на национальную специфику (в частности, права). Одновременно, в решении социальных проблем стремится и к признанию идеи права как универсального основания современной цивилизации, учитывая специфику каждой культуры, ее особенностей – национального характера и национального мировоззрения. Культура народа, или национальная культура, предполагает свою идентичность, существуя параллельно с общечеловеческой культурой. При этом «универсально-общечеловеческое находится в индивидуально-национальном, которое делается значительным именно своим оригинальным достижением этого универсально-общечеловеческого» [6, с. 100]. В таком случае, совершенно правомерны утверждения: «немецкая идеалистическая философия – именно немецкая», а «Ф.Достоевский и Л.Толстой – только русские», по своему значению которые также выражают и универсально-общечеловеческое. В настоящее время большинство «государств являются полиэтническими», вследствие чего, возникает необходимость разводить по определению этническую и национальную идентичности. И как считал Н.Бердяев, «гражданско-политическое и культурное измерение национальной идентичности имеет приоритет над ее этническим измерением» [6, с. 100].

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ

Для адекватного понимания позитивно-правовых институтов и понятий, а так же системного понимания права в единстве его универсальных общецивилизационных и партикулярных, национально-особенных аспектов, значение имеет историческая ретроспектива. Человек настоящего должен понимать, что все, окружающее его, возникло не спонтанно, и не в одночасье, а является продуктом долговременного процесса – становления, развития, совершенствования. Рассуждая о культуре, будь то культура поведения, или образования, или культура какого-то явления, или жанра, человек должен учитывать простой факт

преемственности, что он является потомком того культурного наследия, с которым непосредственно или опосредованно ему приходится сталкиваться в настоящем, обогащая себя его содержанием. В рамках нашей темы ярким примером для понимания специфики исторически сложившегося национального самосознания может послужить русская философско-правовая мысль конца XIX – начала XX столетия. В этот период философская мысль преимущественно ориентировалась на социальные проблемы, связанные с общественным устройством, с природой государства, законов власти. Мыслители занимались также исследованием и философско-исторических проблем, касающихся предназначения и смысла человека, его взаимоотношения с обществом, с проблемами общественного идеала, русской идеи и др.

В этой связи наиболее ценными и показательными являются философско-правовые концепции философа и правоведа Б.Н. Чичерина (1824-1904) и социального философа и правоведа П.И. Новгородцева (1866-1924). В своем творчестве мыслители непосредственно исследовали диалектику соотношения национального и универсального в праве. В концепции Новгородцева «Об общественном идеале» не только раскрывается значение общественного идеала как философской проблемы, но более важным является то, что общественный идеал рассматривается им как соотношение абсолютного и относительного планов бытия, представляющих собой единство в идее. Смысл общественного идеала Новгородцев соотносит с принципом всеобщего объединения на началах равенства и свободы, когда в законодательной системе одинаково признаются права как на равенство, так и на свободу в каждом и во всех [7, с. 133]. В дополнение мыслитель формулирует идею всечеловеческой, вселенской солидарности (что согласуется с традицией, которую наметил еще В.Соловьев). И в общем виде дефиниция общественного идеала, в котором одновременно выражается и равенство, и свобода, и всеобщность объединения людей – соответствует принципу свободного универсализма [7, с. 111].

Рассматривая возможности диалектического развития абсолютной идеи как целеполагания, мыслитель при этом отмечал, что в общественном пространстве стремление человека к высшим идеалам становится для него насущным самоопределением и смыслом его жизни. Поэтому в своей социальной философии Новгородцев выделяет идею гармонии будущего человечества как идею вечного идеала добра. Центральной идеей общественной философии становится не идея гармонии истории, и «не идея земного рая», а «вечный идеал добра, обязательный для каждого исторического периода, для каждого поколения» [7, с. 67]. Идеал добра в истории общественного развития, согласно Новгородцеву, признает иную реальность – реальность живой человеческой личности, способной воплотить идеальные принципы в жизнь. Потому что только личность наделена силой духа и способностью возвышаться над естественным ходом событий [7, с. 67]. Важное историческое значение концепции об общественном идеале Новгородцева заключается еще и в том, что она воплощала в себе тактику и возможность обоснования концепции правового государства, практическая реализация которого стала лейтмотивом русской философии права XIX в.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

В этот исторический период основной мотив творческой реализации личности воплотился и в мировоззренческой установке на достойное человеческое существование, на право обеспечить равные условия для самореализации личности. В работах Новгородцева этой теме придавалось огромное значение, как и то, что за государством он признавал принцип охраны личности в каждом человеке. Правовед, в частности, считал, для того чтобы возвысить в человеке чувство собственного достоинства и укрепить в его сознании, что за ним стоит закон, необходимо в законодательстве закрепить принцип поддержки всех, в том числе людей обездоленных и социально незащищенных. Практическую реализацию своих стремлений Новгородцев видел в законодательстве о рабочих.

В принципе, Новгородцев, высказанную В.Соловьевым идею «о праве на достойное человеческое существование», дополнил весьма существенными замечаниями, и, прежде всего, сформулировал эту идею [см. 8] как правовую проблему. Соловьев ориентировался на гуманистическую направленность своей идеи, и настаивал на необходимости создать такие социальные условия жизни для каждого человека, чтобы каждому доступны были не только средства к существованию (т.е. одежда, жилище...), но и право использовать свой досуг, для своего духовного совершенствования [9, с. 353-355]. В свою очередь, правовед Новгородцев акцентировал внимание на другом, на том, что возвысить в каждом чувство собственного достоинства и защитить от таких социальных условий, которые исключают возможность достойной человека жизни, не достаточно «добрых пожеланий», необходимо определить в самом законе принцип защиты прав для всех без исключения, укрепить в сознании каждого то, что закон стоит именно на защите их прав. По сути, мыслитель настаивал на установлении правосудия равного для всех, при котором существующие права для всех членов общества с необходимостью реализуются через отношение уважения личности всегда и во всех⁴.

На момент написания Новгородцевым своих работ уже действовал ряд нормативных актов, регулировавших социальные отношения, которые содержали меры охраны и защиты труда наиболее уязвимых категорий работников – детей и женщин, а также административно-контрольные меры за соблюдением работодателями и работниками законодательства о труде. Новгородцев, ориентируясь на либеральные ценности правового государства – охрану правопорядка, защиту собственности, прав и свобод граждан, утверждал, что государство не должно быть орудием политического господства, а должно, прежде всего, служить праву. В общем, придерживаясь основополагающих принципов правового государства, первоочередной задачей государства он считал все-таки заботу о тех, кто нуждается в помощи и поддержке. В данном случае, речь шла об

⁴ Важно отметить, что в этот исторический период практика законодательной системы имела сословный характер.

обеспечении права на достойное существование экономически зависимых людей, страдающих от недостатка средств и неблагоприятно сложившихся обстоятельств. По сути, Новгородцев стремился наполнить теорию правового государства новым содержанием, ориентируясь больше на социальный тип государственности. Под правом на достойное человеческое существование он поэтому понимал, прежде всего, законодательное закрепление прав, как он называл «тружеников жизни», обеспечения для них правовых гарантий, способствующих улучшению их социальной жизни. Правовое обеспечение для каждого человека условий для возможности достойного существования, согласно Новгородцеву, это, прежде всего, освобождение от гнета таких социальных условий жизни, которые убивают человека не только физически, но и нравственно.

Совершенно противоположных взглядов, на рассматриваемые в статье Новгородцева вопросы, придерживался правовед Б.Н.Чичерин, стоявший у истоков российской политико-правовой науки. И, если Новгородцев считал рабочий вопрос – величайшим вопросом времени, то Чичерин, будучи последовательным критиком социализма, практически никогда не рассматривавший проблем социальной справедливости, напротив, отчаянно критиковал своих современников (оппонента В.Соловьева, и, соответственно, Новгородцева) за чрезмерное милосердие. Истинное решение рабочего вопроса он видел в началах свободы, и, в частности, утверждал, что достаточно одной свободы для того, чтобы раскрыть простор и всем человеческим силам, и всеобщему разнообразию жизни. В работе «Собственность и государство» юрист Чичерин, излагая свою точку зрения относительно социального обеспечения неимущим, нуждающимся в помощи, писал: «Те, которые стоят ниже среднего уровня, могут нуждаться в помощи, этому требованию может удовлетворить уже не право, а иное начало – любовь. Тут приходится уже не охранять свободу, а восполнять недостаток средств. Это делается, прежде всего, частною благотворительностью, там же, где последняя оказывается недостаточною, на помощь приходит государство со своей администрацией. Но в обоих случаях человеколюбие является не нарушением, а восполнением права. Право одно для всех; человеколюбие же имеет в виду только известную часть общества, нуждающуюся в помощи. Если бы государство вздумало во имя этого начала изменять самое право, т.е. вместо установления одинаковой свободы для всех, обирать богатых в пользу бедных, как требуют социалисты, то это было бы не только нарушением справедливости, но вместе с тем извращением коренных законов человеческого общежития» [10, с. 267].

Новгородцев, в свою очередь, подвергал обоснованной критике социально-политическую позицию Чичерина. И, в частности, утверждал, что, столь авторитетная в свое время позиция Чичерина, покоится на одной ошибке, вскрытой общественным развитием XIX в. Теоретики права, ограничивая цель права только охраной свободы, забывают о том, что игнорирование вопросов о материальных потребностях может привести к тому, что пользование свободой может оказаться совершенно парализовано недостатком этих средств. В аргументации своих доводов Новгородцев обращает внимание на то, что от государства требуется не столько устранение юридических препятствий к развитию свободы, сколько предоставление

условий и социальных возможностей для проявления самой этой свободы [11, с. 272]. Современное право, отмечал Новгородцев, в частности, фабричное законодательство, не может ограничиваться охраной только одной свободы, оно должно взять на себя обязательства по урегулированию материальных возможностей по ее практической реализации [12, с. 321-323]. В общественной жизни, настаивал мыслитель, для того чтобы, провозглашаемый либерализмом принцип, не остался лишь благим пожеланием, недостаточно только провозгласить общий принцип свободы или оформить формально право на свободу, необходимы конкретные юридические гарантии. Именно поэтому во имя охраны свободы личности и ее прав право на достойное человеческое существование должно позаботиться о «материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятыми фактически» [8, с. 321].

В любом случае, независимо от того, в каких пунктах своих концепций не совпадали во мнениях Б.Чичерин и П.Новгородцев, их, между тем, объединяла общая культурная традиция, в которой, собственно, и сформировалось их мировоззрение. Также, можно сказать, что их объединяла твердая вера в то, что адекватно раскрыть смысл и значение взаимоотношений личности и общества можно только через философский анализ норм общежития и всестороннее изучение проблем права и государства. В общественном пространстве сосуществуют два противоположных начала: духовная природа личности, стремящаяся к свободе, и само общество как ограничение этой свободы, выражающееся в законе. Соответственно, основной вопрос взаимоотношения общества и личности заключаются в отношении закона к свободе личности, которое, в свою очередь, может быть двояким: принудительным, и тогда речь идет о государственном законе; и добровольным – в этом случае речь идет о нравственном законе. По сути, такое же понимание права дает Кант (сам же Чичерин указывает на Бентама, как на своего предшественника), у которого все законы неразрывно связаны со свободой [13, с. 270], а право – есть совокупность условий, при которых произвол одного лица может быть совмещен с произволом другого по общим законам свободы.

Таким образом, прикасаясь к историческому наследию русской общественной мысли, оставленному нам потомкам, такими выдающимися ее соотечественниками как В.С.Соловьев, П.И.Новгородцев, Б.Н.Чичерин, князя Сергей и Евгений Трубецкие и мн.мн. др., необходимо иметь в виду, что именно здесь закладываются основы эволюционной преемственности в познании. И то, что теоретическое наследие, которое представлено концепциями наших мыслителей, можно со всей определенностью рассматривать как исторический опыт российской действительности. Неважно при этом, берем ли мы за основу исследования XIX или XX в. – восприятие социального опыта является необходимой фазой в познании специфики культурных и национальных моментов. Взять, например, творческое наследие Б.Н.Чичерина, то главным принципом, которым он руководствовался в своем творчестве, следует отметить принцип обобщения знаний по русской истории, основанных как на первоисточниках, так и на документах.

Вполне правомерно сегодня выразить национальную идею, например, таким понятием как «право на достойное человеческое существование». Именно сегодня идея, сформулированная В.Соловьевым как нравственный принцип – во всех и каждом уважать человеческое достоинство, на всех и каждого смотреть как на цель, а не как на средство, во всем объеме отражает содержание современных отношений, независимо от их уровня будь то межличностные или международные отношения. И именно сегодня следует актуализировать и понятие «идеология», и понятие «общественного идеала», и, конечно, философское обоснование права и правовой реальности, для правильного восприятия общеисторической перспективы, связанной с современными процессами глобализации. Потому что, именно право, наряду с нравственностью, вполне способно выступить в качестве универсального средства не только на уровне межличностного общения с другим, но и в качестве посредника международных связей, обеспечивая необходимые социокультурные условия для реализации мировой правовой реальности. Сегодня, несмотря ни на что, доминирующими в сфере современных реалий цивилизованных государств, претендующих на демократические формы государственности и основы жизни, остаются, прежде всего, естественные права и свободы человека. И речь идет не о правах группы или индивида, а, именно о правах человека, конкретного, каждого. В этом смысле абсолютная ценность прав человека предполагает универсализм в их понимании.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2011. – 336 с.
2. Рикёр П. Справедливое / П. Рикёр. – М. : Гнозис: Логос, 2005. – 304 с.
3. Новгородцев П.И. Право и нравственность / П.И. Новгородцев // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. I. – СПб. : Изд. О.Н. Поповой, 1899. – 195 с.
4. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. / В.С. Соловьев. – М. : Правда, 1989. – 736 с.
5. Малахов В.С. Идентичность / В.С. Малахов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 2010. – 634 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. – М. : Наука, 1990. – 528 с.
7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М. : Пресса, 1991. – 640 с.
8. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование / П.И. Новгородцев // Сочинения. – М. : Раритет, 1995. – 446 с.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра : собр. соч. / В.С. Соловьев. – СПб. : Просвещение, 1913. – Т.8. – С. 511-516.
10. Чичерин Б.Н. Собственность и государство / Б.Н. Чичерин. – М. : Изд. Мартынова, 1882. – 469 с.
11. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. – СПб. : Лань и др., 2000. – 347 с.
12. Новгородцев П.И. Сочинения / П.И. Новгородцев. – М. : Раритет, 1995. – 446 с..
13. Кант И. Лекции по этике / И. Кант. – М. : Наука, 2000. – 431 с.

Katsapova I.A. Double Nature of Sense: Ideology and National Idea // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 57-72.

Ideology, national idea; problems of modern international relations, legal relations on the level of international law, the problem of universal values are considered as relevant for the present topic. The author of the article analyzes the concept of a global community through the lens of universal values and human rights, social values, ideology and national identity. Substantiates the problem of the crisis of political and legal activity. The article explains the meaning and the technology of "double standards". The author proposes to update the theme of the so-called national ideas in the new version: the right to a dignified human existence. Quite rightly today to express the national idea, for example, such a concept as "the right to a dignified human existence." It is today the idea, formulated Soloviev as a moral principle - in each and every respect human dignity, on each and every watch as a goal, not as a means, in the whole volume reflects the content of modern relationships, regardless of their level whether interpersonal or international relations. And it should be updated today and the concept of "ideology" and the concept of "social ideal", and, of course, the philosophical foundation of law and legal reality for the correct perception of general historical perspectives related to contemporary processes of globalization. Because it is right, along with morality, is quite capable to act as a universal means not only at the level of interpersonal communication with others, but also as a facilitator of international relations, providing the necessary conditions for the implementation of the socio-cultural world of legal reality. Today, in spite of everything, dominant in the field of contemporary realities of civilized nations aspiring to democratic forms of statehood and the basics of life, remain primarily natural rights and freedoms. And it is not about the rights of the individual or group, but it is about human rights, specifically, each. In this sense, the absolute value of human rights implies universalism in their understanding.

Keywords: globalization, international relations, international law, human rights, nation, nation, national idea, political culture, law, man.

УДК 009+001

ЕЩЁ РАЗ О ЗАКОНАХ ИСТОРИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПОЗНАНИЯ

Антипов Г.А.

Обсуждается вопрос: возможна ли история как наука о законах? Анализируются и соотносятся существующие в методологии науки точки зрения по данному поводу. Предъявляется новая аргументация в пользу отрицательного решения вопроса. Демаркируются компетенции мемориальной практики и собственно научных форм историографии. Предъявлен собственный подход к интерпретации исторического нарратива.

Ключевые слова: *история, наука, законы науки, исторические законы, историческая память, нарратив*

Спор о законах истории сам имеет довольно длительную, по человеческим меркам, историю. В явной форме он был начат представителями Фрейбургской (Баденской) школы неокантианства. Различая науки не по предмету, а по специфическим для них методам, неокантианцы относили историографию к числу наук описательных, ориентированных на особенное, единичное, почему и определяли её метод как идеографический. Данному типу наук противопоставлялись науки, познавательным ориентиром которых является всеобщее. Их метод – номотетический, в конечном счёте, их смысл в познании законов реального мира. История поэтому не может считаться наукой выявляющей законы, приписывать ей подобное есть *contradictio in adjecto*. Заметим, что наличия законов общественной жизни и возможности их познания неокантианцы вовсе не отрицали, они лишь относили это к компетенции наук номотетических, вроде социологии, отмечая, правда, незначительность достигнутых здесь успехов.

В целом неокантианцы придавали большое значение борьбе против универсализации гносеологического опыта естествознания, или «натурализма». Радикальное средство такой борьбы видели в отстаивании статуса научности историографии. «Признание за историей научного характера, – писал Риккерт, – означало бы потрясение основных натуралистических понятий. Ибо, при последовательности в мышлении, там, где действительность отождествляется с природой, для истории нет места» [1, с. 12].

Историография, будучи по своей гносеологической сущности наукой, кардинально отличается от естественнонаучных дисциплин – таково главное утверждение Риккерта. Причём термин «исторические науки» объединяет у него «все те опытные науки, которые не суть естественные науки» [1, с. 26]. С этих

позиций Риккерт полемизирует со всеми теми, кто, подобно, например, Миллю, постулировал несоответствие историографии идеалам научности и в использовании естественнонаучных методов видел средство подъёма её на ступень научной дисциплины.

По Риккерт, исторические науки в особую гносеологическую категорию выделяет в действительности способ образования понятий. Он заключается в индивидуализирующей репрезентации действительности в научных понятиях. «Тот или иной предмет, – писал Риккерт, – часто интересует нас лишь постольку, поскольку он имеет что-либо особенное, ему только присущее, что отличает его от всех других объектов. Наш интерес, следовательно, и наше знание о нём направлены всецело на его индивидуальность, на то, что делает его незаменимым, и если мы также, конечно знаем, что и его, подобно всем другим объектам, можно рассматривать как экземпляр какого-нибудь родового понятия, то мы всё же не желаем приравнивать его другим вещам, стремимся выделить его из группы; на языке это отражается в том, что мы предмет в таком случае обозначаем не родовым, а собственным именем» [2, с. 20].

В противоположность этому естествознание идёт путём генерализации: действительность рассматривается с точки зрения общего, повторяющегося, свойственного множествам объектов. Исследуемые объекты выступают как экземпляры общего родового понятия, которые всегда могут быть заменены другими экземплярами того же понятия.

Особенности познаваемой реальности сами по себе ещё не диктуют выбор исследовательских форм её отображения. Одни и те же феномены могут описываться как посредством генерализации, так и индивидуализации. Поэтому, в частности, специфику исторических наук нельзя видеть в их обращённости к исследованию духовного, психического. Конечно, говорит Риккерт, всякому ясно, что радость, воспоминание и воля – не такие же явления, как купорос и сахар. Но «натурализм вполне справедливо будет утверждать, что, если духовное... и не есть... тело, оно всё же всецело относится к природе и поэтому в одинаковой степени со всеми другими объектами природы должно стать предметом единого и однообразного научного рассмотрения. И это не простая лишь теория: практика современной психологии устанавливает достоверность этого утверждения и ставит его выше борьбы различных методологических воззрений» [2, с. 15].

Исходя из этой посылки Риккерт, с одной стороны, относит к разряду исторических наук геологию и географию, а с другой – признаёт, что общественную жизнь можно изучать в рамках той же логики, которой пользуется естествознание. Это путь социологии. Точно так же двояким образом может развиваться и развивается биология. Вообще, противоположность исторических наук и естествознания не абсолютна. В «чистом» виде каждая из этих научных форм мыслима лишь как идеал, как предельный случай. Там, где естествознание видит свою цель в изучении индивидуальных объектов, оно превращается в «историографию». Но и историография использует генерализацию в качестве средства, как промежуточный этап исследования.

Доминирующее положение метода индивидуализирующего освоения действительности в историографии обусловлено, согласно Риккерт, особенностями её эмпирического материала. « В отношении метода, – писал он, – отдельные науки являются либо генерализирующими, либо индивидуализирующими. Их материал состоит либо из объектов природы, то есть действительности, утратившей всякую связь с ценностями, либо из явлений культуры, то есть действительности, отнесённой к ценностям» [2, с. 72]. Иными словами, объектом исследования в историографии становятся лишь ценные, значимые с точки зрения общества события и явления. Сама исследовательская процедура, осуществляемая историком, есть процедура отнесения к ценности. Но ценным может быть лишь то, что уникально и неповторимо. Поэтому историография и объявляется идеографической наукой.

Но тут сразу же обнаруживает себя следующее несоответствие: идеалы научного познания предполагают отказ от ценностного отношения к реальности, в чём бы эта реальность ни состояла. Целью познания становится выявление имманентных, действующих независимо от наших оценок законов. Поскольку некие явления становятся предметом научного анализа, они «извлекаются» из контекста категорий «положительное», «полезное», «безобразное» и т.п. Уместно в этой связи сослаться на Ф.Энгельса, предостерегавшего, что «апелляция к морали и праву в научном отношении нисколько не подвигает нас вперёд; в нравственном негодовании, как бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом. Её задача состоит, напротив, в том, чтобы установить, что начинающие обнаруживаться пороки общественного строя представляют собой необходимое следствие существующего способа производства, но в то же время также и признак наступающего разложения его, и чтобы внутри разлагающейся экономической формы движения открыть элементы будущей, новой организации производства и обмена, устраняющей эти пороки» [3, с. 153].

Первый, кто обнаружил эту гносеологическую коллизию был Давид Юм с его так называемой «гильотиной Юма». В «Трактате о человеческой природе», где он попытался эксплицировать методологические основания «науки о человеке», действующей «с помощью тщательных экспериментов и наблюдений» вдруг обнаружил, «что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познаётся разумом» [4, с. 618].

Но в таком случае использование понятия «наука» применительно к той форме ментальности, о которой толковали Виндельбанд и Риккерт, есть подлинное *contradictio in adjecto* (сухая влага). Если это так, то, в таком случае, каков же её аутентичный гносеологический статус? Не следует ли вспомнить, что ещё до середины девятнадцатого века, по словам Ланглуа и Сеньобоса, история воспринималась как литературный жанр. Более того, ещё и сегодня можно обнаружить суждения вроде следующего: «История – сродни искусству. Это синтез теоретического и художественно-образного мышления. Поэтому к истории нельзя подходить с теми же мерками, с какими мы относимся к другим наукам». Тогда ещё

вопрос: возможна ли история как наука, наука о законах истории и существуют ли таковые?

В более или менее отчётливом виде представление о законах истории и возможности их познания обрисовывается в конце XVIII – начале XIX веков у Канта, Конта, Милля. Маркс вообще видит свою задачу в том, чтобы «открыть закон движения современного общества». Налицо попытка простого переноса в историю общих стандартов научного познания, как они были отрефлексированы в новоевропейской философии. Однако непосредственное обращение к реальной историографической традиции с очевидностью выявляло и выявляет существенные теоретико-познавательные различия между историографией и массивами знаний однозначно квалифицируемых в качестве наук со стратегиями, ориентированными на экспликацию законов.

В традиции методологии истории «отстоялись» в связи с этим три линии аргументации.

Историография от физики, химии и т.д. отличается тем, что представляет собой «слабую версию науки». Критерием в данном случае служит степень развитости теоретического знания. Хотя историография и располагает большим объёмом теоретических знаний, она не соответствует ещё стандартам «строгой теории». Наиболее отчётливый вид этот подход обрёл в известной схеме «охватывающего закона» Поппера – Гемпеля. С представленной там позиции важнейшей процедурой в науке полагается процедура дедуктивного объяснения, а её логической процедурой – одинаковой в естественных и общественных науках: некоторый частный случай подводится под охватывающие (универсальные) законы. Говоря по-другому, это дедукция особенного явления из общего закона с помощью единичных условий. Так, если историк пишет: «Опричина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему» [5, с. 554], то, согласно концепции Поппера – Гемпеля, его объяснение событий подчиняется закону типа: «Всякий монарх, обнаруживший оппозицию своей власти, постарается предпринять против неё какие-то меры».

Но само по себе включение категории закона в предмет историографии отнюдь не означало здесь признания существования законов истории и ориентации таковой на их познание. В статье «Функция общих законов в истории» Карл Гемпель замечал: «Размышления, развитые в этой статье, совершенно нейтральны по отношению к проблеме специфически исторических законов: они не предполагают ни особого способа отличения исторических законов от социологических или других, не принимают и не отвергают допущения о том, что можно найти эмпирические законы, которые являются историческими в некотором специфическом смысле и которые хорошо подтверждаются эмпирическими данными. Но, возможно, здесь стоит упомянуть, что те универсальные гипотезы, на которые историки явно или молчаливо опираются, предлагая объяснение, предсказания, интерпретации, суждения о релевантности и т.д., взяты из разнообразных областей научного исследования, если они не являются просто донаучными обобщениями повседневного опыта. Например, многие универсальные гипотезы, лежащие в основе исторического объяснения, следовало бы вообще

квалифицировать как психологические, экономические, социологические, и, может быть, частично как исторические законы; вдобавок, историческое исследование часто вынуждено прибегать к общим законам, установленным в физике, химии и биологии. Так, например, объяснение поражения армии ссылкой на недостаток продовольствия, ужасные погодные условия, болезни и т.п. основывается на – обычно молчаливом – допущении таких законов» [6, с. 25-26].

Вторая линия аргументации по поводу законов истории представлена, прежде всего, Карлом Поппером. Разделяя, понятно, целиком и полностью концепцию «охватывающего закона», Поппер, вместе с тем, совершенно однозначно отрицает как само существование законов истории, так и возможность их познания, считая противоположную позицию проявлением веры, а не знания. Веру в существование законов истории, и возможность на основании их познания предсказывать будущее он обозначает термином «историцизм». По форме аргумент Поппера близок к тому, что говорили неокантианцы: «Поиск закона «неизменного порядка» в эволюции не вмещается в рамки научного метода, будь то в биологии или социологии. Мои доводы очень просты. Эволюция жизни на Земле или эволюция человеческого общества есть уникальный исторический процесс. Можно допустить, что такой процесс происходит в соответствии с причинными законами всех видов, например, законами механики, химии, наследственности и сегрегации, естественного отбора и т.д. Его описание, однако, есть не закон, но всего лишь единичное историческое суждение» [7, с. 30-31]. Применительно к историческому познанию можно говорить лишь о тенденциях, трендах, но тенденции не являются законами, а «суждение, утверждающее существование тенденции в определённый момент времени и в определённом месте, является единичным историческим суждением, а не универсальным законом». Общий вывод Поппера заключается в том, что история как теоретическая наука невозможна.

Вместе с тем сохраняется, впрочем, в маргинальной форме и гносеологическая традиция, утверждающая возможность научной экспликации исторических законов. Так, в не так давно вышедшей книге с характерным названием «Законы истории» можно прочитать: «Мнение о том, что в истории развития общества не может быть простых общих законов, крепко укоренилось в научных воззрениях, особенно среди представителей гуманитарных наук, непосредственно сталкивающихся в своей деятельности со всем многообразием и непредсказуемостью социальных процессов. Подобные воззрения, однако, – прямой путь к социальному агностицизму, признанию бессмысленности самого научного изучения общества, ведь задача научного анализа в том и состоит, чтобы выделить основные действующие силы и установить фундаментальные законы, отбросив детали и несущественные отклонения от общих правил». И авторы, вопреки Карлу Попперу, торжественно заявляют: «Социальная эволюция действительно подчиняется строгим, и достаточно простым макрозаконам» [8, с. 7]. Конечно, в книге под этим именем фигурируют давно известные тренды роста народонаселения Земли. Поппер, кстати, не преминул упомянуть, что подобные тенденции, продолжающиеся, подчас, сотни и тысячи лет, могут «измениться в течение десятилетия, а то и быстрее» [7, с. 34].

Причина рассмотренной и некоторых других гносеологических коллизий в историографии одна – генезис и развитие её научных форм. Как и в других областях социального познания, в историографии эти процессы разворачиваются с временным лагом относительно естествознания примерно в два столетия.

Историографию в качестве науки чаще всего начинают с «Истории» Геродота. Но это вовсе не так, если понятие науки использовать в его аутентичном смысле. Труд «отца истории» представляет собой первую попытку целенаправленной организации исторической памяти древних греков. Он ведь так и начинается свой труд: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Но и до сих пор одна из главных функций историографии заключается в формировании исторической памяти. И данное проявление историографии вовсе не укладывается в характеристики познавательной деятельности, как она реализуется в собственно науке. Здесь мы имеем дело с тем, что можно квалифицировать в качестве мемориальной практики. Но и как всякая форма человеческой практики мемориальная практика может включать и включает задачи научно-познавательного типа. Одним из первых прецедентов рефлексии по данному поводу можно считать известное возгласие Леопольда фон Ранке: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Её задача — лишь показать, как все происходило на самом деле (*wie es eigentlich gewesen*)» (Из введения к «Истории романских и германских народов с 1494 до 1535 гг.», 1824).

Можно ли, однако, рассматривать это часто повторяемое место в качестве методологического отсыла к истории как науке о неких законах? Отнюдь нет. Подобно индивидуальной памяти, память историческая должна воспроизводить целостные образы прошлых событий. Образы, а не формы знания о них. Никакое научное описание к этому не стремится. И в смысле производства, и по способу потребления образы отличаются от форм знания. Формой бытия исторической памяти выступает нарратив. Сам набор характеристик, с которыми связывают обычно существо нарратива, прекрасно демонстрирует его отличие от форм научного знания, допустим, описания. Научное описание всегда строится в плане определённого предмета науки, несколько огрублено – некоей жёстко «навязываемой» реальности модели. Ничего подобного нарратив не предполагает вовсе. Понятие же нарратива обычно связывается с понятиями рассказа, хроники, генетического объяснения, неопределённого и неточного знания, описания процесса, описания человеческого поведения, упорядочения частей в целое, описания связей обусловливания, составляющих процесс, упорядочения одновременных событий в одно целое и т.д.

Французский историк Поль Манту, автор известной работы «Промышленная революция XVIII столетия в Англии» говорил так: «Задача истории – вспомнить прошлое, и добавлял: то, что является особенным, всё то, что не повторяется более одного раза, и есть область истории». Нарратив и есть вербальная реконструкция

событий прошлого, обеспечивающая в той или иной мере эффект присутствия наблюдателя в этом прошлом. Реконструкция прошлого, осуществляемая историком в виде нарратива, представляет собой способ деятельности, разворачивающийся в иной плоскости, нежели та, которую отображают в категориях «описание», «теория», «эмпирическое», наконец, «познание». Различие между обычными научными процедурами и такой реконструкцией прошлого вполне аналогично, например, различию между деятельностью специалиста в области теоретической механики и инженера – строителя мостов, зданий машин и т.п. Это формы деятельности, охватываемые понятием инженерии. Именно здесь кроются корни сближения истории и искусства. В конце концов, и искусство, и инженерия восходят к тому, что древние греки называли *techné*. Реконструкция прошлого – это представление прошлого так, как если бы мы его наблюдали. Кстати, инженерная деятельность, как хорошо сейчас видно, тоже включает эстетическую составляющую.

Итак, историография в одном из своих качеств, добавим, генетически первоначальном, исходном, есть «служба» исторической памяти. В настоящее время, как можно видеть, в работе данной социальной «службы» возникли точки особого напряжения. Причины понятны: рост напряжения по всем аспектам изменения современной социальной реальности.

Иное дело, история как собственно научная форма знания. Она начинает конституироваться примерно с середины XIX в. Если знаменитое суждение Ранке: *wie es eigentlich gewesen* лишь призывало к адаптации научным идеалам исторического нарратива, но не элиминировало из историографии ценностных установок, то представитель родины позитивизма Фюстель де Куланж сциентистскую ориентацию для неё сформулировал вполне отчётливо. «Многие думают, – писал он, – что историку полезно и хорошо иметь предпочтения, «господствующие идеи», высшие понятия. Думать таким образом – это значит обманываться в существе истории. Это не искусство, а чистая наука, и, как всякая наука, она состоит в установлении и анализе фактов, их сопоставлении и выявлении связей между ними» [9, с. 171].

И с лёгкой руки классика именно французская историческая школа с наибольшими успехами продвинулась по путям, определяемым требованиями научного метода, причём, с теми поправками, которые были обозначены методологической рефлексией. Это путь описания трендов по их гносеологической сути. Очень характерно в этом смысле замечание Фернана Броделя, по существу тоже классика европейской исторической школы: «Вот таким образом трёхчастная схема сделалась точкой отсчёта труда, который я сознательно задумал вне сферы действия теории, любых теорий – единственно под знаком конкретного наблюдения и одной только сравнительной истории. Истории сравнительной во времени, с использованием языка, который меня ни разу не обманул, – языка длительной временной протяжённости (*la longue durée*) и диалектики прошлого и настоящего» [10, с. 35].

Едва ли, однако, заслуживает одобрения полупрезрительное отношение классика французской историографии к теории. То обстоятельство, что история как

наука о законах невозможна, вовсе не означает, что она не нуждается в теоретических формах знания. На сегодняшний день существует несколько макросоциологических теорий эволюционного типа, вроде марксовой теории формаций. Но обращаясь к опыту наиболее гносеологически близкой к истории теории биологической эволюции можно предположить, что как в биологии сейчас утвердился синтетическая теория эволюции (СТЭ), представляющая собой синтез классического дарвинизма и достижений генетики, так и в историографии появится нечто подобное. Необходима экспериментальная отрасль социального познания, ориентированная на выявление механизмов социальной преемственности («наследственности») – социальном аналоге генетики. Определённые подступы к этому в современной рефлексии науки обнаружить можно.

Список литературы

1. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Г. Риккерт. – СПб., 1913. – 615 с.
2. Риккерт Г. Философия истории / Г. Риккерт. – СПб., 1908. – 512 с.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс, К. Маркс. // Сочинения. [2-е изд.]. Т.20. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – 827 с.
4. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Соч. в 2-х т. / Д. Юм. – М. : Мысль, 1996. – Т. 1. – 1996. – 847 с.
5. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён / С.М. Соловьёв. – М. : Соцэкгиз, 1960. – Кн. 3. – 783 с.
6. Гемпель К. Функции общих законов в истории / К. Гемпель // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000. – 363 с.
7. Поппер К. Нищета историцизма / К. Поппер // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 29-58.
8. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / [Коротаяев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В.]. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 344 с.
9. Пэнто Р. Методы социальных наук / Р. Пэнто, М. Гравитц. – М. : «Прогресс», 1972. – 607 с.
10. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 1986. – 622 с.

Antipov G.A. Ones Again: the Laws of History and Possibility of Their Knowledge Reconsidered // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 73-80.

The question is discussed whether it is possible to regard history as the science on the laws? The existing scientific methodology view on this issue is analyzed and compared. The author presents new arguments in favor of the negative decision of the problem. The competences of memorial practices and proper scientific forms of historiography are demarcated. The author's own approach to the interpretation of historical narrative is presented.

Historical memory has to reproduce integral images of last events like individual memory. It must be images, but not knowledge forms about them. There is no scientific description that tends to it. Images are different from knowledge forms in a sense of their production as well as in a sense of the way of their consummation. The form of historical memory existing is a narrative. The set of narrative essence features demonstrates clearly its difference from the forms of scientific knowledge. A scientific description is always built relatively to a definite subject of science by means of toughly imposed to reality model. A narrative does not suppose anything like that.

Keywords: history, science, laws of science, laws of historical, historical memory, narrative.

УДК 16

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЗАДАЧ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЕМ СЛОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ**

Титов А.В.

В статье рассматривается проблема методологического и математического обеспечения задач прогнозирования и управления развитием объектов сложной природы. Анализируются проблемы, которые возникают при математическом моделировании процессов принятия решений. На основании анализа основных этапов процесса принятия решения выявляется диалектическое противоречие в формальном описании процессов развития объектов различной природы. На основе анализа взаимосвязи языков описания ситуации управления определяется их общая формально-языковая основа.

Ключевые слова: *оценка, сложность, теория, формальный язык, модель, структура оценки, предикативное определение, математическая структура, противоречие, диалектика.*

Объектом исследования в работе являются формальные модели в задачах управления и прогнозирования развитием сложных объектов. **Целью** работы является исследование диалектического аспекта как методологической основы построения таких моделей.

Эффективность управления сложными объектами и системами во многом зависит от того, насколько правильно определены основные стратегические и вытекающие из них тактические цели, на достижение которых ориентировано управление и от умения формировать прогнозы развития ситуации в зависимости от принимаемых решений.

В основу такого прогнозирования может быть заложен ситуационный принцип, заключающийся в том, что в каждый момент времени рассматривается пространство возможных состояний ситуации управления, под которой в общем случае будем понимать состояние объекта управления и состояние среды, в которую «погружен» объект управления. При этом вероятность нахождения ситуации управления в том или ином состоянии может быть не только неизвестна, но и сам вопрос о существовании этой вероятности может быть не корректным в связи, например, с ее уникальностью. В то же время сценарий развития ситуации

зависит от того, в каком именно состоянии она находится на момент, принятый за начальный. В частности, если ситуация описывается аналитически уравнениями с переменными коэффициентами (параметрами), то различные диапазоны изменения коэффициентов могут приводить к различным решениям.

Сложности, возникающие на пути получения точных моделей в области прогнозирования развития сложных объектов обсуждаются в [1].

Подходы к моделированию поведения сложных объектов. К способам повышения степени адекватности моделей сложных объектов и процессов можно отнести «мягкое моделирование».

Мягкие модели могут оказаться полезным инструментом для моделирования сложных объектов, поскольку на основе использования мягких моделей, можно, делать выводы для целого ряда жестких моделей, получаемых с помощью исходной мягкой модели путем вариации значений коэффициентов модели, что, может отражать изменение степени весомости параметров влияющих на оценку состояния объекта описания.

Можно еще упомянуть эвристические модели, применяемые для описания сложных объектов. Можно надеяться, что грамотное сочетание этих принципов приведет к созданию эффективных моделей сложных объектов. Однако дальнейшее развитие методов моделирования сложных объектов, позволяющих получать эффективные прогнозы их развития и способствующие принятию эффективных управленческих решений не возможно без разработки общей теоретической базы, объединяющей в систему различные виды моделирования процессов управления сложными объектами различной природы.

Интерес представляют и фрактальные модели. Чтобы получить некоторое представление о специфике фрактальных моделей процессов развития, нужно обратиться к особенностям генетических теорий.

Алгебро-логический подход как обобщение подходов к описанию сложных систем. Для разработки общей базы формального моделирования управления и прогнозирования состояний сложных объектов рассмотрим основные этапы моделирования, выполнение которых необходимо при ситуационном подходе и особенности их формального описания для сложных объектов управления.

Основные задачи, решаемые при принятии управленческого решения описаны в работе [3, с. 119].

Анализ характера задач, которые необходимо решить при принятии управленческого решения позволяет заключить, что:

- а) Необходимо привлечение экспертов.
- б) Эффективность решения связана с необходимостью вариативности аппарата формального моделирования.

Среди языков, которыми описываются ситуации управления для объектов управления различной природы, выделяют следующие [4, с. 57]:

- Естественный язык.
- Язык предикатов.
- Язык теории множеств
- Язык универсальной алгебры, в частности булевой алгебры.

Язык теории вероятностей.

Язык нечетких множеств,

Язык теории графов.

Язык функционального анализа.

Язык теории моделей

Язык теории структур.

Категорный язык.

Формулы языка предикатов, имеют эквивалентную теоретико-множественную форму. Например, фигура силлогизма

$A(M,P)$

$A(S,M)$

$A(S,P)$

может быть записана в логической форме как

$\forall x((F(x) \rightarrow G(x)) \wedge (E(x) \rightarrow F(x))) \rightarrow \forall x(E(x) \rightarrow G(x)).$

Эквивалентная теоретико –множественная форма имеет вид:

$((M \subseteq P) \wedge (S \subseteq M)) \rightarrow (S \subseteq P).$

Обобщением может служить запись на языке импликативных решеток:

$(S \Rightarrow M) \wedge (S \Rightarrow M) \leq S \Rightarrow P.$

Подобное обобщение позволяет выйти за рамки принятого в классическом моделировании логического исчисления основанного на булевой логике.

Анализ взаимосвязи между формальными логическими исчислениями позволяет выявить его диалектический характер.

В диалектике Гегеля утверждается, что конечные определения снимают сами себя и переходят в свою противоположность.

В случае формальных логических исчислений это может быть проиллюстрировано на примере семантического подхода к анализу форм логических исчислений, при котором тип логического исчисления может меняться в зависимости от выбора типа математической структуры, на которой принимает значения оценка и меры истинности [см. 5].

Вывод. В настоящее время моделирование процессов управления сложными объектами и прогнозирование их развития сталкивается с трудностями связанными с тем, что признанные классическими методы формального моделирования не всегда эффективны при описании динамики развития таких объектов. Методы формального моделирования таких объектов и процессов не систематизированы, их применение не базируется на единой методологии, что снижает эффективность их применения. Поиск новых подходов требует, прежде всего, тщательного анализа причин возникающих при моделировании состояний таких объектов. Не достаточно констатации факта низкой эффективности того или иного метода формального моделирования. Практика моделирования состояний сложных объектов в настоящее время часто нацелена на применение качественных, а не количественных оценок. Технически это осуществляется методами теории нечетких множеств, использующей лингвистические переменные, значения которых носят качественный характер. Однако эта техника не имеет достаточно надежной базы. Разработка такой базы могла бы осуществляться на основе средств современной математики и

обобщения имеющейся на сегодняшний день теории меры. Методологической базой для определения связей между методами формального моделирования, основанными на применении разных типов логических исчислений может служить диалектический подход. Применительно к методам формального моделирования это означает, что тип используемого логического исчисления определяется введенной на множестве оценок мерой истинности, а переход от одного типа меры истинности к другому рассматривается как результат противоречия и снятия соответствующей меры.

Список литературы

1. Стратегический прогноз для России на первую четверть XXI в.[Электронный ресурс] / А. Подберезкин. – Режим доступа : <http://www.viperson.ru>
2. Титов А.В. Ситуационный подход к управлению развитием крупномасштабных систем / А.В. Титов, И.А. Титов // Управление развитием крупномасштабных систем VLSD'2008. Материалы международной конференции (1-3 октября 2008). – М. : ИПУ, 2008. – С.118-120.
3. Субетто А.И. Метаклассификация как наука о механизмах и закономерностях классифицирования / А.И. Субетто. – СПб - М. : ИЦ, 1994. – 254 с.
4. Титов А.В. Построение классической и неклассической теорий алгебраической системы выбором эквивалентности на значениях оценки / А.В. Титов // Материалы международной конференции «Шестые Смирновские чтения по логике». – М., 2009. – С.36-38.

Titov A.V. Dialectic Aspects of Methodological and Scientific Support of Prognostication and Management of the Development of Complex Nature Objects // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 81-84.

The problem of methodological and mathematical support of prognostication and management of the development of complex nature objects is examined in the article. Problems which arise during mathematical modeling of decision-making processes have been analyzed. On the ground of the analysis of the main stages of decision-making process the dialectic contradiction in the formal description of development of objects of different nature is revealed. On the basis of the analysis of the accepted language types of the situation description of management their general formal and language basis is defined.

Now the modeling of management processes of difficult objects and prognostication of their development faces difficulties which are connected with methods of formal modeling that have got classical recognition as effective ones. The methods of formal modeling of the mentioned above objects and processes aren't systematized and their application isn't based on universal methodology that reduces efficiency of their application. A search of new approaches demands, first of all, the careful analysis of the reasons of the conditions of such objects arising in a process of modeling. It is not enough to disclosure the fact of low efficiency of this or that method of formal modeling. Practice of condition modeling of difficult objects is often pointed at application of qualitative estimations, but not quantitative ones.

Methodological base for definition of communication between the methods of formal modeling is grounded on application of different types of logical calculations approaches. A type of the used logical calculation is defined by the validity measure that has been included into a set of estimates.

Keywords: assessment, complexity, theory, formal language, model, structure of an assessment, predicative definition, mathematical structure, contradiction, dialectics.

УДК 168:303:36

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ (ОЧЕРК МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Жалдак Н.Н.

Категории «социальные силы», «потребности субъекта», «интересы», «общественные отношения» и другие категории объяснения человеческой деятельности с тем содержанием, которое частично раскрывается в данной статье, а также в других работах автора, имеют методологическое значение для исследования влияния информационных конфликтов на воспроизводство социальных сил сторон конфликтов. Духовные, т.е. управляющие, силы меньше, чем управляемые. Поэтому деструктивное действие изображениями и в особенности словами в информационном конфликте «выгоднее», чем прямое нанесение материального ущерба. Такие действия могут быть направлены на духовные силы, которыми выражаются потребности, и на все силы, которые составляют содержание потребностей. Интерес субъекта состоит в том, чтобы в данных объективных условиях, согласно своей информированности, каждый нужный результат достичь минимальной затратой, а данной производимой затратой достичь максимальных результатов. Это значит, что информационным воздействием можно менять действующий интерес субъекта и управлять его деятельностью.

Ключевые слова: *информационный конфликт, социальные силы, потребности, интересы, методология социального исследования.*

Объект – информационные конфликты. **Цель** исследования – показать методологическую значимость категорий объяснения человеческой деятельности для исследования соотношения информационных конфликтов и воспроизводства социальных сил конфликтующих субъектов.

Когда информационные конфликты приобретают масштабы и значение информационной войны, для определения этой войны и других видов таких конфликтов необходимо конкретизированное знание об информационных конфликтах вообще. В связи с этим встает методологический вопрос о методе конкретизации этого знания. В качестве такого философского метода автор предлагает использовать познавательную логику, которая представляет собой систему логических форм вопросов и ответов на конкретизацию знания о любом объекте [см.: 1] и в первом приближении построена автором аналогично системе категорий «Науки логики» Гегеля [см.: 2]. В этот метод, в первую очередь входят

категории объяснения человеческой деятельности с тем их пониманием, которое изложено в работах автора [см.: 1, с. 76-85; 3, с. 30-180; 4, с. 16-19; 5, с. 53-86]. Разумеется, в рамках этой небольшой статьи ее тема может быть раскрыта лишь фрагментарно и только как пример для стимуляции дальнейшей исследовательской мысли.

Ответ на обязательный вопрос о существовании информационного конфликта на реальность его как объекта исследования должен быть дан его определением.

Конфликт – это взаимное уничтожение его сторонами социальных сил друг друга. Информационный конфликт – это уничтожение сил друг друга в сфере производства, распределения, обмена и потребления, в сфере, в которой осуществляется передача, получение, накопление и использование информации. Имеется в виду, как непосредственное уничтожение духовных сил, так и через его посредство уничтожение материальных сил. Как и всякое действие, информационный конфликт субъект осуществляет путем затраты на это части своих сил, если они есть и если противная сторона ущемляет интересы субъекта. Если один уничтожает силы другого, а другой не отвечает тем же, то конфликта нет, хотя со стороны первого есть конфликтогенное действие.

Существенный пункт данного в предшествующем абзаце определения – возможность опосредствованного уничтожения материальных сил. В конечном счете, основание конфликтности в обществе – соотношение материальных сил.

То, насколько значимым, действенным вообще бывает информационный конфликт, определяется строением социальных сил и соотношением в них духовной и материальной составляющих. Для выяснения этого требуется определение социальных сил.

Сила – это энергия способная совершать работу, способная производит изменения в среде. Сила измеряется по ее проявлению. Социальная сила – это сила природы, направленная на осуществление целей человека. (Что в деятельности человека сообразно его сознательно поставленным целям, то социально.) Человек как субъект социальной деятельности есть самоуправляемая социальная система, которая включает не только биологическое тело человека, но и его внешние средства деятельности, состоящие обычно из предметов деятельности и средств воздействия на эти предметы. Уже поэтому социальные силы субъекта (человека или самоуправляемой общности) представляют собой сложную систему. Эта система тем более сложна, что в мозгу человека для непосредственного управления материальной деятельностью имеется соответствующая действительности чувственно-образная (первосигнальная) модель, а над ней для управления последней надстроена, соответствующая ей и действительности символическая, словесная (второсигнальная) модель.

Соответственно, действительная социальная сила есть соединение в нужном месте и времени в нужной последовательности, в нужном качестве и количестве всех семи следующих сил: 1) заключенных в предметах деятельности, 2) заключенных во внешних средствах изменения предметов, 3) физических, заключенных в биологических телах людей, 4) способности образно представлять деятельность, ее условия, средства и результаты, 5) способности желать эту

деятельность в этих условиях, желать применение этих средств и достижение этого результата, 6) способности словесно, символически мыслить об этой деятельности с этими средствами и результатами, способность символически моделировать деятельность, 7) силы (способности) словесно, символически мыслить о желанности этой деятельности с применением данных средств и результатов, способность словесно символически мыслить, выражать желанность (здесь 1-3 – материальные силы; 4 и 5 – силы для чувственно-образного моделирования, 6 и 7 – силы для словесного, символического моделирования). Сила 7 составляет волю субъекта, благодаря которой он может управлять своими естественными желаниями.

(Предложенный примерный, рабочий перечень наименований сил может уточняться и дополняться в связи с уточнением и дополнением категорий, в которых социальные силы осмысливаются, но и в таком виде этот перечень позволяет делать практически значимые выводы.)

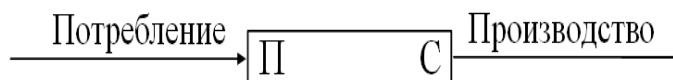
Всего сочетаний наличия или отсутствия компонент, совпадение которых составляет действительную социальную силу – 27. Из них 27 минус 2 – это неполные сочетания потенциальных сил.

Из полных сочетаний одно соответствует действительным силам, остальные сочетания включают в себя потенциальные силы, которые частично составляют резервы, а частично теряются. Материальные носители социальных сил могут называться факторами или условиями деятельности.

В приведенном перечне силы выстроены таким образом, что каждая предшествующая – это определяющая, но управляемая сила по отношению к последующей, а последующая – это управляющая, но определяемая по отношению к предшествующей. Управляющая сила осуществляет выбор из того множества возможностей, пределы которому задаются управляемой, но определяющей силой. Конечные управляемые силы – это силы, заключенные в предметах природы. Они – первоисточник потенциальных и действительных человеческих сил, ими определяется всё, что может сделать любой субъект.

Информационный конфликт осуществляется в сфере воспроизводства духовных сил, т.е. воздействует на духовные управляющие силы. Для того, чтобы ответить на вопрос о том, насколько информационное конфликтное взаимодействие «эффективнее», выгоднее, чем взаимное нанесение энергетического или вещественного ущерба, надо учитывать, что в самоуправляемой системе управляющая сила управляющей подсистемы, как правило, больше, чем управляемая сила управляемой подсистемы. Осуществление информационного воздействия изображениями, а тем более словами, значительно экономичнее, чем собственно вещественно-энергетическое воздействие. При равном влиянии на материальные силы, воздействие на более высокий уровень духовных сил, как правило, более выгодно, менее затратно, чем воздействие на низший, управляемый уровень.

Каждой из сил субъекта соответствует его потребность получить такую силу в случае отсутствия. Потребности субъекта (П) – это осознанное переживание такого недостатка сил для последующего существования, который необходимо восполнить затратой имеющихся сил (С).



Таким образом, в информационном конфликте могут как уничтожаться уже имеющиеся у субъекта духовные силы, так и ущемляться потребности в удовлетворении соответствующих потребностей. Могут уничтожать носители полезной информации, например, памятники, а могут затруднять доступ к полезной информации, например, о новых технологиях. Могут поддерживать сохранение имеющихся вредных сил, например, суеверий, а могут распространять носители вредной лживой информации для ее передачи субъекту.

Над воспроизводством сил для чувственно-образного моделирования (4, 5) работают художники, скульпторы, музыканты, и в их деятельности главное есть то, какие образы вещей и действий делаются желанными для их слушателей и зрителей.

Над воспроизводством сил для словесного символического моделирования работают литераторы (6, 7), и главный результат их работы есть то, какими словами и к чему будут выражать свои желания читатели или слушатели.

Слово должно быть не пустым, а значащим, поэтому слово объединяется с образом в театре. Образ без слова будет, если не бессмысленным, то все же недоосмысленным, непонятым, недостаточно влияющим на духовные силы человека, и ведущий музыкального концерта ищет наилучшие слова, рассказывая, о чем эта музыка. Действие, которое по его вредности должно было быть конфликтогенным и породить конфликт, в области воспроизводства духовных сил может действовать подобно наркотику. Например, музыка, которая приятна для ее слушателя может сопровождать блатной текст и утверждать приемлемость или желанность антиобщественных форм поведения.

Соответственно тому, какие недостающие силы включаются в содержание потребностей, а именно по тому, для кого полезны или вредны эти силы, множество всех потребностей людей делится на $2n$ подлежащих рассмотрению подмножеств, где n – количество социальных систем, с которыми связана жизнедеятельность субъекта, включая и его самого. Например, в идеальном случае потребность может быть полезной для общества, для государства и для индивида, а в прочих случаях в разных сочетаниях бесполезна для кого-то из них. Это относится и к духовным силам и потребностям, притом что те духовные силы (5, 7), которые управляют деятельностью субъекта, проявляются в выражении его потребностей. Вместо прямого уничтожения тех сил и потребностей субъекта, которые полезны для него, информационным воздействием может осуществляться намеренное формирование у субъекта вредных для него потребностей, которыми будут вытесняться или принижаться полезные. Если же субъект становится носителем вредной для него потребности, то ее удовлетворение равнозначно уничтожению его полезных сил, но конфликтогенном для него такое уничтожение его сил не является. Существенно то, что, Если субъект сохраняет и удовлетворением потребностей поддерживает у себя силы вредные для социальной системы, в которую входит, то это – конфликтогенное поведение для такой системы. Последняя может быть вынуждена

реагировать, тем самым получая внутренний конфликт и уничтожение в нем некоторых собственных сил. Соответственно формирование средствами информации у людей вредных потребностей и духовных сил есть удобный способ разрушать те социальные системы, в которые эти люди входят.

Подходящим условием такого информационного уничтожения сил социальной системы может быть то, что для облегчения управляемости сама система может не формировать у своих членов-исполнителей способности осознавать, рассчитывать свои личные и свои общие интересы, понимать значение объединения как источника общественного прироста социальных сил.

Абстрактное утверждение «в единстве сила» может оказаться недейственным без наполнения его конкретным знанием об источниках этой силы.

Главный источник социальных сил – это кооперация, в которой кооперирующиеся берут друг от друга такие силы, каких у них вне кооперации нет, и устраняют несовпадение разных видов своих потенциальных сил за счет взаимного дополнения неполных комбинаций. Таким путем субъекты сверх арифметической суммы тех своих действительных сил, которые они имеют независимо от кооперации, получают общественный прирост социальных сил.

Соответственно средствами информации в сознание членов разрушаемых социальных систем могут внедряться идеи «освобождения от зависимости». Поддаваясь на призывы к свободе жертвы обмана лишаются того прироста сил, за счет которого жили и имели реальную свободу выбора. Для облегчения разрыва одних отношений часто предлагаются другие. Притом это могут быть отношения, в которых субъект не получает ожидаемое, но разрыв которых может нанести больший ущерб, чем их сохранение и др.

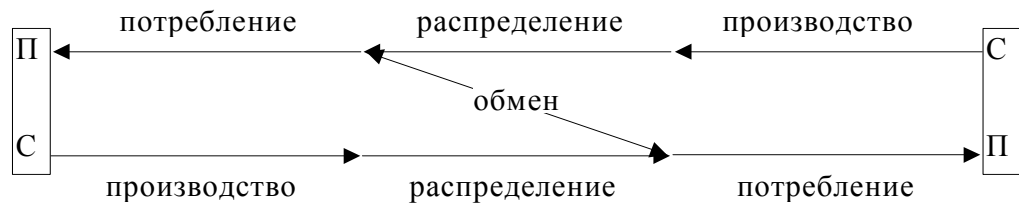
Для объяснения деятельности вообще и информационных конфликтов, важна категория «интерес». Дело не только в том, что может субъект, какие у него силы, и чего хочет субъект, какие у него потребности. Важно то, удовлетворение каких конкретных потребностей из всего их множества и какими конкретно из имеющихся у него потенциальных сил, он будет удовлетворять в данных объективных условиях, т.е. будучи в некотором положении.

Интерес субъекта состоит в том, чтобы в данных объективных условиях, согласно собственной информированности и оценкам, каждый нужный результат достичь минимальной затратой ресурсов, сил а данной производимой затратой достичь максимальных результатов, удовлетворенных потребностей.

Для оценки значимости информационных воздействий значимо именно то, что субъект соизмеряет свои результаты и затраты не в действительности, а в своей духовной сфере, т.е. степенью собственной удовлетворенности или неудовлетворенности, в своих чувствах и в своих мыслях. При этом субъект обречен на неполноту и на некоторую искаженность знания об объективных условиях своей деятельности и о том, каким возможностями он располагает. Такое соизмерение происходит не только в сознании, но и в подсознании. Большей частью мозг перерабатывает информацию, не выводя этот процесс в сознание. К тому же информация может загружаться в мозг, минуя сознание, и может действовать, будучи неосознаваемой. Таким образом, информационные воздействия могут

существенно влиять на мотивацию деятельности, на действующие интересы субъекта, побуждать тратить силы на достижение иллюзорных результатов и др. Кроме того, для достижения эффекта в информационном конфликте могут использоваться неинформационные воздействия на мозг, но именно с непосредственной целью изменить его способности к получению, хранению и переработке информации.

В информационном конфликте может обыгрываться конфликтогенность самого устройства общественного отношения:



Эта схема обмена деятельностью в общественном отношении двух сторон, двух субъектов, делает явным, что их интересы находятся в обратной зависимости: $I = P1/C$; $C/P = 1/I$. Хотя субъекты вступают в отношения ради получения общественного прироста воспроизводимых ими социальных сил, но чем большая доля приобретаемого общественного прироста социальных сил достается одному, тем меньшая – другому. Тем не менее, их действующий общий интерес состоит в том, что каждый из них, согласно его субъективной оценке, получает и потребляет именно в этом отношении больше, чем мог бы это делать с любым другим потенциальным партнером. Эта оценка опять-таки может быть ложной и стороны информационного конфликтного взаимодействия могут этим пользоваться. Они могут побуждать к разрыву реально выгодных и к установлению реально невыгодных для другой стороны отношений.

Один субъект, объединяясь с другим, может желать те силы другого, которые тот и сам для себя мог бы использовать. В таком случае он пойдет на уничтожение или на прекращение действия каких-то иных сил другого, которые нужны для этого использования. Например, одна сторона может сократить информационные, интеллектуальные ресурсы, образование и промышленность другой, чтобы пользоваться ее природными ресурсами. При этом для первой выгодно использовать и тот ресурс возможностей загрязнения природной среды, которым располагает другая. Если превратить территорию другой в свалку, это будет надежно мешать самостоятельному использованию другой стороной собственных природных ресурсов.

Следует учитывать, что конфликтные, антагонистические и недружественные отношения различаются по разным основаниям. Информационно конфликтовать можно и по-дружески, стремясь уничтожить у другого вредные ему же силы и потребности. Но с другой стороны, и вражда может выдаваться за такую дружбу.

Социальная сила системы зависит не только от объема ее материальных ресурсов, но и от умения эффективно использовать их, а главной, хотя и

определяемой ими, является духовная сила, которую надо уметь сохранить и увеличить в условиях неизбежных информационных конфликтов.

Выводы: категории объяснения человеческой деятельности такие, как «социальные силы», «потребности субъекта», «интересы», «общественные отношения» и другие, с тем их содержанием, которое частично раскрывается в данной статье и в соответствующих работах автора, методологически значимы для исследования соотношения информационных конфликтов и воспроизводства социальных сил конфликтующих субъектов.

Список литературы

1. Жалдак Н. Н. Познавательная логика вопросов и ответов : [монография] / Н.Н. Жалдак. – Белгород : ЛитКараВан, 2010. – 104 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф.Гегель. – СПб. : «Наука», 1997. – 799 с.
3. Социальные силы (от марксистского к кибернетическому пониманию) : монография / Н.Н. Жалдак. – [изд-е 2-е, испр. и доп.]. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 268 с.
4. Жалдак Н. Н. Изобразительный логико-семантический анализ категорий детерминизма в философии экономики / Н.Н. Жалдак // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 4. – С. 16-19.
5. Практическая философия: учебное пособие / Н.Н. Жалдак. – [изд. 4-е испр. и доп.]. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 96 с.

Zhaldak N.N. Informational Conflicts and Social Forces (Essay of Research Methodology) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 85-91.

Categories "social forces", "needs of the subject", "interests", "social relations" and other categories of explanation of human activity with the content, which is partially is disclosed in this paper and also in other works of the author, have methodological significance for the investigation of influence of the informational conflicts on the reproduction of the social forces of participants of conflicts. Spiritual, ie controlling, forces is less than which are controlled. Therefore, the destructive actions of images, and especially of words in the informational conflict are "more profitable" than causing of direct material damage. Such action may be directed to the spiritual forces that express the needs and to all forces that make up the content of needs. Interest of the subject is in objective conditions in according to his knowledge each desired result to achieve by minimum costs and by given costs to achieve maximum results. This means that information impact can change acting interest of the subject and to manage his activities.

Key words: information conflicts, social forces, needs, interests, methodology of social research.

УДК 316.33:67.7

METHODOLOGICAL INVARIANT OF COMMUNICATION STUDIES

Ivanova R.A.

The results of the research of the main widespread approaches to communication studies have been presented in this work. The choice in favor of this topic is stipulated by the diversity and enormous information scope devoted to communication. The information scope which is constantly replenished with new researches is hardly ordered in methodological respect. This is the gap we are trying to fill. The methodological invariant corresponds the interpretation of communication through sorting out the set of communicative attributes. Communicative attributes are essential features of communication. The quantity of attributes has axiomatic nature. The purpose of ordering the attributes has not been set in this work. The list of attributes has been dictated by explicit and implicit interpretations of communication that were brought from really provided investigations. Despite the great number of approaches and models, it is possible to reduce them to the unified methodological invariant. Each of the examined texts devoted to communication researches includes the axiomatic core of communicative attributes. All the rest elements are concentrating around that core. It does not prevent the researchers from investigation, vice versa, it creates diversity and fruitfulness of the examined approaches and models.

Key words: *communication, communication studies, methodological invariant.*

The results of the research of the main widespread approaches to communication studies have been presented in this work. The choice in favor of this topic is stipulated by the diversity and enormous information scope devoted to communication. The information scope which is constantly replenished with new researches is hardly ordered in methodological respect. This is the gap we are trying to fill.

Despite the fact that communication has been accompanying humanity throughout all stages of its development, till the beginning of the XX century this phenomenon was slightly discerned in the shadow of its daily everywhere-presence. That is the reason why the discourse about communication does not have a long history. The technological explosion of the XX century in the sphere of IT provoked the attraction of attention to interpersonal communication and revealed its inclination to hegemonisation of daily human activity. It seems reasonable to make a careful examination of the existing approaches to communication from the theoretically-methodological point of view and expose some methodological invariant on the basis of these approaches. It is impossible to overestimate its conceptual value for the theory of communication. Conceptual value of

the methodological invariant is the fact that real diversity and dissociation of conceptual models of communication studies can be reduced to a stable semantic distinctness, to some concentration which implicitly exists in spite of the absence of exact regulating of deductively-systematic form.

Degree of the scrutiny of the problem.

The professor of Colorado University, the president of International communicative association during 2003-2004, Robert Tomas Craig marks out seven main communicative paradigms. The list is the following [5, p.73 - 74, 87 - 91].

1) In the frames of rhetorical paradigm communication is considered as practical craftiness of creating a conversation (used terminology: craftiness, method, audience, common point of view, logics, and argumentation);

2) In the context of semiotic paradigm communication is being investigated in the capacity of interpersonal interaction mediated with signs (terminological apparatus: sign, symbol, meaning, language, denotation, connotation, referent, code, means of understanding);

3) In the phenomenological paradigm communication is regarded as having different experiences, or as a dialog (vocabulary: experience, «I» and «The Another», dialog, authenticity);

4) Communication in the cybernetic paradigm is a process of the data handling. (terms: source, receiver, signal, information, noise, feedback, network, function, redundancy);

5) Inside the social-psychological paradigm communication is examined as expression, interlocution and influence (notions: behavior, effect, personality, emotions, perception, cognition, purpose and interlocution);

6) In the sociocultural paradigm creating and reproduction of social order is understood as communication (glossary: society, structure, practice, ritual, rule, socialization, culture, identity, cooperative activity);

7) In the context of critical paradigm communication is treated as discursive reflection, hegemony of ideology, distortion of the speech-situation (ideology, dialectics, suppression, rise of the awareness, emancipation).

The objective of selection of the methodological invariant of communication was not formulated by Professor Craig.

The purpose of the diploma is to distinguish the methodological invariant of communication studies. Here are the following objectives which are proponed in the work:

1. To order the existing research database concerning communication.
2. To analyze the existing approaches to investigation of communication and the models which are formed on their ground.
3. To implement comparative analysis of derived models with the aim to define their invariant features.
4. To complete the existing conceptions with author`s hypotheses.

The following hypotheses are suggested in the capacity of the working ones:

1. Ranking of the diversity of special communication studies is possible according to fundamental approaches and their combinatoric variations.

2. Typical and combinatorial models derived by implementation of these approaches are based on the methodological invariant of the axiomatic characteristics.

There are two key terms in the work: «invariant» and «communication».

The term «invariant» is actively used by different sciences, from physics to linguistics which is natural taking into account the etymology of the word. The word «invariant» that has become an international term (the reason in favor of the choice of this word exactly, but not the term «постоянная» nor «неизменная») and interdisciplinary (that is why not «constant» that keeps some meaning from physics only), is taken from Latin.

Physicists talking about invariance imply laws of nature in the extensive sense of that idea or Einstein theory of relativity in the narrow sense of the word. The theory of relativity is the name that misleads, because the most important attribute of this theory is that some things are not relative, for instance absolute velocity of light. In fact, Einstein wanted to give his theory the name Invarianttheorie.

Molecular biology investigates invariant characteristics of organic systems which remain permanent after any alterations. In psychology invariant denominates the community of the most important perception of the object by different cognizing subjects.

In linguistic invariant mostly means the element of an abstract language system in its abstraction of its factual realization.

Invariant in math is a feature of some group (quantity) of mathematical objects to remain unchangeable during the transformation of a definite type. The conception of invariants is considered to be one of the most significant ideas in math because the study of invariant is directly connected with the aims of classification.

Logics suggest calling invariant a phrase, figuring...connected with some integral aggregate of objects which remains unvaried on the whole spreading of its transformations.

Obviously, that does not matter which content fulfills the terminological form «invariant» depending on the specificity of particular investigations, the principle of immutability tends to be the same from definition to definition. Invariance turns to be the binary opposition of variability.

In the context of the work the invariant of communication is going to be discussed. it is planned to implement the searching of such research aspects of the communication studies which do not vary from scientist to scientist. The term-prefix «methodological» takes place in the title to point out the fact that it is not «alive» communication with its «field» features that is under investigation but the massive of information accumulated about it. There is no comprehensive current definition of the notion «communication» due to the reason of its strong dependence of its interpretations on the research backgrounds. Therefore we will be limited by the working definition: communication is an interpersonal interlocution of any degree of mediation.

The variety of provided investigations of communication is divided into special and contextual ones. The subject of special studies is communication itself. In such researches the term «communication» is used as a core one, so the understanding of communication does not demand any extra methodological reconstruction. The issue of contextual studies can be different, it can be anything connected with communication, from particular cases

to practical applicability. The notion «communication» in that kind of studies is rather diffused, not identified deliberately and is contextual per se.

The intention of contextual studies is mainly directed to the rise of effectiveness with definite purposes. That is the reason why this type of investigation is secondary while the main interest is caused by special communication studies.

The ordering of the diversity of special communication studies according to fundamental and combinatorial approaches is implemented with the determination of dominant research tendencies – informational, substantive, behavioral and holistic (look at tables). Correspondingly, informational component of communication is fundamentalised in the informational approach, semantic component – in the substantive approach, behavioral element, accordingly, is accentuated in the behavioral approach and, at last, the component of the unity of entities dominates in the context of the holistic approach. Fundamental approaches in communication studies: (1) informational program; (2) substantive paradigm; (3) behavioral matrix; (4) holistic paradigm.

Typical models

Informational program	Substantive paradigm	Behavioral matrix	Holistic paradigm
mathematic model (C. Shannon)	hermeneutic model (G.Shpet)	performance model (E. Hoffmann)	dialogical model (M.Buber, M. Merleau-Ponty)
	protocorrespondential model (Y. Lotman)	symmetric model (J. Newcombe)	united model (C.Frank)
	Situation-event model (A.van Dyck)		existential model (K. Jaspers)

However, there are very few of pure investigations with mixed combinations are being observed more often. Combinatorial variations of fundamental approaches are more widespread as well as combinatorial models which appear as a result of realization of fundamental approaches.

Combinatorial models

Information-substantive variation	Substantive-behavioral approach	Substantive-holistic models	Behavioral-holistic combining
ignoristic model (N. Luhmann)	analytical model (J.Austin, J.Searle)	intersubjective model (A. Schütz)	methaphysic model (D. Hildebrandt)
correspondent model (R. Jacobson, H. McLuhan)	argumentative model (R. Grootendorst)	textual model (A.Pyatigorskiy)	
pragmatic model (P. Grice)	conceptual model (G. Lakoff)		
semantic model (U.Eco,J.Baudrillard)	ethical model (K.Apel,J.Habermas)		
structuralistic-dialogical model (M.Bahtin)			

Typical and combinatorial models received as a result of application of corresponding approaches are based on definite methodological invariant. The whole diversity of communication study can be reduced to it according to our hypothesis.

The methodological invariant corresponds the interpretation of communication through sorting out the set of communicative attributes. Communicative attributes are essential features of communication. The quantity of attributes has axiomatic nature.

The examined material allows to identify the following attributes of communication:

potentiality;
incompleteness;
anticipation;
involment;
difference;
identification;
completeness, the level of quality;
inevitability, a need;
impression;
space-time extension;
normativity;
presence or absence of instruments;
connection with behavior;
intentionality

The purpose of ordering the attributes has not been set in this work. The list of attributes has been dictated by explicit and implicit interpretations of communication that were brought from really provided investigations. Actually researchers of communication use these attributes explicitly or implicitly in the axiomatic meaning.

As we can see, despite the great number of approaches and models, it is possible to reduce them to the unified methodological invariant. Each of the examined texts devoted to communication researches includes the axiomatic core of communicative attributes. All the rest elements are concentrating around that core. It does not prevent the researchers from investigation, vice versa, it creates diversity and fruitfulness of the examined approaches and models.

References

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – [2-е изд., стер.]. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А.В. Бондаренко // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. – СПб. : Наука, 2003. – 736 с.
3. Вигнер Ю. Этюды о симметрии / Ю. Вигнер. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2002. – 320 с.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М. : Наука, 1976. – 720 с.
5. Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания / Р.Т. Крейг // Компаративистика – III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. – СПб., 2003. – 273 с.
6. Попов В.Л. Инвариант / В.Л. Попов // Матем. Энци. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – Т.2. – 1979. – 600 с.
7. Стюарт И. Истина и красота: Всемирная история симметрии / Иэн Стюарт ; [пер. А. Семихатова]. – М. : Астрель: CORPUS, 2012. – 461 с.

Иванова Р.А. Методологический инвариант исследований коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2014. – Т. 27 (66). — № 3. – С. 92-97.

В статье рассматриваются результаты изучения основных представленных в литературе подходов к исследованию коммуникации. Осуществлено методологическое упорядочение имеющегося объема информации о коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, исследования коммуникации, методологический инвариант.

УДК - 130.2.

ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: НАУЧНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ

Фахрутдинова А.З.

Рассматривается проблема конфликта и несоизмеримости интерпретаций социальных изменений в современном мире, в частности на территории Крыма и Украины. Для решения проблемы используется понятие «несоизмеримости парадигм», заимствованное из методологии науки. Показано, что политические оппоненты, как и сторонники конкурирующих научных парадигм, живут в различных ментальных мирах: используют несоизмеримые логику рассуждения и аргументации, «наполняют» свой мир различными фактами и событиями. Для выявления факторов формирования политических парадигм использованы результаты американских исследований электорального поведения: школ политической социологии и политической психологии, а также политэкономической школы. Представлены возможности и ограничения для решения этой задачи модели «мыслящего избирателя», появившейся в результате сближения этих подходов и являющейся частным случаем модели ограниченной рациональности. Показано, что цивилизационный подход, в частности работы Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, имеет значительный потенциал для объяснения причин конфликта и несоизмеримости интерпретаций и оценок социальных изменений в Крыму и на Украине. Рассмотрены идеи цивилизационных различий между Россией и Европой (Н.Я.Данилевский) и стадий развития цивилизации (К.Н.Леонтьев) как имеющие наибольшее значение в этом контексте.

Ключевые слова: *конфликт интерпретаций, несоизмеримость парадигм, факторы формирования политической парадигмы, школы электорального поведения, модель «мыслящего избирателя», модель ограниченной рациональности, цивилизационный подход, культурно-исторические типы, стадии развития цивилизации.*

Современная социальная реальность, в частности ситуация в Крыму и на Украине, потребовала от социальной науки и философии осмысления как этой проблемы в целом, так и ряда ее аспектов. В частности заслуживает особого внимания вопрос о конфликте интерпретаций и оценок социальных изменений, произошедших на данных территориях. Представим наиболее актуальные, на наш взгляд, подходы к решению этого вопроса.

Прежде всего, об исходных понятиях. То, что в средствах массовой информации и обыденном сознании выглядит как конфликт, сопровождающийся бурей эмоций и жестким противостоянием оппонентов на аналитических передачах, токшоу, в комментариях к статьям в Интернете, в личном общении и переписке зачастую уже бывших друзей и приятелей, по сути, в большинстве случаев можно интерпретировать как несоизмеримость интерпретаций, несоизмеримость парадигм.

Понятие несоизмеримости парадигм было введено в научный оборот в работе Т.Куна «Структура научных революций» и было впоследствии распространено на многие области научного исследования. При многих различиях научных и политических парадигм налицо и моменты совпадения.

Характеризуя несоизмеримость видения мира представителями конкурирующих парадигм, Т.Кун говорит о различных стандартах исследования, разных проблемах, которые должны быть решены с помощью каждой из них. Второе, на что он обращает внимание – это различный смысл одних и тех же понятий, терминов. В-третьих, это то, что защитники конкурирующих парадигм работают в «разных мирах».

«Защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои исследования в разных мирах, – утверждает Т.Кун, – В одном мире содержится сдерживаемое движение тел, которые падают с замедлением, в другом – маятники, которые повторяют свои колебания снова и снова... Один мир «помещается» в плоской, другой – в искривленной матрице пространства. Работая в различных мирах, две группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной позиции и смотрят в одном и том же направлении» [1, с. 224].

Применительно к предмету нашего исследования – различию интерпретаций ситуации в Крыму и на Украине – налицо многие признаки несоизмеримости. Не раз мы слышали от руководства европейских держав о несоизмеримой логике рассуждений и параллельных мирах оппонентов. Так, после очередного телефонного разговора с В.Путиным, А.Меркель заявила, что руководитель России живет в параллельной реальности, что он потерял связь с реальностью.

Характерно также то, что политические оппоненты приводят при обосновании своей позиции различные исторические аналогии, совершенно не воспринимая аналогии другой стороны. Так, украинская официальная власть и пропаганда видят в присоединении Крыма аналогию аннексии нацистской Германией Судетской области, осуществлённую 1-10 октября 1938 года в результате Мюнхенского соглашения. Вместе с тем, представители конкурирующей политической позиции – российские и пророссийский силы в Крыму и на Украине – обращают внимание на позицию Европы в этом вопросе. Как известно, аннексия Судет стала возможной благодаря молчаливому согласию Великобритании, Франции и Италии, которое трактуется многими историками и политиками как момент противостояния Советскому Союзу, проявлению сложившихся достаточно давно неприязни и страха перед Россией. Эти мотивы, по мнению многих представителей российской стороны, формируют и сегодняшнюю позицию Евросоюза и США в вопросе о присоединения Крыма. Характерны также различные интерпретации и

акцентирование различных сторон ситуации раздела Косово и провозглашения независимости Республики Косово 17 февраля 2008 года.

Что касается тезауруса описания событий, то здесь можно привести множество примеров придания различных смыслов одним и тем же объектам при их наименовании: «аннексия» территории Крыма Россией или его «присоединение», «возвращение»; «террористы», «сепаратисты» или «ополченцы» и пр. Самый главный, на наш взгляд признак несоизмеримости ментальных миров противоборствующих сторон – это принципиальное игнорирование фактов, не укладывающихся в парадигмальное видение. Здесь и игнорирование со стороны украинских, европейских и американских властей очевидных преступлений в Киеве, Одессе и других городах Украины, и откровенно нацистский характер многих акций Правого сектора, и убийства мирных жителей на Юго-Востоке Украины и многое другое. Российская сторона также не акцентирует внимание на ряде фактов: скажем, обращая пристальное внимание на такую норму международного публичного права, как «право нации на самоопределение», не столь активно проговаривает и раскрывает смысл другой – «защита территориальной целостности и неприкосновенности государства».

Данные параллели позволяют, на наш взгляд, использовать эвристические возможности модели несоизмеримости парадигм для анализа конфликта интерпретаций ситуации на Украине. Вместе с тем эти возможности не стоит и преувеличивать: ведь науке ситуации несоизмеримости временны, политические парадигмы же сосуществуют и будут сосуществовать достаточно долгое время. Кроме того, и это еще более существенно, модель Куна объясняет, почему приверженцы разных парадигм замечают ряд фактов и по-разному их интерпретируют, но не дает ответа на вопрос, как формируются сами парадигмы.

Политологи, социологи и журналисты, анализируя современную ситуацию на Украине, выделяют множество факторов, формирующие современные несоизмеримые ментальные миры. Отмечают различные геополитические и экономические интересы, и идеологическое воздействие официальной пропаганды и СМИ, и стремление к возрождению империи в России и симметричное противостояние этому стремлению на Западе, и «политическая дуэль» В.В.Путина и Б.Обамы, и особенности исторического развития России и различных областей Украины.

Одни из этих факторов связаны с политическими установками элиты, другие – с особенностями массового сознания, разделившего эти установки под воздействием пропаганды и СМИ или сформировавшимися исторически. Множество и теоретическая неупорядоченность выделяемых факторов – что неудивительно для преимущественно оперативного и публицистического характера их выявления и анализа – заставляют обратиться для дальнейшего исследования уже сформировавшимся научным теориям.

В этом смысле большей системностью по сравнению с результатами анализа по «горячим следам» событий обладают теории электорального поведения, сформировавшиеся в американской социальной науке. Данные теории развивались с начала прошлого века в рамках трех школ.

Направление, реализующее социологический подход, основано на представлениях о детерминированности электорального выбора социальными характеристиками. С точки зрения школы политической социологии, основателем которой являлся П.Лазерфельд, электоральный выбор и поведение избирателей определяется не сознательной политической позицией и не политической информацией о кандидате и его программе, а фактом принадлежности избирателя к той или иной большой социальной группе. Сам акт голосования оказывается не столько свободным политическим волеизъявлением, сколько проявлением солидарности индивида с группой. Данная модель обладает определенной объяснительной силой для исследуемой нами ситуации на Украине. Так, существенны различия между взглядами представителями различных географических областей, профессиональных групп, центра и периферии.

Согласно представлениям сторонников «социально-психологического подхода», склонность к поддержке определенной партии вырабатывается у индивида в процессе ранней социализации. Поэтому человек голосует за ту же самую партию, за которую голосовали его отец и дед. Выбор партии становится важной индивидуальной ценностью, не подлежащей рациональному осмыслению и не определяемой однозначно социальными и экономическими факторами. Для рассматриваемой ситуации это также актуально: отцы и деды сторонников конкурирующих парадигм зачастую действительно относились к разным политическим силам. Вместе с тем нельзя не отметить, что эта схема работает для Украины и России, но ничего не объясняет, например, для Германии, где до сих пор сохраняется комплекс вины за деяния отцов и дедов.

Третий подход к объяснению и прогнозированию политического поведения был положен классической работой Э. Даунса «Экономическая теория демократии» [см. 2]. В основу данного направления положены модели избирателя, основанные на различных версиях моделей рационального индивида и рационального принятия решений. Исходное положение «Экономической теории демократии» состоит в том, что «каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем другая».

При этом в рационально-инструментальном» или «политэкономическом» подходе не происходит простое повторение и возрождение неотрефлексированной модели демократического гражданина, гражданина абсолютно свободного и абсолютно рационального. Критическое переосмысление описанной модели происходило как на основании соображений здравого смысла, так и на основе анализа парадоксов «рационального избирателя». Эти парадоксы выявлены в той же основополагающей работе Даунса. Даунс показал, что если граждане действуют на основе рационально осознанного личного интереса, ничто не мешает им воздержаться от голосования на выборах. Сознательное неучастие в выборах – достаточно разумная реакция. Если сопоставить плюсы и минусы участия, то преимущества сводятся на нет чрезвычайно малой вероятностью того, что голос конкретного избирателя повлияет на исход выборов. Другой парадокс связан с непомерно высокой ценой политической информации.

Несоответствие модели рационального индивида реальному поведению избирателя, все-таки принимающего участие в выборах и собирающего непомерно «дорогую» политическую информацию, заставило пересмотреть модель рационального выбора и само понятие рациональности. Этот пересмотр происходил не только в связи с проблемами и в рамках исследований электорального поведения, но в теории рационального выбора в целом. Основополагающее значение здесь имело появление модели ограниченной рациональности Г.Саймона. В соответствии с этой моделью человек не действует абсолютно рационально, не стремится собрать всю информацию, не рассматривает все возможные альтернативы и их последствия, не выбирает наиболее оптимальную из них. Однако все это не означает, что человек действует иррационально или абсолютно экспрессивно. Рациональность человека ограничена, и она ограничена, прежде всего, рамками решаемой задачи и системой ценностных ориентаций.

Симметричный ответ в теории электорального выбора был дан в работах М.Фиорины, который во многом пересмотрел представления Даунса о роли идеологии в формировании избирательских предпочтений. Он замечает, что обычно граждане располагают лишь одним видом сравнительно «твердых» данных: они знают, как им жилось при данной администрации. Им не надо знать в деталях экономическую или внешнюю политику действующей администрации, чтобы судить о результатах этой политики.

Такое поведение избирателей является не только инструментальным, но и рациональным в том смысле, что индивид минимизирует собственные усилия по сбору информации и принятию решений. Однако это рациональность неполная, как основанная на неполной информации и на неполном расчете.

Данная модель также может объяснить различия интерпретаций противостояния на Украине: ведь нельзя отрицать факт влияния вполне сознанных экономических и политических интересов на поведение и оценку событий политическими оппонентами.

Несмотря на репрезентативность всех указанных объяснений, нельзя не заметить, что они не лишены недостатков рассмотренных ранее: то же множество объяснений, имеющих односторонний характер. Данный недостаток был осознан отнюдь не в связи с ситуацией на Украине, а гораздо ранее – в ходе имманентного развития теорий электорального поведения.

В современной политической прогностике происходит сближение трех представленных подходов. Оно проявляется в ряде уступок. Уступки со стороны политэкономической школы заключаются в том, что поведение индивидов не представляется более непосредственным результатом действия только личной рациональности, их политический выбор рассматривается во взаимосвязи с внешней средой и социальным окружением. Сами цели и предпочтения понимаются как возникающие в определенном социальном окружении, под воздействием образцов социального взаимодействия и благодаря включенности в конкретные социальные сети.

Уступки со стороны школы политической социологии и политической психологии привели к тому, что вместо изучения объективных факторов, жестко

детерминирующей деятельностью индивида со стороны среды, социального контекста и групп, исследуются способы реализации целей граждан и препятствия на пути реализации этих целей со стороны объективных обстоятельств. Наряду с формированием предпочтений под влиянием обстоятельств рассматривается и обратный процесс – отбора информации, обусловленный предпочтениями, и воздействия предпочтений на среду. Политическая информация понимается не только как средство управления электоральным поведением, но и как результат самоорганизующихся процессов и индивидуальной активности граждан.

В итоге взаимных уступок и сближений наметилась компромиссная модель «мыслящего избирателя» [3, р. 45]. Этот избиратель, действительно, размышляет о партиях, кандидатах и политических проблемах. Однако, в отличие от «абсолютно рационального избирателя», он действует «ограниченно рационально» – старается минимизировать свои затраты по сбору переработки и анализу информации, а также упростить процедуру принятия решений. Экономия усилий при восприятии информации происходит за счет ее отбора. Этот отбор, в свою очередь, осуществляется благодаря наличию у избирателя схемы получения, анализа и переработки информации, а также действию «рамочных» механизмов, упрощающих структуру задачи. При принятии решений избиратель использует эвристические принципы, позволяющие преодолеть неопределенность ситуации и недостаток информации.

Модель «мыслящего индивида», в частности представления об ограниченной рациональности при отборе информации, наиболее актуальны для темы нашего исследования. Ведь именно «модель ограниченной рациональности» объясняет, почему игнорируются факты, противоречащие принятым политическим и социальным установкам.

Дадим, вместе с тем, общую оценку объяснительных возможностей моделей электорального поведения для исследуемой проблемы. Три исходные школы действительно выявляют факторы формирования политических парадигм и, как следствие этого, несовместимых или конфликтующих интерпретаций. Однако эти объяснения также имеют односторонний характер, выявляя множество факторов, не проясняя при этом, какой из них и в какой ситуации будет иметь решающий характер. Таким образом, данные модели не обладают предсказательной силой. Кроме того, они не преодолевают недостатка неупорядоченности и бессистемности объяснений, характерных для оперативных, концептуальноне отформатированных объяснений, рассмотренных выше.

Модель «мыслящего индивида» дает объяснение «туннельному видению» при восприятии и оценке событий и фактов и несоизмеримости ментальных миров представителей конкурирующих политических парадигм. Ведь эти миры сформированы не только на основе различных теоретических установок, но и «наполнены» различными фактами. Однако, по сути дела, данное объяснение, хотя и выраженное другим языком, в концептуальном плане не продвигает нас дальше, чем объяснение Т.Куна. Кроме того, в рамках описанных подходов нет достаточно убедительного объяснения сходства политических оценок официального Киева и Запада.

Представляется, что стабильность и устойчивость стереотипов политического поведения, пока не преодоленный и, более того, развивающийся конфликт политических оценок и интерпретаций ситуации на Украине свидетельствует о глубинной основе происходящего. Возможно, в качестве такой глубинной основы несоизмеримости политических парадигм лежат цивилизационные различия. Попытаемся рассмотреть возможности этой гипотезы.

Основу цивилизационного подхода впервые сформулировал Н.Я. Данилевский (1822–1885), который в своем сочинении «Россия и Европа» (1869) выдвинул теорию обособленных «культурно-исторических типов» (цивилизаций), отличающихся самостоятельностью и своеобразием религиозного, социального, бытового, промышленного, научного, художественного и иного развития. Его учение о цивилизациях, развивающихся подобно биологическим организмам и проходящих стадии возмужания, старения и гибели, исходит из обоснования неизбежности смены культурно-исторических типов.

Данилевский выделяет следующие «культурно-исторические типы», или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке:

1) египетский, 2) китайский, 3) ассиро-вавилонно-финикийский, халдейский, или древнесемитский, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитский, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. К ним еще причисляются два американские типа: «мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития» [4, с. 88].

Первые пять типов Данилевский относит к первичным цивилизациям, в которых наблюдалось смешение политики, религии и культуры. Три цивилизации он считает одноосновными – развившими преимущественно одну сторону культурной деятельности: еврейская – религию, греческая – культуру в узком смысле слова, римская – политику. Европейский тип смог развить все четыре стороны культурной деятельности, включая общественно-экономическую, однако культура Европы носит в основном научный и промышленный характер. Поэтому Данилевский назвал этот типдвуосновным. Философ особо выделяет славянский культурно-исторический тип, считая его четырехосновным.

Основное утверждение Данилевского – идеяглубоких цивилизационных различий между Россией и Европой, причину которых он видит в психическом строе народов, их национальном характере, – дает перспективы ответов на вопрос об основаниях «параллельности» современных ментальных миров, несоизмеримости логики аргументации Запада – с одной стороны, и России и пророссийски ориентированных сил на Украине – с другой.

«Дело в том, что Европа не признает нас своими, – пишет Н.Я.Данилевский. – Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему... Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Русский в глазах их может претендовать на достоинство

человека только тогда, когда потерял уже свой национальный облик. Прочтите отзывы путешественников, пользующихся очень большой популярностью за границей, – вы увидите в них симпатию к самоедам, корякам, якутам, татарам, к кому угодно, только не к русскому народу» [4, с. 50-51]. Удивительно, как адекватны современным политическим реалиям слова, написанные в середине позапрошлого века!

Многое в восприятии Западом России объясняет и сложившийся стереотип об ее агрессивности и враждебности. Именно Данилевский одним из первых описывает этот стереотип и показывает его необоснованность. "Взгляните на карту, – говорил мне (Н.Я.Данилевскому – А.Ф.) один иностранец, – разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?" [4, с. 23].

Другой важной мыслью, имеющей непосредственное отношение к определению причин несоизмеримости интерпретаций социальных изменений, является, на наш взгляд, представление о различном возрасте культурно-исторических типов. Данилевский считает славянский тип моложе европейского. По мнению философа, «европейская культура отцвела, пришло время сбора плодов, а за сбором следует опустошение», цвет же славянской культуры еще впереди.

Как же сказывается возраст цивилизации на социальном поведении и мышлении ее представителей? Размышления по этому поводу находим мы у К.Н.Леонтьева, развивающего цивилизационный подход.

Развитие цивилизации (как и всего существующего) он представляет как триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичногосмесительного упрощения.

Упрощение социально-культурного организма сопровождается, по его мнению, господством демократии, принципа пользы, вытеснением духовной культуры массовой, «вымыванием» из нее духовных, этических, религиозных начал, усреднением человеческой личности. Принцип свободной воли, индивидуального постижения и осознания подменяется принципом атомарной индивидуальности, стремящейся освободиться от духовных обязанностей, от высшего долга в пользу потребления, утилитарности. Леонтьев считает (как и Данилевский), что современная европейская цивилизация прошла эпоху «цветущей сложности и пребывает уже в стадии «вторичного упрощения» и «урavnительного смешения».

Данная схема позволяет, на наш взгляд, выстроить определенную (конечно, в значительной степени социософскую) гипотезу о причинах несоизмеримости ментальных миров России и Запада и, совпадения видений Запада и современной Украины. Все дело в возрасте цивилизаций. Украина находится в стадии первоначальной простоты, как становящееся государство, еще только формирующую свою государственность и национальную идентичность, Европа – на стадии вторичного упрощения, как уже прошедшая стадию цветущей сложности. Воплощением принципа простоты в той и другой культуре становится человек «das Man» – отчужденный человек повседневности (Хайдегер), представитель массовой культуры. Такой человек склонен к простым решениям и простым ответам, он подвержен манипулированию, недостаточно рефлексивен. В этом смысле простота

формирующейся цивилизации близка простоте отцветающей, что и обеспечивает соизмеримость миров их представителей.

О совпадении противоположностей отцветающей цивилизации, ориентированной на космополитизм и стран, только стремящихся к национальному освобождению, К.Н.Леонтьев говорит и в статье «Племенная политика как орудие всемирной революции» [5, с. 307]. «Всякое национально-освободительное движение, в конечном счете, маска на лице космополитизма» – делает вывод К.Н.Леонтьев.

Конечно, возможности данных гипотез и объяснений должны быть детально проанализированы. Требуют дальнейшего исследования вопросы о стадиях развития и «возрастах» европейского и славянского культурно-исторического типов, специфики российского и украинского типов (такого разделения нет ни у Данилевского, ни у Леонтьева), сути и критериев «простоты» и «цветущей сложности» и многие другие.

Вместе с тем, нельзя не отметить поразительную актуальность, и «попадание» в современные реалии многих идей Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева и других представителей цивилизационного подхода. Все это говорит о высоком эвристическом потенциале данного подхода и возможности с его помощью понять интригу «столкновения цивилизаций», которая разворачивается в современном мире и проблему различных интерпретации социальных изменений.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. - М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 365 с.
2. Dawns A. An Economic Theory of Democracy / A. Dawn. – N.Y., 1957. – 542 p.
3. Popkin S.L. The reasoning voter / S.L. Popkin. – Chicago : University of Chicago Press, 1991. – 347 p.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 576 с.
5. Леонтьев К.Н. Избранное / К.Н. Леонтьев. – М. : Радуга, Московский рабочий, 1993. – 400 с.

Fakhrutdinova A.Z. The Basis for the Interpretations of Social Change: Scientific and Civilizational Approaches // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 98–107.

The problem of conflict and disparity of the interpretations of social change in modern world has been considered, particularly relating to the territory of Crimea and Ukraine. The concept of "incommensurability of paradigms", which is borrowed from the methodological studies of science, is used in order to solve the problem.

It is demonstrated that political opponents live in different mental worlds as well as supporters of competing scientific paradigms. They use incommensurable logic of reasoning and argumentation "filling" their worlds with different facts and events. The author uses the results of American studies of electoral behavior including schools of political sociology, political psychology, and political economy to explore of the factors which shape political paradigms. The opportunities and constraints for accomplishing this task

are presented by the usage of the model of "thinking voter". This model is a special case of the model of limited rationality and is constructed as the result of convergence of these.

Also it is pointed that the civilizational approach has significant potential for explanation for the causes of conflict and incommensurability interpretations as well as evaluations of social change in Crimea and Ukraine. The concepts of civilizational differences between Russia and Europe (Danilevsky) and the stages of development of civilization (Leontiev) have been studied as concepts of the greatest importance.

Keywords: conflict of interpretations, incommensurability of paradigms, political paradigms shaping factors, studies of electoral behavior, model of "thinking voter", model of limited rationality, civilizational approach, culture-historical types, stages of civilization development.

УДК 001.8:130.2

ИНТЕРВАЛ АБСТРАКЦИИ

Креминский А.И.

Анализируется необходимость введения понятия интервал абстракции. Она связана с идеей обоснования научной абстракции. Интервальная методологическая программа позволяет произвести обобщение теории абстракции. Для этого рассматривается операция интервализации, которая включает дискретизацию в мысли континуальных аспектов бытия, остановку и фиксацию границ применимости понятий.

Ключевые слова: абстракция, интервал абстракции, интервализация.

Данная работа посвящена проблеме обоснования научной абстракции. Для этого необходимо ввести понятие интервал абстракции.

Интервал абстракции – понятие гносеологии и методологии науки, обозначающее пределы рациональной обоснованности той или иной абстракции, условия её предметной истинности и границы применимости, устанавливаемые на основе информации, полученной эмпирическими или логическими средствами.

Если деконструкцию понимать как одну из форм критической рефлексии под основаниями знания, то интервальная теория абстракций и понятие интервала абстракции заключают в себе довольно мощное деконструктивистское начало, ибо если любая абстракция имеет свой интервал применимости, то в практике науки это означает необходимость исследования, выявления, поиска, анализа тех предпосылок, исходных допущений, «условий мыслимости», которые обуславливают интервал той или иной абстракции. Это значит, что задача выводит исследования в сферу конститутивности, конститутивного мышления. Здесь открывается большое поле исследования того, как в опыте самих наук отыскивались и определялись интервалы понятий. Философия не обязана отыскивать сами интервалы в рамках той или иной учебной дисциплины, но она может вскрыть гносеологический и логический смысл этой проблемы, прояснить для конкретных наук суть этой рефлексивной работы, общие правила, закономерности познавательного характера.

Правильно ли говорить, что предпосылки интервала абстракции носят онтологический характер, если мы хотим, чтобы абстракции заключали в себе объективное содержание? Здесь важно устранить двусмысленность понятия «онтологические предпосылки». Вообще говоря, допущения, предпосылки могут носить любой характер – объективные, субъективные... Не в этом дело, важно, что

они определяют границы. Главное вдругом – интервал не зависит от субъективных измерений исследователя. По отношению к нему все предпосылки входят в сферу онтологии, в том числе онтологии природы, культуры, социума, даже субъективности. Это значит, что радикально расширяется понятие онтологии («онтология науки»). Интервал – это всегда понятие предметного, объектного уровня, по отношению к которому исследователь занимает субъективный уровень, и он не должен допустить произвол, идущий от этого уровня.

Одна из важных конститутивных задач интервального подхода на этапе его становления заключалась прежде всего в разоблачении иллюзии здравого смысла, будто любой наблюдаемый предмет обладает всеми своими свойствами в каждый данный момент, и человек по своему усмотрению искусственно членит реальность с помощью абстракции, выделяя те или иные свойства предмета. Получается, что абстрагирование – это чисто субъективная процедура «огрубления» реальности. Проблема выявления объективных предпосылок абстракции при таком подходе и при таком понимании природы абстракции просто не возникала.

Абстракция трактовалась как мысленное выделение отдельного признака предмета по отношению к бесконечно сложному в себе предмету, в котором все свойства образуют единое целое. По отношению к опыту обыденного сознания такое выделение представляется чисто искусственной процедурой. Поэтому, первое, что надо было сделать интервальной методологии, это провести деконструкцию обыденного опыта в отношении многообразного бытия отдельного объекта, т.е. деконструкцию чувственного восприятия как первичной когнитивной сборки.

Таким образом, в качестве первого шага интервальной методологии было осуществление деконструкции онтологии обыденного опыта. На место этой онтологии была предложена новая интервальная онтология многомерного бытия объекта.

В результате анализа было показано, что актуализация отдельных свойств предмета на уровне обыденного опыта, особенно в трудовой деятельности человека, объективно происходит совсем не так, как это представляется обыденному сознанию. Поэтому «деконструкция» иллюзии здравого смысла, доказательство ошибочности философской рефлексии типа локковской теории абстракции, – важное условие разработки интервальной теории абстракции.

Но более важной для интервальной методологии была задача выявления предпосылок однозначной применимости абстракций в науке и на уровне философских категорий, в результате была дана классификация фундаментальных абстракций человеческого познания – абстракции отождествления, неразличимости, потенциальной осуществимости и др.

Интервальная методологическая программа включает в себя, таким образом, три шага:

Конститутивную деконструкцию той или иной научной абстракции, выявление границ её адекватной применимости;

Рациональное обоснование абстракции;

Состыковку данной абстракции с другими в рамках соответствующей когнитивного горизонта. Примером конститутивной деконструкции абстракции в

истории физики может служить критический анализ Эйнштейном понятия эфира классической физики, а также таких классических понятий, как пространство, время, масса.

Как показал ещё Ж.Пиаже, человеческие восприятия вещей есть результат выявления инвариантов в процессе практических операций с предметами; эти восприятия формируются ещё в детстве и служат основой нашей повседневной ориентации в обыденном мире. Важно обратить внимание на то, что формирование чувственных смыслов в виде такой конфигурации, как восприятие (с его целостностью, альтернативностью и др.) происходит на интуитивном, бессознательном уровне как бы в автоматическом режиме («неявное знание»). Но именно поэтому образы реальности, сложившиеся в таком режиме, становятся очевидностями нашего опыта. Тот факт, что эти образы являются продуктами когнитивной сборки из бессознательных абстракций, скрыт от нашего сознания. Поэтому появляется потребность на уровне эпистемологической рефлексии произвести деконструкцию этой когнитивной сборки. Над первичной сборкой необходимо выявить сборку второго уровня – на уровне теоретических абстракций. Так, физика, переосмысливая концепты повседневного опыта, разрабатывает такие абстракции, как пространство, время, эфир, масса, траектория и т.п. Понятия релятивистской механики – это уже сборка третьего уровня. Так, Эйнштейн производит деконструкцию классического соотношения пространства и времени и предлагает сборку третьего уровня абстракции – понятие пространственно-временного интервала (континуума).

Таким образом, первый шаг – это наблюдение, получение чувственных данных на уровне обыденного познания, второй шаг – это неявная абстракция, абстракция на базе выявляемых в процессе операций инвариантов. Третий шаг – сборка смыслов, появление образов вещей и явлений. Четвертый шаг – теоретическая абстракция, т.е. выделение в мысли отдельных свойств предмета, как он дан в обыденном опыте. С нашей точки зрения базой конфигурации такое абстрагирование представляется чисто субъективным, искусственным приемом нашего ума. Поэтому на абстракцию смотрят с раздвоенным чувством: с одной стороны, как на необходимость в деле рационального постижения мира (ибо другого пути нет), и с другой стороны, смотрели с недоверием, с подозрением, признавая её ущербный характер. Сборка – это процедура синтеза, абстракция – это процедура анализа.

Альтернативность восприятия – доказательство возможности разныхборок одной и той же данной информации на чувственном уровне.

Некоторые критики интервальной теории абстракций утверждают, что интервальный подход, подчеркивая необходимость в познании выделять и фиксировать границы применимости любой абстракции, в то же время не объясняют, как фиксировать тот или иной интервал абстракции, но в таком случае, как полагали критики, ценность этого понятия сводится на нет. Но дело в том, что методолог не занимается абстракциями тех или иных конкретных наук. Абстракции создают и применяют к предметной сфере представители конкретных отраслей знания – математики, физики, химики, биологи. Фиксировать интервалы

используемых в науках абстракций – вовсе не задача эпистемологии. Для неё главная задача – это указать на сам факт существования такой проблемы, на её гносеологическую сущность и методологическую значимость. Между тем, важно отметить, что учёные, научившись успешно применять свои понятия к предметному миру, давно разработали, хотя и на неотрефлексируемом уровне, те или иные способы фиксации интервалов абстракции. Этот познавательный опыт представляет несомненную ценность для методологии и теории абстракций. Методологи не столько открывают те или иные способы выявления границ применимости наших понятий, сколько делают эту проблему сознательно поставленной и тем самым проясняют логический и гносеологический смысл этой работы ученых. Однако методологи получают на своем пути более солидные результаты, если обратятся к осмыслению многовековой деятельности ученых по формированию научных понятий.

Человек познает мир с помощью трех исходных операций – дискретизация в мысли континуальных аспектов бытия, остановка и фиксация границ применимости понятий. Вместе они образуют операцию интервализации. Ученый создает атомы смысла, которые необходимы и достаточны для познания тех или иных свойств и сторон мира предметов и явлений. Понятия как атомы смысла и инструменты познания не могут испытывать постоянную деформацию и изменяться вслед за действительностью, в противном случае будут постоянно трансформироваться по своему содержанию и станут непригодными в качестве инструментов познания. Если наши понятия будут все время течь в параллельном течении, то эффективное познание мира станет невозможным, поэтому каждый смысл есть «остановка» в мысли движения, изменчивого мира, реки бытия. Да и каждое наше утверждение о фактах есть такая «остановка». Но остановку надо производить так, чтобы она была не в мышлении, но и отражала реальное положение дел. Что позволяет делать законную остановку? Прежде всего, то обстоятельство, что мир по природе своей дискретен. Если бы он был нерасчлененным и нерасчленимым, то мы не могли бы формировать наши абстракции. Но также мы не можем определить понятия, если в мире нет ничего определенного, если бы он был потоком или банальной серой («темной») массой, его трудно было бы остановить в мысли и разбить на разные части и составляющие. Невозможна была бы какая бы то ни было дифференция. И вот тут вступает в действие третий момент. Поскольку в мире всякая дискретность, остановка и дифференциация относительны, зависят от тех или иных условий, то необходимо фиксировать границы расчленения и остановки, т.е. интервал абстракции. Интервализация своей целью имеет создание атома смысла, который далее не дробится, не делится, не трансформируется. Это нечто подобное «абсолютной идее» Платона. Атом смысла – это абсолютный эталон, линейка, которую мы прикладываем к предмету, чтобы получить о нем нужную информацию. Однако не всё можно измерять и даже не все можно считать. Предметы не должны гореть или таять при счете, а при измерении они должны удовлетворять требованиям теоремы о равноотстоящих интенсивностях. Математики работают там, где имеют место твердые и устойчивые предметы, т.е. жесткие конструкции. Может ли математика изучать процессы изменения,

движения? Может, но для этого она должна применять особый аппарат, например дифференциальное и интегральное исчисления. Вводится понятие бесконечно малой величины. Это такая величина, которая находится в постоянном процессе уменьшения. Но как её «схватить», «остановить» в мысли, в познании? Как зафиксировать интервал её применимости? Гениальное открытие математиков заключается в идее переменной величины, «предела», границы. Число может как угодно долго изменяться и уменьшаться, но мы должны (чтобы с ним работать) указать такую точку, такое значение переменной величины, которую данная величина достигнет и далее будет оставаться за пределами этой границы. Это – совершенно конкретная величина, а вовсе не переменная, но она символизирует и отождествляется с процессом. Задав интервал, мы остановим нашу неуловимую изменяющуюся, переменную величину. Но при этом мы не просто задали интервал, а открыли особый способ такого задания (через идею предела), в отличии от других способов, известных ранее.

Другой, более простой способ задания интервала на непрерывном поле – это конвенция. В природе часто встречаются непрерывные процессы, например, переход од дня к ночи или от детства к юности и к взрослому состоянию. Здесь нет естественной границы (парадокс «кучи», «лысый» и т.п.). Поэтому, для того, чтобы можно было говорить о разных состояниях непрерывного процесса, приходится вводить конвенцию, т.е. условно, искусственно членить непрерывную интенсивность. Но здесь возможны, по крайней мере, 2 случая:

1) при переходе от одной стадии к другой постепенно одно качество переходит в другое, но при этом в новом качестве не сохраняется абсолютно ничего старого, например, «день» не включает в себя каких-то элементов «ночи».

2) при переходе к другому качеству какие-то частички, элементы старого входят в новое качество, и в старом качестве были элементы нового. В этом случае прибегают к процедуре «идеализации» (абсолютно упругое тело, абсолютно чистое тело, абсолютно черное тело, абсолютно твердое тело и т.п.). Таким образом «идеализацию» не надо отбрасывать как приём абстрагирования. Неверно только говорить, что идеализация предполагает переход к случаю, который «не встречается в природе», ибо важно другое – такой переход не запрещен законами природы и, следовательно, в принципе возможен (например, благодаря нано технологиям мы можем создавать «абсолютное чистое тело»).

3) Переход от одного качества к другому с помощью «диалектического» скачка, т.е. благодаря естественному перерыву постепенности (напр., волновой эффект)

4) Дифференцию, расчленение можно произвести искусственно, но при этом могут быть два случая:

а) измерение, когда предмет подчиняется требованию теоремы о равноотстоящих интенсивностях;

б) арифметизация, когда мы определяли качество в баллах, но при этом на самом деле допускаем субъективную условность в проведении границы, т.е. в разбиении определяемого качества на множество (каждый судья разбивает по-своему, ибо нет объективного эталона).

Искусственное разбиение может быть двух типов:

а) когда есть переход от одного качества к другому, но он происходит непрерывным образом;

б) когда процесс не предполагает каких-либо качественных изменений вообще, например, движение тел в пространстве, ибо здесь различие может быть количественное. Тем не менее, мы искусственно членим непрерывную интенсивность, чтобы как-то (хотя бы количественно) дифференцировать и оценивать те или иные части этого процесса.

Интервал и точка бифуркации. Мы знаем, что пространство возможностей в каждом конкретном случае есть нечто достаточно определенное. В каком смысле? По отношению к тому или иному предмету, явлению, процессу, который будет актуализирован в результате редукции потенциального в актуальное в заданном интервале. Количество возможностей в каждом конкретном случае не бесконечно (например, при бросании монеты – есть только две возможности). В других случаях возможностей может быть больше, но их количество все же конечно. От чего зависит актуализация именно данной возможности? От соотношения и взаимодействия целого ряда факторов, которые выступают как реальные действующие причины. Точно предсказать результат невозможно. Это и значит, что весь процесс находится в точке бифуркации. Дальнейшее течение событий (т.е. взаимодействие факторов) шаг за шагом снижает значимость одних факторов и усиливает значимость и вес других. Наконец, наступит такой результат, когда актуализация становится неизбежной (см. пример со столкновением двух самолётов, пароходов и т.п.) [см. 1]. Наступление такого момента, определяемого и временем и четко локализованным пространством и означает, что возник особый горизонт событий, т.е. сфера, объективный интервал, в рамках которого переход к данному актуальному событию, явлению предмету неизбежен. Поэтому понятие «точка бифуркации» [см. 2] хорошо передает смысл перехода от потенциального к актуальному через достижение определенных границ реальности, т.е. интервала. Границы не появляются, они как «законы» существуют, предзаданы, развитие же событий, т.е. текучей части реальности, при попадании в границы, достигает качественного скачка. Кстати, пример с тремя агрегатными состояниями воды (переход количественных изменений в качественные) хорошо может быть использован и для иллюстрации интервальной диалектики. Дело в том что интервал ($0^{\circ}\text{C} < 100^{\circ}\text{C}$) есть объективно существующая мера (интервал) реальности, в рамках которого возможны разные варианты температур, но на границах происходит стягивание возможностей в одно актуальное событие, которое порождает новое качество. В этом смысле узловая точка меры (Гегель) есть «точка бифуркации» (Пригожин). Что касается понятия «аттрактор», то это все же ближе к понятию «интервал», в рамках которого мы наблюдаем определенность, как свойств предмета, так и направления его движения

Другими словами, через понятие «точка бифуркации» (точнее «пространство бифуркации») мы переходим от структурно-статистического аспекта онтологии к динамическому.

Очень важно продумать на категориальном уровне проблему объекта как носителя «идентичностей» и «тотальностей» при его актуализациях в разных

ситуациях, социальных ролях, но при этом он остается в каком-то смысле «одним и тем же». Что это означает? Инвариант? Или нечто более сущностное? Некая исходная конкретная сущность? Эти вопросы ждут своего исследования.

Список литературы

1. Креминский А.И. Интервальная методология в контексте современной науки и культуры / А.И. Креминский. – Симферополь : Синтагма, 2011. – С. 306.
2. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – С. 231.

Kreminskiy A.I. The Abstraction Interval // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 108–114.

The problem of the nature of scientific abstraction has always taken a special place in the process of formation and development of interval paradigm. In this article an attempt to continue the creative discussion of this problem in the context of contemporary methodological research is made.

All abstractions which are used by researchers in their attempts to understand the world have some common features regardless of the specificity of their scientific interests. It does not exclude the fact that abstractions in different sciences have their own specific features. All of them have one trait in common. The fact is that they reflect something microscopic. This thesis states the fundamental fact which plays an important role in understanding the nature of scientific abstractions. The thesis "abstraction reflects reality" means that different abstractions have fragmented reality in some way, but an interval is relevant to its structure every time. It does not mean that a moment of subjectivity is discarded. It is rather declared or included into the final result of cognition than understood in the traditional theory. This moment can be found in the subjective epistemological relativity. The existence of patterns of interpretation of matrices demands epistemological focusing.

Another important consequence of this thesis is the idea that if the world is unique cognition is one of its kind as well. Traditional statements about deep differences between the mathematical, physical, philosophical and other abstractions are under threat of elimination. If we accept the assertion of traditional epistemology that mathematicians describe the world of idealized objects, in this case, we must recognize that study of these abstractions is neither connected with philosophy nor represents any particular philosophical interest itself nor that mathematical abstraction clarifies epistemological problems.

Philosophical interest is not a specific content of mathematical abstraction but just its form. Abstraction is interesting for a philosopher as a specific example of a tool which is used by a person in the process of cognition. New point of view is that any fundamental abstraction can say something about the world from a philosophical standpoint. After all, the difference between fundamental abstractions of particular sciences and philosophy categories are very relational. Russell was one of the first thinkers who understood the importance of such an approach to scientific abstraction.

A need to introduce the notion of interval abstraction exists. It is associated with the idea of justification of scientific abstraction. Interval methodological program allows us to make a generalization of the theory of abstraction.

Keywords: abstraction, interval of abstraction, intervalization.

УДК 304.5

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (В КОНТЕКСТЕ НООСФЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ)

Костина Г.В.

В статье рассматриваются информационные технологии как средство реализации социальных технологий, преобразования их в социально-информационные технологии. В процессе становления ноосферы особую роль играют глобальные процессы информатизации, становления информационного общества. Информатизация общества есть его качественное развитие и совершенствование, радикальное усиление. Информатизация должна быть соединена с процессами социальной интеллектуализации, существенно повышающей творческий потенциал личности. Создание информационного общества и всех последующих ступеней ноосферы будет происходить на базе новых информационных технологий. Решение комплекса социальных и технических проблем активизации информационных ресурсов России позволит создать необходимую для прогрессивного развития информационную среду общества. Именно инфосфера будет представлять собой необходимую для развития систему технических, программных и иных средств.

Ключевые слова: ноосфера, информационные технологии, информатизация общества, инфосфера, информационный потенциал общества, информационная среда.

По В.И. Вернадскому, под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу. Становление ноосферы не сводится только к проблеме гармонизации взаимоотношений общества и природы. Именно информация может претендовать на приоритетно-доминирующий фактор развития сферы разума, управляющий ее и духовным, и материальным компонентами. П. Кууси справедливо утверждает, что именно «информация является движущей силой человеческого эволюционного процесса», тем более на этапе истории, который связан с переходом к устойчивому развитию и становлению ноосферы [см. 8].

Не менее важное значение имеет развитие наук о движении информации в социосфере в ходе ее превращения в ноосферу. Особую роль играют глобальные процессы информатизация и становление информационного общества.

«Создание информационного общества и всех последующих ступеней ноосферы будет происходить на базе новых информационных технологий с

использованием систем искусственного интеллекта, которые сами по себе призваны повысить совокупную интеллектуальную мощь цивилизации, усилить ее гуманистическую ориентацию. Поэтому информатизация как составляющая тенденция ноосферогенеза играет роль мощного стимулятора и социального механизма обретения качественно нового интеллектуально-гуманистического статуса социосферы» [см. 8].

Современный человек независимо от собственного желания захвачен технической средой. Один из исследователей информационного общества, Ю. Хабермас подчёркивает неразрывную связь проблемы технологий с политико-социальным контекстом их внедрения и отмечает, что современные технологии сами являются неотъемлемой частью этого контекста и даже участвуют в его создании.

В настоящее время наблюдается тенденция к объединению различных типов информационных технологий в интегрированный компьютерно-технологический комплекс. Особое место в нем принадлежит средствам коммуникаций. В качестве ведущей тенденции развития информационных технологий называется тенденция к глобализации информационных технологий за счет использования спутниковой связи и всемирной сети Интернет, благодаря чему люди могут общаться между собой и с общей базой данных, находясь в любой точке планеты. Информационные технологии повышают уровень и качество самой жизни.

Информационные технологии возникают как средство разрешения противоречия между накапливающимися во все возрастающих объемах знаниями, с одной стороны, и возможностями и масштабами их социального использования, с другой. Отсюда и двоякая роль информационных технологий: с одной стороны, это средство преобразования знаний в информационный ресурс общества, а с другой – это средство реализации социальных технологий и преобразования их в социально-информационные технологии, которые уже могут непосредственно использоваться людьми на научной основе.

Информационные технологии являются функциональными компонентами других видов технологий (к примеру, производственных, организационных, социальных), исполняют роль их интеллектуального ядра. Использование информационных технологий позволяет значительно повысить эффективность иных технологий, сокращая затраты ресурсов общества. «Процесс перехода к использованию информационной техники и технологии не совместим с пренебрежением к социальному, организационному и политическому контексту ее внедрения и функционирования» [см. 5].

Норберт Винер, предвосхитив возникновение проблемы соотношения машины и человека в функционировании современных систем, сформулировал принципиальный подход к решению этой проблемы: «Отдайте же человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное» [3, с. 82]. Повышение эффективности применения ЭВМ зависит от перехода на новую структуру взаимодействия пользователя с ЭВМ, при которой человек и машина будут взаимно адаптированы на том уровне точности согласования, который соответствует требованиям развития индивидуального творчества, экономической

целесообразности и технической реализуемости. «В оптимальных социотехнических системах рождается и новое соединение функций обеих подсистем, превращающее людей и технику, при всей их специфичности, в «сопроизводителей», а системный социотехнический подход к организации труда – в часть его новой культуры» [см. 4].

Сохраняется тенденция переноса привычных действий человека с использованием компьютеров, мобильных телефонов, планшетов (чтение книг, просмотр фильмов, игры) в среду Интернет: с одной стороны, появились общедоступные информационные ресурсы, интересные многим людям, а с другой – пришли «пользователи», способные работать с этими ресурсами из любого места.

В настоящее время существует широкий класс устройств, предназначенных для обеспечения взаимодействия «человек-компьютер». С антропологической точки зрения, наиболее активно используемые устройства – клавиатура и мышь, искусственны для человека. Системы распознавания голоса и конвертации его в легко обрабатываемый компьютером вид (текст) уже присутствуют на рынке и используются достаточно давно. Системы же распознавания жестов только начинают появляться. Спрос на подобные системы достаточно велик и будет возрастать» [7, с. 204]. В «электронную эру» все процессы «зашиты» в информационную систему. Она сама заставляет действовать по определенным правилам. Соответственно должны быть обучены пользователи подобных систем. Системы распознавания жестов, несомненно, расширят круг таких пользователей – специализированного обучения не потребуются.

Особенность этой проблемы в настоящее время связана с возросшей технологической мощностью, имеющейся в распоряжении человека. Создав такое орудие труда, как компьютер – кибернетическую систему, моделирующую различные виды мыслительной деятельности и оперирующую сложными видами информации, человек произвел свой интеллектуально-информационный аналог. Конечно, компьютерная система – это, прежде всего, орудие труда. Человек активно воздействует на него, совершенствует технологии (и информационные в том числе), но в то же время современный компьютер уже не простое орудие, а представляет собой функциональный аналог мыслительной деятельности. Человек, взаимодействуя с ним, испытывает на себе его влияние.

Наиболее полным представляется взгляд на информатизацию как системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью средств информатики с целью создания информационного общества.

Социальная информатизация часто понимается как развитие информационно-коммуникативных процессов в обществе на базе новейшей компьютерной и телекоммуникационной техники.

«Информатизацию общества в принципе надо трактовать как развитие, качественное совершенствование, радикальное усиление с помощью современных информационно-технологических средств когнитивных (от лат. *cognitio* – знание, познание) социальных структур и процессов. Информатизация должна быть “слита”

с процессами социальной интеллектуализации, существенно повышающей творческий потенциал личности и ее информационной среды» [2, с. 153].

Конечным результатом информатизации общества можно считать достижение надежного и оперативного информационного контакта между членами общества по принципу «каждый с каждым».

Информационный образ жизни еще не является нормой жизни в России. Новое информационное сознание находится в стадии становления.

При изучении информационной среды общества важным является состояние информационного потенциала общества – информационного ресурса общества в единстве со средствами, методами и условиями, позволяющими его активизировать и эффективно использовать. В эту совокупность средств, методов и условий должны быть включены не только средства информационной техносферы, но также социальные средства, методы и структуры, способствующие воспроизводству и развитию инфосферы, повышению информационной культуры общества, его интеллектуального потенциала.

Формирование и развитие единого информационного пространства России предусматривает обеспечение оперативного доступа к имеющимся информационным ресурсам и проведение работ по их включению в единое информационное пространство. Решение комплекса социальных и технических проблем активизации информационных ресурсов России, иначе говоря, увеличения ее информационного потенциала, позволит создать необходимую для прогрессивного развития информационную среду общества.

«Именно инфосфера будет представлять собой ту систему технических, программных и иных средств, на базе которой и станет развиваться процесс информатизации, формироваться информационное общество. Это своего рода нервная система, как ее характеризуют авторы концепции информатизации образования, технологический фундамент ноосферы» [см. 8].

Информационные технологии полностью изменили жизнь людей, они повлияли не только на экономические отношения и стиль работы, но и на культуру, образование, взаимодействие гражданского общества и правительства и даже на быт человека. Новые возможности информационного общества дают шанс каждому человеку реализовать свой интеллектуальный потенциал, а стране – ее экономический и научный потенциал.

В новой социальной ситуации нужно делать ставку не на «технику» и даже не на «труд», а на людей и их побудительные мотивы. Роль человека значительно повышается. Модернизация в конце XX века состояла не только в техническом переоснащении, но и в изменении типа связи человека и техники.

Новые условия работы порождают зависимость информированности одного человека от информации, приобретенной другими людьми. Поэтому уже недостаточно уметь самостоятельно осваивать и накапливать информацию, а надо научиться такой технологии работы с информацией, когда подготавливаются и принимаются решения на основе коллективного знания. Человек должен иметь определенный уровень культуры по обращению с информацией.

Технический уровень составляет существенный элемент культуры, и любое изменение в технологии требует, чтобы люди к нему приспособились. То есть, для изменения образа жизни в ответ на перемены в технике людям необходимо время.

Необходимо предусмотреть и комплекс мероприятий, направленных на нейтрализацию или ослабление негативных тенденций информатизации:

– возрастание зависимости населения от уровня функционирования систем информатизации, бытовая неприспособленность («машинное рабство»);

– возрастание психологической нестабильности занятого населения из-за повышения уровня квалификационных требований к исполнителю, быстрой смене критериев профессиональной компетенции, «электронной изоляции работника»;

– углубление социальной дифференциации населения из-за различия способностей к интеллектуальной деятельности, многократно усиливаемой использованием компьютерных средств.

Создание электронного правительства, новой цифровой экономики и электронного общества не будут ни быстрыми, ни простыми. «Социальная эволюция индустриального общества являет собой закономерность, состоящую в том, что опережающие темпы технических новаций и «культурный лаг» социокультурных институтов и общественного сознания детерминируют разрывы в ретрансляции культуры от поколения к поколению. Каждое новое поколение проходит социализацию в отличных от старшего поколения условиях социокультурной среды и, пытаясь адаптироваться к новым, быстро меняющимся параметрам последней, вынуждено отказываться от нефункциональных в изменившемся обществе социальных и культурных институтов» [6, с. 160-161].

Предпринимаются меры реорганизации образования и социальных институтов в целях становления будущей ноосферной личности. Электронная коммуникация охватила сегодня миллиарды пользователей. Игнорирование роли виртуальной среды может привести к отчуждению родителей от детей, ещё более расслоить современный социум.

«Информационное общество – это завтрашний день России. И мы готовы к такой работе» [1, с. 40]. Сказанное почти 15 лет назад остаётся актуальным и сейчас. Самая главная проблема создания электронной России – установить баланс между интересами той части населения, которая стремительно движется к информационному обществу и теми гражданами, которые не пользуются компьютерами.

Список литературы

1. Бобровников Б. Правительство на службе у граждан / Б. Бобровников // IBUSINESS новые решения для новой экономики. – 2001. – № 7-8.
2. Вовканыч С.И. «Социальный интеллект»: метафора или научное понятие? / С.И. Вовканыч, Н.А. Парфенцева // Социс. – 1993. – № 8. – С. 151-154.
3. Винер Н. Творец и робот / Н. Винер. – М. : Прогресс, 1966. – 104 с.
4. Вильховченко Э. Новое в культуре труда, производства, компании / Э. Вильховченко // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 12. – С. 83-85.

5. Тарасова Н.Н. От приказа к мотивации: новые принципы управления в США / Н.Н. Тарасова // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 183-184.
6. Лушников Д.А. Инверсия социализации: социализация как механизм социальной дезорганизации / Д.А. Лушников // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014». – [под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева, Н.В. Величко]. – Севастополь : ООО «Экспресс – печать», 2014. – 480 с.
7. Орехов Е.Г. Навигация в трёхмерном пространстве с помощью распознавания жестов / Е.Г. Орехов // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014». – [под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева, Н.В. Величко]. – Севастополь : ООО «Экспресс – печать», 2014. – 480 с.
8. Путь в ноосферу: учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://uchebnik.biz/book/152-put-v-noosferu/16--5-informatika-v-noosfernoj-perspektive.html>

Kostina G.V. Social Role of Informational Technologies (In the Context of Noospheric View) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 115-120.

The article deals with information technologies as means of implementing social technologies and transforming them into social-information technologies. In the process of formation of the noosphere special role played by such global processes as computerization and establishment of the Information Society. Informatization of society, in principle, should be interpreted as the development, quality improvement, radical increase with the help of modern information-technology tools of cognitive social structures and processes. Computerization should be "merged" with the processes of social intellectualization, significantly increases the creative potential of the individual and its information environment. Creation of an information society and all subsequent stages of the noosphere will be based on the new information technologies. Solution of the complex of social and technical problems strengthen information resources in Russia, in other words, increase its information potential, would create necessary information environment for progressive development of society. It infosphere will be the system of technical, software and other resources on the basis of which will develop the process of informatization, form the Information Society. The technical level is an essential element of culture, and any change in technology requires people to adapt to it. For lifestyle changes in response to changes in technology, people need time.

Key words: noosphere, information technology, society informatization, infosphere, information society's potential, information environment.

УДК 1:001+167

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВЕРНАДСКИЙ – ОСНОВОПОЛОЖНИК УЧЕНИЯ О НООСФЕРЕ

Ильченко И.А., Буряк В.В.

Статья содержит в себе анализ основных подходов к пониманию природы ноосферогенеза. В различных исследованиях в контексте учения о ноосфере отмечается, что современные междисциплинарные стратегии исследования комплексных объектов сталкиваются с проблемой неоднозначности интерпретации современной глобальной событийности. Мир, включая ноосферу, постоянно изменяется. Учение о ноосфере представляет собой междисциплинарную рефлексивную парадигму, в рамках которой могут быть оптимизированы методы исследования постиндустриальной человеческой цивилизации.

Ключевые слова: *Вернадский, ноосфера, учение о ноосфере, междисциплинарность.*

Актуальность исследования обусловлена наличием стабильного интереса учёных различных исследовательских направлений к наследию В. И. Вернадского и, главным образом, к его учению о ноосфере как новом значимом векторе развития биосферы. Цель статьи заключается в раскрытии влияния естественнонаучных идей Вернадского на формирование современной концепции ноосферного развития. Проблема, попытку решения которой авторы делают в данной статье, заключается в том, чтобы преодолеть методологическую ограниченность классических представлений о движущих силах ноосферогенеза. Новизна исследования состоит в презентации современных подходов понимания строения ноосферы.

В последние десятилетия понятие «ноосфера» стало всё чаще использоваться в междисциплинарном методологическом пространстве. Оно оказалось востребованным не только в естественнонаучных и философских исследованиях, публицистических статьях, литературоведческих работах, но также в эколого-политических программах и эзотерических трактатах. Демаркация между академической наукой и неакадемическими дискурсами существует и обозначается она либо наличием рациональной методологии, либо обилием метафорических высказываний на фоне квазинаучных конструкций. Наиболее важной методологической составляющей ноосферного мышления является концептуализация принципов устойчивости.

Учение о ноосфере неразрывно связано с именем В.И. Вернадского. В его честь названы географические объекты, учебные и научные организации, библиотеки, проспекты, бульвары в разных странах. В особенности примечателен Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, в котором с жизнью великого учёного связаны знаковые события научно-педагогической деятельности многих поколений преподавателей, аспирантов и студентов. Имя выдающегося учёного каждый день напоминает студентам о величии мыслителя и его вкладе в науку.

В.И. Вернадский понимал мир как единое, взаимосвязанное целое вещей, явлений и процессов. Ещё в начале двадцатого века на основе многолетних исследований он разработал методiku генетической классификации минералов с учетом физико-химических параметров их образования. Затем он выделил кристаллографию из минералогии, поскольку считал, что кристаллография фундирована математикой и физикой, а минералогия (как часть геологии) основана на знаниях о химических процессах, происходящих в земной коре.

В контексте понимания того «как работает мир» ноосфера рассматривается в качестве концептуальной оболочки современных представлений об эволюции последнего этапа формирования биосферы. Мир природы сложен, целостен и взаимосвязан. Современная наука – это комплексный аппарат эффективных методов постижения динамики биосферы, ноосферы, природы, общества и человека. Поэтому ноосферное мышление основывается на объективных знаниях о мире, генезисе биосферы и ноосферы [см. 7]. В контексте теоретической ноосферологии анализируются факторы и результаты техноускорения постиндустриальной цивилизации.

Учение о ноосфере было представлено европейскими учёными и философами (Э. Леруа, П. Шарден и В. И. Вернадский) ещё в начале двадцатого века. Но уже в качестве ноосферологии оно развивается исследователями, работающими в Таврическом национальном университете имени В. И. Вернадского. Концепция ноосферы первоначально была выдвинута мыслителями, которые принимали основные положения эволюционной теории Дарвина. Идеи эволюционизма продуктивно работали в геологии, биологии, палеонтологии, философии и космологии [см. 8]. Очевидно, что А. Бергсон, Э. Леруа, П. Шарден и В. И. Вернадский гениально предвидели ускоренное развитие человеческой цивилизации по причине интенсификации интеллектуальной человеческой деятельности. Оригинальная идея В. И. Вернадского, что человечество стало мощнейшей геологической силой, стала выражением сущности первой фазы концептуального оформления учения о ноосферогенезе. Затем, во второй половине XX и в начале XIX века, стало очевидно, что антропогенный натиск на природу значительно увеличился. Это заставило исследователей искать новые методологические инструменты для понимания движущих сил ноосферогенеза. Представление о фундаментальных преимуществах новой ноосферной парадигмы оказывается наиболее ясным ответом на актуальные вызовы антропогенной цивилизации [см. 4].

Активная творческая деятельность основателей классического учения о ноосфере завершилась до начала реального освоения космоса, и тем более до того, как началась информационная революция и был изобретён интернет. Оригинальные мысли В. И. Вернадского касательно эволюции биосферы и ноосферы как драйвера ускорения планетарных геологических трансформаций оказались востребованными сегодня. В XX веке и в начале XXI века, были осуществлены фундаментальные открытия в области развития высоких технологий: информационных, нанотехнологий, биотехнологий, что обозначило новый горизонт развития антропосферы.

Современное ноосферное мировоззрение основано на эпистемологических принципах объективного знания о закономерностях развития мира и высокотехнологичных способах изменения окружающей среды [см. 14]. Необходимо согласиться с основополагающим тезисом В.И. Вернадского о том, что ноосфера является органическим состоянием биосферы. Сбалансированное взаимодействие этих «сфер» становится значимым фактором развития человеческой цивилизации. Несогласованности в отношении установления параметров биосферного баланса приведут к необратимым последствиям. А именно: увеличению техногенных рисков, деградации окружающей среды, антропологическим диссонансам и в будущем – к антропологической катастрофе.

В работах В. И. Вернадского изучаются предпосылки формирования ноосферогенеза как неизбежного триггера развития биосферы. Планетарные антропогенные трансформации возможны только благодаря интенсификации рационального мышления и целенаправленной деятельности человечества. Рационально организованная деятельность, научно-технический прогресс, преодоление диктата биологических потребностей, превращают человеческую цивилизацию в подлинную геологическую силу [см. 15; 16]. Научно – техничн потенциал человеческой цивилизации постоянно возрастает. Грубая физическая сила становится менее значимым фактором в контексте цивилизационного развития, чем рост интеллектуальной мощи индивидуумов.

Ноосфера трансформирует биосферную динамику, – доказывал В.И. Вернадский в своих исследованиях. На планетарный характер процесса ноосферизации окружающей среды он обратил внимание как на следствие эффективной работы человеческой рациональности [см. 15; 16; 17]. В этой связи, качественно новое состояние биосферы (эволюция ноосферогенеза), как показал учёный, проявляется не сразу, но в ходе длительного развития человеческого мозга, а затем и общества, культуры, инновационной научной работы. Каждый следующий этап ноосферизации биосферы, характеризуется всё большей наукоёмкой интенсивностью, широким внедрением новейших технологий и сопровождается тотальной интеллектуализацией окружающей среды.

Противоречивые тенденции развития современной цивилизации являются вызовом для индивидуума, сообществ и государств. Причины противоречий

развёртывания глобальных трансформаций и сопровождающих их геополитических конфликтов кроются в комплексном характере ноосферогенеза.

Высокие технологии однозначно оптимизируют и ускоряют ноосферогенез, но также и создают риски для современной цивилизации. Возрастание технологического потенциала способствует трансформации человечества и биосферы. Отметим, что продвинутое технологии взаимосвязаны и взаимодополнительны. Ноосферогенез носит объективный характер, благодаря чему формируется специфический контекст для осуществления механизмов планетарных трансформаций.

Научная мысль как значимое планетарное явление. Ноосферогенез ускоряет биосферные процессы, – утверждал Вернадский в многочисленных исследованиях в разных областях естествознания на протяжении первой половины XX века. Качественно новое состояние биосферы, согласно его наблюдениям, проявляется не сразу, а в ходе биологически обусловленной энцефализации вида *homo sapiens* (благодаря ускоренной эволюции человеческого мозга). Ноосферное мышление как способ современной системной рефлексии механизмов глобальных трансформаций становится важнейшим принципом прогностически ориентированного мировоззрения.

В монографическом исследовании В. И. Вернадского «Научная мысль как планетарное явление» раскрываются предпосылки появления ноосферогенеза как неизбежного результата энцефализации и целерациональной преобразовательной деятельности людей. Научно-технологический прогресс, целерациональный труд, преодоление витальных потребностей превращают человечество в значимую геологическую силу, возрастающую благодаря работе интеллекта [см. 16].

Ноосферное мышление основано на презумпции объективного знания о современном мире, высокотехнологичных способах кардинального изменения окружающей среды. Для объективного знания о ноосфере необходимо прежде всего выделение устойчивых параметров ноосферы, доказывает А. Д. Шоркин [см. 22].

Понятие «ноосфера» сегодня используется в различных контекстах. Ноосферная тематика, и в ещё большей степени, ноосферная риторика, расширяют своё присутствие не только в естественнонаучных и философских дискуссиях. Слово «ноосфера» довольно часто употребляется в публицистике, популярной журналистике, эколого-политических программах и эзотерических трактатах. По существу, термин «ноосфера» теперь играет роль своеобразной метафоры, удобной для произвольного спекулятивного теоретизирования в различных научных и околонучных контекстах, тяготеющих к универсальности и холизму. Ноосфера может быть продуктивной «философемой» для тех типов дискурса, которые исследуют и прогнозируют рациональную деятельность в планетарном масштабе.

Современный понятийный каркас ноосферологии формируется в значительной степени под влиянием ключевых идей В. И. Вернадского. Термин «ноосфера» справедливо претендует на универсальность и тематическую

междисциплинарность. Именно в таком контексте использовалось это слово в работах Вернадского [см. 15].

В учении о ноосфере заложен большой эвристический потенциал. Особенно это касается проектирования перспектив и оценки глобальных рисков. Разумеется, опасности возможны на всех уровнях человеческого бытия – технологических, экологических и экономических. Терминологический, предметный и методологический анализ в рамках ноосферологии позволяет также эффективно разрабатывать проблематику устойчивого развития человечества. При этом необходимо отметить эпистемологическое различие между ноосферной реальностью и социальной утопией (идеалом ноосферного будущего человечества).

Важнейшая методологическая опция ноосферологических исследований – создание реалистических моделей устойчивого будущего. Понятие «ноосферогенез» отражает наличие объективной биосферно фундированной планетарной динамики постиндустриального техно-экономического развития. Дальнейшее расширение и усложнение динамики ноосферных процессов увеличивает технологические и экологические риски планетарного масштаба.

Сбалансированный подход к анализу антропогенных рисков, предвидения техногенных катастроф и других негативных последствий научно-технического прогресса предполагает использование понятия «ноосфера» в современном экологическом дискурсе [см. 5]. Построение «сценариев будущего» для развития ноосферы и эффективный глобальный менеджмент деятельности человечества будут способствовать экономической устойчивости и экологической сбалансированности биосферного развития.

Как показывают исследования В. И. Вернадского, ноосфера – это состояние биосферы [см. 15]. Геологические, географические, социокультурные и другие «сферы» теснейшим образом взаимосвязаны, и их взаимовлияние становится всё более значимым явлением. Баланс между биосферогенезом и ноосферогенезом не должен быть нарушен, поскольку возникнут угрозы необратимых последствий для человечества. Сегодня наиболее актуальной проблемой является опасность системного фатального разрушения окружающей среды в планетарном масштабе. Эффективные действия в условиях быстро меняющейся ноосферной реальности возможны только в случае целерациональной экспертной компетентности.

В фундаментальном исследовании В. И. Вернадского «Научная мысль как планетарное явление [см. 16] впервые раскрыты закономерности появления ноосферы как нового состояния биосферы. Ноосфера – результат длительной эволюции рационального мышления, осмысленной коммуникации, а сегодня – технонаучной деятельности в планетарном масштабе. Интеллектуализированная среда обитания, инструментальный труд, преодоление примитивных сугубо биологических потребностей, научно-технический прогресс превращают человеческую цивилизацию в подлинно геологическую силу. Наиболее значимым двигателем ноосферогенеза является научная деятельность. Её влияние в

масштабах планетарной цивилизации постоянно возрастает, благодаря чему ускоренно формируется ноосферная реальность.

В своих исследованиях, более полувека проводившихся в разных областях науки, В. И. Вернадский последовательно развивал мысль о том, что, ноосфера заметно ускоряет динамику биосферы, дополняя и преобразуя окружающую природу. Качественно новое состояние биосферы появляется отнюдь не сразу, а в ходе энцефализации. При этом каждый новый этап ноосферогенеза отличается всё большей интенсивностью и высокими темпами интеллектуализации окружающей среды. Ноосферное мировоззрение формируется в условиях многомерности и усложнения меняющегося мира. Междисциплинарная рефлексия по отношению к глобальной разумной деятельности и прогнозирование безопасного будущего – неотложная задача, стоящая перед мыслителями независимо от дисциплинарной специализации [см. 4].

В компетенции ноосферологии – исследование практических и теоретических аспектов эволюции рационального мышления. Учёные анализируют значимые факторы, которые влияют на формирование современного ноосферологического научно ориентированного мировоззрения. Такого рода эпистемологические стратегии необходимы прежде всего для производства новых знаний в области естественных наук, социально-экономических и гуманитарных дисциплин [9, с. 109-111]. Важным этапом осмысления ноосферной реальности является изучение эффектов целерациональной деятельности в условиях усиления планетарной экономической, технологической, научной и образовательной корпоративной конкуренции. Ноосферное мышление способствует оптимизации процесса интеграции объективных представлений о природе, пониманию динамики социальных процессов, изучению человека и особенностей высокотехнологичного производства знаний в контексте социокультурной эволюции. Наконец, уяснение сущностных сил ноосферогенеза помогает создать целостную реалистическую картину мира. Ноосферологические исследования сочетают в себе результаты комплексного исследования сложных многоуровневых объектов, интегрированных в систему «природа – человек – общество – ноосфера». Объективные представления о биосферогенезе, динамике и планетарной эволюции ноосферы необходимы для понимания того, «как работает» современный мир, какова специфика глобальной коммуникации, каковы механизмы эффективных межличностных взаимодействий и, наконец, насколько релевантны модели экологической среды устойчивому будущему.

Современные подходы к модернизации классического учения о ноосфере. Представляется целесообразным рассмотреть многоуровневых процессов многоуровневые процессы планетарных трансформаций сквозь методологическую оптику ноосферологии. Базисным условием современной глобализации является ноосферная реальность. Чтобы прояснить особенности планетарных процессов, необходимо проблематизировать тему ноосферогенеза и применить методологические инструменты современного учения о ноосфере. Поставленная

задача требует уточнения, в особенности терминов «ноосфера», «постиндустриализм» и «глобализация». Естественнонаучная интерпретация планетарного ноосферогенеза, была выдвинута в 20-е годы прошлого века В. И. Вернадским [см. 15; 16; 17]. Наиболее продуктивно учение о ноосфере, в качестве комплексной исследовательской программы, развивают учёные Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Фундаментальные работы, посвящённые изучению феномена ноосферы были созданы более 60 лет назад. С тех пор радикально изменились многие технонаучные параметры, которые определяют динамику развития техногенеза, трансформировались эпистемологические стратегии академической науки. Поэтому учение о ноосфере меняется, как в плане уточнения предмета, так и в отношении построения концептуального каркаса. Закономерно появление новой терминологии. Основанием теоретической схематизации темы глобальных трансформаций является концепция ноосферного развития. Таким образом, динамичные комплексные изменения биосферы, техносферы и антропосферы становятся объектами научной рефлексии. Новейшая проблематика по выделению ключевых параметров ноосферы отражена в работах А.Д. Шоркина [см. 20; 21; 22]

Поскольку понятие ноосферы имеет универсальный междисциплинарный статус, это позволяет достаточно широко использовать его в области философии, естествознания, в социальных науках, а также в сфере гуманитарного знания. Вследствие различия смысловых интерпретаций этого понятия выявляются семантические разрывы в рамках ноосферологического междисциплинарного дискурса.

Вывод. Междисциплинарный характер современных ноосферных исследований диктует необходимость анализа понятийного и теоретического содержания ноосферологии. Особенно важно уточнить качественные параметры ноосферы. Также важно уточнить методы эпистемологической фокусировки на теме ноосферных трансформаций.

Список литературы

1. Багров Н.В. Вернадский, ноосферология, геополитика / Н. В. Багров // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 17 – С. 9-11.
2. Багров Н.В. Устойчиво-ноосферное развитие региона. Проблемы. Решения / Н. В. Багров. – Симферополь : Доля, 2009. – 208 с.
3. Научное наследие В. И. Вернадского и современность // Под ред. Н. В. Багрова и др. – Симферополь : Ариал, 2013. – 300 с.
4. Багров Н.В. Концепция ноосферы – основа парадигмы будущей цивилизации: задачи университета / Н.В. Багров // Научное наследие В. И. Вернадского и современность [под ред. Н.В. Багров и др.]. – Симферополь : Ариал, 2013. – С. 165-180.
5. Боков В.А. Парабола ноосферы или пределы роста / В. А. Боков // Географический факультет Таврического национального университета : настоящее и будущее. – Симферополь : Изд. ТНУ. – С. 227-244.
6. Буряк В.В. Историческая трансформация учения о ноосфере: эпистемологический аспект / В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Социология. – 2006. – Т. 19 (58). – №2. – С. 30-41.

7. Буряк В.В. Методологические подходы к построению концептуального каркаса ноосферологии / В.В. Буряк // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 112. – С. 101-106.
8. Буряк В.В. Культурное измерение глобализации / В.В. Буряк // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2008. – № 829. – С. 3-11.
9. Буряк В.В. Ноосферология: методологические принципы междисциплинарного дискурса / В.В. Буряк // Ноосферология: наука, образование, практика [под ред. О. А. Габриеляна]. – Симферополь : Феникс, 2008. – С. 109-156.
10. Буряк В.В. Глобализация как продолжение генезиса ноосферы / В.В. Буряк // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 189. – С. 9-12.
11. Буряк В.В. Основы вчення про ноосферу: навчальний посібник / В.В. Буряк. – Симферополь : «ДИАЙПИ», 2010. – 126 с.
12. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции: монография / В.В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 152 с.
13. Буряк В.В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: монография / В.В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 462 с.
14. Буряк В.В. Ноосферогенез, глобальные трансформации и проблематизация междисциплинарных исследований / В.В. Буряк // Научное наследие В. И. Вернадского и современность [Коллект. монограф., редкол. Н.В. Багров и др.]. – Симферополь : Ариал, 2013. – С. 249-270.
15. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере / В.И. Вернадский // Импакт: Наука и общество. – 1989. – № 3. – С. 69-76.
16. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М. : Мысль, 1991. – 271 с.
17. Вернадский В.И. Биосфера: мысли и наброски: сб. науч. работ / В.И. Вернадский. – М. : Ноосфера, 2001. – 244 с.
18. Назаров А.Г. К истории возникновения понятия и термина «ноосфера» / А. Г. Назаров // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. – М. : ИИЕТ РАН. – С. 228-229.
19. Наумов Г.Б. О понятии «ноосфера» / Г. Б. Наумов // Науковедение. – 2002. – № 3 (15). – С. 86-96.
20. Шоркин А.Д. Фундаментальные проблемы научно-технической цивилизации ноосферы / А.Д. Шоркин // Учёные записки ТНУ. Спец. выпуск, посвящённый 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – 2004. – Т. 17(56). – № 1. – С. 96-114.
21. Шоркин А.Д. Человек и техника в парадигме ноосферы / А. Д. Шоркин // Ноосферология: наука, образование, практика [под ред. О.А. Габриелян]. – Симферополь : Феникс, 2008. – С. 248-274.
22. Шоркин А.Д. Параметры состояний ноосферы / А.Д. Шоркин // Научное наследие В.И. Вернадского и современность [под ред. Н.В. Багрова и др.]. – Симферополь : Ариал, 2013. – С. 271-284.

Ichenko I.A., Buryak V.V. Vladimir Vernadskiy as a Founder of Noosphere Scholar // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 121-129.

The article is based on analysis of main approaches to comprehension of noospheregenesis nature. Over last decades the term “noosphere” has started appearing in the methodological space more often. It is noted in the context of noosphere studies that modern interdisciplinary strategies of complex object’s investigation deal with the problem of an ambiguous interpretation of the modern global event-trigger world. World, including the noosphere, has always existed in the permanent state of transformation. The doctrine of noosphere is an issue of interdisciplinary reflection. Methods of the research of post-industrial human civilization can be optimized within the bounds of this expert paradigm.

V.I.Vernadsky understood the world as a single phenomenon, in which all processes and things are interconnected. Topicality of the article is stipulated by the stable scientific interest with respect to the heritage of V.I. Vernadsky and to his theory of noosphere as new anthropogenic vector of the biosphere development mainly. The purpose of the article is to disclose V.I. Vernadsky natural-science ideas

influence on forming of the modern conception of antroposphere development. The authors of the article are making an attempt to overcome methodological narrow-mindedness of classical beliefs concerning the driving force of noospheregenesis. Novelty of the research is in a presentation of modern approaches to comprehension of noosphere constitution.

Keywords: Vernadsky, the noosphere, the doctrine of the noosphere, interdisciplinarity.

УДК 1(091):316.3

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕИ КОММЮНОТАРНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

Муза Д.Е.

В статье предложена реконструкция бердяевской версии коммюнитарного принципа, который трактовался русским философом как единственный вариант создания духовно-сообразной социальности. Показана эволюция идеи коммюнитарности на примере до-эмигрантского и эмигрантского периодов творчества мыслителя, дискурсивной логики её развертывания. Раскрываются метафизический, социально-философский, антропологический и этический аспекты коммюнитарности. Осуществлена попытка сопоставления позиции Н.А. Бердяева и позиций еврейских и западных мыслителей. Сделан вывод о фундированности данного принципа православной традицией.

Ключевые слова: *русская религиозная философия, личность, общество, коммунион, коммунитас, «другой».*

В историко-философской литературе устоялось мнение о том, что по своим мировоззренческим убеждениям Н.А. Бердяев был последовательным персоналистом. Действительно, если воспользоваться соображениями Л.М. Баткина о том, что Ренессанс генерировал, а пост-Ренессансная культура реализовывала «идею оригинальности и суверенности индивида» [1, с. 6], то наследие русского мыслителя легко узнаваемо и оцениваемо. Да и сам Николай Александрович (особенно в «Самопознании» и «Русской идее») высказывался в пользу принципа индивидуальности.

Однако в его творчестве, при определенной фокусировке, содержится и второй план человеческого бытия, который может быть представлен как основание для раскрытия потенций всякой личности.

Сам философ неоднократно заявлял и пытался решить проблему коммюнитарности, в виде формы и способа оптимальной социальной организации. Последняя для него не являлась абстрактной, поскольку в момент экзистенциального экстремума (допрос в застенках ВЧК), философ прямо заявил о своих политических убеждениях: «Являюсь сторонником христианской общности, основанной на христианской свободе и христианском равенстве, которые не осуществимы ни одной партией, т.е. не согласен ни с буржуазным обществом, ни с коммунизмом» [2, с. 214]. Однако, суть идеи коммюнитарности никак нельзя редуцировать к сугубо социально-политическим реалиям. Напротив,

она несет в себе определенную, метаантропную метафизику, которая в той или иной степени уже присутствовала у С. Кьеркегора, Л. Фейербаха, Ф. Достоевского, С. Франка, Л. Карсавина, М. Бубера, А. Камю и др. мыслителей.

Цель предлагаемой статьи – реконструкция идеи коммюнитарности в горизонте бердяевских социальных, антропологических и этических установок.

Нужно заметить, что ранее к этой проблематике уже обращались Амельченко Н.А, Валицкий А., Волкогорова О.Д., Бублик П.И., Буйло Б.И., Полторацкий Н.П., Суходуб Т.Д. и др. Однако общая фокусировка на способе конституирования социальности в этих исследованиях не всегда связывалась с метафизической глубиной обсуждаемой проблемы, с теми предельными смыслами, которые она несёт в своем составе.

Поэтому ниже мною будет не только задействован метод историко-философской реконструкции интересующего проблемного поля, но и показан план разрешимости принципа коммюнитарности в контексте поисков русской и европейской мысли.

Итак, поиск скрепляющего христианскую общественность фундамента Бердяев вел всю свою жизнь, в т.ч. и потому, что персоналистическая аксиоматика христианства, последовательно реализуемая им во многих (если не во всех работах) в виде развернутой антропологической и этической концепций, была экзистенциально-аксиологически и логико-методологически необходимой, но вряд ли достаточной. И, конечно же, эта работа шла с одной стороны, на фоне предшествующих опытов разработки христианской солидарности старшими славянофилами – Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, Вл. Соловьевым и Н.Ф. Федоровым; а с другой, – последовательной критики исторического христианства и современных проектов земного устройства.

Отсюда имеет смысл осуществить обзор интуиций Н.А. Бердяева относительно природы христианской социальности, форм и «механизмов» её функционирования и развития, но с учетом принципа комплиментарности личности и общества. Хотелось бы напомнить, в чем он состоит. В своей дебютной работе – «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» он писал: «“Общество” никогда не угнетало “личности” и “личность” никогда не боролась с “обществом”; это только оптический обман. Под кажущимся антагонизмом личности и общества всегда скрывается действительный антагонизм общественных групп, борьба классов, и этот антагонизм наполняет собою исторический процесс» [3, с. 218].

Тем не менее, уже в «Новом религиозном сознании и общественности» (1907) философ заострил внимание на губительных болезнях современного человечества – «бесовской вражде себялюбий», тщеславии, самообожании. Напротив, теократию (как гипотетическо-хилиастический процесс и субъекта) он представлял себе как «органическую общественность», имеющую общие святыни, труд и силу любви [4, с. 276–281]. Но как всегда эта социальная перспектива, предупреждает он, может быть свернута «соблазнами Великого Инквизитора». Сами же эти соблазны (чудо, тайна и авторитет), если вспомнить Достоевского, вошли в плоть и дух европейских народов, в методы организации их общественности и форматирование

индивидуального бытия. Разумеется, благодаря искажению христианства и несомного им идеала. В этом смысле Н.А. Бердяев и Ф. Ницше солидарны, но их отличает разное отношение к метафизике.

Замечу, что в дальнейшем же русский философ стремился рассматривать эту тему с учетом «небывалого обострения общественности и обострения индивидуализма», проявившихся в XIX–XX веках [5, с. 479]. Но само это обострение, согласно его мнению, определяется «ветхостью» элементов общественности – государства, права и хозяйства, которые не знают благодати любви. Напротив, «творчество нового общения предполагает антропологическое откровение, откровение богочеловечества – христологию человечества» [там же, с. 490]. Правда, этому откровению пока мешают институты и отношения «ложной механической цивилизации», заданные буржуазно-капиталистическим и социалистическим вариантами устройства жизни (ложные иерархизм и демократизм). Новый, творческий человек, реализующий этику творчества, может достичь высших индивидуальных, аристократических смыслов. Однако здесь возникает и требует своего скорейшего решения проблема их сопряжения с социальными процессами.

Для мыслителя (поры подготовки программной книги «Смысл творчества») также понятно, что если суждено родиться религиозной общественности, как противовесу царству Кесаря, то оно произойдет «не в физической, а духовной плоти» [там же, с. 498]. Поэтому Н.А. Бердяевым тематизируется «космическая общественность», которая не только реализуется в новом плане бытия, но и осуществится через преодоление прежней технико-магической парадигмы и экономики. И здесь свою решающую роль должна сыграть «церковь Иоанна», та мистическая церковь, которая до сих пор таит в себе «всю полноту правды о Христе и человеке» [5, с. 531].

Замечу, что в те же годы пытался обнаружить искомую формулу адекватной такому мистико-индивидуалистическому, творчески-активному пониманию христианства – социальности, не только у Вл. Соловьева (имеется в виду его учение о Богочеловечестве), но и у родоначальника славянофильства А.С. Хомякова (имеется в виду его учение о соборности). Но если конструкция первого – «социальной троицы» (церковь, государство, общество) слабо вязалась с его собственными положениями, то идея последнего о церковной соборности как абсолюте [6, с. 127], вполне была востребована бердяевской мыслью в виду преимущественно пневматологического понимания жизни церкви.

В работах эмигрантского периода тема коммюнитарности получает дальнейшее развитие, в том числе через предметное и терминологическое размежевание «коллективизма», «коммюнитарности» и «соборности». И в таком типологическом ходе мысли есть, как мне кажется, большая правда в итоговых взглядах Бердяева на эту тему, ведь она включает в себя такие категории, как «общность» и «общение», вообще помогающих раскрыть их метафизический план.

Итак, правота бердяевской мысли заключается в следующем: коллектив «не есть реальность, а известная направленность людей и групп, состояние, в котором они находятся», при том, что это состояние не имеет «экзистенциального центра»

(!). Вместе с тем оно предполагает цементирование на авторитарном лидере или соответствующем проекте, под опекой которых люди чувствуют себя «дальними» по отношению друг к другу. В своих ценностных притязаниях коллективизм «идет не к преобразению этого мира в Царство Божие, а к утверждению в границах этого мира Царства Божия без Бога, а значит без человека, ибо Бог и человек неразрывно связаны». Поэтому он «не соборность, а сборность», где нормальному общению людей нет места, поскольку «сборность» несет в себе механически-рациональный дух [7, с. 330, 332]. В конце концов, коллективизм – это орудие господства, ведь недаром капитализм порождает именно такие разные, но зеркально похожие формы коллективизма, как спаянные капиталистами-магнатами коллективы и пролетаризированные массы. Для философа все сказанное выступает ничем иным, как манифестирующей себя объективацией.

Коммюнитарность же означает не что иное, как «непосредственное отношение человека к человеку через Бога, как внутренне начало жизни», т.е. в своем существе она персоналистична, поскольку предполагает духовное качество людей. Последние сопряжены с личной совестью и оценкой, но в обязательном порядке нуждаются в такой экстерииоризации, которая способна породить коммюнитарные формы совестливости и ответственности. Под этим знаком и должна стоять социальная мысль и социальное творчество, нацеленные на создание «универсальной общности».

В свою очередь соборность выступает формой и способом реализации коммюнитарности в её сугубо религиозном измерении. И хотя внешних признаков для её опознания не существует (Хомяков оставил два внутренних признака – любовь и свободу), «соборность», говорил философ, тем отличается от «сборности», что в противовес механически-рациональному варианту соединения людей она (при помощи действия Духа Божия) продуцирует пребывание в общении и любви с Богом и всеми членами соборного церковного народа. Кроме того, «соборность-коммюнитарность» всегда предлагает личности подлинную и никакую другую (внешнюю) свободу, что для «апостола свободы» всегда являлось главным критерием духосообразности.

Кроме того, введенное Н.А. Бердяевым различие между сообщением (коммуникацией) и общением (коммунионом) [8, с. 308], дает ключ к уяснению «технологий» функционирования различных типов общностей, равно как и представленности в них личностного начала. И здесь важно воспринять такую методологическую рамку: «Общение тем отличается от сообщения, что оно онтологически реально, сообщение же символично, есть лишь познаваемые условные знаки» [там же, с. 308]. Сквозь неё видна конститутивная суть обеих категорий.

Применительно к анализу сообщений можно говорить об их: 1) объективированности; 2) социализированности; 3) реалистичности. Первые два пункта требуют символического и ступенчатого опосредования, в то время как реалистическое сообщение адресно предполагает глубину экзистенциального субъекта, его вовлечение в духовную связь с Богом и другими людьми. «Общение (коммунион)... для “я” возможно лишь с “ты”, с другим “я”, но не с обществом-

объектом, не с “Es”. Общение “я” и “ты” образует “мы”...» [там же]. Так возникает приобщение к бытию, взаимоприобщенность. Однако, подлинное «взаимопроникновение “я” и “ты” происходит в Боге» [там же, с. 309].

Собственно эта позиция русского философа крайне важна сегодня, когда не только преданы забвению основоположения христианского мировоззрения и нравственности, но в информационном обществе, этом «электронном стаде» возникли новые формы объективации и отчуждения. Здесь, как мне кажется с новой, отрицательной силой зазвучала проблема «другого», причем в терминах манипуляции и расчеловечивания [9, с. 82–105]. Но эти акции вообще осуществимы при редукции проблемы «другого» (важнейшей проблемы интересубъективного и социального планов), а не её решения.

Как мы знаем, эта проблема по-разному ставилась и решалась в Европе и России. Причем, не только на теоретическом уровне, но и на уровне социокультурных практик.

К примеру, французский экзистенциалист Ж.-П. Сартр полагал, что схематика взаимодействия субъектов должна выглядеть следующим образом: «бытие-в-себе» – «бытие-для-себя» – бытие-для-других» [10, с. 36–40, 105–244, 245–442]. Нетрудно увидеть, что Сартр усматривал в «я» (в нашем случае – субъекта социокультурного творчества), отправную точку и единственную инстанцию позитивного опыта свободы. Заданная асимметрия его нисколько не беспокоит, ведь «бытие-для-другого» – модус, хотя и наталкивающийся на границу «другого», его телесность как объективность, но, в пределе, на коренящуюся в структуре «другого» свободу как объективное таки качество. По сути дела конкретные отношения с «другим» здесь укладываются в упразднении конфликта, порождаемого свободой «другого», его трансцендентностью [там же, с. 379–381]. «Я сам, в первом приближении: через любовь, языковые игры, мазохизм; во втором: безразличие, желание, ненависть и садизм, очерчиваю «круг свободы Другого», ну и разумеется, свой собственный. В конце концов, существование «другого» в качестве трансцендируемой-трансценденции», свободы и неподконтрольной спонтанности ведет к ненависти [там же, с. 424]. Отсюда, из этого знаменателя, понятен и другой вывод Сартра: о конфликтной природе между сознаниями в ходе конституирования любых конфигураций «мы» (Mitsein) [там же, с. 441].

В этой связи напрашивается одно наблюдение: гетерология на Западе пошла по пути растожествления, задаваемого современным принципом дискретности культуры, истории и жизни. Но сама дискретность человеческого мира и опыта этого мира ставила задачу определения возможности хотя и несимметричных, но нравственно санкционированных и тем самым, оправданных контактов «одного» с «другим».

Её первые концептуальные варианты, ставшие впоследствии диалоговой парадигмой, были предложены еврейскими мыслителями М. Бубером [см. 11] и Э. Левинасом [см. 12]. В первом случае мы встречаемся с различием «Я – Ты» и «Я – Оно», интрига которых – во взаимной дополнительности (проникновении) и гармонии противоположных начал, уходящей в «изначальную тайну» божественного. Бог как абсолютная личность являет подлинную природу Я – Ты

отношений и преобразует «от лица Бога» фактуру реальных, тяготеющих к обезличенности отношений. В том числе, в отношениях с «Оно-человечеством». Во втором случае поставлена проблема асимметрии в отношениях между «Я» и «другим»: «Я» детерминируемо «другим», но на «другого» не распространяются усилия «Я».

Однако Э. Левинас предписывает «Я» ответственность за «другого», при всей его незащищенности и уязвимости. «Другой» тем самым для нас «ближний», хотя и абсолютно «инаков» нам. Характерно то, что объединяет обе позиции: этическая нагруженность искомым оптимальных отношений. В первом случае предлагается этика любви и ответственности, во втором, условно говоря, этика сострадания (недопустимости страданий «другого»).

Для нас здесь крайне важно отметить общую переориентацию западной социальной мысли с онтологии – на этику, в рамках которой намечено восстановление инстанции «другого» во всей полноте его сущностных характеристик. В.А. Малахов по этому поводу замечает: «по суті, це і є перехід... від царства сили, влади, пафосу і міфу до континууму змінних, уразливих, як усе людське, стосунків, кожна мить тривання яких зумовлюється відповідальністю, наполегливістю і взаємним тяжінням суб'єктів такого спілкування» [13, с. 353]. Но общий парадокс истории и западных гетерологических дискурсов, надстраивающихся над ней, состоит в том, что восточное христианство давно располагает адекватной интерпретацией «другого», его идентичности, равно как и идентичности первого лица. При этом экспозиция проблемы и её решение имеет духовно-нравственный характер, но остается мало востребованным в культурно-политических практиках современности.

Таково православное мироощущение – выраженное, в частности, в философии поступка (диалогике) М.М. Бахтина, которая является альтернативой гетерологическим практикам и дискурсам Запада из-за своей православной аксиоматики. В ней не только духовно-нравственно соотнесены между собой два онтологических центра: «себя» и «другого», но именно в инстанции «другого» размещен основоположный (жертвенный) импульс к самостроительству первой личности. Общая архитектура этих взаимоотношений размечена как: «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня» [14, с. 351–352]. Но, кроме того, Бахтин вводит в архитектуру принципиальную установку на «овладение» правдой взаимоотношений «одного» и «другого», – из «единого и единственного события».

Под этим концептом следует понимать событие присутствия живого Бога в самой ткани межличностных отношений, Христа, научившего примером своей жизни кенотическому действию, самопожертвованию ради «другого». Понятно, что эта модель не монологична и не конфликтна (как у Ж.-П. Сартра), более того, будучи моделью соучастного или подлинно диалогичного бытия, она утверждает незыблемость единственного места действующего субъекта (не-алиби в бытии), а значит, сохраняет предикацию свободы.

Привлекательность этой концепции нам видится ещё и в том, что Бахтин, если следовать реконструкции В.А. Малахова, предлагает «евхаристический тип диалогичности», в сравнении с интеррогативной (вопрошающей) установкой

западной и респонзивной (отвечающей) установкой иудаистской гетерологии. Акцент в ней сделан не на вопросе и ответе, как обособленных структурных моментах, а на целостности, возникающей благодаря жертвенному дарению: «слово первинно не запитує, не відповідає, а приноситься в дар... Саме так радісно, і безкорисливо, приносять у жертву своєю не життя перші давньоруські святи, страстотерпні Борис і Гліб... „за Христа”». И далее: «у „великому часі” історії їхня жалісна і світла кончина та її житійне зображення – то є єдина цілісна подія, що має засадниче значення для всієї духовної культури (і релігії, і моралі, і словесності) Давньої Русі та її наступників. „Коники Бориса і Гліба” скачуть путівцями східнослов'янських країн...» [13, с. 257–258].

К сказаному нужно прибавить позицию современного православного богослова, митрополита Иоанн Зизиуласса, который развивает парадигму общения в онтологической перспективе. Он полагает, что: а) истинное бытие вне общения невозможно: б) общение, исходящее не от «ипостаси», т.е. конкретной свободной личности, и не направляемое к «ипостасям» – конкретным свободным личностям, не является образом Божьего бытия» [15, с. 12].

Как видим, этот экскурс в историю проблемы дает возможность более четко обрисовать позицию самого Н.А. Бердяева. Если в таком, евхаристическом ключе, решать проблему «другого», то незыблемым остается пункт: «Существование личности, выброшенной в массу, в массовое движение, в массовую одержимость и подражательность, в низость массовых эмоций и инстинктов, не возвышается качественно, а понижается». Напротив, в мире духовном, который творится здесь на земле максимальным напряжением нравственных сил, «личности входят в единую родственную атмосферу Царства Божьего» [7, с. 311].

Этот завет философа следует помнить и нам, по-прежнему мучительно ищущим путей к осмысленным и нравственно оправданным коммуниону и подлинной коммюнитарности.

Список литературы

1. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности / Л.М. Баткин. – М. : Наука, 1989. – 272 с. – (Серия «Из истории мировой культуры»).
2. Протокол допроса Н.А. Бердяева от 18 августа 1922 г. // Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921 – 1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. – М. : Русский путь, 2005. – С. 214-216.
3. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Н.А. Бердяев. – М. : Канон+, 1999. – 480 с.
4. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Н.А. Бердяев ; сост. и комм. В.В. Сапова. – М. : Канон+, 1999. – 464 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества. – М. : «Правда», 1989. – С. 254-600.
6. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков / Н.А. Бердяев. – Томск : «Водолей», 1996. – 160 с.
7. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев // Царство Духа и царство Кесаря. – М. : Республика, 1995. – С. 288-356.
8. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н.А. Бердяев // Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – С. 230-316.
9. Муза Д.Е. Информационное общество: притязания, возможности, проблемы. Философские очерки: монография / Д.Е. Муза. – Днепропетровск : Адверта, 2013. – 144 с.

10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П.Сартр ; пер., сост. и примеч. В.И. Колядко. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
11. Бубер М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры ; пер. под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. – М. : Республика, 1995. – С. 15-92.
12. Левінас Е. Від «Єдиного» до «іншого». Трансценденція і час / Е. Левінас // Між нами: Дослідження. Думки-про-іншого. – К. : Дух і літера, 1999. – С. 151-174.
13. Малахов В. Етика спілкування: навч. посібник / В. Малахов. – К. : Либідь, 2006. – 400 с.
14. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 361-372.
15. Зизиулас И., митр. Бытие как общение: Очерки личности и Церкви / И. Зизиулас. – М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. – 280 с.

Muza D.E. By Reconstruction Idea of Community in Philosophy Discours of N.A. Berdyaev // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 130–137.

The paper to proposes a reconstruction of Berdyaev version of community principle which was interpreted Russian philosopher as the only option of creating spiritual and consistent sociality. The evolution of ideas community of pre-emigrant emigrant and creative periods N.A. Berdyaev, discursive logic of its deployment. So if the first phase philosopher treats of community predominantly sociological and erotic-mystical, that further seen in his work space and historic plans fixation and displays the required content of the principle.

In this case, the most significant and catastrophic events for Russia – the three Russian revolutions and civil wars; existentially meaningful - the arrest and deportation abroad have become the basis for the empirical formula *kommunitarnosti* searching, collecting social elements in the spiritual renewal of the organism.

In this perspective reveals the metaphysical, social, philosophical, anthropological and ethical aspects community. An attempt matching positions N.A. Berdyaev and attitudes of Jewish and Western thinkers: Eucharistic and asking and answering. Concluded foundedness of the principle of the Orthodox tradition.

Keywords: The Russian religious philosophy, personality, society, communion, *communitas*, “other”.

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 27 (66). 2014. № 3. С. 138–142.

УДК 341.238:327.8

НООПОЛИТИКА КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Обринская Е.К.

Проведен анализ специфических условий современной мировой социально-политической среды и их влияния на процесс формирования и реализации внешнеполитической стратегии. Зафиксировано формирование новых подходов к целям и инструментам внешней политики и появление нового направления внешнеполитической стратегии – ноополитики. Дан обзор развития ноополитической теории за последние 15 лет. Сформулировано авторское определение ноополитики.

Ключевые слова: *ноополитика, международные отношения, внешнеполитическая стратегия.*

В системе международных отношений на современном этапе наблюдается ряд трансформационных процессов, которые в перспективе могут радикально изменить мировую политику.

Одной из наиболее заметных тенденций является смещение акцента в сфере методов внешнеполитического воздействия и международного общения с «жесткой» силы (которая подразумевает в первую очередь использование вооруженной силы) на «мягкую» (предполагающую дипломатические и иные невоенные способы влияния). «Мягкая сила» (soft power) включает в себя инструменты пропаганды, PR, дипломатии (в том числе общественной – public diplomacy), а также информационной войны. Учитывая, что в условиях глобализации и научно-технической революции географические и государственные границы становятся все более условными, а на первый план выходят цивилизационные параметры, актуализация «мягкой» силы имеет не только гуманистические мотивы, но, прежде всего, прагматические соображения.

Другой системообразующей тенденцией в мировой политике оказывается расширение круга акторов на международной арене. В разрешении международных вопросов и проблем участвуют не только правительства, но и

надправительственные органы, неправительственные организации, даже отдельные личности.

Эти тенденции тесно взаимосвязаны, так как расширение круга участников мирового политического процесса требует новых способов взаимодействия между ними, а потребность в эффективных инструментах воздействия на международную среду приводит к возникновению новых форм сотрудничества.

В этих условиях возникает потребность пересмотра основ формирования и реализации внешнеполитической стратегии отдельных государств. Именно новые способы взаимодействия в сфере международных отношений и являются объектом данного исследования. В качестве предмета выделяется ноополитика как внешнеполитическая стратегия.

Концепция ноополитики впервые была введена в научный оборот специалистами американской Корпорации РЭНД Д. Арвиллой и Д. Ронфельдом в 1999 г. в докладе «Появление ноополитики: к американской информационной стратегии» (Arquilla J., Ronfeldt D. "The Emergence of Noopolitik: toward an american information strategy") [см. 1]. Авторы в своем докладе определили условия возникновения феномена ноополитики, дали ей определение, описали свойства, провели сравнительный анализ с предшествующей внешнеполитической стратегией – геополитикой. В течение следующих десяти лет концепция ноополитики не привлекала видимого внимания научной общественности. Только после 2009 г. наблюдается заинтересованность ноополитикой. В частности, петербургский ученый С.Б. Никонов рассматривает ноополитику как информационную стратегию, которая реализуется в первую очередь через средства массовой информации [см. 2-5]. Столь ограниченный интерес к ноополитике как внешнеполитической стратегии, видимо, объясняется тем, что в практике международных отношений пока приоритетными остаются более традиционные методы воздействия, опыт применения ноополитических подходов незначителен, а потенциал ноополитики не осознан не только политиками, но и политологами. Именно этим продиктована насущная необходимость концептуального оформления такого перспективного направления внешней политики и международных отношений как ноополитика.

Таким образом, в сфере мировой политики называют системные изменения. На первый план в современной системе международных отношений выходит информационно-коммуникативная сфера.

С содержательной стороны в традициях реальной политики, в геополитических концепциях «акцент ставился на необходимости приращения государством новых территорий, в том числе и силовыми методами, для завоевания мирового господства... С развитием науки и техники борьба за власть в большей степени переместилась на информационный уровень политического пространства» [6, с. 136].

В функциональном плане исключительную роль играют «новые качества международной коммуникационной среды:

с появлением почти бесплатных и многократно более эффективных каналов распространения информации, естественный творческий потенциал без труда находит каналы для применения;

коммуникационные взаимодействия по модели “многие-со-многими” порождают координационный эффект в производстве и распространении информации, даже если участники такого взаимодействия не осознают этого;

резкий взлет эффективных крупномасштабных кооперативных усилий в производстве, в сфере культуры, знаний и информации» [7, с. 247-248].

Эта специфика глобальной коммуникационной среды приводит к трансформации структурных и функциональных основ человеческого сообщества. По замечанию крымского исследователя В.В. Буряка, «когда информационные сети и системы связаны на основе Интернета, мобильной связи, телекоммуникаций, возникает становление нового экономического и социального уклада, появление инфосферы. Это единое информационно-коммуникативное пространство, в том числе образовательное и экономическое. Фактически в этом пространстве границы между локальными общностями, регионами, странами и континентами стираются» [8, с. 52]. В этих условиях в международных отношениях в качестве стержневой категории географический фактор уступает место информационно-коммуникативному.

В процессе осмысления новых тенденций в сфере мировой политики и международных отношений в теоретических разработках возникает термин «ноополитика», понятие, которое приходит на смену геополитике. Концепция ноополитики не вошла еще в широкий научный оборот, а потому понимание данного термина у разных исследователей отличается. Авторами доклада РЭНД «Появление ноополитики: к американской информационной стратегии» ноополитика определяется как «внешнеполитическая стратегия в условиях информационной эры, которая делает акцент на главенстве идей, интересов, норм, законов и морали, осуществляющаяся посредством «мягкой силы» [1, С. 46].

Профессор О. Золлнер из университета Дюссельдорфа считает, что ноополитика – это сетевые механизмы гражданского общества, генерирующие знания, проблемы управления и разрешение конфликтов, влекущее за собой новые подходы к информационной политике, публичной дипломатии, и в общем коммуникативной «мягкой силе» [см. 9].

Данные определения ноополитики, по мнению автора, не дают представления о сущности предмета, неизбежно требуют пояснений и, следовательно, нуждаются в уточнении с целью формирования краткой, но исчерпывающей дефиниции ноополитики.

Отечественные ученые воспринимают ноополитику преимущественно в информационном ключе: ноополитика – это информационная стратегия манипулирования международными процессами посредством формирования у общественности через средства массовой информации положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа идей и пропагандируемых моральных ценностей [5, с. 287]; ноополитика – «система глобального управления, основанная на активном воздействии информационных технологий на сознание людей» [6, с. 136]. Приведенные определения ноополитики видятся автору фрагментарными, сужающими понятие ноополитики и сводящими

его к применению информационных технологий в рамках реализации внешнеполитической стратегии. Кроме того, первое определение в значительной мере перекликается с определением общественной дипломатии, что существенно затрудняет дифференциацию этих понятий.

Исходя из вышеизложенного, целесообразным представляется формулирование определения, которое бы указывало на сущность ноополитики, способы ее реализации, а также цели, которые она преследует. Автором предлагается следующая формулировка: ноополитика – стратегия управления политическими процессами, основанная на оказании всестороннего воздействия на индивидуальное сознание в массовых масштабах с целью формирования определенного типа личности. Данное определение не претендует на окончательность в связи с тем, что ноополитика – относительно новый феномен и ее дальнейшее исследование может выявить неучтенные ранее характеристики и поможет уточнить и усовершенствовать дефиницию ноополитики.

Такая специфическая стратегия как ноополитика может быть реализована только в соответствующих условиях развития мировой социально-политической системы. По мнению крымского исследователя В.В. Буряка «...благодаря непрерывной планетарной циркуляции финансовых потоков, технологий, товаров, идей (в том числе политических), культурных стереотипов, и существованию единого глобального информационного пространства, принципы, ценности и способы социальной активности граждан постепенно унифицируются» [8, с. 8]. Логично предположить, что в данных условиях унификации не избежать и характеристикам человеческой личности. Поэтому в перспективе ноополитика как внешнеполитическая стратегия может привести к формированию определенного типа личности, обладающего едиными для общечеловеческой цивилизации характеристиками.

В контексте смещения акцента в сфере внешнеполитического инструментария с «жесткой» силы на «мягкую», а также постепенного увеличения значимости ментального фактора по сравнению с утрачивающим свое влияние географическим фактором международных отношений ноополитика как внешнеполитическая стратегия оказывается чрезвычайно перспективным направлением политической деятельности и научных исследований. Эта гипотеза подкрепляется тем, что закладываются основы перехода ноополитических концепций в практическую плоскость, когда ноополитика проникает в университетские курсы. В 2009-2010 гг. в университете Дюссельдорфа им. Генриха Гейне (Heinrich Heine University of Dusseldorf) профессором Оливером Золнером читался курс «Ноополитика: мягкая сила и международная коммуникация» [см. 9]. Однако уникальность такого учебного курса свидетельствует о том, что концепция ноополитики пока не получила широкого распространения в научном сообществе.

Список литературы

1. The Emergence of Noopolitik: toward an american information strategy [Электронный ресурс] / Arquilla J., Ronfeldt D. – Santa Monica : RAND, 1999. – 102 p. – Режим доступа : http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1033.html.

2. Ноополитика как инструмент продвижения экономических интересов государств [Электронный ресурс] / С.Б. Никонов // Мир и политика. – 2012. – № 1. – Режим доступа : <http://mir-politika.ru/106-noopolitika-kak-instrument-prodvizheniya-ekonomicheskikh-interesov-gosudastv.html>.
3. Байчик А.В. Ноополитика как глобальная информационная стратегия / А.В. Байчик, С.Б. Никонов // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2012. – Вып. 1. – С. 207-213.
4. Глобальное информационное пространство как среда формирования ноополитики [Электронный ресурс] / С.Б. Никонов // Мир и политика. – 2012. – № 9 (72). – Режим доступа : <http://mir-politika.ru/1608-globalnoe-informacionnoe-prostranstvo-kak-sreda-formirovaniya-noopolitiki.html>.
5. Никонов С.Б. Политические процессы трансформации реальной политики / С.Б. Никонов, Р.В. Бекуров // European Social Science Journal. – 2012. – № 11 (2). – С. 284-288.
6. Плугатаренко П.Н. Проблема исследования политического пространства в условиях глобализации / П.Н. Плугатаренко // Вестник МГОУ. – 2011. – № 1. – (Серия «История и политические науки»). – С. 135-137.
7. Давоян М.С. Публичная дипломатия в условиях информационной революции / М.С. Давоян // Ежеквартальное научное приложение журнала «Мир и политика». – 2013. – №. 7 (82). – С. 246-252.
8. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и социальные революции / В.В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 149 с.
9. Heinrich Heine University of Dusseldorf, winter 2009/2010. Prof. Dr. Oliver Zollner. Course title: "Noopolitik": Soft power and international communication [Электронный ресурс] / Heinrich Heine University of Dusseldorf. – Режим доступа : http://www-public.rz.uni-duesseldorf.de/~olzoe001/uni-ddorf_ws2009.html.

Obrinskaya E.K. Noopolitik as a Foreign Policy Strategy: Conceptual Aspect // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 138–142.

There are system changes become ripe in the sphere of world politics. An information and communicative sphere appears on the forefront in modern system of the international relations. In these conditions there is a requirement of foreign policy strategy formation and realization revision. New ways of interaction in the international relations sphere are object of this research, and noopolitik as foreign policy strategy is a subject. In the international relations practice still priority are more traditional methods of influence, experience of noopolitikal instruments application is insignificant, and the noopolitik potential isn't realized not only by politicians, but also by political scientists. That's what a conceptual registration of such perspective foreign policy and international relations direction as a noopolitik is an urgent need. So a term "noopolitik", concept which succeeds geopolitics, appears in the political theory. The concept of a noopolitik wasn't included into a wide scientific turn, and therefore the understanding of this term at different researchers differs. There is expedient the formulation of definition which would indicate essence of a noopolitik, ways of its realization, and also it's aim. The author offers the following formulation: a noopolitik – the strategy of political processes management based on rendering comprehensive impact on individual consciousness in mass scales for the purpose of certain personality type formation. So in the long term a noopolitik as foreign policy strategy can lead to formation of the certain personality type with the uniform for a universal civilization characteristics. A noopolitik as foreign policy strategy appears extremely perspective direction of political activity and scientific researches in the context of shift of accent in the sphere foreign policy instruments from "hard" force on "soft", and also gradual increase of a mental factor importance in comparison with the losing the influence geographical factor in the international relations.

Keywords: noopolitik, international relations, foreign policy strategy.

УДК 327.39

О ВЛИЯНИИ «АТЛАНТИЗМА» НА КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ДОКТРИНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пашковский П.И.

Рассмотрено влияние парадигмы «атлантизма» на концептуальные и доктринальные основы внешней политики Российской Федерации.

***Ключевые слова:** «атлантизм», концептуальные и доктринальные основы, внешняя политика, Российская Федерация.*

В российском внешнеполитическом дискурсе последних трёх сотен лет наблюдалось противоборство «западников» с приверженцами консервативной традиции. Американский исследователь А.Коэн отмечал: «Начиная с XVII столетия, любые движения по открытию России Западу сопровождаются внутренней реакцией. <...> К XIX веку западникам, симпатизировавшим европейскому пути развития, противостояли славянофилы, которые осуждали зарубежных славян, апеллировали к наследию Русской Православной церкви, приветствовали политическую автаркию и воспринимали Запад как врага. Славянофильские принципы были упрощены и адаптированы русскими этническими националистами. Евразийцы призывали к созданию нового русского супер-этноса от Балтийского моря до Тихого океана, включая Центральную Азию, путём объединения славянских и тюркских народов. На протяжении 75 лет советской власти, эти идеологические разногласия между западниками, империалистами евразийцами и этноцентристами, а также православными русофилами сохранялись во внешней политике России» [см. 1].

Разрушение СССР и системная трансформация международных отношений в условиях краха биполярности предопределили содержание внешнеполитических концепций РФ. Вследствие изменения её геополитического статуса возникала проблема выработки новой идеологии, способствующей консолидации общества, которое в подобных условиях «естественным образом поляризуется (обычно на «консерваторов» и «новаторов», и представителей неопределённого... «третьего пути»)» [2, с. 11-12]. Как подчёркивают американские эксперты, в российском случае это проявилось в обострении «затяжных общественных дебатов» о «национальной самобытности внешней политики», а также в «классическом для интеллектуальной истории России» «сравнении друг против друга «Евразийского» и «Западнического» лагерей» [3, р. 11].

Объектом исследования является современная российская внешняя политика. **Целью** данной публикации выступает рассмотрение проблемы воздействия парадигмы «атлантизма» на концептуальные и доктринальные основы внешней политики РФ.

Период конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. характеризовался «движением» внешнеполитической мысли России от глобализма «нового политического мышления» к либеральной парадигме, что являлось общемировой тенденцией. «С 1970-х годов, – разъяснял данную проблему американский специалист Д.Харви, – в большей части государств мира наметился серьёзный поворот в сторону неолиберальной экономической политики и мышления. Дерегулирование, приватизация и уход государства из сферы социального обеспечения стали повсеместной практикой. Почти во всех странах – от новых государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза, до таких стран с социальной демократией старого образца, как Новая Зеландия и Швеция, – в том или ином виде, сознательно или под давлением мировых сил, были восприняты идеи неолиберализма. За этим последовали реальные изменения экономической политики» [4, с. 11].

Проявлением либеральной идеологии в российском внешнеполитическом дискурсе стало направление «атлантизма». Его сторонники, рассчитывая на финансовую помощь Запада, высказывались в пользу заимствования РФ модели либеральной демократии и свободной рыночной экономики [см. 5]. Выражая поддержку интеграции в евро-атлантические институты, они отвергали статус «сверхдержавности» России, взамен предлагая ей роль «нормальной великой державы» с предсказуемым внешнеполитическим курсом, лишённым имперских амбиций. В виду усмотрения основных угроз российской безопасности на Юге и Востоке, «атлантисты» не возражали против расширения НАТО за счёт вступления в Альянс бывших соцстран и новых независимых государств (ННГ) [см. 6].

Показательными в этой связи видятся высказывания одного из крупнейших представителей данного направления, министра иностранных дел РФ А.Козырева. «Я как был западником и проамериканцем, так им и остаюсь», – неоднократно заявлял он [7, с. 21]. Аргументация подобных утверждений представлялась следующей. «Я считаю, – говорил он в одном из интервью уже после отставки, – что никакого другого интереса человеческого, кроме того, чтобы жить хорошо, не существует. А хорошо живут на Западе. И потому вектор нашего национального и государственного интереса не на Востоке, а на Западе. Возьмите почвенника, язвенника, трезвенника, олигарха, челнока – все они, как только заработают копейку, стремятся почему-то во Францию, в Швейцарию, в Австрию, а не в Иран и Ирак. Вся русская аристократия, купечество, интеллигенция – они все жили в Западной Европе. Всё остальное – демагогия для несчастных. Если у вас нет денег, чтобы купить виллу на Южном берегу Франции, то вам начинают сочинять сказку, что вам это и не надо, что вы должны жить здесь в Азиопе» [8, с. 6].

Помимо главы МИД, к группировке «атлантистов» относились видные политики «ранней ельцинской поры»: Е.Гайдар, Г.Бурбулис, А.Чубайс, Б.Федоров, М.Полторанин, Г.Старовойтова, заместители А.Козырева – Г.Кунадзе, В.Чуркин,

Ф.Шилов-Коведяев и т.д. В академических кругах либеральные взгляды разделяли Ю.Борко (Институт Европы РАН), А.Загорский (МГИМО МИД РФ), А.Кортунов (Институт США и Канады РАН и МОНФ), Б.Орлов (ИНИОН РАН), Д.Тренин (Институт Европы РАН, Московский центр Карнеги) и др. [см. 9]. Несмотря на относительную немногочисленность именно либералы-«атлантисты» доминировали в российских дискуссиях по вопросам внешней политики и безопасности в начале 1990-х гг. В частности, их влияние проявилось в содержании Концепции внешней политики РФ (1993 г.) [см. 10; 11].

Подобное признавали как отечественные, так и зарубежные учёные. Характерно, что З.Бжезинский, отмечая отсутствие внешне- и внутривнутриполитического реализма в российских доктринах начала 1990-х гг., заключал: «Российская постсоветская элита явно ожидала, что Запад поможет или, по крайней мере, не будет мешать восстановлению главенствующей роли России в постсоветском пространстве» [12, с. 126]. На практике же, акцентирует американский специалист Д.Саймс, западные, в частности, американские лидеры, использовали в отношении российской элиты политический приём «угощения шпинатом» из угодных Вашингтону, но не выгодных Москве рекомендаций [13, р. 40]. Соединённые Штаты «стремились зацементировать результаты дезинтеграции Советского Союза» для достижения возможности привлечения большинства постсоветских государств «под крыло Вашингтона» [13, р. 42-43]. По мнению российской исследовательницы Л.Шевцовой, указанная ситуация обуславливалась тем, что «для Ельцина и российской элиты западное сообщество было единственной силой, которая могла остановить приближающийся экономический обвал» [14, с. 26].

Но вскоре под влиянием динамичных внутри- и внешнеполитических процессов позиции «атлантистов» стали ослабевать. В стране росло недовольство социально-экономическими преобразованиями реформаторов, а также их неоправданными уступками Западу по широкому кругу вопросов мировой политики. Апогеем кризиса либеральных идей стали октябрьские события 1993 г. и успех ЛДПР на выборах в Государственную Думу в декабре того же года [см. 15]. Причины неудач либерального курса во внешней политике были обусловлены также и тем, что бывшие советские республики отнюдь не спешили «под знамена» России, а процесс создания СНГ пошел не по намеченному в Кремле сценарию [см. 16]. Помимо вышеописанных причин, успешной реализации задекларированных приоритетов, считает российский эксперт Л.Косикова, препятствовало и то, что «новые национальные элиты взяли курс на отрыв от России, да и российские руководители в те годы рассматривали СНГ как «обузу», мешающую быстрому проведению рыночных реформ либерального типа, на старте которых Россия обошла своих соседей» [17, с. 12].

Впоследствии либерализм теряет былое влияние, превратившись в маргинальную идеологию, неспособную коренным образом воздействовать на академический дискурс и процесс принятия внешнеполитических решений. На фоне кризиса либеральных концепций в России с середины 1990-х гг. происходит усиление альтернативных школ в русле парадигмы реализма и геополитики. С назначением на пост министра иностранных дел Е.Примакова в 1996 г. и

обновлением состава МИД, авторитет внешнеполитического ведомства начинает расти. 12 марта 1996 г. утверждается указ «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» [см. 18], что позволило решить проблему множественности центров формирования внешней политики. Прежнее руководство внешнеполитического ведомства подверглось жёсткой критике со стороны нового. В частности, экс-министр иностранных дел А.Козырев обвинялся в непрофессионализме и непонимании сущности национальных интересов России, что проявлялось в односторонних уступках Западу. Применительно к политике на постсоветском пространстве подчёркивалась чрезмерная «терпимость» российского МИД к дискриминации русских и русскоязычных меньшинств в государствах Балтии; принятие вмешательства Запада в отношении России с ННГ; отсутствие последовательной и конструктивной политики РФ в «ближнем зарубежье» и т. д. [3, р. 12-13].

Под влиянием указанных изменений в руководстве МИД происходит обновление внешнеполитических подходов. Российские аналитики стали признавать, что расширение НАТО на Восток несёт негативные последствия для интересов их страны на постсоветском пространстве. На концептуальном уровне постепенно выкристаллизовывается значение СНГ в контексте региональной политики России [см. 19; 20].

К концу 1990-х гг. стала очевидной необходимость изменения во внешнеполитическом мышлении руководства РФ. При этом определённые перемены уже намечались в настроении её элит и практической плоскости внешней политики. Директор программы по России и Евразии вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Э.Качинс писал о проявлении в это время в мышлении российского руководства установки «нежелания полной интеграции с Западом, что представлялось целью сразу после распада Советского Союза». Вслед за практически десятилетним периодом, когда российская внутренняя власть и внешнеполитическое влияние находились на «историческом минимуме», наступило время быстрого восстановления «своего авторитета и стремления воздействовать на широкий круг вопросов» [21, р. 4]. В свою очередь, под влиянием внутренних и внешних факторов российские геополитические парадигмы 1990-х гг. переживают определённую эволюцию. Подобное объясняется закономерностью условий смены парадигм. «Парадигмы слабеют по мере того, – указывает В. Крашенинникова, – как они теряют свою способность разрешать новые задачи и проблемы. Серьёзные, противоречащие мейнстриму интеллектуальные школы, также могут обессилить парадигму. Но даже если убедительность старой парадигмы расшатана за счёт её неспособности объяснить новые факты, идущая ей на смену новая парадигма будет принята только тогда, когда критическая масса людей уже видит мир через неё» [22, с. 204].

В начале нового века идеи «атлантизма» образца 1990-х гг. адаптируются к условиям пересмотра внешнеполитических подходов, приобретая более реалистичный характер. Так, на пересечении «реализма» и «атлантизма» находятся взгляды члена политкомитета партии «Яблоко», члена-корреспондента РАН

А.Арбатова, отмечавшего: «Не авторитарная военная империя, а великая демократическая европейская держава – таков единственный оптимистический вариант будущего России» [см. 23]. На фоне неудачного опыта функционирования Содружества, отношения с ННГ – построенные на основе уважения их независимости и территориальной целостности – являются высшим приоритетом российской стратегии национальной безопасности [см. 24]. Поскольку военное присутствие НАТО на постсоветском пространстве будет возрастать, РФ должна, избегая открытого сопротивления расширению Альянса, заблокировать аспекты, противоречащие её интересам (вступление Азербайджана, Грузии и Украины в НАТО). А также стремиться увеличить свою роль в выполнении задач Альянса, пытаясь использовать его ресурсы в российских целях [см. 25].

Либерально-«атлантистские» идеи в первое десятилетие XXI века нашли своё отражение во взглядах президента Ассоциации Евро-атлантического сотрудничества А.Адамишина [см. 26], Генерального директора Центра этнополитических и региональных исследований Э.Паина [см. 27] и директора Института стратегических исследований, члена бюро РДП «Яблоко» А.Пионтковского [см. 28]. Их подходы можно свести к следующему: России не следует добиваться главенствующей роли в рамках «ближнего зарубежья»; СНГ не даёт возможности демократизации РФ, «высасывая» её энергетические и интеллектуальные ресурсы; России необходимо позиционировать себя с наиболее развитыми государствами мира, пытаясь войти в «семью европейских народов» на условиях «социально-ориентированного рынка».

Обновлённый вариант «атлантистских» подходов представляет концепция «либеральной империи», озвученная в сентябре 2003 г. А.Чубайсом [см. 29]. Основное положение концепции заключается в том, что поскольку РФ является (по базовым экономическим показателям) естественным лидером на постсоветском пространстве, она должна взять на себя роль гаранта экономического развития и безопасности региона, активно продвигаясь во внешний мир. Для эффективного продвижения российской экономики на мировом рынке государство обязано, с одной стороны, поддерживать условия рыночной конкуренции, чтобы избежать технологического отставания, с другой – противодействовать нерыночным методам иных государств и активно помогать своим компаниям в случае применения к ним нерыночных методов [см. 30].

Следовательно, Россия заинтересована в том, чтобы её соседями были демократические страны, где действует механизм контроля над выполнением обещаний. При этом РФ должна защищать (без применения военной силы и нарушения международного законодательства) права и интересы всех, кто готов себя идентифицировать с нею, в том числе русскоязычного населения стран СНГ. «...Для меня либеральный империализм, – пояснял смысл указанной концепции А.Чубайс, – вовсе не означает, что мы можем всерьез отказываться от принципа нерушимости границ. Конечно, это не означает, что мы будем нарушать общепризнанные нормы международного права. Это означает то, что государство обязано всеми способами содействовать развитию российской культуры и культуры других народов в наших странах-соседях. <...> Российское государство всеми

способами должно содействовать экспансии российского бизнеса за пределы государства – к нашим соседям. <...> Напрямую законными методами делать все, чтобы поддержать базовые ценности свободы и демократии не только в России, но и во всех государствах-соседях. <...> Не нужно нам никакого вступления, не в ЕС, не в НАТО. Мы туда не поместимся ни экономически и политически, ни географически. <...> Вместо этого нам нужно просто увидеть сейчас контуры нового формирующегося мира XXI века, в котором будут США, на сегодня самая крупная империя в мире. Новая объединившаяся Европа (завершается процесс формирования европейской конституции и объединение Европы – не за горами), Япония (в тяжелом кризисе, но явно из него выйдет), и в котором должна занять свое место и наша страна. Не просто занять место в этой цепочке, а замкнуть это кольцо великих демократий XXI века» [см. 29].

Характерно, что «атлантистские» устремления практически не оказали влияния на формирование доктринальных основ российской внешней политики в 2000-е гг. Уже в конце 1990-х гг. содержание Концепции внешней политики РФ 1993 г. подвергается всё большей критике со стороны экспертных кругов России, характеризовавших её как «американоцентристскую», насыщенную «флёром романтических отношений с Западом», несоответствующую реальности доктрину [см. 31; 32; 33]. На процесс переосмысления доктринальных основ внешней политики повлиял и ряд знаковых событий в международных отношениях: решение о пересмотре и обновлении стратегической концепции НАТО (июль 1997 г.) и расширение Альянса (март 1999 г.); военные действия НАТО в Югославии (март 1999 г.); Азиатский финансовый кризис (1997 – 1998 гг.) [34, р. 3-11]. Это, с одной стороны, продемонстрировало возможности США применять силовые методы в обход международно-правовых норм, с другой, – кризисные проявления обнажили экономическую слабость РФ, оказавшейся не способной выдерживать конкуренцию с Западом, что, несомненно, понимали западные эксперты. Например, бывший директор Агентства Национальной безопасности США У.Одом, анализируя ситуацию конца 1990-х гг., отмечал: «Где находится подходящее для России место в схеме мирового порядка после холодной войны? Хотя она и остаётся важным государством, этого не достаточно для ведущей роли. Ей требуется согласованное управление, говорящее стране правду. Её лидеры редко выражают истинные интересы Российской Федерации или её граждан» [35, р. 813].

Внешнеполитические подходы обновлённой Концепции внешней политики РФ, принятой в 2000 г., характеризуясь большей реалистичностью, в целом встретили поддержку в российском экспертном сообществе [см. 33]. Западные аналитики в оценке указанных положений, акцентировали внимание, во-первых, на закреплении основ прагматичных отношений по многим направлениям, во-вторых, на более активном курсе России на постсоветском пространстве. Профессор Колумбийского университета Р.Легвольд, например, констатировал, что «российская элита, включая президента», полностью осознала свою способность влиять «на события в Центральной Азии, Кавказе, Украине, Беларуси и Молдове», являющуюся ключом «для укрепления своих международных позиций» [36, р. 64]. В то же время, отмечает профессор Калифорнийского университета Д.Трейсман, после событий 11

сентября 2001 г. «Путин поспешил выразить солидарность с Соединёнными Штатами» и «не выступил против увеличения временно размещённого контингента американских войск в бывших советских республиках Центральной Азии» [37, р. 67].

Показательным в этом контексте представляется выступление президента РФ на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. «Мюнхенская речь» постулировала идею несогласия с односторонними действиями США и НАТО, их вмешательством в дела суверенных государств, критикуя однополярный мир, как «мир одного хозяина, одного суверена», не имеющий ничего общего с демократией [см. 38]. По словам директора Московского Центра Карнеги Д.Тренина, «в знаменитой мюнхенской речи Владимир Путин фактически сформулировал условия, на которых он рассчитывал принудить Америку и Европу к партнёрству с Россией: принимайте нас такими, какими мы есть, ведите себя с нами, как с равными, сотрудничайте с нами на основе взаимных интересов» [39, с. 19].

Необходимость адаптации к изменениям международной обстановки способствовала разработке и утверждению в 2008 г. третьей редакции Концепции внешней политики РФ [см. 40], содержание которой подверглось очевидному влиянию «неоевразийских» и консервативно-патриотических идей. Так, по данным украинских исследователей, в этом документе слова, производные от «цивилизация», встречаются 13 раз, тогда как в Концепции 2000 г. их нет вообще. Подобное свидетельствует также о том, что идеологической основой российского внешнеполитического курса становится теория цивилизаций и уникальности «русского мира» [41, с. 21]. Доказательством этого является, в частности, содержание утверждённых президентом России 18 декабря 2010 г. Основных направлений политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [см. 42]. Начало второго десятилетия XXI века ознаменовалось явным ослаблением позиций сторонников «атлантистских» подходов и активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, связанной с публичным выдвиганием и реализацией российской стороной идеи Евразийского союза [см. 43-45].

Таким образом, наиболее значительное воздействие «атлантистов» на концептуальное и доктринальное обеспечение внешней политики РФ наблюдалось в первой половине 1990-х гг. Это отчётливо проявляется в содержании Концепции внешней политики России 1993 г. С середины последнего десятилетия XX века под влиянием внутренних и внешних факторов в российском внешнеполитическом дискурсе происходит усиление приверженцев подходов в русле реализма.

В свою очередь, содержание концептуальных и доктринальных основ российской внешней политики эволюционировало от расплывчатых подходов 1990-х гг., формировавшихся под влиянием «атлантистских» и отчасти «неоевразийских» идей, к более четким позициям 2000-х гг., сформированным под воздействием «неоевразийства» и реализма, и основанным на экономическом прагматизме. Представляется, что современное усиление конкурентности в международных отношениях стимулирует разработку комплексного российского проекта по интеграции постсоветского пространства.

Список литературы

1. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy [Electronic resource] / A. Cohen. – Access mode : <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russia's-Foreign-Policy>.
2. Колосов В. А. Геополитика и политическая география: учебник для вузов / В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 479 с.
3. Craig Nation R. The United States and Russia into the 21st Century / R. Craig Nation, M. McFaul. – Pennsylvania : Strategic Studies Institute, 1997. – 79 p.
4. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Харви Д. ; пер. Н.С. Брагиной. – М. : Поколение, 2007. – 288 с.
5. Современные школы и концепции в российской геополитике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.prioritet-schoolu/site_elena/index.htm.
6. Kortunov A. NATO Enlargement and Russia: In Search of an Adequate Response / A. Kortunov // Will NATO Go East? The Debate Over Enlarging the Atlantic Alliance / [Edited by D. G. Haglung]. – Kingstone, Ont. : Queen's University, 1996. – P. 74-75.
7. Новое время. – 1995. - № 1. – С. 21.
8. Московские новости. – 1998. – 21-27 декабря. – С. 6.
9. Сергунин А. А. Российская внешнеполитическая мысль: национальная и международная безопасность [Электронный ресурс] / А.Сергунин. – Режим доступа : <http://www.nationalsecurity.ru/library/00001/>.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации. 23 апреля 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. – Т. 4.: Документы / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: МГИМО; РАМИ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. – С. 19-50.
11. Пашковский П.И. Эволюция доктринальных основ интеграционной политики России на постсоветском пространстве // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2011. – Т. 24 (63). - № 1. – С. 194-206.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Бжезинский З.; Пер. с англ. О.Ю.Уральской. – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с.
13. Simes D. K. Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation / D.K. Simes // Foreign Affairs. – November/December 2007. – Vol. 86. – № 6. – P. 36-52.
14. Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Шевцова Л.; Моск. Центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 2010. – 272 с.
15. Политическая история России: Учебное пособие / Отв. ред. проф. В. В. Журавлёв. – М.: Юрист, 1998. – 696 с.
16. Talbott S. Self-Determination in an Interdependent World / S. Talbott // Foreign Policy. – Spring 2000. - № 118. – P. 152-163.
17. Косикова Л. С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика: Научный доклад к заседанию Учёного Совета ИМЭПИ ИЭ РАН (сокращённый вариант) / Косикова Л. С. – М.: РАН, Институт экономики, Отделение международных экономических и политических исследований, 2008. – 39 с.
18. Указ Президента Российской Федерации от 12 марта 1996 г. № 375 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168152>.
19. Кортунов С. В. Россия ищет союзников / С. В. Кортунов // Международная жизнь. – 1996. - № 5. – С. 17-30.
20. Рахманинов Ю. Н. О причинах и возможных последствиях расширения НАТО / Ю. Н. Рахманинов // Международная жизнь. – 1996. - № 7. – С. 19-28.

21. Kuchins A. Alternative futures for Russia to 2017 / Kuchins A. – Washington, D.C.: The CSIS Press, 2007. – 71 p.
22. Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России / Крашенинникова В. – М.: Европа, 2007. – 392 с.
23. Арбатов А. Россия: особый имперский путь? [Электронный ресурс] / А. Арбатов // Россия в глобальной политике. – 2005. - № 6. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5977
24. Арбатов А. Цель России – трансрегиональный центр влияния на территории постсоветского пространства [Электронный ресурс] / А. Арбатов. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1203413220>
25. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России / А.Г. Арбатов // Политика. – 2006. - № 2. – С.94 – 103.
26. Адамишин А. На пути к мировому правительству [Электронный ресурс] / А. Адамишин // Россия в глобальной политике. – 2002. - № 1. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_65
27. Паин Э. Россия между империей и нацией / Э. Паин // Pro et contra. – Май-июнь 2007. – С. 42-59.
28. Пионтовский А. У окна в Европу [Электронный ресурс] / А.Пионтовский. – Режим доступа: <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.107900.html>
29. Чубайс А. Россия как либеральная империя [Электронный ресурс] / А. Чубайс. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/empire/russia/>
30. Гозман Л. Россия станет полноправной частью мировой либеральной империи [Электронный ресурс] / Л. Гозман. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2004/12/23/190431.html>
31. Крутских А. В. Прагматические истоки национальных интересов / А. В. Крутских // Международная жизнь. – 1997. - № 3. – С. 85-95.
32. Селезнёв Г. Н. Подавляющее большинство Парламента поддержит освобождающийся от флёра романтических отношений с Западом курс достоинства и национальных интересов России / Г. Н. Селезнёв // Международная жизнь. – 1997. - № 4. – С. 3-13.
33. До встречи в третьем тысячелетии / Дискуссия в редакции журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. – 2000. - № 12. – С. 2-25.
34. Konovalov A. Russian Armed Forces: Perspectives of Military Reform and Evolution of the Military Doctrine / A. Konovalov, S. Oznobishev. – Moscow: Institute for Strategic Assessments, 1999. – 38 p.
35. Odom W. E. Russia's Several Seats at the Table / W. E. Odom // International Affairs. – October 1998. – Vol. 74. - № 4. – P. 809-822.
36. Legvold R. Russia's Unformed Foreign Policy / R. Legvold // Foreign Affairs. – September/October 2001. – Vol. 80. - № 5. – P. 62-75.
37. Treisman D. Russia Renewed? / D. Treisman // Foreign Affairs. – November / December 2002. – Vol. 81. – № 6. – P. 58-72.
38. Путин В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года [Электронный ресурс] / В. Путин. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type.
39. Тренин Д. Одиное плавание / Тренин Д.; Моск. Центр Карнеги. – М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. – 182 с.
40. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f?OpenDocument>.
41. Горбулін В. П. Національна безпека: український вимір / В.П.Горбулін, О. В. Литвиненко. – К.: ПІІ «Інтертехнологія», 2008. – 104 с.
42. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. 18 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns->

osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/de43a8a4bcd17daac325784500296ef8?OpenDocument.

43. Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / С. Глазьев. – Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/.
44. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] / В. Путин. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/502761>
45. Толстов С.В. Перспективы Евразийского интеграционного проекта. Россия примеряется к мировым экономическим и политическим процессам [Электронный ресурс] / С.В. Толстов. – Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2011-10-31/11_perspective.html

Pashkovsky P. I. On the Influence of «Atlanticism» on the Conceptual and Doctrinal Providing of Russian Federation’s Foreign Policy // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 143–152.

The influence of paradigm of «atlanticism» on the conceptual and doctrinal foundations of the foreign policy of Russian Federation has been considered. It is shown that the most significant impact of “atlanticism” on the conceptual and doctrinal providing of Russian foreign policy was observed in the first half of the 1990s. This is distinctly manifested in the content of Russian Foreign Policy Concept 1993. From the middle of the last decade of XX century under the influence of internal and external factors in Russian foreign policy discourse is enhanced values of adherents of approaches in the mainstream of realism. The content of the conceptual and doctrinal foundations of Russian foreign policy has evolved from vague approaches of the 1990s, which were formed under the influence of “atlanticism” and partly “neo-urasianism” ideas to a clearer position of the 2000s, which were formed under the influence of ‘neo-urasianism’ and realism, and were based on economic pragmatism.

Keywords: “atlanticism”, conceptual and doctrinal foundations, foreign policy, Russian Federation.

УДК 32:303.8+311

ПРИМЕНЕНИЕ НЕПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ТЕСТОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Гаспарян М.В.

В статье рассматриваются особенности непараметрических тестов. Представлены наиболее востребованные в практики непараметрические критерии. Раскрываются понятия зависимости и независимости выборок как одно из базовых условий выбора соответствующего непараметрического критерия. Иллюстрируется применение методов непараметрической статистики в рамках политических исследований.

Ключевые слова: *политические исследования, непараметрические тесты, таблица сопряженности, коэффициент конкордации, критерий χ^2 .*

Между статистикой и политической наукой существует гораздо более глубокая связь, чем может показаться на первый взгляд. Термин статистика впервые был введен в научный оборот в 1749 году немецким ученым Готфридом Ахенвалем в работе «Статистика», в которой приводилось описание политического устройства государств Европы.

Как научная дисциплина статистика оформилась в середине XVIII в. в результате слияния двух научных школ: немецкой описательной школы (Г. Ахенваль), и английской школы политических арифметиков (В. Петти). В первой половине XIX в. возникло третье направление статистики – статистико-математическое (А. Кетле), представители которого считали основой статистики теорию вероятности.

Развитие статистической науки, расширение сферы практической статистической работы привели к изменению содержания термина «статистика». Под статистикой принято понимать вид деятельности, направленной на получение, обработку и анализ количественных данных. Что же касается процесса обработки и анализа количественных данных, то здесь мы говорим о статистике как ветви прикладной математики. Более строгое ее название – математическая статистика.

Использование математических методов в политических исследованиях, к сожалению, не всегда сопровождается четкими представлениями о возможностях и границах их применения. Сложность, с которой мы зачастую сталкиваемся при применении статистических тестов, при анализе данных политических исследований обусловлены, с одной стороны, доминированием переменных, измеренных на уровне шкал низкого порядка, с другой стороны, наблюдаемые

распределения могут значительно отличаться от нормального распределения. В такой ситуации исследователь использует тот или иной метод анализа данных не потому, что он наиболее целесообразен, а лишь в силу его доступности.

В результате этого значительная часть прикладных исследований довольствуется упрощенным, одномерным анализом данных, который существенно обедняет информацию, снижает диагностическую и прогностическую ценность получаемых выводов [см. 1].

Предметом исследования является применение методов непараметрической статистики в социальных исследованиях. **Цель** работы проиллюстрировать привлекательность методов непараметрической статистики при анализе результатов политических исследований.

Использование более сложных видов анализа (многомерный, факторный, дисперсионный, регрессионный, и др.) сопряжено с рядом трудностей. Между тем, существуют математические методы, которые пока достаточно редко применяются в политических исследованиях, хотя их использование позволило бы проводить вполне корректную математическую обработку данных, не заставляя исследователя осваивать сложные разделы высшей математики, и значительно упростило бы расчеты и вычисления. Мы имеем в виду методы непараметрической статистики.

Непараметрическая статистика – непараметрические методы статистики – часть математической статистики, комплекс методов обработки статистических данных, не требующих, чтобы распределение вероятностей было описано каким-либо законом распределения. Она опирается на более широкие и менее ограничительные свойства распределений вероятностей: статистическую независимость распределений (ошибок наблюдений), непрерывность этих распределений; часто – на ту или другую симметрию распределений и т.п. [см. 2]

Название «непараметрические методы» подчеркивает их отличие от классических – параметрических – методов, в которых предполагается, что генеральное распределение известно с точностью до конечного числа параметров, и которые позволяют по результатам наблюдений оценивать неизвестные значения этих параметров и проверять гипотезы относительно их значений.

Непараметрические критерии – это такие приемы обработки экспериментальных данных, которые не рассматривают анализируемое статистическое распределение как функцию, их применение не предполагает предварительного вычисления параметров распределения. Эти критерии обрабатывают не само измеренное значение, а его ранг – положение внутри выборки.

Популярность непараметрических методов объясняется широкой областью их применения, устойчивостью выводов, простотой математических средств. Непараметрические критерии значительно менее трудоемки, а при распределениях, далеких от нормального, более эффективны и точны, чем параметрические. Эта методология весьма привлекательна для исследователей применяющих статистику, в особенности, в науках о поведении.

Всякий непараметрический метод – это статистический метод с некоторыми желательными свойствами, сохраняющимися при относительно слабых допущениях о рассматриваемых генеральных совокупностях, из которых получены данные.

Наиболее известные непараметрические критерии – это Колмогорова-Смирнова, изобретенные в 1930-х годах, ранговые критерии Уилкоксона (Вилкоксона, Wilcoxon) и Манна-Уитни (Mann-Whitney) 1940-1950-х годах, коэффициенты ранговой корреляции (1904-1930-х годах) Спирмена (Spearman) и Кендалла (Kendall).

На сегодня разработано значительное число непараметрических критериев, по существу, для каждого параметрического критерия имеется, по крайней мере, один непараметрический аналог. Эти критерии можно отнести к одной из следующих групп:

- критерии различия между независимыми выборками;
- критерии различия между зависимыми выборками;
- критерии связи между переменными.

Различия между независимыми выборками. Обычно, когда имеются две выборки (*например, мужчины и женщины*), которые мы хотим сравнить относительно среднего значения некоторой изучаемой переменной, то мы имеем возможность применить один из следующих критериев: критерий Уалда-Вольфовица (Wald-Wolfowitz), U -тест по методу Манна-Уитни, критерий Колмогорова-Смирнова.

Для сравнения более чем двух независимых выборок может быть использован H -тест по Краскелу-Уоллису (Kruskal-Wallis), являющийся модификацией U -теста по методу Манна-Уитни (на случай для более двух независимых выборок) или Медианный тест.

Различия между зависимыми выборками. Если стоит задача сравнить две переменные, относящиеся к одной и той же выборке (*например, изменения в восприятии целевыми аудиториями образа политика или политической партии в начале и в конце PR или рекламной кампании*), то обычно используется: критерий Уилкоксона парных сравнений. Если рассматриваемые переменные по природе своей категориальны или являются категоризованными (т.е. представлены в виде частот попавших в определенные категории), то подходящим будет критерий χ^2 Мак-Немара (McNemar).

Если рассматривается более двух переменных, относящихся к одной и той же выборке, то обычно используется метод рангового дисперсионного анализа Фридмана (Fridman) или Q критерий Кохрена (Kokhrena) (последний применяется, например, если переменная измерена в номинальной шкале). Q критерий Кохрена используется также для оценки изменений частот (долей).

В случае, когда необходимо оценить степень согласованности между несколькими связанными выборками (*например, оценка участников фокус группового исследования некоторого количества предвыборных лозунгов*) используется коэффициент согласованности Кендалла.

Связь между переменными. Для того, чтобы оценить связь между двумя переменными, обычно вычисляют коэффициент корреляции. Непараметрическими

аналогами стандартного коэффициента корреляции Пирсона являются статистики Спирмена, τ Кендалла и коэффициент Гамма. Если две рассматриваемые переменные по природе своей категориальны, подходящими непараметрическими критериями для тестирования зависимости будут: χ^2 , ϕ -коэффициент, точный критерий Фишера (Fisher).

Описательные статистики. Если данные не являются нормально распределенными, а измерения, в лучшем случае, содержат ранжированную информацию, то вычисление обычных описательных статистик (например, среднего, стандартного отклонения) не слишком информативно. Непараметрическая статистика вычисляет разнообразный набор мер положения (медиану, моду) и рассеяния (дисперсию, гармоническое среднее, квартильный размах), позволяющий представить более «полную картину» данных.

Как мы можем видеть, понятие зависимости и независимости выборок является одним из условий выбора соответствующего непараметрического критерия.

Две выборки зависят друг от друга, если каждому значению одной выборки можно закономерным и однозначным способом поставить в соответствие ровно одно значение другой выборки. В качестве примеров зависимых групп, между которыми есть существенные внутренние связи можно привести: выборки, состоящие из родителей и детей, братьев и сестер (генетическая связь); одна и та же группа, исследуемая дважды (например, до и после воздействия некоторого фактора).

Если закономерное и однозначное соответствие между выборками невозможно, эти выборки являются независимыми. Примером групп, между которыми нет существенных связей, являются выборки: одного возраста разных профессий, разного возраста или пола, не являющиеся родственниками.

Далее рассмотрим применение непараметрических тестов для анализа результатов политических исследований. Данные представленные в примерах измерены на шкалах низкого порядка (номинальная и порядковая) [см. 3].

Пример 1. Коэффициент W Кендалла. При проведении определенного вида политических исследований (фокус-групп, экспертных опросов и т.п.) мы весьма ограничены в обобщающих высказываниях, лишены возможности относительных оценок. Преодолеть эти сложности позволяет применение непараметрических тестов. В частности коэффициент W Кендалла (коэффициент конкордации) [см. 4] позволяющий измерить степень согласованности оценок в группе.

Рассмотрим результаты экспертного опроса, в рамках данного исследования 5-ти экспертам необходимо было проранжировать по важности 4 разных фактора, расставляя ранги от 1 до 4.

Формула для расчета коэффициента W Кендалла:

$$W = \frac{12 \sum_{i=1}^n D_i^2}{m^2(n^3 - n)}$$

где

m -число ранговых последовательностей (количество экспертов),

n - число оцениваемых объектов (факторов),

$D_i = d_i - \bar{d}$ – отклонение суммы рангов i -го объекта $d_i = \sum_{j=1}^m R_{ij}$ от

средней суммы рангов всех объектов $\bar{d} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n d_i$. Средняя сумма рангов всех

объектов может быть вычислена по формуле $\bar{d} = \frac{1}{2}m(n+1)$, которая используется

для контроля.

Значения коэффициентов конкордации заключены на отрезке $[0;1]$. Увеличение коэффициента от 0 к 1 означает проявление большей согласованности суждений. Коэффициент конкордации равен единице при полном совпадении всех ранговых последовательностей. Если мнения экспертов (ранговые последовательности) полностью противоположны, коэффициент конкордации равен нулю.

В таблице 1 представлены результаты оценок экспертов.

Таблица 1

	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5
Фактор 1	1	3	4	2	2
Фактор 2	3	2	3	3	4
Фактор 3	2	1	1	4	1
Фактор 4	4	4	2	1	3

Таким образом, в нашем примере $m = 5$, $n = 4$, остается найти значение D .

Для дальнейших вычислений нам нужно добавить в исходную таблицу 1 следующие значения см. таблицу 2.

Таблица 2

	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5	d_i	D_i	D_i^2
Фактор 1	1	3	4	2	2	12	-0,5	0,25
Фактор 2	3	2	3	3	4	15	2,5	6,25
Фактор 3	2	1	1	4	1	9	-3,5	12,25
Фактор 4	4	4	2	1	3	14	1,5	2,25
						50		21

Средняя сумма рангов всех объектов равна $\bar{d} = \frac{50}{4} = 12,5$

В качестве контроля используем выражение $\bar{d} = \frac{1}{2}m(n+1) = \frac{25}{2} = 12,5$

Подставляем значения из таблицы 2 в формулу коэффициента конкордации Кендалла:

$$W = \frac{(12 \times 21)}{(25 \times (64 - 4))} = 0,168$$

Как видно из результатов вычисления коэффициента конкордации Кендалла, его значение равняется 0,168, а это говорит нам о слабой согласованности суждений.

Слабая согласованность обычно является следствием следующих причин:

в рассматриваемой группе экспертов действительно отсутствует общность мнений;

внутри группы существуют коалиции с высокой согласованностью мнений, однако, обобщенные мнения коалиций противоположны.

Пример 2. Критерий χ^2 (Хи-квадрат). Одной из важнейших задач статистики является изучение причинно-следственных отношений между явлениями, что позволяет выявить факторы, оказывающие основное влияние на вариацию исследуемых явлений и процессов. Для оценки силы и направления связи используется коэффициент корреляции. Однако коэффициент корреляции нельзя применять как характеристику зависимости между переменными, если эти переменные принадлежат к номинальной шкале и имеют больше двух категорий.

Для связей между номинальными переменными, анализируемыми посредством таблицы сопряженности, наиболее общей является модель χ^2 . Коэффициенты связи, основанные на критерии χ^2 , могут принимать значения в интервале от 0 до 1. Главными недостатками модели являются отсутствие каких-либо представлений о характере связи, а также конструктивные особенности коэффициентов, которые даже при полной связи не всегда достигают значения 1 [см. 5]. Поэтому предназначенные для них коэффициенты, основанные на критерии χ^2 , не могут принимать отрицательных значений. Наиболее распространенными мерами связи, основанными на критерии χ^2 , являются: ϕ – коэффициент, коэффициент сопряженности признака (C), критерий Крамера (V) [см. 6].

Для примера рассмотрим ситуацию, сложившуюся в городской организации некоторой политической партии А. Нас будет интересовать связаны ли между собой род деятельности члена партии с выполняемой ими какой-либо партийной функцией. Для этого рассмотрим результат опроса ее членов. В результате опроса мы получили следующее частотное распределение: Таблица 3; Таблица 4 [см. 7].

Таблица 3

Род занятий	Частота
Наемный работник	22
Государственный служащий	18
Предприниматель	24
Итого	64

Таблица 4

Партийная работа	Частота
да	36
нет	28
Итого	64

Для номинальных переменных тест на статистическую значимость проводится путем подсчета критерия χ^2 (хи-квадрат). Данная процедура предполагает сравнения тех результатов, которые мы реально имеем, с теми, которые ожидаются. Ожидаемые частоты – это те частоты, которые должны были бы стоять в ячейках той же таблицы сопряженности, если бы две интересующие нас переменные были бы независимы. Построим таблицу сопряженности признаков.

Таблица 5

Партийная работа	Наемный работник	Государственный служащий	Предприниматель	Итого
Да	13	16	7	36
Нет	9	2	17	28
Итого	22	18	24	64

Определение χ^2 начинается с того, что мы задаем себе вопрос: какое значение мы *ожидаем* в каждой ячейке таблицы сопряженности при имеющихся итоговых распределениях, если между переменными *нет связи*?

Процедура заполнения ячеек таблицы сопряженности, ожидаемыми частотами можно выразить формулой:

$$x_{ij} = \frac{\sum x_i \sum x_j}{\sum x_{ij}}$$

Таблица 6

Партийная работа	Наемный работник	Государственный служащий	Предприниматель	Итого
Да	12,4	10,1	13,5	36
Нет	9,6	7,9	10,5	28
Итого	22	18	24	64

Сравнивая таблицы 5 и 6, мы видим, что итоговые значения остались неизменными. Отличаются лишь теоретически ожидаемые частоты в ячейках таблицы 6. Хи-квадрат как раз и оценивает суммарную величину отклонения наблюдаемых значений от ожидаемых. Уравнение для χ^2 выглядит следующим образом:

$$\chi^2 = \sum \frac{(f_0 - f_e)^2}{f_e}$$

где f_0 – частота, наблюдаемая в каждой ячейке; f_e – частота, ожидаемая в каждой ячейке.

Таблица 7

f_0	f_e	$f_0 - f_e$	$(f_0 - f_e)^2$	$\frac{(f_0 - f_e)^2}{f_e}$
13	12,4	0,6	0,36	0,03
16	10,1	5,9	34,81	3,45
7	13,5	- 6,5	42,25	3,13
9	9,6	- 0,6	0,36	0,04
2	7,9	- 5,9	34,81	4,41
17	10,5	6,5	42,25	4,02

В таблице 7 представлены значения, используемые для определения χ^2 . Порядок ячеек таблицы не имеет значения, но f_0 из таблицы 3 и f_e из таблицы 4 в каждой определенной строке должны относиться к одному и тому же случаю. Хи-квадрат определяется путем сложения всех цифр в последней колонке. В нашем примере его значение равняется 15,08.

Прежде чем мы интерпретируем эту цифру, нам необходимо сделать еще одно вычисление – подсчитать так называемые степени свободы (degrees of freedom – df). Степени свободы в таблице – это количество ячеек таблицы, которые могут быть заполнены цифрами, прежде чем содержание всех остальных ячеек станет фиксированным и постоянным. Формула для определения степеней свободы для любой таблицы такова:

$$df = (r - 1)(c - 1),$$

где r = количество категорий переменной в строке; c = количество категорий переменной в столбце.

$$\text{В нашем примере, } df = (3 - 1)(2 - 1) = 2.$$

Для оценки статистической значимости наших данных, нам необходимо сопоставить их с данными распределения χ^2 , которые можно найти в статистических сборниках. Таблица распределения χ^2 содержит значимые величины χ^2 для различных степеней свободы на уровнях 0,001; 0,01; 0,05. Если значение χ^2 , которое мы посчитали, превышает то, что указано в таблице на любом из этих уровней для

таблицы с определенными степенями свободы, то можно сказать, что те взаимосвязи, которые мы наблюдали, на данном уровне статистически значимы.

В нашем примере $\chi^2 = 15,08$, степень свободы $df = 2$, сопоставляя их с теоретическими данными распределения χ^2 , мы можем говорить о том, что связь значима на уровне 0,001. Таким образом, полученный результат является максимально значимым: участие в партийной работе характерно для государственных служащих, а для предпринимателей – совсем не характерно, тогда как наемные работники находятся посередине.

На завершающем этапе нам осталось дать количественную оценку уровню связи искомых признаков, для этого подставим полученное значение χ^2 в соответствующие формулы.

Критерий связи	Значение
ϕ - коэффициент	$\phi = \sqrt{\frac{\chi^2}{N}} = \sqrt{\frac{15,08}{64}} = 0,48$
Критерий Крамера (V)	$V = \sqrt{\frac{\chi^2}{N(k-1)}} = \sqrt{\frac{15,08}{64(2-1)}} = 0,48$
Коэффициент сопряженности признака (C)	$C = \sqrt{\frac{\chi^2}{\chi^2 + N}} = \sqrt{\frac{15,08}{15,08 + 64}} = 0,43$

N – общая сумма частот в таблице сопряженности, k – наименьшее из значений в таблице сопряженности.

В заключение следует отметить, что развитие компьютерной техники и появление мощных программных пакетов для обработки статистических данных, позволяет, при всей относительной сложности современных методов статистического анализа, сосредоточить внимание исследователя не на технической стороне методов, а на особенностях их применения в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Джужа Н.Ф. Применение методов непараметрической статистики в психолого-педагогических исследованиях / Н.Ф. Джужа // Вопросы психологии. – 1987. – № 4. – С. 145-151.
2. Тюрин Ю.Н., Шмерлинг Д.С. Непараметрические методы статистики / Ю.Н. Тюрин, Д.С. Шмерлинг // Социология: методология, методы, математические модели. – 2004. – № 18. – С. 154-166.
3. Наследов А. SPSS. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках / А. Наследов. – ИД «Питер», 2007. – 416 с.
4. Ромашкина Г.Ф., Татарова Г.Г. Коэффициент конкордации в анализе социологических данных / Г.Ф. Ромашкина, Г.Г. Татарова // Социология: методология, методы, математические модели. – 2005. – №20. – С. 131-158.

5. Социология: Словарь-справочник. Т. 4. Социологическое исследование: Методы, методика, математика и статистика / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М.: Наука, 1991. – 357 с.
6. Гласс Дж., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии / Дж.Гласс, Дж.Стенли. – М.: Прогресс, 1976. – 496 с.
7. Гаспарян М.В. Статистические методы политических исследований // Политическая наука: методы исследований / М.В. Гаспарян / под ред. О.А. Габриеляна. – К.: ИЦ «Академия», 2012. – С. 193-235.

Gasparyan M.V. Application of Nonparametric Tests in Political Researches // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 153–162.

In the article the features of nonparametric tests are examined. Application of nonparametric methods makes possible to overcome complications, caused by prevailing of variables, which we frequently collide at the analysis of political researches. Such distribution can considerably differ from the normal one.

In this situation researcher uses one or another method of analysis of data not because it is the most expedient method, but because it is available.

Popularity of nonparametric methods is explained with wide sphere of their application, stability of conclusions and simplicity of mathematical facilities. Nonparametric criteria considerably are less intensive, however they are more effective and exact than parametric criteria. This methodology is very attractive for researchers who use statistics, particularly in sciences which study social conduction.

The most practically relevant nonparametric criterion is presented in the article. The notions of dependent and independent samples are given as one of the basic conditions of the proper nonparametric criterion choice. These criteria can be classified in the following manner: the criterion of distinction between independent selections; the criterion of distinction between dependent selections; the criterion of variable's interconnection.

In addition, an application of nonparametric statistics methods within the bounds of political researches is illustrated in the article.

In particular calculation of W Kendall coefficient (coefficient of concordance) is relevant in measuring the degree of co-ordination of estimations in a group, in conduction of such specific political researches as focus-groups, expert questioning etc. The criterion χ^2 . χ^2 is the most general model for the estimation of connection between nominal variables. The most widespread measures of connection based on a criterion χ^2 are: ϕ – coefficient, coefficient of contingency(C), criterion of Kramer (V).

Key-words: political researches, nonparametric tests, table of contingency, coefficient of concordance, criterion χ^2 .

УДК 32.019.5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УКРАИНЕ НА РУБЕЖЕ 2013-2014 ГГ.

Халанская Л.Г.

В статье рассматриваются теоретические аспекты конфликтности, проводится анализ условий дестабилизации политического процесса и их проявлений в современной Украине, а также определяется наличие социальных предпосылок украинской политической конфликтности на рубеже 2013-2014 гг.

Ключевые слова: *дестабилизация, политический процесс, конфликт.*

Дестабилизация политического процесса является неотъемлемым состоянием политики любой страны мира. Периоды кризисов и потрясений неизбежно сменяют и, в свою очередь, сменяются, моментами стабильности и покоя. Однако события, произошедшие на рубеже 2013-2014 годов в Украине затронули базовые принципы и основы ее политической системы и культуры. Это делает краткое рассмотрение условий и предпосылок этих процессов актуальной исследовательской задачей, важной как для теории, так и практики политических исследований.

Цель данной работы – это анализ социальных предпосылок дестабилизации политического процесса в Украине, который позволил бы проанализировать истоки этой дестабилизации, ее теоретические основы и принципы, а также ее социальную обусловленность.

Для осуществления этой цели, предполагается решение ряда задач, таких как:

краткое рассмотрение теоретических аспектов конфликтности;

анализ условий дестабилизации политического процесса, и их проявлений в современной Украине;

определение наличия социальных предпосылок украинской политической конфликтности на рубеже 2013-2014 гг.

Объектом исследования данной работы можно назвать предпосылки дестабилизации политического процесса в переходных государствах современного мира. **Предметом** – социальные предпосылки дестабилизации политического процесса в Украине на рубеже 2013-2014 годов.

Первый теоретический вопрос: является ли дестабилизация (она же – конфликтность) нормальным состоянием политического процесса в целом. Ряд научных школ современной политической науки, отвечает на этот вопрос по-разному.

Так, представители англо-американской школы структурного-функционализма (Т. Парсонс, Д. Истон и другие) отрицали функциональность конфликтов, тем самым исключая ее из политического процесса стабильной политической системы [см. 1, 2]. По мнению Т. Парсонса «ни одно общество не может поддерживать стабильность, имея в виду потенциально возможные конфликты и кризисы, если интересы его граждан не определяются солидарностью, внутренней лояльностью и взаимными обязательствами» [2, с. 106].

Второе научное направление, которое с определенными оговорками, можно назвать «немецкой школой» (М. Вебер, Р. Дарендорф и другие), напротив определяет конфликт как норму социальных, и политических взаимоотношений [см. 3, 4]. Так, Р. Дарендорф пишет о том, что конфликт «является отцом всех вещей, то есть движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной» [4, с. 147]. Это условие является очень важным, так как оно позволяет очертить рамки легитимной дестабилизации политического процесса, и определить случаи в которых она является разрушительной для системы, и в каких – нет.

Еще одним, автором, который в данном контексте, важен для нас, является американский социолог Л. Козер. Он определял конфликт как «борьбу за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников» [5, с. 32]. При этом автор подчеркивает, что речь идет о функциях, «а не дисфункциях социального конфликта», а именно тех его последствиях, «которые служат усилению, а не ослаблению адаптации и приспособляемости конкретных социальных отношений или групп» [5, с. 32].

Среди называемых Л. Козером внутри и межгрупповых функций: создание взаимодействий между группами, отношений между которыми могло ранее не быть, активизация различных социальных акторов к участию в социальной жизни, создание и восстановление «единства и сплоченности группы, а также способствование обновлению ее организации и формированию новых норм и отношений власти «внутри группы в соответствии с насущными потребностями ее индивидуальных членов или подгрупп» [5, с. 179]. Последний пункт особенно важен, так как, по мнению автора, процесс возникновения новых правил и законов сопровождается возникновением «новых институциональных структур», которые служат «защитными клапанами» группы. Посредством этих структур осуществляется «канализация» конфликта, направление его в легитимное ограниченное законом русло.

Деструктивность конфликта, по мнению Л. Козера, проявляется только, если он затрагивает основные ценности общества, «легитимирующие социальную систему» [5, с. 179]. Легитимность в данном случае рассматривается как «важнейшая промежуточная переменная, без учета которой невозможно предсказать, выльются ли в реальный конфликт чувства враждебности, порожденные неравным распределением прав и привилегий» [5, с. 57]. Все остальные конфликты, осуществляющиеся «по поводу целей, ценностей или интересов, не подрывающие

основных предпосылок, на которых базируются отношения» [5, с. 179], являются позитивным фактором жизни общества.

Этот вывод является основополагающим в понимании деструктивности политического процесса современной Украины, так как позволяет определить проявлением «функциональности» или «дисфункциональности» она является. В виду того, что в ходе последних политических преобразований были затронуты те самые базовые ценности, о которых пишет Л. Козер, вопросы этнический и политической идентификации, национальных и этнических ценностей и т.д. кризисность украинского государства является деструктивной, и ее последствия могут оказаться негативными для ее же политической системы и культуры.

Второй вопрос связан с наличием условий дестабилизации политического процесса в современной Украине, их содержанием и основаниями. В статье «Место и роль СМИ в «цветных революциях» А.Морозов приводит пять стандартных условий, необходимых для создания дестабилизации [см. 6]. Среди них «наличие формального повода для дестабилизации, в качестве которого выступают выборы «странового» масштаба, результаты которых оказывают влияние на вектор стратегического развития государства» [см. 6]. В случае последнего украинского кризиса, повод оказался нестандартный, но не менее весомый – это Вильнюсский саммит, и не подписание на нем Соглашения об ассоциации Украина-ЕС.

Следующее условие – «наличие внутри страны достаточно консолидированной политической оппозиции, лидеры которой и выступают в качестве заказчиков на создание новой виртуальной реальности, позиционируемой в качестве более адекватной по отношению к навязываемой властью «картине мира» [см. 6]. Как показала прошедшая смена политической власти в Украине, оппозиция, не будучи основателями «майдана», то есть самого движения граждан, сумела использовать результаты этого движения, и виртуально его возглавить, даже при том условии, что значительная часть участвовавших в протестах не признали их лидерами. Результатом этого символического главенствования стало получение реальных властных постов в кризисном государстве.

Третье условие – «наличие у оппонентов власти хотя бы минимального набора СМИ, посредством которых новая реальность на первых этапах будет транслироваться в массы» [см. 6], проявилось в наибольшей степени. В случае современного политического кризиса большинство СМИ оказались так или иначе подконтрольны тем самым властным оппонентам, и соответственно, на протяжении всего процесса дестабилизации демонстрировали одностороннюю и агрессивную картинку происходящего. Завершением этого стало требование отключения новой оппозиционной властью российских каналов в Украине, что, в свою очередь, подтвердило наличие данного пункта.

Четвертое условие – это «поддержка оппонентов власти извне, сопровождаемая потоком финансовых вливаний для поддержания новой конструируемой реальности» [см. 6]. Наличие в Украине такой поддержки не требует доказательств: начиная с самой технологии «цветных революций», которая

уже осуществлялась в украинском государстве, и ряде других стран современного мира, и заканчивая локальными примерами финансирования посредством грантов неправительственных организаций и СМИ [см. 6], все это является очевидными примерами выполнения последнего приведенного условия.

Последнее условие – это «наличие у населения негативного самоощущения, основанного на осознании своего реального социально-экономического и правового положения» [см. 6]. Этот пункт является, по нашему мнению, наиболее значимым для современной украинской ситуации, поэтому наиболее полно мы рассмотрим его при анализе третьего вопроса статьи.

В целом, из проведенного краткого обзора можно сделать вывод, что все базовые условия дестабилизации политического процесса в Украине были выполнены, начиная с формального повода, и наличия своей оппозиции и ее СМИ, и заканчивая внешним вмешательством, в первую очередь в форме финансирования.

Последний вопрос, который представляется важным для рассмотрения – это наличие внутренних социальных предпосылок, которые являются также одним из обязательных условий, и позволяют понять склонность украинских граждан к прошедшим переменам. Наиболее простым способом определения таких предпосылок является краткий анализ результатов социологических опросов населения Украины.

Первый вопрос, который представляется важным в данном контексте – это вопрос осведомленности и участия граждан Украины в событиях ноября 2013-февраля 2014 годов.

Так, согласно данным украинского центра экономических и политических исследований имени А. Разумкова в середине названного этапа, конце декабря 2013 года, 11,8% опрошенных заявляли о том, что знают и принимают участие в акциях протеста, под названием «Евромайданы», 85,6% – говорили о своем знании о происходящих процессах, но неучастии в них, и только 2,5% – заявили о неосведомленности о происходящих событиях [см. 7].

Приведенные цифры демонстрируют практически стопроцентную заинтересованность украинских граждан в происходящих событиях, и отслеживании информации о них. Важным является также тот факт, что некоторая часть, около 10% призналась в собственном участии в этих процессах, продемонстрировав, таким образом, непосредственную значимость для них этих событий.

Более основательно, о наличии социального недовольства можно судить из показателей динамики отношения украинских граждан к деятельности различных органов власти, за последние 13 лет. Например, на вопрос о поддержке деятельности работы правительства Украины, в апреле 2000 года только 13,5% опрошенных заявили, что полностью его поддерживают. В марте 2013 года эта цифра сократилась до показателя 8%. Обратный показатель «неподдержки» в 2000 году составил 37,2%, а в 2013 – 52,4% [см. 8]. Таким образом, общий вывод очевиден, за последние 13 лет, негативное отношение граждан Украины в

деятельности своего правительства стало больше, а незначительное позитивное сократилось еще сильнее.

Еще более очевидным примером здесь может служить подобный вопрос об отношении к деятельности Президента Украины. Так в апреле 2000 года, о поддержке его деятельности заявляли 22,6% опрошенных, а о «неподдержке» – 34,1%. В марте 2013 года эти цифры составили соответственно 14,6% и 52,7% [см. 9]. Вывод очевиден, цифры, различавшиеся на 11,5% в 2000-м году, к 2013-му продемонстрировали явный рост негативного отношения к деятельности Президента среди украинцев.

Общую динамику отношения к двум обозначенным политическим институтам Украины можно проследить на графике.

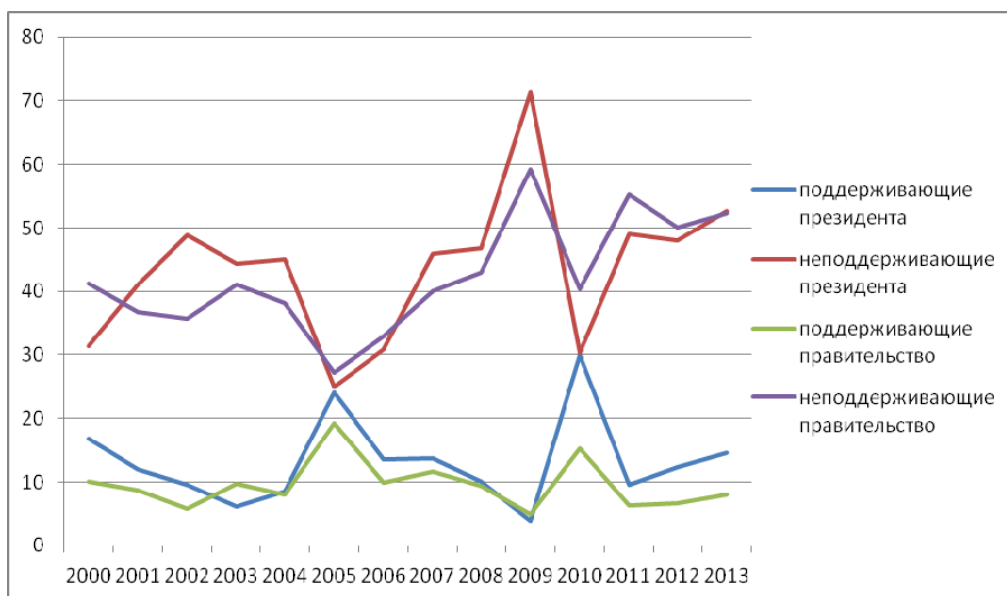


Рис.1. Динамика отношения к институтам Правительства и Президента Украины за 2000-2013 гг.

Следующим вопросом, который представляется весьма показательным при рассмотрении социальных предпосылок дестабилизации и, соответственно, конфликтности политического процесса современной Украины является вопрос об отношении украинцев к необходимости наказания своих соотечественников, которые в периоды прошлых войн и репрессий кажутся им виновными. Здесь также прослеживается очевидная динамика. В 2003 году только 19,3% опрошенных заявляли о том, что виновные должны быть наказаны, к 2009 году их количество увеличилось до 35,8%. Противоположный показатель, тех кто считает, что необходимо помириться и в тех событиях не было ни правых, ни виноватых, напротив, сократился с 65,3% в 2003 году, до 46,2% в 2009г. [см. 10]. Таким образом, легко заметить, что в течение рассмотренного периода украинцы стали категоричнее и непримиримее к своим идеологическим оппонентам, в своей же стране.

Последний пункт, который является важным в рамках этой статьи, является вопрос о готовности граждан Украины к участию в политических протестах разного рода. Так, на момент 2009 года, число опрошенных, заявлявших о своей готовности принять участие в одной из законных форм протеста составила 42,2%, незаконных форм – 23,8%, и силовых – 14,5%. В противовес, процент граждан заявивших о нежелании принимать в каких-либо протестах составил 46,8%. Для сравнения, в 2008 году таких граждан насчитывалось 58,6% [см. 11].

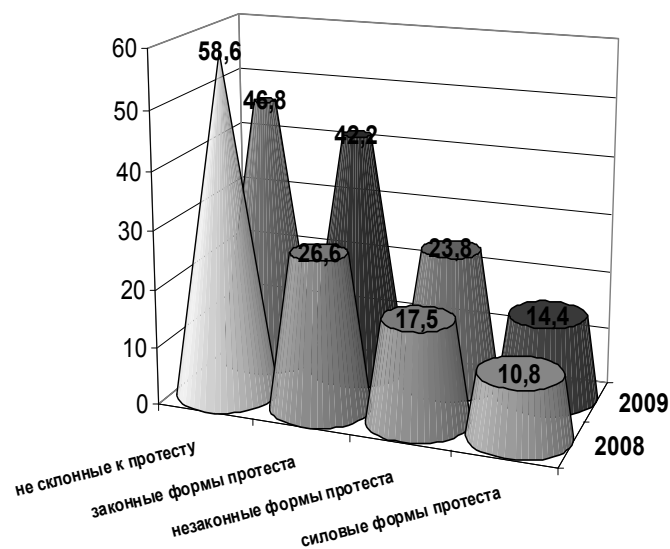


Рис.2. Процентные показатели готовности принять участие в различных формах протеста граждан Украины в 2008-2009гг.

Из приведенного графика можно сделать вывод, о том даже в интервале 2008-2009 годов количество украинских граждан заявляющих о готовности принять участие в различных формах протеста возросло, а не склонных к протесту, напротив, уменьшилось, составив уже менее половины опрошенных.

В целом, завершая статью, отметим, что дестабилизация или различного рода политический конфликт является нормой политического процесса, до того момента пока он не затрагивает базовых принципов функционирования политической системы и работы политической культуры. В украинском государстве 2013-2014 гг. дестабилизация была вызвана рядом стандартных условий, характерных для процессов «цветных революций» государств современного мира. Одним из базовых условий, в данном случае, можно назвать социальную напряженность, существовавшую и проявившуюся в различного рода негативных политических настроениях граждан: начиная с оценки деятельности политических институтов и своих собственных соотечественников, и заканчивая готовностью участвовать политических протестах, которые в свою очередь, могли быть аккумулированы и использованы заинтересованными в этой дестабилизации участниками политического процесса.

Список литературы

1. Easton D. A Framework for Political Analysis / D. Easton. – Englywood Cliff, 1960. – 143 p.
2. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 2. – С. 94-122.
3. Weber M. The methodology of the social sciences / M. Weber, E. Shils, H.A. Finch. – Glencoe, Ill.: The Free Press, 1949. – 188 p.
4. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социс. – 1994. – №5. – С. 142-147.
5. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер [Пер. с англ. О.А.Назаровой]. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.
6. Морозов А. Место и роль СМИ в «цветных революциях» [Электронный ресурс] / А. Морозов // Analytic. – 2005. - № 6. – Режим доступа: <http://kisi.kz/img/docs/1101.pdf>
7. Зараз у Києві на Майдані Незалежності та у деяких інших містах України відбуваються акції протесту, так звані “Євромайдани”. Чи знаєте Ви про це? [Электронный ресурс] / Центр Разумкова. – Режим доступа: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=921
8. Чи підтримуєте Ви діяльність Уряду України? (динаміка, 2000-2013) [Электронный ресурс] / Центр Разумкова. – Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=75
9. Чи підтримуєте Ви діяльність Президента України? (динаміка, 2000-2013) [Электронный ресурс] / Центр Разумкова. – Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=67
10. Протягом ХХ ст. в історії України було багато подій, коли українці масово знищували один одного: це I і II світові війни, громадянські війни, політичні репресії. Який з наведених шляхів рішення взаємних образ є кращим? (динаміка, 2003-2009) [Электронный ресурс] / Центр Разумкова. – Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=454
11. Чи готові Ви особисто взяти участь у таких акціях протесту для захисту своїх прав та інтересів (законні, незаконні, силові) [Электронный ресурс] / Центр Разумкова. – Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=437

Halanskaya L.G. Social Preconditions for Destabilization of the Political Process in the Ukraine at 2013-2014 // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 163–169.

The purpose of this article – an analysis of the social prerequisites of destabilization of the political process in Ukraine that would analyze the origins of this destabilization, its theoretical foundations and principles, as well as its social conditioning.

To achieve this goal, it is supposed to solve some problems, such as: a brief review of the theoretical aspects of conflict; the analysis of the conditions of destabilization of the political process, and their manifestations in modern Ukraine; the determination of the presence of social prerequisites Ukrainian political conflicts at the turn of 2013-2014.

Key words: destabilization, political crisis, conflict

УДК 327

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ БАЛКАН, УКРАИНЫ И КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ "ДУГИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ"

Кича Л.А.

Статья посвящена рассмотрению и анализу новых взглядов на геополитические аспекты мирового противоборства, связанных с особенностями современного этапа развития системы международных отношений, характеризующегося невозможностью формирования монополярного мира.

В исследовании на основе геополитического подхода и сравнительного анализа положений отечественной и зарубежной историографии предпринимается попытка выявления геополитической связности Балкан, Украины и Кавказа в контексте эволюции концепции «дуги нестабильности», олицетворяющей усиление напряженности между мировыми центрами силы.

Ключевые слова: *геополитика, дуга нестабильности, Балканы, Украина, Кавказ.*

Современный этап развития системы международных отношений характеризуется усилением тенденций диффузии совокупной мощи США, означая невозможность формирования монополярного «мира по-американски». Другими факторами являются укрепление позиций государств группы БРИКС, символизирующее движение к формированию многополярного мира, а также попытки создания на этой основе крупных политико-экономических блоков, которые в обозримом будущем могут стать основой нового мирового порядка. В связи с этим возрастает конкуренция международных проектов и напряженность в отношениях между центрами силы, что приводит к появлению новых взглядов на геополитические аспекты мирового противоборства. Представляется актуальным рассмотрение и анализ этих взглядов.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении на основе геополитического подхода и сравнительного анализа положений отечественной и зарубежной историографии геополитической связности Балкан, Украины и Кавказа в контексте эволюции концепции «дуги нестабильности», олицетворяющей усиление напряженности между мировыми центрами силы.

Объектом исследования является процесс эволюции концепции «дуги нестабильности». **Предмет** данной статьи – понятие геополитической связности заявленных регионов.

Эти проблемы затрагивались в работах таких отечественных и зарубежных исследователей, как Р. Асмус, З. Бжезинский, О. Воркунова, Е. Гуськова, В. Дегоев, В. Дергачев, А. Дугин, А. Ирхин, П. Искендеров, А. Макарычев, А. Манойло, Н. Нарочницкая, У. Одом, А. Панарин, Е. Примаков, Е. Пономарева, Ар. Улунян, А. Уткин, С. Юрченко, А. Язькова.

В работах этих исследователей было показано, что в 1990-е годы США взяли курс на формирование однополюсного мира – американской империи – с перспективой его сохранения в течение длительного времени [см. 1-3]. Силовую тенденцию в американском имперском строительстве в понятиях «новой мировой войны» отмечал А. Панарин, подчеркивая, что США ориентируются на то, чтобы взять под контроль дефицитные ресурсы; «закрепиться в пространстве бывшего Великого шелкового пути, соединявшего Атлантику с Тихим океаном, и тем самым взять контроль над центральной коммуникационной системой Евразии»; и «получить доступ к той ключевой точке евразийского пространства, откуда можно непосредственно угрожать стратегическим противникам – Китаю и Индии, без нейтрализации которых американское планетарное господство на долговременную перспективу не может состояться» [63, с.10, 250].

Теоретической основой такой политики имперостроительства стало структурирование мира на «большие пространства», в рамках которых осуществлялся курс США, направленный, в первую очередь, на обеспечение контроля в регионах, ранее находившихся в сфере влияния и/или составе СССР, или имеющих исключительное значение для американских жизненных интересов. В 1990-е годы это проявилось в попытках администрации У. Клинтона сформировать Балто-Черноморский регион [см. 5-6]. В 2003 г. администрация Д. Буша-мл. выдвинула план создания Большого Ближнего Востока, подразумевавшего демократизацию и модернизацию пространства от Марокко до Пакистана, и от Казахстана до острова Маврикий в Индийском океане [см. 7-8]. С 2004 г. в американских исследованиях появился Большой Черноморский регион, функционально предназначенный для обеспечения доступа к Каспийскому региону [9-12]. С 2005 г. значительное внимание уделялось Большой Центральной Азии, включавшей собственно Центральную Азию и Афганистан, и предназначенной для формирования при помощи США, но без участия России и Китая, новой интеграционной зоны [см. 13-15].

Но, с ослаблением возможностей США по регулированию и форматированию мировых процессов, эти проекты не реализовались, и в американском внешнеполитическом планировании был взят курс на «хаотизацию» положения в ряде регионов за счет формирования ситуаций «управляемых конфликтов». «Геополитика в зонах этих конфликтов, – подчеркивает российский исследователь А. Манойло, – проявляется в том, что великие державы, такие как США, стремясь к мировому лидерству и встречая на своем пути сопротивление других держав, дорожащих своей независимостью, стремятся управлять политической нестабильностью в масштабах целых регионов, погружая их в состояние "управляемой демократии" или еще более "управляемого хаоса". При этом границы регионов, становящихся объектом внешнего управления, определяются

американцами исходя из их собственных геополитических представлений и стратегем, заметно отличающихся от классических концепций прошлого (Маккиндера, Хаусхофера и др.). Типичными примерами таких геополитических конструкций нового поколения являются Большой Ближний Восток, Большая Центральная Азия и др.» [см. 16]. И «геополитическая реальность современного мира формируется сегодня в основном не особенностями ландшафта или вероятного театра военных действий, а характером пространственного распределения очагов политической нестабильности, которые в современных условиях могут довольно быстро разрастаться до уровня международных конфликтов и малых войн» [см. 16].

Эти очаги политической нестабильности аккумулируют в себе конфликтный потенциал, определяемый как внутренними, так и, по большей части, внешними факторами, и локализуются вдоль так называемой современной «дуги нестабильности», конфигурация которой имеет различные интерпретации.

Российский исследователь В. Колотов, ссылаясь на мнение З. Бжезинского о наличии «трех центральных стратегических фронтов» на периферии Евразии в противостоянии советско-китайского и американского блоков в годы «холодной войны» – Западного, Восточного и Южного [2, с.17-18], – подчеркивает, что «если соединить между собой “центральные фронты” холодной войны, получится один из вариантов той самой современной “дуги нестабильности”, у которой в наиболее геополитически важных регионах появились многочисленные ответвления, которые как щупальца опутывают “транзитные” страны и регионы, ввергая их в пучину долгосрочной управляемой дестабилизации» [см. 17]. В этой интерпретации важна как акцентуация преемственности с классическими геополитическими концепциями, так и понимание появления новых «дуг нестабильности».

По мнению бывшего главы нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майора Ю.И. Дроздова: «Большая игра фокусируется уже не только в пространстве стратегического противостояния США с Россией и Китаем. Доктрина полномасштабного доминирования предполагает контроль Пентагона над "дугой нестабильности" от Африканского Рога до Западного Китая» [18, с. 172-173]. Таким образом автор подчеркивает изменение направления «дуги нестабильности» и указывает ее крайние точки.

Несколько иную трактовку евроазиатской «дуги нестабильности», дает российский исследователь П. Искендеров, локализуя ее протяжение «от Марокко на западе через Северную Африку, Балканы, Черноморско-Каспийскую зону, Ближний Восток, Переднюю и Центральную Азию вплоть до Индонезии и Филиппин» [см. 19]. О «дуге нестабильности» «от Алжира до Пакистана», включающую в себя часть «третьего мира», говорит российский государственный деятель М. Маргелов [см. 20].

А. Манойло пишет о наличии нескольких «дуг нестабильности» (или поясов нестабильности), отмечая, что «севернее дуги, образованной следом цветных революций "Арабской Весны", формируется дуга нестабильности, проходящая через мусульманские анклав в крупнейших городах старой Европы – Лондоне, Париже, Риме, и имеющая стратегически значимый узел на Балканах – в албанском

анклаве Косово. Косово – геополитический полюс, где в данной исторической перспективе сошлись интересы двух мировых сил, развивающих экспансию в разных направлениях и преследующих разные цели, но при этом прекрасно себя чувствующих во временном состоянии политического симбиоза: западных англосаксонских протестантов, представленных США и их союзниками по НАТО, и салафитами, представленными радикальными исламскими организациями и полевыми бандами албанских сепаратистов, превратившихся в структуры транснациональной организованной преступности (так же как и в Афганистане после прихода США и НАТО).

Линия этой дуги продолжается в направлении Северного и Южного Кавказа, где также сильны исламистские и сепаратистские настроения и активно действуют незаконные вооруженные формирования, подпитываемые финансами, оружием, наемниками и средствами идеологической войны со стороны салафитских режимов государств Персидского залива – прежде всего, Саудовской Аравии и Катара, а также стремительно исламизирующейся Турции, включающей Кавказ (как Южный, так и Северный) в зону своих национальных интересов. В этом звене дуги нестабильности самой сложной точкой является Дагестан, где сегодня против федерального российского правительства международными террористами и экстремистами ведется необъявленная война, которую даже при всем желании уже нельзя назвать просто "борьбой с недобитыми бандами" и криминалом» [см. 16]. Далее эта дуга нестабильности проходит через государства Центральной Азии и замыкается в Западной Азии, «в районе Афганистана и Пакистана, где и завязывается в сложный узел, который оказался не по зубам ни Британской Империи, ни Советскому Союзу, ни США и НАТО, потративших более десяти лет на войну с фантомом мировой террористической угрозы и на строительство не менее фантомного государства идеальной демократии, победившей в отдельно взятой мусульманской стране» [см. 16]. При фрагментации мирового геополитического пространства такой подход представляется наиболее функциональным, акцентируя специфику геополитических характеристик в каждом случае.

Но при различной интерпретации идеи о «дуге нестабильности» большинство исследователей солидарны в нескольких важных позициях. Во-первых, ее локализация (или локализация одной из «дуг нестабильности») осуществляется по южным границам постсоветского и/или российского пространства. Д. Феофанов, например, подчеркивает: «В современном мире есть, пожалуй, единственная геополитическая зона, которая близка по уровню нестабильности мусульманскому миру. Это – постсоветское пространство, где эти зоны сопредельны и их взаимодействие все чаще происходит через слияние конфликтных ситуаций. Более того, основную часть дуги нестабильности составляет линия соприкосновения мусульманского мира и постсоветского, постсоциалистического. А это территории бывшего СССР и Югославии. Географическая близость влечет экстремистский исламизм к мусульманскому Северному Кавказу, Средней Азии и Причерноморью, которые ранее были закрыты для него» [см. 21].

Во-вторых, возникающие конфликты характеризуются тем, что не являются сплошной зоной активного противостояния, а имеют «плавающие точки» непосредственного напряжения, которые могут перемещаться в регионе конфликта или «дуге нестабильности». Определяя понятие «балканизация» как метода управления политическим пространством, российский исследователь Е. Пономарева отмечает: «...Регион “балканизации” не представляет собой сплошную зону конфликта в его активной фазе. Открытый конфликт – “плавающая точка” на территории региона. Например, “плавающая точка” перемещается по пространству бывшей Югославии – Сербская Краина (Хорватия), Республика Сербская (Босния и Герцеговина), Косово и Метохия (Сербия), Македония, опять КиМ. Затухание активной формы конфликта в одной части района ведет к его немедленной активизации в другой части. Время протекания активной фазы общего регионального конфликта может быть достаточно велико – до десяти лет и более. Иными словами, весь регион становится кризисной зоной с “плавающей точкой” открытого конфликта...» [см. 22].

В-третьих, речь идет об изменении в тактике главного субъекта «хаотизации пространства» – США. Исследователи справедливо отмечают: «О том, что США еще лет пятнадцать назад пришли к выводу о необходимости реформировать всю т.н. "дугу нестабильности", растянувшуюся от Северной Африки до Китая, включая Кавказ и постсоветскую Центральную Азию, хорошо известно. На огромном евразийском пространстве должны были появиться новые страны, измениться границы многовековых государственных образований, а в результате смены традиционных элит на место устоявшихся режимов должны были прийти прозападные "демократические правительства".

В контексте реализации всех этих "неоконсервативных теорий" развернулись военные кампании в Ираке, Афганистане, грянула "арабская весна", но, фактически, ни одна из целей пресловутого "реформирования" не была достигнута, хотя некоторые режимы физически ушли в небытие вместе со своими лидерами, а "дуга нестабильности" запылала военными конфликтами. Поэтому закономерен вопрос – будут ли США и дальше стремиться к тотальной перестройке Большого Ближнего Востока или предложат какую-то новую геополитическую модель для огромного региона» [см. 23]. Разумеется в широком контексте речь идет не только об упомянутом регионе, а и об остальных сегментах «дуги нестабильности».

«В итоге, – подчеркивает А. Манойло, – геополитика современных государств вынуждена считаться с очагами и дугами политической нестабильности, которые сегодня заметно дополняют географический фактор в политике и даже его определенным образом корректируют. Ландшафт геополитической картины мира образуют сегодня дуги политической нестабильности, вытянутые преимущественно вдоль географических параллелей». Эти «дуги политической нестабильности индуцируют на своей периферии многочисленные очаги конфликтов, которые, с точки зрения географии, носят точечный или локальный характер. Как правило, порождают эти конфликты противоречия между двумя, максимум – тремя участниками мировой политики... Все они имеют в своей основе причины, не связанные с причинами конфликтов, развивающихся вдоль дуг нестабильности, но

обострение одних конфликтов ведет к обострению и других очагов конфликтной напряженности, к всплескам насилия и к политическим провокациям, включая провокации вооруженные» [см. 16].

В этой связи возникает актуальный для внешней политики России вопрос о геополитической связности различных сегментов дуги нестабильности, в частности, Балкан, Украины и Кавказа, особенно в свете событий 2013-2014 годов в Украине.

В исторической ретроспективе у творцов российской внешней политики не было сомнений в реальности этой связности, и как, справедливо отмечает российский исследователь Ар. Улунян, характеризуя взгляды российской правящей элиты на Балканский регион: «В так называемый имперский период (конец XIX в. – 1917 г.) Балканы рассматривались ею как зона жизненно важных российских интересов в контексте противоборства великих держав. Сам полуостров выступал в ее представлениях в роли составной части более общего региона, включающего в себя такие элементы, как Средиземноморье, Черноморско-Кавказский район, Ближний и Средний Восток, Переднюю Азию. Поэтому есть достаточно на то оснований, чтобы говорить о существовании в представлениях российской правящей элиты региона, который объединяет широкое геополитическое поле, напоминающее по форме дугу и простирающееся от крайних пределов восточного Средиземноморья на западе до Ирана и Афганистана на востоке» [24, с. 261].

В геополитическом отношении является существенным и то, что важнейшей реперной точкой на Балканах всегда выступала Сербия. Российский исследователь Н. Нарочницкая подчеркивала: «Судьба поместила сербов в вардарско-моравской котловине, через которую проходит геополитическая ось Запад – Малая Азия. Все крупные наступления на Восток начинались с Сербии, не заняв которую, нельзя соединить военную силу Запада со стратегическим положением (проливы) Турции, и заключить геополитическое кольцо вокруг России. Сначала Сербия стала объектом слегка модернизированных кайзеровских проектов "Mitteleuropa" начала века (расчленение Югославии, овладение Боснией - выход к морю), теперь военно-политических акций. Цель очевидна: фрагментировать славян, превратить Балканы в плацдарм для силовой политики по отношению к России. Именно это позволит безвозвратно запереть Россию в геополитической резервации: положение до Ливонской войны на Северо-западе, положение после Крымской войны на Юге, отсечение от Черного и Каспийского морей и византийского пространства тюрко-исламской дугой» [см. 25].

«Все это, – заключает П. Искендеров, – дает основания охарактеризовать балканский регион в его нынешнем виде – спустя 20 лет после начала кровавого распада Югославии – как важнейшую составную часть глобальной "дуги нестабильности", простирающейся "от региона южнее Сахары в Африке через Северную Африку на Ближний Восток, Балканы, Кавказ, Южную и Центральную Азию и часть Юго-Восточной Азии» [см. 26]. И, обоснованно отмечал он в октябре 2010 г.: «Подобный расклад представляет собой вызов для России – как с точки зрения ее исторических позиций на самих Балканах, так и относительно поддержания стабильности вдоль ее южных границ и в районах международных транспортных и энергетических коридоров» [см. 26].

В этом контексте российский исследователь В. Дегоев подчеркивал геополитическую связность Украины и Кавказа, отмечая в 2001 г. по поводу «южной дуги» – нестабильности, опоясывающей Россию на огромном пространстве от Украины до Киргизии то, что «тревогу у многих аналитиков вызывает украинско-кавказский сегмент этой дуги. И не столько самим фактом наличия там нестабильности (кого этим сейчас удивишь?), сколько стремлением новообразованных государств преодолеть ее без участия или в ущерб интересам России» [см. 27]. А украинские исследователи В. Глушков и И. Бондаренко полагали, что конфликтный потенциал в Украине в геополитическом измерении связан с Балто-Черноморской дугой и Балкано-Кавказской дугой нестабильности. Последняя характеризуется тем, что является «сложным геополитическим узлом современности, края которого касаются Балканского полуострова и Северного Кавказа, а острием она упирается в Крымский полуостров» [см. 28-29].

Понимание геополитической связности Балкан, Украины и Кавказа отразилось и в способах районирования геополитического пространства [30]. Так, характеризуя Черноморский регион, итальянский исследователь Ф. Тассинари отмечал, что «черноморский перекресток, в основном, имеет геостратегическую природу. На нем пересекаются интересы Турции, России, Украины, Восточных Балкан, стран Кавказа» [см. 31]. Турецкий профессор М. Айдин полагает, что «существуют геостратегические причины связать черноморскую территорию (которая в чисто географическом смысле состоит лишь из 6 прибрежных государств) с территорией Кавказа, Каспия, Восточной и Юго-восточной Европой, когда мы имеем дело с вопросами политической и экономической безопасности и стабильности в регионе». С таким подходом солидарен и генеральный директор Международного центра черноморских исследований Я. Папаниколо, полагающий, что «регион не должен восприниматься лишь как 6 стран, непосредственно граничащих с Черным морем, а должен быть рассмотрен в более широком смысле, как такой, что включает Балканские государства и Южный Кавказ, доходя до Каспийского моря» [см. 32]. При этом отмечается принадлежность к региону таких стран как Сербия, Черногория, Албания, Греция, Армения, Грузия и Азербайджан. Российский исследователь Н. Арбатова, полагает, что «Балканы являются сердцевинной Черноморско-Средиземноморского региона» [см. 33]. Исследователь из Грузии А. Русецкий предлагает оперировать понятиями «Большое Причерноморье» и «Малое Причерноморье». «Малое Причерноморье, – полагает он, – это прибрежные регионы шести стран Черного моря – Болгария, Румыния, Украина, Россия, Грузия, Турция. Особа промежуточная роль Молдовы, имеющей узкий выход к морю и порт Джурждулешти. Таким образом, несмотря на то, что в отличии от других стран Молдова не имеет военно-морского флота, ее вполне можно рассматривать как причерноморскую страну – члена "Черноморской семерки". "Большое Причерноморье" – это регионы и субрегионы Черного моря: такими регионами можно считать Кавказ и Балканы. Черноморскими субрегионами можно считать например Южный Кавказ (при этом включая черноморские южнокавказские территории РФ и Турции), Северный Кавказ. Возможен и другой подход – считать субрегионами Черного моря только Западный Кавказ и Восточные Балканы» [см.

34]. Российский исследователь О. Воркунова, характеризуя «политически приоритетные географические регионы», выделяет «Евразийский регион, в традициях классической геополитики – Хартленд северного континента, и окружающая его буферная зона. Макрорегион Средиземноморье-Черноморье-Каспий относится к буферной зоне и концентрирует достаточно серьезную и значительную часть мировой политической энергии». По ее мнению, «на фоне изменений между силовыми центрами и периферией вся структура региональных отношений в этом регионе подверглась перестройке. Неизменным остался лишь феномен балканско-кавказского геополитического синхронизма, который проявляется в параллельности развития событий» [см. 33]. Таким образом фиксируется еще одна важнейшая характеристика геополитической связности рассматриваемых регионов – геополитический синхронизм.

В настоящее время геополитическая связность Балкан, Кавказа и Украины усиливается целым рядом факторов: коммуникационными системами, проектами трубопроводов и т.д. Российский исследователь А. Ващенко отметил в сентябре 2008 г. такие «скрепы»: «... Антироссийская дуга существует не сама по себе, по этой дуге реализуется проект "Шелковый путь"... Через Грузию идет основной поток наркотиков из Афганистана. Но, если при талибах в Афганистане выращивалось 186 или 187 тонн опиума в год, то теперь выращивается по разным источникам от 8 до 15 тысяч тонн – увеличение от 50 до 100 раз. Идет транспортировка. Как идет? 20% – в Пакистан и Индию, 20% – в Среднюю Азию и остальные 50-60% – в Северный Иран и потом этот поток из Средней Азии и Ирана объединяется и идет через Грузию на Балканы. То есть, через Грузию идет самый большой наркотрафик... И, поэтому, когда Россия начала военную операцию против Грузии, этот переполюх в мире и произошел – наркотики из Грузии идут в Приштину, в Косово, там центр, из которого наркотики идут по всему миру. И вдруг Россия нападает на потийский порт и начинает угрожать коммуникациям наркотрафика. Плюс нефтяная труба, тоже важная проблема. Основной поток нефти, так же как и наркотики, из Азербайджана идет через Грузию» [см. 35].

Спонсируемая в последующий период США «Арабская весна» стала примером управляемой «хаотизации» геополитического пространства. Но «волна цветных революций не продолжила форматировать мусульманский Восток, а неожиданно проявилась в Украине – непосредственно у границ России. Отсюда следует вывод: цель новой волны цветных революций – не Украина и не режим Януковича, а Россия, ее суверенитет, территориальная целостность... Украина – это не что иное, как последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью» [см. 36]. В этой связи возникает вопрос о том, как скажется украинский кризис на сопредельных сегментах «дуги нестабильности», в условиях, когда «время цветных относительно мирных революций прошло. На их место приходят государственные перевороты с дальнейшим перерастанием невооруженных конфликтов в вооруженные» [см. 28].

Политический аналитик Института ЕврАзЭС Н. Фридрихсон подчеркивает: «Вместе с тем, попутно с Украиной не дремлют Балканы, Южный Кавказ и

Ближний Восток. Российская дипломатия активизировалась в последнем направлении, однако, по всей видимости, геополитическая дуга нестабильности будет набирать обороты. В ближайшей перспективе обострится ситуация вокруг Молдовы, также зависшей между двух огней, как Украина незадолго до саммита в Вильнюсе. Но наибольшие опасения вызывает регион Центральной Азии, где большинство государств имеют крайне сложное внутривосточное положение» [см. 37]. В этой связи следует отметить, что факторы геополитической связности Балкан, Украины и Кавказа, феномен геополитического синхронизма, который проявляется в параллельности развития событий, в большей степени актуализируют для российской политики не центральноазиатский, а кавказский сегмент «дуги нестабильности», поскольку «дуги политической нестабильности в современном мире играют роль транспортных коридоров для переноса конфликтности и политической напряженности из одной точки географического пространства в другую: именно по этим маршрутам, идущим вдоль дуг нестабильности, перемещаются боевики, оружие, финансовые средства, поддерживающие террористов и сепаратистов, а также определенные эмоциональные состояния и настроения, распространяющиеся в массах мирного населения с помощью механизмов "эмоционального заражения", известных из психологии массовых политических процессов... Таким образом, помимо геополитического районирования, дуги политической нестабильности, определяют сеть транспортных артерий и коридоров, по которым переносится сегодня политическое воздействие, охватывая при этом обширные географические территории, в том числе – ранее недоступные для прямого внешнего управления. По этим же коридорам идет транзит радикальных идеологий, пропаганды, пограничных массовых психоэмоциональных состояний, готовящих почву для новых конфликтов» [см. 16].

Список литературы

1. Уткин, А.И. Удар американских богов / А.И. Уткин. - М.: Алгоритм, 2006. - 416 с.
2. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Збигнев Бжезинский; [пер. с англ.]. - М.: Междунар. отношения, 2003. - 256 с.
3. Odom, W. America's Inadvertent Empire / W. Odom, R. Dujarric. - New Haven: Yale University Press, 2004. - 285 p.
4. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. - М.: Алгоритм, 2003. - 560 с.
5. Макарычев, А. Между Балтийским и Черным морями: пространство? регион? геополитическая зона? [Электронный ресурс] / А. Макарычев. - Режим доступа : <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1482>
6. Макарычев, А. Балтийско-Черноморский регион: между невозможностью и необходимостью [Электронный ресурс] / А. Макарычев. - Режим доступа : <http://www.cirp.ru/cirpschools/session10/Reader.doc>
7. Примаков, Е. В чем сущность плана "Большой Ближний Восток" [Электронный ресурс] / Е. Примаков. - Режим доступа : <http://inosmi.ru/world/20040625/210712.html>
8. Евсеев, В. Кризис концепции "Большой Ближний Восток" [Электронный ресурс] / В. Евсеев. - Режим доступа : http://www.iran.ru/news/analytics/85840/Krizis_koncepcii_Bolshoy_Blizhniy_Vostok

9. Asmus, R.D. The Black Sea and the Frontiers of Freedom. Towards a new Euro-Atlantic strategy [Electronic resource] / R.D. Asmus, B.P. Jackson. - Policy review. - 2004. - № 125. - June 1. - Mode of access : <http://www.hoover.org/publications/policy-review/article/6451>
10. «Armenia has to meet the political requirements for expanded cooperation with NATO» (The exclusive interview of Ronald D. Asmus, Former Deputy Assistant Secretary of State for European Affairs in Clinton Administration (1997-2000), to Armenian Mediamax news agency, October 2004) [Electronic resource]. - Mode of access : http://www.mediamax.am/arm/index.php?sub=interview_robert_asmus
11. Асмус, Р. Евроатлантическое Причерноморье / Р. Асмус [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.vovremya.info/art/1182847953.html>
12. Джексон, Б.П. Будущее демократии в регионе Черного моря [Электронный ресурс] / Б.П. Джексон. - Режим доступа : http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=8445
13. Starr, F. A Partnership for Central Asia / F. Starr // Foreign Affairs. - 2005. - № 4. - P.164-178.
14. Стар, Ф. Партнерство для Центральной Азии / Ф. Стар // Россия в глобальной политике. - 2005. - № 4. - С.72-87.
15. Тулепбергенова, Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция / Г. Тулепбергенова // Центральная Азия и Кавказ. - 2009. - № 1(61). - С.85-97.
16. Манойло, А.В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос [Электронный ресурс] / А.В. Манойло. - Режим доступа : http://enotabene.ru/wi/article_12665.html
17. Колотов, В. Международные отношения в Азии : опыт геополитической интерпретации [Электронный ресурс] / В. Колотов. - Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-seventh/11.htm>
18. Дроздов, Ю.И. Операция "Президент". От "холодной войны" до "перезагрузки" / Ю.И. Дроздов, А.Г. Маркин. - М.: Артстиль-полиграфия, 2010. - 348 с.
19. Искендеров, П. Ливия как часть евроазиатской «дуги нестабильности» и геополитические интересы Запада [Электронный ресурс] / П. Искендеров. - Режим доступа : http://www.perspektivy.info/book/livija_kak_chast_jevroaziatskoj_dugi_nestabilnosti_i_geopoliticheskiye_interesyy_zapada_2011-08-31.htm
20. Маргелов, Михаил. Не только пуля и доллар геополитика [Текст] / М. Маргелов // Российская газета (Столичный выпуск). - 2003. - 27 октября (№ 3330).
21. Феофанов, Д. Геополитические аспекты исламизма. Крым... [Текст] / Д. Феофанов // Крымская правда. - 2001. - 8 сентября.
22. Пономарева, Е. Балканы - это геополитическое зеркало для России, только нужно уметь смотреть в него [Электронный ресурс] / Е. Пономарева. - Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document241314.phtml>
23. "Евразийская дуга нестабильности": будут ли ее переформатировать? [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://warfiles.ru/show-15681-evraziyskaya-duga-nestabilnosti-budut-li-ee-pereformatirovat.html>
24. Улунян, Ар.А. Геополитические взгляды российской правящей элиты на Балканский регион с конца XIX века до 90-х гг. XX века (проблемы исторической политологии) / Ар.А. Улунян // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / РАН, Ин-т славяноведения; Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. - СПб. : Алетейя, 2002. - С.260-274.
25. Нарочницкая, Н. Россия и Запад в новых геополитических реальностях [Электронный ресурс] / Н. Нарочницкая. - Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/roswestgeopol.htm>
26. Искендеров, П.А. Балканский регион как часть глобальной "дуги нестабильности" [Электронный ресурс] / П.А. Искендеров. - Режим доступа : http://www.perspektivy.info/book/balkanskij_region_kak_chast_globalnoj_dugi_nestabilnosti_2010-10-13.htm
27. Дегоев, В. Южная дуга [Электронный ресурс] / В. Дегоев. - Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/11/degoev-pr.html>

28. Глушков, В. На пути к Третьей мировой войне? [Электронный ресурс] / В. Глушков, И. Бондаренко. – Режим доступа : <http://www.rosvesty.ru/2123/za-rubezhom/9055-novyy-mirovoy-poryadok/>
29. Глушков, В.О. Геополітико-правові проблеми створення зони антитерористичної безпеки у чорноморському регіоні / В.О. Глушков // Актуальні проблеми політики. Збірник наукових праць. – Одеса. – 2004. – № 20. – С.60-71.
30. Бебешко, Е.В. Черноморский регион: проблема определения границ и геополитического позиционирования в современных международно-политических исследованиях / Е.В. Бебешко // Ученые записки ТНУ. Серия: «Философия. Культурология. Политология. Социология». - 2010. - Т.23 (62), № 3. - С.172-183.
31. Тассинари, Ф. Синергия черноморской региональной кооперации [Электронный ресурс] / Ф. Тассинари. - Режим доступа : http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=8282
32. Шелест, А. Черноморский регион и проблема расширения Европейского союза [Электронный ресурс] / А. Шелест. - Режим доступа : <http://www.niss.od.ua/p/118.doc>
33. В ноябре 2004 года Институт Европы РАН совместно с Институтом стратегических оценок и анализа и Международным Центром Черноморских исследований (Афины) провели международную конференцию, посвященную проблемам Средиземноморско-Черноморского региона [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.isoa.ru/confer2004.php>
34. Русецкий, А. Перспективы урегулирования вооруженных конфликтов в Черноморском бассейне [Электронный ресурс] / А. Русецкий. - Режим доступа : http://www.aiprg.net/UserFiles/File/black_sea_conf_papers/Rusetsky_paper.pdf
35. Ващенко, А. Расчленение Грузии как политическая необходимость. Антироссийская дуга и её архитекторы [Электронный ресурс] / А. Ващенко. - Режим доступа : <http://www.apn.ru/publications/article20753.htm>
36. Манойло, А.В. Вооруженный мятеж в Украине: волна цветных революций идет на Россию / А.В. Манойло // *Вестник Международные отношения*. - 2014. - № 3. - С.27-35.
37. Фридрихсон, Н. После Украины активизируют Балканы, Южный Кавказ и Ближний Восток [Электронный ресурс] / Н. Фридрихсон. - Режим доступа : <http://www.newsazerbaijan.ru/expert/20140225/299999316.html>

Kicha L.A. Geopolitical Coherence Balkans, Ukraine and the Caucasus in the Context of the Evolution the "Arc of Instability" Concept // *Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology*. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 170–180.

It is considered the development of international relations at the present-day stage. The modern state system is characterized by the following factors: the impossibility of forming a unipolar world, strengthening the position of the BRICS group, attempts to create a major political and economic blocs, increasing competition of international projects, intensity between the centers of power.

The new views on the geopolitical aspects of global confrontation are appeared as a result. The study is based on the geopolitical approach and comparative analysis of new views in the historiography.

These problems are considered in the works of the following researchers: R. Asmus, Zbigniew Brzezinski, Vorkunova O., E. Gus'kova, Degoev V., V. Dergachov, Alexander Dugin, A. Irkhin, P. Iskenderov, A. Makarychev, A. Manoylo, N. Narochnitskaya, U. Odom, A. Panarin, Primakov, E. Ponomarev, Ap. Ulunyan, A. Utkin, S. Yurchenko, A. Yazkova. The article defined geopolitical coherence Balkans, Ukraine, and the Caucasus in the context of the "arc of instability" concept. Geopolitical realities of the modern world is formed basically no terrain features or probable theater of operations, but the nature of the spatial distribution of the centers of political instability. Pockets of political instability accumulate a potential for conflict, which is determined by both internal and external factors. They are localized along the modern "arc of instability", the configuration of which has a different interpretation.

The object of research is the process of evolution of the "arc of instability" concept.

Keywords: geopolitics, arc of instability, Balkans, Ukraine, Caucasus.

УДК 171:141.32

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: ПРЕДОЛЕНИЕ АГРЕССИИ ЗАПАДА

Волков А.Г.

В статье рассматриваются экзистенциальные контексты политической рефлексии в аспекте преодоления агрессии Запада на Восток. Выяснено, что неудачная дискурсивная позиция России в диалоге с Западом объясняется своеобразием модуса присутствия. Основными стратегическими направлениями преодоления агрессии являются дискредитация внешней политики Запада в мировом политическом дискурсе, провоцирование протестных настроений в США и Евросоюзе, а также разоблачение инициирования гражданской войны на Украине.

Ключевые слова: *политическая рефлексия, экзистенциальный контекст, субъект, Другой, бытие-для-себя, бытие-для-Другого, провокация, господство, подчинение, равенство.*

Объектом исследования является политический дискурс. **Предметом** выступают экзистенциальные контексты политической рефлексии. **Цель** исследования – выявление основных стратегических направлений преодоления политического кризиса дискурсивными средствами в границах экзистенциальных контекстов.

При рассмотрении кризисных политических ситуаций очень важно выявить их экзистенциальные причины, соответственно, основополагающие смыслы существования определяющие применение субъекта. Насколько это актуально, можно понять, если обратится к политическому кризису на Украине. Его возникновение вызвано агрессией Запада, назначение которой состоит в разрушении славянского мира. Гражданская война, организованная США и Евросоюзом на Украине посредством провоцирования национализма, необходима именно для этого. Эта точка зрения общеизвестна и могла бы быть исходной для определения политической стратегии России по отношению к Украине и Западу. Между тем Россия рассматривает Запад как «партнера», стремится с помощью диалога с ним восстановить мир на Украине. Возникает вопрос: почему это происходит? Почему российская дискурсивная позиция такая слабая? Почему российские политики, вместо того, чтобы осуждать истинных агрессоров, а именно США и Евросоюз, пытаются «договориться» с Украиной, что изначально

невозможно? Почему они пытаются восстановить мир на Восточной Украине посредством обращения к европейским и американским политикам, которые являются фактически политическими провокаторами?

Чтобы ответить на эти поставленные вопросы, обратимся к основным точкам зрения на политическую рефлексию. А. А. Дегтярев рассматривает политическую рефлексию в связи с познавательной и оценочной активностью, посредством которой субъект может ориентироваться в политическом поле [см. 2]. К проблеме политической рефлексии обращаются А. М. Пятигорский, О. А. Алексеев, которые понимают политического субъекта как самостоятельное образование, при этом не соотносят его с другим [см. 4]. Ю. А. Красин трактует политическую рефлексию как взаимодействие внутри общества, в частности артикуляцию интересов, запросов и притязаний из частной сферы, а также из политической и экономической подсистем в публичной сфере [3, с.130]. Как очевидно, в выше указанных направлениях ее исследование ограничивается рассмотрением отдельных проблемных вопросов, в результате чего ускользает цельность осмысления, соотнесения с собой и другим, изменения в отношениях в масштабах глобального мира и проч.

На наш взгляд, показать многообразие политической рефлексии позволяет экзистенциальный анализ, поскольку он способствует выявлению того, каким образом формируются смыслы существования. Экзистенциальное назначение рефлексии в том, что она предполагает возвращение и, соответственно, учреждение себя. Она никогда не завершается, поскольку установление себя зависит от ситуации в мире, которая постоянно меняется. Субъект полагает себя, отстаивает, выдвигает требования себе и Другому, соответственно, оценивает, относится определенным образом и проч. Рефлексия завершается решимости быть таким, а не иным и последующим институированием, то есть учреждением себя таки в определенности.

Обратим внимание что дискурс представляет собой поверхность, на которой показывается положение дел, при этом экспликация часто не отличается точностью. Это связано с тем, что презентация реальности в дискурсе предполагает отстранение от нее, в результате чего она предстает в совокупности описаний, в которых выражаются ее отдельные свойства, характеристики, признаки и проч. Чтобы преодолеть этот недостаток, описание должно содержать выявление сущностных характеристик субъекта политического дискурса, поскольку характер дескрипции существенно изменяется в зависимости от его своеобразия. Обратим внимание, что искаженное описание реальности необходимо при наличии агрессивных намерений, например, в ситуации, когда субъект поставил себе цель подчинить Другого.

Дискурсивная рефлексия предполагает обращение к Другому и возвращение к самому себе. При этом понятия «обращение» и «возвращение к себе» имеют онтический смысл и указывают на характер отношения к Другому. «Обращение» может быть «обращением за помощью, заискиванием, требованием, принуждением и проч.», а «возвращением к себе» – «одобрением», «осуждением», «согласием», «признанием» и проч. В самом общем плане их можно разграничить на позитивные,

когда субъект поддерживает, поощряет, одобряет Другого; и негативные, когда он, наоборот, унижает, провоцирует, подавляет.

Возвращение к самому себе предполагает такое обращение к Другому, когда он принимается в качестве ориентира и предмета соотнесения. Другой видится с помощью сопоставления и сравнения, поэтому рефлексия предполагает соотнесение себя с ним. При этом такой Другой выступает проектом самого себя, осмысливается в аспекте возможности быть таким. При этом обращение и возвращение предполагают единство себя и Другого, то есть целостность.

Чтобы существовать, субъект должен быть самостоятельным и самодостаточным, необходимо быть самим собой, относиться к себе как высшей ценности, соответственно, не следует терять себя, что равнозначно прекращению существованию. Обратим внимание на настроенности, которые в равной степени приводят к значительным политическим рискам: абсолютная свобода и полная зависимость. Первая обуславливает возникновение тоталитаризма, так как становится причиной формирования желания абсолютного господства в мире; вторая приводит к потере способности к развитию; с одной стороны существует угроза разрушения, с Другой – утраты самого себя.

Состояние утраты самого связано с поклонением Другому. Примером такого поклонения можно считать отношение прозападных украинских политиков к США и Евросоюзу. Обратим внимание на следующее противоречие: с одной стороны, они провозглашают принятие европейских ценностей, с Другой, актуальность национальной культуры. Приведенный пример говорит о том, что существование субъекта определяется в значительной мере другим. Подчинение Другому объясняется тем, что субъект осознает его превосходство и преклоняется перед ним. Такое поклонение есть путь к забвению самобытности самого себя. Именно в этом аспекте можно трактовать такой лозунг как: «Украина – европейская держава», который в значительной степени определяет современную политику Украины.

Противоположное отношение к Другому возникает тогда, когда субъект имеет значительное превосходство, что приводит к возникновению стремления господствовать в мире. Именно таковыми субъектами являются США и Евросоюз, о чем свидетельствует их внешняя политика. Их рефлексия содержит указание на доминирование в мире. В качестве примера приведем следующее рассуждение З.Бжезинского: «Гегемония также стара, как мир. Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществления. В течение всего лишь одного столетия Америка под влиянием внутренних изменений, а также динамичного развития международных событий из страны, относительно изолированной в Западном полушарии, трансформировалась в державу мирового масштаба по размаху интересов и влияния» [1, с.14].

Желание господствовать предполагает использование стратегий, которые направлены на ослабление Другого, в том числе, формирование протестных настроений, провоцирование национальной нетерпимости, распространении неонацизма, результаты применения которых можно видеть на примере Украины. Их использование есть проявление бытия-для-себя, которое обычно трактуется как

эгоизм, для которого характерна ориентация на обладание. Эгоизм предполагает существование, ориентированное на себя. Все, что оказывается под рукой, схватывается и присваивается. Эгоизм страшен своим равнодушием к Другому, который оказывается вещью, которой можно и должно обладать. Понятно, такое должествование имеет аморальный характер и находится в противоречии с нормами кантовской этики. Эгоистичный субъект все подчиняет себе, присваивает, в том числе Другого. Именно для этого в общественном сознании (украинцев) преднамеренно формировался так называемый императив «европейского выбора», который на самом деле оказался «выбором войны».

Чтобы скрыть свою эгоистичность, субъект обращается к Другому как его почитатель, поклонник, чем вводит последнего в заблуждение. Известно, что США и Евросоюз выражали готовность оказания помощи Украине в самых различных сферах, на самом же деле это привело к формированию марионеточного политического режима. Его возникновение объясняется тем, что Другой, в данном случае Украина, безраздельно доверяет более совершенному субъекту (США, Евросоюз), в результате чего попадает от него в зависимость. При этом субъект взирает на Другого как на существо слабое, с некоторой долей иронии и презрения.

Бытие-для-себя есть также бытием-над-другим, которое предполагает подчинение Другого. Такой субъект не только эгоист, но и деспот. Желание манипулировать приводит к возникновению мании господства. Поэтому такой субъект представляет угрозу для Другого, поскольку последний оказывается в сфере его агрессивных планов. Деспот – опасен, поскольку стремится полностью, во что бы то ни стало, подчинить себе Другого.

Выделим также отношение равенства, при котором превосходство не является причиной оказания давления на Другого. Субъект и Другой в этом случае выступают равными партнерами, которые используют достижения друг друга. Такое состояние предполагает оказание помощи при решении возникающих социальных и политических проблем. Это отношение характерно для внешней политики современной России, которая готова сотрудничать на равных условиях. Это есть бытие-для-Другого. Оно проявляется в заботе о Другом, а его существование – это отданность себя. Это служение может выражаться как в частичной помощи, так и в полном служении Другому и отказе от самого себя.

Бытие такого субъекта будет бытием-самим-собой, в котором устанавливается равенство себя с другим. Оставаться самим собой означает сохранять себя в пространстве власти, и быть на одном уровне с другим, быть с ним равным. Признание равенства предполагает неприкосновенность как себя, так и Другого. В этом случае можно сохранить достоинство, а именно, не быть «над» или «под» другим, а «быть равным». Тогда надстояние не рассматривается как форма господства, а низостояние – зависимости. Надстояние, которое обусловлено значительным превосходством над другим, не приводит к использованию силы, к унижению Другого. Слабый Другой считается равным, и с ним устанавливаются партнерские отношения. Слово «партнер» используется именно в этом случае. Оно свидетельствует о признании Другого как равного, несмотря на то, что он находится в значительной зависимости. Эту зависимость можно использовать для его

подчинения, но этого не происходит, поскольку она рассматривается проявлением унижения самого себя.

В случае нижестояния при бытии-самим-собой достоинство также сохраняется. Такой субъект ищет помощи, но при этом отвергает такую, которая не предполагает зависимость, например, Украина периода президентства Л.Кучмы и В.Януковича. Он сохраняет достоинство даже тогда, когда его поучают как нужно вести себя, провоцируют на выражение почитания, и проявления добровольного унижения. При этом даже в ситуации безысходности, субъект не покоряется и отстаивает самого себя.

Возникает вопрос как относится к этой зависимости. Можно быть благодарным, с благоговением относиться к Другому, понимая, что оказанная им помощь – неоценимая услуга, благодаря чему он может реализовать себя. Можно принимать заботу как должное, считая Другого обязанным ему, то есть быть неблагодарным. В последнем случае оказание помощи, поскольку субъект оказывается неспособным на самостоятельные действия, поскольку привыкает к тому, что его существование предполагает проявление заботы со стороны Другого. Это трагедия как для субъекта, так и для Другого. Трагедия для Другого, поскольку он пренебрегает субъектом, понимая оказание помощи как тяжелую повинность. Потерпевшим оказывается и Другой, поскольку он не в состоянии быть самим собой, то есть самостоятельным, поэтому забывает свое предназначение в мире и теряет себя.

Зависимый субъект, совершающий его, подчинения Другому, провозглашая верность «хозяину», выполняются любые его требования. Это и есть бытие-под-другим. Что такое зависимость? Оно проявляется в неспособности оказывать сопротивление и быть самим собой. Поражение состоит в отказе от самого себя, в добровольной зависимости от Другого. Такая зависимость возможна, если Другой является более совершенным, а его существование более обеспеченным. Иными словами, зависимость возникает в результате преклонения перед другим. Возможность такого преклонения осознается субъектом, который использует его для подчинения Другого. Восторженный Другой, восхваляя более совершенного Другого, не замечает как отказывается от самого себя, попадает от него в зависимость.

Обратим внимание, что дискурсивная рефлексия существенно различается в зависимости от состояния сознания. Отметим провокационный лозунг «Смерть врагам!», который являлся одним из основным на киевском майдане в период подготовки агрессии. Постепенно он определяет состояние политического сознания, поскольку формирует основные смыслы существования и тем самым определяет политическое поведение. Наоборот, потребность самосохранения самого себя выражается в непокорности, которая перерастает в активную борьбу в случае агрессии. Именно этим можно объяснить гражданскую войну на Юго-Востоке Украины, которая возникла после переворота в Киеве, организованного США и Евросоюзом. Руководимые ими неонацистские формирования, совместно с украинской армией, использовались для умирения непокорных с помощью применения военной силы.

Выводы. Неудачная попытка России «договориться» с Евросоюзом и США объясняется тем, что последние ориентируются только на себя, поскольку их способ существования – бытие-для-себя, отсюда следует их эгоистичность и агрессивность. Для России характерно, наоборот, бытие-для-Другого, отсюда естественное желание пойти навстречу и урегулировать военный конфликт мирным путем. Ситуация осложняется тем, что США и Евросоюз оказывают существенное давление на дискурсивную позицию мирового политического сообщества. Поэтому решением рассматриваемой проблемы является последовательная дискредитация их агрессивной внешней политики в средствах массовой информации. Другим стратегическим направлением является провоцирование протестных настроений в этих странах, разоблачение обмана общества посредством искажения реального положения дел. Общество должно осознать, что оно преднамеренно вводится в заблуждение государством. Следует акцентировать внимание на том, что его институты не только поддерживают неонацистов, но и используют их для организации агрессии. И, наконец, важным стратегическим направлением является дискредитация европейской и американской политики на Украине. Ее аморальность состоит в том, что она направлена на формирование национальной ненависти, которая является причиной гражданской войны. Украинские националисты в ней являются такими же жертвами, как и граждане, против которых они применяют насилие.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский; [перев. О. Ю. Уральской]. – М. : Астрель, 2013. – 120 с.
2. Дегтярев А.А. Основы политической теории: Учеб. пособие / А.А. Дегтярев. – М. : Высш. шк., 1998. – 239 с.
3. Красин Ю.А. Политическая рефлексия и модернизация / Ю.А. Красин // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 [отв. ред. академик РАН М.К. Горшков]. – Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. – С. 127-140.
4. Пятигорский А.М., Алексеев О.А. Размышления о политике / А.М. Пятигорский, О.А. Алексеев. – М. : Новое издательство, 2008. – 189 с.

Volkov O.H. Existential Contexts for the Political Reflection: Negotiation of the Aggression of the West in the East // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 181–187.

The article deals with existential contexts of political reflection in terms of overcoming the aggression of the West to the East. It is found that the unsuccessful discursive position of Russia in the dialogue with the West is explained by the presence of peculiar modus. The main strategic directions of overcoming aggression are discrediting the foreign policy of the West in global political discourse, provoking protest sentiments in the US and the EU, as well as initiating the civil war in Ukraine. It's emphasized that the situation is complicated by the fact that the United States and the European Union have a significant pressure on the discursive position of the international political community. Therefore, the solution of the problem is the consistent discrediting of their aggressive foreign policy in the media. Another strategic

move is provoking dissent in these countries, detecting the fraud through distorting the real situation. Society must realize that it deliberately misled the government. It is worth noting that government not only supports the neo-Nazis, but also use them for organizing aggression. And finally, an important strategic direction is discrediting the European and American policy in Ukraine. Its immorality is that it is aimed at the formation of national hatred, which caused the Civil War. Ukrainian nationalists are the same victims as citizens against whom they use violence.

Keywords: political reflection, existential context, the subject, the Other, being-for-itself, being-for-the Other, provocation, domination, submission, equality.

УДК 16

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЗАДАЧ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

Титов А.В.

В статье рассматривается проблема систематизации методов математического моделирования в задачах принятия решений и прогнозирования развития сложных систем. Анализируются проблемы, которые возникают при математическом моделировании технологии принятия решений. Приводится последовательность основных этапов принятия управленческого решения при ситуационном подходе, на основании анализа которой выделяются особенности формального описания объектов управления различной природы. Рассматривается возможность формирования системы методов моделирования на основе систематизации и декомпозиции формальных языков. Приводится типологизация языков описания ситуации управления и на основе анализа связей этих языков предлагается подход к установлению связи между типом языка описания и типом объекта управления.

Ключевые слова: *оценка, сложность, теория, формальный язык, модель, структура оценки, предикативное определение, математическая структура, диалектика.*

Объектом исследования в работе являются формальные модели в задачах управления и прогнозирования развитием сложных объектов. **Целью** работы является исследование системной взаимосвязи различных типов моделей управления.

Эффективность управления сложными объектами и системами во многом зависит от того, насколько правильно определены основные стратегические и вытекающие из них тактические цели, на достижение которых ориентировано управление и от умения формировать прогнозы развития ситуации в зависимости от принимаемых решений.

Однако моделирование процессов развития и управления сложными системами и сталкивается с трудностями связанными с тем, что признанные классическими методы формального моделирования не всегда эффективны при описании динамики развития таких объектов. Методы формального моделирования таких объектов и

процессов не систематизированы, их применение не базируется на единой методологии, что снижает эффективность их применения. Отсутствие систематизации методов моделирования в зависимости от типа объекта, единых принципов их декомпозиции свидетельствует о системном характере проблем, возникающих при моделировании процессов развития и управления сложных систем.

В основу прогнозирования динамики изменения состояния объекта управления может быть заложен ситуационный принцип, заключающийся в том, что в каждый момент времени рассматривается пространство возможных состояний ситуации управления, под которой в общем случае будем понимать состояние объекта управления и состояние среды, в которую «погружен» объект управления. При этом вероятность нахождения ситуации управления в том или ином состоянии может быть не только неизвестна, но и сам вопрос о существовании этой вероятности может быть не корректным в связи, например, с ее уникальностью. В то же время сценарий же развития ситуации зависит от того, в каком именно состоянии она находится на момент, принятый за начальный. В частности, если ситуация описывается аналитически уравнениями с переменными коэффициентами (параметрами), то различные диапазоны изменения коэффициентов могут приводить к различным решениям.

К способам повышения степени адекватности моделей сложных объектов и процессов, для которых не эффективно классическое «жесткое моделирование», «мягкое моделирование».

Мягкие модели могут оказаться полезным инструментом для моделирования сложных объектов, поскольку на основе использования мягких моделей, можно, делать выводы для целого ряда жестких моделей, получаемых с помощью исходной мягкой модели путем вариации значений коэффициентов модели, что, может отражать изменение степени весомости параметров влияющих на оценку состояния объекта описания. В частности, при изменении коэффициентов модели экспоненциальный рост может меняться в определенных «точках перегиба» на более медленный. Мягкие модели позволяют так же учитывать при описании сложных объектов некоторые «подводные камни» жестких моделей.

Эвристические модели применяются в задачах прогнозирования и управления развитием объектов при невозможности строгой формализации их описания и основаны на использовании интуитивных представлений специалистов-экспертов. Имеется множество примеров того, что на основе интуитивных, не поддающихся строгой формализации представлений принимались эффективные управленческие решения.

Эвристические модели основаны, в частности, на использовании интуитивно «ясного» критерия качества и правдоподобных рассуждениях о способах достижения его максимальных значений. В своей экстремальной (можно сказать и экстремистской) форме эвристики вообще отрицают необходимость математического моделирования.

Для того, чтобы учитывать при моделировании объектов управления интенсивности их свойств, а не просто их наличие либо отсутствие, необходимо

применение методов моделирования, основанных на использовании многозначной логики. К таким методам относятся модели на основе использования нечеткой логики и нечетких алгоритмов.

При описании состояний объектов через набор свойств, которыми обладает данный объект с учетом их интенсивностей, возможны два типа неразличимости состояний:

А) «Слабая», при которой состояния неразличимы, если они описываются одним и тем же набором переменных.

Б) «Сильная», при которой переменные носят нечеткий характер и совпадают не только семейства $\langle G_i, \max\{T_{ij}\}, X_i \rangle$, но и значения функций принадлежности для всех нечетких переменных.

Формализация описания состояний с учетом интенсивностей свойств объектов может быть реализована на основе теории нечетких множеств.

При этом $\langle G_i, T_i, X_i \rangle$ - лингвистическая переменная, которой задается показатель состояния объекта управления G_i , T_i – множество значений лингвистической переменной, т.е. множество нечетких переменных лингвистической переменной G_i , X_i – базовое множество показателя G_i . Каждая нечеткая переменная T_{ij} из семейства $T_i = \{T_{i1}, T_{i2}, \dots, T_{in}\}$, задается как нечеткое множество на базовом множестве X_i . Т.е. $T_{ij} = \langle \mu_{T_{ij}}(x) / x \in X_i \rangle$. Состояния объекта управления задается семейством $\langle G_i, \max\{T_{ij}\}, X_i \rangle$, где $\max\{T_{ij}\} = T_{ik}$, где T_{ik} такое, что $\mu_{T_{ik}} = \max\{\mu_{T_{ij}}(x)\}$.

При этом для объектов, состояния которых различимы, могут быть определены меры сходства и меры различия. В случае четких переменных мера сходства объектов определяется по степени совпадения семейств свойств, которыми они описаны, т.е. по числу совпадающих в оцениваемых объектах свойств – $n(1,1)$.

Оценка «близости» или сходства объектов, представленных через описание интенсивностей свойств, сводится к оценке сходства соответствующих нечетких множеств. Такая оценка может проводиться как в абсолютном, так и в относительном смысле. В первом случае объекты (качества) сравниваются как нечеткие множества, базовым множеством, для которых является множество свойств, взятое без каких либо ограничений. При этом, базой сравнения может служить множество свойств, на котором функция принадлежности хотя бы для одного из сравниваемых объектов (качеств) не равна нулю. Во втором случае, как, например, в работе [1], коэффициенты сходства оцениваются по отношению к некоторому эталонному набору свойств – пространству качества Γ .

В обоих подходах за основу оценки мер сходства может быть выбран подход, основанный на построении индексов сравнения нечетких множеств [2, с. 54].

Для описания динамики состояний сложных объектов и перехода их в новые фазовые состояния полезными могут оказаться фрактальные модели в их сочетании с нечеткими и эвристическими моделями. В частности параметры модели развития: $Z_{n+1} = K(t)Z_n^p + C(t)$ могут иметь не только сложную структуру и нечеткий характер, но и обладать динамическими свойствами как в «мягких» моделях В.И. Арнольда.

Суть описания динамики развития состояний объекта управления в их подобии некоему исходному эталонному образу, т.е. в описании процесса самоподобия и определения зоны его устойчивости.

Чтобы получить некоторое представление о специфике фрактальных моделей процессов развития, нужно обратиться к особенностям генетических теорий.

Однако, применение описанных методов в моделировании задач управления носит достаточно произвольный характер, отсутствует их систематизация.

К попыткам такой систематизации можно отнести разрабатываемую в рамках синтетической квалиметрии систему специальных квалиметрий.

Подбор формализации и знание границ применимости модели очень важны при математическом моделировании, т.к. неадекватность модели может привести к серьезным ошибкам в выводах. Здесь полезен логический анализ, позволяющий вскрыть корни недостатков и ограниченности формализации, выяснить неадекватность ситуации и применяемых средств.

При управлении развитием сложных объектов в общем случае решаются следующие задачи:

- получение и анализ информации о возможных состояниях объекта управления;
- выделение семейства свойств объекта управления определяющих его состояние и влияющих на принятие управленческого решения;

- преобразование семейства свойств объекта управления в систему параметров (показателей и критериев) оценки состояния объекта управления;

- описание «иерархии» параметров объекта управления;

- формирование системы мер, в которых оцениваются значения показателей и критериев оценки состояния объекта управления;

- шкалирование системы мер, введением на ней системы отношений;

- разработка методов и процедур формирования массивов эталонных состояний объекта управления;

- установление метрик и определение мер сходства на пространстве признаков состояния объекта управления (показателей и критериев), по которым будет определяться близость состояние объекта управления к эталонным состояниям;

- разработка методов и процедур формирования массивов управленческих решений;

- формализация процесса сопоставления управленческих решений эталонным состояниям объекта управления, т.е. представление его в виде оператора определенного типа;

- формирование формализованного описания технологии принятия управленческого решения на основе оценки состояния объекта управления;

- повтор всей цепи процедур, если это необходимо.

При решении перечисленных задач важно учитывать, что в зависимости от сложности и природы объекта управления в описании элементов модели оценки может использоваться различный формальный аппарат, т.е. различные формы описания состояний объекта управления и методов оценки этих состояний. Классификация форм описания и используемых при этом формальных языков разрабатывалась А.И.Субетто в рамках синтетической квалиметрии, которая

включает как составные части общую и специальные квалиметрии, как разделение общей квалиметрии по методам и формальным моделям оценки.



Рис.1. Специальные квалиметрии.

В работе [3, с. 301] описываются основные характеристики ситуации оценки и рекомендуемые для ее описания типы специальных квалиметрий.

Тестовая квалиметрия – характеризуется ситуацией оценки с высокой степенью ее формализуемости. Чаще ситуация такова, что применяемые методы могут рассматриваться как методы тестово-экспертной квалиметрии.

Экспертная квалиметрия. Для ситуаций, в которых применяются методы экспертной квалиметрии и методы теории экспертных оценок, характерно наличие так называемых **субъективных показателей**, по которым объект оценивается специалистом-экспертом. В экспертной квалиметрии используются методы развиваемые в теории экспертных оценок, широко представленные в отечественной литературе. Применение экспертной квалиметрии при оценке качества характеризуется ситуацией, которая основана на привлечении плохо формализуемого опыта экспертов, или на измерении на основе органов чувств эксперта. Характеристики, по которым оценивается качество объекта, носят при этом субъективный характер, т.е. субъективное восприятие их интенсивностей содержит неопределенность.

Применение методов экспертной квалиметрии в процессе мониторинга объектов различной природы часто характеризуется ситуацией, при которой сам алгоритм оценки может относиться к методам другого типа специальной квалиметрии, а методы экспертной квалиметрии применяются для определения коэффициентов весомости показателей качества, шкалирования и формирования других элементов оценочной системы.

Индексная квалиметрия. Индексная квалиметрия базируется на аппарате теории индексов. Применение индексной квалиметрии характеризуется ситуацией, при которой оцениваются некоторые изменения, «темпы движения» показателей

качества и объектов. Индексная квалиметрия в таком ее понимании расширяет традиционный подход к индексному измерению качества на базе среднеарифметических и среднегеометрических индексов. В роли индексов выступают здесь показатели качества в базовом периоде времени или в базовом объекте (базовой образовательной системе).

Таксономические методы – используются в виде «квалиметрической таксономии» в ситуации, когда процедуры оценивания разрабатываются в виде классификационных процедур. Сложность формирования квалиметрической таксономии связана с современным состоянием науки о классификациях и классификационной деятельности, находящейся в стадии своего становления. Класс объектов с данным качеством (квалитаксон) рассматривается как совокупность свойств тождественных по отношению к базе сравнения. Синонимами класса качеств в этой ситуации становятся категории, роды, сорта и т.д.

Вероятностно-статистическая квалиметрия. Этот вид квалиметрии применим к ситуациям, в которых оценка качества ориентирована на использование статистических оценок характеристик объектов оценки. Объекты оценки и измерительные процедуры при этом описываются вероятностно-статистическими моделями. Наиболее характерно применение методов вероятностно-статистической квалиметрии в тех случаях, когда оцениваются массовость, стабильность, используются выборочные методы контроля и т.д. Методы вероятностно-статистической квалиметрии являются основой для формирования экспертных квалиметрических систем.

Нечеткая квалиметрия. В ситуации, когда объект оценки слабоформализуем, его характеристики носят описательный характер, измерение интенсивностей свойств оценки сопровождается факторами нечеткости и неопределенности целесообразно использование методов нечеткой квалиметрии при оценке качества объектов мониторинга.

Та ситуация, которая как отмечалось выше в математическом моделировании задач прогнозирования и управления развитием сложных объектов заставляет искать пути обобщения различных методов формального и формализованного моделирования на единой базе, позволяющей осуществить их систематизацию. Разнообразие применяемых методов определяет такое требование к этой базе как максимально возможная широта обобщения и высокую степень потенциальной внутренней структурированности, иными словами аппарат этой базы должен обладать возможностью развития в себе позволяя переходить от общих построений к описанию конкретных объектов с учетом их специфики.

Разработка общей теоретической базы, которая позволила бы перейти от описательного характера к более точному определению соотношений между методами моделирования используемыми в различных типах квалиметрии и осуществить их дальнейшее развитие может базироваться только на выработке формального языка, в рамках которого было бы возможно описание формального аппарата, используемого во всех типах квалиметрий.

В работе [3, с. 305] на примере языка импликативных решеток и возможности на его основе обобщенного описания фигур силлогизма, показано, что таким языком может служить язык теории структур.

В [3, с. 305] приведен перечень языков классификации, выделенный А.И. Субетто в рамках развития метаклассификации как науки о законах и механизмах классифицирования объектов различной природы.

При моделировании состояний сложных объектов мы можем сталкиваться с ситуациями, в которых нарушаются законы классической формальной логики с законами исключенного третьего и противоречия. Следовательно, моделирование объектов сложной природы требует привлечения формальных методов моделирования основанных на разных типах логики. Адекватность выбранного метода формального моделирования во многом определяется пониманием взаимосвязи между формальными системами с различным типом логики.

В этом случае язык теории структур позволяет повысить эффективность моделирования процессов управления, поскольку можно показать, что при определенных условиях тип логического исчисления связан со структурой, на которой принимает значение оценка формул этого исчисления.

Список литературы

1. Субетто А.И. Метаклассификация как наука о механизмах и закономерностях классифицирования / А.И.Субетто. — СПб – Москва : ИЦ, 1994.– 254
2. Дюбуа Д., Прад А. Общий подход к определению индексов сравнения в теории нечетких множеств / Д. Дюбуа, А. Прад // Нечеткие множества и теория возможностей. – М. : «Радио и связь», 1988. – С. 51-63.
3. Титов А.В. Методологические проблемы математического моделирования задач прогнозирования и управления развитием крупномасштабных объектов / А.В. Титов // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2012. Труды шестой международной конференции. Том 2. – М. : ИПУ РАН, 2012. – С. 298-307.

Titov A.V. System Problems in Methodology of Mathematical Modeling of Problems of Prognostication and Management of Development of Complex Systems // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 188–195.

The problem of systematization of methods of mathematical modeling in the field of decision-making and prognostication of development of complex systems is investigated in the article. The problems which arise at mathematical modeling technologies of decision-making are analyzed. The succession of the main stages of approval of the administrative decision at situational approach is given. On the basis of an analysis of that succession the features of the formal description of management objects of various natures have been marked out. The possibility of formation of a system of methods of modeling on the basis of systematization and decomposition of formal languages have been considered.

The ways of increasing adequacy of difficult objects models and processes including "soft models" are researched. There are models on the basis of heuristic approach of which heuristic models are based. Particularly, in this work use of intuitively "clear" criterion of quality and plausible reasoning on ways of achievement of its maximum values is considered. Generally, the extreme form of heuristics denied a need of mathematical modeling.

An application of the methods of modeling that are based on usage of multiple-valued logic is necessary when there is a difficulty in establishing a possibility of their intensity management properties and their existence or absence in modeling objects. The models on the basis of equivocal logic usage and indistinct algorithms appertain exactly to such methods.

In addition, the classification of language types of the description of a situation of management is given in the article. An approach to organization of communication between a type of a language of the description and a type of an object of management is offered on the basis of the analysis of communication of these languages.

Keywords: assessment, complexity, theory, formal language, model, structure of an assessment, predicative definition, mathematical structure, dialectics.

УДК 381.85:32-05+316.334.3 «20»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИТОЛОГА: СОДЕРЖАНИЕ И ТРЕБОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Вейсова В.Э., Кузьмин П.В.

В статье предпринята попытка исследования профессиональной культуры политолога. Авторы пришли к выводу, что профессиональная культура политолога, являясь социокультурной ценностью, выражает качественную характеристику развития работника как профессионала и как гражданина своей страны, уровень подготовки, позволяющий обеспечивать профессионально целесообразное отношение к работе, эффективное выполнение функциональных обязанностей. В ее структуре авторы выделяют духовную сторону, характеризующую степень духовной готовности к осуществлению профессиональных обязанностей и деятельностно-поведенческую сторону, отражающую уровень развития профессиональных умений и навыков и применения их в процессе деятельности. Раскрывая содержание структурных компонентов профессиональной культуры, акцентируется внимание на современных требованиях российской практики к личности политолога, подчеркивается актуальность органической гармонии в ней современного профессионализма и развитых социальных качеств.

Ключевые слова: *культура, профессиональная деятельность, профессиональная культура политолога.*

Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации в качестве новых полноправных членов заметно изменяет требования к субъектам региональной государственной власти и местного самоуправления. Необходим качественно новый по своему характеру и содержанию уровень политико-управленческих решений. Конечно, и ранее существовала потребность в качественных решениях. Одной из особенностей современной социокультурной ситуации в Крыму является то, что региону необходимо в относительно сжатые сроки (в течение 2-3 лет) реально стать частью, новой для Крыма, российской общественной системы.

Масштабные и нестандартные задачи требуют не только крупных финансовых ресурсов, а и предъявляют новые требования к компетентности, деловитости, творческому потенциалу работников, занятых в политико-властных структурах. Речь идет как о политиках, так и специалистах, обслуживающих процесс

подготовки и реализации управленческих решений. А это – советники, эксперты, аналитики, консультанты экономического, юридического, политологического, социологического, психологического профиля. Исследователи, изучающие роль этой профессиональной группы работников, подчеркивают, наряду с другими специалистами, потребность в политологах, обладающих современным профессионализмом и развитыми социальными качествами [см. 6, 12, 13, 14, 15].

Одновременно, с решением указанной проблемы, существует и другая, не менее важная. Речь идет о формировании у широких слоев населения, в том числе молодежи, гражданской политической культуры. Эта задача вовсе непростая. Многолетний опыт преподавания в вузах Крыма позволяет говорить о том, что значительная часть молодежи, поступающая в вузы, не обладает даже минимумом представлений о гражданственности, правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, о существующих избирательных системах, не говоря уже о сутиполитической власти, политической системы и т. п. К сожалению, некоторые юноши и девушки и заканчивают вузы, имея смутное представление о ключевых составляющих современного политологического знания. В то же время, как показывают социологические опросы, все обучающиеся являются сторонниками демократического режима. В связи с этим, возникают далеко не риторические вопросы. Может ли возникнуть демократия в условиях низкой политической культуры общества? Можно ли считать человека готовым к выполнению гражданских функций в общественной жизни, если он не обладает хотя бы минимумом политологических знаний? Решение рассматриваемой проблемы требует постоянных целенаправленных усилий образовательных учреждений, СМИ, структур власти. Профессиональная культура политолога, в этой связи, позволяет с научных позиций освещать протекающие в обществе процессы, показывать место и роль граждан в преобразовании Крыма, является одним из факторов формирования у людей политической грамотности, гражданской зрелости и активности.

Целью статьи является выяснение сущности и структуры профессиональной культуры специалиста политолога, культурологический анализ ее компонентов.

Выяснение сущности и содержания профессиональной культуры политолога связано с немалыми трудностями. Они состоят в том, что, во-первых, данная профессия на постсоветском пространстве относительно «молодая», ей примерно четверть века, а значит, ощущается дефицит теоретического и эмпирического материала о ней, нами обнаружен небольшой массив научной, публицистической информации, посвященной этой проблеме [см. 1, 2, 3, 4, 5, 6]; во-вторых, зарубежная практика профессиональных политологов также недостаточно отражена в литературе, хотя определенный материал имеется [см. 7, 8, 9]; в-третьих, деятельность факультетов (отделений) политологии в России и других постсоветских государствах, а также деятельность их выпускников слабо освещается в печати, сколько-нибудь серьезного аналитического материала, тем более информации исследовательского характера, к сожалению, не обнаружено. Все это осложняет работу по рассмотрению сформулированной в названии статьи проблемы. В то же время, это, на наш взгляд, не должно служить поводом пассивного выжидания или ухода от изучения данного феномена.

Одним из подходов к выяснению нашей проблемы, которому авторы отдают предпочтение, является рассмотрение культуры в качестве исходной, базисной ценности, лежащей в основе анализа профессиональной культуры.

Культуру мы рассматриваем как специфически человеческий способ деятельности, направленный на создание духовных и материальных ценностей, результатом которого является динамически развивающаяся система идеалов, символов, норм поведения, воплощаемых в социальном развитии человека, в его духовном мире [10, с. 123].

Культура классифицируется по различным основаниям. Не ставя задачей раскрытие видов культуры, подчеркнем, что каждый из них связан с соответствующей деятельностью людей, человека. Каждый вид культуры характеризует качественную сторону деятельности, степень ее совершенства, раскрытия в ней способностей и дарований личности. Этот аспект осмысления культуры является важным для понимания сущности культуры вообще, профессиональной культуры, в частности. Справедливо отмечает А.С. Ахиезер, что «деятельность субъекта как бы она ни интерпретировалась, должна рассматриваться как культурно-содержательный процесс» [16, с. 336].

Одной из обобщающих качественных характеристик развития личности является профессиональная культура. Последнюю можно рассматривать как степень овладения личностью определенным видом профессиональной деятельности, а также меру и способ реализации сущностных сил личности в процессе этой деятельности и ее результатах. Здесь, представляется нам, следует хотя бы вкратце, изложить суть профессиональной деятельности политолога. Анализ функциональных задач, решаемых субъектами данной профессиональной группы, позволяет говорить о том, что деятельность политолога представляет собой разновидность сложного интеллектуального труда в сфере социально-политических и духовно-идеологических отношений. Это – социально необходимая теоретическая и прикладная активность, связанная с изучением, исследованием и преобразованием социальных отношений, мира политического, с участием в политическом образовании и просвещении общества. Политолог, можно сказать, является социокультурным и политическим инженером, влияющим на многоаспектный духовный мир человека, его политические потребности и интересы, его гражданскую и политическую культуру. Он соучастник конструирования интеллектуального поля в виде идей, концепций, взглядов.

Политологи работают в исследовательских институтах, политико-властных, общественно-политических и образовательных учреждениях и организациях, средствах массовой информации, структурах гражданского общества.

Объектами профессиональной деятельности политолога являются: различные сферы общественно-политического, социокультурного и экономического пространства Российской Федерации и мира. В собственно политической сфере – это прежде всего структуры государственной власти и управления (федеральный, региональный и муниципальный уровни), политические партии и общественно-политические движения, международные институты и организации. В социокультурном плане – политическая культура и общественное сознание,

политические настроения в обществе, политические и этнополитические конфликты, региональные процессы. В экономическом аспекте – взаимодействие власти и бизнеса, политические интересы и устремления различных групп экономического сообщества [5, с. 14].

Содержание профессиональной деятельности политолога наиболее полно выражается в функциях, которые призваны выполнять специалисты этой профессиональной группы. Изучение современной социальной практики российского общества показывает, что эти функции разнообразны. Основными, на наш взгляд, являются следующие: изучение и исследование политической жизни общества, его актуальных политологических проблем; экспертно-аналитическое и прогностическое обоснование политико-управленческих решений и участие в их реализации; разработка технологий политических процессов, кампаний, акций; маркетинговый анализ конъюнктуры политического рынка, формирование имиджа политического товара; паблик рилейшнз; политическое образование и просвещение граждан, в т. ч. молодого поколения.

На практике выполнение перечисленных функций связано с решением конкретных задач, вытекающих, прежде всего, из особенностей переживаемой страной (регионом) исторической ситуации. В связи с этим, для политологического сообщества Крыма, актуальными являются следующие задачи: разъяснение гражданам сути социальных изменений, происходящих в Крыму, существующих противоречий, проблем и трудностей в деятельности политико-властных институтов в переходный период, т. е. нужно помочь гражданам «перевести» идеи и действия политиков с «государственного языка» на человеческий; доведение до граждан содержания индивидуальных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации; разъяснение крымскому обществу организации и содержания деятельности государственной власти в России, ценностей и процедур российской формы государственного правления; формирование у населения демократической политической культуры, гражданственности, правдивых взглядов на процессы и события, имевшие место в истории Крыма, его народов и др.

Для политологов, работающих в структурах власти, важными являются такие задачи: осмысление путей и разработка технологий, обеспечивающих эффективность общественного управления в условиях трансформации Крыма в российскую социально-экономическую и политическую систему; прогнозирование социальных последствий принимаемых политико-управленческих решений; проведение исследований, направленных на изучение массовых настроений, электоральных ожиданий в условиях переходного периода и другие.

Как видим, профессиональной деятельности политолога свойственна социокультурная направленность. В данном случае термин «социальный» означает сосредоточение внимания на личности, взаимодействии людей, их связях, а термин «культурный» подразумевает обращение к ценностям, нормам, ориентациям людей. В современных условиях, когда крымский социум находится в состоянии трансформации, изменений актуальной задачей политологов является уточнение методологии и направленности его социализации, в т. ч. политической. В этой

святы уместны слова французского ученого Ф. Бро: «В политике, где худшие страсти могут превратить людей в фанатиков, замутить предрассудками их сознание, задача политической науки – вносить холодный, трезвый, демифилогический взгляд» [11, с. 237].

Отталкиваясь от принятого нами понимания культуры и изложенной выше сути профессиональной деятельности политолога, мы полагаем, что профессиональная культура политолога – это качественная характеристика его развития как профессионала и как гражданина своей страны, уровень подготовки, позволяющий обеспечивать профессионально целесообразное отношение к работе, эффективное выполнение функциональных обязанностей. Иными словами, это степень совершенства личностных качеств, овладения профессиональными знаниями, умениями, навыками, позволяющая: квалифицированно изучать и исследовать политическую сферу жизни общества, обогащать политическую науку; готовить научно обоснованные рекомендации органам власти и управления в интересах стабильности общества и его политической системы; разрабатывать инновационные технологии реализации управленческих решений; распространять политические знания в обществе, способствовать развитию в нем гражданской культуры.

Профессиональная культура – духовно-практическое образование. В ее структуре можно выделить, во-первых, духовную сторону, характеризующую степень духовной готовности к осуществлению профессиональных обязанностей и, во-вторых, деятельностно-поведенческую сторону, характеризующую уровень развития профессиональных умений и навыков и применения их в процессе деятельности.

Каждая из этих сторон профессиональной культуры, будучи сложной, динамичной системой, в свою очередь, обладает собственной структурой. Так, духовная сторона включает в себя профессиональные знания, убеждения, культуру профессионального мышления, профессиональные потребности, чувства, волю и другие компоненты. Деятельностно-поведенческая сторона предполагает профессионально целесообразные способы деятельности и нормы поведения.

Основу профессиональных знаний политолога составляют глубокие и твердые знания истории зарубежных политических учений, истории всемирной политической мысли и собственной страны, общей теории государства и права, технологий политических процессов, философии политики, техники и методики политологических исследований. Они вооружают политолога методологией изучения и исследования политической жизни общества, учат разбираться в характере и взаимодействии политических институтов и политических сил, объективно, с научных позиций давать им оценку.

Важное место в структуре профессиональных знаний принадлежит знаниям правовых дисциплин (конституционное право, административное право, гражданское право, международное право). Знания этих наук позволяют не только формировать правовую культуру политолога. Без них ему практически невозможно участвовать в работе по подготовке правовых актов, в проведении их экспертиз, а также экспертиз принимаемых политических решений и т. д. Существенная роль в профессиональной культуре политолога отводится знаниям

социологии, политической социологии, теории международных отношений, политической психологии, педагогики.

Возрастание в политике роли экологической составляющей остро ставит вопрос об освоении системы экологических знаний. Политолог должен знать экологию, науку о том, «как жить на этой земле, как решать совместно труднейшие проблемы взаимоотношения человека и природы, как сохранить человечество на Земле, как создавать на ней новое, в том числе новый образ жизни, причем так, чтобы наши потомки не кляли нас и наш эгоизм из-за отсутствия необходимой культуры и средств для дальнейшего развития» [4, с. 22].

Но профессиональные знания как элемент культуры – это не механическая сумма разрозненных знаний профессии политолога. Нужны достоверные и в достаточном объеме знания, полученные путем систематического осмысления учебных дисциплин, профессиональной деятельности, проникновения в ее суть. Необходимо также учитывать, что примерно каждые пятнадцать лет объем ежегодно публикуемых материалов увеличивается. В связи с этим, перед профессорско-преподавательским составом стоит задача не просто сориентировать студентов в этом море информации, но научить их методике самостоятельного поиска. По справедливому мнению А. И. Соловьева, «... в ходе преподавания, когда идет согласование поискового научного знания с возможностями студентов, нужно не только представлять наиболее совершенную интеллектуальную продукцию (отбирая результаты научных исследований и препятствуя проникновению в учебный процесс некондиционных и рискованных рефлексий), но и устанавливать смыслодержательное общение с обучаемыми» [19, с. 128].

Профессиональные убеждения как элемент духовной стороны представляют собой профессиональные знания, слившиеся с чувством и волей специалиста политолога. В их структуре в соответствии с формами общественного сознания можно выделить философские, политические, правовые, моральные, эстетические и другие убеждения личности политолога.

Роль профессиональных убеждений определяется тем, что они обеспечивают целостность и качественную определенность личности политолога. Убеждения, в основе которых лежат научные истины, знания, позволяют специалисту быть методологически четким, последовательным в своих позициях и поступках, а также при проведении аналитической экспертной, консультативной, исследовательской работы. Необходимо заметить, что для политолога профессиональные убеждения – не только и не просто личное духовное качество. Это одно из средств воздействия на тех, с кем осуществляется общение. Ведь личное отношение к тем или иным общественным ценностям и идеалам – одно из наиболее эффективных средств воздействия на внутренний мир собеседника.

Глубина и прочность знаний, убеждений политолога позволяет в полной мере раскрыться культуре профессионального мышления, являющейся необходимым элементом профессиональной культуры. Это проявляется в совершенстве мыслительных способностей политолога, в умении пользоваться знаниями, сопоставлять факты и явления, делать правильные выводы и обобщения и, в

конечном счете, находить оптимальные пути поддержания общества и политической системы в состоянии стабильности.

Сегодня нужны кадры с нестандартным видением и оригинальными подходами к современным процессам, обладающие гибким, творческим, научным мышлением. Развитое мышление позволяет аналитику, эксперту, политическому обозревателю и т.д. проникать в сущность явлений, видеть главное в многообразии дел, проявлять творчество в работе. Несовместимы с культурой мышления консерватизм, шаблонность мысли, приводящие к словоблудию, словесным штампам.

Особое место в структуре профессиональной культуры занимают сформированные профессиональные потребности. Специфика профессиональной деятельности политолога как специалиста в сфере социально-политических, властных отношений обуславливают структуру и содержание профессиональных потребностей. Стержневая среди них – потребность являть собой гражданина, патриота своей страны, способного и готового работать на благо своего народа и Отечества. Отсутствие или невыраженность этой потребности в мотивационной структуре специалиста может иметь негативные последствия не только для деятельности, которой занимается политолог, но и для данного региона, общества, государства в целом. Сегодня мы имеем многочисленные примеры, когда из мотивации тех, кто готовит, принимает и реализует политико-управленческие решения по сути устранены идеи и принципы общекультурного характера (гражданское достоинство, гражданская честь, гордость и ответственность, боль за страну и т.п.). Такого рода ценности фигурируют по преимуществу в высокорпорной риторике публичных политиков, никак не определяя их политическое поведение.

Указанная выше потребность пронизывает другие, «подчиненные» ей потребности. Опыт деятельности политологов в России, на Украине, в Республике Беларусь свидетельствует, что особую актуальность имеют потребности в объективном анализе социальной реальности; в творческом поиске и разработке новационных технологий; в критически-творческом изучении и восприятии опыта модернизации своей страны и других стран; в действиях, поступках, соответствующих законам страны и профессиональной этике.

Духовная сторона профессиональной культуры включает в качестве структурных компонентов культуру чувств, воспитанную волю. Так основными составляющими волевой способности политолога являются целеустремленность в работе, самообладание, гражданское мужество и т. п.

Деятельностно-поведенческая сторона профессиональной культуры – это профессионально-целесообразные способы деятельности и нормы поведения, т. е. совокупность приемов, методов и форм работы политолога, обеспечивающая наиболее полное раскрытие его сущностных сил и высокую эффективность труда. Приемы, методы, формы деятельности основываются на профессиональных знаниях, умениях, навыках. Чем разнообразнее и совершеннее они, тем больше возможностей для разнообразия приемов, методов, форм, тем выше профессиональная культура.

Для успешной деятельности политолога необходимо выработать, развить систему умений, навыков: исследовательские, организационно-коммуникативные, прогностические, организационно-технологические. Остановимся на содержании некоторых из них.

И начнем, с исследовательских умений, навыков, способностей. Их содержание включает в себя в первую очередь способности политолога изучать и исследовать: политические интересы различных социальных, этнических групп, политических сил, в том числе разные точки зрения на эти интересы; механизмы взаимодействия власти и политических партий, общественно-политических организаций и движений, гражданского общества в целом; политические элиты; деятельность лоббистских групп, политической оппозиции; условия и факторы, способствующие недопущению экологической катастрофы.

Привитие студентам интереса к исследовательской работе и формирование у них навыков этой работы – одна из ключевых задач педагогов. Именно педагог обязан увлечь будущих политологов в научный поиск. Практика показывает, что сделать это могут далеко не все педагоги, а, прежде всего, те, которые сами «заражены» потребностью заниматься научными исследованиями. Приведем в этой связи мнение одного из слушателей лекций Макса Вебера: «...Это никоим образом не мастерская риторика человека, который вызывает эту притягательную силу, и не примитивный эмпиризм, на котором строится и держится логика изложения, а, прежде всего, это способность пробуждать чувства, дремлющие в душах других людей» [6, с. 260]. Стимулами в научной работе студентов являются научные конференции, издание сборников студенческих работ, участие в конкурсах на лучшую студенческую работу, участие в грантах и т. п.

Организационно-коммуникативные способности политолога можно выразить в следующих показателях: владение навыками делового общения; речевая культура; умение координировать действия общественно-политических сил в условиях политического и идеологического плюрализма; способность учитывать социально-психологические особенности различных социальных групп и слоев общества; обладание навыками определять политические настроения социально-этнических групп и другие.

Прогностические умения и навыки характеризуют способности политолога к предвидению социально-политических процессов, явлений, событий, а также результатов деятельности, опережая процесс их реализации. Они основаны, с одной стороны, на профессиональных знаниях, с другой – на опыте. Высокий уровень их развития проявляется в наличии у специалиста интуиции.

Политологи должны быть, как справедливо пишет Н.Н. Моисеев, не просто «наблюдателями происходящего и играть роль беспристрастных системных аналитиков, а искать пути в будущее, понять, что зависит от них самих, а что объективно присуще современной реальности, охранять от ошибок и доводить найденное понимание не только до политиков, но и до самой широкой общественности» [4, с. 77].

Операционно-технологические умения и навыки характеризуют овладение политологом способами организации деятельности и уровнем освоения технологий.

Политические технологии предоставляют возможность ему принимать участие в политическом процессе на основе целеполагания, рационализации и операционализации управляемых политических событий и результатов. Показателями сформированности технологических учений и навыков являются: выраженное умение находить алгоритм осуществления деятельности в типичных и нетипичных ситуациях, принимать в этих условиях правильные решения; способность конструировать деятельность в сложных, чрезвычайных ситуациях; владение методами социально-политического проектирования, включая его социально-психологические аспекты; умение провести анализ и дать экспертную оценку результативности деятельности [18, с. 16].

Не менее важно для политолога быть в постоянной готовности применить на практике профессиональные умения, навыки, способности. Готовность реализации этих ценностей во многом определяется отношением политолога к своей профессии, что в свою очередь связано с его гражданской и нравственной зрелостью. Указанные личностные качества, специфически преломляясь в профессиональные, находят таким образом свое практическое воплощение в профессиональной деятельности.

Характер отношения к выполнению профессиональных обязанностей и качество этого выполнения во многом обуславливается степенью развития у специалиста предрасположенности и готовности к новациям, творчеству. Эта сторона подготовки политолога является необходимым элементом его профессиональной культуры.

Прежде чем говорить о признаках творчества в деятельности политолога, отметим, что творческое инициируется субъективным. Схемы творческого процесса обычно начинаются с проблемы, проблемной ситуации, интуиции, чувствования или осознания проблемы, с желания, потребности открывать, изобретать, творить, после чего идут сбор информации и т. д., вплоть до физической реализации продукта, которая сопровождается соответствующей социализацией продуктов творчества [17, с. 21].

Показателями новационной, творческой направленности личности политолога являются:

- сформированность интереса к новационным действиям, преобразованиям;
- способность обнаружить и правильно оценить тенденции в политической жизни;
- поисковая активность, выявление оригинальных, новых путей решения социально-политических проблем;
- гибкость мышления и поведения в изменяющихся ситуациях;
- систематический поиск нерешенных проблем в сфере социально-политических отношений и участие в их разрешении;
- непрерывное совершенствование стиля, методов и приемов профессиональной деятельности;
- способность отказаться от сложившихся стереотипов в мышлении деятельности;
- предрасположенность к разработке прогноза в сфере политики и др.

Таким образом, профессиональные умения, навыки, способности как элементы деятельностно-поведенческой стороны, профессиональной культуры политолога являются таковыми в единстве с активным, творческим отношением к работе, если они реализуются, опредмечиваются в процессе профессиональной деятельности.

Описание модели профессиональной культуры политолога будет неполным, если не выделить в ней профессионально-нравственную составляющую. Органическое сочетание, согласование в личности специалиста профессионализма и нравственных качеств – одна из актуальных проблем подготовки кадров политологов и их деятельности.

Мораль занимает одно из важных мест и в профессиональном сознании, и в профессиональной практике. Профессиональная мораль политолога – представляет собой конкретизацию и развитие общих принципов и норм морали применительно к особенностям и задачам трудовой деятельности рассматриваемой нами профессиональной группы. Профессиональные нормы выражают дополнительные требования общества к профессиональной группе политологов.

Дальнейшее утверждение профессии политолога в обществе во многом зависит от того, насколько носители этой профессии будут обладать не только «чистым» профессионализмом, а и следовать нормам и принципам профессиональной морали. Ибо только единство интеллектуального, общегражданского, нравственного и профессионального начал в личности политолога позволит ему в полной мере раскрывать свое социальное предназначение. Проблема нравственного развития личности специалиста в последние годы не находит должного освещения ни в выступлениях управленческой элиты, ни в научных публикациях. В тоже время, значение таких моральных ценностей, как профессиональный долг, профессиональная честь, профессиональное достоинство, профессиональная ответственность в структуре личности специалиста не осталось в прошлой эпохе, в истории прежней системы. На наш взгляд, проблема единства, гармонии нравственных и профессиональных начал в личности специалиста – вечная проблема, а сегодня – одна из самых актуальных.

Современная общественно-политическая практика показывает, насколько велико значение профессиональной ответственности в деятельности политической элиты, всех работающих в системе государственной службы. Профессиональная ответственность политолога – это способность предвидеть результаты своей деятельности, осознавать свою роль и место в преобразовании общества. Механизм ответственности политолога складывается из таких компонентов, как осознание результата и последствий профессиональной деятельности; призывание поступать так, а не иначе; морально-волевое усилие по осуществлению решения. Способность принять решение и провести его в жизнь – зеркало моральной ответственности. Уровень моральной ответственности зависит, прежде всего, от того, насколько своими решениями, действиями, теоретическими разработками, технологиями политолог способен повлиять на судьбы других людей.

Можно говорить и о других моральных ценностях, которые, реализуясь в процессе профессиональной деятельности, становятся составляющими и показателями профессиональной культуры. Это – честность, верность данному

обещанию и гарантиям, надежность, стремление к достижению цели и другие. Значение, которое имеет в структуре профессиональной культуры профессионально-этическая составляющая, обуславливает целесообразность разработки системы этических норм, принципов, которыми должны руководствоваться политологи. Данная система может включать, на наш взгляд, следующие принципы и нормы: принцип компетентности и профессионального совершенствования; принцип моральной ответственности перед обществом, профессией, своими коллегами и другие.

Выводы.

1. Профессиональная культура политолога есть степень овладения специалистом конкретным видом труда в сфере общественно-политического, социокультурного и экономического пространства – аналитик, эксперт, консультант, советник, педагог и т. п. – отражающая качественную характеристику его профессиональной подготовки и социокультурного развития.

2. Профессиональная культура политолога является востребованным социокультурным качеством личности и в зависимости от выполняемых специалистом профессиональных функций способствует решению ряда задач – повышению качества управленческой деятельности политико-властных структур, аппаратов политических партий и общественных объединений, формированию политической культуры граждан, развитию политической науки.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Какие требования российская политическая практика предъявляет к политологу / Т. А. Алексеева // Полис. – 2001. – № 5. – С. 123–128.
2. Дугин Е.Я. Создание смыслов в электронную эпоху: Методология и техника новых знаний и образов в массовой коммуникации и PR / Е.Я. Дугин. – М. : Красный пролетарий, 2005. – 296 с.
3. Комаровский В.С. Формирование новой парадигмы политического образования и модель специалиста в сфере государственного управления / В.С. Комаровский // Полис. – 2001. – № 5. – С. 142–146.
4. Моисеев Н.Н. Размышления о современной политологии / Н.Н. Моисеев. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1999. – 216 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 Политология (квалификация (степень) «Бакалавр»). – Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2011. – № 2. – С. 12–29.
6. Щербинин А.И. Политическое образование : Учебное пособие / А.И. Щербинин. – М. : Весь Мир, 2005. – 288 с.
7. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие. [Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвина] / Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
8. Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века. Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия / А.В. Оболонский. – М. : Дело, 2002. – 168 с.
9. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х. Д. Клингенманна. – М. : Вече, 1999. – 806 с.
10. Бабосов Е. М. Современный социум: характер и направленность развития / Е.М. Бабосов, Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2013. – 728 с.
11. Бро Ф. Политическая наука. Политология вчера и сегодня / Ф. Бро. – М. : МНЭПУ, 1999. – 268 с.

12. Бурлацкий Ф.М. От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследования и новые задачи / Ф. М. Бурлацкий // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 5. – С. 15–27.
13. Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями: Учебное пособие для вузов / С.В. Володенков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 312 с.
14. Гребенник Г.П. Миф и политика: сборник статей и выступлений / Г.П. Гребенник. – Одесса : Феникс, 2011. – 208 с.
15. Образовательная и кадровая политика как факторы формирования элиты (отечественный и зарубежный опыт). Монография. Кол.авторов. – Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2007. – 211 с.
16. Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.С. Ахиезер. [Под редакцией В.В. Ильина.] – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.
17. Николко В.Н. Новационная природа творчества (синергетический аспект): автореф дис... докт. филос. наук: спец. 09.00.01 – диалект. и истор. материализм / В.Н. Николко. – Свердловск, 1991. – 44 с.
18. Психология профессиональной деятельности кадров государственной службы / Под ред. А.А. Деркача, В.Г. Зазыкина. – М. : Изд-во РАГС, 1996. – 321 с.
19. Соловьев А.И. Теоретические приоритеты российской политической науки в преподавании / А.И. Соловьев // Полис. – 2001. – № 5. – С. 128–133.

Veysova V.E., Kuzmin P.V. Professional Culture of the Political Scientist: the Content and Requirements of Contemporary Social Practice // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 196–207.

This paper attempts to investigate the professional culture of the political scientist. The authors have concluded that the professional culture of the analyst, as a socio-cultural value, expresses the qualitative characteristics of employee development as a professional and as a citizen of his country, and that the level of training allows the assurance of the effective execution of functional duties. In its structure the authors outline the moral side, which characterizes the degree of moral preparation for the implementation of professional responsibility, and the active-behavioral side, which reflects the level of development of professional abilities and skills and their application in the process of performance. Revealing the content of the structural components of the professional culture, attention on the current requirements of the Russian practices for the individual analyst is accentuated, and the relevance of organic harmony in its modern professionalism and the development of social skills is highlighted.

Keywords: culture, professional activity, professional culture of the political scientist.

УДК 32.019.51

КОММУНИКАТИВНАЯ СУЩНОСТЬ «НОВЫХ МЕДИА» И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Марецкая Н.А.

Определены теоретические основания «новых медиа». Рассмотрена роль лидера мнений в процессе формирования общественного мнения по какому-либо социально-политическому вопросу. Автор проанализировал возможность «новых медиа» оказывать влияние на политические процессы.

Ключевые слова: «новые медиа», блогосфера, лидер мнений, политические процессы.

Современные информационные технологии существенно трансформировали процесс коммуникации и получения информации. Блоги и социальные сети становятся основным источником информации и постепенно вытесняют «традиционные медиа», а именно: телевидение, радио и печатную прессу. Именно «новые медиа» выполняют на сегодняшний день две основные функции: предоставляют возможность обратной связи и участвуют в формировании общественного мнения по значимым социально-политическим вопросам. Немаловажной является роль блогосферы и в избирательном процессе, поскольку она дает возможность отследить реакцию избирателей на организацию и ход голосования, его результаты, возможные нарушения и т.д.

Вопросы, связанные с новыми средствами коммуникации и их возможностью оказывать влияние на политические процессы, рассматривались в трудах К.С. Гаджиева, Г.Г. Почепцова, Ю.В. Тарановой, В. Кросби, Р. Ньюмана, В.В. Буряка и других.

Целью исследования является анализ коммуникативной сущности «новых медиа» и их возможности оказывать влияние на политические процессы. **Объектом** исследования являются «новые медиа»: форумы, блоги, социальные сети. **Предметом** исследования выступает роль «новых медиа» в политических процессах.

Для достижения поставленной цели, необходимо выполнение ряда задач:

- определить теоретические основы «новых медиа»;
- рассмотреть роль лидера мнений в процессе формирования общественного мнения по какому-либо социально-политическому вопросу;
- проанализировать роль «новых медиа» в политических процессах.

В конце XX века с развитием информационных технологий появились новые средства коммуникации, которые предоставили возможность гораздо быстрее передавать и получать необходимую информацию. Появление Интернета в 1970 г. произвело революцию в массовой коммуникации. М. Кастельс подчеркивает, что «Интернет – это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [7, с. 15]. Данные средства получили название «новых медиа». К ним относятся: блоги, форумы, интернет-издания, которые имеют электронную версию, социальные сети. Следует отметить, что основной характеристикой данного вида медиа является их неотделимость от понятия Интернет. По мнению Вина Кросби интерактивность является ключевым моментом для «новых медиа» [см. 8]. Он подчёркивает, что обмен идеями и изображения имеет первостепенное значение при рассмотрении вопроса о возможностях «новых медиа». Вик Кросби выделяет 3 типа медиа [см. 8]:

Межличностные медиа «один одному» или «one-to-one» (Interpersonal media).

Масс-медиа это «один многим» или «one-to-many» (Mass media).

Новые медиа «многие многим» или «many-to-many» (New media).

Рассел Ньюман отмечает, что Интернет имеет большее влияние, чем телевидение или газеты, так как в большей степени мобилизует маргинальных жителей, в отличие от тех, людей, которые интересуются политикой [9, с. 25]. Интернет создаёт спираль селективного внимания, суть которой заключается в том, что интернет-пользователь выбирает источники, которые укрепляют его убеждения и игнорирует аргументы, которые противоречат его точке зрения [9, с. 34].

С возникновением «новых медиа» у исследователей появилась надежда преодоления такого недостатка «традиционных медиа», как навязывание информации. Однако, ряд исследователей, в частности А.И. Черных констатируют что этот недостаток не был устранен.

Появление Интернет-технологии Web 2.0 предоставила возможность получения обратной связи с аудиторией, где пользователи из разных регионов могут оставить комментарий на полученное сообщение или задать вопрос. По мнению Ю.В. Тарановой данная технология нивелирует разницу между источником и получателем сообщения [8, с. 311].

«Новые медиа» являются порождением неолиберальной концепции. Согласно данной концепции глобализация является дискурсом управления. В классической же либеральной теории СМИ должны создавать публичную сферу для дискуссий. Свободные СМИ должны охранять общественную свободу от посягательств на неё со стороны государства [11, с. 95]. Как отмечает А.И. Черных, происходит медиатизация политики и медиа становятся основным политическим ресурсом в борьбе за власть [11, с. 100].

Отличие в идеологическом плане «новых медиа» от традиционных СМИ является то, что печатные издания в относительно-пропорциональном соотношении (в соответствии с предпочтениями пользователей) артикулируют идеологические предпочтения и интересы различных групп населения (представляют /отражают весь спектр политических идеологий). В отличие от печатных СМИ, электронные

медиа в доминирующем большинстве представляют узкий спектр популярных идеологий (зачастую бинарный или состоящий из тройки идеологических концепций, которые являются мейнстримом). «Новые медиа» в отличие от традиционных – не институционализированны, а соответственно из-за сетевой структуры менее устойчивы.

На сегодняшний день, основной характеристикой «новых медиа» является их приверженность идеям демократии и либерализма. Этому есть несколько оснований: во-первых, концепция неоллиберализма является прародителем «новых медиа». Во-вторых, это тренд на принадлежность к «креативному классу» (система статусов и богатства), а именно: наиболее активными пользователями блогосферы, публикующие большое количество постов, оставляющие комментарии, которых читают другие пользователи (тем самым формируют свою популярность, становятся лидерами мнений, нетократами) – чаще всего являются представители среднего класса. Сегодня именно средний класс артикулирует и неразрывно связан с идеями либерализма и демократии. Зачастую блогеры выражают мнение одного сегмента, группы, а, следовательно, и одной идеологической либерально-демократической концепции. Безусловно, и другие социальные группы хоть и более слабо, но все же тоже заявляют о себе и своих идеологических предпочтениях.

Если раньше ведение блога рассматривалось как хобби, желание поделиться своими мыслями, то сейчас блогер – это профессия. Теперь не блогер ссылаются на различные новостные агентства, а наоборот. Он постепенно становится источником информации. В любом случае не стоит забывать, что это субъективное (авторское) мнение отдельного индивида по какому-либо вопросу.

По мнению А.И. Черных, преимуществом блогосферы по сравнению с «традиционными медиа» является «наличие постоянной обратной связи с читателями, которая работает и как катализатор их включения в политический процесс. Читатели – бесценный источник информации, и в их активности – залог успеха блогов» [11, с. 67].

Блогосфера – это хороший инструмент по формированию общественного мнения в период избирательного процесса. Количество подписчиков, которые читают блог конкретного пользователя, свидетельствуют о том, является ли он лидером мнений. Те блогеры, которые становятся лидерами мнений, могут оказывать непосредственное влияние на ход избирательного процесса, например, лидер мнений может призвать, читающую его аудиторию, бойкотировать выборы или референдум, прийти на избирательный участок и испортить бюллетень или проголосовать за кандидата, который, по мнению блогера, является единственным достойным из всех предложенных.

В своей работе «Информационные войны» Г.Г. Почепцов также отмечает, что средства массовой коммуникации опосредованной воздействуют людей, а именно: посредством лидеров мнений. Он дает следующее определение лидерам мнений – «это неформальные, неофициальные авторитеты по самым различным вопросам» [12, с. 93]. Воздействие на адресную группу посредством лидера мнений относится к двухступенчатой модели воздействия. Э. Роджерс, что посредством лидера мнений происходит передача влияния, а не информации. Согласно результатам

проведенного исследования Roper было определено, что лидерами мнений являются 10-12 % населения [12, с. 94].

К характеристике лидеров мнений относится тот факт, что они используют большее количество источников информации, чем рядовой обыватель. Блогер, ставший лидером мнений включается в процесс формирования политической повести дня и может убедить читающих его интернет-пользователей в важности обозначенной проблемы. Но это не говорит о том, что сформулированная повестка дня отражает реально происходящие события. Блогосфера как и традиционные средства массовой информации «не отражают объективную реальность, а констатируют собственную медиареальность, которая существенно влияет на общественное мнение» [11, с. 173].

Буряк В. В. в своем исследовании «Глобальное гражданское общество и сетевые революции» подчеркивает, что «информационные сети – это отнюдь не “территория свободы”, а “власть предрержащие” в онлайн мало чем отличаются от “власти” в оффлайне» [13, с. 10]. Помимо этого, исследователи Н. Кристакис и Дж. Флаулер доказали, что сетевая деятельность продуктивна и превосходит суммарный эффект обычной коммуникации в свете того, что сеть как единое целое интегрирует усилия участников коммуникацию. Соответственно, блогосфера имеет ряд преимуществ по сравнению с обычной коммуникацией [13, с. 76]. Однако, не стоит забывать, что блогосфера по своей сути метафорична и это свидетельствует о том, что существует множество измерений информационного пространства.

А.И. Черных акцентирует внимание на двойственности Интернета как феномена политики: «С одной стороны, в нем присутствует максимум демократии: любой пользователь может взять слово, выразить свое мнение и вообще высказать все, что хочет. Поскольку в условиях медиадемократии повестка дня оказывается всецело результатом сетевого взаимодействия политиков и журналистов, то именно Интернет (блоги, Живой журнал, твиттер) может оказаться единственным более или менее реальным “зеркалом” интересов и проблем, волнующих население. Президент, общающийся со своим народом через твиттер, это не президент страны, а президент юзеров. На этом пути политика утрачивает две своих важнейших функции – балансирования общественных интересов и мобилизации масс, что ведет, в конечном счете, к ее исчезновению, поскольку сводит на нет реальные связи, обеспечивающие создание и существование общего мира» [11, с. 6].

Все эти тенденции позволяют говорить о возникновении «поколения С» - «поколения коммуникации» (generation communication). По мнению исследователей, данное поколение характеризуется способностью быть всегда на связи и является предпосылкой построения глобального гражданского общества [13, с. 86-87].

Блогосферу широко используют не только простые обыватели, но и журналисты, политики и общественные деятели в качестве канала для популяризации политической информации и слухов. Из-за того, что блогеры часто публикуют различные слухи, остро встает вопрос о достоверности информации. По мнению М. Кастельса, использование Интернета ведет к углублению кризиса политической легитимности, вместо того, чтобы способствовать укреплению

демократии. Однако, по его мнению, виноват в этом не Интернет, а политика, которой следует общество [7, с. 186].

Кроме этого, следует отметить, что «новые медиа» становятся площадкой для информационных войн, в связи с этим чрезмерное внимание уделяется проблеме защиты информационных сетей. Сравнивая Интернет и толпу, Г.Г. Почепцов приходит к выводу о том, что оба феномена обладают близкими свойствами – являясь неуправляемой структурой.

Выводы. В эпоху глобализации полным ходом идет процесс медиатизации политической сферы. А медиаглобализация, в свою очередь, ведет к размыванию границ между различными медиа и изменению состава и характера их аудитории. Интернет сети постоянно расширяются, в связи с чем, их коммуникационный эффект возрастает.

Следует отметить, что новые средства массовой коммуникации опосредованной воздействуют на людей при помощи лидеров мнений. Блогеры становятся выразителями интересов и политических требований определенных социальных групп. Помимо этого, они могут актуализировать разные социально-политические проблемы, решение которых должно быть, по их мнению, незамедлительно. Более того, посредством социальных сетей координируются действия политических движений во многих странах мира. «Электронные» лидеры мнений могут мобилизовать массы для проведения митинга, бойкота, а также призвать электорат поддержать того или иного кандидата на выборах.

Помимо положительных способностей лидера мнений, мы можем констатировать и отрицательные, в частности, что он может манипулировать общественным мнением и способствовать формированию ложных убеждений у интернет-пользователей.

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что блогосфера – это глобальный медиа-инструмент, который может воздействовать как на социальную, так и политическую сферу человеческой жизнедеятельности: поскольку блогеры становятся источником информации и может давать субъективную оценку происходящим событиям, а это, в свою очередь, может оказывать влияние на политические процессы.

Список литературы

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе [Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова] / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
2. Crosbie Vin What is New Media? [Электронный ресурс] / Vin Crosbie – Режим доступа: <http://www.sociology.org.uk/as4mm3a.doc>.
3. Neuman W. Russell. The Internet and four dimensions of citizenship / W. Russell Neuman, Bruce Bimber, Matthew Hindman // New York University Press – 2011. – P. 22-42.
4. Таранова Ю.В. Традиционные и новые медиа в региональном имиджмейкинге в информационном сетевом обществе / Ю.В. Таранова // Известия Алтайского государственного университета, выпуск №4/1 Политология. – 2010. – С. 309-312.
5. Черных А.И. Медиа и демократия / А.И. Черных. – М.; Спб. : Университетская книга, 2011. – 272 с.

6. Почепцов Г.Г. Информационные войны / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2000. — 280 с.
7. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции / В.В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 152 с.
8. Гнатюк О.Л. Основные теории коммуникации: учебное пособие / О.Л. Гнатюк. – М. : КНОРУС, 2010. – 256 с.
9. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий / К.С. Гаджиев. – М. : Андалус, 2007. – 128 с.

Maretskaya N.A. The Communicative Nature of New Media and their Role in the Political Process // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 208–213.

We consider the possibility of the New Media to influence on the political processes.

Theoretical foundations of the New Media are examined in the article. The author investigates the role of opinion leaders in the shaping of public opinion on any socio-political issue.

Modern information technology has transformed the process of communication and information. Blogs and social networks have become a major source of information and are gradually replacing the “traditional media”. Today New Media perform two main functions: to provide opportunity for feedback and participate in shaping public opinion on important social and political issues. The process of «mediatization» of the political sphere in the era of globalization is in full swing. Internet networks are constantly expanding and in this connection their communication effect increases. The main characteristic of New Media is their commitment to the ideas of democracy and liberalism.

The bloggers are becoming spokesmen for the interests and political demands of certain social groups. In addition, they can update the different socio-political problems which solution should be found immediately. Opinion leaders can mobilize the masses for the rally, boycott, and urge voters to support one or another candidate in elections. However, the opinion leader can manipulate the public opinion and contribute to the formation of false beliefs among Internet users.

Keywords: New Media, the blogosphere, opinion leaders, political processes.

УДК [323.26:323.27](477)

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Ломко И.Г.

Рассмотрены внутренние и внешние предпосылки протестных движений в современной Украине. Определены их общие и отличительные черты. Отмечена дестабилизирующая роль протестных движений в развитии гражданского общества и государства.

Ключевые слова: *протестное движение, политический протест, маргинализация и радикализация общества, олигархизация политической власти, характер политической мобилизации, несанкционированные методы протеста.*

Украина, согласно Конституции, является правовым, социальным и демократическим государством. Государство с такими характеристиками не может существовать без развитого гражданского общества. Формирование гражданского общества в Украине является актуальным вопросом даже спустя более 20 лет со дня обретения государственной независимости. Поэтому протест как выражение недовольства, несогласия и сопротивления сложившемуся общественному и политическому порядку со стороны социальных групп, политических сообществ и организаций, является своего рода индикатором развитости самого гражданского общества и средством его влияния на государство. Опыт Украины, последнее десятилетие которого ознаменовалось двумя крупными протестными движениями с последующей сменой власти, представляется актуальным для его изучения в Российской Федерации, учитывая тенденцию «экспорта революций».

Теория протеста и гражданского неповиновения рассматривается многими исследователями. Блумер Г., Волков Д., Исакова Т., Каннети Э., Ольшанский Д., Ортега-и-Гассет Х., Тард Г. изучали социально-психологические аспекты протестных движений. В трудах Апресяна Р., Деметрадзе М., Капустина Б. и Мизулина М. рассмотрены политико-правовые аспекты института гражданского неповиновения. В работах Горьковенко В., Диани М., Китшелт Х., Костюшева В. и Сафронова В. социальный и политический протест рассмотрен как цель, дискурс и потенциал. Бикбов А., Нестеров В. и Яковлев М. изучали методы исследования политического активизма, а также формы влияния интернет-технологий на политические процессы. Анализ политических протестов в иностранных государствах осуществили А. Беблер и А. Оболонский.

Проблематика мобилизации групп и ресурсов, включая мобилизационные технологии и технологии протеста, встречается в работах Гемсона В., Долгова С., Задорина И., Ильичёва Ю., Мельника Г., Обершалла А., Поулсена Ч., Савченко И., Талалай Д., Терроу С., Хоффера Е., Школьника С., Яницкого О. и других авторов.

Становление современных движений протеста в Украине, ненасильственные действия в рамках протеста, а также гражданское неповиновение как явление в современной политической культуре общества изучают Высоцкий О., Галактионова И., Громыко В., Оверчук О., Полухина А. и другие.

Разработанность теории протеста, однако, сопряжена с фактическим отсутствием сравнительного анализа протестного движения 2004 года («Оранжевая революция»), «Евромайдана» (2013-2014) и движения Юго-Востока Украины 2014 года.

Поскольку гражданский (политический) протест способен выполнять как конструктивную, так и деструктивную (дестабилизирующую) роль в развитии общества и государства, целью данной статьи является определение внутренних и внешних предпосылок возникновения протестных акций, особенностей становления и развития протестных движений. Знание последнего позволит участникам протестов повысить свою политическую культуру, а политической элите – не совершать ошибок, допущенных в ходе упомянутых акций и, хотя бы, отчасти, контролировать политический протест.

К внутренним предпосылкам, по нашему мнению, следует отнести маргинализацию и радикализацию украинского общества.

Маргинализация – это процесс распада устоявшихся социальных институтов, приводящих индивидов и социальные группы к разрушению традиционных связей, потере нравственных, экономических, правовых, семейных и иных норм и ценностей. В условиях трансформационных процессов, происходящих в постсоветском пространстве, можно выделить экономические, политические и социальные факторы маргинализации украинского социума. По данным Института социологии национальной академии наук Украины за 2013 год 48% респондентов не принимают в качестве своей ту систему ценностей, которая сложилась за годы независимости Украины (частную собственность, стремление к обогащению, к успеху, индивидуализм и т.д.). 26% её приняли и столько же затруднились дать ответ. Вместе с тем, 76,80% респондентов считают, что в современной Украине ценности, которые ранее пропагандировались в СССР (социальное равенство, коллективизм, взаимопомощь, поддержка государства и т.д.) не действуют, и только 9, 30% считают эти ценности актуальными [7, с. 530].

В такой ситуации маргинальные группы устанавливают собственную систему норм и ценностей, которой присущи нетерпимость по отношению к социальным и государственным институтам, крайние формы проявления девиантного поведения, деструкция и эгоизм, этнический релятивизм и правовой нигилизм. По данным института социологии НАНУ, опубликованным в декабре 2013 года, уровень доверия граждан Украины к органам государственной власти снизился до уровня 10-15 летней давности. Так, президенту Украины В. Януковичу доверяли 11% опрошенных, Верховной Раде Украины – 5%, Кабинету Министров Украины – 8%,

а местным органам власти – 14% [7, с. 481–482]. Согласно опросу, проведённому Центром социологических и маркетинговых исследований «Социс» того же периода, наибольшим уровнем доверия у населения Украины пользовались церковь – 64,3% и СМИ – 58,4%.

Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность интенсивно раскручивают процесс маргинализации населения Украины. Неудовлетворительным считают своё положение в обществе 50,5% участников мониторинга, удовлетворительным – 18,2%. Материальное положение своей семьи как нищенское и бедное оценили 50,30% респондентов и лишь 0,8% – как обеспеченное и богатое. 11% считают, что в Украине не так всё плохо, 33,4% – что терпеть такое бедственное положение невозможно [7, с. 503]. В целом, Украине не удалось стать демократической страной, считают 97,4% опрошенных граждан, правовой – 98,3%, социальным государством – 98,2%, а обществу не удалось стать справедливым – 99,5% [7, с. 531 – 532].

Маргинализация населения Украины привела к радикализации электората, что способствовало избранию в Верховную Раду Украины в 2012 году Всеукраинского объединения «Свобода» с результатом 10,44% голосов избирателей (на 3% голосов меньше, чем у Коммунистической партии Украины и на 4% , чем у партии «УДАР» В. Кличко). По данным Института социологии НАНУ, сторонников национально-демократической и националистической идеологии в государстве около 14% населения [7, с. 451]. Однако итоги парламентских выборов 2012 года позволяют сделать вывод о росте этих настроений. Совместно с ВО «Батьківщина» националистические объединения заняли треть мест в Верховной Раде Украины.

Летом 2013 года 58% респондентов оценили политическую ситуацию в Украине как напряжённую, а 19% как критическую [7, с. 432]. В период «Евромайдана» конца 2013 – начала 2014 года националистические объединения стали непосредственными организаторами протестного движения, а маргиналы (как «индивиды, находящиеся в пограничном состоянии между различными социальными группами, культурными традициями и разрываемые их противоположным влиянием» [2, с. 412]) – его движущей силой. К украинским маргиналам относятся не только представители «социального дна», ими могут быть безработные, пенсионеры, инвалиды, представители интеллигенции, работники бюджетной сферы, беженцы, мигранты. Те, кто в силу сложившихся экономических обстоятельств вынуждены менять свой социальный и профессиональный статус, кто стремится приспособиться к новым условиям, найти себе работу, люди, не востребованные на рынке труда.

Не менее важной внутренней предпосылкой, которая обусловила протестное движение в Украине, является деградация политической элиты и олигархизация политической власти в государстве. Граждане Украины (45%) не видят среди существующих в Украине партий и движений таких, которым можно доверить государственную власть, а 48,7% считают, что в стране нет политических лидеров, которые могут эффективно ею управлять (в 2010 году так считало 30,3%) [7, с. 454]. Эти данные корреспондируются с результатами опроса, проведённого Центром Разумкова по заказу Фонда «Демократические инициативы». Почти половина

населения Украины (49%) считает, что стране нужны новые политические лидеры. Значительная часть граждан разочарована поведением политических лидеров, смена которых произошла в 2005 году после «Оранжевой революции». Коррупция никуда не делась, власть не отмежевалась от бизнеса, процветают клановость, землячество и nepотизм. Большинство граждан Украины считают, что для выхода из политического кризиса нужны новые политические лидеры, которым присущи такие моральные качества как честность (50%), некоррупционность (48%), способность по-настоящему защищать интересы простых людей (48%) [7, с. 438 – 439].

За годы независимости происходила постепенная деградация политической элиты Украины (собственно, «элиту» ни в коей мере нельзя полагать таковой в ценностном аспекте). Политическая элита «не вызрела», находится в стадии самоутверждения, не только не способна разрешать политические конфликты, но и сама их продуцирует, углубляя противоречия в обществе. Протестное движение «Евромайдана» закономерно перешло в «Антимайдан» и гражданскую войну на Юго-Востоке Украины.

Протестные движения в Украине вызваны также олигархизацией власти, которая предопределяет невозможность политического представительства интересов каких-либо иных социальных слоёв, помимо крупного капитала. Олигархизация политики – одна из проблем партийной деятельности в Украине, которая отражается на развитии гражданского общества. Украинский опыт партийного строительства свидетельствует о том, что партии не всегда и не обязательно являются продуктом гражданского общества. Они могут создаваться «сверху» определёнными теневыми структурами и руководствуются интересами своих патронов, олигархов и их клиентов, а не общественными интересами. Согласно подсчётам всеукраинского делового еженедельника «Власть денег», около 100 парламентариев Верховной Рады VII созыва – протее крупнейших финансово-промышленных групп (ФПГ) Украины. Безусловными лидерами по количеству курируемых депутатов являются Р. Ахметов (ФПГ «СКМ») и Д. Фирташ (ФПГ «Group DF») [6, с. 133-134].

Парламентские партии осуществляют своё влияние, принимая участие в работе государственного аппарата и используя властные ресурсы. Внепарламентские и оппозиционные партии при артикуляции интересов граждан используют институт гражданского неповиновения и ряд его протестных форм. Известно, что олигарх И. Коломойский (ФПГ «ПРИВАТ») финансировал Всеукраинское объединение «СВОБОДА» на выборах в Верховную Раду Украины 2012 года, а в период «Евромайдана» – «Правый сектор» Д. Яроша. Позже И. Коломойский был назначен губернатором Днепропетровской области, а ещё один олигарх С. Тарута – губернатором Донецкой области.

Помимо внутренних предпосылок, детерминирующих протестное движение в Украине, есть и внешние предпосылки. К ним относится, прежде всего, вмешательство иностранных государств во внутреннюю и внешнюю политику Украины. Протестное движение 2004 года – это результат экспорта Соединёнными Штатами Америки так называемых «цветных революций». Протестное движение

2014 года – это следствие политики США по выводу своего государства из кризиса. Желание сдержать рост экономического развития и политического влияния Российской Федерации, с одной стороны, через отчуждение Европейского Союза от России, а с другой, посредством приближения войск НАТО к границе России (либо вступление Украины в эту организацию, либо размещение баз НАТО на её территории). В любом случае, Украина представляется «разменной монетой» в геополитической игре США.

«Евромайдан» был срежиссирован Госдепартаментом США через подконтрольные ему неправительственные организации (НПО) и частные фонды. «На сайте Института Рона Пола за мир и процветание (США) опубликовано исследование американского политолога С. Уайсмана. По его убеждению, планирование событий на Украине велось давно. Была создана группа из нескольких десятков украинских оппозиционных организаций, которые получали средства от Фонда Сороса и организации Pact Inc., работающей на Агентство международного развития США. Акции протестов на Украине проводились с использованием технологий американских специалистов по пропаганде и массовым коммуникациям. Основными координаторами Государственного департамента США по организации переворота в Киеве в публикации называется заместитель Государственного секретаря по делам Европы и Евразии В. Нуланд и посол США в Киеве Дж. Пайетт» [3, с. 29]. Так, В. Нуланд побывала на Майдане 6,7,11 декабря 2013 года, 6-8 февраля, 3-5 марта 2014 года и участвовала в формировании состава нынешнего правительства Украины во главе с А. Яценюком. «В августе 2013 года Дж. Пайетт выделил гранты около 50 тыс. долл. для поддержки создававшегося оппозиционного украинского интернет-телеканала «Громадське телебачення», около 30 тыс. долл. по протекции Дж. Пайетта этому ТВ должен был выделить Фонд Сороса и около 95 тыс. долл. – посольство Нидерландов в Киеве» [3, с. 30]. Телеканал приступил к вещанию спустя сутки после того, как президент Украины В. Янукович 21 ноября 2013 года приостановил подписание соглашения об ассоциации с Европейским Союзом до завершения анализа его экономических последствий.

ЕС фактически отказался от выполнения роли гаранта исполнения соглашения между президентом Украины В. Януковичем и лидерами украинской оппозиции, заключённого 21 февраля 2014 года при посредничестве министров иностранных дел Германии, Польши и Франции. Этим ЕС, как ранее и США, поддержал и признал нелегитимный приход к власти в Киеве оппозиции и прямо способствовал нарушению конституционного порядка на Украине.

Отмеченные внутренние и внешние обстоятельства повлияли не только на возникновение протестных движений, но и определили их специфику.

В истории современной Украины произошло три крупных протестных движения: 2004 год – «Оранжевая Революция», с ноября 2013 по февраль 2014 года – «Евромайдан», начиная с апреля 2014 года и по сегодняшний день – протесты на Юго-Востоке Украины, перешедшие в стадию гражданской войны. Впервые протестные движения из центра переместились на периферию.

Общим для первых двух движений является то, что протест воспринимался как технология смены политической власти в стране. Протестные движения «привязаны» к электоральным периодам (президентские выборы); начинаясь как гражданский протест, они неизменно перерастают в политический протест. Целью нынешних протестов на Юго-Востоке является не смена власти, а изменение формы государственного устройства. Согласно опросу жителей этой части Украины, проведённому Международным институтом социологии (Киев) 8-16 апреля 2014 года, «государственное устройство Украины должно быть унитарным, но с децентрализацией власти и расширением прав областей (45,2%), федеративным (24,8%), унитарным (19,1%)» [см. 4]. Наибольшее количество сторонников децентрализации в Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областях; федерализации – в Луганской, Донецкой и Харьковской областях; унитарного государства в Одесской области.

Побудительные причины выхода на «Майдан – 2004» явилась фальсификация президентских выборов, в результате чего состоялся третий (нелегальный) тур президентских выборов с победой В. Ющенко и формирование оппозиционного правительства во главе с Ю. Тимошенко. Поводом «Евромайдана – 2014» послужила приостановка процесса ассоциации Украины с ЕС, в результате – побег действующего президента В. Януковича, досрочные (нелегальные) выборы нового президента П. Порошенко и формирование правительства оппозиционными силами. Отсюда – общая черта: протестные движения в Украине сопряжены с нарушением закона. Поводом протеста на юго-востоке стало нарушение прав русскоязычного населения Украины, а результатом – начало гражданской войны, но, по факту, – это ответная реакция населения юго-востока на насильственный захват власти в Киеве со стороны украинских национал-радикалов. Данные соцопроса свидетельствуют, что более всего у населения юго-востока Украины вызывают тревогу: разгул бандитизма в стране (43,1%), крах украинской экономики (39,2%), угроза гражданской войны (31,7%), невыплата пенсий и зарплат (24,6%), разрыв экономических связей с Россией (19,7%) и рост радикализма и национализма (19,1%) [см. 4]. Как показало дальнейшее развитие событий, все эти тревоги оказались вполне оправданными.

Ещё одной особенностью является то, что в 2004 году смена власти произошла относительно мирным (бескровным) путём, а в 2014 году – путём вооружённого государственного переворота. Впервые были апробированы несанкционированные протестные методы:

захват государственных и административных учреждений (Киевской городской государственной администрации и Дома профсоюзов, зданий областных государственных администраций, помещений Министерства энергетики и угольной промышленности, Министерства юстиции, Минздрава Украины, Центрального дома офицеров, захвачены здания консерватории (там обустроен штаб «еврореволюции», Национального совета по телевидению и радиовещанию Украины и столичного Главпочтамта, гостиницы «Украина»);

блокирование воинских частей, силовое противостояние с органами правопорядка (захват органов МВД, Службы безопасности Украины (СБУ) с целью

завладения оружием), а также создание независимых вооружённых формирований и частных армий. Наибольшую известность приобрёл «Правый сектор», состоящий из активистов ряда праворадикальных групп: движения «Тризуб им. Степана Бандеры», Социально-национальной ассамблеи/«Патриот Украины» (СНА/ПУ), партии «Украинская национальная ассамблея» (УНА), группы «Белый молот», а также представителей футбольных болельщиков. Под этим «брэндом» происходила дальнейшая мобилизация национал-радикальных активистов для участия в мятеже «Евромайдана», включая силовое противостояние с органами правопорядка;

преследование официальных лиц и инакомыслящих (жестоко был избит депутат Верховной Рады Украины от Партии регионов Д. Святаш, в Луцке был публично подвергнут пыткам губернатор Волынской областной госадминистрации А. Башкаленко. сторонниками «Евромайдана» был схвачен и подвергнут самосуду первый секретарь Львовского горкома КПУ Р. Василько, в Интернете появилось видео, на котором координатор «Правого сектора» на Западной Украине А. Музычко публично избивает и унижает сотрудника прокуратуры г. Ровно А. Таргоня на его рабочем месте);

устранение знаков собственности (на Львовщине был подожжен дом депутата Партии регионов А. Герман, захвачено здание штаб-квартиры Партии регионов в Киеве, центральный офис и редакция партийной газеты КПУ в Киеве, загородная резиденция президента Украины В. Януковича «Межигорье»);

двойной суверенитет и создание параллельного правительства на «Евромайдане» (создание отрядов народной самообороны вместо органов внутренних дел и в регионах, так называемых народных рад, вместо местных органов власти).

Также были применены новые для Украины методы ненасильственного протеста: ношение неонацистских символов, автоколонны «автомайдана», символические и демонстративные похороны («небесная сотня»), отказ покупать русские товары, отказ признать представителей власти, отказ от политического и судебного сотрудничества, альтернативные социальные институты и системы коммуникаций. Законы от 16 января 2014 года (запрет движения в колоннах более 5 машин без разрешения милиции, запрет установки во время проведения митингов палаток, сцены или настройки звука без разрешения милиции, запрет участия в митинге в каске, маске, шлеме, запрет призывов к погрому, захвату зданий и блокирования доступа к жилью, а также запрет блокирования органов государственной власти, публичного отрицания или оправдания преступлений фашизма) были объявлены «несправедливыми» и не подлежащими исполнению.

Ещё одной особенностью является движущая сила протеста. В 2004 году – это оппозиционные политические партии при поддержке украинских олигархов и зарубежного влияния, в 2014 году – это молодёжь, школьники и студенты, которые первоначально отмежевались от политических партий, отказались от любой партийной символики и находились на «Майдане». Оппозиционным политическим партиям пришлось митинговать на «Европейской площади» города Киева и только после «зачистки» Майдана правоохранительными органами (в ночь на 30 ноября 2013 г) партиям удалось занять «Майдан Незалежності». Лицо «Евромайдана»

изменилось: «наибольшую долю среди участников Майдана составили работники со специальным образованием – 39,5%, студенты – 13,2%, неработающие пенсионеры – 9,4%, предприниматели – 9,3%. 49,8% опрошенных участников Евромайдана проживают в Киеве, 50,2% являлись жителями других регионов (из Западной Украины 90%), среди которых 91,9% приехали сами, а прибытие 8,3% было организовано партиями или общественными движениями. Социально-демографический портрет протестующих демонстрирует определенное преимущество представительства украиноязычных – 54,6% и мужчин – 57,2%. Активное участие в митингах принимали люди от 30-54 лет – 49% и молодежь от 15-29 лет (38%). 62,7% опрошенных имеют высшее образование» [см. 5]. Движущей силой стали гражданские организации и объединения, созданные при финансировании США, поддержке Евросоюза и украинских олигархов («Автомайдан», «Спільна справа», «Правий сектор» и прочих).

Евромайдан и протесты на юго-востоке Украины исполнили роль социального лифта, чего не наблюдалось в 2004 году: активисты Евромайдана получили министерские должности в действующем правительстве А. Яценюка (министр культуры, министр молодёжи и спорта, министр образования и науки Украины), а лидер «Правого сектора» Д. Ярош баллотировался на досрочных президентских выборах. В Донецкой и Луганской Народных Республиках из активистов было сформировано правительство, появились «народные губернаторы».

Протестное движение 2004 года – диффузная модель возникновения протеста. «Оранжевая революция» – результат влияния «цветных» революций в Восточной Европе и других странах. Ключевой момент – борьба за честные выборы в форме ненасильственного протеста против нарушения (фальсификации) электоральных процедур. Протестное движение Юго-Востока и «Евромайдан» 2014 года напоминает «мотивационную» модель. Ключевой момент – индивидуальная мотивация на участие в протестном движении. «Так, выйти граждан на «Евромайдан» побудило жестокое избиение протестующих 30.11.13 года – 69,6%, отказ В. Януковича от ассоциации с ЕС – 53,5%, стремление изменить жизнь в Украине – 49,9%, стремление изменить власть – 39,1%» [см. 5]. Мотивацией населения юго-востока было стремление сохранить своё «Я»: язык, культуру, традиции, ценности, историческую память, предотвратить насильственную украинизацию населения региона.

Однако характер политической мобилизации в Киеве и Донбассе отличается. Если в 2004 году в Украине мобилизацией граждан для участия в акциях протеста занимались политические партии (оппозиционные и правящие), то в 2013-14 годах наблюдается, в основном, самоорганизация граждан посредством использования интернет-ресурсов. Рост альтернативных форм выражения гражданами своей политической и гражданской позиции по широкому спектру вопросов на фоне ослабления традиционных форм политического участия является мировой тенденцией. «Именно интернет обеспечивает современные социальные движения возможностями активной мобилизации, преобразуя любую организацию на сплочённый коллектив единомышленников, усиливая и интегрируя их коллективную идентичность» [8, с. 77]. Социальные сети «Facebook», «Twitter», «В

Контакте» и другие, являясь одним из основных источников формирования и организации протестных акций, представляют собой явление, удовлетворяющее социально-психологическим потребностям любого человека – потребности в общении, в стимуляции, в событиях, в познании, в достижениях и признании, в структурировании времени. Такой тип политической мобилизации О. Безрук назвал конструктивным. На Юго-Востоке же мобилизация участников протеста была «вынужденной, стихийной – диктуется критической ситуацией, техногенной или экологической катастрофой, угрозой существования общества извне» [1, с. 54]. Для Донбасса такой угрозой стали события в Одессе 2 мая 2014 года и антитеррористическая операция (АТО) вооружённых сил Украины в Донецкой и Луганской областях.

Уровень организованности и готовности отстаивать коллективные интересы зависит от сохранения групповой солидарности. Групповая солидарность участников «Евромайдана» строилась по национальному признаку, а экстремизм и радикализм некоторых из участников способствовал негативному характеру политической мобилизации. На Юго-Востоке, напротив, политическая мобилизация имела позитивный характер, групповая солидарность участников строилась по региональному признаку. «На вопрос: Какие шаги Вы ожидаете от центральной власти для сохранения единства страны? Жители юго-востока вначале апреля 2014 года ответили: разоружение и роспуск незаконных радикальных формирований (37,8%), восстановление экономического и политического диалога с РФ (23%), обозначение чёткой перспективы экономики Юго-Востока, поддержка предприятий региона (22,4%), отмежевание от националистической и радикальной риторики (16,3%)» [см. 4].

Общество Украины – общество сегментированного типа, где связи (за исключением официальных связей) между руководящим составом и рядовыми гражданами практически отсутствуют. В подобных условиях отлична и мобилизация конфликтных групп. Политическая мобилизация народных масс на Юго-Востоке связывается с формированием новых политических лидеров ДНР и ЛНР (П. Губарев, В. Болотов, А. Захарченко, И. Плотницкий). В Киеве мобилизация связана не с новыми лидерами, а зависит от внешних стимулов политической активности.

Организаторы протестных движений в Украине предпочитают использовать революционные средства мобилизации. «Они предусматривают экстремальное обострение противоречий между социальными группами в общественной иерархии, вследствие которых, сообщество за короткий срок достигает высокий уровень мобилизации. Конечная цель – основательная смена политического (социального) статуса в существующей системе неравенства. Такое положение приводит к полной или частичной ликвидации существующей системы социальной и политической стратификации. Возникает «правлящий класс», который базируется на преимуществе исключённого из политического процесса сообщества» [1, с. 56]. В Украине им стали национал-радикалы (неофашисты).

Подводя **итог**, отметим, что протестным движениям в Украине предшествовали внутренние и внешние предпосылки. В качестве таковых в статье рассмотрены

маргинализация и радикализация украинского общества, деградация политической элиты, олигархизация политической власти в государстве. Существенную роль играет также вмешательство иностранных государств во внутреннюю и внешнюю политику Украины.

Протестные движения «Оранжевой революции» и «Евромайдана» были сравнены с протестными движениями Юго-Востока Украины по следующим критериям: движущие силы, цели, мотивация, побудительные причины, модели возникновения протеста, методы протеста, характер и средства политической мобилизации. На этой основе были определены их общие и отличительные черты.

Роль протестных движений в развитии гражданского общества и государства неоднозначна: с одной стороны, наблюдается формирование новых структур гражданского общества, которые являются формой общественного контроля над деятельностью властных структур. У протестующих появилось ощущение своей правоты, легитимности своих действий, что можно трактовать как рост их мобилизационного потенциала и социального капитала. Массовый митинг протеста – вызов и предупреждение власти, что ресурс её легитимности ограничен, это средство накопления политического капитала граждан и важнейший инструмент восстановления межличностных связей между различными слоями и группами общества.

С другой стороны, последние события на Украине, свидетельствуют скорее о дестабилизирующей роли протестных движений. Они грозят не только разрушением территориальной целостности Украины, но и являются угрозой региональному миру и безопасности, так как могут привести к росту межнациональных и межэтнических противоречий и конфликтов во всей Европе.

Список литературы

1. Безрук О. О. Політична мобілізація як чинник динаміки політичного процесу: теоретичний аспект / О. О. Безрук // Вісник СевНТУ: зб.наук.пр. Вип.145/2013. Серія: Політологія. – Севастополь, 2013. – С. 54–57.
2. Бельский В. Ю., Кемалова Л. И. Маргинальность постсоветского общества / В. Ю. Бельский, Л. И. Кемалова // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации [Науч. ред. проф. И.И. Кальной, доц. А. В. Горбань.] – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2011. – С. 411–425.
3. Вмешательство во внутренние дела суверенного государства // Белая Книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013-март 2014). Министерство иностранных дел РФ. – М., 2014. – 63 с.
4. Думки і погляди жителів південно-східних областей України: квітень 2014 року [Електронний ресурс] // Официальный сайт Киевского международного института социологии. - Режим доступа: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=302&page=1>.
5. Лицо «Евромайдана» (социальный портрет участников протестов) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.obozrevatel.com/infographic/19638-litso-evromajdana-sotsialnyij-portret-uchastnikov-protestov.htm>.
6. Ломко И. Г. Роль политических партий Украины в становлении гражданского общества / И. Г. Ломко // Гражданское общество и государство: [монография] / Под общ. ред.

- П. В. Кузьмина, А. И. Апселямовой, И. Г. Ломко. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2013. – С. 128–138.
7. Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д.е.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2013. – 566 с.
8. Яковлев М. В. Сучасні методи дослідження політичного активізму он-лайн / М. В. Яковлев // Стратегічні пріоритети. – 2011. – № 4 (21). – С. 75–79.

Lomko I.G. Background and Features of the Protest Movement in Contemporary Ukraine // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 214–224.

In the article the internal and external conditions of protest movements in contemporary Ukraine are analyzed. These conditions have been identified by their common and distinctive features. Also a destabilizing role of protest movements in the development of civil society and state as a whole was noted. Parliamentary parties extend their influence by taking part in the work of the state machinery and using the powers of authority. Extra parliamentary and opposition parties, standing up for citizens' interests, use the institution of civil disobedience and some of its forms of protest.

The author concludes that the domestic experience of party development shows that parties are not necessarily the products of civil society. They may be formed by certain shadow structures and directed by the interests of their patrons and by oligarchies and their clients rather than by public interests.

The influence of the parliamentary parties in Ukraine on the formation of civil society is restricted and complicated by the growth of the influence of shadow mechanisms of parties' administration as well as by the interpenetration of business and officialdom weakness of the institution of public service and the absence of legislation about open lobbying activity as an alternative to corruption. Thus, parliamentary parties' influence occurs only sporadically instead of consistent and purposeful appearance.

Political parties in Ukraine will actually influence the formation of civil society only when they establish new standards in the spheres of: (1)availability of professionals; (2)development of a network of local party organizations; (3)democratization of the inner structure of the party; (4)development of ideology on the basis of the civil society values and its support in political activity; (5) activation of international party collaboration tended to comprehensive study of international experience in formation of civil society including the use of the institution of civil disobedience; (6) an ability to come to agreement concerning an organization of a civilized discourse in society.

Key words: protest movement, a political protest, marginalization and radicalization of society, oligarhization of the political power, the nature of political mobilization, unauthorized methods of protest, political parties in Ukraine.

УДК 314.74.000.32(477):342

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Креминская Е.Д.

Анализируются нормативно-правовые документы, которыми определяется и руководствуется украинская миграционная политика. В них нашла отражение концепция правового регулирования миграционных процессов в Украине. Она требует осмысления и доработки в плане евроинтеграции Украины, которая, в свою очередь, предполагает соответствующие законодательные инициативы. Необходимо, чтобы они привели нормативно-правовую базу в соответствие с международными стандартами, обеспечив тем самым контролируемость и регулируемость миграционных процессов. Усовершенствование организации управления миграционными процессами должно быть направлено на создание такой системы управления, которая могла бы оперативно реагировать на происходящие в сфере миграции изменения и координировать деятельность государственных органов в сфере миграции.

Ключевые слова: *миграция, миграционная политика, политика евроинтеграции, правовое регулирование.*

Данная работа посвящена проблеме осмысления и концептуализации правового регулирования миграции в Украине в перспективе её евроинтеграции. Такой политический выбор Украины предполагает взаимодействие с ЕС, в частности, в сфере миграции. Взаимодействие понимается прежде всего как разработка и принятие ряда законодательных и нормативных документов, которыми определяется и руководствуется украинская миграционная политика.

Актуальность заявленной проблемы обусловлена необходимостью сформировать исследовательский подход к современным миграционным процессам, который бы позволил понять и спрогнозировать на перспективу миграционную ситуацию в Европе, построить модель политического, правового и гуманитарного взаимодействия Украины и ЕС с тем, чтобы обеспечить контроль над миграционными процессами.

Целью работы является выработка релевантного подхода к изучению современных миграционных процессов, в первую очередь, в правовой, политической и гуманитарной плоскостях с учётом европейского опыта.

Задачами работы являются: анализ основных положений нормативно-правовых документов; построение модели взаимодействия Украины и ЕС в сфере миграционной политики.

Процесс перемещения людей в конце XX – начале XXI приобретает глобальные масштабы, что вызывает настоятельную необходимость международного, регионального и национального регулирования миграционных процессов. Современная картина миграции (по сравнению с началом 90-х годов XX века) характеризуется структурными изменениями миграционных потоков, изменением их направленности, количественных и качественных характеристик и т.д. Таким образом, можно говорить о системных изменениях в сегодняшнем состоянии миграции [1, с. 37]. Соответственно изменившимся политическим, экономическим и социокультурным реалиям развивается миграционное законодательство. Оно формируется под воздействием тех требований и обязательств, которые существуют в отношении между Украиной и Европейским Союзом. В них Украина представлена как страна-донор, страна-транзитёр, и, что особенно важно, как страна-партнёр в политическом взаимодействии Украины и ЕС (вследствие постановки вопроса о европейской интеграции Украины). Поэтому законодательная, исполнительная и судебная ветви власти в рамках полномочий, предоставленных Конституцией Украины, Законами Украины, Указами Президента, постановлениями Кабинета Министров и другими нормативно-правовыми актами, должны решать связанные с миграцией вопросы в соответствии с европейскими нормами, стандартами и требованиями.

С первых шагов существования независимая Украина пытается разработать свою взвешенную миграционную политику. В Декларации о государственном суверенитете Украины провозглашён принцип государственного регулирования иммиграционных процессов. В Конституции Украины закреплено положение о том, что основы регулирования демографических и миграционных процессов определяются исключительно законами Украины (ст. 92) [2, с. 26].

В этом контексте был принят ряд законодательных актов, тем или иным образом касающихся вопросов миграции:

Закон Украины «О гражданстве Украины» от 18.01.2001 № 2235-III [см. 3] определяет правовое содержание гражданства Украины, основания, и порядок его приобретения и прекращения, полномочий органов государственной власти, которые принимают участие в решении вопросов гражданства Украины, порядок обжалования решений по вопросам гражданства, действий или бездействия органов исполнительной власти, их должностных и служебных лиц. П.1. ст.2 данного закона устанавливает, что законодательство Украины о гражданстве основывается на таких принципах:

единственное гражданство – гражданство государства Украина, которое исключает возможность существования гражданства административно-территориальных единиц Украины (Если гражданин Украины приобрел гражданство (подданство) другого государства или государств, то в правовых отношениях с Украиной он признается лишь гражданином Украины. Если

иностранец приобрел гражданство Украины, то в правовых отношениях с Украиной он признается лишь гражданином Украины);

предотвращение возникновения случаев отсутствия гражданства;

недопустимость лишения гражданина Украины гражданства Украины;

признание права гражданина Украины на смену гражданства;

недопустимость автоматического приобретения гражданства Украины иностранцем или лицом без гражданства в результате заключения брака с гражданином Украины или приобретения гражданства Украины его женой (мужем) и автоматического прекращения гражданства Украины одним из супругов в результате прекращения брака или прекращения гражданства другим из супругов;

равенство перед законом граждан Украины независимо от причин, порядка и момента приобретения ими гражданства Украины;

сохранение гражданства Украины независимо от места проживания гражданина Украины.

Закон Украины «Об иммиграции» от 07.06.2001 № 2491-III [см. 4] (этот закон определяет условия и порядок иммиграции в Украину иностранцев и лиц без гражданства). Согласно ст. 1 данного закона, иммиграция – это прибытие в Украину в установленном законом порядке иностранцев и лиц без гражданства для постоянного проживания. Чтобы получить право постоянного проживания в Украине необходимо получить разрешение на иммиграцию. Разрешение на иммиграцию в Украину выдается в рамках выделенной квоты на иммиграцию. Квота иммиграции – это максимальное количество иностранцев и лиц без гражданства, которым предусмотрена выдача разрешений на иммиграцию на протяжении календарного года для каждого региона Украины. Квота иммиграции устанавливается ежегодно в начале года Кабинетом Министров Украины. При этом, квота иммиграции устанавливается для разных категорий иностранцев независимо от страны, из которой они хотят переехать в Украину.

Согласно указанному нормативно-правовому акту, вид на постоянное жительство – это документ, который подтверждает право иностранца или лица без гражданства на постоянное проживание в Украине.

Основные преимущества получения вида на постоянное жительство иностранцами:

отсутствие необходимости получения визы для въезда в Украину (для граждан из стран, по которым установлен визовый режим въезда на территорию Украины),

сроки пребывания на территории Украины не ограничиваются сроками краткосрочного пребывания на территории Украины (90 дней из 180 с даты первого въезда),

отсутствие необходимости получения разрешения на использование труда иностранного гражданина (разрешение на трудоустройство) при официальном трудоустройстве в Украине, а также

отсутствие ограничений на совместительство должностей, обусловленных разрешением на трудоустройство, а также другие преимущества.

Для получения вида на постоянное жительство необходимо наличие определенных оснований из определенного законом исчерпывающего перечня

(иностранный гражданин должен отвечать определенным критериям, чтобы иметь возможность получить вид на постоянное жительство).

Кроме того, количество иностранных граждан, которые могут получить удостоверения на постоянное проживание, в определенных случаях ограничивается годовой квотой иммиграции.

Закон Украины "О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите" от 08.07.2011 № 3671-VI [см. 5] (определяет порядок регулирования общественных отношений в сфере признания лица беженцем, лицом, которое нуждается в дополнительной или временной защите, потере и лишении этого статуса, а также установлении правового статуса беженцев и лиц, которые нуждаются в дополнительной защите и которым предоставлена временная защита в Украине).

В соответствии с данным законом определение статуса беженца и дополнительной защиты относится исключительно к компетенции органов миграционной службы Украины. Предоставление статуса беженца и дополнительной защиты государственной миграционной службой Украины имеет обязательную силу для других государственных органов Украины, в частности, для органов внутренних дел, и предусматривает их осведомленность правовым нормам Украины о беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите.

Под действие Закона «О беженцах и лицах, которые нуждаются в дополнительной или временной защите» распространяются:

а) лица, которые с намерением приобрести статус беженца или дополнительной защиты незаконно пересекли государственную границу Украины и находятся на территории Украины;

б) лица, которые обратились с заявлениями о предоставлении им статуса беженца или дополнительной защиты в органы миграционной службы Украины;

в) лица, в отношении которых принято решение об оформлении документов для решения вопроса относительно предоставления статуса беженца или дополнительной защиты;

г) лица, которым предоставлен статус беженца или дополнительная защита;

д) лица, которые обжалуют решения относительно статуса беженца в специально уполномоченном центральном органе исполнительной власти по делам миграции или в судебные органы Украины.

В соответствии со ст.1, беженец – это лицо, которое не является гражданином Украины и вследствие обоснованных опасений стать жертвой преследований по признакам расы, вероисповедания, национальности, гражданства (подданства), принадлежности к определенной социальной группе или из-за своих политических убеждений, пребывает за пределами своей страны и не может или не желает пользоваться защитой этой страны, в результате таких опасений, или же, не имея гражданства (подданства) и пребывая за пределами страны своего прежнего постоянного проживания не может или не желает вернуться в эту страну вследствие указанных опасений.

Определение понятия «беженец» содержит признаки, необходимые для обретения соответствующего статуса. К ним относятся:

пребывание за пределами своей родины;

нежелание или невозможность получить защиту от правительства страны проживания, нежелание возвратиться на родину;

преследование или опасение такого преследования по определенной причине;

само понятие мотивов преследования по признакам расы, вероисповедания, национальной или социальной принадлежности, за политические взгляды и убеждения.

Следует отметить, что в соответствии со статьей 6 Закона Украины «О беженцах и лицах, которые нуждаются в дополнительной или временной защите», не признаются беженцами или лицами, которые нуждаются в дополнительной или временной защите, следующие лица:

которые совершили преступления против мира, военные преступления, или преступления против человечества и человечности;

которые совершили преступления неполитического характера за пределами Украины до прибытия на ее территорию с целью получения статуса беженца, если такие преступления согласно Уголовному кодексу Украины относятся к тяжким или особо тяжким преступлениям;

виновные в совершении действий, которые противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций;

которые до прибытия в Украину были признаны в другой стране беженцами или лицами, которые нуждаются в дополнительной или временной защите;

которые до прибытия в Украину с целью получения статуса беженца, находились в какой-либо другой безопасной для них стране.

Вопросы о предоставлении и лишении статуса беженца решают в пределах своей компетенции органы миграционной службы в Автономной Республике Крым, областях, городах Киеве и Севастополе по месту временного пребывания заявителя.

Оформление всех необходимых документов по предоставлению статуса беженца производится на основании заявления о признании беженцем или лицом, которое нуждается в дополнительной или временной защите.

Закон Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» от 22.09.2011 № 3773-VI [см. 6]. Этот Закон определяет правовой статус иностранцев в Украине, закрепляет основные права, свободы и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства, которые проживают или временно находятся в Украине, и определяет порядок решения вопросов, связанных с их въездом в Украину или выездом из Украины.

Понятия «иностранец» и «лицо без гражданства» определены статьей 1 Закона Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства». В соответствии с этим иностранцем признается лицо, не состоящее в гражданстве Украины и являющееся подданным другого государства, а лицо без гражданства – то, которое ни одна страна в соответствии со своим законодательством не считает своим гражданином.

Иностранцы, временно пребывающие в Украине, согласно статьи 3 вышеназванного закона, обязаны в порядке, определенном Кабинетом Министров Украины, зарегистрировать свои национальные паспорта и выехать из Украины после окончания срока пребывания.

Иностранцы и лица без гражданства в Украине находятся на национальном правовом режиме, то есть владеют теми же правами и обязанностями, что и граждане Украины, но за определенными исключениями. Они являются равными перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного состояния, расовой и национальной принадлежности, пола, языка, отношения, к религии, роду и характеру занятий, других обстоятельств. Определенно, что когда иностранным государством установлено ограничение относительно реализации прав и свобод граждан Украины, Кабинет Министров может принять решение об установлении соответствующего порядка реализации прав и свобод гражданами этого государства на территории Украины, то есть вступает в действие принцип взаимности. Решение может быть упразднено, если исчезнут основания, за которых оно было принято. Безусловно, осуществление иностранцами и лицами без гражданства своих прав и свобод не должно наносить вред национальным интересам Украины, правам, свободам и законным интересам ее граждан и других лиц, которые проживают в Украине. Соответственно они обязаны уважать и придерживаться Конституции и законов Украины, уважать традиции и обычаи народа Украины.

Иностранцы и лица без гражданства имеют право заниматься в Украине инвестиционной, внешнеэкономической и другими видами предпринимательской деятельности, предусмотренными законодательством Украины, и при этом они имеют такие же права и обязанности, что и граждане Украины, если другое не вытекает из Конституции и законов Украины. Иностранцы имеют право на труд, на отдых, на социальную защиту, на жилье, на образование, на пользование достижениями культуры, на участие в объединениях граждан, на передвижение по территории Украины и выбор места обитания. Иностранцы имеют уровни с гражданами Украины права и обязанности в брачных и семейных отношениях. им гарантируется право на свободу совести наравне с гражданами Украины.

Иностранцам гарантируется неприкосновенность лица, жилья, невмешательства, в личную и семейную жизнь, тайна переписки, телефонных разговоров и телеграфных сообщений, уважение их достоинства, наравне с гражданами Украины. Они имеют право на обращение к суду и другим государственным органам для защиты их личных, имущественных и других прав. В судопроизводстве иностранные граждане как участники процесса пользуются такими же процессуальными правами, что и граждане Украины.

Однако иностранцы не могут быть членами политических партий Украины, не могут избирать и быть избранными к органам государственной власти и местного самоуправления, а также принимать участие в референдумах. На иностранцев не распространяется общая военная обязанность, они не проходят военную службу в Вооруженных Силах Украины и других военных формированиях, созданных в соответствии с законодательством Украины. Иностранцы платят налоги и собрания

в соответствии с законодательством Украины и международных договоров Украины.

Закон регулирует порядок въезда и выезда из территории Украины иностранцев и лиц без гражданства. Иностранцы могут въезжать в Украину за действительными национальными паспортами или документами, которые их замещают. При этом они должны получить в установленном порядке въездную визу, если другое не предусмотрено законодательством Украины. Определяются также основания для запрещения их въезда в Украину и выезда за ее пределы.

Закон Украины «О порядке выезда из Украины и въезда в Украину граждан Украины» от 21.01.1994 № 3857-ХІІ [см. 7] (Этот Закон регулирует порядок осуществления права граждан Украины на выезд из Украины и въезд в Украину, порядок оформления документов для зарубежных поездок, определяет случаи временного ограничения права граждан на выезд из Украины и устанавливает порядок решения споров в этой сфере).

Указ Президента Украины «Вопросы Государственной Миграционной службы Украины» от 06.04.2011 №405/2011 [см. 8], которым утверждено положение «О государственной миграционной службе Украины» и в соответствии с которым основными задачами ГМС Украины являются:

внесение предложений относительно формирования государственной политики в сферах миграции (иммиграции и эмиграции), в том числе противодействия нелегальной (незаконной) миграции, гражданства, регистрации физических лиц, беженцев и других определенных законодательством категорий мигрантов;

реализация государственной политики в сферах миграции (иммиграции и эмиграции), в том числе противодействия нелегальной (незаконной) миграции, гражданства, регистрации физических лиц, беженцев и других определенных законодательством категорий мигрантов.

Указ Президента Украины «О концепции государственной миграционной политики» от 30.05.2011 № 622/2011 [см. 9].

В Концепции дана характеристика современного состояния миграционных процессов. Названы политические и социально-экономические факторы, которые влияют на ситуацию в Украине и мире. Именно они обуславливают необходимость усовершенствования системы государственного управления миграционными процессами в соответствии с международными стандартами в сфере реализации прав человека. Данное положение вместе с определением направлений миграционной политики является одним из условий построения правового государства на современном этапе.

Среди стратегических направлений государственной миграционной политики Украины и механизмов их реализации важное место занимает совершенствование законодательства в отношении внутренней и внешней трудовой миграции граждан Украины, въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Украину, выезда их из Украины и транзитного проезда через ее территорию, а также в сфере борьбы с нелегальной миграцией [3].

Анализ правовых проблем, связанных с миграцией, свидетельствует о том, что в Украине выработаны основные правовые положения регулирования миграционных

процессов. Вместе с тем, новые условия и реалии, возникающие в изменяющихся международных отношениях, требуют постоянного усовершенствования миграционного законодательства, доработки механизмов его применения и гармонизации с международными, и, в частности, европейскими нормами.

Именно на них базируются международные декларации и конвенции: Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод 1950 г., Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и др.

Миграционная ситуация в Украине в настоящее время напоминает ситуацию в Прибалтийских странах (Латвии, Литве и Эстонии) накануне их вступления в ЕС - высокий уровень трудовой миграции, отток трудоспособного населения, значительный рост образовательной миграции в молодёжной среде, распространение секс-туризма. Однако отличие состоит в том, что приток иммигрантов в Украину увеличивается. В частности, этому способствует географическое положение нашей страны и действующее законодательство в сфере миграционной политики. Таким образом, Украина идёт по пути создания мультикультурного общества по европейскому образцу. Это может иметь негативные социальные последствия. Крах политики мультикультурализма признали лидеры европейских стран А.Меркель, Д.Кэмерон, Н.Саркози. Поэтому, пока не поздно, необходимо отойти от копирования европейских подходов к теории и практике миграционной политики, учитывая национальные интересы и особенности. Просчёты в миграционной политике ведут к негативным внутривластным последствиям (обострение социальных проблем, рост уровня преступности, привнесение извне враждебно настроенных к местной среде культурно-религиозных течений и т.д.). Эти проблемы таят в себе угрозу национальной безопасности.

Миграционные процессы требуют соответствующей политической оценки и решения связанных с ними проблем, следовательно необходимо дальнейшее регулирование в рамках законотворческой теории и практики. Это, в свою очередь, позволит определить на государственном уровне взвешенную миграционную политику Украины. Усовершенствование организации управления миграционными процессами должны быть направлены на создание такой системы управления, которая могла бы оперативно реагировать на происходящие в сфере миграции изменения и координировать деятельность государственных органов в сфере миграции.

Список литературы

1. Населення України. Трудова еміграція в Україні / [Е.М.Лібанова, С.В.Башкіров, Н.А.Богоева та ін.]; під ред. Е.М.Лібанової. – К. : Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. В.М.Птухи НАН України, 2010. – 233 с.
2. Конституція України. – Харків : «Президент», 1999. – 48 с.
3. Закон України «О гражданстве Украины» № 2235-III от 18.01.2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://soderkoping.org.ua/page11392.html>.
4. Закон Украины «Об иммиграции» № 2491-III от 07.06.2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://soderkoping.org.ua/page11407.html>.

5. Закон Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите» № 3671-VI от 08.07.2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://unhcr.vh.lucky.net/img/uploads/LawRefComplProtection_RUS_08.07.2011.pdf.
6. Закон Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» № 3773-VI от 22.09.2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://soderkoping.org.ua/page11412.html>.
7. Закон Украины «О порядке выезда из Украины и въезда в Украину граждан Украины» № 3857-XII от 21.01.1994 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://soderkoping.org.ua/page11397.html>.
8. Указ Президента Украины «Вопросы Государственной Миграционной службы Украины» №405/2011 от 06.04.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=43168.
9. Указ Президента Украины О Концепции Государственной миграционной политики. № 622/2011 от 30.05.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/13642.html>.

Kreminskaya E.D. Legal Regulation of Migration Processes in Ukraine in the Context of the Policy of European Integration // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 225–233.

It is analyzed regulatory and legal documents which determine the Ukrainian migration policy. The concept of the legal regulation of the migration processes in Ukraine is reflected in these documents. It needs comprehension and improvement in the sense of Ukraine's eurointegration, which, in its turn, presupposes the corresponding legislative initiatives. It is necessary for them to bring the regulatory and legal base in correspondence with the international standards, providing with it the controllability of the migration processes. The improvement of arranging the management of the migration processes should be directed to the creation of such system of managing which could operatively react to the changes happening in the sphere of migration and coordinate the activity of the state organs in the sphere of migration.

Key words: migration, migration policy, eurointegration policy, legal regulation.

УДК 32:343.431:339.9

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Губанова Е.В.

Обозначены глобальные проблемы современности, от решения которых зависит само существование общества, их особенности и характеристики, среди которых анализируется феномен торговли людьми, как интерсоциальная проблема. Торговля людьми представляет собой современную форму рабства, являющееся преступлением, как против личности, так и против государства, ей свойственны типовые характеристики всех глобальных проблем, она проявляется на глобальном, региональном и локальном уровнях, выступая в качестве важнейшей проблемы XXI века. В статье даны общественно-политические характеристики торговли людьми, некоторые ее качественные и количественные характеристики. Доказана необходимость совокупных усилий международного сообщества: деятельности государственных органов многих стран мира, координируемой между собой, так и в деятельности международных организаций для решения проблемы торговли людьми как одного из видов транснациональной преступной деятельности, нарушающей общепринятые принципы и нормы международного права.

Ключевые слова: *торговля людьми, общество, глобальные проблемы, глобализация.*

Масштабность, многогранность и противоречивость глобализационных процессов и их научной рефлексии усилили внимание к глобальным проблемам, которые обозначились как на практическом уровне, так и в научном и общественно-политическом дискурсах с конца 1960-х гг. Впоследствии была выявлена связь между усилением взаимозависимости и обострением глобальных проблем. «Для того, чтобы глобальные проблемы проявили себя как таковые, – подчеркивает российский исследователь В.Н. Коновалов, – необходимо вступление всего человечества в новое состояние – систему всеобщей взаимозависимости» [см. 1].

К глобальным проблемам современности относят проблемы, от решения которых зависит само существование, сохранение и развитие цивилизации. В их числе, по степени угрозы для человечества, обычно выделяются:

- сохранение мира и обеспечение необратимости процессов ограничения вооружений и разоружение,
- охрана окружающей среды,
- демографическая проблема,
- обеспечение сырьем и энергией,
- использование ресурсов Мирового океана,
- освоение космического пространства,
- устранение голода и болезней,
- преодоление отсталости.

Совокупность этих проблем поставила перед человечеством глобальную проблему «выживания человечества».

Глобальные проблемы явились результатом, с одной стороны, огромных масштабов человеческой деятельности, радикально изменяющей природу, общество и образ жизни людей, а с другой стороны, неспособности человека рационально распорядиться этой могучей силой.

К особенностям глобальных проблем относят следующие характеристики:

- планетарный, общемировой характер, затрагивающий интересы всех народов мира;
- угроза деградации и гибели всему человечеству;
- необходимость неотложных и эффективных мер по их разрешению;
- императив совокупных коллективных действий всех государств и народов.

Перечень глобальных проблем не остается неизменным. При этом наблюдается тенденция их расширения: если ранее к глобальным проблемам относились проблемы, образующиеся в системе взаимодействия «человек – природа», то с течением времени к их числу стали относить и проблемы, возникающие в системе взаимодействия «человек – общество».

Возникшая проблема классификации глобальных проблем была разрешена советскими исследователями В.В. Загладиным и И.Т. Фроловым, которые предложили объединение глобальных проблем в три группы:

1. интерсоциальные проблемы (международный наркотрафик, международная торговля оружием, международный терроризм, проблема диалога культур и цивилизаций, торговля людьми и др.);
2. проблемы в системе «человек – общество» (экологическая проблема, этнично-религиозные проблемы, неравномерность развития и др.);
3. проблемы в системе «общество – природа» (демографическая проблема, ресурсное обеспечение, освоение Мирового океана, космоса и др.) [2, с. 6-9].

Таким образом, к интерсоциальным глобальным проблемам исследователи относят и торговлю людьми.

По признанию международной общественности торговля людьми представляет собой современную форму рабства, нарушение прав человека, являющееся преступлением как против личности, так и против государства. Торговля людьми является одной из форм насилия в отношении ее наиболее частых жертв: женщин и детей. Она также является одной из форм противоправного вмешательства в сферу международного семейного права, поскольку отдельные виды торговли людьми

связаны с искажением или недобросовестным использованием законных семейных порядков. Торговля людьми представляет собой также вид нелегальной предпринимательской деятельности, который в некоторых случаях использует для своей выгоды международные миграционные потоки. Она оказывает глубочайшее воздействие на свои жертвы, причиняя им психологический и физический вред [см. 3].

В историографии проблемы торговли людьми присутствует единодушное мнение о ее глобальном характере, которое неоднократно и успешно обосновывалось по линии ее соответствия параметрам глобальных проблем: общечеловеческий характер, что проявляется в количественных и географических характеристиках; объективности существования как фактора функционирования социально-экономических систем во многих регионах мира при взаимосвязи с другими глобальными проблемами; возможность ее решения только на основе координации деятельности всего международного сообщества, а не отдельных государств или их групп [см. 4].

Исследователи и представители общественно-политических кругов солидарны в том, что, размеры торговли людьми достиг глобальных масштабов. Президент Евразийской платформы гражданских инициатив (ЕПГИ) А. Аллахверанов, например, подчеркивает: «...Торговля людьми (траффикинг) в современном мире приобрела такой размах, что для борьбы с ней недостаточным оказываются усилия не только одного или нескольких общественных и транснациональных организаций, но и всей страны, даже если она обладает политической и экономической мощью. В этом случае возникает необходимость консолидации всех ресурсов государства, конечно, с обязательным привлечением гражданского общества и транснациональных международных организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере управления миграцией, обеспечения и укрепления региональной безопасности, защиты прав и свобод человека... Сегодня траффикинг, будучи конкретным видом криминальной деятельности, давно вышла за пределы отдельных государств и заняла одну из ведущих позиций в транснациональной преступности». При этом торговля людьми «представляет еще большую опасность для ряда стран, почти около двух десятков лет тому назад ставших на путь системной трансформации, по причине чего еще не обладающих достаточно эффективным механизмом для борьбы с этим социальным злом» [см. 5]. Количественные показатели также говорят о глобальности проблемы: прибыльность от торговли людьми оценивается достигает 32 млрд. долларов в год, занимая третье место в мировом рейтинге прибыльности от преступной деятельности, после торговли оружием и наркотиками. А в географическом отношении большинство государств мира выступают либо в качестве «стран-поставщиков», либо «транзитных стран», либо «стран назначения». 127 стран являются поставщиками «живого товара», 98 – странами транзита и 137 – пунктом назначения [см. 6]. При этом «основными поставщиками рабов на мировые рынки являются страны с переходной социально-экономической структурой, переживающие социокультурный кризис. Для них характерны резкая криминализация, моральная деградация, а также наличие большого количества людей, потерявших свое место в

обществе. В связи с этим такие территории легко становятся поставщиками рабов (прежде всего, женщин) на мировые рынки. Это государства Восточной Европы и бывшего СССР, а также страны Азии, в которых произошло смягчение коммунистических режимов (например, Вьетнам). В свою очередь развитые страны в силу высокого уровня жизни наиболее часто становятся конечным пунктом отправки рабов. К этой группе стран относятся, прежде всего, государства ЕС, США, Канада, Австралия» [см. 7].

Торговля людьми, безусловно, выступает и как проблема объективного характера, основными факторами возникновения которой являются социально-экономические условия как в «странах-поставщиках», так и «странах транзита» и «странах назначения»: катастрофическая бедность, безработица, отсутствие перспектив развития, коррупция в органах власти, с одной стороны, и высокие темпы экономического развития, постоянно увеличивающийся спрос на дешевую рабочую силу, развитие отдельных видов индустрии (например, туризма), значительные прибыли преступных организаций от торговли людьми – с другой.

Необходимость совокупных усилий международного сообщества для решения проблемы торговли людьми как одного из видов транснациональной преступной деятельности, нарушающей основные права и свободы человека и общепринятые принципы и нормы международного права, проявляется в как в деятельности государственных органов многих стран мира, координируемой между собой, так и в деятельности международных организаций – ООН, МОМ, МОТ, Совета Европы, ОБСЕ, Интерпола, Европола и др., – СМИ, деятельности национальных и международных НПО.

В существующей мировой системе к глобальным проблемам, формирующимся по оси «человек – общество» и связанными с торговлей людьми, по всей видимости, можно отнести и процесс значительного ослабления духовно-нравственной основы всей западной цивилизации, вследствие чего обозначилось «доминирование морали "общества потребления", которая фактически отвергает абсолютные духовные ценности, а этические нормы сводит к обеспечению временного баланса интересов индивидов преимущественно в сфере материального. Это приводит к деморализации, деинтеллектуализации и культурной деградации общества, признаки чего проявляются все острее». А одним из последствий кризиса духовности является чрезмерное потребление населением развитых стран и богатыми слоями других стран. Большая конкуренция в сфере материального производства, засилье рекламы, культивирование псевдостоимостей «общества потребления» ведут к производству и потреблению продуктов материальной сферы в значительно большем количестве, чем это нужно для гармоничной жизни человека и нормального функционирования общества. Это вызывает быстрое истощение ресурсов и расширения зон, неблагоприятных для проживания людей [см. 8].

Глобальные проблемы, в т.ч. проблема рабства и торговли людьми, как явление имманентно присущее глобализации, особенно обострились в связи с началом мирового финансового и экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., который многими специалистами обоснованно расценивается в более широком контексте:

как кризис неолиберальной модели глобализации и даже современного капитализма в целом. «Ставшая мировой экономической турбулентность, с тех пор, как США смогли заставить мир "купить свой кризис", как правило, рассматривается как продолжение распада лопнувшего "пузыря неэкономичности" в Соединенных Штатах, – отмечает, например, С.З. Гафуров. – Такого понимания, однако, недостаточно, ибо и само надувание этого пузыря, и его разрыв – это эпизоды более глубокого структурного кризиса современного капитализма, связанного с явлением "новой глобализации"» [см. 9].

Мы не можем не согласиться в С.В. Юрченко в том, что продолжительность и глубина кризиса не оставляет сомнений в том, что выход из него может носить только проектный характер, и будущая эпоха выступает как эпоха новых империй – крупных политико-социально-экономических блоков. Этот процесс обуславливает позиционирование соответствующих групп стран: США, ЕС, БРИКС, поскольку гармонизация мировой политической и экономической системы можно добиться лишь двумя способами: создав международную политическую систему регулирования тех же масштабов, что и мировой экономической порядок или сократив охват экономических институтов до таких размеров, когда ими смогут управлять существующие политические структуры [см. 10].

«Кризис глобализации находит выражение и в том, – подчеркивает Н. Зотова, – что свобода и демократия как абсолютная ценность неолиберализма деформируются самой практикой международных экономических и политических отношений. Неолиберальный экстремизм на деле вполне мирно уживается с "двойными стандартами", например, в вопросе о роли государства... Ограничивая государственную самостоятельность зависимых стран, "двойные стандарты" обеспечивают: продвижение политических интересов развитых государств по экономическому освоению зависимых долговых экономик, недопущению их выхода в качестве новых "игроков" на мировую конкурентную арену. Вполне вписывается в такую идеологию миропорядка объявление "изгоями" стран с авторитарными режимами, проводящих изоляционистскую политику...» [см. 11]. Другие проблемы современного этапа глобализации связаны с подавлением национально-государственной идентичности стран, то есть угрозой сложившейся цивилизационной структуре мира, в силу того, что стремление к объединению стран и народов, с одной стороны, вступает в противодействие с сохранением своей идентичности, укреплением государственности, с другой. И, наконец, «третья группа проблем, усиливающих конфликтный потенциал глобализации, лежит в морально-этической, нравственной неготовности человеческой цивилизации использовать модель сетевой организации современного глобального общества, допускающую широкую свободу индивидуального выбора. Люди, вооружившись новой техникой, стали сильнее, но не мудрее. А свобода выбора и сетевые структуры дают возможность использовать новые технологии, в том числе в противоправных коммерческих, криминальных и террористических целях» [см. 12]. Все эти кризисные процессы являются мощными факторами развития нового витка и нового содержания торговли людьми как социального явления.

Выделяя более дробные тенденции современных глобальных процессов, норвежский исследователь Й. Гальтунг указывает на пять трендов, которые разворачиваются в глобальном пространстве между государствами и регионами, и пять – в социальном пространстве между группами людей [см. 13]. К первой группе относятся закат и падение империи США, закат Запада, ослабление государств и усиление регионов, подъем «остальных», рост Китая. Ко второй – укрепление наций, укрепление гражданского общества, рост активности молодежи, повышение роли женщин, углубление неравенства и мятежи.

Проявляющийся в этих трендах кризис глобализации непосредственно затрагивает проблемы права и прав человека, и председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин справедливо отмечал, что «мировой финансово-экономический кризис обернется новыми вызовами и угрозами. Прогнозируется ускоренное расширение потоков незаконных мигрантов из стран Африки в Европу. Ведь в результате кризиса под угрозой прекращения оказались гуманитарные программы продовольственной и медицинской помощи голодающим и жертвам региональных конфликтов. Рост нелегальной миграции всегда сопровождается увеличением объема торговли людьми. Причем в условиях спада она может принимать самые бесчеловечные формы.

Кризис будет способствовать обострению всех территориальных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов в регионах, где катастрофически не хватает продовольствия и пресной воды [см. 12], что, в свою очередь будет детерминировать нелегальный миграционный процесс, неотъемлемой частью которого является совершение незаконных сделок в отношении непосредственных участников данного процесса.

Неизбежен рост преступности в странах Европейского союза, СНГ и в США. Очевидно, что часть людей, привыкших в период экономического бума к определенному уровню комфорта, постараются сохранить его, добывая недостающие материальные и финансовые ресурсы незаконными способами.

Возникшие проблемы имеют интернациональный характер. Они требуют разработки и внедрения новых «критических технологий» в политике, экономике и праве» [см. 11].

Таким образом, в условиях развития глобализации как одного из основных трендов современного мирового развития, характеризующегося объективной и субъективной составляющими, все значительнее проявляются глобальные проблемы развития социума, одной из которых является проблема торговли людьми, относящаяся к группе интерсоциальных глобальных проблем. Торговле людьми свойственны типовые характеристики всех глобальных проблем, и она проявляется на глобальном, региональном и локальном уровнях, выступая в качестве важнейшей проблемы XXI века, требующей научной рефлексии и консолидированных решительных действий всего международного сообщества. Обострение проблемы торговли людьми, как и других глобальных проблем, связано с текущим финансово-экономическим кризисом, шире – кризисом неолиберальной модели глобализации, – резко снижающим регулятивные и управляющие возможности международного сообщества.

Список литературы

1. Коновалов В.Н. Глобальные проблемы современности [Электронный ресурс] / В. Н. Коновалов. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/38/>
2. Загладин В.В. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты / В.В. Загладин, И.Т. Фролов. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 238 с.
3. Торговля людьми [Электронный ресурс] / Сайт Организации Объединенных Наций – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/rights/trafficking/>
4. Краевська О. Торговля людьми як глобальна проблема сучасності [Електронний ресурс] / О. Краевська, Н. Базів // Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини. – 2012. – Вип. 31. – Режим доступа: file:///C:/Users/user/Downloads/VLNU_Mv_2012_31_15.pdf
5. Аллахверанов А. Глобальная проблема глобализующегося мира – торговля людьми (траффикинг) [Электронный ресурс] / А. Аллахверанов. – Режим доступа: <http://allahveranov.livejournal.com/13921.html>
6. Сысолятина Е.А. Торговля людьми: «экспорт» и «импорт» живого товара [Электронный ресурс] / Е.А. Сысолятина // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. – 2010. – Вып. № 3. – Режим доступа: <http://ego.uara.ru/ru-ru/issue/2010/03/13/>
7. Казанцев А. Торговля людьми. Страны СНГ стали главным поставщиком «живого товара» на мировой рынок рабов [Электронный ресурс] / А. Казанцев. – Режим доступа: <http://www.globoscope.ru/content/articles/1067/>
8. Основные факторы глобальных процессов [Электронный ресурс] / Этнополитическая карта мира 21 века – Режим доступа: <http://banauka.ru/2794.html>
9. Гафуров С.З. Новая глобализация: капитал против труда [Электронный ресурс] / С.З. Гафуров. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/15-06-014/1211681-0/>
10. Юрченко С. Украина в поисках точек опоры в многополярном мире [Электронный ресурс] / Материалы международной конференции "Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутрирегиональные угрозы и пути их преодоления" (Симферополь, 15-18 ноября 2012 года) – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1600793.html#ixzz3IJPrpXvO>
11. Зотова Н. Глобальные процессы: необходимость переосмысления [Электронный ресурс] / Н. Зотова. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N11_01/11_03.HTM
12. Зорькин В. Глобальный кризис, право и права человека [Электронный ресурс] / В. Зорькин // Россия в глобальной политике. – 2009. – № 1. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12459
13. Гальтунг Й. Десять тенденций, меняющих мир [Электронный ресурс] / Й. Гальтунг // Россия в глобальной политике. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Desyat-tendentcii-menyayuschikh-mir-15276>

Gubanova E.V. Human Trafficking as a Global Problem in the Context of the Development of Society in the Conditions of Globalization Crisis // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 234–241.

Modern global problems are defined in the article, the solution of which concerns the very existence of the society, their features and characteristics are analyzed, among which the phenomenon of human trafficking as a intersocial problem. Human trafficking is a modern form of slavery that is an offense against the person and against the state, it has the same typical characteristics of all global problems, it appears at the global, regional and local levels, serving as a key problem of the XXI century. The article presents the social and political characteristics of human trafficking, and some qualitative and quantitative characteristics. The motive forces of human trafficking are identified, which are gender inequality, lack of equal opportunities, glaring economic inequalities both within states and between them, corruption and vulnerability arising from the inadequacy of the judiciary and law enforcement, civil insecurity and the failure of states in their functions to protect and promote its citizens, as well as factors contributing to the

prosperity of human trafficking, the main one being the demand for commercial sex; cheap labor for the construction, manufacturing, industry and household; material for transplantation of human organs and tissues. The necessity of the combined efforts of the international community is asserted: the activities of government agencies around the world should be coordinated between themselves, and the activities of international organizations to solve the problem of human trafficking as a form of transnational criminal activity in violation of generally accepted principles and norms of international law.

Keywords: human trafficking, society, global problems, globalization.

УДК 323.2

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В КРЫМУ

Гросфельд Е.В.

В статье с позиции стратегии рентаориентированного поведения рассматриваются проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях переходного периода в Крыму. Указано, что сложившиеся к настоящему времени институты и инструменты регулирования взаимодействия между властью и бизнесом недостаточно приспособлены к новым реалиям политической и экономической жизни. Медленные темпы институциональных преобразований в данной среде затрудняют становление четких правил и норм взаимодействия власти и бизнеса. В этих условиях отношения власти и бизнеса приобретают принципиальный характер для осуществляемых политических и социально-экономических преобразований. Определяющая роль в этих преобразованиях принадлежит социальным, политическим и экономическим институтам, задающим и регулирующим эти отношения. Доказано, что необходима иная, более гибкая модель взаимодействия власти и делового сообщества, активно отстаивающего свои организованные интересы. В этой связи основное внимание уделяется раскрытию особенностей и социально-политических факторов институциональной трансформации системы взаимодействия бизнеса и власти. Обосновывается необходимость установления между властью, обществом и бизнесом прозрачных, легитимных форм их взаимоотношений. Легитимный механизм обеспечения контроля за деятельностью органов власти со стороны гражданского общества будет способствовать более полному представительству интересов бизнеса. Эффективное управление конфликтами интересов, достижение равновесия с помощью взаимных уступок и компромиссов будет способствовать достижению стабильности, и катализирует позитивные изменения, придаст им нужную устойчивость и динамику.

Ключевые слова: *власть, бизнес, лоббизм, рента, переходный период.*

Анализ переходных процессов занимает видное место в современной политической науке. Переход Крыма на траекторию устойчивого экономического роста требует институциональной модернизации ряда сфер, прежде всего поворота экономики к решению социальных проблем общества. Подобные исследования актуальны и применительно к практике перехода Крыма в состав Российской

Федерации, в том числе и в аспекте изучения отношений между бизнесом и государством. Особый интерес в этой связи вызывает не столько эмпирический анализ и обобщение конкретных случаев, сколько выявление фундаментальных проблем взаимодействия бизнеса и власти, обусловленных общими рамками политико-экономических отношений («правилами игры»), сформировавшимися и функционирующими в условиях отсутствия действенных рыночных и государственных институтов.

Как свидетельствует российская практика, переводя экономические ресурсы в политическое влияние, олигархи получали возможность манипулировать государственными институтами с целью перераспределения доходов и собственности в свою пользу, начиная от санкционированного публичными органами захвата имущества «неэффективных» владельцев и заканчивая мягким присвоением ренты через искусственно созданные государством монопольные условия ведения бизнеса и прочие преференции. Разумеется, что в подобных обстоятельствах утверждение универсальных правил игры существенно сократило бы экономические и политические возможности олигархов, чем и объясняется их жесткое и результативное (в силу преобладания ресурсов) блокирование процессов построения эффективной правовой системы [1, с. 72].

Наличие системы адекватного и эффективного взаимодействия политической власти и бизнеса как власти хозяйственной, самоорганизующихся структур наемного труда, иных общественных институтов (обществ потребителей, научных, профессиональных, религиозных и т.п. сообществ) служит одной из важнейших качественных характеристик демократического общества.

Проблема конструктивного взаимодействия властных и предпринимательских структур не нашла еще адекватного ее научно-практической значимости отражения в научной литературе. Тем не менее, можно выделить отдельные исследования, затрагивающие проблемы: государственной поддержки малого бизнеса на федеральном и региональном уровнях (В.Афанасьев, А.Павроз, А.Цыганов, В.Яковлев и др.); самоорганизации современного российского предпринимательства и практики его лоббистской деятельности (М. Афанасьев, А. Зудин, Л. Лепехин, А. Нещадин) и др.

Признавая существенный вклад вышеперечисленных авторов в раскрытии отдельных сторон и направлений рассматриваемой темы, всё же необходимо отметить, что в современной политической науке недостаточно отражена проблема взаимодействия власти и бизнеса в условиях переходного периода. Данное взаимодействие предопределено объективной необходимостью нормального функционирования хозяйственной и политической власти. Незрелость, а подчас и полное отсутствие практики легального взаимодействия предпринимательских и властных структур в существенной мере обуславливается фактической научной неразработанностью политико-экономического аспекта данной проблемы.

Современная наука признает четкое определение прав собственности и, в более общем плане – эффективные институциональные ограничения (правовая система, суды и пр.) стержневой предпосылкой для достижения предельно оптимальной аллокации ресурсов. Негативные последствия слабой институционализации

экономики (рост транзакционных издержек, упадок деловой активности, сокращение инвестиций и т.д.) хорошо исследованы и представляются очевидными. Применительно к переходному периоду в Крыму именно правовая неопределенность хозяйственной деятельности (несовершенная юридическая база и судебная система, произвол при применении законов, административные барьеры, коррупция и пр.) справедливо считается одним из главных тормозов экономического развития региона.

В этих условиях роль дружественных отношений с правительством в качестве фактора успешной экономической деятельности многократно возрастает. Соответственно, увеличивается и конкуренция бизнес-структур за привилегированные отношения с государством, выражающаяся в приумножении как расходов на лоббирование (в том числе и теневое – коррупцию), так и отчислений на инициированные властью социальные программы. В этой связи М. Олсон [см. 2] описывает ситуацию политико-экономической деволуции следующим образом: все больше ресурсов отвлекается от производственной деятельности и направляется в борьбу за приобретение ренты, уменьшая производительный потенциал общества, прогрессирующее же расширение санкционированных государством рентных бенефиций (всевозможных привилегий, монополий и пр.), сокращая рыночную конкуренцию, делает экономику еще менее эффективной.

Таким образом, интеграция теоретических моделей с политическими технологиями открывает новый ракурс для рассмотрения вопроса о соотношении институциональных структур и неинституциональных практик, о значении и роли неинституциональных форм в регулировании взаимодействия бизнеса и власти. Способ взаимодействия институциональных структур и неинституциональных практик определяет эффективность политической деятельности, в связи с этим на первый план выходит такой феномен как поиск ренты [см. 3-5].

Сфокусировав внимание на экономическом обосновании стремления к получению ренты и обозначив предельные затраты одного субъекта на ее извлечение, анализ Г.Таллока продемонстрировал, что общественные потери от рентоориентированной деятельности значительно выше, чем принято было считать. Причем сущность вопроса заключается в том, что потери благосостояния общества обуславливаются не столько издержками от самой ренты в лице тех или иных монопольных прав, сколько отвлечением значительного количества ресурсов в борьбу за получение ренты. Разработанная Г. Таллоком концепция раскрыла истинную природу политической ренты и подвела базу экономического анализа под процесс ее присвоения, продемонстрировав реальный объем потерь общества от лоббирования с целью получения внеконкурентного дохода [5, с. 742].

Принципиальным положением в этой связи является разграничение «стремления к извлечению прибыли» и «стремления к извлечению ренты». Первое означает использование возможностей рынка для максимизации собственных доходов посредством производства большего количества благ при данных затратах или того же количества благ при меньших затратах. Второе представляет собой расходование ресурсов на получение искусственно созданных доходов,

приобретаемых посредством государственного перераспределения (монополии, особые права и т. д.). В первом случае получение дохода порождает положительные, во втором – отрицательные социальные последствия, т.е. индивиды действуют либо производительно в рамках существующих прав собственности (внедряя новые технологии, увеличивая масштабы производства, оперативно реагируя на ценовые сигналы и т. д.), либо непроизводительно – добиваясь пересмотра прав собственности в свою пользу (требуя от государства ограничить доступ конкурентов, установить повышенные цены на производимую ими продукцию или пониженные цены на используемые факторы производства и т. д.) [6, с. 86].

Свое практическое воплощение взаимодействие бизнеса и власти находит в самых различных формах и направлениях. В той или иной мере к их числу можно отнести практику:

- правового регулирования лоббистской деятельности предпринимательских структур;

- деятельности экспертно-консультативных организаций с обязательным участием в них деловых кругов;

- формирования и реализации промышленной и внешнеэкономической политики;

- трипартизма в регулировании социально-трудовых отношений и т.д.

В настоящее время в Крыму насчитывается всего 12 крупных предприятий, остальной бизнес считается средним и мелким, однако именно эта категория предпринимателей больше всего нуждается в государственной поддержке [см. 7]. С этой целью в республике с октября начнут работать сразу три профильные организации. Учитывая острую ситуацию в сфере трудоустройства в республике (особенно когда речь идёт о сельскохозяйственных районах), предпринимательство является особенно актуальным.

В рамках государственной программы «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Крым на 2014 год» новообразованная некоммерческая организация «Крымский государственный фонд поддержки предпринимательства» активно оказывает консультационные услуги, а с 6 октября будут проводиться образовательные курсы «Основы предпринимательской деятельности».

Активная поддержка развития малого и среднего предпринимательства способствует созданию большего количества рабочих мест, увеличению налоговых поступлений, росту национального дохода. В прогнозируемом периоде, в соответствии с Программой, усилия органов исполнительной власти Республики Крым и органов местного самоуправления будут направлены на:

- повышение роли малого и среднего предпринимательства в улучшении жизни населения;

- обеспечение взаимодействия бизнеса и власти на всех уровнях, привлечение предпринимательских кругов к решению вопросов социально-экономического развития республики;

наполнение регионального рынка товарами и услугами малых и средних предприятий, в том числе инновационного характера;

увеличение числа субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе в инновационной сфере;

повышение инвестиционной активности малого и среднего предпринимательства, в том числе за счет развития микрофинансовых институтов [см. 8].

Для реализации планов с целью ускорения социально-экономического развития Крыма и города федерального значения Севастополя, в Министерстве регионального развития была создана межведомственная рабочая группа, которая с представителями 30 федеральных органов исполнительной власти, органами исполнительной власти Республики Крым и города федерального значения Севастополя подготовили проект Концепции федеральной целевой программы (ФЦП) «Социально-экономическое развитие Крымского федерального округа до 2020 года». На реализацию ФЦП потребуется около 1 трлн руб., из которых 95% – средства федерального бюджета России.

Замдиректора Департамента инвестпроектов Минрегиона Екатерина Райхмен представила доклад по проекту Концепции, где отмечает, что ключевой системной проблемой развития Крымского федерального округа на среднесрочную перспективу является стабилизация ситуации и по возможности быстрая и результативная интеграция в экономику, социальную и институциональную сферы России.

Приоритетами федеральной целевой программы предлагается определить: снятие инфраструктурных ограничений, обеспечение транспортной доступности, энергетической безопасности, обеспечение водоснабжения, решение земельно-кадастровых вопросов и повышение качества жизни населения полуострова. Программа проработана в трех вариантах: инерционном, базовом и инновационном. Базовый, или оптимистичный, сценарий предполагает прежде всего реализацию мероприятий по снятию инфраструктурных ограничений развития экономики (строительство энергетической, коммунальной и транспортной инфраструктуры, производственных площадок), тем самым обеспечивая достаточные производственные мощности для привлечения в регионы Крымского федерального округа частных инвестиций и реализацию инвестиционных проектов. Предлагается реализовать концепцию в два этапа: первый этап (2015 – 2017 годы) – стабилизация ситуации – направлен на перелом негативных тенденций, сложившихся в силу внешнеполитической обстановки и изношенности инфраструктуры на территории Крымского федерального округа; второй (2018 – 2020) – этап устойчивого социально-экономического роста [см. 9].

В переходный период бизнес должен быть участником не только экономических, но и политических процессов, оказывая сильное влияние на политическую жизнь государства. В этих условиях отношения власти и бизнеса приобретают принципиальный характер для осуществляемых политических и социально-экономических преобразований. Определяющая роль в этих преобразованиях принадлежит социальным, политическим и экономическим

институтам, задающим и регулирующим эти отношения. Сложившиеся к настоящему времени институты и инструменты регулирования взаимодействия между властью и бизнесом недостаточно приспособлены к новым реалиям политической и экономической жизни. Медленные темпы институциональных преобразований в данной среде затрудняют становление четких правил и норм взаимодействия власти и бизнеса. Динамика общественной жизни настоятельно требует установления между властью, обществом и бизнесом более прозрачных, легитимных форм их взаимоотношений.

Поскольку предпринимательство в переходный период глобальной трансформации становится все более значимым субъектом не только экономических, но и социальных отношений, то формирующийся в Крыму механизм взаимодействия государства и бизнеса должен базироваться на оптимальном использовании следующих системных принципов:

достижения консенсусности интересов власти, бизнеса и гражданского общества в ходе общественной дискуссии по идентификации основных направлений экономической стратегии государства;

институционализации взаимоотношений предпринимательских структур, гражданского общества и органов власти через создание институтов Общественной палаты, лоббирующих структур, саморегулируемых организаций предпринимателей, работодателей и др., реализацию социальных и благотворительных программ;

участия бюджетобразующих и крупных фирм в социально-экономической жизни местного сообщества через институт государственно-частного партнерства и др.

Очевидно, что создание условий для устойчивого развития предпринимательства в Крыму – сектора, обеспечивающего эффективные институциональные преобразования в экономике региона, развитие инвестиционной деятельности, конкурентной среды, создание рабочих мест и повышение налоговой базы, должно стать приоритетным направлением социально-экономических преобразований в регионе.

Список литературы

1. Павроз А. Взаимодействие бизнеса и государства в России: редистрибутивная модель / А.Павроз // Вестник Пермского университета. Политология. – 2009. – Выпуск 4 (8). – С.72-79.
2. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / М. Олсон. – Новосибирск : ЭКОР, 1998. – 432 с.
3. Бьюкенен Дж. Извлечение ренты и извлечение прибыли / Дж. Бьюкенен // Политическая рента в рыночной и переходной экономике. – М. : ИМЭМО РАН, 1995. – С. 22-24.
4. Медема С. Еще один взгляд на проблему извлечения ренты / С. Медема // Политическая рента в рыночной и переходной экономике. – М. : ИМЭМО РАН, 1995. – С. 35-36.
5. Таллок Г. Соискание ренты / Г. Таллок // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М. : ИНФРА-М, 2004. – С. 741-743.
6. Павроз А. Соискание ренты как категория политического анализа / А.Павроз // «Вестник Московского Университета» (Политические науки). – 2009. – №2. – С.84-94.

7. Спасательный круг для крымского бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ktelegraf.com.ua/6099-spasatelnyj-krug-dlya-krymskogo-biznesa.html>.
8. Крымский государственный фонд поддержки предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fppark.crimea.ua/index.php/2013-07-14-22-00-27/2013-07-14-22-04-59>.
9. Крым спасут миллиарды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: finance.rambler.ru/news/analytics/146213695.html.

Grosfeld E.V. Problems of Interaction between Government and Business in the Conditions of the Transition Period in the Crimea // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 242–248.

The article deals with the problems of interaction between government and business in the transition period in the Crimea. Stated that the existing institutions to date and management tools of interaction between government and business is not enough adapted to the new realities of the political and economic life. Determining role in these transformations belongs to social, political and economic institutions that sets and regulates the relationship. It is proved that need a different, more flexible model of interaction between government and the business community is actively pursuing its organized interests. In this context, the focus is on the disclosure of features and socio-political factors, institutional transformation of the system of interaction between business and government. The necessity of establishing between the government, society and business transparent, legitimate forms of their relationship is underlined. Legitimate mechanism for controlling the activities of the authorities on the part of civil society will contribute to a more complete representation of business interests. Effective management of conflicts of interest, achieving equilibrium with the help of mutual concessions and compromises will contribute to the stability and catalyze positive change, will give them the necessary stability and dynamics.

Keywords: government, business, lobbying, rent, transitional period.

УДК 141. 130.2

КРЫМ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИДЕИ

Переход С.О.

Данная статья посвящена вопросу о месте Крыма как социо-культурному феномену в контексте русского мира. В работе на основе обширного историко-философского материала рассматривается Крым как один из центров формирования русского государства.

Ключевые слова: Крым, русская идея, русская цивилизация.

Рассматривая Крым как социо-культурный феномен в контексте русского мира, можно отметить, что начиная с крещения Руси Владимиром Великим в 988 году, существует генетическая связь между Россией и Крымским полуостровом. Крым стал одним из центров, где формировалась русская идея как матрица развития православного государства – Киевской Руси. Общественная мысль Крыма формировалась в контексте философско-политических рефлексий русской философии.

Крымской проблематикой в разное время занимались видные представители русской философской мысли: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет, Н. Я. Данилевский. В своих трудах философы отмечали роль Крыма как моста между «большой» Россией и причерноморским регионом. По их мнению, общественно-политическая и культурная жизнь Крыма (крымская субъидея) являлась неотъемлемой частью русского философского дискурса.

Этапным моментом в развитии Крыма явилось присоединение его к Российской империи в 1772 году. Данный исторический акт стал поворотным пунктом, как в истории России, так и крымского общества. Результатом данного события стало формирование на территории Крымского полуострова многонационального, поликультурного, поликонфессионального общества, в рамках которого сформировалась особая полиэтническая общность с особым культурным менталитетом, характерная черта которого есть толерантность между различными этническими и политическими группами. К особенностям крымской ментальности можно отнести целостность восприятия универсума, теоцентричность, синтез различных культурных традиций. В рамках этого синтеза русская культура как материальное воплощение Русской идеи является стержнем крымского социума.

На протяжении XVIII-XX веков большая часть многонационального населения Крыма относилась к русской цивилизации.

Под русской цивилизацией мы понимаем не узко этническую общность, а соединение малых и больших национальных и этнических групп, которые связал русский народ. В рамках этой цивилизации все политические, культурные, религиозные проблемы находят свое достойное разрешение.

По мнению представителей русской философии, Русская идея по своей сути не является сугубо национальной, а является поликультурной. Вл. Соловьев, основатель философии всеединства, назвал ее «всемирной». В своих исследованиях об особенностях русского общества Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский и другие философы особое внимание уделяли отношению русского народа к малым народам. Данный тезис находит свое историческое обоснование в фактах защиты малых православных народов (болгар, греков) на Балканах в XIX веке. Все эти особенности русского характера нашли свое отражение в истории Крыма.

Только после интеграции Крыма в состав Российской империи все национальные и этнические группы получили возможность для полноценного существования в рамках многонационального общества.

Поликультурный характер крымского субъэтноса обуславливается формированием крымского инварианта общерусской идеи. Под Крымским субъэтносом мы понимаем совокупность национальных, этнических, социальных и религиозных групп, которые объединены в рамках крымского полуострова Русской идеей для достижения общего блага. Все национальные группы крымского субъэтноса успешно реализуют свои материальные и духовные потребности в различных сферах общественной жизни (сельское хозяйство, культура), так, например, появился особый тип крымского искусства и архитектуры (крымский ампир) в конце XIX – начале XX веков.

Особое влияние на формирование крымской субидеи оказали такие видные представители русской философии, как В.И. Вернадский, С.Н. Булгаков, Г.Г. Шпет. Именно они стояли у истоков формирования высшего образования в Крыму. В.И. Вернадский (один из основоположников теории ноосферы) стал ректором Таврического университета, образованного в 1918 году. С.Н. Булгаков и Г.Г. Шпет являлись основателями крымской школы отечественной философской мысли. Они преподавали на кафедре философии Таврического университета и в Таврической духовной семинарии в 1920 – 1921 гг. В Крыму в 1921 году С.Н. Булгаков начал работу над своим фундаментальным трудом по философии имени.

В 20-х годах XX века Крым стал центром, где представители российского гуманитарного направления моделировали пути выхода из политического и культурного кризиса, и размышляли о судьбе России. В годы правления генерала Врангеля в Крыму были предприняты попытки реализации экономических реформ, которые в случае победы Белого движения могли быть перенесены на общероссийский уровень. Именно Крым в годы Гражданской войны стал

последним бастионом борьбы против коммунистического режима. В советский период существования Крыма среди видных представителей русской философии можно выделить Войно-Ясенецкого, Сагатовского, Шумилина и др. В своих трудах они разрабатывали различные аспекты русской философии и святоотеческого богословия.

Большой вклад в развитие русского богословия в XX веке внес Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), причисленный в наше время лике святых. В своем фундаментальном философско-богословском труде «Дух, Душа и Тело» владыка рассматривал взаимоотношение духовного и телесного в сущности человека.

В 60-80-х годах XX века яркими представителями крымской школы российской философии являлись заведующие кафедрой философии Симферопольского государственного университета В.А. Сагатовский и А.М. Шумилин. Благодаря им крымская школа философии входила в пятерку лучших философских школ Советского Союза. Профессор В.А. Сагатовский был одним из разработчиков и активных участников восстановления Крымской автономии и формирования крымской идеи.

Современные представители философско-политической мысли Крыма: Мальгин А.Н., Габрилян О.А., Никифоров А.Р., Филатов А.С. в своих научных изысканиях рассматривают различные аспекты развития Крыма. Часть исследователей (Габрилян О.А., Мальгин А.С.) считают возможным существование Крыма в рамках федеративного украинского государства, в котором крымский субъект будет сохранять максимальную автономию. Другие крымские философы и политологи (Филатов А.С., Киселев С.Н., Никифоров А.Р.) считают, что оптимальный путь развития Крыма связан со скорейшей реинтеграцией в состав России.

Особое место в политико-философских исследованиях занимает крымско-татарский фактор. По мнению большинства исследователей, не существует непреодолимых разногласий между славянским (русско-украинским большинством) и крымско-татарским населением Крыма. Возникающие разногласия можно решить в результате взаимных уступок и создания общей идеи для достижения всеобщего блага. Практическим шагом на пути гармонизации межэтнических отношений может стать, по нашему мнению, создание двухпалатного парламента, где палата национальностей будет включать всех представителей национальных и этнических групп.

На основании выше сказанного можно сделать следующий **вывод**:

1) крымская субъидея есть неотъемлемая составляющая российского цивилизационного архетипа;

2) основные константы Русской идеи имеют свою рецепцию в крымской действительности;

3) на формирование крымского варианта Русской идеи оказали влияние этно-политические и экономико-географические особенности Крыма, такие как:

а) религиозный фактор (мирное и гармоничное существование традиционных религий – православия и ислама),

б) поликультурный фактор (исторически сложившееся многонациональное сообщество, в котором национальные и социальные субъекты существуют в диалектическом единстве),

в) территориальный фактор – транзитивность (нахождение крымского полуострова на перекрестках мировых торговых и экономических путей),

г) рекреационно-климатический фактор (существование благоприятных условий для развития морского, экуменического, горного и «зеленого» туризма).

Учитывая особенности Крыма и интересы всех малых наций и народов, можно создать на территории Крыма стабильно-развивающееся многонациональное общество, субъекты которого будут вносить свой вклад в укрепление общего дома.

Список литературы

1. Киселев С.Н. Размышление о Крыме, о геополитике / С.Н. Киселев. – Симферополь : Крымский Архив, 1994. – 63 с.
2. Никифоров А.Р. Три проекции крымской идеи / А.Р. Никифоров. – Симферополь : Доля, 1995. – 80 с.
3. Мальгин А.Н. Крымский узел: очерки политической истории Крымского полуострова (1989-1991) / А.Н. Мальгин – Симферополь : Доля, 1995. – 155 с.
4. Габрилян О.А. Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения / О.А. Габрилян. – Симферополь : Доля, 2002. – 205 с.

Perekhod S.O. Role of Crimea in the Context of Russian Idea // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 249-253.

The role of Crimea as socio-cultural phenomenon in the context of Russian world is researched. Crimea is regarded as one of the centers of the formation of Russian state. Baptism of Rus by Vladimir the Great in 988 initiated genetic ties between Russia and Crimea. Crimea had become one of the centers where Russian idea was forming as matrix of the development of Orthodox state – Kievan Rus. Historical act of annexation of Crimea to Russia (in 1772) has become turning point in the formation of multinational, multicultural, polyconfessional society. The result of this event was the formation of multinational, multicultural society on the territory of Crimean peninsula. This particular multiethnic community possesses special cultural mentality, the main feature of it is tolerance between different ethnic and political groups. One of the features of Crimean mentality is integral perception of universe and synthesis of different cultural traditions. Within the framework of this synthesis material implementation of Russian idea is the core of Crimean society. During 18-20 centuries a large part of the population of Crimea belonged to Russian civilization. Russian civilization means the combination of small and large national and ethnic groups which had been connected by Russian people. All political, cultural, religious problems are solved within the framework of this civilization. According to the representatives of Russian philosophy Russian idea is not only national, but it has multicultural meaning. Polycultural character of

Crimean subethnos is defined by the formation of Crimean invariant of all-Russian idea. Ethno-political and economic-geographical particularities of Crimea such as harmonious existence of Orthodoxy and Islam, territorial, recreational-climatic factors had the influence on the formation of Crimean variant of Russian idea.

The analysis was made on the basis of historical and philosophic literature.

Key words: Crimea, Russian idea, Russian civilization.

УДК 323.2

ЕВРОМАЙДАН В УКРАИНЕ: НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Меджитов М.Е.

В работе проведен анализ факторов, которые вызвали общественно-политический кризис в Украине, репрезентировавший себя в форме Евромайдана. Дана оценка последствию общественно-политического кризиса и пути выхода из него.

Ключевые слова: *власть, оппозиция, акция протеста, гражданское общество, демократия.*

Предметом статьи выступает общественно-политический кризис в Украине, **целью** – является анализ факторов, вызвавших общественно-политический кризис.

Самым значимым событием в Украине в 2013 году стал Евромайдан, который изменил политико-правовую и социально-экономическую ситуацию не только в Украине, но и в мире. То, что начиналось как мирный протест граждан против беззакония и вседозволенности власти, быстро переросло в нечто большее, с большими последствиями как для самой Украины, так и для всей мировой системы безопасности. Самой большой трагедией стала гибель людей, со все увеличивающимся количеством жертв – и это происходит в Европе в XXI веке. К сожалению, Евромайдан не ограничился лишь событиями на площади Независимости и сменой власти: процесс перерос в конфликт внутри общества, что привело к потере части территории и началу открытого противостояния между отдельными регионами и центральной властью.

В настоящее время (статья готовилась в августе 2014 г.) Украина стоит перед реальной угрозой распада государства, так как общественно-политический кризис перерос в силовое противостояние между отдельными регионами на востоке страны и центральной властью. По сути, речь идет о гражданской войне, которая может привести к распаду государства или, по крайней мере, потере части ее территории. Центральная власть в Киеве вместо того чтобы попытаться наладить диалог с регионами использовала силу против своих же граждан, что естественно вызвало ответную реакцию жителей этих регионов. Большая ошибка субъектов государственной власти заключается в том, что они отказываются признавать факт ведения боевых действий с собственными гражданами, а воспринимают как противостояние с группой террористов-боевиков, которые терроризируют местное население. К существующему политическому противостоянию добавляется

усугубляющийся кризис в экономике, что очень сильно сказывается на уровне благополучия общества. Серьезный фактор, который может стать катализатором кризиса – досрочные парламентские выборы. Наметился раскол между бывшими союзниками: Батькивщиной, Ударом и Свободой. Противостояние между бывшими союзниками может усугубить положение в Украине. В обществе очень сильны протестные настроения, чем непременно могут воспользоваться политические силы, как это уже было в середине 2013 года, когда формировались предпосылки Евромайдана.

В основе акций массового протеста в Украине, начавшихся осенью 2013 г, было недовольство людей своим социальным положением и уровнем благополучия. Именно так и начиналось все в 2013 году. Власть принимает ряд непопулярных законов и кодексов, которые вызвали недовольство в обществе. Например: Налоговый кодекс, изменения в Пенсионное законодательство, что в итоге привело к повышению пенсионного возраста для женщин на 5 лет, ухудшению социально-экономических показателей развития общества и т. д.

Таким образом, первое, что было в основе начала протестного движения, позже получившее название Евромайдан, это недовольство граждан своим социально-экономическим положением.

Власть в Украине на протяжении 23 лет независимости существовала как бы отдельно от общества. Не была сформирована стабильная связь между органами государственной власти и обществом. Отсутствовало взаимодействие между государством и институтами гражданского общества. Власть не реагировала на требования общества, на его запросы, а если и была реакция, то она носила эпизодический характер или в период предвыборной кампании. После прихода к власти, политические силы напрочь забывали то, что обещали своим избирателям, гражданам. Должностные лица государственных органов проявляли по отношению общества – «политическую апатию».

По мнению автора, эта политическая апатия также явилась основой для Евромайдана 2013. Дополнительное раздражение граждан вызвало игнорирование властью того, что происходит на улицах и площадях столицы и в других городах страны. Попытка властей первоначально не замечать протесты отрицательно сказалась на самой власти в будущем. Сложившейся ситуацией смогла воспользоваться политическая оппозиция, которая привлекла факт «политической апатии» власти для завладения сознанием протестующих, что позволило им стать во главе протестного движения.

Как уже отмечено выше, в основе было недовольство граждан социально-экономическим положением. Экономический фактор – самый мощный катализатор всех протестных акций. Падение экономических показателей, которое началось после мирового экономического кризиса, усугубило положение. Принятие непопулярных мер в пенсионной сфере, налоговой сфере еще больше усугубило положение. Власть не смогла исправить ситуацию в сфере экономики, на практике не было практически ничего. Это серьезный просчет прежнего руководства – оно имело все возможности для осуществления своих обещаний [см. 1]. Для выполнения своих обязательств перед народом у прежней власти было достаточно

ресурсов, как политических, так финансовых и административных. Почему они не были использованы? Возможно, представителей прежней власти захлестнула борьба за власть между различными группами влияния, передел собственности и т.д. То есть, на первый план выходили собственные интересы, а не интересы государства. Отметим, что защита личных, эгоистических интересов вовсе не связана только с предыдущей властью, она характерна для всех, кто приходил к власти в Украине за эти 23 года независимости. Новая власть, которая пришла на волне протестного движения на майдане 21 февраля 2014 года, решает сугубо личных интересов, а не государственными делами. Так, занимаясь распределением должностей и поиском виновных в трагедии на Майдане, были забыты регионы, где начали протекать процессы, приведшие к драматическим последствиям.

Экономические проблемы – это не только низкие зарплаты и другие выплаты, это скорее результат тех действий, которые осуществляет власть в этой сфере. В сфере экономики в Украине много нерешенных вопросов. Это, например: сокращение рабочих мест, рост цен и тарифов, инфляция, коррупция, особенно в государственно-бюджетной сфере, экономические преступления и т.д. Ни одна политическая сила, которая приходила к власти в Украине, не смогла решить эту проблему. Это относится и к нынешней власти, которая тоже занимается популизмом, а не решением экономических проблем. Не надо забывать, что протесты в Украине толкают ее к дефолту. Акции украинских компаний на мировых фондовых биржах теряют в цене, что еще более усугубляет положение в украинской экономике, так как делает ее не привлекательной для инвестиций. Международные рейтинговые агентства, такие как Fitch Ratings, понизили суверенный рейтинг Украины в иностранной валюте с уровня В – до ССС. От дефолтной отметки отделял один пункт. Своеобразным ответом на ситуацию в стране стал курс валют по отношению к национальной валюте – произошла резкая девальвация гривны, и произошел отток капитала из страны. Так, например, в первые дни после кровавых событий на Майдане в конце февраля 2014 года индекс украинской биржи обвалился на рекордные 4.22%, а индекс ПФТС – на 4.16%. В первую очередь начали дешеветь бумаги крупных компаний таких как Укрнафты (-10.78%), Укрсоцбанка (-7.28%), Азовстали (-5.24%) и Центрэнерго (-5.13%). Что касается национальной валюты Украины, то она только за один день 19 февраля девальвировала на 20 копеек, и официальный курс составлял 9.05 грн за 1[2]. Курс национальной валюты на протяжении нескольких последующих месяцев неуклонно рос по отношению к основным валютам к доллару США и Евро. На конец августа курс составлял 11,80-12 грн за 1\$ и 14,50-15 грн за 1€. Девальвация гривны приводит к росту потребительских цен и благосостояние народа ухудшается.

Экономический фактор был использован политическими оппонентами действующей власти и был сформирован тезис о том, что социально-экономическое благополучие возможно лишь при вступлении сначала в Ассоциацию с Европейским Союзом – (ЕС), а в будущем – ее полноправным членом. Для этого необходимо подписать Соглашение об Ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС. Лозунг «Европа нам поможет» и «Украина – это Европа» стал самым популярным среди сторонников протестного движения. Необходимо сказать, что в какой-то

степени власть сама способствовала, чтобы экономические проблемы начали приобретать политический и ценностно-мировоззренческий оттенок. Решение В.Януковича подписать Соглашение об Ассоциации с ЕС было неожиданным, так как раньше считали, что В.Янукович и Партия Регионов имели пророссийскую ориентацию, а тут разворот на 180 градусов во внешней политике. Затем последовал такой же резкий отказ от подписания этого соглашения под предлогом его экономической невыгодности для Украины. Но именно непоследовательные и непонятные для граждан действия властей в вопросах евроинтеграции придало политический подтекст к требованиям протестующих.

В этом вопросе происходит тесное взаимодействие экономических и политических факторов, которые влияли на акцию протеста на майдане, именно тогда он начал называться – Евромайдан.

По мнению экс-президента Украины Л.Кучмы, Евромайдан изначально не ставил политических целей, он хотел продемонстрировать волю граждан, особенно молодежи. Политизироваться Евромайдан стал потому, что власть не только игнорировала его требования, но и прибегла к ничем не оправданной и неадекватной по методам попытке разгона протестующих в ночь на 30 ноября. Политизации способствовали также непоследовательные действия власти по приостановке евроинтеграции. Долило масло в огонь и правящее большинство в парламенте. Принятые им 16 января «антимайданные законы» фактически спровоцировали радикальные силы как в парламенте так и среди протестующих майдане [см. 3]. Предтечей появлению на политической сцене радикальных группировок стало прохождение в парламент партии Всеукраинского объединения «Свобода» во главе с ее лидером О. Тягнибоком. Данная политическая сила не скрывала своих радикальных взглядов националистического характера, пройдя в парламент, продолжала придерживаться своих взглядов. Во время акций протеста в Киеве партия принимала активное участие.

Так что появление радикальных группировок среди участников акций протеста было всего лишь вопросом времени. Их появление стало носить массовый характер. Начали появляться различные майдановские сотни (точное количество никто не сможет подсчитать), которые принимали активное участие в столкновениях с сотрудниками правоохранительных органов, «Правый сектор», который сформировался в период массовых акций протеста, как в Киеве, так и в других городах на западе Украины. С появлением этих группировок ситуация на майдане резко обострилась и действия протестующих начали носить более агрессивный характер.

Проблема с неподконтрольными общественными организациями в Украине довольно серьезна. В Украине зарегистрированы десятки тысяч неприбыльных общественных организаций: кто и за что им платит этот вопрос начал волновать государственных деятелей во время начала протестного движения. Количество западных фондов, которые работают в Украине и дают местным общественным организациям деньги на развитие в стране демократических институтов затрудняется назвать даже Государственная регистрационная служба. Что уже говорить об общем бюджете всех вливаний. Причина – в большом количестве

доноров и переплетении их действий. Но деньги выделяются не маленькие, так, например, в 2013 году один только международный фонд Відродження на программу «Гражданское общество и надлежащее управление» выделил 1,25 млн. \$. Программа поддержки средств массовой информации предполагала финансирование в размере 470 тыс. \$. По словам депутата от Партии регионов В. Колесниченко, американцы с 2004 года потратили \$5 млрд., ЕС – \$3,4 млрд. за 10 лет [см. 4]. Это получается с момента Майдана 2004 года. Власть фактически не контролировала процесс финансирования общественных организаций, хотя это нужно было делать, так как речь идет о национальной безопасности государства. Не исключено, что радикальные группировки тоже финансировались и финансируются по программе развития демократических институтов и гражданского общества.

Еще одним важным элементом политического фактора является политическая оппозиция, которая смогла взять под свой контроль события на майдане и возглавить акцию. Парламентские выборы 2012 года продемонстрировали, что у партии власти рейтинг существенно снизился, хоть она и сохранила большинство в парламенте, но оно было нестабильным. Снижение рейтинга партии власти привело к тому, что в законодательный орган государства прошли три политические силы, которые сформировали оппозицию провластным силам. Политическая оппозиция на протяжении всего года до событий на майдане вела борьбу с действующим режимом. Желание и цель любой политической оппозиции – прийти к власти и удержать ее. Политическая оппозиция в Украине использовала общественный протест в собственно конъюнктурных целях, т.е. чтобы прийти к власти. По мнению автора, большая вина в том, что произошло в Украине, лежит именно на оппозиции, которая свои интересы поставила выше государственных. В какой-то мере оппозиция захотела взять реванш за потерю власти после майдана 2004 года. Таким образом, желание оппозиции прийти к власти придало этому процессу политическую поддержку и вывело общественный протест на новый уровень. Оппозиция использовала общественный протест как дополнительный элемент в борьбе с властью, используя гражданское недовольство как дополнительный метод давления на провластные силы. Это стало очевидным, когда началась серия переговоров между Президентом В.Януковичем и лидерами трех оппозиционных партий: А. Яценюком, В. Кличко, О. Тягнибоком. Лидеры оппозиции призывали, например, к Конституционной реформе и возврату Конституции образца 2004 года, власть просила не спешить. Переговоры продолжались до 18 февраля, то есть до наступления так называемого «черного вторника», когда силовые органы попытались в очередной раз разогнать акцию протеста и это переросло в силовое столкновение с множеством жертв. События «черного вторника» имели серьезные последствия как для действующего на тот момент Президента В. Януковича и его сторонников, так и для всего государства.

Не последнюю роль в событиях на Майдане играли представители западных государств и организаций, которые принимали активное участие в диалоге между властью и оппозицией и являлись фактически еще одной стороной конфликта. Представители всех государств членов ЕС и США успели побывать на Майдане, пообщаться с народом, выражая им поддержку в борьбе, подчеркивая тем самым,

что они на их стороне. Например, все успели запомнить раздачу булочек протестующим представителем госдепа США Викторией Нуланд, успели там не раз побывать и посол США в Украине Джеффри Пайет, активную деятельность проявляла представитель ЕС Кэтрин Эштон, глава МИД Германии Ф.-В. Штайнмайер и т. д. Все это никак не вязалось с их миротворческой миссией. Фактически они становились дополнительным инструментом воздействия на украинскую власть. Именно западные эмиссары во многом несут ответственность за то, что происходило в Украине во время событий на Майдане и после него. Представителей западных государств и организаций считает автор тем самым внешним фактором, который влиял на процесс активизации протестного движения и смену руководства страны. Западные эмиссары были заинтересованы в развитии ситуации именно по такому сценарию, который и был реализован. Зачем это надо было им? Ответ, по мнению автора, лежит в геополитической плоскости. В мире началась борьба за перераспределение сфер влияния. Ряд «цветных революций» на пространстве бывшего СССР, череда революций в странах Северной Африки, которая получила название «арабской весны» и вот теперь Украина и ее Евромайдан – все это звенья одной цепи. Геополитическое противостояние между США, Европой с одной стороны и Россией с другой стороны вышло на новый уровень. Так как результаты «цветных революций» и «арабской весны» не увенчались полностью успехом для США и его союзников, им не удалось вытеснить Россию из этих регионов. Украина стала новым плацдармом противостояния. Это противостояние ничто иное, как попытка уменьшить влияние РФ как государства на мировой арене. Конфликт в Украине будет иметь серьезные последствия, для России, так как он переместился вплотную к ее границам, что может привести к дестабилизации ситуации в приграничных субъектах РФ. Россия не должна допустить сокращения своего геополитического пространства, что будет означать потерю авторитета на международной арене и превращение в ничего не значащего субъекта мировой политики. Примерно с такой ситуацией Россия столкнулась после развала СССР и началом периода либеральной демократии, которая чуть не привела распаду самой России.

Что касается самой Украины, то многое будет зависеть от тех решений, которые будут приниматься руководителями государства. Принимаемые решения должны защищать интересы, как общества, так и государства, а не интересы ограниченного круга лиц находящихся у власти. Власть должна прекратить принимать популистские решения и противостояние между ветвями власти. Если этого не произойдет, то Украина рискует пойти по пути продолжения дестабилизации ситуации в стране, что будет иметь весьма печальные последствия для Украины.

Делая **вывод**, необходимо отметить, что в основе общественно-политического кризиса в Украине получившего название – Евромайдан – были экономические и политические факторы. Причем, эти факторы носили как внутренний, так и внешний характер. Особенно это проявлялось в активной поддержке представителями международных организаций, таких как ЕС, НАТО, ОБСЕ и руководителями государств, таких как США, Германия, Франция, Польша и т.д.

Активная внешнеполитическая и внешнеэкономическая поддержка внесла свой «вклад» в развитие ситуации в Украине.

Внутриполитическая и экономическая ситуация в самой Украине тоже не вселяет оптимизма. Ухудшение экономических показателей приводит к ухудшению благосостояния населения, что может в дальнейшем стать катализатором новой нестабильности в государстве.

Политическое противостояние между ветвями власти и политическими силами может лишь усугубить сложившуюся обстановку в государстве и способствовать развитию в нем центробежных тенденций.

Для преодоления общественно-политического кризиса необходимо: консолидироваться всем заинтересованным политическим силам; прекратить искать врагов внутри и за пределами страны; начать принимать необходимые для государства нормативные акты; начать диалог со всеми регионами; нормализовать экономические отношения со всеми торговыми партнерами. Все это позволит нормализовать ситуацию и предотвратит дестабилизацию в Украине.

Список литературы

1. Сайт ЦВК Украины / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cvk.gov.ua>.
2. Свиницкая О. Будет хуже / О. Свиницкая // «Корреспондент». – 2014. – №7. – С. 22-23.
3. Кучма Л.Д. Новое правительство Украины должно быть техническим и способным дать эффективную программу исправления ситуации в экономике / Л.Д. Кучма // Интерфакс-Украина от 10.02.2014 г.
4. Русин Д. Грантовый браслет / Д. Русин // «Корреспондент». – 2014. – №5. – С. 18-20.

Medzhytov M.E. Some Factors of the Origin and Development of Euromaidan // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 254-260.

The article is devoted to significant social and political events in Ukraine in 2013 - Euromaidan. The paper reveals the main factors that influenced the emergence and development of socio-political crisis in Ukraine. Details reveal the political and socio-economic factors which in my opinion are the main catalysts for the emergence and development of socio-political crisis in Ukraine. Analyze the actions of the authorities and the political opposition during the protests that took place not only in the capital of Ukraine, but also in many cities around the country. Particular attention is paid to the political support provided by some representatives of the Western countries and international organizations. Specifically, the question why Euromaidan did not complete the change of political power and took the form of violent confrontation which culminated in a huge number of victims and the threat of political and socio-economic disaster in the country is raised. As a result, the development of socio-political crisis in Ukraine has formed a legal vacuum which also does not help to reduce the crisis but on the contrary it is a catalyst. So it has been nothing that can provoke the confrontation between different social groups than irresponsibility for their actions. Additionally, the consequences of socio-political crisis and ways out of it are estimated in the article.

Keywords: power, opposition, protest, civil society, democracy.

УДК 327.51

БРИКС КАК НЕФОРМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИДЕРОВ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шевченко Р.И.

В статье рассматривается статус неформальной организации БРИКС в системе международных отношений, проанализирована история создания, предпосылки учреждения и факторы консолидации государств-участников БРИКС. Анализируется мнение экспертного сообщества. Сделан вывод о том, что БРИКС на современном этапе является формой консультации между лидерами Больших пространств.

Ключевые слова: *БРИКС, международные организации, развивающиеся страны, двухсторонние отношения, экономическое сотрудничество.*

Процессы создания новой геополитической реальности, проходят в условиях, когда две модели – модель, которая подразумевала под собой основы монополярного мира, а также незавершенный распад биполярной системы – накладываются на новые тенденции развития международных отношений. Под новыми тенденциями подразумеваются: глобализация, противоречивые процессы интеграции и дезинтеграции, усиление роли транснациональных компаний и изменения роли национальных государств в мире, а также глобальный экономический кризис, который переформатировал внешнеполитические подходы великих держав.

Актуальность темы исследования обусловлена перестройкой постбиполярной международной системы, проходящей в условиях, где США – главный мировой игрок, ЕС – центр экономического роста в Евразии, Восточная Азия – только появившийся геополитический центр экономической мощи, самоутверждающийся в новых условиях. В группу государств, которые претендуют на лидерство различного масштаба и характера, постепенно входят и другие страны. Как нельзя лучше ситуацию отображает новое формирование потенциальных государств-лидеров – соединение БРИКС (BRICS). Эта аббревиатура составлена из первых букв названий государств, составляющих его: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика.

Цель данной публикации исследовать феномен БРИКС в современной системе международных отношений.

Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) на современном этапе становления новой геополитической реальности становятся лидерами развивающихся стран. Современное название вошло в международную практику в 2011 г., после присоединения Южно-Африканской Республики (декабрь 2010). Впервые термин БРИК был использован в докладе инвестиционного банка «Goldman Sachs» в ноябре 2001 г. [см. 6], посвященном прогнозу состояния мировой экономики в середине XXI века. Автором термина считается американский экономист Дж.О'Нил [см. 18], который использовал его применительно к группе развивающихся стран – Бразилии, России, Индии, Китаю. В своем докладе экономист рассматривает группу этих стран в качестве новых инвестиционных рынков. С 2001 по 2003 годы термин не привлекал серьезного внимания ни журналистов, ни экспертов, ни тем более инвесторов. В 2003 году Goldman Sachs опубликовал масштабный документ «Dreaming With BRICs: The Path to 2050», Global Economics Paper №99», авторами которого были Доминик Уилсон (Dominic Wilson) и Рупа Пурушотхаман (Roopa Purushothaman) [см. 24]. Основным смыслом исследования сводился к смелому предсказанию об утрате странами G7 экономического лидерства к 2050 году. Документ предложил концепцию, согласно которой экономики стран БРИК при стабильно высоком росте смогут в ближайшем будущем играть более активную роль в мировой политике.

Ключевой платформой для объединения четырех стран в одну группу стали показатели экономического роста. В первую очередь, упор делался на прогностический анализ величины и темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП). Для описания структурного сходства стран БРИК в документе Goldman Sachs от 2003 года использовались следующие формулировки: самые большие экономики будущего [the largest economies (future)], большие развивающиеся страны [the large developing countries], развивающиеся страны [developing countries], развивающиеся экономики [developing economies], крупнейшие экономики к 2050 году [largest economies in the 2050], четыре крупнейшие развивающиеся экономики [four largest developing economies].

Очевидно, что преобладающими элементами концепции являлись определения «большой» и «развивающийся» [см. 20].

По мере динамичного экономического подъема государств, входящих в состав БРИК, они стали проявлять растущую склонность к экономическому и дипломатическому взаимодействию. В 2001 – 2005 гг. они активизировали свое сотрудничество в рамках ООН и в формате различных встреч на высшем уровне. Процесс конституирования БРИК начал набирать обороты. Поворотной точкой от «виртуального альянса», к реально действующей структуре, стала встреча министров иностранных дел стран-участников БРИК в Екатеринбурге, в 2008 году. На встрече было согласовано решение о придании БРИК официального статуса и переводе его из неформального на высший государственный уровень [см. 4].

На современном этапе страны БРИКС – это лидеры развивающегося мира, что стало возможным благодаря влиянию некоторых глобальных факторов. К этим факторам, несомненно, можно отнести: внушительную численность населения,

площади территории и объёмы постоянно растущих экономик. На долю государств-участников БРИКС приходится 40% населения планеты, 25% площади земной поверхности и около 20% мирового ВВП. Они уже контролируют около 43% мировых валютных резервов и их доля продолжает расти [см. 25]. Но для понимания роли БРИКС в новой геополитической реальности необходимо четкое понимание: чем является БРИКС? При этом очевидно, что потенциал и перспективы институционализации БРИКС во многом зависят не только от того, как это объединение видится экспертным сообществом, но и от того, в гораздо большей степени, как это видится самим лидерам стран-участниц данного объединения.

В российском политическом дискурсе, по мере вхождения в него термина БРИК, появилось представление о том, что, будучи мировыми гигантами, страны БРИК в скором времени будут занимать большую долю в мировой экономике и рано или поздно станут центрами мирового экономического роста. Данной концепции в своих публикациях придерживалась исследовательница – А. В. Бобровников, В. М. Давыдов [см. 2, 3]. Они определяли БРИК как группу «стран-гигантов» в XXI в. [см. 3]. После проведения первого саммита БРИК в Екатеринбурге и кризиса 2008 года, появляются публикации Б. Ф. Мартынова [см. 14-17] – профессора Кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, доктора политических наук, в которых он отмечал, особую роль Бразилии в БРИК. В статье В. М. Давыдова, члена-корреспондента РАН, директора Института Латинской Америки РАН, – «БРИК – виртуальный проект или закономерная реальность» [см. 5], впервые приведена мысль, что: «БРИК нельзя воспринимать исходя из стереотипов XX века, отличавшегося жесткой биполярной структурой. БРИК – реакция на новую реальность, на переходную ситуацию XXI века, ведущую к многополярному миропорядку».

В работах известных российских экономистов Н. А. Косолапова, М. В. Снеговой, Е. Г. Ясина, А. В. Кива [см. 7-8, 21], БРИК рассматривается как: «группа развивающихся стран», имеющих большие экономические различия и из-за этого неспособных к дальнейшей институализации. Россия, по их мнению, вообще не вписывается в БРИК, так как сильнее всех зависит от экспорта сырья и даже может стать сырьевым придатком БРИК. В вышедшей в 2010 г. публикации: «О цивилизационной совместимости в рамках БРИК» [см. 23], руководителя Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, доктора исторических наук – В.Г. Хороса, БРИКС представляется объединением мировых цивилизаций, которое направлено на образование новой многополярной модели международных отношений. Продолжает его тезис Л. Г. Ивашов – президент академии геополитических проблем, профессор Московского государственного лингвистического университета [см. 6]. Российский исследователь – Б.С. Мартынов отмечает использование странами БРИКС факторов мягкой силы в своей международной деятельности: «При этом новая модель вхождения БРИКС в верхние эшелоны глобального экономического и политического влияния, в отличие от

парадигмы становления всех без исключения великих держав в XX веке, до сих пор основывалась на использовании мягкой силы» [см. 16].

В выпущенной в 2010 г. коллективной монографии «Союз государств – Бразилия, Россия, Индия, Китай; Проблемы минерального сырья и недропользования» [см. 9] в контексте БРИК впервые применяется термин «союз». Но авторы при этом не ставили задачу определить значение БРИК и в дальнейших публикациях [см. 10] отказываются от термина «союз» и используют термин «группа БРИКС».

Ряд авторов: доктор политических наук – О.Н. Барабанов, доктор исторических наук – Л.О. Кадышев, главный редактор информационно-аналитического журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» – М.В. Ларионова, доктор исторических наук – С. Я. Филатов [см. 11-13, 19, 22] предложили в качестве наименования БРИКС – определение виртуальной площадки, форума для сетевой дипломатии. Эволюцией концепции сетевого форума является идея, что БРИКС – это международная квазиорганизация, впервые высказанная в публикации доктора юридических наук А. Х. Абашидзе и кандидата юридических наук А. М. Солнцева: «БРИКС – международная квазиорганизация?» [см. 1]. А. Х. Абашидзе и А. М. Солнцев отмечали, что «БРИКС не является международной межправительственной организацией, в ее основе не лежит учредительный договор, у БРИКС нет штаб-квартиры, секретариата, бюджета. БРИКС представляет собой современную форму институционального международного сотрудничества и стоит в одном ряду с Большой Восьмеркой, Группой 77, Арктическим советом» [см. 1].

Как видно из приведенного выше анализа, единой позиции внутри экспертного сообщества о месте и роли БРИКС в современном мире не существует. В зависимости от позиции занимаемой авторами, БРИКС именуется – «союзом», «конгломератом экономик», «переходной структурой», «сетевым форумом», «квазиорганизацией», «объединением».

Становится очевидным, что одной из важнейших задач изучения БРИКС является определения термина, который стал бы наиболее подходящим для столь размытой структурной единицы современной системы международных отношений. На основе инструментария современной геополитической теории – теории Больших пространств, существует возможность провести качественный анализ БРИКС. Известно, что альтернативой национальному государству являются Большие пространства. При этом империя является формой политического устройства Больших пространств. Таким образом, Большие пространства могут быть определены, по своей функциональности, как масштабные по своей территории, многонациональные и мультикультурные единицы, стремящиеся к экспансии или к стабильной изоляции, с идеологическим обоснованием легитимации претензии на власть внутри страны, и за ее пределами. США, Евросоюз, Китай, Россия, Индия, Бразилия, ЮАР – являются примерами государств и надгосударственных образований, в рамках разных культурных традиций, реализующие императивы функционирования Больших пространств. Очевидно, что все государства БРИКС

стремятся к автаркии. Исходя из данных предположений, можно сделать вывод, что БРИКС представляет собой неформальную структуру, назовем ее параорганизацией, выступающую на данный момент как форма консультаций между лидерами Больших пространств, неформальный финансово-экономический клуб, в который входят лидеры развивающихся стран трех континентов. Однако претензия, в будущем, на перерождение в полноценную международную организацию формального типа, имеет место быть.

Анализ перспектив БРИКС как актуальной и действующей модели взаимодействия стран-лидеров развивающегося мира, требует дальнейшего исследования. Необходимо отметить несколько пунктов. Во-первых, речь идет о совпадении интересов по основным проблемам современности. Например: интегрирующимся фактором являются общие подходы к вопросам обеспечения международной безопасности и проблеме терроризма. Во-вторых, для стран пятерки решаются сходные по своей векторной направленности задачи – возрождение и подъем социально-экономических комплексов, сохранение самоидентичности, обретение автаркии. В-третьих, на протяжении последних лет страны БРИКС демонстрировали устойчивые темпы развития экономики. Сохранение опережающих темпов роста служит импульсом к поиску общих интересов в дальнейшем экономическом развитии, в возможных случаях расхождения интересов. В четвертых, сближающим фактором является реально существующая взаимодополняемость экономик.

Однако очевидно, что наряду со сходством, существуют и серьезные различия. Именно поэтому существуют объективные факторы, сдерживающие интеграционное сотрудничество в БРИКС.

Особенность географического расположения – отдаленность Бразилии и ЮАР сужают повестку дня регионального взаимодействия «пятерки».

Не имеющие критического характера, но, тем не менее, реально существующие культурно-цивилизационные и религиозные различия.

Особенности избранных моделей внутреннего устройства, способов управления экономикой и обществом.

имеющиеся, а также нерешенные проблемы двухсторонних отношений между странами.

Потенциальные вызовы, связанные с возможным нарастанием диспропорции в развитии отдельных стран БРИКС.

В перспективе, как представляется, формат БРИКС будет проходить процесс дальнейшей институализации под разноплановым воздействием положительных предпосылок с одной стороны, и сдерживающих факторов ограничений с другой. Таким образом, анализ мнения экспертного сообщества о формате БРИКС, перспектив для сотрудничества и имеющихся при этом ограничений позволяет сделать определенные выводы. Появление и развитие концепции БРИК а затем БРИКС, вначале как термина, а затем как диалогового формата, носит естественный характер, продиктованный ростом роли и значения стран-участниц на мировой политической и экономической арене как отображение происходящих в мировой

геополитике перемен, включая постепенное формирование полицентричного мироустройства.

БРИКС – это «срез» нашего мира, отражающий разноплановую структуру современного общества, когда отдельные социальные группы даже в рамках одного государства живут в параллельном социальном времени. Между странами БРИКС объективно существуют и будут существовать различия, как в социальном, так и в экономическом плане. Они в целом, не препятствуют поиску путей сотрудничества, но нуждаются в целенаправленном поиске постоянных компромиссов.

БРИКС – институализирующаяся единица современной международной системы, на данный момент являющееся неформальной организацией нескольких Больших пространств в форме параорганизации и стоит в одном ряду с Большой Восьмеркой, Группой 77, Арктическим советом.

Список литературы

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. БРИКС – международная квазиорганизация? / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве : сб. мат. / Российский университет дружбы народов, Юридический факультет ; отв. ред. К. М. Беликова. – М. : РУДН, 2012. – С. 9–15.
2. Бобровников А. В., Давыдов В. М. Кто будет заказывать музыку? / А. В. Бобровников, В. М. Давыдов // Свободная мысль. – XXI. – 2005. – № 4. – С. 51–65.
3. Бобровников А. В., Давыдов В. М. Восходящие страны-гиганты на мировой сцене XXI века : доклад ИЛА РАН / А. В. Бобровников, В. М. Давыдов // Латинская Америка. – 2005. – № 5. – С. 4–20.
4. Давыдов В. М. БРИК — виртуальный проект или закономерная реальность? / В. М. Давыдов // БРИК : предпосылки сближения и перспективы взаимодействия : Сб. докл. и выст. на между. конф. / Ред. В. М. Давыдов, Ю. Н. Мосейкина. – М. : ИЛА РАН; РУДН, 2010. – С. 26.
5. Давыдов В. М. БРИК — виртуальный проект или закономерная реальность? / В. М. Давыдов // БРИК : предпосылки сближения и перспективы взаимодействия : Сб. докл. и выст. на между. конф. / Ред. В. М. Давыдов, Ю. Н. Мосейкина. – М. : ИЛА РАН/РУДН, 2010. – С. 5–27.
6. Ивашов Л. Г. БРИКС и переустройство мира [Электронный ресурс] / Л. Г. Ивашов. – Режим доступа : <http://www.fondsk.ru/news/2011/04/15/briks-i-pereustrojstvo-mira-2893.html#comments>
7. Косолапов Н. А. Россия и БРИК: вызовы глобальной маргинальности / Н. А. Косолапов // Вестник МГИМО–университета. – 2010. – № 1 (10). – С. 53–59.
8. Кива А. В. Страны БРИК в мечтах и в реальности / А. В. Кива // Общественные науки и современность. – 2009. – № 05. – С. 26–36.

9. Козловский Е. А. Комаров Е. А. Макрушин Р. Н. Союз государств – Бразилия, Россия, Индия, Китай; Проблемы минерального сырья и недропользования / Е. А. Козловский, Е. А. Комаров, Р. Н. Макрушин. – М. : ООО Геоинформмарк, 2011. – 400 с.
10. Козловский Е. А. Комаров Е. А. Макрушин Р. Н. Возможности сотрудничества БРИКС в области топливно-энергетического комплекса / Е. А. Козловский, Е. А. Комаров, Р. Н. Макрушин // Вестник международных организаций. – 2012. – № 2. – С. 75–85.
11. Кадышев Л. О факторе БРИК во внешней политике России / Л. О. Кадышев // БРИК : предпосылки сближения и перспективы взаимодействия : Сб. докл. и выступл. на междунар. конф. / Ред. В. М. Давыдов, Ю. Н. Мосейкина. – М. : ИЛА РАН/РУДН, 2010. – С. 91–93.
12. Ларионова М. В. БРИКС в системе глобального управления / М. В. Ларионова // Международная жизнь. – 2012. – № 4. – С. 2–14.
13. Ларионова М. В. Предложения для стратегии участия Российской Федерации в «Группе двадцати», «Группе восьми» и БРИКС на период 2012–2014 гг. / М. В. Ларионова // Динамика развития «Группы двадцати», «Группы восьми», БРИКС и интересы России / Сост. М. В. Ларионова; под общ. ред. И. Иванов. – Вып. 2. – М. : Проспект, 2012. – № 1. – С. 8–13.
14. Мартынов Б. Ф. Бразилия в формате БРИКС / Б. Ф. Мартынов // Свободная мысль, 2012. – № 11/12. – С. 25.
15. Мартынов Б. Ф. БРИК и деградирующий миропорядок / Б. Ф. Мартынов // Латинская Америка, 2008. – №5. – С. 4–20.
16. Мартынов Б. Ф. Дилемма «многополярного мира» и Латинская Америка / Б. Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2009. – № 10. – С. 4–25.
17. Мартынов Б. Ф. Потенциал правового взаимодействия стран БРИК / Б. Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2010. – №2. – С. 30–35.
18. О'Нил Джим. Карта роста: будущее стран БРИК и других развивающихся рынков / Джим О'Нил; пер. с англ. М. Сутормина. – М. : Альпина Бизнес Букс; Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 244 с.
19. Орлов А. А. БРИК как мировая реальность / А. А. Орлов // Партнер, 2010. – № 1 (26). – С. 56–58.
20. Сергеев В. М., Алексеенкова Е.С., БРИК – политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России / В. М. Сергеев, Е. С. Алексеенкова, К. Е. Коктыш, К. Е. Петров, Е. С. Чимириш, А. С. Орлова // Аналитические доклады / ред В. М. Сергеев, Е. С. Алексеенкова. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – Вып. 1 (24). – С. 11.
21. Снеговая М. В., Ясин Е. Г. Институциональные и культурные ограничения догоняющих стран / М. В. Снеговая, Е. Г. Ясин // Вопросы экономики и права. – 2009. – № 11. – С. 32–49.
22. Филатов С. Я. Сетевая дипломатия БРИКС / С. Я. Филатов // Международная жизнь. – 2011. – № 5. – С.105–112.

23. Хорос В. Г. О цивилизационной совместимости в рамках БРИК / В. Г. Хорос // БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. – М. : ИЛА РАН/РУДН, 2010. – С. 156–162.
24. «Dreaming With BRICS: The Path to 2050», Global Economics Paper №99 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/Dreaming With -doc.pdf>
25. Goldman Sachs. Global Economics Paper No: 66. Jim O'Neill. Building Better Global Economic BRICS. [Электронный источник]. – Режим доступа : <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/building-better-doc.pdf>

Shevchenko R.I. BRICS as a New Geopolitical Reality in the Context of Formation a New System of International Relations // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 261-268.

In the article the author discusses the status of the informal organization of BRICS in international relations and gives a brief history of the BRICS. Also an opinion of the expert community is analyzed. The conclusion is that the BRICS is a prospective form of consultation of the leaders.

BRIC is an acronym that refers to the economies of Brazil, Russia, India and China, which are considered to be the major developing economies in the world. The BRICS countries include more than 40% of the world's population and occupy over a quarter of the world's land area. Brazil, Russia, India, China and South Africa together are a powerful economic force. A combination of such a format promises a lot of prospects against the background of the current state of international relations. BRICS countries should take steps of its development and formation. It is a long and complicated process, but it is a necessity in the context of current conditions.

The following elements of the BRICS are analyzed in the article: existence of energy consumers and energy suppliers. So it is possible to emphasize that other states will have to take into account the views of the participants of the BRICS on important geopolitical issues.

Key words: BRICS, international organizations, developing countries, bilateral relations, economic cooperation.

РАЗДЕЛ III

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 27 (66). 2014. № 3. С. 269–294.

УДК 008

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ

Шоркин А.Д.

Развитие информационных технологий, без которых люди справедливо не представляют будущего, тем не менее, сопряжено с неизбежными деструкциями культуры. Подобные крупные инновации в процессах их интеграции в культуру, как неоднократно наблюдалось в историческом прошлом, неизбежно её деформируют, меняют прежнюю структуру. Деструкции (в их словарном значении «нарушений нормальной структуры») являются способом развития культуры, приспособлением её структуры к интегрируемым новациям. К последствиям нежелательных перемен важно быть своевременно подготовленными, чтобы, не впадая в обскурантизм, всё же принять упреждающие или смягчающие меры. В противном случае мы беззаботно и бездумно рискуем расстаться со многим, что придётся впоследствии реставрировать тяжёлыми усилиями.

Ключевые слова: *стадии вовлечения инновации в культуру, деструкции культуры, деструкции технологий оцифровки и всемирной паутины, деструкции этоса науки.*

СТАДИИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ИННОВАЦИЙ В КУЛЬТУРУ

Воздействие новых технологий, которые люди придумывают и используют для улучшения своей жизни, на культурные перемены неизменно сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Особенности и даже эпохальные этапы культурного развития во многом связаны именно с провоцирующими их технологическими новшествами. Процессы формирования и перестройки культур разнообразными инновационными технологиями в истории человечества – дело хоть и всякий раз нестандартное, но в целом вполне обычное. Для первых поколений какие-то нововведения могут быть, конечно, вовсе непривычными и даже шокирующими, но уже представителям следующих поколений эти новации кажутся вполне обычными, надёжно санкционируются в качестве общепринятых

методов, норм, идеалов или канонов. В историческом масштабе относительно стабильные (персистентные) состояния культур рано или поздно становятся слишком хорошо пригнанными к существующим условиям, слишком жёсткими и потому, увы, хрупкими для новых, как сказал бы Тойнби, «вызовов» истории. Поэтому они то и приходят к концу, расшатываясь и ломаясь, неизбежно срываются во «времена перемен», когда культуры подвергаются деформациям и перестройкам, втягиваясь в нестабильные (*трансмутационные*) состояния. А потом вновь, модифицировав себя ассимиляцией инноваций и приспособившись к переменам, обретают новую стабильность.

Принимаемые новации не могут быть просто, механически или арифметически прибавлены к культурному наследию, – они должны быть в него вживлены, органически вписаны. В этих процессах вживления, интеграции новации неизбежно деформируют культуру, меняют её прежнюю структуру. Поэтому *деструкции* (в их словарном значении *нарушений нормальной структуры*) являются столь же закономерным и нужным атрибутом культуры, как и её прежняя нормальная структура, а именно, – способом её развития, инспирированным принятием новаций.

И в учёном дискурсе, и в обыденном мнении принятые прежде инновации, как правило, сопрягаются с их позитивной оценкой. По истечению времени, *post factum*, они именуется «достижениями» и «успехами», ассоциируются с несомненным «вкладом в сокровищницу культуры». Иначе, зачем стоило их принимать! Слово же деструкция с его ведущими коннотатами разрушения конструкции, ломки структуры, напротив, несёт с собой негативные смыслы. Как говорится, ломать – не строить! Инновации, действительно, и разрушают привычные старые нормы, и конструируют новые, парадоксально соединяют в себе и деструктивное, и конструктивное начала. Чтобы построить новое, старое, как известно, приходится частично разрушать.

Данная затёртая банальность, однако, парадокса вовсе не снимает. Ибо остаётся не прояснённым вопрос о том, насколько компенсируют полученные приобретения – понесённые утраты, стоила ли игра свеч? Если «игра» уже состоялась и инновация начала своё вхождение и вращение в тело культуры, то какими культурными издержками (деструкциями как нарушениями прежней структуры) за неё ещё придётся заплатить?

Калькуляция эта, однако, дело не простое, а вначале и вовсе почти невозможное. Ибо ни одна из инноваций никогда не предъявляет к культуре сразу полного «счёта»: масштабы вызванных ею культурных деструкций выясняются только со временем и зачастую оказываются гигантскими. Конечно, интересно и даже нужно, предвкушая результаты, подсчитывать дивиденды, которые принесёт с собой инновация. Но ещё важнее вовремя предусмотреть, какие издержки с ней связаны, предвидеть те грядущие деформации культуры, к которой мы привыкли и которую пока считаем нормальной. То, что вначале приходит на тихих кошачьих лапках, впоследствии способно обрести сокрушающую грацию слона, оказавшегося в посудной лавке. Если мы хотим дать корректную и своевременную оценку

инновации, то не учитывать эту коварную особенность её поступи – значит совершить грубую ошибку.

Между тем, лишь немногие исследователи обращают внимание на это важное обстоятельство. Среди них – Фелипе Фернандес-Арместо, который в своём насыщенном фактами эмпирическом описании цивилизаций вскользь упоминает о принципиальной противоположности позитивных оценок ранней стадии новых технологий и их же негативных оценок свидетелями более поздней, как говорит автор, «монопольной» их стадии. Массовое земледелие, как и индустриализация, показывает на конкретном материале добросовестный историк, со всеми их недостатками приходят, «так сказать, украдкой», поэтому их и «терпят», а поначалу вообще идеализируют, помещают в «романтическую пасторальную рамку»; и только на «монопольной» стадии эти новации демонстрируют свою деструктивную мощь [16, с. 262-264].

Странные поступки первых сторонников инновации могли вызвать любопытство, насмешку или осуждение, а иногда даже сочувствие или презрение – когда, например, земледелием были вынуждены заниматься неудачливые охотники. В любом случае эта странность первого впечатления от новшества, однако, на протяжении почти всей истории человечества считалась несущественной: первая реакция на новинку состояла в том, что ей не придавали особого значения. Первоначальная эта оценка кардинально изменилась только недавно, и особенно сильно на протяжении последних десятилетий, когда всё новое стало для людей, напротив, неудержимо притягательным. В прошлые периоды истории отстранённость от инновации сменялась эмоциональной позитивной вовлечённостью в новинку медленно и неспешно, сегодня былая отстранённость растаяла без следа. Быть «в авангарде» современности – значит незамедлительно, «с колёс» подхватить и освоить инновацию. Успешен тот, кто это успел. Скорость прироста инноваций со второй половины XX века, как показывают данные статистики патентов, стремительно, экспоненциально возрастает. Но тем опаснее стали и те неизбежные деструкции культуры, которые сопряжены с инновациями: у нас просто стало гораздо меньше времени, чтобы их предусмотреть и смягчить.

Общая картина вовлечённости инноваций в культуру, полагаю, схематически может быть представлена в виде трёх стадий.

На первой деформирующая культуру сила инновации незаметна, новшество полагается уместным дополнением традиционного (или даже, как сейчас, его взыскуемым развитием) и способствует росту культуры – например, повышению жизненного уровня людей или их эстетическому развитию. М. Хайдеггер правильно подметил, что новое приходит к нам на тихих «голубиных лапках», но лучше назвать этот этап стадией «кошачьих (бархатных) лапок». Ибо поступь их бесшумна, острые когти деструкции до поры до времени скрыты, а сами зверьки ласковы, полезны в ловле нехороших мышей и кажутся вполне безобидными. Именно таковы инновации на этой стадии.

Вторая стадия характерна неожиданным и мощным проявлением того, что было скрыто на первой: конфликтом традиционного с новым, которое придаёт культуре иные формы, нарушает и деформирует нормальную структуру, осуществляет

деструкцию культуры. Инновации «показывают когти»: начинается вытеснение некоторых мешающих им традиций, жизненный уровень людей или эстетические потребности зачастую, как показывает история культуры, снижаются. Возникает, как отмечает Ф. Фернандес-Арместо, попытка «монополизации» новшества, его претензии на тоталитарность, захвата всей культурной территории и устранения оппонентов. Назовём этот этап стадией «кукушонка»: теперь инновации пытаются выкинуть из общего и недавно чужого для них «гнезда культуры» всех мешающих ему прежних его обитателей.

Конечно, кукушонку это удаётся только отчасти, далеко не полностью. Но какой-то урон, отказ от некоторых традиций, норм и канонов – неизбежен. Культура поступается чем-то, чтобы сберечь более ценное своё достояние при интеграции в себя дерзкой и нужной новации. Завершением этих процессов является третий этап поиска консенсуса, на котором инновация умиряется, входит в новый баланс с традиционным наследием, и тогда возникает новая стабильность. Его девизом является вечно актуальный, замечательный призыв известного с детства героя мультфильмов: ребята, давайте жить дружно!

В целом, стадии «бархатных лапок», «кукушонка» и «кота Леопольда» обозначают суть этапов перехода от одного персистентного состояния культуры – к другому через состояние трансмутационное. Или, более строго, на первой стадии новация выручает и не слишком заметна, на второй ею злоупотребляют, а на третьей она становится традицией, вписанной в новую гармонию и стабильность. От наших способностей не поддаться слепой увлечённости модной инновацией, вовремя разглядеть таящиеся в ней деструктивные для культуры начала во многом зависят масштабы и последствия тех нежелательных перемен, к которым мы могли быть подготовлены, чтобы принять упреждающие или смягчающие меры. В этом ракурсе мы и рассмотрим лидирующие в современном мире информационные технологии.

ИДЕОЛОГИИ СТАДИЙ ВОВЛЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КУЛЬТУРУ

Первые несколько десятилетий, примерно полвека после появления телевидения и неуклюжих пионерских ЭВМ, информационные технологии оставались на стадии «бархатных лапок». Никаких деструкций в нормальной структуре культуры они открыто не провоцировали. Напротив, аналогично распространению радиовещания, начавшемуся к 20 годам XX века, телевизионные технологии стали вполне уместным и желательным культурным дополнением. Они были продуктивно использованы и восторженно приняты общественным мнением. Первые компьютеры предназначались для военных, а затем оказалось, что они нужны и полезны всем. Таким же образом, в качестве замечательного и щедрого очередного гуманитарного подарка учёных, в 90-х годах люди искренне приветствовали появление интернета и мобильной связи. Но уже тогда из бархатных лапок стали всё чаще вылезать ранее втянутые когти.

То, что произошло в результате утверждения новой медиальной культуры радио, телевидения и всемирной сети, Б.В. Марков, например, в начале XXI века уже полагает закатом «эры гуманизма», появлением нового, пост-гуманистического

мира, в котором книга и образование уже не в силах обеспечить сплочения общества [7, с. 116]. Автор относит расцвет «национального гуманизма» к предыдущему «довоенному столетию», когда филологическая элита и учителя выполняли благородную и востребованную миссию ознакомления современников с важнейшими посланиями истории, в нынешней же «апокалиптической эпохе» обрели «невиданную власть» кибернетические и электронные формы симуляции и иллюзионизма [7, с. 115, 124].

В этом приведенном примере для нас сейчас важны не оценочные суждения исследователя (у других авторов они иные, или отличен сам ракурс рассмотрения информационных технологий), а попытка сопоставления медиальной революции – с традициями религии, моделями гуманизма или метафизики: все они, что теперь несомненно, подвергаются ею некоторой существенной деструкции. Былая эйфория прекраснотных ожиданий, господствующая на раннем этапе информационных инноваций, позже уступила место осторожным оценкам и учётам рисков: в новом технологическом «завете» главным сценарием, согласно некоторым высказываемым опасениям, увы, может стать даже «апокалипсис».

Представители же философии постмодернизма создали вполне эффективную идеологию стадии «кукушонка»: ими без обиняков парадоксально объявлена «нормальной» именно «деконструкция». Нормальных структур культуры в этой идеологии вообще не существует, они непременно «децентрированы» и превращены в запутанные «ризомы». Такая основополагающая норма науки, как истина, здесь решительно отвергнута, считается химерой ангажированного догмой больного воображения. «Грамматология» Ж. Деррида прямо претендует на опровержение всякого «логоцентризма», слово подвергнуто им энергичному остракизму, а наиболее общим понятием семиотики полагается *gramme* – «зрительные очертания» чего угодно, которыми и образовано «письмо». Грамматология, по замыслу, объёмлет любую «про-грамму», любую «графию». Становление «письма» сопряжено с «концом книги», которая «глубоко чужда» смыслу письма, а потому, согласно автору, «необходимо» насилие и разрушение книги как энциклопедического оплота логоцентризма [4, с. 133].

Подобные умозрительные и на первый взгляд нестрого связанные идеи образуют, тем не менее, совершенную идеологическую завесу, которая оправдывает и поощряет любые претензии информационных технологий (вплоть до заведомого оправдания любых действий на их основе) и которая одновременно успешно скрывает реальные риски деструктивных их воздействий на общество и культуру. Ею дана индульгенция, в которой прощены все грехи и огрехи медиальных технологий – как прошлые, так и будущие. Кроме поощрения «да здравствует!» и призыва «делай, что хочешь, разрушай старое!» данная идеология в своём содержании не содержит каких-либо внятных регуляторов и ограничений. Но так острые когти несдерживаемой мощи технологии способствуют не только тому, чтобы взобраться повыше на древо культуры, но также, увы, способны основательно подпортить привычный, вполне пригодный и нужный культурный интерьер.

Среди многих изобретений и открытий, приведших к современным информационным технологиям, обратим внимание на «оцифровку» и «всемирную сеть», влияние которых на культурную перестройку первостепенно.

КУЛЬТУРНЫЕ ДЕСТРУКЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ОЦИФРОВКИ

В истории письменности цифровое кодирование информации является столь же глубокой новацией, как и создание алфавита. Переход к «цифре» завершает плодотворнейшую идею алфавита: спустя три с половиной тысячи лет после финикийцев найдена его совершенная и завершённая форма. В новом алфавите букв всего две, и он пригоден не только для всякого естественного языка, но и для любого искусственного, будь то математика, азбука Морзе или эсперанто. Им даже можно описать то, что говорится на языках жестов, мимики или эмоций. Оцифровать можно любые звуки и знаки, любое изображение. Цифровой код – это алфавит *всех* языков, универсальный алфавит любых знаковых систем, универсальный способ кодирования любой информации.

Найденная замечательная технология всеобщего алфавита и универсального кодирования информации незамедлительно стала обрастать, как водится, идеологической «обёрткой». Начиная от Норберта Винера, который искренне считал, что прежние понятия материи и энергии вполне могут быть «подведены» под понятие информации, ей то и дело старались придать онтологические смыслы. В паранаучном знании широко распространились её трактовки в качестве космического «информационного поля» и носителя «тонких миров», в ангажированной социологии сложился популярный концепт «информационного общества». В постмодернистской идеологии универсальность технологии цифрового кодирования была сопряжена со становлением особого ключевого концепта «письма» (которое получило здесь резко расширительную трактовку – как неперменной предпосылки всякого исходного «различания», условия всякой «дискурсивности» и «артикуляции»), с пониманием мира как «текста».

Встроить новую технологию в картину мира – дело, конечно, нужное, без добротной семантической интерпретации новация останется онтологически инородной. Полезно поначалу и чуть преувеличить её значение – хотя бы для того, чтобы ею заинтересовать. Стоит ли, однако, провоцировать ломку устоявшейся картины мира ради этой новации? Если она и впрямь столь радикальна, то смена картины мира, то есть научная революция неизбежна. Но как редко это в действительности, вопреки идеологическим призывам, происходит! Научная картина мира складывается изобретательным, кропотливым и квалифицированным трудом многих поколений. Она – достояние очень ценное, а потому оправданно консервативное и для пылких наскоков неприступное. Если «письмо» далеко не сводится к письменности, а и впрямь вполне вольготно проживает за её пределами, к примеру, в речи, танце или частушке, то инфляция письменности – не за горами. Но в современной философии науки ещё от Э. Гуссерля оправданно и прочно утвердилось общепризнанное представление о том, что именно наличие письменности, созданной на основе естественных и искусственных языков (прежде всего, математики), послужило предпосылкой возможности построения идеальных

объектов науки. Нет письменности – нет науки, а вот наличие «письма», понимаемого по-постмодернистски, может быть свободным и от письменности, и от науки.

Известно, что технологии письменности возникли вовсе не для того, чтобы люди смогли сконструировать науку с её идеальными объектами. Им тогда нужно было посчитать коз, рабов или объёмы работы, подытожить результаты, передать важное сообщение, транслировать распоряжение так, чтобы не было ни малейших его, как теперь мы симптоматически говорим, «разночтений» (послание ведь ещё уметь прочесть надобно). Подавляющее большинство всех древнейших записей – хозяйственного свойства. Наши современники также уверены, что письменность нужна для согласованности совместных действий: это предпочтительнее, нежели бы «каждый делал что во что горазд», – пишет Михаил Веллер. Но он перечисляет эту изначальную функцию письма последней, тогда как первой называет накопление суммы знаний, а вторым пунктом указывает их распространение и маневренность [2, с. 269].

Подобное изменение оценки приоритета разных ролей письменности показательно и существенно: исходная древнейшая функция теперь не играет главной роли, на вторые роли оттеснены письменные технологии трансляции знаний, а на первый план вышло письменное накопление информации. Мир изменился. Корпус знания стал слишком обширен, чтобы удержать его в уме и изустно передать. Его, прежде всего, нужно надёжно зафиксировать, «пришпилить» знаками письма с тем, чтобы уже потом пытаться эти знания передать или координировать ими совместные действия.

Конкуренцию способов письма и хранения информации в последние десятилетия с оглушающим и заслуженным успехом выиграли цифровые технологии. Глиняные таблички шумеров, составляющие единственную книгу, когда то занимали несколько вместительных ивовых корзин, которых хранились в сараях, печатные бумажные книги до недавнего времени размещались на стеллажах, заполняли миллионы книжных шкафов и тысячи библиотек. Теперь библиотека помещается на крошечной флешке или вообще «на облаках». «Всё бумажное – на макулатуру или в топку!» – так зачастую мыслят и поступают люди, увлечённые современной монополией цифровых технологий.

Всего, конечно, не сожгут, но и читать скоро почти перестанут – ибо цифра, кодирующая письменность, с тем же успехом кодирует звук, что и делается в уже появившихся голосовых компьютерах. Не нужно писать, можно диктовать; не нужно читать, можно слушать. Любые знаки и всякие иероглифы выражены цифрой, которая вот-вот свободно заговорит. Голосовые компьютеры, скорее всего, сделают чтение и письмо редким занятием, для большинства людей обременительным и излишним. Алфавиты скоро станут лишь тайными и странными знаками, имеющими скрытое и промежуточное техническое значение, некими кодами и шифрами, которыми подспудно и автоматически обеспечивается передача информации. Разве есть какая-то необходимость простому пользователю компьютера знать языки программирования? На заре компьютеризации нас ещё пытались вразумлять устрашающим Алголом, теперь эти времена безвозвратно

минули. Письмо стремительно превращается в эзотерику XXI века, и вскоре только небольшие секты чудаковатых грамматиков будут проводить свои экзотические жизни, разглядывая странные для всех остальных людей закорючки и значки.

Примерно так сейчас обстоят дела с математическими символами топологии или теории множеств. Калькуляторы уже вытеснили таблицу умножения и практики устного счёта, а когда они вдобавок заговорят и смогут слышать пользователя, арифметика для него, возможно, вновь, как в древности и в средневековье, станет сакральной. От подсчётов и чтения с такой же лёгкостью нас избавляют говорящие весы и термометры. После искусственных языков (таких, как математика) на очереди вытеснения из практик обыденного пользования – письменность языков естественных. В общем, вполне возможно, что наступает последний век письма и всеобщей грамотности.

Впрочем, почти во все времена грамотность была привилегией и обузой лишь узкого и тонкого слоя социальных страт, тогда как для большинства людей она была недоступна, да и не нужна. Историки школы Анналов, например, документально показывают, что если в X веке редкое умение читать книгу приветствовалось и полагалось удивительным дарованием, то XIII век для Европы уже характерен первым перепроизводством людей умственного труда. Также и В.Л. Рабинович увлекательно повествует, как в то время происходила девальвация слова и буквы: от буквы в ореоле славы как письменного отвердения слова божьего – к слову как ярлыку или чучелу, к отрицанию книг и снятию средневековой учёности в совершенной радости бессловесных поступков [10, с. 18-25, 95-118, 437-470]. К этому можно добавить, что «правильное» слово в «Примерах» («*Exempla*») были широко распространены среди «простецов» в качестве Библии повседневной жизни с V по XV век) непременно обращено к жизненным ситуациям и в этом смысле наглядно. Жак де Витри, один из известнейших авторов «Примеров», использует глагол *audivi* несравненно чаще, чем *legere*: рассматривая ситуации, важно *вслушиваться* в жизнь, а не сосредоточиться на письменной букве, не стараться *считывать* текст с листа.

Х.Л. Борхес пишет эссе «О культе книг», в котором намечает с дюжину историко-культурных фактов, разительно отличных оценками письма и чтения. Прежде чем Сервантес стал читать клочки бумаги на улице (этим занятием до недавнего времени увлекались и мы), недоверие к письменности, например, открыто демонстрировали Пифагор или через несколько столетий Климент Александрийский.

«Видеть глазами», согласно Экклезиасту, «лучше», чем «бродить душою». Многогранная рефлексия, тяготы сомнений и сложность интеллектуального поиска здесь (насколько я понял) лишь второстепенны, слова мало значат в сравнении с восприятием, чувством и верой, которым Истина и открывается. Нынешней атаке на письменность, дискредитации статуса вербального знания, таким образом, нетрудно подыскать многие предтечи и прецеденты.

В начале XX века вопреки столетней традиции научного языкознания Фердинанд де Соссюр поставил под сомнение реальность слова как основной категории языка. С тех пор дискредитация слова (его замена фонемой, морфемой,

синтагмой, контекстом и прочими элементами языка за пределом слова, вплоть до прямого отвержения толковых словарей и лексиконов) стало, как пишет Р.А. Будагов, устойчивым «модным увлечением» лингвистов [1, с. 7]. Ладно бы, только учёные языковеды чудили – они, в конце концов, для того и предназначены, чтобы новое искать да вслушиваться в то как язык живёт и растёт, – но невнимательность к слову носителей языка и оскудение лексиконов стало всеобщей приметой нашего времени. Бюрократия превращает язык в неуклюжего косноязычного монстра, от которого только какой-нибудь пакости и подлости ждать остаётся. Отойдя на безопасное от него расстояние, соблазнительно, впрочем, превратить его в посмешище – что в реальности и происходит. Только вот смеёмся мы над ним, используя лексику хотя и другую, но, увы, тоже убогую. Протестные настроения выплёскиваются не возвращением к полноценному языку, а созданием «прикольных» сленгов. Использование слов-паразитов во многих субкультурах стало признаком хорошего тона. Люди, которые объявили себя, с нашего молчаливого согласия, носителями культуры, «бомондом» для выражения возвышенных чувств то и дело за недостатком слов также обращаются, подобно подросткам или криминальным маргиналам, к эмоциональной экспрессии и ненормативной лексике. Они столь прочно вросли в сочинения даже хороших писателей, что без эмоционального и сочного словца и читать теперь стало как-то скучновато. Атака на слово, в целом, оказалась успешной: частотные словари обыденной речи съжились, речь обросла паразитами и прочими приёмами, отчасти компенсирующими её вербальное оскудение.

Но чтение, чем текст не приправляй – солёным словом или экспрессией, всё же центрировано на его величестве слове. Дискредитация слова, конечно, привела к переменам отношения к чтению. Во все времена умеющие читать делились на тех, кто это любил делать, и на тех, кто процедуру чтения просто вынужден был терпеть (так называемых «слабых читателей»). В наше время на протяжении двух-трёх поколений резко уменьшилось количество первых и, соответственно, увеличилось число вторых. То и дело люди говорят, что им что-то, например, нужно для их работы, «пришлось прочитать». Эта фраза ясно демонстрирует установленный многими социологами охвативший мир феномен «вторичной безграмотности»: когда сам процесс чтения вызывает негативные эмоции и требует волевых усилий. Не менее 40% обученных грамотности людей читают лишь в силу необходимости – скажем, что-то новое по своей специальности (иначе отстанешь, да и начальство достаёт), этикетки товаров, ориентирующие в супермаркете надписи или дорожные указатели. Медики даже трактуют половину подобных случаев в качестве болезни – так называемой «дезлексии», коей страдает пятая часть населения индустриальных стран и которая выражается в нарушении процессов чтения и норм письма. В Канаде «функционально неграмотных» (термин ЮНЕСКО) около четверти населения, десятая часть из которых имеет университетский диплом. Во многих странах мира, включая США, Россию или Нидерланды разработаны программы реанимации читательского спроса, прозорливо сопрягаемые с защитой национальных ценностей и с национальной безопасностью.

Распространение голосовых компьютеров, однако, произведёт обратный эффект: в ближайшем будущем нас, скорее всего, ждёт повальная эпидемия дезлексии, а вторичная и функциональная безграмотность станут нормой жизни. И только немногие маргиналы будут продолжать, разбирая и создавая сплетения закорючек, создавать нужные всем инновации и так обеспечивать развитие культуры. А ведь всё начиналось с безобидных, казалось бы, комиксов с картинками и минимумом текста или с дайджестов, пользование которыми люди оправдывали деловой занятостью и так заодно прикрывали своё отвращение к чтению.

Умение писать ещё недавно воплощалось в обыденной распространённости эпистолярного жанра. Письма писали все, даже малограмотные. Переписка литератора или учёного могла составить целые тома. Среди шедевров мировой литературы – романы в письмах, подобные «Опасным связям» Шодерло де Лакло. Теперь роман в письмах может быть написан разве что как «ремейк», для эпатажа, скрытой иронии или ностальгии. Эпистолярный жанр утратил часть своей популярности уже с появлением радиосвязи и стационарных телефонов: письма писать обременительнее, да и идут они дольше (хотя всё же тогда обходились дешевле, особенно иногородние). Мобильная связь, скайп и электронная почта отменили последние доводы в пользу традиционных писем, за исключением учёта режима строгой секретности, требуемого для некоторых депеш. Письменные поздравления или приглашения приобрели несомненный антураж и символичность ритуала, чего-то условно принятого всеми, но скорее привлекающего красивой архаикой, чем действительно нужного. Ныне эпистолярный жанр по настоящему сохранился (кроме как у шифровальщиков и «секретчиков») ещё, пожалуй, лишь в качестве единственной маргинальной особенности: в необходимости посылать «малывы». Хотя и в этой субкультуре желательнее и проще, кто бы сомневался, «перетереть» актуальную проблематику «на сходняке или стрелке».

Возможно, в более отдалённом будущем мы разучимся не только писать и читать, но и говорить – когда компьютеры смогут непосредственно, без всяких слов и букв, считывать наши мысли. Зачем слова, если команду можно отдать мысленно: именно на этом принципе основываются небезуспешные современные технологии в сфере, например, киберпротезирования.

Заметной уже сегодня девальвации слова, письма и чтения, как ни странно и ни грустно, способствуют, помимо технологий оцифровки (и ещё в большей мере, чем они) технологии всемирной паутины.

КУЛЬТУРНЫЕ ДЕСТРУКЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ

Сеть принципиально *мультимедийна*: изображение и звук, музыка и текст, формулы, живая речь и эмоции в ней одинаково приняты и дополняют друг друга. Ибо, как уже говорилось, цифровому кодированию подвластно всё. Сеть также принципиально *открыта*, и в идеале *содержит всю информацию*, стремление к чему настойчиво декларируется. Эта её важнейшая черта, собственно, и зафиксирована в самом именовании концепта «информационных технологий». Оба эти *принципа* всемирной паутины (открытости информации, а также её

мультимедийной презентации), бесспорно, являются замечательными достижениями культуры. Но как они повлияют на перестройку культуры, какие деструкции и издержки они уже привнесли?

Начнём с того, что открытость сети отнюдь не всегда используется для того, чтобы получить информацию или ею поделиться. По неведению или умыслу каждый человек может вывесить в неё вовсе не то, что информирует, а то, что, напротив, дезинформирует. Поисковые системы, браузеры открывают нам обширные номенклатуры сайтов, в которых, например, проверенные факты, добротные теории и конкурирующие научные гипотезы безмятежно соседствуют со сведениями непроверенными и сомнительными, с сырыми предположениями квазинаучного толка или вообще с параноическими фантазиями. Чего же мы хотим – действительно информировать неискушённого читателя, или увлечь его красивой фантазией и направить по ложному следу? Один из способов сокрытия информации – «стеганография» – как раз и состоит в том, чтобы перемешать искомое с ворохом иных сведений [3, с. 84].

С технической стороны, конечно, и сведения наук, и паранаука, и бред шизотимика – всё это в равной мере есть информация, «висящая» то или иное количество байтов. После К. Шеннона и У. Уивера (1949) нужный количественный подход к информации парадоксальным образом привёл к игнорированию её семантических аспектов. Восторженно встреченный подобный «информационный взрыв», согласно Жану Бодрийяру, ведёт к «смерти знака», к «исчезновению смыслов»: способность означать «тускнеет», знаки начинают означать сами себя, становятся «симулякрами». Забвение семантических аспектов информации мстит засильем симуляций и появлением «гиперреальности», которая имитирует и подменяет реальность.

В итоге дезинформации как будто бы и вовсе нет, и даже упоминать о ней продвинутому адепту информационных технологий не пристало. А если не ограничиваться технической стороной, разве поиск всякого нужного человечеству ответа (то есть информации) не сопряжён с неизбежными ошибками, заблуждениями или попросту ложью? И не следует ли поэтому их без обиняков квалифицировать именно в качестве дезинформации – то ли умышленно вводящей в обман, то ли искажающей правильную картину по неведению или недоразумению?

Больше того, нередко подлинные намерения пользователя сети вообще далеки от задач информирования, а цель его активности в сети состоит лишь в том, чтобы добиться желательной и эффективной манипуляции другими людьми. И зачастую тогда именно дезинформация становится сознательно применяемым средством для достижения цели. Фрэнк Уэбстер (который написал нужную и честную книгу о пользе и вреде понятия «информационного общества») присоединяется к позиции Теодора Розака относительно неправомочности учёта лишь количественной стороны информации, в то время как её качество остаётся вне поля зрения. Нельзя, справедливо считают Розак и Уэбстер, оставаться безразличными к тому, что передаём – высокую истину или грязную непристойность, банальность или глубокое учение. А то в нашей сети «свалили всё в один горшок и уверяют, что его содержимое – эликсир жизни, а не малосъедобное варево» [15, с. 33].

Преимущество введения гиперреальности литераторы и культурологи какое-то время находили в возможностях появления гипертекстов, насыщенных обилием гиперссылок. Конфигурация гиперсвязей, по замыслу, и была призвана задавать смыслообразующую функцию всего произведения, которая была изъята из обычного, «линейного» текста. Литераторы (такие, как Милорад Павич) стали экспериментировать с возможностями гипертекстуальных романов, литературоведы – искать их предтечи (у Томаса Мэлори, Марселя Пруста или в сказках о «тысяча и одной ночи»).

Роман Лейбов, один из первых русскоязычных авторов гипертекстуального романа, однако, говорит: «Когда я эту ерунду придумал, я уже знал, что читабельного текста не получится. Хотелось ткнуть носом в результат воплощения антитекстовой утопии» [6, с. 47]. Сергей Корнев, который цитирует это высказывание, приводит также мнение В. Барабанова: «Гипертекст поначалу казался шагом вперёд по отношению к «линейному» тексту; сейчас становится ясно, что это просто его деградация» [там же]. Оба цитируемые высказывания приведены автором для подтверждения собственной позиции. Согласно ей, во-первых, гипертекст «с виногретом» гиперссылок является «самодеконструирующимся» текстом (что плохо). Во-вторых, именно в интернете завершается постмодерн в литературе, и «по-настоящему выполняются пункты постмодернистской программы». За что интернет, подытоживает его оценку автор, ожидает в будущем как «Освенцим Гуттенберга» свой «нюренбергский процесс» [6, с. 31, 41-42].

Не менее критичен и Михаил Ямпольский, который считает интернет «архивом неселекционированных материалов», непроверенных и быстро устаревающих – то есть, «колоссальной свалкой сегодняшней истории», где нет нужных различий между «существенным и хламом» [18, с. 22, 25]. Его господство, заключает автор, «почти неизбежно повлечёт за собой всеобщий упадок культурного нарратива» [там же, с. 27].

В общем, пространство сети заполнено прихотливой подвижной мозаикой, где истина и ложь, информация и дезинформация, разные правды, кривды и техники манипуляций причудливо перепутаны и перемешаны. Распространённое его сравнение с мусорной кучей не слишком лестно, но ведь, по крайней мере, и в куче этой можно отыскать нечто полезное.

Обратимся теперь к мультимедийным возможностям сети. Мультимедийными техниками действительно открывается способы презентации информации, которые близки к совершенству. Как считают Эрик Шмидт (председатель совета директоров компании Google) и Джерад Коэн (директор Google Ideas), «он-лайн впечатления» будут сравнимы по реалистичности с самой жизнью, смогут создать «полный эффект присутствия» [17, с. 9]. Информация уже теперь изящно упаковывается, ловко подана в адресно подобранной «обёртке», позитивно воспринимаемой адресатом. Пока обращение к интеллекту или к чувству адресатов осуществляется через зрение и слух. Мы уже научились строить трёхмерные изображения и добились качества воспроизведения звука, неотличимого от реального, живого звука. Возможно, в близкой перспективе технологиями будет интенсивно осваиваться обонятельная сторона образов. Когда же появятся осязательные и

вкусовые мультимедийные имитаторы, информационный продукт вообще приобретёт опасную убедительность и достоверность реальной вещи.

Опасную, – потому что вещи всё же следует уметь с надёжной простотой безошибочно дистанцировать от их симуляций. Чтобы переделать мир согласно своей мечте, её необходимо уметь от него отличать – иначе вообще не понять, сбылась она или нет. Но уже с началом культуры человек окутал вещи покрывалом семиосферы, а теперь адепты информационных технологий придают виртуальной оболочке столь высокий статус, что всерьёз говорят о «двух цивилизациях», материальной и виртуальной [17, с. 440]. Чем совершеннее информационный продукт, тем с большей лёгкостью он способен подменить собой представляемую и имитируемую им реальность. Сегодня привлекательная упаковка способна наглухо скрыть под собой то, что за ней упрятано. Опутанные паутиной симуляций, приглаженные, подкрашенные и напомаженные, вещи едва способны донести до нас свой реальный вид. Их голос заглушён звуками ушлых коробейников, зазывал и лжепророков, их настоящий запах мы перебиваем ароматизирующими отдушками и дезодорантами. Отчасти без этого не обойтись – ведь и товар продать надобно, и людей увлечь. Иногда это оправдано в воспитательных или гигиенических целях, или же из соображений эстетики. Но кто-то ведь и правду знать должен! Ищущий же правду человек в настоящее время не может не обращаться к всемирной паутине.

А там, как в жизни, реальные события старательно превращаются в спектакль, в навязчивый флешмоб. Обёртка, упаковка и менеджмент становятся (как об этом предусмотрительно помалкивают менеджеры сети, а хорошо пишут чаще, к сожалению, не профессиональные философы, а литераторы – такие, например, как Виктор Пелевин или Макс Кантор) важнее товара. Ценятся не поступки, не убеждения, а их удачные презентации. Аналитика изымается из общего пользования и её незаметные нити теперь сосредоточиваются в основном в руках кукловодов. Рефлексии избегают, ибо в театре жизни на неё нет времени. Трюк и блеф стали полезнее кооперативных «игр» с открытыми картами, риск и дерзость стали много престижнее кропотливого труда, декорации и дизайн стали важнее строительства. Осуждаемая прежде «показуха» ныне уважительно именуется PR-технологиями независимо от того, какой это пиар, «белый» ли «чёрный», – ибо приоритетна известность, узнаваемость. Скромность теперь не может «украсить» человека, она – только путь к неизвестности. «Быть знаменитым» не «некрасиво», а очень даже красиво. И несколько это не «позорно», а, наоборот, хорошо и лестно. Чтобы добраться до правды пастернаковских строк и мудрости традиционной народной добродетели, как видим, нужно перевернуть многие фактические гуманитарные приоритеты информационных технологий на оценки противоположные. Их, увы, приходится насильно выворачивать наизнанку, истиной вверх.

Если деструктивные возможности неприкрытой напористости «сетевых» манипуляций политического свойства последнее время всё же стали предметом обеспокоенности и анализа [см. 17], то о регуляции всех других сфер интернета (за редкими исключениями типа педофилии или конструирования бомб) речи не идёт. Ведь, согласно замыслу, всемирная сеть свободна и открыта. Какая уж тут регламентация! Так, мол, и до тоталитарной цензуры опуститься можно. Всякий,

кто хочет, может в сеть что угодно выложить или взять оттуда – вот всем и хорошо. Ну и кладут, кто что может и хочет. Пользуются правом на самовыражение.

Игнорируется, однако, вопрос о том, следует ли предоставлять право на публичное самовыражение тому, кому и выражать то нечего: скажем, личностям, которые не обременены знаниями или тем, у кого слуха музыкального нет? Но публичное караоке (в сети ли, в кафе или на ночной площади курорта) стало признанным занятием, как и журналистские свежеприобретённые практики тиражировать мнения некомпетентных людей или показывать языки и корчить рожи на телеэкранах и мониторах. Что глупости остаётся, как не притворяться: лишь посредством кривляний невежественная посредственность только и способна имитировать свою оригинальность, самодостаточность и независимость. Если право на самовыражение действительно является безусловным, и любой имеет на это право, то уж не обесудьте принять человека со всеми его ужимками и «почёсываниями», о чём предупреждал ещё Ф.М. Достоевский. И их можно было бы, в конце концов, перетерпеть, – и худшее бывало, ведь не плёткой всё же, и хлеб не отнимают, – но скоморохи не производят смыслов и знаний, в которых отчаянно нуждается стремительно изменяющаяся культура. Словом, зачастую то, что зачастую «выкладывают» для зрителя, правильнее отправлять бы сразу, как младенцы, – в памперсы.

Но ещё быстрее и гуще, чем декораторы и паяцы, сеть оккупировали коммерсанты, – благо возможностей для недобросовестной рекламы или компрометации конкурентов здесь предостаточно. Сеть действительно является смесью архива с виртуальным универсамом [17, с. 22], полем глобального маркетинга [3, с. 8]. «Информационный колпак», согласно Герберту Шиллеру, успешно зомбирует психику пользователей сети, ориентируя её на главную сакралию – на потребление [3, с. 208]. А как посредникам удобно – сайт открыл, и продавай то, чего в глаза не видел. Оседлали они здесь всё, и даже не самый ходовой «товар», научную книжку становится всё затруднительнее получить без хлопот и вымогательств.

Не менее энергично и систематически, но тихо и скрытно мультимедийные сети освоили также разведчики: о грандиозных масштабах кибершпионажа и раньше догадаться было нетрудно (кто же в здравом уме такие замечательные возможности сбора разведанных упустит), но Эдвард Слоуден их продемонстрировал доказательно и открыто.

В итоге пользователи всего мира смиренно наблюдают устойчивую тенденцию изгаживания работы всемирной паутины коммерческими пауками, PR-технологиями, воинствующим невежеством, тайной бесцеремонностью разведслужб и вялостью бюрократии, не способной всему этому противостоять.

Информационные технологии ныне действительно лидируют и несут собой глубокие изменения, блага и беды. Тем пристальнее и взыскательнее должна быть наша оценка их недостатков и культурных последствий. Способны ли мы в действительности контролировать неизбежные перемены, как это полагают и на что надеются ведущие менеджеры и идеологи сети?

Полагаю, сейчас информационные технологии вошли в стадию «кукушонка», когда из «гнезда» культуры легко выбрасывается многое, что следовало бы сберечь и развивать. Мы беззаботно и бездумно расстаёмся с тем, что придётся впоследствии реставрировать тяжёлыми усилиями. Информационные инновации увлекли нас настолько, что мы не замечаем чрезмерностей и искривлений в практике их применения, равнодушны ко многим и частым злоупотреблениям.

Увлечённые возможностями мультимедийных средств, мы готовим себя к забвению (или существенному ограничению распространения) письменности, к началу краха слова. Старательные бюрократы насаждают так называемые «мультимедийные комплексы» в учебный процесс. Образы и эмоции вытесняют понятия и аналитику, строгая однозначность терминов воспринимается как обуза. Люди XVI века гораздо свободнее нас выражали свои эмоции, и недавняя наша манера поведения показалась бы им, полагаю, похожей на ту, какую мы приписываем роботам. Сейчас же мы быстро возвращаемся к «нормальному» состоянию аффективной непосредственности, не отягощённой когнитивной рефлексией. Барби и мачо, судя по реальному акцентированию содержаний мультимедийных программ, всё более настойчиво и успешно задают образцы телесных стандартов и поведенческих реакций.

Жалко также, что общение всё больше усекается виртуальными формами: онлайн интеракция заменяет реальную встречу, связаться по скайпу или мобильному телефону зачастую предпочтительнее, чем увидеться, – и даже независимо от расстояний или занятости. Мы боимся признаться, что избегаем друг друга (за, понятно, немногими исключениями), а при контактах с другими зачастую предпочитаем оставаться анонимными.

Информацию мы превратили в товар, и так её отчасти унизили, ибо забыли, что в самые важные моменты жизни она – нечто несравненно больше чем товар. Активно развивается понятие и юрисдикция «интеллектуальной собственности». За использование патентов, например, нужно платить, что отчасти является справедливым – ведь всякий труд должен быть оплачен. Мало кто осведомлён, однако, о двух вещах. Во-первых, 97% патентов принадлежат так называемым «развитым странам», что не оставляет никаких шансов другим странам достичь их уровня жизни даже при достижении технологического уровня: ведь за патенты с их хозяевами придётся расплатиться. Второе обстоятельство состоит, однако, в том, что патенты и начали то регистрировать те самые страны, которые потом объявили себя «развитыми», но тысячелетиями до этого технологические инновации никто не патентовал, и они более или менее беспрепятственно распространялись. Сколько страны Европы или Америки должны были бы уплатить странам Средней Азии за использование изобретённого там колеса? Но попробуйте воспользоваться без лицензии штопором, застёжкой-молнией или песней, в которой говорится о «двух кусочках колбаски», которые «у меня лежали на столе»!

Остановимся далее на некоторых возможных деструкциях и рисках, сопряжённых с информационными технологиями, применительно к сфере техники и гуманитарным сторонам науки.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ДЕСТРУКЦИЙ ТЕХНИКИ И НАУКИ

Самым большим риском в сфере техники ныне является принятие ошибочных управленческих решений вследствие неверного программирования или его сбоев. Наш комфорт, наша безопасность и даже жизни, конечно, всегда в той или иной мере зависели от техники, но теперь эта зависимость резко возросла. И дело даже не в том, что технические устройства теперь обступили нас со всех сторон, – ибо вместе с их проникновением во всё новые области росла также и их надёжность. На них действительно можно спокойно полагаться. Но в них теперь информационными технологиями встроены приборы принципиально нового типа.

Раньше люди располагали приборами двух типов. Одни обостряли естественные, физиологические возможности восприятия человека – таковы, например, микроскоп или телескоп. Приборы другого типа устроены так, чтобы преобразовывать сигналы, которые вообще не воспринимаются органами чувств человека, а не только слабые, – в непосредственно доступные нашим ощущениям. Так работает, например, компас, который позволяет нам видеть направление магнитного поля, непосредственно органами чувств не воспринимаемое.

Теперь же мы располагаем также приборами третьего типа, помогающими управлять: ими технические устройства управляются без непосредственного вмешательства человека. Недавняя катастрофа технически исправной российской ракеты была вызвана ошибочными командами навигационных приборов. Микрочипу, регулиющему температуру в сауне, приходится доверять столь же полно, как альпинист полагается на верёвку. Но микросхему, в отличие от верёвки, на прочность не поддёргашь и на глазок не прикинешь. А ведь деваться то – некуда, приходится доверять. У нас теперь нет выбора – доверять приборам часть функций управления, от которых зависят наши жизни, или не доверять: мы уже фактически отдали эти функции информационным технологиям и разучились (или вообще не способны) их выполнять вручную.

К тому же многие из наиболее искушённых пользователей компьютеров почитают хакерство за высшую удачу, взламывают защиты и способны перепрограммировать систему, или хотя бы засорить её вирусом. Раньше за ошибки управления человек мог винить только себя, теперь, вследствие умысла извне или из-за случайного внутреннего сбоя работы датчика и микросхемы, может «сойти с ума» и выкинуть «чёрти что» любая микроволновка, конвейер или автомобиль. Технические недоработки или козни неприятеля раньше могли в худшем случае «подсыпать песку в коробку передач», теперь «песку» можно подсыпать и в механизмы управления. Информационные войны ныне ведутся не только за умы и сердца (о них часто говорят, но когда таких идеологических войн не было?), но также за вмешательство в управление оружием противника и ресурсами обеспечения. Эти угрозы для широкой публики не афишируются, они незаметны и безмолвны, – но тем внезапнее и сокрушительнее они могут проявиться.

Иного, гуманитарного свойства, деструкции провоцируются информационными технологиями в сфере наук. Разумеется, эти технологии являются мощным позитивным импульсом развития науки. Компьютерное моделирование и машинные

расчёты быстро стали замечательно полезными инструментами, без которых уже невозможно обойтись. С их помощью сейчас не только решаются, например, математические зависимости нелинейного свойства (именно нелинейные процессы господствуют в мире), но полученные результаты мультимедийными техниками наглядно презентуются в виде зрительных образов. Бабочка как аттрактор Лоренца стал эмблемой синергетики. Цифра и математический символ, множество расчётных сценариев могут быть представлены картинками причудливых узоров, которые, например, мы можем с интересом рассматривать в книге «Фрактальная геометрия природы» Бенуа Мандельброт. Примечательно, что всякое последующее увеличение масштаба фрагмента изображения открывает в глубине всё новые узоры, и ни один из них не повторяет прежних. Мир устроен сложнее, чем считалось прежде, и теперь благодаря компьютерным расчётам и графике это можно просто увидеть.

Словом, польза информационных технологий очевидна и бесспорна. Однако далеко не лишне обратить внимание на некоторые их негативные последствия, которые к концу второй половины прошлого века стали основательно подтачивать фундаментальные опоры институционального здания науки. Об одной из таких угроз гуманитарного свойства и пойдёт речь ниже. Атаке подвергся этос науки – её институциональная сторона, обращённая к этике взаимоотношений учёных, к этике их профессионального поведения.

ЭТОС НАУКИ:

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ АМБИВАЛЕНТНОСТИ?

Как и всякая сфера культуры, этос науки никогда не соответствовал идеалам безупречности и совершенства. Учёные – отнюдь не ангелы и вместе со всеми людьми несут в себе обычные пороки и добродетели. Свою профессиональную сферу они во все времена самокритично характеризовали, например, наличием несправедливого противодействия новым идеям, вызванным чувством зависти. Известно, что обсуждения приоритетов открытий зачастую весьма далеки от академического стиля и неоднократно превращались в ожесточённые и язвительные споры. Учёные, что нередко наблюдается, склонны переоценивать собственные достижения, переступают через скромность и пытаются внушить своим коллегам и общественности, что принадлежат к плеяде великих исследователей. Новые, действительно прогрессивные «дисциплинарные матрицы» вытесняют предшествующие, как показал Т. Кун, лишь с уходом из жизни старой гвардии. Прибавить что-либо по-настоящему новое в известную картину мира очень нелегко, и поэтому новизна сплошь и рядом имитируется. Хотя важно, следуя Сократу, откровенно признать то, что ещё неизвестно, а не маскировать затруднений. Многие же утаивают реальную сложность нерешённых проблем, а скудость собственной мысли скрывают за обилием цитат. На основе нескольких книг они составляют ещё одну, почти ничего к уже имеющимся не прибавляющую. В тех счастливых случаях, когда использованные таким образом работы содержали стоящую идею, плагиат имеет результатом реферат, в котором «открыт велосипед». Как говорил академик Наан, плохие научные работы науки не портят, – ибо, если бы это было так, от науки давно ничего бы не осталось.

Подобные *темы этоса науки* издавна ставились самими учёными, обсуждались историками и философами науки. Близкая к приведенному их перечню номенклатура тем, например, содержится и комментируется в книге Е.И. Регирера [12, с. 51-74]. Аналитические же результаты обсуждения тем этоса науки представлены в работах Роберта Мертона.

В 1942 году исследователь (что в философии науки было доброжелательно принято и впоследствии дополнено) свёл этос к четырём широко известным, чуть ли не каноническим нормам: «универсализма», «коллективизма», «бескорыстия» и «организованного скептицизма». Этим нормам автором был придан высокий статус «должного» – универсальных требований к учёным со стороны функциональной рациональности науки как социального института. Однако должное (то, как следует поступать учёным) и сущее (то, как они реально поступают) упрямо не сходились. За пределами строгой и ясной, но чересчур абстрактной деонтологии «классического этоса науки» оставались переменчивые и смутные мотивы реального разношёрстного поведения.

Поэтому Р. Мертон через два десятилетия пришёл к идее амбивалентности императивов и сформулировал девять их пар, в каждой из которых действуют противоположно направленные ориентиры. В этом он следовал, полагаю, установлениям обычной и умудрённой опытом житейской практике, которая выражена в таких поговорках, как «торопись, но не спеши» или «доверяй, но проверяй». Согласно одной из мертоновских пар, например, учёному нужно защищать новые идеи, но также воздерживаться от поддержки опрометчивых выводов. Ну, и кто этого не знает или кто, кроме глупых или подлых людей, думает иначе? Другое дело, сделать это нелегко. Но как этому способствует амбивалентные нормы? Ими, действительно, проблемы ставятся, но никак не решаются. Подобно поговоркам, амбивалентные регуляторы столь же бесспорны и полезны, но и столь же банальны. Они просто пополняют или варьируют традиционную номенклатуру тематики этоса науки, вполне в неё вписываясь.

Примечательно, что причину возникновения амбивалентных регулятивов поведения Р. Мертон находит в изъятии отступления поведения учёных от четырёх обязательных норм должного. Поэтому, мол, амбивалентные нормы и являются «патологией науки». Насколько уместна, однако, жёсткая оппозиция нормы и патологии в сфере этики?

НОРМА КАК «ПРАВИЛО» И КАК «МАКСИМА»

Мне представляется, прежде всего, некорректным широко распространённое сведение нормы – к правилу, как это наблюдается в работах как критиков Р. Мертона, так и его последователей. Во многих случаях в культурах (и особенно в этике) норма задана вовсе не в качестве *правила*, не выполнять которое запрещено, а в виде *максимы*. В отличие от правила к максиме, как к идеалу, следует только стремиться, но она невыполнима как абсолют – везде и всегда. «Не лги» – это не правило, а максима, предполагающая ситуации вынужденных и оправданных временных отклонений от неё. Нормы же дорожного движения заданы именно правилами, хотя и здесь они специфицируются, например, для пожарных

автомобилей и экипажей скорой помощи. Даже норма в формах правила задана не единственным состоянием, а некоторым их, пусть узким и резко очерченным, диапазоном.

Пространство нормы как правила строго ограничено «частоколом» *запретов*, а её внутреннее ядро составлено *предписаниями*. Между предписаниями, исполнять которые обязательно, и «забором» запретов, за который выходить нельзя, и расположена зона *разрешённого* поведения. Там, в границах нормы, остаётся свобода поступать по собственному усмотрению, возможность ситуативного поведения – ибо всего предписаниями предусмотреть невозможно. Чем гибче, умнее и устойчивее норма – тем шире зона того, что в ней разрешено. Подобным образом устроена и максима, с тем только отличием, что частокол запретов не столь плотен, и между ними открыты «коридоры» для временного выхода за пределы нормы с неперменным и скорым, однако, в неё возвращением.

Норма (за редчайшими исключениями), таким образом, никогда не задана её единственным состоянием, отклонение от которого можно было бы считать патологией. Нормальная психика, конечно, отличается от патологической, но её возможные состояния (акцентуации) варьируются на огромном приемлемом диапазоне. Патология же в отношении максимы состоит отнюдь не ситуативном от неё отклонении, которое оправдано необходимостью следовать иной, столь же важной максиме, а в систематическом, скрытом или открытом её игнорировании. Р. Мертон же квалифицировал амбивалентные установки этоса науки в качестве «патологии», вывел их за пространство негибкой «нормы» и тем самым щедро удобрил почву для критики всей классической концепции этоса науки.

СПОР ОБ ИЗМЕНЧИВОСТИ И ПОСТОЯНСТВЕ НОРМ В НАУКЕ

За последние четыре десятилетия несомненное преобладание получили релятивистские представления о кардинальной изменчивости регулятивов в науке. Согласно модным идеям коммуникативной рациональности, нормы – лишь продукт временного согласия, дедукцию как научный метод фактически заменяет аргументация, а истинность законов – не более чем их правдоподобие. Ныне хорошим тоном полагается отказ от построения моделей абстрактной методологии мертоновского типа в пользу ситуативных исследований типа *case study*. В интерпретативной социологии науки ей вообще был вынесен «смертный приговор». А как же инварианты, неужто их и вовсе нет? Даже такого, который ещё Платон в спорах с софистами отстаивал, возражая против замены постижения истины поиском правдоподобия?

Р. Мертон стягивает норму «бескорыстия» до предписания профессионального поведения, согласно которому учёный не должен иметь никаких иных интересов, кроме постижения истины. Так он отстаивает важнейший для науки регулятив, но вместе с этим, увы, делает его легко уязвимой мишенью критики. К реальному человеку, а не к его тощей абстракции это предписание попросту неприменимо: где кто-либо встречал живого человека с таким ампутированным кругом интересов?! И в чисто профессиональной сфере реальный учёный принуждается жёсткой конкретикой социокультурных условий к заинтересованному поиску

технологического, финансового, административного, кадрового и прочего обеспечения, нужного для исследований. Большая часть общества к поискам истины «умниками» и «грамотеями» относится равнодушно, а некоторая часть им даже препятствует. Право и возможность искать истину ещё надо уметь заслужить и отстаивать!

Иное дело, что стремление к истине является стержневой *максимой* этоса науки (бескорыстие, как более широкое понятие, мне представляется в этом контексте менее подходящим). Настойчивое следование поиску истине, конечно, не отменяет и не исключает иных интересов учёного, которые в нужные моменты способны на какое-то время выйти на первый план.

Стержневой характер данного регулятива для этики науки в начале 70-х годов был несомненен, например, для науковед П.А. Рачкова, который цитирует в этой связи пять основных принципа академика А.Д. Александрова [11, с. 179]:

«Ищи истину и не затмевай своего сознания предвзятыми мнениями, авторитетами и личными соображениями.

Доказывай, а не только утверждай.

То, что доказано, принимай и не искажай, а отстаивай.

Не будь фанатиком...

Истина утверждается доказательством, а не силой...».

В начале же XXI века для многих исследователей науки этот былой классический приоритет утрачен. Высказывается, например, мнение о том, что нормы Мертона скорее провозглашаются, чем выполняются, причём «наименее реалистичной» остаётся именно норма «бескорыстности» [8, с. 23-24]. Или в описании этоса даже классической дисциплинарной матрицы «преобладающей ценностью» полагается «устранение всего субъективного, произвольного, случайного», стыдливо замещающего волей автора прежде гордое понятие истины, которое уже прямо заменено в авторской трактовке «неклассической» науки на «контингентное согласие», и затем вовсе изъято из описания матрицы «постнеклассической» науки [5, с. 44-51]. В итоге наука оказывается, по выражению этого же автора во вступительной статье этой книги, в «паритетном» отношении с любыми формами знания – архаическим и эзотерическим, обыденным и религиозным. Да не равноценны они, не равны – иначе и науке незачем было бы возникать, а лишь дополнительные! В этом направлении дискредитации основ науки Ричард Рорти, среди многих других философов, идёт дальше и глубже, обесмысливая саму возможность постановки вопроса об истине в связи с «кончиной эпистемологии», некорректностью «противопоставлений» объекта – субъекту и отменой любых «сдерживающих» исследование правил [14, с. 233].

К счастью, представители конкретных наук редко к подобным спекуляциям прислушиваются. Обнадёживает также, что недавнее увлечение релятивистскими и герменевтическими моделями этоса науки, идеями постмодернизма и риторическими приёмами аргументации коммуникативной рациональности сменяет более сдержанное и взвешенное к ним отношение. Как справедливо отмечает А.П. Огурцов, в философии науки теперь начинается «новый круг – возврата к идее

универсальности» [9, с. 77]. О стержневой, по моему мнению, универсальной максиме этоса науки и пойдёт речь дальше.

ЧЕСТНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭТОСА НАУКИ

Полагаю, к числу важнейших качеств учёного относится честность. Её, понятно, совершенно недостаточно, чтобы таковым быть, но честность составляет необходимую предпосылку, без которой невозможно легитимно присоединиться к научному сообществу. Ибо каждый честный человек, по меньшей мере, искренне защищает то, что он считает правдой. А тот, кто представляет науку, не только не лукавит со своей правдой, но также понимает, что у его оппонентов есть их иные правды, а за всеми этими многими правдами лежит единственная истина. Честность, в итоге, учёному нужна, чтобы открывать пути к истине среди хитросплетений правд.

К сожалению, после К.А. Тимирязева, который в 1949 году прямо и ясно писал о правдивости учёного как о нравственном качестве, господствующим над всеми его прочими умственными качествами [11, с. 179], эта идея за полвека утратила приоритет. В современном дискурсе этоса науки говорить о правдивости как-то не принято – попробуйте вообще отыскать там это слово! Однако тонкие и нередко действительно важные коммуникативные этические ситуации, распутываемые сегодня в дискурсах, вследствие игнорирования приоритетов честности и правды утратили нужное и прочное основание.

Ведь правду люди не слишком часто хотят слышать и редко высказывают. Она, действительно, «глаза колет», её не любят и боятся. Правдолюбец, который «напрямую правду-матку режет», – во всех культурах фигура редкостная и маргинальная, сродни шуту или палачу. Он – исключение, а не правило. К тому же правдолюбцы, увлечённые своей правдой, зачастую её отстаивают с фанатичной резкостью. В пылкой их бескомпромиссности иногда сгорает всякое неудобное и смутное предположение о существовании какой-то иной правды, отличной от собственной. Они тогда деликатны как отбойный молоток, а гибкости и дипломатичности в них столько же, как в дорожном катке. Но люди обидчивы и мстительны. Поэтому там, где появились фанатичные правдолюбцы, – жди схватки и репрессий проигравших. А если правдолюбцы и вполне толерантны, – то, всё равно, жди конфликта. Разве когда-нибудь отстаивать правду было лёгким и простым делом? В жизни честность, увы, прагматически невыгодна, конформистам живётся спокойнее. Интрига и «камень за пазухой» на практике предпочтительнее открытого забрала и честного поединка.

Любое реальное событие, как это хорошо известно специалистам логики и семиотики, «окутано» оценочной и интерпретативной оболочкой многих разных правд. Иногда они счастливо дополняют друг друга, иногда – жёстко противостоят. Казалось бы, информационные технологии могли бы способствовать упорядочению этой оболочки, помочь распутать хитросплетения правд. На то информация и нужна, чтобы выявить дезинформацию (ложь, заблуждения и всякие неточности) и так поддержать или дискредитировать некоторые правды, помочь правильно поставить проблемы и избавиться от псевдопроблем. Но для этого, прежде всего,

необходимо уметь и хотеть твёрдо отличать само реальное событие от того, что о нём говорят и как его оценивают.

Непременное это условие (подвергнутое в философии науки тщательной рефлексии и известное там как проблема отделения научного факта от его интерпретаций), однако, в современной мультимедийной практике полностью игнорируется. Без ложной скромности журналисты именуют себя «нюсмейкерами», то есть делающими новости. Так что же является новостью – происшедшее событие или репортаж о нём? Реальный статус «Его Величества События» высокомерными нюсмейкерами беспардонно снижен до «информационного повода», они знают и продают лишь собственные интерпретации событий. Но так дезинформация легко проникает в событие и становится его компонентом. Информационные программы без ложной скромности зачастую называются по фамилии телеведущего с прибавлением слова «жизнь» (например, «Шустер-лайф»). Оставим в стороне вопрос о том, достойна ли жизнь подобных журналистов внимания миллионов и стоят ли их имена права на бренд. Важно то, что жизнь такого отдельного человека, его восприятие события и организация им обсуждения события парадоксально выпячены на первый план и заслоняют само событие. Король события позади, и его ещё надо умудриться разглядеть за важно шествующей свитой и всякой челядью.

В этом конформистская интрига и состоит: сделать короля события невидимкой (или хотя бы его одежды) с тем, чтобы с выгодой для себя одеть его в то, что закажут. Сказка о голом короле и хитром портном выражает суть стратегии нюсмейкеров. Теперь, согласно Андерсену, чтобы увидеть правду и бесхитростно о ней во всеуслышание заявить, требуются непосредственность и непредубеждённость ребёнка.

Ибо без правды всё-таки не обойтись! В решающие моменты жизни именно правда имеет решающее значение, и тогда прежде «спрятанные за пазухой камни» извлекаются на свет и пускаются в дело. Выяснение отношений всегда даётся нелегко, но очищает их от накопленной паутины недомолвок и лжи. Нарыв нужно вовремя вскрыть, чтобы вернуть в жизнь искренность и уметь смотреть правде в глаза. Тогда в отношения возвращается свежесть и спокойная простота жизни по правде. Выяснение отношений, увы, способно привести и катастрофическим разрушениям былого порядка, – но и тогда на руинах восходят ростки правды, хотя теперь и новой.

Возможно потому, что для всякого человека своя правда так важна и так ценна, он предпочитает её утаивать. Её, мол, нужно сберечь и обезопасить, упрятать в оболочку – такую, чтобы она оттуда могла быть выхвачена, когда это нужно, с решительностью и блеском сабли из ножен, но оболочку твёрдую и непроницаемую для атак извне и праздного любопытствующего глаза.

Но оберегаем то мы всегда слабое и беззащитное, тогда как сильное способно защитить себя само! Распространённая стратегия утаивания своей правды, с сожалением приходится признать, основана на безотчётном признании её слабости. Сильное не нуждается в защитной скорлупе. Так, недооценивая себя (ведь моя правда – это и есть я), человек уклоняется от правды, и чем больше он её избегает,

тем меньше ценит себя. Боязнь правды – это страх собственной несостоятельности. Правдолюбие и личностный рост в данном контексте не просто коррелируют, но скорее синонимичны. Традиционно маргинальное положение правдолюбцев во всех известных обществах может служить операциональным индикатором распространённости невротизма. В так называемом информационном обществе впору говорить о его засилье.

Среди тех немногих правдолюбцев, которые способны толерантно отнестись к иным (чем своя) правдам, социокультурными процессами и отбираются люди, которые формируют ядро научного сообщества. Параметры, характеризующие условия этого отбора, разнообразны и многочисленны: среди них – и образованность, и развитость интеллекта, воображения или интуиции, и трудолюбие, настойчивость и целеустремлённость, и многие многие другие. Продуктивность креативного поиска в реальной истории культур поддержана открытым, по сути, диапазоном условий и личностных качеств, вплоть до экзотических привычек творцов или их загадочной удачливости.

Тем заметнее их асимметрия в сравнении с узостью диапазона *предпосылок* отбора: главным и, возможно, единственным критерием здесь является признание существования истины, причём в качестве высшей ценности науки. Требуется мужество быть честным наедине с собой и другими в ответе на главный вопрос – *а действительно ли то, что ты сделал, является некоторым шагом в верном направлении, ведущим к постижению истины?*

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО ПРОПУСКА В НАУКУ: СПОСОБЫ И УЛОВКИ ДЕФОРМАЦИИ ПРЕДПОСЫЛКИ

Сквозь игольное ушко этой предпосылки пройти в науку, а затем оставаться в ней (поскольку данный вопрос следует ставить перед собой вновь и вновь) не менее сложно, нежели верблюду и толстосуму – в царствие небесное. Между тем безотлагательная потребность в научных кадрах вынуждает таможенников, приставленных к «ушку», смягчать и портить главную предпосылку: ведь каких-нибудь «верблюдов» всё же нужно набрать. Наиболее радикальной из её деформаций являются настойчивые попытки полной отмены «пропускного пункта» представителями доктрин, провозглашающих отсутствие истины. Постмодернистская «таможня даёт добро» всякому верблюду! Когда истин нет, всё можно, всё одинаково верно и неверно, и всякий дискурс – лишь игра и скрытое цитирование. Сырые компиляции и беззастенчивый плагиат становятся столь же нормальными, как порождённые воображением самые развязные фантазии (скудоумные ли, или дикие) при полнейшем игнорировании процедур их эмпирической интерпретации, при забвении или игнорировании ранее установленных фактов. Носители этой идеологии, как правило, не проникают в ядро науки, но ныне основательно отравляют её периферию.

Особенно пострадало от этой идеологии «информационного общества» гуманитарное знание. Украинские историки, например, разошлись на враждующие партии, верные полярным оценкам одних и тех же фактов. Начитанные литературоведы, как будто потеряв сложившиеся веками критерии отличия хорошего текста от посредственного, поднимают, прозу Марии Матиос чуть ли не

до уровня шедевра и рекомендуют её для школьных программ. Многие философы (мало того, что придумали постмодернизм) без признаков стеснения игнорируют общенаучную картину мира в качестве второстепенной «онтики», равнодушны и невежественны в вопросах естествознания. В современной психологии ныне затруднительно провести границу, разделяющую науку и паранаучные домыслы. Психотерапию, как и педагогику, пока правильнее вообще проводить по ведомству искусства, но отнюдь не науки (ненаучная медицина в подобном случае вежливо, но без лукавства именуется «народной»).

Другой, менее радикальный способ деформировать предпосылочное пропускное правило состоит в заметном облегчении груза компетентности, с которым соискатель то и дело подступает к «ушку». Чем меньше человек знает, тем с большей уверенностью он способен искренне считать, что внёс заметный и конструктивный вклад в науку. Таких часто называют графоманами; многие, однако, осторожнее и умнее: «отсебятины» избегают и старательно комбинируют банальности (иногда, кстати, составляя вполне полезные тексты для популяризации и обучения). Не обременённые избыточным грузом знаний и проблем, остро потребных на фронтах наступления науки в области неизведанного, они всякий раз подходят к «ушку» столь «тощими», что легко сквозь него проникают. А там старательно и щедро засевают поле науки похожими на себя последователями согласно старому присловию – «учёным можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан». Заметная часть вакансий, таким образом, оказывается занятой вовсе не теми, кто действительно продвигает науку, а теми, кто это успешно имитирует. Для таких имитаторов как нельзя лучше подходит циничное истолкование истины одним из персонажей романа «Шантарам» Грегори Робертса: «истина – это задира, который ко всем пристаёт, и все притворяются, что им это нравится» [5, с. 67].

Особую ловкость, энергию и настойчивость графоманы и притворы проявляют в пиаре своей деятельности, в достижении знаков известности и символов признания – всяческих званий, наград и прочих свидетельств успеха. Они не ведают, что такое скромность и охотно присоединяются к её оценке политиками (напомню, как пути в неизвестность). «Быть» и «слыть» для них – одно и то же, имитация – вовсе не подделка, но равна подлинности. На вопрос «что нового Вы сделали в науке?» они отвечают перечнем знаков успеха и общественного признания: создал школу, написал бестселлер, руковожу проектами, являюсь лауреатом конкурсов и премий, имею звания и т.д. В их персональных страничках, SV подобные перечни занимают множество строк, где ничто не забыто, и составляются трепетно и тщательно. Объём саморекламы почти безошибочно указывает на принадлежность её автора к клану имитаторов. К счастью, за всем этим иногда всё же обнаруживаются некоторые реальные научные результаты.

Стоит ли удивляться, что с развитием информационных технологий общее число людей, которые, как считается, занимаются наукой, а также объёмы ассигнований на научные исследования растут гораздо быстрее, чем прирастают результаты. Строгие данные наукометрии свидетельствуют, что персонал и инвестиции увеличиваются в геометрической прогрессии (а несколько ранее – вообще по экспоненте), тогда как для моделирования тренда результативности

скорее подходит прогрессия арифметическая. Веский балласт графоманов и имитаторов науки заметно снижает коэффициент её полезного действия. На весах общего баланса несомненную продуктивность информационных технологий пока, увы, парадоксально перевешивает облегчённая совесть.

Выводы. Процессы вовлечения инновации в культуру характерны тремя стадиями: первая сопряжена с равнодушием к инновации или с её позитивной оценкой, на второй выявляются масштабы вызываемых этой инновацией культурных деструкций, на третьей культура ассимилирует инновацию и обретает новую конфигурацию и стабильность.

Резко возросшая со II-ой половины XX века скорость прироста и внедрения новаций оставляет меньше времени для профилактики вызываемых ими деструкций и снижения рисков.

Идеологией переживаемого в настоящее время второго этапа вовлечения в культуру информационных технологий, к сожалению, в основном пока остаётся постмодернизм.

К культурным деструкциям технологий оцифровки следует отнести: онтологические спекуляции; маргинализацию чтения, письма и рост вторичной безграмотности; девальвацию вербального мышления, слова и термина.

Во всемирной сети отсутствуют механизмы разделения информации и дезинформации, цели её пользователей нередко состоят в манипулировании и противоположны декларируемому идеалам информирования.

Информационный продукт всё совершеннее подменяет собой представляемую и имитируемую им реальность, информационное общество поражено боязнью правды и засильем конформизма, рефлексия и аналитика вытесняются образами и эмоциями, флешмобом и нерегулируемым правом на самовыражение.

Появились и резко растут риски кибердиверсий.

Гуманитарная предпосылка работы учёного, состоящая в его честности, толерантности к разнообразию правд и в стремлении к истине, ныне недопустимо смягчается или отвергается господствующей идеологией информационных технологий.

От наших способностей не поддаться слепой увлечённости модной инновацией, вовремя разглядеть таящиеся в ней деструктивные для культуры начала во многом зависят масштабы и последствия тех нежелательных перемен, к которым мы могли быть подготовлены, чтобы принять упреждающие или смягчающие меры.

Список литературы

1. Будагов Р.А. История слов в истории общества / Р.А. Будагов. – М. : Просвещение, 1971. – 270 с.
2. Веллер М. Всё о жизни / Михаил Веллер. – М. : Издательство АСТ, 2008. – 751 с.
3. Гибсон У. Распознавание образов / Уильям Гибсон. Пер. с англ. – М. : АСТ : Ермак, 2005. – 381 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии / Жак Деррида. Пер. с фр. и вступ. статья Н. С. Автономовой. – М. : Ad Marginem, 2000. – 511 с.
5. Киященко Л.П. Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) / Л.П. Киященко // Философия науки. – Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – М. : 2005. – С. 29-53.

6. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна / С. Корнев // Новое литературное обозрение. – № 32 (4/1998). – С. 29-47.
7. Марков Б.В. Коммуникация и глобализация / Б.В. Марков // Вызовы глобализации в начале XXI века. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-15 апреля 2006 года). Часть I. – СПб. : БГТУ, СЗАГС, 2006. – С. 109-127.
8. Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки / Е.З. Мирская // Философия науки. – Вып. 11 : Этос науки на рубеже веков. – М. : 2005. – С. 11-28.
9. Огурцов А.П. От нормативного Разума к коммуникативной рациональности / А.П. Огурцов // Философия науки. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – М. : 2005. – С. 54-81.
10. Рабинович В.Л. Исповедь книгодея, который учил букве, а укреплял дух / Вадим Рабинович. – М. : Книга, 1991. – 496 с.
11. Рачков П.А. Науковедение: проблемы, структура, элементы / П.А. Рачков. – М. : Издательство Московского ун-та, 1974. – 242 с.
12. Регирер Е.И. О профессии исследователя в точных науках / Е.И. Регирер. – М. : Наука, 1966. – 166 с.
13. Робертс Г.Д. Шантарам: Роман / Грегори Дэвид Робертс. Пер. с англ. Л. Высоцкого. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 864 с.
14. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Ричард Рорти. Пер. с англ. В.В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.
15. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер. Пер с англ. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
16. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации / Фелипе Фернандес-Арместо. Пер с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. – М. : Издательство АСТ, АСТ МОСКВА, 2009. – 764 с.
17. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятия государств / Эрик Шмидт, Джаред Коэн. Пер. с англ., издание и оформл. – ООО «Манн, Иванов и Фарбер», 2013. – 588 с. [электронная версия подготовлена компанией ЛитРес, www.litres.ru].
18. Ямпольский М. Интернет, или постархивное сознание / М. Ямпольский // Новое литературное обозрение. – № 32 (4/1998). – С. 15-28.

Shorkin A.D. Informational Technologies as a Factor of Culture Destruction // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 269-294.

The influence of new technologies which are created by people to improve their lives on cultural alterations accompanies a human being over a period of all history. Particularities and even epochal stages of the cultural development are mainly connected exactly with provocative technological novelties. Processes of forming and reconstruction of cultures with various innovational technologies is a non-standard thing any time but a process that is quite common in general. Accepted innovations can not be added to cultural heritage neither automatically nor arithmetically. They must be implanted into it organically.

The development of informational technologies without which people can not imagine their future, though is connected with inevitable culture destructions. As it was repeatedly observed in historical past such serious innovations in a process of their integration into culture necessarily deform it by changing the previous structure. Destructions (in their dictionary definition as «breaking of the normal structure») are a mode of culture development, an adaptation of its structure to the integrated innovations. It is vital to be prepared to the consequences of undesirable changes in order to assume preventing and moderating measures without being carried away by obscurantism. Otherwise we are carelessly risking to lose a lot of things which then will have to be restored with supreme efforts.

Key words: stages of the involment of innovations in culture, culture destructions, destructions of digitization technologies and Global Network, destructions of scientific ethos.

УДК 008

ТРАДИЦИИ МЕДИЦИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ¹

Герасимова И.А., Мильков В.В.

Анализ проблемы традиции и инноваций дан на примере взаимоотношения официальной и традиционной медицины. В истории Древней Руси выделены традиции народной медицины, теотерапии, природосообразной медицины. Выявлены натурфилософские, религиозные и когнитивные основания врачебных традиций. Сопоставление с биомедицинскими технологиями приводит к выводу о неоднозначности решения вопроса о соотношении научного и вненаучного в медицинских практиках.

Ключевые слова: история медицины, техногенная медицина, Древняя Русь, целительство, природосообразная медицина, теотерапия, космизм, холизм, витализм.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

Науки о жизни (Life Science) в России относятся к критическим технологиям, разработка и внедрение которых, как прогнозируется, может способствовать восстановлению экономической мощи страны и выведению на передовые позиции в мировом научно-техническом развитии. Анализ философских оснований наук о жизни показывает, что понимание сущности жизни выходит за пределы самых передовых технологий. В обсуждении глобальных проблем природы живого и сущности феномена жизни невозможно обойти вниманием многовековой опыт врачевания. Тем более что в современной ситуации традиционная медицина составляет конкуренцию официальной медицине, оснащенной самым современным инструментарием. Конфликт и диалог традиций и инноваций проходят на фундаментальном уровне мировоззрения. Во взаимодействии оказываются разные картины мира, разные практики, расходящиеся в понимании причин заболеваний, задач профилактики, способов воздействия и эффективности лечения. С разными традициями врачевания связаны особые отношения к природе в целом и к природе

¹ Научное исследование частично проводилось при поддержке РГНФ, грант «Сокровенные знания Руси: традиции и интерпретации», № 12-03-00501.

человека. Многовековой опыт постижения «податливости» человека разнообразным внешним воздействиям отнюдь не относится к области давно отживших и ничего не значащих исторических фактов. Проекты трансгуманизма и технологических возможностей улучшения природы человека приобретают новое качество при сравнении мировоззренческих установок древней и современной медицинской практик.

В наши дни к традиционной медицине относят народные целительские практики, а также восточную медицину в китайской, индийской и тибетской её версиях. Все эти виды традиционной медицины накопили солидный опыт врачевания, который отчасти систематизирован. Народное целительство не достигает уровня рефлексии, который предъявляется к рациональным практикам. Восточная медицина в значительной степени рационализирована, опыт врачевания и многовековые наблюдения нашли отражение в натурфилософских трактатах и учебных пособиях, но главной линией трансляции знания остается личностный канал «учитель-ученик». Врачевание изначально заключало в себе знания и мастерство, но главное – знание основополагающих принципов жизни.

Сложные взаимоотношения между официальной (техногенной) и традиционной (нетехногенной) медициной развиваются от конфликта до диалога. Преобладает точка зрения, которую назовем *презентизмом*: наблюдатель находится внутри системы настоящего, современное состояние знания и технологии берутся как образец, все, что несовместимо с образцом, отсекается или упрощается. При такой позиции традиционная медицина официально не признается. Тенденции конфронтации противостоит тенденция диалога, связывающая прошлое, настоящее и формирующая будущее на гуманистических основах. Представляется, что сравнительный анализ философских оснований врачебных практик может внести ясность в возможности ассимиляции древнего и современного медицинского знания.

Несовместимость традиционной и официальной медицины проявляет себя на фундаментальном уровне восприятия картины мира. Традиционная медицина, развивавшаяся в дорациональную эпоху магии, в своих истоках опирается на натурфилософские представления, суть которых далека от современного восприятия реальности. Границ между внешним миром и внутренним для магического мировосприятия не существовало, но в ходе эволюционных трансформаций сознания внутренний мир отделялся от окружающей реальности. В восприятии большинства жили идеи связи всего со всем, складывалось понимание, что суть невидимого раскрывается через видимые знаки. Античная медицина, индийская аюрведа, ее ветвь – тибетская медицина, китайская медицина, средневековая европейская и арабская медицина, – *космичны и холистичны*. Человек и космос воспринимались как единый организм, единое тело. Во всех архаических традициях ядром мировосприятия было укорененное в сознании представление об антропокосмическом тождестве – тождестве микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной). Понятие макрокосма было шире понятия «наблюдаемой Вселенной» современной науки. Выстраивавшиеся на этой основе аналогии и соответствия определяли методику диагностики и приемы-врачевания.

Нарушение человеком законов целого – моральных, социальных, природных, по мысли древних, расценивалось как причина заболеваний, природных катаклизмов и пр. Поэтому целительство предполагает восстановление целостности или космоприродного порядка. Согласно принципу соответствия, любые акты врачевания должны учитывать благоприятные космоприродные моменты, когда человеческий организм и природа ритмически сонастроены. Современный человек ориентируется на механическое время, подстраивая свои жизненные ритмы по часам. Каждый момент времени для древнего и средневекового человека до изобретения часовых механизмов и перехода на равноденственное время имел свое качество, которое отражало состояние космоприродной среды в момент времени. Принцип соответствия, таким образом, распространялся и на динамический аспект бытия. Год, сезон, неделя, день и ночь, час различались качественными характеристиками состояний природы.

Когнитивный диссонанс между официальной и традиционной медициной обнаруживает себя в несопоставимости языков и принципов врачевания. Четыре стихии – земля, вода, воздух, огонь, в натурфилософском понимании мыслимые как первоосновы материального мира, в классификационных медицинских схемах играли роль системообразующих элементов. Принцип соответствия и аналогий раскрывался в практической медицине, предполагая универсальную симпатию космических стихий и стихийных составов человеческого тела по сродству. Аналогов такого понимания в современном знании нет, за исключением аспекта трактовки стихий как агрегатного состояния вещества, а в обыденном смысле – направленных, но неуправляемых сил природы.

Кроме космизма и холизма, третья характеристика – *витализм* – отличает современный рациональный менталитет от носителей менталитета целительской магии. В магическом мироощущении акты познания (в форме прорицаний) воспринимались как воля богов, магические манипуляции мыслились как взаимодействия с «душами умерших» или «природными духами». С рациональной же точки зрения в данном случае говорят о персонифицированных олицетворениях природных сил (своеобразное тонкое чувствование природы), резонансном взаимодействии психической энергии целителя с силами природы (по принципу соответствия).

В дотехногенной медицине диагностика осуществляется сенсорными системами врачевателя – особого рода тонкой чувствительностью, которая способна различать гармонию и дисбаланс человеческого организма. Это направление объективно имеет большие перспективы, которые блокируются паразитирующими на модной волне шарлатанами, но возможности такого глубоко традиционного способа врачевания начинают принимать все больше представителей ортодоксальной медицины. Для технологического менталитета характерна вера в исключительные возможности приборов, а то, что целитель сам способен действовать как такого рода прибор, в позитивистско-научное сознание не укладывается. Факты очевидны, но аутентичного толкования их с позиций механистического монизма ожидать не приходится. Данное обстоятельство подкрепляет уверенность в оценке древнего знания (куда наряду с традиционным

целительством подпадают также астрология, алхимия и астромедицина) как квазинаучных практик. Натурфилософские учения оцениваются как спекулятивные, не связанные с «реальным опытом».

В оценках такого рода просматриваются неявные пресуппозиции: за эталон берется современный тип человека с определенными когнитивными характеристиками, считается, что когнитивный тип древнего человека уступал когнитивному типу современного человека, поскольку не было развито рациональное начало. Слабо осознаются когнитивные повороты в глобальной эволюции, влекущие значительные изменения в культурно-антропологических матрицах; возможные исторические трансформации сознания, а также факторы спирального хода эволюции. Если в истории культур и цивилизаций признается, что некоторые феномены культуры могут уходить на периферию общественной жизни, но при определенных обстоятельствах активизироваться, то в отношении когнитивных феноменов проявления циклизма, как правило, не принимаются во внимание. Если быть строго последовательными в оценках древнего знания как квазнания, то напрашивается вывод об оценке архаичного и средневекового человека как квазичеловека.

Находят поддержку проекты трансгуманизма. Входят в моду броские выражения «транс-наука» и «пост-наука», научное содержание которых еще не прояснено, говорят о новых неисчерпаемых возможностях высоких технологий, в том числе и биомедицинских технологий, за которыми видят совершенствовании тела и разума человека биотехническими средствами, в крайнем выражении – создание цивилизации киборгов. При этом, как правило, скрывается теневая сторона – то, что за границами познанного. Организационной клеточкой научной организации становятся лаборатории, в которых границы между фундаментальным и прикладным знанием стираются. Падение роли фундаментальных исследований оборачивается умалением «know that» перед «know how». В русле таких тенденций невозможно гарантировать корректное прогнозирование последствий поспешных инноваций.

В вопросе столкновения традиции и инноваций возможен нейтральный подход, который назовем *эволюционно-антропологическим*. Предполагается, что исторически происходили трансформации разума человека, менялись (и будут меняться) фокусы сознания. Учитывая принцип спирального развития в когнитивной эволюции, вполне возможно допустить активизацию архаических когнитивных характеристик в новых условиях. Принимая во внимание эволюционные трансформации сознания, можно предложить следующую модель истории врачебного искусства.

С эволюционно-антропологической точки зрения магическая медицина возобладала в древних цивилизациях Египта, Вавилона, Индии, Китая, Центральной Америки, имела место в Греции и Риме. Новая волна магии поднялась в арабском и европейском Средневековье, а в народной среде целительская магия никогда не уходила с исторической сцены. Она была основана на вере в партиципацию, или, говоря иными словами, на вере в сопричастность человека природе (по Л. Леви-Брюлю). В европейской традиции рациональные методы, главным образом

связанные с развитием медицинской семиотики, формируются в античности, развиваются на арабском Востоке. На Дальнем Востоке наиболее развитой оказалась тесно связанная с медициной буддийская логика². Эти культуры дают пример гармоничного сочетания рациональных методов врачевания с элементами магической манипуляции в отношении природы и человека. Многие магические приемы в ходе эволюции трансформировались в формы искусства. Традиции природосообразной медицины Гиппократ и Галена совершенствуются в Средневековье, бытуя в естественном для них союзе с астрологией (космомагией). Немалую роль в становлении новоевропейской рациональности и медицины сыграл Парацельс, сочетавший в себе черты мага и ученого. По вопросам химии обостряется борьба традиции Галена и инноваций Парацельса. Благодаря деятельности Парацельса, в университетское образование привносится систематичность, в учебные планы включаются развивающиеся естественнонаучные дисциплины³.

Условно в качестве этапов истории врачевания можно выделить исконно традиционную целительскую магию, природосообразную профессиональную медицину античности и Средневековья, естественнонаучную (ноевропейскую) медицину, технонаучную медицину современности. Если целительская магия в большей степени схожа с искусством, то природосообразная медицина в равной мере и наука (рациональная деятельность), и искусство (мастерство). В ходе формирования медицинских практик на новой когнитивной основе некоторые позиции и приёмы сохраняли преемственность, некоторые отвергались, но затем возобновлялись в новых условиях. В этом смысле новоевропейская медицина выкристаллизовывалось в недрах средневековой медицины, но ее кардинальные установки – космизм, холизм и витализм были отвергнуты с развитием экспериментального естествознания. Тем не менее, на пике устремленности к творческой конструктивности в век высоких технологий вторую жизнь обрело не искорененное наследие архаики, а вместе с ним старые проблемы целостности живого. Другими словами те явления, которые подпадают под определение Life Science и биомедицинских технологий. Как это ни парадоксально, передовая наука начинает вспоминать истины когда-то отвергнутой древней науки.

Что же знали древние мудрецы и чем из наследия архаики мы можем воспользоваться? О древней восточной медицине, которая практически уже утвердилась в своем праве на жизнь, известно достаточно много. Почти ничего неизвестно о нашей собственной культуре. В поисках ответа на этот вопрос обратимся к истории Древней Руси и к характеристике врачевательных традиций той эпохи. Развитие знания на Руси претерпевало исторические трансформации вместе с ходом мировой эволюции, но имело свои национальные черты. Идейная борьба в Древней Руси XI-XVII веков вокруг врачевания и медицинского знания

² Жамбалдагбаев Н.Ц. Буддийская логика и диагностика в тибетской медицине // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН. 1997. М., 1998. С. 163-169.

³ Струговицкова У.С. Систематизация гуманитарного знания в эпоху Возрождения // Идеи и идеалы. 2013. № 2 (16). С. 3-10.

отражает противоречия между представителями официальной и неофициальной медицины. Античное наследие и собственная архаика оставались действенным фактором практик даже в условиях жесткого идеологического прессинга со стороны церкви. Инерция и преемственность лучшего существует во все века.

Сегодня для всех очевидно, что естественные науки выкристаллизовывались из древнего знания, сокровенная основа которого продолжает оказывать воздействие и на современную мысль. Почему? Дело в глубинном гуманизме сокровенных истин, суть которого выражена в принципах духовного единства видимых и невидимых сфер бытия человека. Так протягиваются связи древности с современностью. В этой преемственности средневековая эпоха оказывается связующим звеном, транслировавшим идеи холизма через книжные концепции антропокосмического тождества и посредством целительских практик, основанных на принципах природосообразной медицины.

ТРАДИЦИИ МЕДИЦИНЫ И ЦЕЛИТЕЛЬСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Статус официальной медицины по мере исторического развития страны менялся со сменой эпох, социальных укладов, изменением векторов внешних влияний. Это предопределяло соотношения в спектре реальных врачебных практик. Среди основных традиций врачевания в Древней Руси (XI-XVII вв.) можно выделить несколько линий: народную медицину (целительство), теотерапию, которая до второй половины XVII века имела статус официальной медицины, а также профессиональную и сохранявшую элементы античного научного наследия природосообразную медицину.

Приемы народной медицины были разнообразными и действенными. К физическим средствам применяемого знахарями целительства относится фитотерапия, мануальная терапия, массаж. Наряду с этим применялись хирургические методы типа костоправства и зашивания ран, водолечение и бани, использование минеральных веществ и животных в лечебных процедурах. Все эти рациональные медицинские средства сочетались с вербальными заговорными формами и магическими манипуляциями. Широко практиковалась очистительная (катарсическая) магия, а так же контактные виды магических манипуляций, с которыми связывалась вера в передачу телу желаемого свойства того или иного предмета путем прикосновения (использование красных повязок, животных, кости, разнообразных накладок, в том числе в сочетании с лекарственными веществами).

В целительстве применялись также методы парциальной магии, предполагавшие перенос свойств целого на его части. С данными приемами связаны разнообразные способы изгнания болезни, которую через плевки, волосы, ногти, одежду и других предметов-посредников предавали воде, огню, закапыванию в землю и т. д. Широко применялись способы имитативной магии, которые основываются на провоцировании желаемого исходя из образно-символического сходства. Эти способы обычно применялись при лечении нарывов, сыпи, ячменя, зубной боли («как у мертвого зубы не болят – так у меня не боли»; «как зерно сгорает в огне – так исчезнет ячмень из глаз»). Широко применялась охранительная магия. В индивидуальном порядке это выражалось в изготовлении амулетов,

окуривании, окроплении водой и т. д. Словесное оформление магической стороны лечебных процедур среди исследователей создает впечатление глобальной вербализации архаического целительства. Целительство представляло собой сложный комплекс, сочетающий разные виды терапии, в числе которых и магизм играл роль терапевтического средства.

Раннефеодальная Русь унаследовала от предшествующей эпохи навыки траволечения и других приемов лекарственного воздействия на болезни. Вплоть до новейшего времени эти приемы сохранялись в магической упаковке, которая в первую очередь и подвергалась трансформациям. Об этом можно судить на основании сопоставления материалов русских по происхождению Травников и Лечебников с фольклорно-этнографическими материалами о народной медицине. В древнерусский период приемы народной медицины находились под церковным запретом, но при отсутствии системной лечебной помощи в обществе были распространены необычайно широко, что и обеспечивало им многовековую жизнь. Древнерусские источники позволяют реконструировать и дохристианские формы целительства и древнерусские пережиточные практики на этой основе, подвергавшиеся формальной христианизации, но не отступившие от языческой логики действий.

Хотя древних материалов сохранилось мало, ясно, что оснований примитивизировать древних славян нет. Осознавая себя частью природы, древний русич не мог не обращать познанное природное окружение на пользу и поддержание собственных жизненных сил. Да и нельзя отказать в опыте наблюдения обществу, объектом почитания которого была природа. До сегодняшнего дня многие древние фиторецепты продолжают использоваться и работать в современной медицине, конечно, уже без магического сопровождения. Сегодня натуропатия конкурирует с научно-технологической медициной, разрабатываются программы, сочетающие психотерапевтические и химико-фармацевтические способы лечения.

Во второй половине XVII века в царствование государя Алексея Михайловича Россия делает интеллектуальный выбор, постепенно разворачивается в сторону европейской науки⁴. Статус официальной медицины постепенно переходит к медицине на естественнонаучной основе. Но до XVIII века она мало чем отличалась от природосообразной медицины, поскольку еще не порвала ни с магией, ни с астрологией, ставшей уже к тому времени расчетной прогностикой⁵. Каждая из ветвей древнерусской медицины на протяжении средневекового периода претерпевала исторические трансформации. Представители разных направлений целительства находились в состоянии соперничества, а порой идейной конфронтации, но при этом четких границ и размежевания между ними не наблюдается. Церковь отрицала народное целительство и природосообразную

⁴ Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII-начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011.

⁵ Симонов Р. А. Врачебная астрология в XVII веке // Симонов Р. А. Русская астрологическая книжность (XI – первая четверть XVIII века). М., 1998. С. 71-84.

медицину, называя и целителей, и врачей магами и чародеями⁶. Народное целительство и природосообразная медицина в разных формах поддерживали принципы сокровенного знания, связанного с гаданиями и предзнаменованиями в ранний период⁷, а начиная с XV века – с ястроматематикой (расчетной прогностикой) и другими формами астрологического прогнозирования⁸. Тексты, в которых проводились соответствующие идеи, относились к «отреченной литературе» и запрещались.

С приглашением врачей-иностранцев на службу русских государей, ситуация постепенно начинает меняться. Врачей недолголюбивают, считая колдунами по-прежнему, но постепенно пробуждается интерес к европейской по средневековым меркам учености. Ястроматематика приобретает официальный статус⁹. Наряду с легализацией астрологии в высшем обществе одновременно усиливается борьба с магическими приемами лечения в простонародной среде. Во второй половине XVII века уже действует Аптекарский приказ. Расширяются ряды иностранного медицинского корпуса, у заезжих специалистов появляются русские ученики. Часть русского общества активно осваивает премудрости астромедицины и прогностики по календарям, сыгравшим одну из ключевых ролей в распространении знаний и активизации познавательного интереса. В XVIII веке Россия подключается к общеевропейскому познавательному процессу, постепенно традиционную медицину (природосообразную) заменяет медицина естественнонаучная.

За разными видами медицинской практики стояли мировоззренческие предпочтения, задававшие антропологическими установками: в зависимости от нюансов понимания взаимоотношения души и тела выстраивалось отношение к врачеванию. По онтологическим основаниям антропологических концепций дифференцируются важнейшие течения древнерусской мысли: языческое целостное миропонимание (в условиях позднейшего двоеверия переросшее в православно-языческий синкретизм), ортодоксальная традиция, христианизированный неоплатонизм, апокрифическая традиция с мотивами антропокосмического тождества.

Строгая аскетическая установка (сформулированная в трудах Феодосия Печерского, Нестора, Кирилла Туровского и некоторых других идеологов аскетизма) с характерным для неё вердиктом греховности плоти составила идейную

⁶ Алмазов А. Тайная исповедь в православной Восточной церкви. Т. III: Приложения. Одесса, 1894. С. 152, 154, 180, 184, 276, 281; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. М., 1913. С. 70, 108, 115, 121, 123, 139, 274.

⁷ Минько Л. И. Знахарство. М., 1971.

⁸ Симонов Р. А. Русская ятроника – прорыв в истории науки // Румянцевские чтения: Материалы международной научной конференции (10-12 апреля 2007). М., 2007. С. 304-308.

⁹ Симонов Р. А. Прогностическая астрология на «службе» у царя Алексея Михайловича // Симонов Р. А. Русская астрологическая книжность (XI – первая четверть XVIII века). М., 1998. С. 85-114.

основу отрицания медицины как профессионального занятия, бесполезности или даже вреда любого лечения тела¹⁰.

Принципы гармонии души и тела, внимательное отношение к реалиям плотской жизни (физической антропологии) формулировались Иоанном Дамаскиным¹¹, а также представителями каппадокийского богословия. Развивая эти идеи, их последователи на Руси и шире – в славянском мире – обосновывали равную ответственность души и тела за прегрешения, из чего следовало, что в медицинском аспекте не отрицались возможности психосоматических корреляций. В «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского (перевод известен на Руси не позднее, чем с XII в.)¹² и самобытной для древнерусской книжности «Палее Толковой» целенаправленно развиваются мотивы физической антропологии. Иоанн экзарх, умело комбинируя заимствования из христианской экзегезы с компилятивными заимствованиями из Платона и Аристотеля, самым детальным образом характеризует анатомию и физиологию человека¹³. В «Палее Толковой», представляют интерес разделы физиологии, эмбриологии и диетологии матери; в духе античных реминисценций утверждается родство телесного естества человека всей природе, что предполагает возможности восстановления здоровья силами природы¹⁴. Христианизированный неоплатонизм, представленный «Диоптрой» Филиппа Пустынника (перевод известен на Руси с конца XIV в.)¹⁵ и «Ареопагитиками» Псевдо Дионисия¹⁶ (русские списки стали активно распространяться на Руси в первой половине XV в.) утверждает нерасторжимое единство и взаимозависимость души и тела. В «Ареопагитиках» Бог трансцендентен и имманентен миру одновременно. Из парадоксальной онтологии этого произведения мыслители разных направлений делали прямо противоположные выводы, либо склоняясь к аскетизму, либо поднимая статус плоти необычайно

¹⁰ Примеры см.: Древнерусские княжеские жития. М., 2001. С. 155-156; 167-168, 245, 250; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 2001. С. 415-416; Повесть о житии Михаила Клопского // ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 344-345; Древнерусские патерики. М., 1999. С. 30, 133. Приемлемой считалась только сверхестественная помощь по молитве: Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 221; Патерик Киево-Печерского монастыря / Изд. подг. Д. И. Абрамович. СПб., 1911. С. 42. Этот подход обобщен Сильвестром в «Домострое» (Домострой / Изд. подг. В.В. Колесов, В.В. Рождественская, М. В. Пименова. М., 1990. С. 37, 121.

¹¹ Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха Болгарского / труд О. М. Бодянского с предисловием А. Н. Попова // ЧОИДР. Кн. 4. 187.

¹² Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 279-294.

¹³ Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Л. 248а–254б. (С. 807-811).

¹⁴ Палея Толковая (антропологический раздел) // Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С.561-712.

¹⁵ «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Изд. подг. Г. М. Прохоров, Х. Миклас, А. Б. Бильдюг. М., 2008.

¹⁶ Макаров А. И., Мильков В. В., Смирнова А. Н. Древнерусские Ареопагитики. М., 2002. С. 272-273.

высоко¹⁷. В ракурсе второй из трактовок невозможно было подвергать сомнению полезность врачебного вмешательства в восстановлении здорового состояния тела и телесных органов (возрожденческая установка). «Диоптра» прямо рекомендует способы гармонизации плотского начала средствами восстановления баланса жидкостей в организме с учетом космо-природной ритмики и сезонного влияния попеременно господствующих в каждое время года стихий¹⁸. В этих своих установках «Диоптра» смыкается с апокрифической литературой, которая утверждает антропокосмическое тождество, на принципе которого была основана вся древняя медицина, имевшая космоприродный характер. Репертуар подобного рода выходящих за рамки ортодоксии сочинений весьма обширен.

Космо-природные установки в сочетании с конкретными медико-гигиеническими рекомендациями наиболее ярко представлены в древнерусском апокрифе «Галеново на Гиппократата», написанного в традиции античной и эллинской медицины. Тематика трактата полностью согласуется с базовыми принципами арабской и европейской средневековой медицины (до Парацельса). Время появления апокрифического сочинения в древнерусской письменности датируется XV веком¹⁹. Древнейший список обнаружен среди книг крупнейшей по масштабам того времени библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря²⁰. Важно учитывать, что «Галеново на Гиппократата» является не исключительным в своем роде произведением, а лишь одним из группы однородных с ним текстов астромедицинской книжности XIV-XVI веков. До последнего времени в литературе по истории медицины и истории науки данный апокриф рассматривался без конвоя. Идеино-родственные же тексты ясно раскрывают выраженный на астрологическом языке прогностический смысл медицинских рекомендаций. Среди них: статья «Стихии двенадцати месяцев», которая входит в единый с «Галеново на Гиппократата» блок произведений сборника (Тр. № 762); статья в сборнике РГБ (Тр. № 672) под названием «О годовом круге и воздушных изменениях»; а также прогностические тексты «Лунника» и «Колядника», тексты по флеботомии²¹.

Остановимся подробнее на характеристиках основных направлений врачевания в Древней Руси.

Народное целительство. Связано в большей мере с устной, чем книжной традицией. Это «народная медицина», которая занимала низовую нишу в культуре,

¹⁷ Об этом: Мильков В. В. Ноуменальное в феноменальном. О роли славянства в распространении этого круга идей на Руси // Россия и славянство: диалог культур. Тверь: Седьмая буква, 2013. С. 141-169.

¹⁸ «Диоптра» Филиппа Монотропа. С. 287-292.

¹⁹ Исаченко Т.А., Мильков В.В. Галеново на Гиппократата. Вводная часть // Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. Серия: Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. I. СПб., 1999. С. 451.

²⁰ Прохоров Г.М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. XXXVI. С. 65-66.

²¹ Космологические произведения в книжности Древней Руси. В 2-х частях. Часть I: Тексты геоцентрической традиции / Изд. подг. В.В. Мильков, С.М. Полянский. СПб., 2008. С. 247-249 234-235, 254; 42-431; 566-569; 592-593 и др.

ибо сохраняла дохристианские магические приемы диагностики и воздействия. В средневековую эпоху вербальная сторона магических практик христианизовалась, но сочетание христианских и языческих элементов во врачевательных заклинаниях было формальным, в значительной мере преобладала дохристианская архаика. Приемы воздействия в народном целительстве определялись ведущей установкой на лечение как восстановление целостности, а целостность, в свою очередь, понималась в соответствии с архаической картиной мира. В когнитивном отношении целостное миропонимание не разделяло внутреннюю (психическую) и внешнюю (физическую) стороны жизни, все фокусировалось на едином существовании. Согласно анализу языковых архетипов В.В. Колесова²², слово «живот» обозначало жизнь как проявление жизненной силы, включавшей все элементы материальной жизни. Только под влиянием христианства понятие «живот» стали использовать не для обозначения жизни вообще, а для обозначения скотины, утробы, земной жизни, для передачи представлений о сроке жизни. Для архаического периода представление о сущности жизни сводилось к некому единому существованию, выражающему идею настоящего, нечто сходному по смыслу с вечной жизнью. Понимание нездоровья в магики-мифологическом мироощущении связывалось с убавлением «живота» под влиянием мифологических сущностей (Нежить, Лихорадки – персонификации антиподов живому). Главным средством противодействия были заклинания и целительские обрядовые манипуляции. Реальные лечебные средства применялись лишь в качестве добавления к магическим.

Теотерапия, или теургическая терапия, основанная на вере в исцеление чудесными силами божественной воли. В соответствии с христианской доктриной первородный грех считался корневой причиной болезней. Отношение к болезням древнерусской христианской письменности с учетом доктринальной специфики отношения к телесному раскрывается в нескольких смысловых аспектах: 1) утрата здоровья рассматривается как божья кара, которая ниспосылается человеку свыше за его грехи; 2) внезапное кратковременное поражение болезнью трактуется как знамение, как божественный знак, отмечающий человека неправедного (по сути эта та же казнь, но до тех пор, пока человек не опомнится и не исправится); 3) недуг как испытание, как один из путей, который через мучение, через терпение и смирение перед напастями открывает врата святости.

Восприятие болезни как блага М. П. Одесский удачно назвал «культом болезни»²³. В среде представителей аскетической традиции, абсолютизовавших борение духа с плотью, болезнь воспринималась естественным качеством несовершенной телесности, напоминавшей о смерти. Кроме того, на приносимые недугами страдания идеологи аскетических практик смотрели как на испытания, которые надо вынести. Стоическая готовность выдерживать муки от болезней формировалась на основе провиденциализма, внедрявшего в сознание понимание

²² Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 73-74.

²³ Одесский М. П. «Человек болеющий» в древнерусской литературе // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 171.

того, что Божией воле невозможно противиться. Такими представляются идейно-мировоззренческие основания «культы болезни». Логическим следствием соответствующих установок был отказ от целительства, который получил широкое отражение в древнерусской литературе, включая и подведение под практику непротивления болезням «теоретических» оснований. На основе идейных установок жесткого аскетизма сформировалось целое направление древнерусской мысли, имевшее своих адептов в монашеской среде.

Неизбежные страдания и смерть идеологи древнерусской аскезы трактовали как средство врачевания души ради спасения человека. Если болезнь – это кара божья, то лечить греховное тело бесполезно, нужно позаботиться о душе. Молитвы, мощи святых, причастие рассматривались в качестве средств помощи недужному человеку. В монастырях забота иноков, приставленных к болящим, мыслилась как служение Богу от чистого сердца. В теотерапии достигает высот духовный аспект исцеления. С психотерапевтической точки зрения само присутствие искреннего подвижника у постели больного создает благотворную атмосферу, вселяет веру в исцеление или оказывает духовную помощь при переходе в иной мир. Вера в высшие силы и любовь к Богу становятся решающими факторами духовного исцеления. Исцеление в рамках этой парадигмы рассматривалось как чудо и признак святости.

Теотерапия в духовной письменности Древней Руси кардинально противопоставлялась физическим методам лечения, а профессиональное врачевание квалифицировалось как волшебство, как эксплуатация бесовских сил. В «Житиях святых» последовательно проводится идея противопоставления профессиональной медицины теургическому врачеванию. На этой почве осуществляется отказ от античной медицинской науки, ниспровергаются авторитеты грека Гиппократ и римлянина Галена, а так же их последователи – лекари, прошедшие специальную подготовку. Яркий пример – Агапит. В «Киево-Печерском патерики» повествуется о соревновании этого святого целителя с представителем профессиональной медицины в лице армянского врача Атанасина. Инок же исцелял больных не лекарствами, а молитвами и едой, которой питался сам. Он спасает неизлечимого больного, от которого на основании научной диагностики отказался врач-армянин. Агапит свершает чудо исцеления отравленного ядом и сам остается невредимым, когда иноверный лекарь дает ему отравленное зелье. В беседе с Агапитом лекарь убеждается, что инок не сведущ во врачебном искусстве, а тот, исцеляя больных, утверждает, что с помощью Бога возвращает им здоровье. Финал сводится к тому, что диагноз армянина о скором конце жизни больного Агапита, сделанный по правилам врачебной науки, не сбывается и лекарь-армянин отрекается и от своей веры и от своего врачебного ремесла. Противостояние веры и знания крайнее. Медицинская наука напрямую отождествляется с иноверием. Посрамленный армянский врач принимает православие и становится монахом²⁴.

Говорить об абсолютном господстве теотерапии в пространстве культуры не приходится. Понимание болезни как казни и связанное с тем непротивление не

²⁴ Древнерусские патерики. М., 1999. С. 39-41, 143-145.

могли победить фундаментального принципа христианского милосердия. Именно при монастырях как центрах подвижничества, знания, труда, и главное – действенной помощи – устраиваются больницы. Характерным примером обители, специализировавшейся на лечении, был Антониев монастырь в Великом Новгороде. Антониевская обитель известна тем, что в ее стенах получил подготовку выдающийся ученый-богослов Кирик Новгородец (1110 – не ранее 1156/58 гг.), который среди прочих актуальных для религиозной жизни Новгорода вопросов поднимал перед владыкой проблемы духовно-медицинского характера²⁵. Центральное место в системе росписей храма Рождества Богородицы занимают сразу четыре святых целителя: Иоанн и Кир, Флор и Лавр. Показательно, что художник вложил в руки своих персонажей характерный инструментарий лекарей, который символизировал врачебную специализацию святых²⁶. Свитки в руках святых означали, что чисто физическое врачевание не может быть успешным без помощи свыше, что молитва и вера чудесным образом усиливают действие телесных лекарств, символом которых выступает сосуд с микстурой и коробочка для снадобий. Подобного типа художественное решение настраивает на врачевание недугов не только терапевтическими средствами, но духовной работой, с надеждой на сверхъестественную помощь. Уже сама парность целителей, помещенных к тому же под изображением сцены чудесного зачатия, символизирует единство духовного и телесного, небесного и земного. На тему гармонизации душевного и телесного здоровья писал ближайший современник Кирика, настоятель Антониева монастыря Моисей²⁷. Целительскую специализацию монастырь не утратил и в последующие века, на что указывает использование в медицинских целях материальной реликвии – камня, на котором приплыл Антоний²⁸.

Природосообразная медицина. В основе природосообразной медицины лежат принципы антропокосмического тождества, универсальной симпатии и закон ритма. В тех эпохальных условиях тождество понималось как структурное тождество макро- и микро-космоса. Выше уже были названы произведения, в которых строение человека функционально коррелирует со строением космоприродного целого. Принцип антропокосмического тождества в них проявляет себя через универсальную симпатию по стихийному сродству. Данный принцип составлял приближенную к научному знанию основу натурфилософской картины мира и ее конкретизаций в медицинской практике. Стихии мыслились как первовещество творения (в космологических произведениях), причем стихия огня описывается как энергия мироздания («Палея Толковая»²⁹). Стихии в архаике понимаются как силы

²⁵ Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011.

²⁶ Гордиенко Э. А. Культ святых целителей в Новгороде XI-XII вв. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 3. С. 17. Сарабянов В.Д. Собор Рождества Богородицы в Антониевого монастыря в Новгороде. М., 2002. С. 45-46.

²⁷ Поучение Моисея о чрезмерном пьянстве // Златоструй. Древняя Русь X-XIII вв. М., 1990. С. 214.

²⁸ Макаров Н. А. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. № 2 (12). Л., 1984. С. 203-208.

²⁹ Палея Толковая. М., 2002. С. 103-104.

природы, а в апокрифах и сюжетах отреченной литературы стихийные первоначала космоса и человека наделяются общими качествами, активность которых подчиняется природному циклизму. Язык стихий составляет основу классификационных схем в медицине, прогностике, алхимии. «Подобное лечится подобным» по стихийному сродству, в зависимости от избытка или недостатка стихийного качества. Познаются стихии по чувственным качествам (выделяется вкус, который играл особую роль в медицинской диагностике). Вся жизнь человека, а в медицинском отношении – биологическая ритмика и жизненные циклы, мыслилась в рамках этой традиции сопряженными с природно-космической ритмикой и циклами. Суточные, сезонные, годовые циклы в солнечном годе, а также лунные циклы, составляли календарную основу для лечебных и медико-гигиенических процедур. Составление классификационных схем проходило по ведомству астромедицинских занятий, сочетавших установки уровня картины мира с эмпирическими наблюдениями и их рациональными обобщениями.

Отличительной особенностью древнерусской книжности прогностического характера является соединение сокровенного знания с текстами естественнонаучного содержания. Напрашивается вывод: медицинские статьи представляют одну из граней научного содержания прогностической книжности. С развитием расчетной прогностики тематика астромедицины входит в состав ястроматематики – дисциплины медицинского цикла в западноевропейских университетах, с которой в России познакомились благодаря деятельности врачей-иностранцев, приглашаемых на службу русскими царями. Но европейское влияние, в данном случае, ложилось на подготовленную почву.

Осознание средневековым человеком себя как неотъемлемой частью природы было характерно для архаики, но отражалось и в установках природосообразной медицины. Восприятие времени – та характеристика, которая резко отличает человека техногенной цивилизации от средневекового человека. Природосообразная медицина ориентировалась на сокровенное время, которое имело созидательный, творческий характер. Единицы времени воспринимались качественно (в сокровенной окраске). Качества состояний природы в определенный момент времени на эмоциональном языке описывались как «добрые», «злые», «нейтральные» дни или часы. Как показывают тексты, эта вера существовала в языческой Руси, продолжала существовать в условиях двоеверия, а на средневековой научной основе ее инвариантом стала астрология. Развитие традиции осуществлялось на новой основе, на смену приметам шла расчетная астро-прогностика.

В современной науке под хронометрией понимают науку о методах и средствах измерения времени, хронометрия – дисциплина, изучающая количественные аспекты измерения времени. В древнем знании хронометрия была связана с гаданиями по времени вообще, тогда как часомерие – часть хронометрии, гадание – по часам. Часомерие составляло основу временной магии, гаданий, прогностики, природной, медицинской и гороскопной астрологии. На классификационных схемах часомерии выстраивались культовые и бытовые обряды.

Из Византии распространился на Русь начинавшийся с рассвета отсчет часов (в системе юлианского календаря)³⁰. Счет велся так называемыми «косыми» (переменными) часами³¹. Светлая часть суток (день) делилась на 12, соответствующий отрезок времени был «дневным косым часом». Отдельно темное время суток (ночь) также делилось на 12, получавшаяся часть была «ночным косым часом». Хотя часов в сутках, как и сейчас, было 24, но по длительности дневные и ночные часы были разными. Например, в Новгороде дневные часы летом бывали втрое длиннее ночных, а ночные «косые» часы зимой – втрое больше дневных. «Косые» часы оказывались равными между собой только в период равноденствий (весеннего и летнего), поэтому наши часы по 60 минут в науке называются «равноденственными». Их использовали и в древности, но не в быту, а в теоретических работах эллинистические астрономы³².

В медицинской практике, будь то народное целительство, теотерапия или природосообразная медицина, ориентировались на качественное время: по сокровенному времени проходили суточные церковные службы, гадания и прогностика, сбор трав, ритуалы целительства, медико-гигиенические процедуры, флеботомия и другие врачебные воздействия³³. Изобретение часов и освоение ритмики жизни по механически заданному времени, в свою очередь, повлекло изменения в чувствовании природы и отношении к ней человека.

Сравнение древней медицины с настоящим этапом, когда биомедицинские технологии объявляются приоритетным направлением, может многое прояснить в понимании современной ситуации и ориентиров будущего.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИНЦИПОВ СОКРОВЕННОГО ЗНАНИЯ

Современная техногенная наука постепенно вспоминает истины, которые знала древняя наука. Идеи космизма находят поддержку среди гуманитариев, в естественных науках идеи космизма распространяются на наблюдаемую Вселенную, которая признается единым организмом. Если стандартная теория относительности предсказывает существование «черных дыр», то компьютерные технологии позволяют выдвигать гипотезы-модели голографической Вселенной, согласно которым вся наша Вселенная может оказаться в самом начале лишь трехмерной оболочкой четырехмерной черной дыры³⁴. Другими словами, наблюдаемый материальный мир может оказаться порождением глубинного слоя реальности.

³⁰ Бибииков М.В. Астрономический час // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: к 870-летию «Учения» Кирика Новгородца. М., 2006. С. 51.

³¹ Симонов Р.А. «Косой час» и первые московские куранты // Живая старина. 1997. №3. С. 24-26.

³² Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968. С. 92.

³³ Герасимова И.А. Сокровенное знание Руси: когнитивные и методологические основания // Ориентиры... Вып. 8. М., 2013. С. 110-115.

³⁴ Афшорди Н., Манн Р., Пурхасан Р. Черная дыра в начале времени // В мире науки. 2014. № 10. С. 6-15.

Ученые начинают задумываться над идеями целостности. Понятия «ритма природы», «биологических ритмов» входят в научный обиход с середины прошлого века. Биоритмология предполагает учет качественных характеристик времени, заново открывая истины древнего знания. Постепенно избавляются от методологического геоцентризма. Предпринимаются попытки доказательств существования информационных каналов коммуникации между звездными объектами (например, гипотеза гравитационных взаимодействий). Имеются медицинские центры, где успешно сочетают малые (гомеопатия) и большие дозы (алопатия). Изучаются немедикаментозные средства лечения. Исследования подобного рода могут поменять картину мира.

Официальная медицина по-прежнему не признает традиционную медицину, а тем более, астромедицину, которую относят к квазинаукам. Древнее и средневековое восприятие всего как живого (витализм) недоступно рациональному уму по причине разности культурно-антропологических матриц. Тем не менее, осознавая или нет, конструкторы передовых технологий, переоткрывают старые истины. Биомедицинские технологии вводят новые аспекты в проблему конструктивной природы познания. Любой конструктивизм предполагает учет природных закономерностей. Зачастую оказывается, что то, что мы изобретаем, уже существует в природе. Принцип древнего знания «учиться у природы» не теряет своей актуальности.

Диалог с природой на уровне высоких технологий позволяет на по-новому обсудить старую философскую проблему возможностей и границ человеческого познания. В своей увлеченности открытиями и окрыленные успехом ученые порой считают «мусором» то, что им неизвестно и что не могут объяснить. Так было до последнего времени с расшифровкой ДНК генома, 98% считалось «мусором», то есть тем, что, как считалось, не несет информации о ДНК, пока исследования не обнаружили регуляторную функцию некоторого класса РНК (*Vlink*-РНК).

Формула Сократа «я знаю, что я не знаю» остается в силе. Наше углубленное познание мира с помощью высоких технологий отодвигает черту непознанного, но сущность природы вещей остается тайной. Если современная наука, имея возможности и одновременно ограничители метода и технологий, углубляют свое понимание наблюдаемых свойств вещей, то мысль древней науки пыталась проникнуть в тайны их сокровенных свойств.

Желание раскрыть все тайны природы, жажда конструирования без оглядки на законы природы и прогностику последствий ставит серьезные проблемы *биологической безопасности*, нужны действенные механизмы контроля над разработкой новых технологий. В общественном контроле биомедицинских технологий поворотную роль может сыграть диалог древней и современной медицины.

Ключевым философским требованием к развитию критических технологий является вопрос об их гуманистической основе. Исследование традиционной медицины на примере древнерусской книжности приводит к выводу о её глубинных гуманистических основах – будь то спиритуалистическая теотерапия, природосообразная медицина или народное целительство. Диалог и достижение

взаимопонимания между природосообразной медициной древности и исследованиями критических технологий по вопросам сущностной природы человека и мироздания могут способствовать становлению науки будущего, восстанавливающей одну из основ жизни – принцип гармонии в сотворчестве человека и природы.

Список литературы

1. Герасимова И.А. Биомедицинские технологии как проблема истории и философии науки / И.А. Герасимова // Эпистемология & философия науки. – 2014. – № 2. – С. 5-18.
2. Космологические произведения в книжности Древней Руси : в. 2-х т. / [Изд. подг. В.В. Мильков, С.М. Полянский]. – СПб. : ИД «Мирь», 2008. – 650 с. – Ч. I. Тексты геоцентрической традиции.
3. Мильков В.В. Древнерусские апокрифы / В.В. Мильков. – СПб. : Издательство РХГИ, 1999. – 896 с. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. I.).
4. Мильков В.В. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Мильков В.В., Симонов Р.А. – М. : Издательство «Круг», 2011. – 544 с.

Gerashimova I.A., Milkov V.V. The Traditional Medicine of Ancient Russia in the Context of Discussion on Biomedical Technologies // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 295-311.

Analysis of the problem of tradition and innovation is given by the example of the relationship of official and traditional medicine. There were three types of medicine in Ancient Russia – magic practice, teotherapy, professional natural medicine. Incompatibility between traditional and official medicine manifests itself at a fundamental level of perception of the world picture. Traditional medicine, which developed in the era of pre-rational magic, in its origins relies on natural-philosophical views, the essence of which is far from the co-temporal perception of reality. Boundaries between the external and internal world for a magical world view did not exist, but in the course of evolutionary transformation of consciousness internal world was separated from the reality. In the perception of most of the ideas of all communication with the entire living, understanding that the essence is revealed through the invisible visible signs predominate. Philosophical, religious and cognitive bases of medical traditions are identified. The coexistence of ancient medicine and modern biotechnology introduces non-standard dimensions into the dialogue of cognitive practices.

Key words: history of medicine, techno-scientific medicine, Ancient Russia, healing, nature corresponding medicine, teotherapy, cosmism, holism, vitalism.

УДК 7.011 + 793.3

СУЩНОСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ТРАДИЦИОННОГО И ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТАНЦА

Николаенко Д.А.

Статья посвящена рассмотрению сущностных характеристик традиционных видов танца и постмодернистской хореографии. В контексте первых наиболее полно раскрывается специфика современного нетрадиционного танца, возникшего в 60-е гг. XX в. как реализация философских проектов, посвященных телесности.

Ключевые слова: *традиционный танец, постмодернистский танец, темпоральность, повседневность.*

Цель статьи: выделить отличительные черты традиционного и нетрадиционного танцев и выявить соответствие последнего сущностным характеристикам танца как такового.

С момента возникновения танца «постмодерн» прошло более полувека, однако до сих пор сложно дать однозначную оценку этому виду хореографического искусства. Эксперименты Ивонн Райнер, Джона Мартина, Триши Браун, Стива Паксона и других пионеров этого направления, а также их последователей, и сегодня часто не находят понимания у публики. Деятельность так называемой «Джадсон-группы» в 60-е гг стала закономерным итогом развития культуры (и, в частности, философских учений) XX в. Представители течения стремились к обнаружению «чистой» телесности в танце, однако зачастую в своих постановках уходили от танца вообще. Чтобы продемонстрировать это, сформулируем характеристики, определяющие сущность танца. С этой целью мы обратимся к традиционным его видам.

К традиционным мы отнесем различные виды танца, от ритуальных первобытных плясок до канонизированных хореографических систем, таких как классический индийский танец или классический европейский балет. Такое разнообразие может быть включено в одну категорию, названную нами «традиционным танцем». Все входящие в нее проявления танцевальной культуры характеризуют следующие черты:

1. Наличие собственно традиции, с которой передается тот или иной вид танца. Иными словами, традиционный танец подразумевает определенную школу – оформленную как отдельный институт, как, к примеру, в балете, или

являющуюся органичной составляющей общего процесса инкультурации индивида, как в традиционных бытовых танцах.

2. Наличие коммуникативной составляющей. Традиционный танец необходимо репрезентативен. Он не исполняется «для себя», но обязательно обращается к адресату. Телодвижение в традиционном танце обязательно демонстрируется – в противном случае танец не имеет смысла.

3. Музыкальность. В отличие от многих образцов современной хореографии, традиционный танец невозможен без музыки.

4. Наличие специфической темпоральности, которая выделяет танец из повседневности.

Последний пункт требует отдельного уточнения. Для этого обратимся к рассуждениям Г.-Г. Гадамера об искусстве, приведенным им в работе «Актуальность прекрасного».

При попытках дать определение танцу и выделить его сущностные черты часто возникают сложности. Не совсем очевидно, что следует считать танцем, а что – нет. Насколько важна роль музыки, ритма, адресата? Можно ли считать танцем движение, соответствующее по динамике и ритму музыкальной композиции, но не исполняемое осознанно в качестве танца? Интуитивно очевидно, что наличия музыкального сопровождения и комбинации движений недостаточно для того, чтобы считать, что исполняется танец.

Мы предполагаем, что главной сущностной характеристикой танца является свободное, осознанное намерение танцовщика начать танец, таким образом, чтобы полностью абстрагироваться от повседневной моторики и включиться в особую темпоральность, присущую танцу. Время танца демонстрирует сходство с особым временем праздника, о котором говорит Г.-Г. Гадамер в работе «Актуальность прекрасного».

Время танца, как и время праздника, противостоит времени повседневности – времени, когда человек действует в рамках инструментальной рациональности, реализующейся в труде: «труд разделяет и разобщает нас. Преследуя деловые цели, мы обособляемся, несмотря на единение, которое было необходимо с давних времен на совместной охоте или в производственной деятельности, основанной на разделении труда» [2, с. 308]. Праздник, напротив, характеризуется всеобщим единением. Поддерживать его, справлять праздник – особое искусство, по словам Гадамера, утраченное в ходе цивилизации. Суть этого искусства не поддается точной формулировке, в чем и признается автор, уточняя, однако, что оно состоит «в не поддающейся четкому определению общности, сосредоточении, хотя никто и не может сказать, к чему и на чем люди сосредотачиваются» [2, с. 308].

Чтобы время танца, по аналогии со временем праздника, могло наступить, необходимо совершить сознательное усилие, сосредоточиться на событии – торжества или танца: «Поскольку праздник справляют, ясно, что праздник – это деятельность. Пользуясь эстетической терминологией, можно говорить об интенциональной деятельности. Мы празднуем – и это особенно очевидно там, где происходит общение с искусством, – сосредотачиваясь на чем-либо. Речь идет не просто о совместном присутствии, а об интенции, объединяющей всех и

препятствующей распаду человеческого единства на отдельные, частные разговоры и личные впечатления» [2, с. 309].

По мысли Гадамера, праздник «наступает» – то есть, приходит в соответствии с календарем, сам, и в момент его наступления необходимо интенциональное усилие, призванное сделать индивида частью праздника. Человек может справить праздник, но не может сотворить его. Время прихода праздника не во власти человека, однако в его власти быть участником торжества: «мы говорим: «праздник наступает». ... «Наступление» – слово, решительно отбрасывающее понятие цели, к которой следует направляться» [2, с. 309].

И здесь мы обнаруживаем различие с темпоральностью, присущей танцу. Если праздник приходит независимо от нашей воли – просто потому что наступил день праздника – то начало танца всегда является волевым решением индивида. Чтобы произошел танец, человеку необходимо принять решение начать танцевать, и на протяжении танца поддерживать сосредоточение на этой интенции.

Музыка и ритм – то, что ограничивает волю танцовщика, подчиняет и упорядочивает время танца. Это происходит аналогично тому, как описанное Гадамером время праздника упорядочивает и подчиняет себе деятельность его участников, изымая у них способность к целерациональному поведению. Немецкий мыслитель предлагает два подхода ко времени. В первом случае оно ощущается как «время для чего-нибудь», подлежащее заполнению деятельностью: «Время ощущается при этом как нечто, что следует «провести», израсходовать и что действительно расходуется». [2, с. 310] Другой подход Гадамер связывает с переживанием времени во время праздника или в процессе взаимодействия с произведением искусства. Его автор «Актуальности прекрасного» и называет «собственно временем»: «Каждому известно, что при наступлении праздника данный момент или отрезок времени оказывается наполненным торжеством. Это произошло не потому, что кто-то заполнил время; напротив, само время стало праздничным, как только пришел срок, и с этим непосредственно связан характер праздничного торжества» [там же]. Гадамер сравнивает такое отношение ко времени с тем временем, с которым сталкивается человек в ходе жизни. Время юности или зрелости, зимы или осени наступает без воли человека на то, и он не способен повлиять на наступление или ненаступления той или иной поры. Аналогично и со временем праздника: «Возможность рассчитывать время, располагать временем, характерная для обычного уклада жизни, в праздник оказывается как бы изъятой» [2, с. 311].

Аналогично и танцовщик не располагает временем танца, а подчиняется его ритму и хореографии (традиционной бытовой, ритуальной или сценической). Не планирует, как израсходовать то время, что он танцует, а двигается в соответствии с темпом музыкального произведения, которое сопровождает танец. Принятие решения о начале танца является решением о добровольном подчинении своих телодвижений музыке и танцевальному «этикету», который задается ситуацией.

В ритмическом аспекте в очередной раз прослеживается коммуникативная составляющая танца. Роль ритма в создании особого времени произведения искусства отметил и сам Г. Гадамер: «Собственное время произведения искусства

особенно удачно проявляется на примере восприятия ритма... Все дело в том, что ритм должен уловить как тот, кто его задает, так и тот, кто его воспринимает. Конечно, этот ритм монотонной звуковой последовательности еще не пример из области искусства, но он показывает, что мы различаем ритм, заложенный в самом творении, только в том случае, если активно ищем его, то есть, совершаем усилие, чтобы различить ритм». [2, с. 314]

Таким образом, темпоральность танца сама по себе требует выключения субъекта из сферы инструментальной, целепологающей рациональности и включения его в сферу коммуникативную. Танцовщик:

сознательно принимает решение о подчинении определенному порядку танца и следует ему до тех пор, пока не закончит танцевать;

предпринимает интенциональное усилие, направленное на различение задаваемого музыкой ритма.

Временному прекращению действия целерационального отношения (в терминах М. Вебера) способствует и игровой характер танца. И здесь мы снова обнаруживаем сходство с рассуждениями Г. Гадамера об искусстве, а именно – его игровом основании. Немецкий философ отмечает парадоксальность игрового поведения: имея собственную, «внутреннюю» целерациональность (стремление поймать мяч, перепрыгнуть через веревку), она не стремится к достижению каких-либо целей вне себя самой. «Особенность человеческой игры заключается в том, что, вбирая в себя разум, эту исключительно человеческую способность ставить цели и сознательно к ним стремиться, она в то же время в состоянии обуздать это стремление к целепологанию. Человечность человеческой игры именно в том, что в ней игровые движения, так сказать, сами себя дисциплинируют и упорядочивают, как будто в этом действительно присутствует цель» [2, с. 288].

Танец, как и описанная Гадамером игра, сам себе задает законы, сам ставит цели внутри танцевальной ситуации и, собственно, сам является целью себя. Главное – он не преследует целей, находящихся вне ситуации танца. «Целью, к которой все сводится, является, правда, бесцельное действие, действие как таковое. Вот что представляет собой игра. В ней нечто совершается с самой серьезной решимостью, честолубиво и старательно. Это и есть первый шаг на пути к человеческой коммуникации» [2, с. 289]. При этом акцент ставится на сознательном сосредоточении на игре, добровольном посвящении ей времени и внимания, таким образом, что становится ясно, «что игра – это нечто определенное, а вовсе не случайное. В конечном счете игра есть не что иное, как саморепрезентация игрового действия» [там же]. Еще одной важной характеристикой игры Гадамер называет размывание границ между непосредственными участниками и «наблюдателями». Тот, кто стал свидетелем игры и понял ее как игру, уже включен в принципиально коммуникативный игровой процесс: «игра является коммуникативным действием и в том смысле, что, собственно, не такая уж большая разница между тем, кто играет, и тем, кто наблюдает. Зритель явно больше, чем простой наблюдатель, следящий за тем, что разворачивается перед ним. В качестве участника он – составная часть самой игры» [там же].

Игровая составляющая может варьироваться. Скажем, многие виды ритуальных танцев преследуют цели, отличные от самого танца: здоровье, урожай, достаток и т.п. Игровая компонента в этом случае не устраняется, но размывается. Однако все прочие характеристики танца – интенциональное усилие, подчинение танцевальному порядку – сохраняется.

Таким образом, традиционный танец – это требующая особого интенционального напряжения телесная практика, не имеющая другой цели, кроме себя самой и предполагающая следование установленному культурой порядку.

Особенности современного нетрадиционного танца. Отличие нетрадиционных форм танца, в частности, танца «постмодерн» заметно при сравнении его с традиционным по всем перечисленным в начале данной статьи пунктам.

1. Отрицание традиционных танцевальных ценностей и школ.

Танец «постмодерн» стремится к полному освобождению от любых «ограничивающих» индивида культурных и идеологических контекстов. Отвергается как символическая составляющая, так и традиционная техника – стойки, позиции рук и ног, фигуры танца. Эта тенденция особенно заметна в сценическом танце. Она берет начало в творчестве А. Дункан, затем адептов немецкого экспрессионистского танца, а в 60-е гг. XX в. подхватывается основателями танца «постмодерн». Традиционные синтаксические и семантические структуры танца оказываются непригодными для воплощения новых ценностей, характерных для искусства 2-й половины XX в. Это обстоятельство побуждает новых хореографов до основания деконструировать традиционную технику, устранив «тривиальные» виртуозно исполняемые па и раздробив танцевальные движения на элементарные составляющие.

2. Необязательность выраженной коммуникативной составляющей.

Современный нетрадиционный танец, особенно массовый, направлен в первую очередь на себя, замкнут в себе. Взаимодействие с адресатом – не первоочередная задача: «Нет зрелищу нет виртуозности нет сценическим превращениям и волшебству и попыткам заставить нас поверить в актера в действие нет сопереживанию зрителя нет стилю нет групповщине нет соблазнению зрителя уловками исполнителя нет эксцентрике нет стремлению растрогать нет желанию быть растроганным» [5, с. 193].

Танец «постмодерн», с одной стороны, демонстративно игнорирует зрителя, а с другой – стремится к осуществлению более тонкой, нежели имеющаяся в традиционном танце, коммуникации. Постмодернистские хореографы исключили из танцанарративность, эвокативность и психологическую заразительность, возложив коммуникативную функцию на так называемый «метакинезис». Термин был введен Джоном Мартином, который понимал под ним интуитивную интеракцию зрителя и танцовщика: «благодаря присущей телесному движению заразительности, которая заставляет внешнего наблюдателя (зрителя) чувствовать подобное в собственной мускулатуре, танцовщик способен передавать через движение самый неуловимый эмоциональный опыт» [1, р. XIX].

В целом, ситуация с коммуникативностью в современном танце не представляется достаточно прозрачной. Отрицая танец как средство воздействия на эмоциональную сферу зрителя, хореографы 2-й половины XX в., в числе которых И. Райнер, Дж. Мартин, Т. Браун и другие, организовали постановки множества шокирующих перформансов, призванных продемонстрировать работу «чистой», не искаженной культурными коннотациями телесности.

3. Безразличие к музыке.

В отличие от традиционного танца, и даже танца «модерн», целью которых было «воплощение» музыки, танец «постмодерн» полностью игнорирует ее ценность. Ни в «Трио А», поставленном И. Райнер, ни в перформансах Т. Браун зритель не обнаруживает музыкального сопровождения. Но поскольку целью танцев, предлагаемых названными хореографами, является осознание, как можно более актуальное прочувствование осуществляемого движения, музыкальное сопровождение вовсе не представляет собой никакой необходимости. Это освобождает исполнителя как от навязываемого музыкой эмоционального характера танца, так и от необходимости подчинять время своего движения заданному ритму, которая, как уже было сказано, является одной из сущностных черт традиционного танца.

4. Продолжение в танце «времени повседневности».

В параграфе, посвященном традиционному танцу, мы уточнили, что главной характеристикой такого танца является особая темпоральность – отказ от расходуемого человеком в соответствии со своими целями времени повседневности. Это выход из инструментальной сферы в коммуникативную, требующий специфического интенционального напряжения. В случае же с нетрадиционным современным танцем ситуация обстоит совсем иначе.

Танец «постмодерн» – одно из воплощений «идеологии повседневности», типичной для искусства 2-й половины XX в. «Сомнамбулические движения покупателей в супермаркете гораздо выразительнее, чем любые инновации современного танца» [3, с. 6], – пишет А. Капроу, характеризуя отношение этой эпохи к «высокому искусству» и обыденным практикам.

Первое, что выдает в танце «постмодерн» влияние повседневности – это сама техника данного направления. Из танцевального лексикона были исключены все нетипичные для обыденного движения па, взамен же хореографы нового течения предложили исполнять элементарные движения, не несущие эстетической, смысловой или эмоциональной нагрузки: ходьбу, вращения головой, раскачивания, сидение, невыразительные жесты рук. Целью нововведений было отвлечение внимания танцовщика от производимого на зрителя впечатления и сосредоточение на направляющих движения интенциях. Перформансы Т. Браун, в которых исполнители вынуждены были двигаться в непривычных условиях – к примеру, будучи подвешенными на большой высоте, или облаченными в сковывающую движения одежду, – также не выходят за пределы повседневности. Их связывает с обыденными практиками отсутствие собственно танцевальной интенции, волевого усилия, направленного на выход в коммуникативную среду. Участники перформанса согласно собственному решению занимаются рефлексией над своими

движениями, но не танцем. Будучи скованными неестественными условиями, они, тем не менее, целенаправленно стремятся прочувствовать движение – но не участвовать в танце.

Кроме того, перформансы представителей постмодернистской хореографии лишены еще одной сущностной составляющей – игровой. Танец «постмодерн», несмотря на сосредоточенность на самом себе, не является целью самого себя. Цель такого танца – исключительно серьезная, почти терапевтическая – возвращение индивиду утраченной связи с собственной телесностью. И, разумеется, она находится за пределами исполняемого «танца».

Еще один момент, различающий темпоральность танца «постмодерн» и традиционного танца, связан с музыкальным сопровождением. Если в традиционном танце музыка, ритм задают регламент, которому танцовщик добровольно подчиняется и организует свое движение в соответствии с ним, то постмодернистская хореография отказывается от музыки. Время «танца» исполнитель распределяет сам, отводя на каждое движение такой интервал, который считает необходимым. Таким образом, в постмодернистском танце возникает описанное Гадамером «время повседневности», «пустое время, время, которое чем-либо заполняется. ... Время ощущается при этом как нечто, что следует «провести», израсходовать и что действительно расходуется» [2, с. 310].

Из сказанного напрашивается вывод о том, что танец «постмодерн» – не в полной мере танец: он значительно отличается от традиционного, в том числе, и в тех чертах, которые мы признали сущностными. Однако несмотря на такое заключение, не следовало бы резюмировать нежизнеспособность современной хореографии. Возникнув как воплощение философских учений о телесности, танец «постмодерн» взял на себя функцию возврата представителя городской культуры к его собственному телу.

Традиция инкультурации тела у современных горожан достаточно слаба. Массовая культура, особенно городская, не включает в себя развитую жестовую культуру – такую, какой она была в предшествующие века. В сегодняшней повседневности жест, движение как способ телесной реализации человека используется мало. Современная жестовая культура достаточно скудна и представлена, скорее, не полноценными символическими формами, как это наблюдается в традиционных культурах, а быстротечными трендами и элементарной эмоциональной симптоматикой. Возможно, традиция телесной инкультурации в Европе была нарушена в период распада феодальных обществ, когда бытовавшая на протяжении столетий сословная жестовая культура стала неактуальной, а новых, столь же выразительных и разнообразных жестовых форм создано не было. Такое положение вещей привело к тому, что телесность, а именно – телодвижение современного человека, оказалось как бы «вне» культуры. В результате оставленное без внимания тело превратилось для горожанина-европейца в проблему, в жизни оказывающуюся причиной неврозов, а в науке спровоцировавшую «поворот к телу» в философии и ставшую предметом множества ученых штудий. Постмодерн-хореография стремится вернуть человеку

его «утраченное» тело путем «танцевальной рефлексии», полного сосредоточения на интенциях, направляющих телодвижения.

Роль танца «постмодерн» – действительно терапевтическая. Но как терапия не может быть ежедневной практикой, так и современная хореография не может удовлетворять потребность человека в телесном ускользании от повседневности, которое дает традиционный танец. Пользуясь метафорой, можно было бы сказать, что постмодерн-хореография – это «пилюля» для телесности, принимаемая в ограниченных дозах и лишь до момента «выздоровления». Традиционный же танец – это «пища», которая поддерживает полноценное телесное бытие. Задача танца «постмодерн» — привести человека к телу, показать его коммуникативный потенциал, но не быть сферой реализации этого потенциала. Поэтому современная хореография часто встречает непонимание зрителя, и поэтому же вероятность ее массового распространения представляется крайне низкой.

Вывод. Традиционный и постмодернистский танцы имеют сущностные различия, который выражаются в технических элементах и символическом наполнении. Главное, что отличает традиционный танец и позволяет считать его собственно танцем – это наличие специфической темпоральности, прерывающей целерациональное время повседневности. Кроме того, традиционный танец характеризует принципиальная коммуникативность, игровой характер и необходимость совершения особого интенционального усилия, направленного на посвящение времени не имеющему никакой другой цели, кроме самого себя, танцу. Танец «постмодерн» напротив, полностью обращен к повседневности. Его техника и символика (точнее, отсутствие последней) направлены на прочувствование индивидом обыденных практик. Несмотря на отрицание танцем «постмодерн» тех характеристик, которые мы признали сущностными, современная хореография представляется перспективной с точки зрения терапевтической функции по отношению к телесности представителя городской культуры.

Список литературы

1. Olbright A. C. *Choreographing difference: the body and Identity in Contemporary Dance*. – Connecticut, Middletown : Wesleyan University Press, 1997. – 216 p.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Ганс-Георг Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – С. 266-323.
3. Капроу А. Искусство, которое не может быть искусством / А. Капроу // *Художественный журнал*. – 1997. – № 17. – С. 4–5.
4. Курюмова Н.В. Современный танец как культурный микрокосм: телесные модели на рубеже модернистской/постмодернистской культур / Курюмова Наталия Валерьевна // *Вестник Гуманитарного университета*. – 2014. – № 1 (4). – С. 165–176.
5. Суриц Е.Я. *Балет и танец в Америке: очерки истории* : монография / Е.Я. Суриц. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004. – 392 с.

Nikolaenko D.A. Essential Differences between Traditional and Postmodern Dance // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 312-320.

This article is devoted to the consideration of intrinsic characteristics of traditional types of dance and post-modernist choreography. In the context of the first, the specificity of modern non-traditional dance that arose in the 60th of XX as implementation of the philosophical projects devoted to corporality is the most fully revealed.

The author identifies four characteristics that distinguish traditional dance among other bodily practices: the presence of tradition, a communication component, music and special temporality. Specific perception of time in a dance is similar to those proposed by Gadamer when he describes the temporality inherent a holiday. By analogy, we can conclude that dance is characterized by a particular intentional effort: dancing deliberately starts like dancing for a while abstracting from the temporality of everyday tool. At this time, the special dance dancer obeys the order of Conduct sets the rhythm and tradition.

The main difference of the contemporary dance – it has no need for all four of these characteristics. It aspires to independence from tradition; it is able to ignore the musicality and communication component. Furthermore, a conventional dance is not opposed routine, but rather comes from it. Technique and unconventional sense of dance seek to merge with everyday motor skills as it is possible. Reflection on everyday traffic is not related to the cultural context. The return from the representative of modern urban culture to its physicality is the purpose of modern dance.

Thus, traditional and postmodern dances have essential differences, which are expressed in the technical elements and symbolic filling. The main thing that distinguishes the traditional dance and literally poses it like a dance is the presence of specific temporality that interrupts “aim-oriented rationality” time of the casualty. In addition, traditional dance is characterized by the need of the special commission of intentional efforts that are dedicated to the time with no other purpose than to dance itself. In contrast a dance of “postmodern” is completely turned to the everyday. His technique and symbolism (or rather, the lack of the latter) are aimed at the individual “profound feeling” of everyday practices. Despite the denial dance “postmodern” characteristics that we have recognized as the essential, modern choreography seems to be prospective from the viewpoint of therapeutic functions in relation to the representative of the physicality of urban culture.

Keywords: traditional dance, postmodern dance, temporality, daily occurrence.

УДК 7.08 – 044.922:7

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Балкин Д. Е. Л.

Цель данного исследования – изучение формы как выразительного художественного средства. Рассмотрен генезис трансформации природной формы в изображенную: от упрощения и деформации – к формализации и стилю. Разобран ряд примеров из истории мирового изобразительного искусства.

Ключевые слова: *трансформация формы, упрощение, деформация, формализация, художественная условность.*

Форма (лат. forma – «вид, облик, лик, обличье, наружность, внешность») – единство внутренней структуры и качеств внешней поверхности какого-либо объекта. О форме необходимо говорить в нескольких аспектах. Изначально понятие формы в изобразительном искусстве может быть воспринято как всякое внешнее, по отношению к внутреннему, к содержанию. Под формой также может пониматься полная (цветовая, объемная, тональная) изобразительная характеристика объекта. Художественная форма – это и совокупность выразительных и изобразительных средств, которые лежат в основе всякого художественного произведения как целого. Мы будем говорить о форме, в первую очередь, как о выразительном художественном средстве. Прежде всего, нас интересуют способы трансформации природной формы, которые представляются нам универсальными для всех видов изобразительного искусства (независимо от используемой ими меры условности или их отношения к пространству).

Трансформация формы в изобразительном искусстве – это такое преобразование природной формы в изображенную, которое, участвуя в создании системы целого, приводит к определенному эстетическому результату. Способы этой трансформации изучены недостаточно. На данный момент не существует даже общепринятой системы классификации этих способов. Или понятие «стилизация» необоснованно подменяется понятием формализации, что недопустимо. Формализацию как итог трансформации формы традиционно относят только к дизайну, мы же рассматриваем её в контексте всего изобразительного искусства. Наша цель – систематизировать способы трансформации формы с последующим разделением их на виды. Также читателю будет предложен ряд примеров, иллюстрирующих проблемы трансформации формы.

Рассмотрим, из каких компонентов состоит природная и изображенная форма, и в чем состоит отличие между ними. Форма, существующая в природе – материальна. Ее характеристики – цвет, объем, размер носят объективный характер. Форма в изобразительном искусстве – изображенная форма, то есть такая форма, которая принадлежит и художественной реальности, и существует в вещественном мире. Поэтому некоторые ее параметры носят иллюзорный характер: например, объем в живописи, или цвет и размер, зрителем воспринимаются определенным образом, благодаря специально выстроенным живописным отношениям. Объем в скульптуре, напротив, почти лишен иллюзорных параметров и носит объективный характер.

Форма в изобразительном искусстве как художественное средство выражается через пятно, линию и объем и рассматривает геометрическую сущность, внешний вид, очертания внешнего силуэта объекта. Главной эстетической компонентой формы выступает пластика. Пластика формы заключается в связности, гармоничности переходов от одной части формы к другой, сочетанию этих частей. Проблемы художественной формы и формы как выразительного средства в разное время поднимали известные художники и теоретики искусства: А. Гильдебрандт, И. Итон, К. Малевич, К. Петров-Водкин.

Отношение к форме – ключевой момент в истории изобразительного искусства, в его стилевом разнообразии. Первые (первобытные) изображения наскальной живописи – представляют собой плоские тонально-цветовые или линейные формы, где примитивное изображение человека соседствует с достаточно реалистичным изображением животных, что объясняется внутренней иерархией, функцией этих рисунков. Изображение плоской формы – это не столько отсутствие попытки передать объем, создать трехмерную иллюзию, сколько формализация по определенным принципам (о которой пойдет речь ниже), характерная для египетских росписей, иконописи, средневековой западно-европейской живописи. Впоследствии форма уже неотделима от создания иллюзии объема – это эпоха Возрождения, классицизм и романтизм. Подчеркнем, что форма в живописи и графике не всегда, пусть даже иллюзорно, объемна, но объем в скульптуре – имеет форму непременно. По своей сути форма в живописи – это всякое изображение. Дальнейшее развитие формы было связано с выявлением ее конструкции, с «вытеснением» ее на поверхность, геометризацией, и как следствие – с использованием упрощения, деформации, формализации, но уже осознанно, в качестве художественных средств.

Итак, форма может быть плоской и объемной. Самыми простыми двухмерными (плоскими) фигурами принято считать круг, квадрат и треугольник. В свою очередь, эти же трехмерные (объемные формы) будут выглядеть, в зависимости от выбора позиции наблюдателя, соответственно, как шар и цилиндр, куб, конус и пирамида. Это и есть основные объемные формы. «При вращении или продолжении в пространстве первичных геометрических фигур образуются объемные фигуры, конкретные, правильные и легко узнаваемые» [10, с. 42]. На основании этих правильных простейших форм строится любая сложная форма. В свою очередь,

всякая сложная форма может быть сведена к простой, правильной форме (здесь имеет место принцип упрощения, о котором речь пойдет ниже). В данном контексте «фигура» используется как синоним «формы», хотя фигура составлена из нескольких простых форм.

Все формы, используемые на плоскости, двухмерны, но при помощи светотени могут имитировать объем. Объективно объемная форма существует в скульптуре, архитектуре, промышленном дизайне. Там объем выступает в качестве изобразительного средства. При этом объем, цвет, тон, линия, контур и фактура по отношению к форме выступают ее как свойства.

Согласно К. Петрову-Водкину, первое впечатление, получаемое глазом от предмета, есть форма. Понятия пятна и формы следует ясно разграничивать, хотя оба они, являясь выразительными художественными средствами, могут выражаться друг через друга. Пятно всегда имеет форму. Но форма не всегда выражается через пятно. Замкнутый линейный контур – тоже форма. Поэтому форма, как выразительное художественное средство, более широкое понятие, характеризующее остальные художественные средства и выражаемое с их помощью. За счет формы и пластики пятно становится не просто носителем тона или цвета, а обретает образ. Что касается линии, то она, имея форму, в то же время и ограничивает ее. Благодаря неперенной взаимосвязи пятна, линии, формы, цвета и тона, а также формы и объема, становится очевиден синтетический характер выразительных средств, существование (воплощение) которых невозможно без средств изобразительных.

Способы трансформации формы. В основе трансформации природной формы в изобразительном искусстве лежат следующие способы: упрощение, деформация, и их итог – формализация. Напомним, что изначально речь идет о форме не как выразительном художественном средстве, а как об объективно существующей природной форме. Подвергнутая трансформации, природная форма становится формой изображенной, выраженной через форму как художественное средство, – то есть именно геометрическим очертанием объекта на плоскости. Способы трансформации формы применимы как к трехмерной форме в скульптуре, изобразительным средством которой служит объем, так и к двухмерной форме, характеризующей плоское изображение.

Упрощение и деформация – это базовые способы трансформации форм. В данной статье мы не затрагиваем более сложных и производных элементов формообразования, каковыми являются комбинаторика и синтез – они заслуживают отдельного рассмотрения.

Начнем с упрощения. Упрощение – это уменьшение сложности. Уменьшение сложности носит количественный характер уменьшения свойств объекта, которое, однако, не приводит к качественному его изменению. Можно сказать, что речь идет об уменьшении информации, о сжатию данных. Упрощение формы связано с выявлением ее конструкции, со спуском к конструктивной схеме, которая находится в основе всякой сложной формы. Например, в основе конструкции головы человека лежит шар – простое геометрическое тело, и, таким образом, форму головы, изображенную на плоскости, можно упростить до овала, в объемном изображении –

до сферы. Инструментом всякого упрощения в искусстве служит художественный отбор. Отбор позволяет отличить главные признаки объекта от второстепенных, проникнуть в суть объекта, облеченную в пространственно-геометрическую форму. На механизме упрощения формы и художественном отборе основывается формализация.

Следует отметить, что «примитивное» и «упрощенное» – далеко не одно и то же. Разница между простым и примитивным – это разница между точностью и ущербностью. Как всякий стиль в искусстве, примитивизм, являясь именно стилем, утрачивает негативное значение понятия «примитивное». Звериный стиль, который можно отнести к мелкой декоративно-прикладной пластике, в свое время возник во многих культурах в VII-IV веках до н. э. на территориях Евразии: от Нижнего Дуная, Северного Причерноморья и Прикаспийских степей – до Южного Урала, Сибири и северо-западной части Китая. Его отличительная черта – простота, основанная на внимании к природе, на выявлении характерного и передачи его условными упрощенными формами. Художественная ценность лучших образцов звериного стиля не подлежит сомнению благодаря цельности формы и точности детали, экономности художественных средств, а главное – стилевому единству. Поэтому использование народных традиций получило широкое развитие в современной культуре. Произведения Н. Пиромани, П. Гогена, А. Матисса – это образцы высокого искусства, важным компонентом которых служит подражание древней примитивной культурной традиции.

Одним из видов упрощения является геометризация формы, сведение сложной формы – к простой, геометрической. Встречается он в древнегреческих орнаментальных росписях (вазописи), в прикладных изделиях и росписях ацтеков и инков, декоративном искусстве древних славян; в новое время – в супрематизме и кубизме. Иной модус упрощения – схематизм – характерен тем, что изображение подано максимально просто, едва ли не формально, в качестве трафарета, знака. Как шаг к формализации схематизм является стремлением выявить характерное, типизировать, освободиться от деталей и всего лишнего, установить повторяемость элементов. Таковы скульптурные изображения и росписи Древнего Египта, та же Древнегреческая вазопись. Схематизм служит верной основой и для народного промысла, он является ключом к воспроизведению, к повтору изображения и его частей. Схематизм также – неперенный атрибут творческого поиска модерна и постмодерна, а в наше время широко используется в плакате и дизайне.

Еще один вид упрощения – уплощение формы, лишение ее объема. Применяется уплощение во всех вышеперечисленных культурных примерах, там, где речь идет о плоскостных, декоративных решениях.

Геометризация, схематизм и уплощение – все эти три вида упрощения формы в той или иной степени могут быть использованы независимо от стиля и направления в достаточно реалистичных изображениях для выявления главного и второстепенного, для передачи разных пространственных планов. В любой многофигурной композиции трактовка фигур заднего плана всегда будет более упрощенной, чем переднего. «Крестный ход в Курской губернии» И. Репина,

«Фрина на празднике Посейдона в Элевсине» Г. Семирадского, «Свобода, ведущая народ» Э. Делакруа – во всех этих произведениях, при их реалистичной убедительности, фигуры заднего плана поданы достаточно упрощенно.

Деформация – еще одно понятие, связанное с трансформацией формы. Деформацией называют изменение размеров или формы. Деформация в изобразительном искусстве – это разрушение конструкции, целостности формы, алогичность формообразования. Деформация близка смыслам атектоничности, деструктивности, аноморфозы, гипертрофии, гротеска. Но понятие «деформация» утрачивает негативное значение, если применяется сознательно.

Будучи инструментом условности, деформация несет в себе созидательное начало, служит художественным средством, транслирует образное восприятие формы и направлена на достижение эстетического результата. Искажения формы, изменения пропорций ее частей, их взаимного расположения, смещение акцентов, усиление одних черт за счет других, здесь осуществляется сознательно и конструктивно в угоду пластике. Многие изобразительные традиции использовали искажение формы как метод: таковы византийская живопись и русская иконопись, искусство Древнего Египта, а так же раннего (и, отчасти, высокого) Возрождения. И, конечно, искусство XX столетия. Деформация формы связана с искажением пространства, поскольку пространство измеряется предметами и создается художником для них. Искажение формы в работах Петрова-Водкина, например, связано с применением сферической перспективы, которую можно определить здесь как средство деформации.

Рассмотрим теперь виды деформации формы. Искажение формы – это такой вид её деформации, когда форма подвергается удлинению, или, наоборот, сжатию, теряет соотношения между частями. Искажение формы может быть общим или частичным. Общая удлиненность форм свойственна произведениям А. Модильяни (как в живописи, так и в скульптуре). Таковы «Портрет Люнии Чековской», многочисленные портреты жены художника – Жанны Эбютерн. Советский художник А. Самохвалов, напротив, пользовался уплощением – фигуры людей в его работах выглядят устойчивыми, массивными, монументальными.

Частичное искажение формы состоит в нарушении пропорций, когда искажению подвергается не форма в целом, а нарушается соотношение между ее частями. Такое искажение мы можем наблюдать в древнерусской иконописи. На полотнах Эль Греко фигуры устремлены вверх благодаря нарушенным, искаженным соотношениям между головой и телом, слишком маленьким стопам и общей удлиненности. Все это составляет ощущение неустойчивости, почти полета. Искажение пропорций характерно для культового искусства, поскольку усиливает дистанцию между обычным человеком и духовными сущностями.

Творчество А. Модильяни является примером использования разных видов трансформации формы. Длинный нос, близко посаженные глаза, изогнутая шея в портретах художника – вместе создают неповторимые, узнаваемые образы. То же самое можно наблюдать в его скульптурных работах, где частичное искажение формы, сочетается с ее крайней упрощенностью, геометризацией. Например,

«Голова», где усеченная вытянутая сфера головы разделена тонким и длинным ребром носа и посажена на цилиндр шеи. При этом пропорции нарушены, далеки от реальных. Искажение формы в скульптуре производит на зрителя более глубокое впечатление, поскольку скульптурные формы объемны, осязаемы, реальны. Искаженные формы, где объем не иллюзия, а данность, полны экспрессии. Таковы портреты Паганини С. Коненкова в дереве и бронзе, «Граждане Кале» О. Родена.

Разрушение формы – еще один вид её деформации. В плане искажения, разрушения формы показателен кубизм (течение в изобразительном искусстве, возникшее в первой четверти 20-го века). Кубизм стремился к выявлению геометрической сущности, деконструкции предметов, разлагая их на составляющие элементы. Поэтому форма в кубизме разрушена в той или иной степени, и ее части образуют новое целое, не всегда совпадающее с изображаемым или подразумеваемым объектом. Примерами крайнего проявления такой деформации могут служить произведения Ж. Брака «Виолин и подсвечник», «Три женщины» П. Пикассо и «Мужчина в кафе» Х. Гриси. В картине Гриси абстрагирование от реальной формы достигает степени, при которой сюжетное прочтение зрителем становится уже невозможным. При этом кубизм в подаче Н. Альтмана практически не затрагивает сути формы и не разрушает ее, ограничиваясь лишь обострением конструкции, что можно наблюдать в портрете А. Ахматовой. Разрабатывая принципы кубизма, В. Кандинский, К. Малевич и П. Мондриан пошли еще дальше, к полной абстракции, где форма становится содержанием. В. Кандинский, например, считал, что мир нужно воспринимать, не подвергая его предметной интерпретации, таким как он есть.

Таким образом, разрушение формы, в отличие от общего искажения формы и нарушения пропорций, характерно только для живописи последнего столетия. Оно означает волевой поиск в области искажения формы, осознанное стремление к большей мере условности, к абстрактному результату.

Искажение формы часто находит свое применение в карикатуре, которую принято определять как жанр графики. Следует заметить, что карикатура может быть понята гораздо шире, как выразительное художественное средство в искусстве вообще, поскольку используется и в литературе, кино или театре. В изобразительном искусстве основное применение карикатура получила в плакате, иллюстрации, в периодической печати. Она соединяет в себе все виды трансформации формы, выявляя самые характерные черты изображаемого, утрируя их и доводя до максимального звучания. Так лучшие образцы карикатуры становятся подлинным искусством, например, серии офортов Ф. Гойи «Капричос» и «Диспаратес».

Следующая ступень трансформации формы – формализация. Ее главная тенденция состоит в отождествлении сущностей изображаемого и его формы, в смещении понятий «содержание» и «смысл» в направлении конструктивности. Выявление простой геометрической формы (конструкции), лежащей в основе всякого объекта, объяснение через нее его значения и поиск формального решения

– именно эти основные задачи формализации как способа трансформации формы интересуют нас в первую очередь. Формализация имеет дело с отождествлением сути, смысла и формы, то есть она невозможна без понимания содержания, которое отсутствует в абстракции на уровне смысла.

Формализация достигается приемами упрощения и деформации. Поэтому формализация – это качественно иной, синтетический этап трансформации формы, ее итог. В процессе формализации чрезвычайно важно чувство меры для того, чтобы качественные и количественные изменения не затронули существенного признака трансформируемого объекта. «Формализм» же, в своём крайнем выражении – это абстрактивизм, однако исторический процесс формализации языка художественного произведения следует отличать от тенденций поиска абстрагированной формы.

В процессе формализации посредством цельного восприятия выявляется нечто характерное, что, согласно замыслу художника, придает максимальную выразительность образу. Берется не какой-либо отдельный конкретный предмет, а общее понятие, универсалия этого предмета. Например, дерево подразумевается и представляется не в качестве конкретной ели, березы или дуба, а в качестве «дерева вообще». По мнению А. Гильдебранда «всякое явление природы, как частный случай, должно быть преобразовано, так сказать, в некоторый общий случай, должно стать зрительной картиной, имеющей как выражение представления формы некоторое общее значение» [4, с. 16].

Таким образом, формализация – это замена реального объекта его информационной моделью. В процессе формализации возникают иконические знаки и образы. В результате преобразования природного объекта (аналога) способами трансформации формы образуется обобщенный образ, осуществляется знаковая формализация.

По отношению к скульптуре и живописи понятие «формализации» исследователями почти не применяется, но из этого не следует, что область использования формализации ограничивается лишь графикой и дизайном. В живописи наиболее полно формализующий метод использовался в иконописи – начиная с ранней христианской иконографии и заканчивая современной иконописью. Совокупность искажения и упрощения формы, доведения ее до знака – все эти формализующие признаки аутентичны иконописи. И в светской живописи или скульптуре обобщенный образ выявляет суть изображаемого, отсекает лишнее, – то есть, формализация использована как средство. Даже во вполне реалистичных художественных изображениях часто присутствует тот или иной элемент универсальности, а, значит, и в какой-то степени – формализации. Например, стволы берез на картинах Михаила Нестерова – всегда одинаково формально выраженный знак, символ русской земли.

Если березы в картинах Нестерова внешне универсальный повторяющийся символ, то сирень в натюрмортах П. Кончаловского – это конкретная сирень, которая меняется от картины к картине в зависимости от среды и сюжета. То же самое справедливо и в отношении сирени К. Коровина. Но при этом оба художника

трактуют ее по-своему, их сирень нельзя спутать. То же самое можно сказать и о лицах в картинах Эль Греко, В. Сурикова или М. Врубеля. Казалось бы, персонажи произведений В. Сурикова – это узнаваемые исторические личности, помещенные в самую разную среду и контексты, но при этом они отмечены общей печатью подхода художника к трактовке формы.

Формализация – это выражение отношения художника к природной, объективной форме объекта. Объем в данном случае неотделим от формы, даже если речь идет об иллюзорном объеме, потому что формализации подвергается та форма, которую принимает объем. Следовательно, форма как выразительное художественное средство может быть передана в реальном или иллюзорном объеме (либо вообще обходится без него, если решение плоскостное). То же самое происходит и в отношении цвета, который может окрашивать форму в скульптуре, определять ее место в композиционном строе, создавать иллюзию ее объема на плоскости в зависимости от задачи. Но цвет и объем не могут существовать вне формы. Форма же, однако, может обходиться без того или иного выразительного или изобразительного средства.

Формализация – это и создание элементов, азбуки стиля по единому формализующему принципу. Сам по себе формализованный объект не несет в себе стиля, как одна нота не содержит мелодии. Стиль возникает во взаимодействии формализованных элементов по определенным принципам. Например, отличительными чертами стиля «Модерн» в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве является плавность, текучесть и одновременно динамичность форм и линий, декоративность и двухмерность изображения, использование орнамента. Стиль «Барокко» отличает многообразие и динамичность форм, контрасты масштабов, материалов и фактур, увлечение аллегориями и сложными метафорами, преобладание ассиметричных композиционных решения.

Стиль, таким образом, – это такое качество формы произведения искусства, которое достигается целостностью творческого метода (куда входит выбор средств формализации, приемов композиции, технических приемов, материалов). Стиль не ограничивается формальной стороной – он отражается также в содержании, в проблематике и тематике произведений, в их идейной (символической) составляющей. Формализованные элементы могут участвовать в создании отдельно взятого произведения искусства, а могут – в создании целых ансамблей, где соединяются архитектура, живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство. Таким образом, формализация – формальная азбука стиля, третий синтетический способ трансформации формы.

Существует тенденция подмены понятия процесса формализации понятием стилизации. Например, Г. Логвиненко считает, что «Стилизация как процесс работы представляет собой декоративное обобщение изображаемых объектов (фигур, предметов) с помощью ряда условных приемов изменения формы, объемных и цветовых отношений» [6, с. 87]. Эту точку зрения разделяет и Н. Сокольникова в своем учебном пособии «Основы рисунка». О. Чернышев прямо подменяет понятие стилизации формализацией. Автор пишет: «принцип стилизации

по своей содержательной сути, своему формообразующему потенциалу применяется в дизайне не для приобщения визуальных характеристик предмета (за счет внешнего подражания, имитации) к некоей существующей образно-стилистической системе, а для обобщения, системного соподчинения многообразных признаков, характеристик и свойств в содержании самого предмета» [9, с. 146].

Более оправдано, по нашему мнению, всё же полагать стилизацию особым художественным методом. Его суть в том, что художник намеренно и сознательно использует способы и приемы формообразования, ранее разработанные и применяемые в истории искусства. За «формализацией» же целесообразно оставить значение иное, укоренённое в процессах творческого художественно-образного обобщения. И уж ни в коем случае их не стоит смешивать.

Искажение, упрощение и формализация связаны с таким понятием реалистичности изображения. Чем больше степень упрощения, искажения (и, следовательно, формализации), – тем дальше отстоит изображаемое от объекта изображения и тем выше мера условности изображения. При этом речь идет именно о реалистичности самого изображения, а не содержания произведения. Например, памятник Русалочке, созданный датским скульптором Э. Эриксоном решен в реалистичной манере, но посвящен мифологическому существу. Или картины В. Васнецова, где персонажи русских былин и сказок поданы предельно реально, в окружении узнаваемой русской природы.

Таким образом, способами трансформации природной формы в изображенную форму (в форму как выразительное средство) являются упрощение и деформация. Итогом трансформации является формализация. Без неё невозможны никакие трансляции условности в изобразительном искусстве, формализация напрямую участвует в создании художественной реальности. Её средствами являются упрощение и деформация формы. В результате процессов формализации формируется художественный язык произведения или даже стиля. Формализация нашла широкое применение в графическом и промышленном (объемно-пространственном) дизайне. Все виды живописи и скульптуры также используют её способы трансформации форм. По сути, методы формализации имманентны искусству.

Список литературы

1. Амфилохиева Е. В. Изобразительное искусство. Полная энциклопедия / Е.В. Амфилохиева. – М. : Эксмо, 2010. – 256 с. : ил.
2. Бохм-Дюшен М. Современное искусство / Моника Бохм-Дюшен, Жанет Кук; пер. с англ. Т. Земцовой. – М. : «Премьера», «Астрель», АСТ, 2001. – 64 с.
3. Виленкин В.Я. Амедео Модильяни / В.Я. Виленкин. – М. : Искусство, 1989. – 175 с. – [39] л. ил. – (Жизнь в искусстве)
4. Гильдебранд А. Проблемы формы в изобразительном искусстве и собрание статей / А. Гильдебранд. – М. : Логос, 2011. – 144 с.

5. Иттен И. Искусство формы / Иоханнес Иттен; пер с нем. Л. Монаховой. – Издатель Д. Аронов, 2001. – 136 с.
6. Логвиненко Г.М. Декоративная композиция: учеб. пособие для вузов, обучающихся по специальности 030800 «Изобразительное искусство» / Г.М. Логвиненко. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 144 с. : ил. – (Изобразительное искусство).
7. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи / Б.В. Раушенбах. – М. : Издательство «Наука», 1980. – 289 с.
8. Соловьев С.А. Перспектива / С.А. Соловьев. – М. : Издательство «Просвещение», 1981. – 144 с.
9. Чернышев О.В. Формальная композиция. Творческий практикум / О.В. Чернышев. – Мн. : Харвест, 1999. – 312 с.
10. Чинь, Франсис Д.К. Архитектура: форма, пространство, композиция / Франсис Д.К. Чинь; пер. с англ. Е. Нетесовой. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 399 [17] с.: ил.

Balkind K.L. Transformation of Form in Visual Arts // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 321-330.

The aim of the provided research is the analysis of a form as an expressive artistic mean. It is possible to follow the genesis of transformation of the natural form into descriptive one and alteration from simplification and deformation to formalization and style. The number of examples from the history of the world visual arts is considered in this work. A form is integrity of inner structure and qualities of external surface. It is necessary to talk about form in several aspects. Initially a notion of a form in visual arts can be perceived as any external thing relating to inner content. Also a form can be understood as a fool (chromatic, volumetric, tonal) visual characteristics of an object. Artistic form is a set of expressive and visual means that underlie any artistic work as a whole. In the first place we are going to talk about form as about an expressive artistic mean. Most of all the author is interested in methods of natural form transformation which seem to be universal for all kinds of visual arts (independently on the usage of the extent of their conditionality or their relation to space).

Key words: transformation of form , simplification , deformation , formalization , artistic conditionality.

УДК 123.241

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Ананьева Е.П.

Статья характеризует наличие нескольких методологических подходов в исследовании феномена толерантности. Утверждается, что наличие разнообразных аспектов изучения толерантности обуславливает неизбежность все более разностороннего исследования феномена. Предлагается акмеологический подход к изучению феномена толерантности.

Ключевые слова: *толерантность, толерантное поведение, толерантное взаимодействие, культура толерантности, межкультурное общение, методологический подход.*

Предметом исследования является феномен толерантности. **Цель** исследования – выявить и проанализировать основные методологические подходы к исследованию феномена толерантности.

Многогранность феномена толерантности позволяет рассматривать его в разных аспектах. Можно выделить несколько научных направлений, каждое из которых сосредоточено на своем предмете исследования толерантности.

Традиционно толерантность как этическую ценность связывают с существованием разнообразия в человеческих сообществах, с проблемой уважения, принятия и понимания богатого многообразия их различий. В качестве важнейшего внутреннего фактора, обеспечивающего проявление толерантности-интолерантности в контактах между людьми, выступает ценностно-смысловая сфера личности, ее структурные и содержательные компоненты. Анализ факторов, которые могут способствовать формированию в обществе «культуры толерантности» в противоположность привычной конфронтации в межличностном общении, представляет варианты ответа на данный вопрос.

В современной научной литературе существуют разнообразные подходы к исследованию проблемы толерантности. Общефилософские аспекты толерантности представлены в работах Ю. Бромлея, Р.Р. Валитовой, В.А. Лекторского, И.Б. Гасанова, М.П. Капустина, М. Мчедлова, Л.В. Скворцова и во многих других публикациях. Психолого-педагогическому аспекту этой темы посвящены работы К.Ф. Грауманова, Д.В. Зиновьева, П.Ф. Комогорова, К. Уэйна и других исследователей. В.А. Тишков подчеркивает необходимость создания нового

направления – «педагогики толерантности». Особое внимание в философии, социологии и социальной психологии уделялось и уделяется социокультурным и этническим аспектам толерантности.

В психологических исследованиях толерантность, в частности, рассматривалась как неподверженность внешним воздействиям, неблагоприятным факторам, то есть как устойчивость – Ф.Д. Горбов, В.И. Лебедев, Е.А. Милерян, В.В. Суворова, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др. Изучались устойчивость к манипуляции и противостояние влиянию – Е.В. Сидоренко, А.Ю. Панасюк, И.Б. Шебураков и др., психологическая устойчивость в деструктивных и подавляющих ситуациях – Г.Ю. Платонов и др., фрустрационная толерантность – Г.Ф. Заремба, Б.А. Вяткин, К.В. Судаков и др., стресс-толерантность – А.А. Баранов и др. В контексте социальной философии толерантность может пониматься как терпимость к каким-либо отличиям (этническим, национальным, религиозным, расовым и др.) – Д. Бродский, А. Гербер, Е.Г. Луковицкая, Н.В. Мольденгауэр, В.Ф. Петренко и др. Вместе с тем, по мнению А.Г. Асмолова, наиболее емким является понимание толерантности как устойчивости к конфликтам, в отличие от «суженной и вызывающей недоразумения интерпретации ее как терпимости» [см. 1].

Таким образом, для научных публикаций по данной теме характерно разнообразие подходов, трактовок толерантности, методологических установок самих ученых и осуществляемых ими научных исследований. Такое же разнообразие наблюдается при анализе определений толерантности. Так, например, в «Социологической энциклопедии слов» под толерантностью понимается воздержание от протеста или какой-либо реакции осуждения при сохранении себя как нравственного субъекта и безразличного отношения к миру... [см. 2]. В Лондонской философской энциклопедии подчеркивается, что «толерантность следует отличать от свободы и независимости, поскольку она предполагает существование вещей, относительно которых есть уверенность, что с ними нельзя согласиться... Элемент осуждения встроен в значение терпимости. Быть терпимым – значит осуждать и только после этого примиряться. Толерантность не тождественна равенству... Толерантность несводима и к индифферентности, так как нет необходимости примиряться с тем, что нас не беспокоит» [см. 3].

В социальной психологии толерантность понимается как: «установка либерального принятия моделей поведения, убеждений и ценностей других». Этот термин используется в положительном смысле, т.е. толерантность включает защиту других ценностей и признание плюрализма, а также то, что истинно толерантный, терпимый человек будет противостоять любой попытке помешать их свободному выражению. Другие, однако, используют его в неопределенно отрицательном смысле, подразумевающим, что толерантность является своего рода неестественным воздержанием при смирении с иным поведением, убеждениями и ценностями. Этот последний способ употребления происходит от «способности выносить стресс, напряжение, боль без серьезного вреда» [см. 4].

Авторы социально-философского направления подчеркивают различные аспекты специфики толерантности. Эта специфика связана с тем, что необходимыми условиями актуализации толерантности являются: антагонизм в

межличностном взаимодействии, отрицание, неприятие, негативные эмоции, оценочность, которая понимается многими как необходимый признак толерантности [см. 4, 5].

Однако, несмотря на обилие точек зрения на феномен толерантности, на наш взгляд, данное явление недостаточно исследовано на стыке социально-философских и социально-психологических подходов. Необходимым является выяснение оснований толерантности как коммуникативного свойства личности и социума, социально-психологических механизмов формирования толерантного поведения и вопросов толерантности в межкультурном взаимодействии, а также расширение возможности использования толерантного взаимодействия в рамках педагогики и конфликтологии.

Толерантное поведение возможно только в результате актуализации, прежде всего, такого личностного ресурса, как ценностно-смысловые образования. Поэтому необходимым является рассмотрение феномена толерантности в рамках акмеологии. Акмеологический аспект исследования толерантности является не только новаторским, но позволяет подойти непосредственно к изучению возможностей и механизмов становления толерантности как качества личности под влиянием изменяющегося социума, т.е. к расширению социально-философских подходов и социально-педагогическим подходам к феномену толерантности.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Данный подход является наиболее распространенным и разработанным. Толерантность во все времена считалась одной из основных ценностей общества. Известный исследователь толерантности М.Б. Хомяков отражает процесс становления толерантности как ценности в целом, без учета национальной специфики. Автор отмечает, что в эпоху средневековья социальная и религиозная толерантность допускалась скорее как инструмент предотвращения конфликтов, а не как ценность «в-себе», т.е. как инструмент, а не как добродетель. Переход от инструментального к ценностному пониманию толерантности связан, по мнению М.Б. Хомякова, с эпохой Реформации, с именами М. Лютера, С. Кастеллиона: «Именно у Кастеллиона толерантность начинает рассматриваться как обязанность, долг христианина, приближаясь тем самым по своему значению к моральной добродетели» [см. 6].

В современном обществе ценностный подход к толерантности определяется установкой «Декларации о культуре мира» на содействие «глобальному движению в направлении скорейшего перехода от культуры насилия и войны к культуре мира и ненасилия в новом тысячелетии» и предполагает утверждение в международном сообществе принципиально новой ценностной парадигмы. Толерантность как ценность базируется не на противостоянии, а на сосуществовании с «иным», не на отрицании, а на признании другого, не на безропотной терпеливости к насилию, а на его преодолении [см. 7].

Несмотря на солидную историю ценностного подхода к пониманию толерантности и его значимые результаты, сегодня ценность толерантности уже не воспринимается так однозначно. Ценность толерантности в настоящее время

подвергается критике с двух основных точек зрения: коммунитаризма (вместе с примыкающим к нему неомарксизмом) и того, что можно назвать теорией различия (к которой относятся главным образом работы постмодернистов и феминистов). Характерно, что эти точки зрения, однако, видят прямо противоположные недостатки толерантности. Коммунитаризм обвиняет толерантность в разрушении традиционных для общества ценностей, а теории различия полагают, что толерантность как ценность устарела, поскольку она, будучи основанной на поиске некоторого консенсуса в обществе, не соответствует состоянию «плюрализма ценностей», делающему невозможным какой бы то ни было консенсус и согласие вообще.

Аксиологический подход к исследованию феномена толерантности характерен и для западной, и для отечественной научной мысли. К числу универсальных общечеловеческих ценностей толерантность причисляется в энциклопедической статье, посвященной этикету: «Система моральных установок, определяющих характер общения у самых разных народов, включает набор универсальных общечеловеческих ценностей: почтительное отношение к старшим, родителям, женщинам, понятия чести и достоинства, скромность, толерантность, благожелательность» [см. 8].

Аксиология рассматривает феномен толерантности в категориях добра и зла, целей и средств, субъективных и объективных, положительных и отрицательных, актуальных и потенциальных, кажущихся и реальных, абсолютных и относительных ценностей и т.д. Эти виды ценностей не исключают друг друга, они взаимосвязаны, и некоторые из них воплощают в себе черты многих других ценностей.

Толерантность как явление требует условий для реализации. Р.Р. Валитова формулирует три основных условия проявления толерантности: 1) толерантность – добродетель условная, гипотетическая ценность ее прямо зависит от ответа на вопрос: по отношению к чему или к кому следует быть толерантным?; 2) отказ от монополии на знание истины в морали; 3) рассмотрение толерантности не как конечной цели морального совершенствования межличностного общения, а как стартовой позиции на пути к достижению гуманного сосуществования [см. 5].

Толерантность как ценность важна в том отношении, что ей присуща активная позиция в отношении к чужому (иному), отмеченная в «Декларации принципов толерантности». Толерантность – это прежде всего *активное отношение*, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека [см. 9].

Внутри аксиологического подхода к исследованию толерантности лежит мысль о природе данного явления. В качестве теоретического предположения о природе толерантности можно предложить следующую интерпретацию, реализующую аксиологический подход: при формировании толерантного отношения к другому человеку происходит одномоментное восприятие его как целостности и как фрагмента целостности. При этом целостное восприятие базируется на устойчивой системе отношений (ценностно-смысловом ядре толерантности), которая выступает в качестве «психологического фона» единой, уже автоматически проявляющейся

установки, предопределяющей готовность к появлению толерантности. В систему отношений входят безоценочное отношение, признание, принятие, уважение, открытость. Именно благодаря базовой системе отношений как ценностно-смысловой основе толерантности «фрагментарное» восприятие другого человека, которое включает оценку, несогласие, отрицание, осуждение, будет трансформироваться в примирение, открытость, то есть в толерантное отношение. В этом случае формой проявления толерантности как раз и становится критический диалог.

Если вместо указанной базовой системы отношений будут доминировать оценочность, непринятие, неуважение и т.п., то оценка, несогласие и осуждение логически завершатся интолерантностью как открыто проявляемой нетерпимостью. При таком понимании толерантности одной из ее отличительных особенностей является несогласие на когнитивном уровне и негативные эмоции на аффективном. Иначе нет границ между принятием, эмпатией, уважением, другими близкими по смыслу понятиями и толерантностью. Антагонизм между субъектами межличностного общения – это точка, от которой процесс идет либо как толерантный, либо как интолерантный.

Отвечая на вопрос о необходимых условиях актуализации и укрепления толерантности в межличностных отношениях, можно опереться на сделанное К. Роджерсом разграничение ценностной структуры и ценностного процесса. Ценностная структура представляет собой устоявшиеся, в каком-то смысле «застывшие» ценности. Ценностный процесс является живым, текучим, непрерывным становлением ценностей, их оформлением в переживаемом и осознаваемом жизненном опыте. В этом процессе личность избирательно относится и аккумулирует те ценности, которые в большей степени соответствуют уже существующим у нее психологическим установкам, эмоциям, чувствам и т.п. [см. 10].

Оптимальное протекание ценностного процесса, результатом которого станет проявление толерантного отношения к партнеру по общению, возможно в процессе переживания некоего конкретно-чувственного опыта в определенной ситуации, его осознания и осмысления, соотнесения собственных ценностей (ценностно-смысловых установок) с заданными извне универсалиями и осуществление самоопределения как эмоционально-рационального выбора. Все это делает аксиологический подход к проблеме толерантности, как общественной ценности и индивидуальной ценностной ориентации, вполне оправданным и первичным в исследовании данного феномена.

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В нашем понимании ценности представляют собой рационально-чувственные регуляторы жизнедеятельности общества и индивида. Они зафиксированы в структуре нормативов культуры, в культурных универсалиях, и, вместе с тем, у конкретного человека они появляются, развиваются и формируются в процессе прохождения жизненного пути, в осуществлении выбора, в непрерывном самоопределении на основе осознания и переживания собственного опыта.

Ценности не принимаются извне: они создаются в процессе переживаний, кроме рациональных компонентов включают иррациональную составляющую и, соответственно, имеют прочную эмоциональную основу. Таким образом, один из важнейших практических вопросов, связанных с целенаправленным формированием толерантности в межличностном общении, является вопрос о том, за счет каких условий эти ценности могут усваиваться, актуализироваться, занимать доминирующую позицию в иерархии ценностных ориентации личности, превращаться в «вершинные» ценности человека.

Толерантное поведение возможно в результате актуализации, прежде всего, такого личностного ресурса, как ценностно-смысловые образования. В данном случае другой человек выступает как ценность, как данность. Именно поэтому вместе с аксиологическими подходами к исследованию толерантности необходимым видится акмеологический подход.

Акмеология изучает те условия и факторы, которые обеспечивают высший уровень достижений человека в какой-либо области профессиональной деятельности как личности и как зрелого субъекта этой деятельности. Акмеология (от греч. акме – высшая степень чего-либо) – научная отрасль, изучающая феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии. Вершина зрелости человека (акме) – многомерное состояние, которое охватывает значительный по протяженности этап его жизни и демонстрирует, насколько он состоялся как личность, как гражданин, как специалист в какой-то профессиональной области деятельности. Вместе с тем акме никогда не является статичным образованием, а отличается большей или меньшей вариативностью, изменчивостью. Категории, которыми оперирует акмеология – это «совершенство», «самоорганизация», «достижение устойчивого состояния», «самоподготовка», «самообразование», «самовоспитание», «самореализация», «самовыражение», «самоутверждение» «признание». Главная категория акмеологии – «зрелость личности».

Со стороны внутренней организации зрелая личность характеризуется иерархичностью и целостностью. Во взаимодействии с предметным миром ее отличает активность и самостоятельность. В межличностном плане зрелость определяется по ее возможности содействовать личностному росту других людей. Зрелость личности содействует толерантному поведению. Иерархичность, под которой понимается подчинение низших уровней организации личности более высшим (например, витальных потребностей социогенным), вносит вклад в формирование толерантности тем, что задает человеку более высокие цели и личностные смыслы, что позволяет ему отойти от узкого прагматизма в конфликтных ситуациях. Целостность, означающая единообразие поведения человека в меняющихся условиях и обстоятельствах, приводит к тому, что человек принимает решение не под влиянием сиюминутных факторов, а на основе своей устоявшейся системы ценностей, выверенной на протяжении жизни. Это дает ему возможность быть более самостоятельным в своих решениях. Ни один человек не может быть абсолютно независимым от других людей, но вектор этой зависимости

у каждого человека свой. Активность зрелого человека, будучи одновременно антиподом и пассивности и реактивности, означает наличие активной жизненной позиции, сопричастность многим социальным процессам. Что касается способствования развитию личности других людей, то такая гуманистическая направленность перекрывает критерии толерантного поведения. Толерантное поведение предполагает всего лишь невмешательство в жизнь других людей, если их действия не связаны с риском для жизни окружающих и их самих. Таким образом, мы видим, что зрелая личность имеет большие преимущества для формирования и реализации толерантного поведения в отношении «иных» событий, явлений, людей.

Исходя из этого, можно признать, что в рамках акмеологии толерантность в межличностном общении понимается как неотъемлемая характеристика, показатель профессионализма и зрелости личности, сферой деятельности которой является взаимодействие в рамках системы «человек – человек».

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Данный подход предполагает использование богатого потенциала теории познания для уяснения самой сути толерантности, её достоверности и истинности, отношения к реальности, выявление её социально-групповых, личностных, государственно-национальных и общецивилизационных параметров. Категория «толерантность» в гносеологическом подходе воспринимается наряду с категориями «ненасилие», «неагрессивное мышление», «неагрессивное поведение», «справедливость», «свобода», «уважение культурного разнообразия», «равенство», «солидарность» и является одним из ключевых элементов понятийного аппарата концепции «культура мира».

Феномен толерантности характеризуется не только нравственно-нормативным, но и глубинным социально-позитивным содержанием. Исходя из этого, толерантность, безусловно, принадлежит к философским категориям, поскольку обозначает способ взаимоотношений, особенности сознания.

Развитие проблемы толерантности в философии имеет довольно долгую историю. Поначалу тема толерантности возникла как проблема веротерпимости (примером может служить английский «Акт о толерантности» 1689 г., избавивший религиозные секты от гонений), но затем толерантность расширила свои границы, вобрав в себя проявление терпимости ко всякого рода различиям между сторонами. Термин «толерантность» в его современном понимании возникает в эпоху Реформации, а развитие получает в философии английского (Локк) и французского (Вольтер) Просвещения [см. 4].

Толерантность с позиций философии определяется как мировоззренческое явление, отражающее универсальное правило активного отношения к другому. Еще в первой четверти XX века была разработана философская концепция, в основе которой лежит понятие мирной жизни (О. Розеншток-Хюсси). Был осознан замкнутый круг насилия: необходимость ограничить проявления естественной агрессивности человека приводит к созданию властных структур. Нетолерантность провоцируется самой жизнью: разрушение традиционных отношений, резкое

изменение в моделях ориентации, возрастающая сложность экономических и социальных структур способствуют росту конфронтации между различными жизненными стратегиями. XX столетие породило философию ненасилия и ненасильственные движения, призванные разорвать этот круг [см. 11].

Однако длительный путь осмысления категории толерантности не означает полного единодушия в ее понимании современными философами. Как бы ни понималась толерантность сегодня, совершенно несомненно, что она исторически и по существу является альтернативой насилию, а именно замещает насилие в конфликтах, обусловленных противоположностью мировоззренческих позиций, представляет ненасильственный способ их разрешения. Толерантность делает возможным сотрудничество между индивидами, которые придерживаются несовместимых убеждений и верований.

К гносеологическому подходу примыкают исследования, связанные с аспектом осознания истины. Так, многие исследователи отмечают эпистемический аспект, заложенный в основе толерантности, который заключается в осознании несовершенства собственных взглядов: если я знаю, что мое знание ограничено, значит, логически должен допустить возможность иного взгляда на обсуждаемый предмет. Толерантность в таком случае проявляется как допущение возможности.

Во многих исследованиях уделяется внимание такому аспекту феномена толерантности, как границы (или пределы). Толерантность не есть снисхождение к злу, она имеет пределы, определяемые духовным равновесием общества. Нравственные границы толерантности пролегают там, где она вступает во взаимосвязь с интолерантностью – крайним проявлением фанатизма [см. 4].

Гносеологический подход к исследованию феномена не только позволяет определить границы толерантности, на которые влияют исторические и политические традиции, а также позволяет избежать вневременных, биосоциальных и универсалистских интерпретаций феномена, максимально учитывать параметры изменения толерантности – под воздействием социальной динамики, уровня интеллектуальной и духовной зрелости общества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Данный подход является важным в том отношении, что он помогает проследить динамику развития и становления феномена толерантности, а зачастую помогает выявить и специфику данного явления в культурно-историческом развитии.

Онтолого-историцистский подход использует Майкл Уолцер в своем исследовании, посвященном пяти режимам толерантности. Иногда к нему прибегают другие коммунитаристы и мультикультуралисты, а также все те авторы, которые апеллируют к нелиберальным основаниям толерантности. Ценность исследования обедняется тем, что чаще всего эти авторы низводят теорию толерантности до описания исторических примеров толерантных режимов.

Майкл Уолцер, понимая, что толерантность легче всего практиковать в условиях «четко обозначенных и общепризнанных отношений господства и подчинения», все же призывает стремиться к «взаимному уважению» [12, с. 67]. Постмодернизм с точки зрения М. Уолцера не просто вытесняет современность:

одно накладывается на другое. «Этот дуализм современности и постмодернизма требует двойных путей опосредования различий: во-первых, неповторимо индивидуального и коллективного, во-вторых, плюралистически рассредоточенного и коллективного пути». А поскольку Майкл Уолцер приходит к выводу, что такое положение дел уже сегодня опровергает его же утверждение о том, что любое отношение из спектра «отстраненность – безразличие – стоицизм – любопытство – восторженность» может эффективно обеспечивать толерантность (ибо первые три возможны только при относительной самостоятельности группы), он подчёркивает необходимость толерантности, «замешанной на некоторой комбинации любопытства и восторженности». С точки зрения Уолцера вполне оправданы меры позитивной дискриминации, хотя он признает, что подобные меры лишь усиливают нетерпимость, особенно на первоначальном этапе [12, с. 74, 106-108].

Исторический подход является также общим для российских исследований. Своеобразный исторический подход предлагает Л.В. Скворцов, который устанавливает зависимость между доминирующим в государстве в определенный исторический момент общественным сознанием и сложившимся типом толерантности. На основе этого исследования он выделяет несколько типов толерантности:

– скрытая толерантность на основе мифологического типа общественного сознания (такая толерантность еще не осмыслена концептуально);

– культурная толерантность на основе секулярного типа общественного сознания (толерантность признается как нравственный принцип. На данной основе возможно уважение к «иному», принятие этнических и национальных особенностей, различий в социальных воззрениях, которые порождаются особенностями условий жизни, профессиональной деятельности, культурных традиций);

– толерантность в сфере научной ментальности на основе научно-общественного сознания (в тех случаях, когда в известном вопросе могут быть представлены доводы *pro et contra*, толерантность имеет место при оценке доводов противника);

– лично-ориентированная толерантность (связанная с постмодернистским типом общественного сознания). Традиционно толерантность означала терпимость к чужому, готовность сосуществовать с ним. В постмодернистском обществе ситуация меняется радикально. Все различия переносятся в страну и исходную ячейку общества – в семью [см. 13].

Исторический аспект в изучении толерантности ведет к пониманию путей формирования явления и определяет культурно-историческое влияние на его развитие.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Предметом политологического подхода к исследованию феномена толерантности является политическая толерантность, формирующаяся в отношениях между отличающимися по политическим взглядам личностями, общественными движениями, организациями, партиями, информационными

структурами, субъектами международных отношений на международном, региональном, общенациональном и межгрупповом уровнях. Также в предмет политологического подхода входит нахождение консенсуса между переговорщиками, социальными общностями по несовпадающим вопросам, поиск политических союзников; дипломатия (особенно превентивные дипломатические действия); гибкая тактика в пред- и постконфликтных ситуациях. Политические аспекты толерантности проявляются в сфере социальной свободы и соблюдения прав человека, в защите и обосновании определенной позиции, в активной реализации политических убеждений, в образе жизни, традициях, обычаях, идеях, политическом плюрализме.

Толерантность проявляется в различных сферах общественного сознания: индивидуальном и коллективном, научном и обыденном, политическом и нравственном; этническом и конфессиональном; у различных возрастных, социальных и демографических групп населения. Толерантность не отрицает существования различий и противоречий, признает возможность конфликтных ситуаций, но она, наряду с другими факторами, будучи порождением потенциальной конфликтности, не позволяет реально существующим в каждом обществе явлениям неравенства, состязательности и доминирования проявиться в манифестных и насильственных формах.

Толерантность признается основой современного демократического общества, тем жизненным элементом демократии, который без известной терпимости к противоположным убеждениям может быть искорененным либо интолерантностью, либо индифферентностью.

В исследованиях также отмечается, что демократические правящие круги, а также партии должны исходить из той позиции, что их приверженцы способны ошибаться. Уже поэтому они должны быть толерантными и видеть человека в противнике. Это касается противоположностью простому, обезличенному предоставлению возможностей: то, что «иного» нужно принимать как человека – это не означает, что нужно терпеть противоречащие закону акты насилия и требования. Демократическая толерантность обязывает аргументировать, она исключает клевету на противника, она не обязывает к беззащитности против насилия.

Свою концепцию толерантности в политике предложили мультикультуралисты (Майкл Сэндел, Чарльз Тейлор), считавшие, что нейтральность в политике невозможна: как бы мы ни старались, мы никогда не можем полностью устранить влияние нашей обусловленности. Иррациональные приверженности человека значат для него гораздо больше рационально исповедуемых ценностей, поскольку влияют на него не благодаря заключенным соглашениям, а в силу того, кем он является по своему происхождению. Хотя склад личности в некоторых отношениях открыт и подвержен изменению, он не является совершенно бесформенным [см. 14].

К этим выводам политическая мысль приходит под влиянием борьбы иммигрантов за право сохранения культурной идентичности. В рамках политической программы «мультикультурализма» общество предстает не совокупностью индивидов, как в классической либеральной концепции, а

множеством отдельных сегментов, определяемых в терминах культуры и принадлежащих, в зависимости от характера проведения границ, к меньшинствам или к большинству.

Уилл Кимлика, существенно дополнивший «Теорию справедливости» Д. Ролза предположением о необходимости устранения в обществе не всех неравенств, а лишь тех, которые причиняют ущерб, утверждает, что государство не может быть безразличным к этничности и считает, что требования о культурном спонсировании меньшинств – справедливы [см. 15].

Эти взгляды в основе своей опираются на концепцию социального либерализма Джона Стюарта Милля, считавшего, что признание за человеком равного права на счастье, «заключает в себе и признание того, что каждый имеет равное право на средства к достижению счастья». А поскольку интересы меньшинства находятся «в пренебрежении», политика негативной терпимости в его отношении будет недостаточной, мнение меньшинства имеет право на то, чтобы «быть поощряемым и поддерживаемым» [см. 16].

Таким образом, политологический подход к исследованию толерантности приводит к выводу, что она может быть сформирована в определенных общественных и политических условиях определенными субъектами. Сферой проявления толерантности в политической среде являются преимущественно политические конфликты и противоречия.

КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Одной из центральных и наиболее разработанных областей научного исследования феномена толерантности является ксенология как наука о чужом. Данный подход основан на различном отношении субъекта толерантности к иному (чужому). М. Уолцер выделяет пять типов возможных отношений, составляющих толерантность:

- 1) «отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира»;
- 2) «позиция пассивности, расслабленности, милостивого безразличия к различиям» — вытекает из своеобразного морального стоицизма;
- 3) принципиальное признание того, что и «другие» обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь»;
- 4) «выражает открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться»;
- 5) разнобразное «восторженное одобрение различий» [см. 12].

В отечественной науке выделяются несколько типов отношения к «иному»: 1) активное осуждение, требование применения к «иному» репрессивных мер; 2) обсуждение, требование непримиримой идейной борьбы, разоблачений, общественного запрета «чуждого», но без применения репрессивных мер; 3) безразличное отношение к «чуждому», «иному»; 4) неприятие «чуждого», но уважительное отношение к нему и его носителям; 5) практическое уважение к «чуждому», «иному», борьба за то, чтобы оно не отторгалось в обществе, имело полное право быть достойно в нем представлено; 6) толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог (толерантность рассматривается как

уважение чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога) [см. 6].

Т.А. Алексина размышляет о таких формах толерантности в отношении к «чужому», как эмпатия, сострадание. Исследователь считает, что сострадание и эмпатия выступают в качестве эмоциональной базы толерантности. Понятие эмпатии шире, чем понятие сострадания, поскольку «оно включает не только сочувствие в беде, но и сопереживание в радости». Эмпатия – это способность к сопереживанию по всему эмоциональному спектру. [см. 17].

Ксенологический поход к исследованию толерантности является плодотворным в том смысле, что феномен толерантности в рамках этого аспекта помогает преодолеть многие из тех нормативов, которые ограничивают поведение человека в традиционном обществе.

Вывод. Различные подходы к изучению феномена толерантности свидетельствуют о том, что данное явление действительно является одним из самых сложных и многоаспектных феноменов современности. Наряду с этим многообразие подходов демонстрирует и значительную противоречивость исследуемого феномена, которая обнаруживается в ряде оппозиций: толерантность как порок – толерантность как добродетель; пассивное отношение к «иному» – активное отношение к «иному»; наличие – отсутствие границ в проявлении толерантности.

Вывод из подобных утверждений может быть сформулирован следующим образом: указанные методологические подходы усматривают толерантность необходимой в определенных ситуациях, которые характеризуются угрозой социальной идентичности, столкновением несовместимых интересов, потребностей, ценностей, то есть являются конфликтными по своей природе. Следовательно, толерантность по своей сути означает, что противоречие (антагонизм), оценочность, непринятие, отрицание и негативные эмоции преобразуются в уважение, принятие, понимание. Именно содержание противоречия и момент трансформации «негатива» в «позитив», по нашему мнению, и представляют социально-философскую и социально-психологическую специфику толерантности.

Акмеологический подход дает возможность выяснить дополнительные специфические особенности толерантности, которые в межличностном общении можно представить следующим образом: антагонизм в межличностном взаимодействии связан с внутренним противоречием (рассогласованием), которое порождает оценочность и негативные эмоции. Далее активизируются интрапсихические формы преодоления противоречия (рассогласования) на основе трансценденции. Толерантное поведение возможно в результате актуализации такого личностного ресурса, как ценностно-смысловые образования. Поэтому в рамках акмеологии толерантность в межличностном общении понимается нами как неотъемлемая характеристика (показатель) зрелости личности.

Поскольку толерантность в имеющихся методологических подходах трактуется как культурная универсалия и как возможная ценностная ориентация личности, в дальнейшие исследовательские задачи входит сопоставление ценностной установки на толерантность конкретной личности с базовыми культурными константами

всеобщей и индивидуальной культуры. Таким образом, содержание ценностно-смысловых и мотивационно-потребностных образований личности, определяемое в рамках известных аспектов исследования, конкретизирует специфику проявления толерантности-интолерантности в межкультурном общении. Наличие разнообразных аспектов изучения толерантности обуславливает неизбежность все более разностороннего исследования феномена.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества / А. Асмолов // Вопросы образования. – 2008. – № 1. – С. 65-86.
2. Социологическая энциклопедия слов. – М., 1997. – С. 187.
3. The Encyclopedia of Philosophy / Paul Edwards. — London, 1967. – Vol. 8. – P. 143-146.
4. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46-54.
5. Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель? / Р. Валитова // Вестник Моск. унта. Сер. 7, Философия. – М., 1996. – № 1. – С. 33-37.
6. Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность [Электронный ресурс] / М. Хомяков // Режим доступа: <http://www.old.jourssa.ru/2003/4/4aHomiakov.pdf>.
7. Декларация о культуре мира. [Электронный ресурс] / Декларация о культуре мира // Режим доступа: <http://www.tolz.ru/library/?id=440>.
8. Большой энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия; СПб. : Норинт, 1997. – С. 589.
9. Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс] / Декларация принципов толерантности. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/declar.html>.
10. Роджерс К. Свобода учиться / К. Роджерс, Д. Фрейберг. – М. : Смысл, 2002. – С. 37-46.
11. Ильинская С.Г. Терпимость и политическое насилие / С.Г. Ильинская // Полис. – 2004. – № 3. – С. 122-126.
12. Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. – М. : ДИК, 2000. – С. 65-69.
13. Скворцов Л. В. Толерантность: иллюзия или средство спасения? / Л.В. Скворцов // Октябрь. – 1997. – № 3. – С. 97-103.
14. Сэндел Майкл Дж. Либерализм и пределы справедливости / М. Сэндел // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. – М. : ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 203, 213.
15. Кимлика У. Либеральное равенство / У. Кимлика // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. – М. : ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 138-190.
16. Милль Дж. Ст. Утилитарианизм / Дж. Милль // Утилитарианизм. О свободе. – С.-Петербург : Издание книгопродавца И.П. Первозникова, 1990. – С. 188-189.
17. Алексина Т.А. Прикладная этика: Учеб. пособие / Т.А. Алексина. – М. : РУДН, 2004. – 210 с.

Ananeva E.P. Basic Approach to the Study of the Tolerance Phenomenon // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 331-344.

The article describes the presence of several methodological approaches in the study of the phenomenon of tolerance. It is proposed acmeological approach to the study of the phenomenon of tolerance.

The subject of the study is the phenomenon of tolerance. The purpose of the study is to identify and analyse the main methodological approaches to the study of tolerance. Traditionally tolerance as ethical value is associated with the existence of differences in human communities, the problem of respect. In psychological studies of tolerance is seen as remains insulated, unfavorable factors. In the social philosophy a tolerance is understood as tolerance for any differences (ethnic, national, religious). It is necessary to consider the phenomenon of tolerance in the acmeology. It is necessary to consider the phenomenon of tolerance in the acmeology. Acmeological approach makes it possible to determine

additional specific features of tolerance which in interpersonal communication can be represented as follows: antagonism in interpersonal interaction associated with the internal contradiction (mismatch) which generates the appraisal and negative emotions. Then the forms of overcoming intrapsychic conflicts (mismatch) on the basis of transcendence are activated. Tolerance essentially means that a contradiction (antagonism), appraisal, rejection, denial and negative emotions are transformed into respect, acceptance, understanding. It is the content of the contradictions and the moment of transformation "negative" to "positive", in our opinion, and represents the socio-philosophical and socio-psychological specificity of tolerance. Tolerant behavior may be a result in the actualization of such a personal resource as the value and meaning of education. Therefore, under acmeology tolerance in interpersonal communication is understood by us as an integral characteristic (average) maturity of the individual.

Keywords: tolerance, tolerant behavior, tolerant interaction, culture of tolerance, intercultural communication, methodological approach.

УДК 130.2:141

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Пантелеева Г.Г.

Культурное разнообразие исследуется в контексте концепции культуры Н.К. Рериха и Е.И. Рерих, а также синергетики (С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева). Рост опасности сокращения культурного разнообразия, негативно влияет на устойчивое развитие общества. Согласно концепции Рерихов, культура в духовном смысле общечеловечна, разнообразны лишь формы ее выражения в различных видах творчества. Культура есть дух творческой деятельности человека и как система Духа способна к самоорганизации. Разнообразное творчество – это необходимое условие эволюции самоорганизующейся системы духа, что получает обоснование с позиции синергетики. В системе культуры разнообразие обусловлено энергетическим богатством образующих ее элементов – качеств духа, отражающих этическую нагруженность и напряженность творческих актов во всем их многообразии. Значение культурного разнообразия в том, что поликультурное общество приобретает те свойства, которые необходимы для укрепления его жизнеспособности в условиях быстро меняющегося мира. Сохранение культурного разнообразия рассматривается как этический императив, неотделимый от уважения достоинства человеческой личности.

Ключевые слова: культурное разнообразие, культура, дух, самоорганизация.

Культурное разнообразие предполагает мирное сосуществование многих самобытных культур в рамках единого целого. Проявляется оно в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Растущее признание и уважение культурного разнообразия объясняется тем, что этот фактор все более выявляется как одно из определяющих обстоятельств, позволяющих поликультурному обществу устойчиво, без губительных катастроф развиваться в условиях стремительно изменяющегося мира.

Актуальность работы обусловлена тем, что в мире растет опасность сокращения культурного разнообразия. Причины следующие: ослабевает и прерывается связь поколений; культурное достояние уничтожается в ходе войн и гражданских конфликтов; растет опасность нивелирования культурной идентичности на фоне быстрого развития информационных технологий. Американизирующийся быт, по мысли Д.С. Лихачева, ведет к постепенному *выветриванию* национальных основ

жизни [1, с. 16]¹. Общество, хотя и выступает за сохранение культурного разнообразия, однако, нуждается в его углубленном понимании именно как фактора устойчивого развития. По сути, значение культурного разнообразия для развития общества изучено не достаточно полно. Мало исследованными остаются концепция культуры (Н.К. Рерих и Е.И. Рерих), принципы синергетики (С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева). Философское и научное осмысление культурного разнообразия с учетом новых подходов – это возможность придать данному фактору необходимые основания эвристического и методологического характера. Углубленное понимание культурного разнообразия позволит более ответственно и творчески подойти к принятию практических мер по сохранению культурного достояния человечества,

Положение о том, что культурное разнообразие является важным условием развития общества, следует уже из определения понятия «культура». Как поясняют авторы философского словаря, культура это *социально-прогрессивная творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания*. Направлена культура на *превращение богатства человеческой истории во внутреннее богатство личности, на всемерное выявление и развитие сущностных сил человека* [2, с. 225]. Плодотворная концепция культуры основана на методологических положениях философии космической реальности или Живой Этики, созданной учеными Востока при непосредственном участии Н.К. Рериха и Е.И. Рерих. Различные формы творческих проявлений во всем их многообразии содержат в себе, согласно философии космической реальности, даже нечто общее, что изначально заложено в само понятие «культура». Так, грамотность еще не значит культурность. Культура там, где люди *проявили лучшие качества духа*, утверждают авторы. Следовательно, в глубинном, духовном смысле культура общечеловечна, и такое обобщение мира есть *первая ступень к преобразению всей жизни* [3, с. 123, 152]. Поскольку макрокосм и микрокосм едины, то отражение Космоса, беспредельно разнообразного в своих проявлениях, должно в полной мере *рефлектироваться на планетной жизни* [4, с. 47].

Принцип разнообразия в рериховской концепции рассматривается и как общий для человечества, и как один из всеобщих законов Космоса. Николай Константинович Рерих, известный художник, ученый, писатель, определяет культуру как единую основу бытия, полагая, что в существе своем культура *тесно связана с духовностью. Будут единообразные сердечные устремления, будет единоподобное ощущение достоинства человеческого, но внешние формы, конечно, будут разнообразны* [5, с. 103, 44]. При этом разнообразие верований, особенностей языка, традиций явится, по мысли Н.К. Рериха, не громоздким, трудноуправляемым свойством, но наоборот, оно представит собою те *бесчисленные очи, руки и ноги, которые сделают этот коллектив непоражимым в своей зоркости, подвижности и находчивости*. Словом, разнообразие будет лишь *многочисленностью доспеха*. *Научиться ценить разнообразие есть уже верный подход к Культуре*, подчеркивается в специально посвященном этому вопросу очерке «Разнообразии» [5, с. 43-46]. Поясняя космичность закона разнообразия, оригинальный мыслитель-

¹ Здесь и далее в тексте статьи автор курсивом выделит цитируемое.

космист, писатель Елена Ивановна Рерих утверждает: «Само Бытие основано на беспредельной дифференциации. Вся природа живет разнообразием и в борьбе, и в этом обретается вся мощь и красота. Потому можно сказать: однообразие – смерть, и разнообразие – жизнь» [6, с. 598].

Благодаря усилиям Н.К. Рериха, Е.И. Рерих и широкому международному сотрудничеству в мировую практику вошел специальный договор об охране культурного достояния человечества, названный именем его инициатора. Символом Договора стало Знамя Мира. Три амагантовые сферы в единой окружности на белом полотнище Знамени сам художник трактовал как знак преемственности культуры прошлого, настоящего и будущего. Позже Пакт Рериха стал основой формирования системы международно-правовой охраны культурного наследия.

Концепция культуры Рерихов получает развитие в работах современных исследователей Л.В. Шапошниковой и В.Г. Соколова. Ученые отмечают принципиально иной, проникнутый пафосом энергетики подход космистов к осмыслению природы культуры и ее создателя – человека. *Культура есть дух творческой деятельности человека*, определяет Людмила Васильевна Шапошникова в художественно-философском трактате «Град Светлый». Поясняется также, что *в энергетическом поле Духа идут те же обменные процессы, которые составляют основу всех космических явлений, начиная от человеческого общества и кончая межзвездным веществом. Специфика такого энергообмена складывает или превращает Дух в систему Культуры* [7, с. 42, 44]. В таком понимании только и раскрывается онтологическое содержание понятия «культура».

Основываясь на философском наследии Рерихов и разработках Л.В. Шапошниковой, философ Владислав Георгиевич Соколов дает представление о культуре как о *процессе, происходящем в человеке, в системе его духа, причем процессе энергетическом, в результате которого возникает творческий акт, порождающий смыслы*. Дух понимается им как творческая познавательная сила. Само же разнообразное творчество, по мысли ученого, является необходимым условием эволюции самоорганизующейся системы духа. В ряде своих работ, в том числе диссертационной, В.Г. Соколов последовательно обосновывает новую парадигму культуры, которую он называет *парадигмой самоорганизующейся системы духа* [см. 8]. Ряд философов убеждены, что будущее науки связано с изучением и применением духовной или *психической энергии*.

Современным ученым удалось, как пишет Л.В. Шапошникова, *нащупать некий универсальный принцип, имеющий отношение к любой энергетической структуре, и к Духу в том числе*. Таковым является принцип самоорганизации сложных систем. Культура, при таком подходе, *является самоорганизующейся системой Духа, действующей в согласии с уровнем и качеством энергетики этого Духа*. Иными словами, *самоорганизация Духа есть форма существования культуры*. Это принципиально важный вывод, позволяющий на новом уровне понимания обосновать роль высокой энергетики культуры в развитии и самого человека, и общества в целом. Культура как таковая, подчеркивает Л.В. Шапошникова, не существует без творчества, ибо именно творчество и есть та *энергетическая*

сердцевина, без которой самоорганизующаяся система Духа не может продвигаться от простого к сложному [7, с. 44, 45].

Согласно синергетической концепции креативного хаоса в сложных, открытых нелинейных системах (средах) потенциально заложены структуры – аттракторы или центры притяжения, с которыми связаны сценарии будущего развития. Всякая сложная система имеет не один-единственный, а множество путей эволюции, определяемых спектром структур-аттракторов. «Без этого система теряет гибкость и способность адекватно реагировать на внешние возмущения», – поясняет философ Е.Н. Князева, формирующая синергетическое мировидение на основе работ одного из основоположников российской школы синергетики математика С.П. Курдюмова [см. 9]. Суть в том, что среди множества разнообразных структур более велика вероятность возникновения гармоничных сочетаний и синтеза – интеграции в целостность более высокого уровня организации.

Культурное разнообразие особенно важно, считает академик В.Н. Большаков, поскольку человек *приспосабливается к различного рода внешним воздействиям и как биологическое существо, и как культурное [10, с. 92-98].* Именно человек, носитель творческой мысли, способен сознательно формировать духовное поле культуры, наполняя его теми идеями, которые определяют будущий путь развития, его характер. Как показали математические модели, такой путь общество может пройти с большими или меньшими потерями в зависимости от того, насколько цель будет соответствовать общему благу. Питаемая разнообразным творчеством, культура занимает главное место в космической эволюции человека, общества и планеты в целом.

Среди факторов, обуславливающих способность системы культуры к самоорганизации, прежде всего, называют ее открытость и иерархическую организацию. Развивая данное направление философской и научной мысли в контексте заявленной темы, логично отметить существенную значимость культурного разнообразия как фактора устойчивого развития. Как показало исследование, есть достаточно оснований утверждать, что в системе культуры разнообразие обусловлено энергетическим богатством образующих ее элементов, – качеств духа, отражающих этическую нагруженность и напряженность творческих актов во всем их многообразии. Это – новый подход к пониманию культурного разнообразия, продолжающий теоретическую разработку принципов устойчивого развития общества в условиях современного мира.

Значение культурного разнообразия состоит в том, что благодаря ему поликультурное общество приобретает свойства, необходимые для укрепления жизнеспособности общества в условиях быстро изменяющегося мира. В качестве практической меры выдвигаются действия, направленные на проявление лучших качеств духа, сохранение сокровищ мировой культуры, укрепление взаимопонимания и связи культур разных поколений, активное поощрение разнообразного творчества. Расширение межкультурного диалога будет способствовать выработке на основе общечеловеческих ценностей жизненно

важных соглашений, необходимых для развития общества и человеческой цивилизации.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**. Понимание культурного разнообразия как фактора устойчивого развития общества имеет философское и научное обоснование в концепции культуры Н.К. Рериха и Е.И. Рерих, разработанной в трудах Л.В. Шапошниковой и В.Г. Соколова, а также с позиции современной теории самоорганизации сложных систем, представленной работами С.П. Курдюмова и Е.Н. Князевой.

Осознание важного значения культурного разнообразия для развития общества расширяет горизонт философии культуры, современной науки о человеке и обществе.

Соразмерное соотношение в настоящем традиций и новаций через осознание героики прошлого и устремлений к прекрасному будущему, посредством осуществления широкого межкультурного диалога и принятия на основе общечеловеческих ценностей жизненно важных соглашений – это те условия, которые выдвигаются в качестве необходимых для преуспевания и прогрессирующего развития общества.

Целесообразным и своевременным представляется внедрение в практику образования целостного представления о мире с осознанием всеобщих законов развития, обуславливающих устойчивое развитие общества как неотъемлемой части мирового целого.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры: Эскизы / Д.С. Лихачев [Сост. Г.Н. Фурсей, Г.Р. Некрасов, М.Н. Чирятьев]. — СПб. : Олимп, 2006. — 45 с.
2. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5 изд. — М. : Политиздат, 1986. — 590 с.
3. Надземное. Часть вторая. — М. : Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 1997. — 430 с. — (Учение Живой Этики)
4. Беспредельность. Часть первая. — М. : Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2009. — 472 с. — (Учение Живой Этики).
5. Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. — Рига, Виеда, 1991. — 272 с.
6. Рерих Е.И. Письма. Т. III (1935 г.). — М. : Международный Центр Рерихов, 2001. — 768 с.
7. Шапошникова Л.В. Град Светлый. — М. : Международный Центр Рерихов; МАСТЕР-БАНК, 1999. — 192 с.
8. Соколов В.Г. Парадигма культуры в философском наследии Е.И. Рерих и Н.К. Рериха: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 26.00.01 / В.Г. Соколов. — Харьков, 2008. — 23 с.
9. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Особенности неравновесных процессов в открытых диссипативных средах / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Проблемы геофизики XXI века: В 2 кн. / Отв. А.В. Николаев. — М. : Наука, 2003. — 311 с.
10. Большаков В.Н. Сохранение биоразнообразия Земли как важнейшая проблема XXI века / В.Н. Большаков // Космическое мировоззрение — новое мышление XXI в. Материалы Межд. научно-общественной конференции. 2003. В 3 т. Т. 1 / [Под ред. д. филос. наук В.В. Фролова]. — М. : МЦР, 2004. — 352 с.

Panteleyeva G.G. Cultural Variety as the Factor of Stable Development of a Society // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 345-350.

In the article cultural variety is investigated in a context of the concept of culture (N.K.Roerich and E.I.Roerich) and synergetics (S.P.Kurdyumov, E.N.Knyazeva). The work urgency is caused by growth of danger of cultural variety reduction which is the factor of a stable development of a society. According to Roerich's concept, culture is universa in its spiritual sense, only forms of its expression are various in different kinds of creative activity. The culture is a spirit of creative activity of human being and it is capable to self-organizatin as the Spirit system. Various creative work is the necessary condition of evolution of self-organizing spirit system and that is substantiated from synergetrics position. Variety in Culture system is caused by energetic richness of elements that form it such as the qualities of spirit which reflect ethical meaning and intensity of creative acts in all their variety. Significance of cultural variety is that the polycultural society gets those properties which are necessary for strengthening of its viability in the conditions of intensively changing world. Retention of cultural variety is considered as an ethical imperative that is inseparable of human person quality.

Keywords: cultural variety, culture, spirit, self-organization.

УДК 130

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Сергеева Т.Б.

В статье освещается проблема сущности образования, которая состоит в его историчности. Цивилизационный культурный процесс является основой для определения содержания образования и его организационных форм. Социокультурная динамика вызывает неизбежные перемены в системах образования. Вместе с тем, образование всегда сохраняет в своей базовой основе несколько основополагающих ценностей. В данной статье базовыми ценностями автор определяет знание, здоровье, деятельность, альтруизм.

Ключевые слова: образование, ценность, знание, здоровье, деятельность, альтруизм, константа

Рассматривая базовые ценности образования, необходимо обозначить основные подходы к сущности образования:

– История показывает, что системы образования и воспитания возникают там, где общество имеет достаточно основательный культурный пласт, обладает внутренней структурой, а члены общества готовы делегировать специалистам обязанности и права по воспроизводству и приращению знаний, по формированию навыков социального поведения.

– Взаимозависимость социокультурной динамики и динамики образовательных процессов очевидна, что делает систему образования в настолько же динамичной, насколько динамично само общество.

– Противоречия современного развития России порождают противоречивость тенденций на всех ступенях образования: растет число людей, имеющих высшее образование, и одновременно увеличивается число малограмотных; совершенствуются образовательные технологии – падает нравственный результат обучения; получая серьезную финансовую поддержку со стороны государства, система образования не обеспечивает потребности в кадрах в реальном секторе экономики.

– Образование, как феномен, отличается тем, что оно способно быть товаром, причиной социальной стратификации, источником социальных ожиданий, способом регулирования, распределения, реформирования отношений в социальной сфере [1, с. 174].

– Россия имеет прочные национальные традиции в области обучения и воспитания, но при этом постоянно испытывает чувство неполноценности и стремление соответствовать международным стандартам, которые по нашему мнению, является мифологемой, активно участвующей в формировании идеологии глобализма.

– Неоспоримым фактом является и то, что образование стандартизирует человека, но в то же время оно создает все условия для того, чтобы человек стал индивидуальностью.

– Системы образования и воспитания, исторически сложившиеся из потребностей общества, государства и личности, имманентно имеющие внутренние противоречия, а, следовательно, развивающиеся в соответствии с законами диалектики, обеспечили себе не только наличие внутреннего источника развития, но и выработали собственные аксиологические принципы.

Система образования является причинно-смысловым единством, основанным на трех культурных уровнях: идеологическом, поведенческом, материальном. С древнейших времен по настоящее время она является основной обширной культурной системой.

Мы исходим из того, что ценность – суть конечная реальность, приобретающая самостоятельное значение, если она актуальна длительное историческое время и имеет универсальное значение.

Определение аксиологических оснований образования и воспитания в краткосрочных перспективах исходит из потребности социальных инноваций; в долгосрочных перспективах они определяются всеобщим законом эволюционного развития, сохраняя при этом свои константы.

Ценность образования состоит в его способности воспроизводить материальную и духовную культуру, удовлетворяя тем самым потребность человечества в сохранении популяции путем использования позитивного опыта и его постоянного приращения. На этом основании справедливо утверждение о том, что образование является управляющей системой, хотя она не имеет властных полномочий. Образование как управляющая система включает в себя относительно автономные интеллектуальные (научные) подсистемы (научные школы) и функционирующие социальные институты, организующие процесс воспитания и обучения (общие и профессиональные учебные заведения).

Каждая активно действующая подсистема, располагая собственными субъектами и объектами, способна реализовать потребности общества и составить самостоятельную оценочную и ценностную сферу (аксиосферу).

Вследствие относительной автономности перечисленные подсистемы, являющиеся по сути самостоятельными системами, образования имеют специфически обусловленные априорные ценности. В системе педагогической науки это выглядит как активная толерантность в осмыслении педагогической практики. Ценность педагогики как науки состоит в ее способности учесть познавательные потребности участников (субъектов) взаимодействия, организованного с целью передачи общественно-значимого культурного опыта

(обучение) и его интериоризации в индивидуальное сознание (воспитание). Ценность педагогики объективно служит созданию оснований для воспроизведения через личность последующих форм культуры (культуротворчество).

В системе функционирующих социальных институтов, организующих процесс воспитания и обучения, априорными ценностями являются формирование знаниевого ядра, самоценность субъектов педагогического взаимодействия.

Ценность национального образования состоит в его способности удовлетворить потребности нации в сохранении национальных интересов через реализацию идеи национальной культурной, политической и экономической самостоятельности. Национальный характер образования является феноменом, который объективно служит сохранению единства многообразий как источника саморазвития каждой нации.

Ценность педагогической деятельности состоит в ее способности удовлетворить потребности личности в организации обучения ее формам интеллектуальной и волевой деятельности, приемам овладения социальным и культурным опытом сообщества.

Ценность образования, национального образования, педагогики как науки, педагогической деятельности, поскольку они имеют собственные субъекты и особую организацию взаимодействия субъектов, могут иметь общий понятийный аппарат, общую аксиосферу, представлять смысло-нормо-ценностное постоянное единство, но не могут иметь общей иерархии ценностей, поскольку ценность ассимилируется, генерируется, опредмечивается и абстрагируется в процессе функционирования диады «субъект-субъект» в определенном виде деятельности внутри каждой подсистемы.

Но, кроме основного критерия, в аксиологическом пространстве образования должна присутствовать и константная единица измерения, компонента, поддающаяся математическому анализу. На основе изучения трудов теоретиков и практиков образования и обобщения их положений, мы пришли к выводу, что такими константами в образовательном процессе, независимо от идеологических и политических обстоятельств, можно выделить четыре константы:

– знание; знание выступает как обобщенный показатель успешности процесса обучения; его количество и качество поддается анализу; анализ содержания и качества знания имеет определенный аппарат. Знание относится к категории общечеловеческих ценностей, без разделения его на общее и частное; способность к нему и способность к его трансляции дано природой только человеку. Поэтому долг и назначение человека не только пользоваться мозгом как природным инструментом получения знаний, но совершенствовать этот инструмент для универсализации способов передачи знаний в историческую перспективу;

– здоровье; здоровье выступает как обобщенный показатель способности людей к сохранению популяции. Человеческий организм не имеет других возможностей, кроме своих собственных, для упрочения в природе своего биологического рода. Воспроизводство знания и всей культуры в совокупности возможно лишь при сохранении тех органов чувств, которые заложены в человеке природой. Однако

целостность человеческой личности определяется в большой мере социальным компонентом. Поэтому под здоровьем мы будем понимать не только соматическое, но и социальное, а также психологическое здоровье;

– деятельность; деятельность выступает как природное свойство человека, при помощи которой он организует свое физическое и социальное существование. Деятельность изначально и природосообразно имеет неограниченное количество форм, определяемых полом, возрастом, социальной ролью. В ее многообразии природосообразно заложены возможности неограниченного продвижения человека к знаниям, к регулированию собственных и общественных доминант;

– альтруизм; альтруизм выступает как природосообразный принцип, способствующий сохранению и эволюционному, а значит, устойчивому, развитию человека и человеческого общества. Принцип блага другого не только устанавливает гармоничные отношения, но, в конечном счете, гармонизирует внутреннюю организацию субъекта [2, с. 114-115].

«Все мы стали людьми лишь в той мере, в какой людей любили и имели случай любить» [3, с. 6] Коллективизм как условие сохранения человеческой жизни базируется не только на принципе терпимости и необходимости, но и на гармонии – чисто человеческом ощущении свободы покоя, испытываемого от ощущения блага, порожденного любовью. Альтруизм выступает не только как принцип, но как средство организации личности и общества.

Продуктивность альтруизма к настоящему времени имеет методику математического анализа [4, с. 255-275]

Особенность состояния современной России состоит в том, что на фоне ликвидации или самоликвидации многих прежних социальных институтов система образования не только не разрушилась, но и проявила такие адаптационные возможности, что вместо унифицированного обучения возникло многообразие его организационных и содержательных форм, что еще раз подтвердило синергетическую способность систем образования.

Все это естественным образом вызывает потребность в более глубоком рассмотрении структуры ценностных отношений и ценностных ориентаций современного образования.

Список литературы

1. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 544 с.
2. Сергеева Т. Б. Ценности образования и воспитания в контексте теории социокультурной динамики / Т. Б. Сергеева. – Ростов; Ставрополь : Сервисшкола, 2000. – 288 с.
3. Пастернак Б. Охранная грамота / Б. Пастернак. – М. : АСТ, 1989. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/pasternak_boris/ohrannaya_gramota.html.
4. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин ; пер. с англ. Т. С. Васильева. – М. : Наука, 1997. – 350 с.

Sergeyeva T.B. The Basic Values of Education // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 351-355.

The paper highlights the problem of the essence of education, which is in its historicity. Civilizational cultural process is the basis for determining the content of education and its organizational forms. Sociocultural dynamics causes inevitable changes in the education systems. However, education always retains a few core values in its base. In this article, the author defines knowledge, health, activities, and altruism as the basic values.

The educational system is cause-and-sense unity which is based on three cultural level such as ideological, behavioral and material ones. It is the most ancient and extensive cultural system.

The author's standpoint is that a value exists a final reality which achieves its autonomic meaning provided that it is actual for a long historical time and has universal concern.

Identification of value grounds of education and upbringing grows from a need of social innovations. Educational value consists in its ability to reproduce material and mental culture with help of this satisfying a human need to preserve the population by means of positive experience usage and its permanent increment. An education as a managing system includes relatively autonomic intellectual (scientific) social establishments and functioning social institutions that organize a process of upbringing and teaching (general and professional educational organizations).

Keywords: education, values, knowledge, health, activity, altruism, constant.

УДК 008:39 (=512.145)

ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕРЕВНИ КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУР НАРОДОВ КРЫМА (НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР)

Усейнова Э.Т.

В статье раскрывается важность сохранения и популяризации культурных и национальных памятников. Этническая деревня крымских татар рассмотрена как пример сохранения и реконструкции культуры, быта народов Крыма.

Ключевые слова: *этнические деревни, караван-сарай, крымские татары.*

В данное время актуальна проблема сохранения и возрождения национальных, культурных памятников зодчества, живописи, национального костюма, образцов декоративно-прикладного искусства и быта. В мире идет активный процесс урбанизации, меняется ценностная ориентация людей, прослеживается потеря национальных традиций и обычаев. Деревня, как центр сохранения культуры, традиций и обычаев утрачивает свою значимость и важность для населения многих регионов мира. В наш динамичный век, в эпоху изменений в самых различных сферах жизни и деятельности человечества, особую актуальность приобрел вопрос сохранения, возрождения, реконструкции и популяризации прогрессивного культурного наследия народов.

Цель работы – показать на примере этнических деревень (музеев под открытым небом), возможность сохранения и возрождения культуры, быта и традиций народа. В данном случае, осуществить реконструкцию этнической деревни крымских татар.

Одной из форм сохранения и пропаганды памятников истории и культуры являются музеи под открытым небом, позволяющие комплексно экспонировать произведения народного зодчества и искусства, предметы быта и орудия труда, собранные в обстановке, близкой к естественной. Большие экспозиционные возможности таких музеев обеспечили их широкое распространение. За последние 100 лет было создано около 600 музеев под открытым небом более чем в тридцати странах мира [4, с. 5].

Музей под открытым небом является реконструкцией культурных памятников, доступных посетителям. Постройки – как сельские, так и городские, могут носить не только светский, но и сакральный характер, причем идеальным является их экспонирование вместе с сохранившимся инвентарем, состоящим из подлинных вещей или их реконструкций, выполненных местными ремесленниками.

Изучая литературу, посвященную созданию музеев под открытым небом, можно констатировать, что сегодня этот вопрос изучен недостаточно. Среди отечественных и зарубежных исследований можно выделить работу архитектора А. В. Ополовникова «Музеи деревянного зодчества», в которой автор обобщил опыт организации музеев народного зодчества, и на его основе разработал основные научно-методические принципы их создания. Автор, однако, не затрагивает многих частных, но важных историко-этнографических аспектов создания музеев под открытым небом.

Более полно этот вопрос раскрывает В. Г. Шмелев, в своем труде «Музеи под открытым небом» [см. 4]. Он рассматривает возникновение и тенденции развития музеев под открытым небом, их историю, основные этапы развития и критерии формирования экспозиций.

В настоящее время на территории России действует несколько десятков музеев под открытым небом, в которых популяризируются обычаи и традиции народов различных регионов. В их числе: Витославицы (Новгородская область), Дивногорье (Воронежская область), Ибресинский этнографический музей под открытым небом (Чувашская Республика), Кижы (Республика Карелия), Лудорвай (Удмуртия), Малые Корелы (Архангельская область), Народов Забайкалья (Бурятия), Нижне-Синячихинский музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства (Свердловская область), Татарский этнографический музей под открытым небом «Татар авылы» (Республика Татарстан).

Уникальным культурным центром России является Крым. На его территории проживает более 130 этнических групп и народностей, на протяжении веков сформировавших здесь уникальную евразийскую культуру. Он стал местом паломничества путешественников, исследователей, писателей, поэтов. Каждый из них был пленен красотой и культурным многообразием полуострова. Крым полиэтничен, тем не менее, каждой из национальных групп, проживавших на полуострове, присущи свои самобытные черты.

Культура народов – уникальное, неповторимое, многогранное явление. Известно, что «чистых» народов или рас не существует. История человечества доказала, что сложные процессы формирования, развития и исчезновения одних этнических сообществ заканчивались сменой их другими народами. Историческое развитие народностей происходило не изолированно. Это нашло свое отражение позже в особенностях культуры, языка, топонимики [2, с. 3-4].

Географическое положение Крыма обусловило его сложную, полную бурь и перемен историю. На территорию полуострова переселялись и оседали здесь народы из различных регионов мира. Каждый из них привносил свою самобытную культуру, которая обогащала обычаи и традиции проживающих здесь народов. Наиболее емко это представлено в культуре крымских татар, которая на протяжении многих десятилетий была сформирована в условиях сложных политических процессов. Имея общие элементы культуры (в первую очередь, связанных с

мировоззрением, основанном на исламе), внутри крымско-татарского этноса существуют и самобытные различия, включая эндоэтнонимы.

Сохранение и пропаганда многообразия культур народов Крыма, в том числе и крымских татар, в современных условиях развития рекреационного потенциала полуострова, связано с необходимостью воссоздания здесь этнографических деревень, как одного из факторов пропаганды традиционной культуры народов, населяющих полуостров.

В 2010 году в Крыму была проведена презентация проекта «Этническая деревня», который должен был быть реализован в Старом Крыму. В рамках этого проекта предполагалось строительство комплекса, на территории которого необходимо было возвести ряд объектов, связанных с пропагандой русской, украинской, крымскотатарской, греческой, армянской, болгарской и немецкой культур. На строительство этнических подворий, расположенных на площади 3,5 гектаров планировалось выделить 240 тысяч долларов [см. 5]. К сожалению, этот проект так и не был воплощен в жизнь.

Реализация проекта, связанного с созданием крымско-татарской этнодеревни, требует выбора территории, которая исторически являлась местом проживания крымских татар. Одним из них является Алушка. В книге «Старинные усадьбы Крыма» А. А. Галиченко пишет: «Особую популярность Алушка приобрела благодаря путешественникам конца XVIII – начала XIX веков. Собираясь посетить «страну важную и запущенную», они заранее вооружались всеми доступными сведениями о Крыме и уж точно знали, что в Керчи им покажут «развалины Митридатова гроба», в Феодосии познакомят с местным Вергилием, в Георгиевском монастыре сведут к «баснословными развалинами храма Дианы», а в Бахчисарае – к «гарему и ханскому кладбищу. ... Самый удобный ночлег они найдут в гостеприимном дворце герцога Ришелье в Гурзуфе, а после тридцати верст тряской верховой езды ... вынуждены будут остановиться на ночлег в опрятной татарской хижине в Алушке. Эти тридцать верст туда и обратно были настолько тяжелыми, что каждый, кто подъезжал к месту отдыха, мечтал только об одном – принять горизонтальное положение [1, с. 39].

Красотой этих мест восхищался В. Броневский: «Умывшись и освежив себя ключевой водой, с шумом и журчанием разверзающей недра земные в самих сенях дома, я бросился на жесткий диван, чрезмерно радуясь, что татары не употребляют стульев». Утром, позавтракав вкусно зажаренным мясом молодого козленка и закусив сладкой крупной черешней, путник оглянулся вокруг, и восхитился местоположением деревни, состоящей из 40 дворов с мечетью, спускающейся «по крутизне к морю амфитеатром», и высказал пожелание, «чтобы вельможа со вкусом купил сии сады и здешнюю красоту – природу» [1, с. 39].

Этнодеревня крымских татар, реконструкция которой планируется в Алушке, недалеко от Воронцовского дворца, будет раскрывать перед гостем традиционные жилища, быт, обычаи, историю, сходства и некоторые отличия между тремя ветвями крымских татар: южнобережными, горными и степными. В ней предполагаются создание единого архитектурного ансамбля, в котором будут

представлены караван-сарай (постоялый двор), дом ткача, гончара, чеканщика и пекаря. В комплекс этнодеревни будут входить беседки для отдыха с фонтанами, араба и маджара, музей степных, горных и южнобережных крымских татар. Так как строительство этнодеревни планируется на южном берегу Крыма, то дома будут реконструированы в южнобережном, предгорном и горном стилях традиционных жилищ [3, с. 65-68]. Музей этнодеревни будет содержать пять залов, в которых будут предоставлены:

- манекены в национальной одежде (мужской, женской, детской);
- фотографии и картины, посвященные быту крымских татар;
- картины и фотографии исторических видов поселений крымских татар;
- витрины с керамическими изделиями, украшениями, посудой, вышивками и предметами быта;
- предметы мусульманской религии (коран, обложки для корана, инкрустация, дува и т.п.);
- макет этнодеревни, макеты деревень степных, горных и южнобережных крымских татар.

Планируется создание голографического плана деревни, а также объемных реконструкций всех объектов поселения.

Особое место в структуре этнодеревни отведено караван-сарая. На Востоке караван-сарай – это большое общественное строение, являющееся местом отдыха для путешественников, как правило – для торговых караванов. На многих тюркских языках слово «караван-сарай» обозначает «караванный дом» и представляет собой довольно большое сооружение, расположенное в городе или на дороге. Он бывает двух видов: открытый и закрытый. Закрытый вид в основном строился вдоль караванных путей, но иногда строился и в городах. Стены давали возможность отражать нападение и выдержать недолгую осаду. Караван-сарай имеет квадратное или прямоугольное построение, в основном с открытым двором, посередине которого расположен колодец. Внутри помещения – комнаты для проживания и складские помещения для товара. Также присутствовал загон для вьючных животных. В двухэтажных караван-сараях второй этаж предназначался для жилых помещений, а на первом располагались склады и загон для животных.

Зачастую караван-сарай выглядели роскошно, но не имели домашней утвари, из-за чего путешественникам приходилось возить с собой постель, ковры и провизию для себя и своих животных. В крупных городах караван-сарай представляли собой полноценные подобию современных гостиниц, предоставлявших дополнительные услуги, связанных с питанием (чайхана), банных комплексов, денежных обменных пунктов и т. п. Чайхана в крупных городах располагалась рядом с караван-сараями и представляла собой аналог современных кафе и ресторанов. Здесь местные жители встречались с путешественниками, купцами и учёными. От них они узнавали новости о жизни в других странах. Здесь же составлялись бумаги, заключались торговые сделки. В целом, караван-сарай в крупных городах – это традиционное для мусульман место отдыха путников, где всегда имела вода, очаг и пища.

В планируемой нами этнодеревне караван-сарай представляет собой двухэтажное прямоугольное здание. На первом этаже будет находиться открытый дворик, в его центре – фонтан и арка, где будут продавать восточные сувениры, украшения, посуду. Кроме этого, на первом этаже будут расположены чайхана, кофейня, комнаты для отдыха с топчанами, предложены традиционные игры. Эти комнаты будут созданы для тех, кто хочет окунуться в сказочный мир востока и почувствовать, как отдыхали в свое время богатые крымские татары. Ну а для тех, кто склоняется к европейскому стилю – в центре дворика, вокруг фонтана будут предложены столики со стульями. Здесь также можно будет насладиться национальной кухней крымских татар. На втором этаже Караван-сарая будут расположены четыре комнаты для приезжих путников.

Гостям караван-сарая будет выдаваться крымско-татарская национальная одежда, в которой они могут путешествовать по этнодеревне, наблюдать работу местных ремесленников и приобщаться к искусству мастеров. В деревне, кроме караван-сарая, планируется реконструкция этнодомов XIX-XX веков: домов ткача, гончара, чеканщика и пекаря. В них могут обучаться мастерству остановившиеся на отдых туристы.

В заключение ещё раз подчеркнём, что этническая деревня – это музей под открытым небом, учитывающий национальные, культурные, исторические, географические и территориальные особенности народа. Её создание будет способствовать сохранению и пропаганде культуры, традиций и обычаев, позволит удовлетворить потребности туристов в наглядной и достоверной культурной информации. Музей под открытым небом дает возможность возродить не только материальную часть деревни, но и дух народа, воплощая его как в изделиях декоративно-прикладного искусства, так и в традициях, обрядах и обычаях, испокон веков передававшихся от старшего поколения к младшему. Это – некая фиксация истории народа, с замечательной и нужной целью ее сохранения и возрождения.

Список литературы

1. Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма / А.А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-информ, 2008. – С. 39.
2. Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды / Сост. Н.В. Малышева, Н.Н. Волошук. – Симферополь : Бизнес-информ, 2003, книга 1. – С. 3-4.
3. Усейнова Э.Т. Этнодеревня как аналог деревни крымских татар в Алушке времен М.С. Воронцова / Эльвина Талытовна Усейнова // Культура народов Причерноморья: Научный журнал. – 2012. – № 239. – С. 65-68.
4. Шмелев В.Г. Музеи под открытым небом: очерки истории, возникновения и развитие / В.Г. Шмелев. – Киев, 1983. – С. 5-6.
5. В Старом Крыму появится этнодеревня // Новости Крыма: раздел общество, развитие Крыма. – 2013. – Режим доступа: <http://news.allcrimea.net/news/2013/1/12/1357990200/>

Useinova E.T. Ethnic Villages as Centers of Maintenance of Crimea Folk's Cultures (on the Example of Crimean Tatars) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 356-361.

An importance of maintenance and popularization of cultural and national monuments is considered in the article. An ethnic Crimean Tatar's village is presented as an example of maintenance and reconstruction of culture and lifestyle of Crimean folks.

The problem of the maintenance and revival of national architectural monuments, painting, national clothes, standards of decoratively-applied art and style of life. It is exposed that it is possible to preserve the culture of any folk by means of open-sky museums. Ethnic villages allow exhibiting a complex of folk architecture works, art, lifestyle and tools which are collected in a situation similar to natural one. Large display of possibilities of such museums provided their wide distribution. An open-sky museum is an accessible for visitors reconstruction of cultural monuments.

Within the framework of the scientific research conducted by an author, an attempt of reconstruction of ethno village of Crimean Tatars has been undertaken. Realization of the project related to creation of ethno village requires a choice of territory that was a place of residence of Crimean Tatars historically. Alupka is one of them.

In this article an ethnic village is examined as an open-sky museum. National, cultural, historical, geographical and territorial features of the folk are taken into account. Ethno-village creation that assists maintenance was discussed as well as propaganda of culture, traditions and customs. Presumably, it will allow to provide tourists with true cultural information.

An analyzed object gives an opportunity to revive not only the material of a village but also a spirit of people, traditions, ceremonies and customs since immemorial time has passed from a senior generation to junior one.

Key words: ethnic village, maintenance, reconstruction, crimean tatars.

УДК 130.122

МИССИОНИЗМ КАК ДУХОВНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ВИДЫ И РОЛЬ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Чудомех В.Н.

Обоснована атрибутивность «миссионизма» для народов, наций и государств. «Миссии» народов, наций и государств, классифицированы по видам и по воздействиям на историю Человечества. Предложенный «миссионистский подход» к поведению народов, наций и государств, презентован как ещё одно методическое средство для выявления каузальности происходившего ранее и происходящего ныне в среде Человечества.

Ключевые слова: *пассионарность, миссия, народ, нация, государство, история, Человечество.*

Что движет и что направляет «Историю людей»? По мнению историка К. Клаузевица (XIX в.), её движет взаимодействие «...разума, страсти и случая, и каждая из этих сил заявляет о себе через государство, народ и войну...» [1, с. 19]. «Движители истории» у Л.Н. Толстого – «атомы-люди, делающие её посредством свободных актов и творений духа» [2, с. 64]. Г.В.Ф. Гегель рекомендовал при анализе человеческой истории учитывать: «деятельности» людей, не имеющие конечной цели («деятельности» как «потребности», смысл которых в непрерывности и которые сами по себе «цель»), а также бывшие прежде – «идеалы» и «идеи» бытия людей [2, с. 125]. «Идеи», по мнению Гегеля и Шпенглера, более стойки во времени: «на Земле меняются люди и народы, идеалы рушатся, а идеи остаются» [3, с. 68]. Оценивая роль «идей» и «идеалов» в Истории людей нужно иметь в виду, что они лишь ориентиры для людей в своём бытии. А непосредственное воплощение «идей» и «идеалов» зависит от «атомов истории», от желаний и воли людей к реализации предлагаемых им «идей» и «идеалов». Причём от желаний и воли людей длительных, сохраняющихся в некоей чередё их поколений и преодолевающих, к тому же, при реализации некогда избранных и унаследованных ими «идей» и «идеалов» бытия – повседневные препятствия. Следует также заметить, что в Истории людей периодически появлялись «идеи» и «идеалы», которые: и тормозили её прогрессивную направленность, и даже поворачивали «вспять».

Весьма оригинальны версии «движителей» истории Человечества, выдвинутые Л.Н. Гумилёвым в его известном труде «Этногенез и биосфера Земли» [см. 4]. Он

предложил в нём два подхода к посткрманьонскому бытию людей: 1) «всемирно-исторический» (в его рамках «предистория народов» трактуется «этногенезом», проходившим в доцивилизационный период на всех территориях населённых людьми); 2) «культурно-исторический» (он применим, по мнению Гумилёва, со времени начала «цивилизованного бытия» людей, прогрессирующего вследствие развития «культуры»). То есть, под «Всемирной историей людей» Гумилёв подразумевал становление на Земле «начал Этносферы» [4, с. 148], а к движителям последующей «Истории людей» он отнёс не только «культуру», но и «пассионариев» – ярких личностей, способных пробуждать в народах и нациях: «...тягу к великим свершениям и жертвенное служение предложенного им идеала, реального или мнимого...» [4, с. 277]. Эту «тягу к великому» Гумилёв подразделил на два вида – на индивидуально-личностную и коллективно-общественную: «...великие дела сопровождаются массовым пассионарным напряжением...» [4, с. 306]. Зарождение «массовой пассионарности» Гумилёв связывал с «подсознательным»: а) со способностью ярких личностей индуцировать свою «пассионарность» в «подсознание масс»; б) со стремлением большинства людей как-то или чём-то прервать монотонность своего бытия; в) с ожиданием многими людьми некой возможности – либо совершить что-то великое в своей текущей обыденной жизни, либо приобщиться к чему-то великому.

«Пассионарность» (фр. *passion* – страсть) ныне трактуется как «неодолимое стремление к деятельности по изменению своей жизни или окружающей обстановки» [см. 5]. Но почему у людей появляется такая «неодолимая страсть», зачастую малосвязанная с их конкретно текущей жизнью? И почему она направляется ими, как правило, на достижение целей, требующих длительного борения за их осуществление, а иногда и нереальных к достижению за время их конкретной жизни? «Чувственное», как известно, кратковременно и переменчиво, но так называемая, «пассионарность» народов и наций, сохраняется в их среде в течение многих десятков и даже сотен лет, и одного лишь «чувственного» в этом случае явно недостаточно для её удовлетворительного объяснения. То есть, для долгодлительности того, что Гумилёв именовал «пассионарностью» народов и наций, должны быть более стойкие основания, чем «чувственные». Гумилёв их не привёл, но «тайна» долгодлительности «пассионарности» народов и наций сравнительно легко приоткрывается через категорию «миссия».

Цель настоящей публикации – раскрыть роль и значимость «миссионизма» (личностей, народов и наций) в истории Человечества. **Объект** анализа в статье – «миссионизм» во всех его видах и проявлениях. **Предмет** анализа в статье – мотиваторы и побудители людей к «миссионизму». Актуальность статьи – в обосновании «миссионизма» как весьма мощного фактора воздействия на историю Человечества.

В начале XXI века термин «миссия» популяризировался и нашёл применение даже в коммерческой среде (миссия проекта, бренда, фирмы и т.д.), поэтому вернёмся к его истокам и рассмотрим «миссию» чего-либо (кого-либо) в методическом контексте – с позиции перспективности использования категории

«миссии» в качестве надёжного инструмента в исследованиях каузальности событий в среде Человечества: а) происходивших в прошлом; б) происходящих в настоящем; в) возможных к свершению в будущем.

«Миссию» (от лат. *missio* – отправление, посылка) ныне трактуют как «цель» существования кого-либо (чего-либо) и, исходя из этого, характеризуют: по смыслу, ценности и по философии реализации [см. 6]. «Миссия» по С.И. Ожегову – это ответственное задание, роль, поручение [7, с. 325]. Исходя из данных понятий, «миссия» кем-то поручается, и этим же поручением задаются – её цели и задачи. «Человеку-миссионеру» (носителю «миссии»), как правило, предписывают не только проинформировать кого-то о чём-то, а и обязательно создать в некой среде людей – своих последователей – способных сохранять доведённое до них «миссионером» и продолжать его дело, начатое в их среде. Общеизвестный пример такой организации «миссии» – выбор И. Христом «апостолов» христианства и наделение их «миссией» по его распространению. В буддизме иная ситуация – Будда сам наделил себя «миссией просветителя» народов Индии и он сам осуществлял её со своими приверженцами. Примеры самовозложения людьми на себя некой «миссии» и перехода к её осуществлению, вопреки всем личным от этого невзгодам, множественны не только в истории религий (миссия верующих – хранить свою веру). Вглядываясь в прошлое и ища в нём – почему Человечество прогрессирует социально, культурно и духовно, мы обнаруживаем в истоках этого прогресса: а) его инициаторов, избравших для себя «миссию»: раскрытия потенциала возможностей людей, просвещения людей в наличии у них возможностей для «лучшего бытия», а также проектирования пути людей к «лучшему бытию»; б) среду их приверженцев и продолжателей реализации такой, вначале «личностной миссии»; в) социум-среды, в которых становились возможными к появлению такие «личностные миссии»; г) социум-среды, поддержавшие эти «личностные миссии» людей и превратившие их – в «миссии общественные».

Самонаделение «миссиями» закономерно для людей (это выбор целей, задач и смысла своего бытия-в-мире). Многоуровневость человеческого бытия (социальная, культурная, духовная и деятельная) превращает с рождения всех людей в носителей нескольких видов «жизненных миссий». Универсальные из них – это «миссии» по воспроизводству: 1) человеческого рода (миссия видовая); 2) «социостереотипа» бытия людей (миссия социальная); 3) духовного основания бытия людей (миссия духовная). Более трёх тысячелетий люди рождаются и живут в «традиционных социумах», и все их представители всегда самоидентифицировались в «принадлежности» [8, с. 141]:

а) к «национальности» (первый уровень самоидентификации людей: по национальности своих родителей);

б) к «социуму», в котором они родились и воспитывались (второй уровень самоидентификации людей: признание этого социума и «своим» и «родственным»);

в) к «конфессии» (третий уровень самоидентификации людей: признание «своей конфессией», как правило, общепризнанной в социуме);

г) к группе людей, у которых деятельность характерна некой частной специфичностью (четвёртый уровень самоидентификации людей – самоопределение с деятельностью в социуме: профессиональной, общественной и т.п.).

Приведённая выше, многоуровневая личностная самоидентификация осуществляется всеми людьми поэтапно (во взрослении) и рефлексивно, путём: сопоставления себя с окружением, выбора «идеи-себя-бытия» и саморешения – «кто-Я» и «для-чего-Я». Самоопределившись в принадлежности национальной, социумной и конфессиональной, люди этим возлагают на себя – и «миссию историческую», миссию сохранения во времени, соответственно: их «национальности», традиций их «социума» и самого «социума», основ их «религии» и самой «религии». Возложение на себя вышеприведённых, «личностных миссий», люди закрепляют во «внутренних самоустановках», становящихся для них – «духовными внутриопорами», «духомотиваторами» и «духонаправителями» их конкретно текущей жизни. Выбор людьми своей «деятельной миссии-в-мире» зависит не только от среды и исторического времени их бытия, но, во многом, и от духовного: от тяготения людей к тому или иному виду деятельности и от ожидания ими плодотворности выбора своей «деятельной миссии-в-мире» для самоутверждения – и «личностного» и «общественного» (как в текущем, так и в последующем времени). Этот многоступенчатый выбор людьми своих «внутренних онтоустановок», а фактически – «господинов-себя» и «миссий-себя» [8, с. 143], осуществляется и «духовно» и «чувственно», но доля «чувственного» в их выборе тоже зависит от «духовного» – от интереса и воли людей к реализации той или иной «самоизбранной миссии», а также от степени их увлечённости той или иной «самоизбранной миссией».

Таким образом, полимиссионизм людей является: а) объективным порождением и следствием многоуровневости бытия людей, побуждающей их к самоопределению своего онтоместа в каждом из его уровней); б) принципиально необходимым для организации социум-бытия людей и выполняющим в нём несколько системных задач (сохранительную, воспроизводительную, и креативную); в) мироориентационным духоатрибутом «человека-из-социума», предопределяющим: как личностную его самореализацию в социуме, так и его способность воздействовать на жизнь социума. «Личностный миссионизм» людей-из-общества диалектичен по природе. На «личностном» всегда отпечатывается «общественное», а на «общественном» – «личностное». Эти взаимоотпечатки чаще опосредующие и реже прямые и непосредственные. Социум-воздействие на «личностное» (на «онтоустановки» людей) раскрыто выше, а как «личностное» влияет на духовное состояние социума? Для понимания – почему некая «личность» (группа «личностей») может сильно воздействовать на духовное состояние «социума» (а также народа и нации) и довести его до уровня, названного Гумилёвым «пассионарным», нужно вспомнить о «духе» общности, присущем традиционным единениям людей (народам, нациям и государствам) – который историчен и рефлексивно устремлён на достижение – «лучшего будущего».

Надежды на «лучшее будущее» своих единений люди воплощают в былинах, мифах, национальных идеях (и т.п.), содержащих веру народов, национальностей, наций и государств: а) в перспективность «традиций» и «образа» своего бытия для «будущего»; б) в свою способность быть «примером-образцом» для других народов, национальностей, наций и государств; в) в свою «особую миссию» в среде других народов, национальностей, наций и государств. Претензии народов, национальностей, наций и государств на «особость своей миссии» в истории людей различны по силе и форме её выражения, вариативны «идеи» этих «миссий» и попытки их реализации. Есть «обособительные» представления «миссий народов»: «...у каждого народа своё служение, своё призвание и своя миссия в Царстве Божьем...» [9, с. 1], есть представление «миссионизма» народов как «ощущения» ими своей «исторической миссии», переходящего у них в стремление реализовать это «своё призвание» [10, с. 1], предпринимаются и попытки как-то идентифицировать «миссионизм народов». Например, приписать: древнегрекам – «культурный миссионизм», древнеримлянам – «государственный и правовой», немцам – «националистический», англичанам – «имперский», американцам – «демократический» [10, с. 1].

Но это произвольные именованья «миссионизма» народов, наций и государств. Для строгих научных идентификаций «миссий» народов, наций и государств, принципиально требуются соответствующие критерии и специальный анализ всех идейных, духовных и деятельностных аспектов исторического бытия народов, наций и государств. При этом анализе следует принимать во внимание, что «миссионизм» народов, наций и государств, не во все периоды исторического времени выражается явно, и не во всех его формах можно заметить признаки некоего конкретного «миссионизма». При определении характера «миссионизма» народов, наций и государств нужно также иметь в виду, что их «миссионизм» может заключаться не только в одномоментном введении чего-то особенного в бытие Человечества, но и в сохранении и в развитии по принципу «эстафеты» всего того, что до них осуществлялось другими народами, нациями, и государствами. Такой «миссионизм» можно назвать «кооперационным», и именно благодаря такому «миссионизму» народов, наций и государств, Человечество смогло вступить в XIV-XVI веках на путь своего прогресса, который продолжается и ныне.

Погружаясь во времена былых порывов народов (наций и государств) к «великим свершениям» (территориально-освоительным, культурным, научным, техническим и др.), мы видим в их началах: а) либо сильных личностей, убедивших народы (нации и государства) в способности совершать великие дела «достойные истории» и возглавивших их осуществление (это основатели «древнейших цивилизаций», «великих империй» и т.п.); б) либо череду личностей, не претендовавших в отдельности на «великое» и создававших его суммативно (шаг за шагом, в течение многих десятилетий и веков), но этим творчеством возвеличивших свои народы (нации и государства) и вдохновивших их тем самым – на всеобщую и долговременную поддержку «великого», начатого их выдающимися представителями (философами, учёными, путешественниками и т.д.).

Заключение. Исходя из вышеизложенного и общеизвестных событий в истории Человечества, можно умозаключить следующее.

1. «Миссионизм» людей (народов, наций и государств) является:

– порождением и следствием многоуровневости бытия людей, принципиально требующей от представителей народов, наций и государств, по-поколенной их самоидентификации на принадлежность к данным общностям людей, что фактически и предопределяет их идентичное воспроизводство в исторически длительных периодах времени;

– духовным и системным атрибутом бытия народов, наций и государств, предопределяющим не только идентичность их воспроизводства во времени, но и потенцию их: к исторической самоадаптации; к прогрессирующему развитию во времени; к активному воздействию на историю Человечества.

2. В историческом контексте «миссии» народов, наций и государств, можно рассматривать как отражения их многопоколенных актов самонаделения своего существования-в-мире «особостью»: его целей и задач, и его отношений к «другим» в своём окружении (людям, народам, нациям и государствам).

3. В силу многоуровневости, бытие народов, наций и государств – полимиссионально. Универсальные и базисные в длинном ряду их «миссий» – это «миссии» по воспроизводству: 1) представителей человеческого рода (миссия видовая); 2) «социостереотипа» бытия людей (миссия социальная); 3) духовного основания бытия людей (миссия духовная).

4. Судя по известным «миссиональным» отражениям в бытии Человечества, народы, нации и государства наделяли себя весьма широким спектром «миссий». Их воздействия на историю Человечества можно подразделять: а) по территориальному критерию – на региональные, многорегиональные, континентальные и глобальные; б) по критерию направленности – на национальные, межнациональные, цивилизационные и межцивилизационные; в) по критерию длительности – на вековые и многовековые; г) по критерию плодотворности для развития Человечества – на позитивные и конструктивные, на негативные и деструктивные.

5. Прогрессирование с XV века всех сфер бытия Человечества обеспечил «кооперационный миссионизм» народов, наций и государств: а) по раскрытию потенций себя-бытия-в-мире; б) по поиску новых идей и форм себя-бытия-в-мире; в) по созданию надёжной системы познания и преобразования – и себя, и мира вокруг.

6. «Миссионистский подход» к бытию народов, наций и государств, плодотворен не только при выявлении каузальности происходившего ранее в среде Человечества. Его необходимость видна и для полноценного анализа современного бытия Человечества, в котором уже довольно ярко претензии многих народов, наций и государств на «миссию управления» содержанием бытия Человечества и его дальнейшей судьбой.

Список литературы

1. Белл Д. Возобновление истории в новом столетии (Предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии») / Д. Белл // Вопросы философии (РАН). – 2002. – № 5. – С.13-25.
2. Ясперс К. Смысл и предназначение истории / К. Ясперс. Пер. с нем. – Изд. 2-е. – М. : Республика, 1994. – 527 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. Пер. с нем. С. Борич. – Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – Минск. : ООО «Попурри», 1999. – 720 с.
4. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М. : ЭКСМО, 2007. – 560 с.
5. www.dic.academic.ru/dic_fwords/6303/пассионарность (время обращения: июль 2014 г.).
6. ru.wikipedia.org/wiki/миссия (время обращения: июль 2014 г.).
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. Изд. 10-е, стереотипное. Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : «Советская энциклопедия», 1973. – 840 с.
8. Чудомех В.Н. Проблема «господина» для Человечества в контексте «прошлого-настоящего-будущего» / В.Н.Чудомех // Философия образования. – Новосибирск : Институт философии образования, 2014. – № 2. – С.134-148.
9. Устрялов Н. Национальная идея у первых славянофилов. [Электронный ресурс] / Н. Устрялов. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/nacionalnaya_problema_u_pervih_slavyanofilov (время обращения: июль 2014 г.).
10. Аксюциц В. Миссия мессианских народов / В. Аксюциц // Русский путь. – 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polemics.ru> (время обращения: июль 2014 г.).

Chudomekh V. The “Missionism” as a Spiritual Phenomenon: Types and Role in the History of Humanity // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 362-368.

The purpose of the article is to open the role and the importance of "missionism" (the persons, the people and the nations) in the history of Humanity. The object of the analysis in article are forms, shapes and manifestations of "missionism". Relevance of the article is in justification of "missionism" as the essential and the powerful factor of impact on the history of Humanity.

In the article: the existing forms and types of the "missionism" of the people, the nations and the states are considered and analysed; the sources and the principles of formation of the "missions" of the persons, the people and the nations are opened; the attribution of the "missions" for the persons, the people, the nations and the states are proved; the concept about "mission" of the people, the nations and the states is formulated; the "missions" of the persons, the people, the nations and the states are classified by types and by of their influence on history of Humanity.

The scientific and practical importance of the article is concluded: in attraction of scientific and public attention to existence of such very essential factor of influence on socio-historical processes as "missionism"; in the offered of one more methodical means for the identification of the causality of that, what was occurred earlier and are occurred nowadays in the environment of Humanity.

Keywords: passionarity, mission, people, nation, state, history, Humanity.

УДК 130.2

ТРАДИЦИЯ «БОЛЬШОЙ СЕМЬИ» В КОНТЕКСТЕ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Бекирова Л.С.

В данной статье рассматривается традиция «большой семьи», которая продолжает выполнять регулятивно-креативную роль в тех этнических сообществах, которые бережно относятся к своему культурному наследию. Как показывает практика многих развитых стран, роль традиций незаменима в нравственном и патриотическом воспитании, создании благоприятного социально-психологического климата и, наконец, в процессе культурной идентификации, в формировании национального самосознания. Неоконсерватизм оказался единственной идеологией, способной защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы и вывести общество из кризиса. Он дал установку на защиту традиционных устоев общественной жизни.

Ключевые слова: *неоконсерватизм, традиция «большой семьи», выживание.*

Объектом исследования является феномен неоконсерватизма и традиция «большой семьи».

Цель данной статьи – на примере традиции «большой семьи» (в данном случае крымскотатарской) проследить, как обеспечивается жизнестойкость этнической общности и отдельной личности.

Эпоха блестящих научных открытий и новых вызовов цивилизации ушла в историю. Однако именно XX век, как известно, очень остро поставил вопрос о выживании человечества. В начале третьего тысячелетия есть все основания переосмыслить итоги и условия существования человека и задаться вопросом, откуда мы пришли и какими путями намерены двигаться дальше. Неисправимые оптимисты восторженно продолжают надеяться на возможности научного познания, вере в то, что наше понимание природы будет неизбежно углубляться, а новые технологии позволят одолеть болезни, увеличить продолжительность и улучшить качество жизни, будут способствовать благополучию, культуре и свободе человека. Экономисты-прогностики утверждают, что прогресс в промышленном производстве и технические новшества могут обеспечить всесторонний, долгосрочный экономический рост. Они указывают на великие достижения человеческой изобретательности в XX веке и предполагают, что эти тенденции сохранятся, если тому не помешают какие-либо непредвиденные бедствия. Однако далеко не все разделяют этот жизнеутверждающий взгляд. По мнению пессимистов,

цивилизацию погубят вырождение природной среды, экологические преступления, глобальное потепление, неконтролируемый рост населения, возможная ядерная война, терроризм, распространение оружия массового поражения и, наконец, – роботы – самовоспроизводящиеся, самосовершенствующиеся и способные установить контроль над людьми [см. 2].

Становится очевидным, что ключевой проблемой в этом огромном круге вопросов является проблема духовности. Если сохранится духовное начало как важная составляющая жизни социума – сохранится и человечество. Если оно станет важнейшим, доминирующим – человечеству суждено не только выжить, но и процветать в гармонии с окружающим миром. Общечеловеческие духовные ценности отражают отшлифованные столетиями традиции, обряды, нормы, правила, которые нередко воплощаются в национальные формы, но в своей сути несут общечеловеческое, гуманистическое начало.

Традиции оказываются чрезвычайно актуальными и для того процесса государственного строительства, который сейчас идет не только в России, но и в других странах Запада и Востока. Как показывает практика многих развитых стран, роль традиций незаменима в нравственном и патриотическом воспитании, создании благоприятного социально-психологического климата и, наконец, в процессе культурной идентификации, в формировании национального самосознания. Опыт крымскотатарского народа может оказаться в этом смысле полезным. Даже в сложнейших условиях жизни крымскотатарский народ не растерял свои национальные культурные достижения, национальную самобытность и целостность именно потому, что достаточно строго и последовательно выполнялись завещанные предками обряды, традиции и правила общежития. Есть все основания утверждать, что опыт сохранения национальной самобытности, накопленный в XX и XXI вв. крымскими татарами, является уникальным.

Единственной идеологией, способной защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы, определить приоритеты индивидуальной и общественной программы жизнедеятельности, очертить облик политики, способной вывести общество из кризиса, оказался неоконсерватизм.

Неоконсерватизм появился в начале 70-х гг. XX в. в среде американской интеллектуальной элиты. Его наиболее известные представители Л.Штраусс, И. Кристол, Н. Подгорец, Д. Белл, З. Бжезинский и другие сформировали ряд идей, ставших ответом на экономический кризис того времени, на расширение кейнсианства, массовые молодежные протесты, отразившие определенный кризис западного общества.

Естественный консерватизм существовал во все времена как особый стиль мышления, ибо в обществе всегда встречаются люди, которые с большой осторожностью относятся ко всякого рода нововведениям (К.Маннгейм). Ключевым в понимании консерватизма как политической идеологии является установка на защиту традиционных устоев общественной жизни. Впервые термин консерватизм (от лат. *conservo* – сохраняю) был использован французским писателем Ф.

Шатобрианом. Возникнув в конце XVIII века в качестве негативной реакции европейской аристократии на Великую Французскую революцию и ее идеи, консерватизм сегодня ассоциируется с теми в политике, кто прославляет унаследованные от прошлого моральные установки и нормы, противодействует радикальным реформам, выступает за сохранение сложившегося порядка вещей. «Консервативную идеологию от либеральной и социалистической отличает то, что она значительно менее рационалистична или, если угодно, догматична, поскольку ссылается чаще не на систему взаимоувязанных идей и теорий, а на традицию», – пишет А.М. Руткевич [5, с. 96.]. Консерваторы всегда исходят из полного приоритета общества над человеком: «Люди проходят, как тени, но вечно общее благо» (Э. Бёрк). По их мнению, свобода человека определяется его обязанностями перед обществом, возможностью приспособиться к его требованиям. Политические же проблемы они рассматривали как религиозные и моральные, а главный вопрос преобразований видели в духовном преображении человека, органически связанном с его способностью поддерживать ценности семьи, церкви и нравственности. Сохранение же прошлого в настоящем способно, как они полагали, снять все напряжение и потому должно рассматриваться в качестве морального долга перед будущими поколениями.

Идеологи неоконсерватизма весьма удачно приспособили основные постулаты традиционного консерватизма к реалиям позднеиндустриального этапа развития западного общества. Многообразие стилей жизни и усиление всеобщей зависимости человека от технической среды, ускоренный темп жизни, экологический кризис, нарастание культурного разнообразия и снижение авторитета традиционных для Запада ориентации – все это породило серьезный ориентационный кризис в общественном мнении, поставило под сомнение многие первичные ценности европейской цивилизации.

В этих условиях неоконсерватизм предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимной ответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, на уважении права и недоверии к чрезмерной демократии, крепком государственном порядке. Неоконсерваторы четко ориентировались на сохранение в обществе и гражданине чисто человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое развитие общества не может заполнить образовавшийся в человеческих сердцах духовный вакуум.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагалась на самого индивида, который должен был, прежде всего, рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность семьи, ближнего окружения. Такая позиция должна была поддерживать в индивиде жизнестойкость, инициативу и препятствовала появлению «иждивенческих» настроений по отношению к государству. В то же время государство, по мысли неоконсерваторов, должно стремиться к сохранению целостности общества, к обеспечению необходимых индивиду жизненных условий на основе законности и правопорядка, предоставляя

гражданам возможность образовывать политические ассоциации, к развитию институтов гражданского общества, сохранению сбалансированных отношений природы и человека. И хотя предпочтительным политическим устройством такой модели взаимоотношений государства и гражданина считалась демократия, все же теоретики неоконсерватизма настаивали на усилении управления обществом, на совершенствовании механизмов урегулирования конфликтов, снижении уровня эгалитаризма.

Конечно, неоконсерваторы не могли решить всех проблем. Предлагавшиеся ими программы стабилизации и роста не смогли найти адекватных механизмов решения проблем, связанных с инфляцией, вовлечением в жизнь уклоняющихся от труда слоев общества, урегулировать отношения богатых и бедных стран и т.д. Тем не менее, эта доктрина представила человеку целостную картину мира, показала главные причины кризиса общества и способы выхода из него, согласовала моральные принципы с рациональным отношением к кризисному социуму, дала людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством. Неоконсерватизм служил защитой человека на новом технологическом витке развития индустриальной системы, определяя приоритеты его деятельности, курс государства, способный вывести общество из кризиса. На этой идейной основе стали синтезироваться многие гуманистические идеи либерализма, социализма и некоторых других учений.

В результате, неоконсерватизм стал быстро распространяться. Больше того, в каждой стране он имел свои специфические особенности. К примеру, Г. Рормозер назвал победу демократических сил в августе 1991 года в Москве «консервативной революцией» [4, с. 204.]. Тем самым немецкий ученый, скорее всего, хотел отметить начавшийся процесс возрождения России: духовное осмысление собственной истории, обращение к традициям, возвращение из Вавилонского пленения на арену истории в качестве самостоятельной исторической величины. «Сам факт массовой распространенности неоконсерватизма, охвата им практически всех социальных слоев свидетельствует не только о сложности проблем, которые он интегрировал. Причина подобной экспансии видится в том, что неоконсерватизм, будучи порождением переломного периода истории (получившего в западной литературе много разнообразных характеристик), представляет по своей сути специфическую и весьма тонкую рефлексию по поводу коллизий духовно-политической ситуации в современном мире» [3, с. 96.].

В последние годы в целом ряде стран растёт интерес к национальным обычаям и обрядам, а также к тому, что скрывается за их содержанием. Как свидетельствует история, подобное явление обычно характерно для социальных общностей, переживающих тот или иной кризис. Для нашего времени – это, прежде всего, кризис нравственный. Он порождает общественное ощущение неустойчивости, безнадежности, как у отдельных людей, так и у целых народов. Пессимистическое социально-психологическое устроение определенных слоев нации обуславливается не только острыми объективно существующими проблемами, но и

утратой прежних ориентиров, идеалов и авторитетов. Ориентационный кризис, крушение надежд на быстрый прогресс в условиях трансформации социальных идеалов и мировоззренческих парадигм заставляет «творческое меньшинство» (Тойнби) искать опору в семье, этносе и религии, т.е. в тех структурах, которые связаны с идеей вечных ценностей. Эти социальные институты существуют на протяжении многих столетий и даже тысячелетий, а самое главное, что они тесно переплетены с мирами повседневности, с бытом, как наиболее устойчивой сферой жизнедеятельности.

Обращение к традициям, являющимися носителями многовекового духовного опыта, дает возможность найти морально-психологическую опору, которая помогла бы избавиться от чувства неустойчивости, причём без специальных процедур, ибо в большинстве случаев они действуют автоматически и, следовательно, отпадает необходимость в постоянной рефлексии. Существование «стандартных» правил поведения для всех, в том или ином отношении «стандартных случаев» имеет глубочайший социальный, культурный смысл... «Коллективный опыт поколений, переданный каждому человеку воспитанием, задаёт программу стереотипных действий для стереотипных ситуаций, освобождая мозг для неординарных коллизий, для суждения о действиях, которые действительно не должны быть трафаретными» [1, с. 265]. Традиции нами рассматриваются в качестве социального института, способного обеспечить устойчивое поведение индивида, социальной группы или национального сообщества в рамках определенных природно-биологических и социально-исторических условий, способствовать выживанию и сохранению себя в потоке времени.

Однако, нередко можно столкнуться (и в литературе, и в общественной жизни) с мнением, что обряды, ритуальное поведение, строгие общинные правила – характерная черта неразвитых, первобытных социальных объединений. Я уже убеждена, что, рассуждая так, мы «вместе с водой выплескиваем из ванночки и ребенка» и в XXI веке роль тех традиций, которые имеют духовное, гуманистическое содержание, либо заново откроют, либо возродят.

В современных условиях выжить, сохранив человеческий (а не технократический) социум может только сообщество и, как показывает опыт иудеев, крымских татар, корейцев, японцев и некоторых других народов, – в первую очередь национальное общество. В нем духовное начало защищается целым рядом наработанных веками традиций, обрядов, правил, которые на протяжении многих веков позволили народу сохранить себя в чужеродной среде, противостоять размыванию национального своеобразия, ассимиляции и уничтожению.

Именно традиции, идущие из сокровенных исторических глубин национального самосознания, оказываются фундаментальным капиталом народа, успешно овладевающего современной стадией научно-технического прогресса. Этические нормы, заложенные в них (честность, самоконтроль, дисциплинированность, уважение к старшим, трудолюбие, стремление к овладению новым знанием, осуждением индивидуализма и т.д.) были призваны обеспечить этносу выживание в

сложных условиях, устоять перед размывающими фундамент национального самоуважения влияниями и тенденциями. Сегодня, в начале XXI века, сложная компьютерная техника, многотысячные трудовые коллективы, необходимость постоянного обновления навыков в условиях экспоненциального роста знаний потребовали тех же качеств.

Община, группа, народность, сберегая свои национальные традиции, сохраняет те исходные, гуманистические, гомеостазисные природные корни, подлинная роль и ценность которых начинает осознаваться лишь сейчас, на стадии биологического и антропологического кризиса. Дело в том, что большинство национальных традиций как раз несет в своей сердцевине (вне зависимости от разнообразной фольклорной окраски) идею гармонии с природой и гармоничные (рассчитанные даже на отдаленные последствия) отношения людей друг с другом внутри указанной социальной общности. Например, взглянем, с этой точки зрения на давнюю традицию крымских татар поддерживать теплые отношения даже с отдаленными родственниками. Известно, что в некоторых скандинавских племенах было правилом помнить свою родословную в седьмом, десятом колене и даже в более глубоких корнях. Крымские татары отслеживают своих родственников не столько по временной вертикали, а так сказать, по горизонтали. На свадьбы, дни рождения, похороны обязательно приглашаются до ста и более близких людей. С ними же поддерживаются и периодические дружеские контакты. В результате образуется общность, которую разумно назвать «большой семьей» (в отличие от «малой семьи», где, кстати, у крымских татар бывает до 30-40 человек). Большая же семья – это может быть 100 и более дальних родственников.

В прошлом несколько поколений родственников объединялись в одну большую семью, для того, чтобы вести совместное хозяйство. Это было экономически выгодным. Сегодня, когда каждый человек может выбрать себе профессию по призванию и заниматься любимым делом независимо от других, функцией «большой семьи» становится решение задач все больше нравственно-этического характера. В современных условиях существование большой семьи играет буквально роль спасательного круга, как в случаях чрезвычайных ситуаций, так и в ряде затруднительных положений, которые нередки в обычной жизни. Типичным для крымских татар, является пример из послевоенных лет, когда вернувшийся с войны герой-солдат разыскивает всех своих родственников, которых разбросала судьба, и становится надеждой и опорой для племянников-сирот и сестры-вдовы. Большая семья, таким образом, выполняет несколько социальных ролей:

– «референтной группы» для молодых людей и подростков. Общеизвестно в 13-14 лет молодые люди переживают возрастной кризис, когда мать и отец перестают быть авторитетами. Детям кажется, что они уже умные и опытные. Отец и мать безнадежно отстали и т.д. Малая семья перестает играть роль референтной группы и в поисках ее замены подросток начинает искать авторитеты среди ровесников или дворовой группы. Нередко это приводит к трагическим последствиям. В «большой семье» у крымских татар подобные ситуации, по крайней мере раньше,

отслеживались. Именно в это время «случайно» появлялся двоюродный брат-летчик, или отдаленная тизе (тетя по материнской линии), – известная актриса, или просто старик-дед, к которому подросток мог бы сбежать от «тирании» родителей. Кризисный возраст проходил и все становилось на место;

– «вече» или «мушавере» в поворотных моментах жизни. Когда нужно решить достойна ли молодая девушка войти женой в семью, стоит ли переселяться в другую местность, как реагировать на нанесенную кровную обиду – «большая семья» играет роль коллективного разума. Чаще всего решающее слово принадлежит умудренным жизненным опытом людям. В результате, во-первых, человек не оказывается один на один со своими проблемами. А, во-вторых, в результате обсуждения, т.е. мушавере, находится, как правило, самое разумное решение.

Некоторые другие функции «большой семьи» я только перечислю: материальная поддержка, играющая существенную роль для молодых семей, не имеющих богатых родителей; нравственная поддержка в нередких трагических обстоятельствах; воспитание детей, оставшихся без родителей; поддержка престарелых, в результате – отсутствие бездомной старости, брошенных стариков и т.д.

Таким образом, благодаря традиции «большой семьи» человек начинает чувствовать свою общность не только с близкими родственниками, но и со всем народом. Не случайно о крымских татарах обычно говорят: «Крымские татары все друг другу родственники». Указанное позволяет сделать вывод о том, что «традиция большой семьи», во-первых, заслуживает сохранения там, где она существовала, а во-вторых, социологам и психологам стоит подумать как возродить эту традицию там, где она разрушена.

Вопреки устоявшимся представлениям о том, что проблема традиций связана в основном с историей культуры, с обрядностью, ритуальностью, фольклором, которые имели серьезные основания в социальной практике прошлого и роль, которых неизбежно уменьшается в современных цивилизованных, урбанистических сообществах, в статье обосновывается и доказывается тезис о непреходящей ценности традиций в целом и в частности традиции «большой семьи», имеющей как этническую, так и общечеловеческую значимость.

Данный тезис является прямым следствием понимания традиции не как архаического культурно-социального феномена, но как стабильного, проверенного веками и незаменимого механизма передачи накопленного на протяжении жизни многих поколений опыта выживания этнических целостностей и отдельных личностей в сложных условиях взаимодействия с окружающей природой, другими народами, ближайшим и отделенным социальным окружением. Так понятая традиция позволяет сформулировать вывод о том, что эта проблема становится особенно актуальной именно сейчас, в наше непростое время, когда задача выживания и сохранения своих духовных, нравственных и культурных ценностей поставлена не только перед национальными сообществами, но и перед всем человечеством.

Список литературы

1. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством / Ю.В. Бромлей, Р.Г. Подольный. – М. : Политиздат, 1984. – 272 с.
2. Запорожан В.М. Шлях до ноетики / В.М. Запорожан. — О. : Одес. держ. мед. ун-т, 2008. – 284 с.
3. Осипова Е.В., Соколова Р. Кризис цивилизации и неоконсерватизм / Е.В.Осипова, Р.Соколова // Общественные науки и современность.– 1993.– № 3. – С. 94-106.
4. Рормозер Г. Консервативная революция / Г. Рормозер, А. Френкин // Полис. –1999. – № 1-2. – С. 202-207.
5. Руткевич А.М. Что такое консерватизм? / А.М. Руткевич. – СПб. : Университетская книга, 1999. – 224 с.

Bekirova L.S. Tradition of Big Family in the Context of the Neoconservatism // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 369-376.

This article reviews a tradition of a "big family" which continues to execute a regulative and creative role in those ethnic communities which still carefully keep preserving their cultural heritage. Practice of many developed countries shows that role of traditions is eternal in moral and patriotic breeding. Experience of Crimean Tatars may be useful in this area. Despite of difficult life circumstances Crimean Tatars did not lose their national cultural achievements, national identity and integrity due to the fact that they have been rigorously enough and consistently executing rituals, traditions and rules of social life left by their ancestors. There are all necessary grounds to confirm that an experience of national identity preserving that was accumulated by Crimean Tatars in the 20th and 21st centuries is a unique one. The only ideology capable to protect a person on a new technological turn of an industrial system, to determine priorities of an individual and social livelihood program, to outline shape of politics that can lead society out of the crisis appears to be neoconservatism which prescribes to preserve traditional principles of social life.

Keywords: neoconservatism, "big family" tradition, survival.

УДК 008

«ЦИВИЛИЗАТЕМЫ» И «ФОРМАТЕМЫ» КУЛЬТУРЫ АРКТИЧЕСКИХ НАРОДОВ

Поспелова А.И.

В статье анализируются концепты формации и цивилизации. Рассматриваемый с современных позиций миропостижения исключительно как философ, К. Маркс имеет весьма серьезные недостатки: его кругозор был замкнут этой планетой, а в ее пределах – Человеком, причем человеком в контексте европейской модели развития общества и культуры. К. Маркс видит развитие человека вне природы, во «второй природе» (созданным человеком овеществленном мире развитых производительных сил). Концепция формационной солидарности, разработанная В. И. Лениным, обусловила дихотомию «цивилизованности»/«дикости» и привело к потере культурной самобытности коренных народов России. Концепция «цивилизация» Тойнби является основой критики «европоцентристской» или «западноцентристской» схемы исторического процесса. Особо актуальна его мысль о том, что концепция единой цивилизации ложна в своей основе. С точки зрения этой концепции западное общество провозглашается уникальной цивилизацией, обладающей единством и неделимостью, которая после длительного периода борьбы достигла, наконец, цели мирового господства. Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерного итога единого непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и сужению исторического кругозора. В результате игнорируются особенности культур, не учитывается многообразие исторического опыта народа и человечества в целом, все мировые цивилизации объединяются в одну, а история этой единственной цивилизации оказывается выпрямленной в одну линию, нисходящей от современной Западной цивилизации к примитивному обществу времен неолита и палеолита. Цивилизация автохтонных арктических народов рассматривается в статье, как локальная арктическая цивилизация солидарности с окружающим миром.

Ключевые слова: арктические народы, «цивилизатемы», «форматемы».

В отечественной и зарубежной литературе социальную общность северных народов принято определять исходя из формационного подхода как «первобытную». Однако развитие философии истории выявляют ограниченность данной трактовки.

Сегодня существуют различные подходы к объяснению объекта и предметных областей философии истории. Марксистская формационная концепция осмысливает исторический процесс, а также политические, эстетические, этические, религиозные и т.д. формы на основе определенных периодов (общественно-экономических формаций). К. Маркс, несомненно, верил в то, что каждое диалектическое движение должно быть, в некотором безличном смысле, прогрессивным, и определенно придерживался того, что социализм, будучи упроченным, сможет содействовать счастью людей в большей степени, нежели это делали феодализм или капитализм.

Рассматриваемый с современных позиций миропостижения исключительно как философ, К. Маркс имеет весьма серьезные недостатки. Самый основной заключается в том, что кругозор его был замкнут этой планетой, а в ее пределах – Человеком, причем человеком в контексте европейской модели развития общества и культуры, хотя уже после Коперника стало очевидным, что человек не имеет того космического значения, которое он высокомерно приписал себе некогда. Здесь, в традиции европейского стиля мышления, К. Маркс видит развитие человека вне природы, во «второй природе», т.е. в созданном человеком овеществленном мире развитых производительных сил.

Следует отметить, что анализ исторического развития социальной триады К. Маркса, произведенный им в рамках истории европейской цивилизации, представляется истинным и сегодня, так как в обиход наук вошли марксистские положения о формациях, о способе производства, о капитале, о классах и т.д. Да и сам термин «первобытный» – представляется нам философски объемным и исчерпывающим по содержанию. «Первобытный» мыслится как «первичный в бытии» и «бытие – первичное в себе», но сегодня термин «первобытный» несет скорее негативную оценочную коннотацию, чем социально-философскую.

В Предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859) К. Маркс вместо исторических экскурсов эволюции собственности излагает в самом общем виде зависимость всех сторон общественной жизни от «способа производства материальной жизни» и об общих стадиях развития. В 1 томе «Капитала» (1867) К. Маркс, рассуждая о способе производства, оперирует такими понятиями, как «охотничьи народы», «дикари» и пр. Продолжая анализ первой стадии развития общества, Ф. Энгельс в классической для марксизма работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) излагает кардинальные проблемы исторического рубежа между доклассовым и классовым обществом. Глава, в которой анализируется доклассовая ступень развития общества, называется «Варварство и цивилизация».

Ф. Энгельс в своих работах принимает терминологию Моргана: периоды «дикости» и «варварства», предшествующие эпохе «цивилизации» и характеризующиеся «родовым строем», «родовой организацией общества» [1, с. 376].

Этот концептуальный подход и терминология стали определяющими в теоретическом и практическом подходах советского периода ко всем малочисленным народностям, особенно к народам Севера. Формационный подход

К. Маркса рассматривался не как теоретическое построение этапов (формаций) в смысле идеализированного абстрактно-логического объекта, а как общая реальность в необходимости социально-экономического прогресса. В целом, формационная теория представляла собой наиболее развитый вариант прогрессивного линейного развития истории

К сожалению, концептуальный подход марксизма, основывающийся на исследованиях XIX века, стал базисным в теории и практике советского строительства. Многие малочисленные коренные народности (не только северные) стали рассматриваться с точки зрения «дикости» и необходимости их революционного скачка в социализм, минуя как все классические для европейской модели стадии развития, как и собственную логику исторического развития. Основой этого подхода являлась концепция формационной солидарности, разработанная В. И. Лениным. «Посмотрите на карту РСФСР, – писал В.И. Ленин, – к северу от Томская идут необъятные пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» [2, с. 228]. Только политическое равноправие на основе социалистических преобразований, по мысли В.И. Ленина, может привести к ликвидации исторического неравенства. Интерпретация В.И. Лениным формационного развития в принципе ведет к признанию неимманентного характера исторического процесса. Формулировка принципа неравенства людей в Истории заключается в тезисе «Город не может быть равен деревне... Город неизбежно ведет за собой деревню» [3, с. 5]. Смысл этого исторически необычного тезиса заключается не в противопоставлении города и деревни, а в том, что «деревня» являлась для России доминантной формой организации русского народа еще в начале XX века. Выдвигая «город» историческим лидером, В.И. Ленин устанавливал новые отношения между народом и историческим прогрессом: авангард (пролетариат) должен вести за собой народные массы, вне зависимости от их установок, желаний и ценностей.

Такой подход был закреплен в советской политике по отношению ко всем народам России, в том числе и народам Севера. В исторической и этнографической литературе общественной строй у народностей Севера определялся как первобытный [4, с. 319]. Можно встретить утверждение о том, что народности Севера перешли от неолита к социализму [5, с. 11-12]. Вследствие такой теоретической установки реализовался план «втягивания» народов Севера в новую социалистическую индустриальную реальность. Принципом «единой социалистической культуры», национальной по форме и интернациональной по содержанию, была обоснована политика культурной унификации, которая, по сути, не была присуща Российской империи. Политика Российской империи в основном строилась на базе расширения и укрепления своих границ, но по отношению к другим культурам была достаточно лояльна.

Если рассматривать марксизм как идеологическое учение прогрессивистской направленности, о неминемости высших форм развития в капиталистический и

сменяющем его коммунистический этап, то, в применении к рассматриваемой нами социальной организации арктических народов, учение вызвало «втягивание» первобытных народов в «высший» тип от «жирника» к атомной электростанции, от традиционной для них картины мира к европеизированному сознанию. Это влекло за собой потерю их культуры и этнической самобытности.

Основной концепцией формы циклической парадигмы истории явились цивилизационные или культурно–исторические теории, представленные в работах Н. Данилевского, О Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина. Они употребляли разную терминологию: «культурно–исторические типы» (Н. Данилевский), «локальные цивилизации» (А.Тойнби), «культурные суперсистемы» (П. Сорокин). На уровне современных научных представлений о сущности определенных этапов общественного бытия невозможны какие-либо глобальные подходы к ее проблемам без их соотнесения с основными тенденциями развития цивилизации как в общечеловеческом масштабе, так и в локальном, в частности, – конкретно-исторической первичной арктической цивилизации.

Понятия «цивилизация» и «культура» впервые были введены в научный и политический оборот французскими просветителями в XVIII в. Истоки этих понятий – в классической античности. Цивилизация античности была противопоставлена «варварству» соседних племен и народов, находившихся на более низкой стадии развития. Для европейцев с XVIII в. было и сохраняется до сих пор противопоставление «культурности» и «цивилизованности» своих стран – «дикости» и «варварству» современных им первобытных народов. И стремление насильственно приобщить эти народы к благам «высшей цивилизации» путем активной колониальной политики. Мыслители прошлого пытались объяснить причины различного культурного развития народов. Одни видели специфику такого развития в особенностях географической среды, природных условий, другие – в так называемом «духе народов». «Цивилизация» означала скорее идеал и, в большей мере, идеал нравственный. Близко к этой трактовке был смысл понятия «культура», т.е. первоначально культура рассматривалась как компонент цивилизации [6, с. 242-247].

В науке до сих пор нет однозначного решения проблемы отношений культуры и цивилизации. С достаточной определенностью можно выделить два направления в решении этой проблемы.

Первая связана с пониманием цивилизации как вырождения культуры. Наиболее полно такой взгляд выражен в работе немецкого культуролога О.Шпенглера «Закат Европы» (1918). Он выделил принципиальные различия между культурой и цивилизацией. В наиболее общем виде они могут быть сведены к следующему: культурный человек живет, углубляясь внутрь, заботясь о своей духовности; цивилизованный – обращаясь во внешнее, заботясь больше о материальном благополучии (культура – это живое творчество, цивилизация – мумифицированная культура); культура религиозна, связана с поклонением и культом; цивилизация безрелигиозна; культура национальна; цивилизация

безнациональна. Таким образом, цивилизация есть мировой город, где господствует «лишенная корней городская масса».

Вторая точка зрения на проблему соотношения культуры и цивилизации состоит в том, что цивилизация существует и формируется наряду с культурой.

В своем историческом развитии к «цивилизации» стали относить целые страны и народы (но только, в так называемом, развитом состоянии), в середине XX в. А. Кербер и К. Клакхон опубликовали список 164 определений «культуры», установив, что в большинстве этот термин употребляется наряду с термином «цивилизация» [7, р. 291].

В общем смысле, с учетом эволюции этого понятия, цивилизация означает определенный уровень развития материальной и духовной культуры. Под цивилизацией мы понимаем большое, длительно существующее самодостаточное сообщество, выделенное по качественному своеобразие материальной, духовной, социальной жизни того или иного народа или группы народов и стран на определенном этапе развития; особый, исторически сложившийся способ существования социальной общности людей, специфическая форма ее самоорганизации и регулирования процессов коллективной жизнедеятельности.

Мировоззренческая направленность в осмыслении общественных процессов активно развивалась крупнейшим представителем современной философии истории А. Тойнби (1889-1976 гг.). Он считал цивилизацию результатом культурного и материального процесса, материальной оболочкой культуры, культура же, по его выражению, «представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации» [8, с. 228].

Культура в этой цивилизационной системе играет роль механизма, выполняющего основные функции обобщения исторического опыта существования общества, аккумуляции этого опыта в виде системы.

Тойнби считал, что история в своей целостности и конкретных проявлениях имеет некоторое всеобщее содержание. Это содержание состоит в том, что исторический опыт и историческое время не даны человеку как нечто внешнее, не даны в отрыве от его внутренней жизни, в отрыве от его личности [там же]. Объективные процессы истории в значительной мере опосредованы человеческой личностью, ибо проходят через ее внутренний мир, внутренний опыт, внутренние конфликты. В узком смысле история персоналистична. Таким образом, Тойнби подчеркивает, что история всецело не подчиняется человеческому произволу, но, развиваясь через человека, она имеет человеческое лицо. Конкретный человек поневоле участвует в преемственности поколений и сознаний и, поскольку этой преемственностью определяется специфика истории, то, следовательно, для каждого человеческого существа объективная всеобщая история одновременно является и личной историей.

Человеческая история как «история людей» всегда в той или иной мере определяется ее участниками, специфическими особенностями их обликов и характеров. Тойнби определяет историю общества как взаимосвязь, взаимодействие

исторического, временного и надысторического, вечного. Время фиксирует смену состояния человеческой истории, именно через время раскрывается ее конкретное содержание. Вечное определяет начало и конечную цель исторического процесса. А. Тойнби – категорический противник «европоцентристской» или «западноцентристской» схемы исторического процесса. Особо актуальна для сегодня его мысль о том, что концепция единой цивилизации ложна в своей основе. Она базируется на переносе современных представлений в прошлое. С точки зрения этой концепции западное общество провозглашается уникальной цивилизацией, обладающей единством и неделимостью, которая после длительного периода борьбы достигла, наконец, цели мирового господства. Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерного итога единого непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и сужению исторического кругозора. В результате игнорируются особенности культур, не учитывается многообразие исторического опыта народа и человечества в целом, все мировые цивилизации объединяются в одну, а история этой единственной цивилизации оказывается выпрямленной в одну линию, нисходящей от современной Западной цивилизации к примитивному обществу времен неолита и палеолита.

Общества или цивилизации сопоставимы, сравнимы между собой. На основе определенных критериев исследователь может определить, как далеко те или иные общества продвинулись вперед, насколько они отстали от наиболее высокого уровня, и на этой основе может сделать вывод о значении каждого отдельного общества или цивилизации.

В картине мировой истории Тойнби выделяет «задержанные общества», т.е. такие, которые столь «удачно адаптировались в своем окружении, что утратили потребность преобразовывать его по своему подобию. Равновесие сил здесь столь точно выверено, что вся энергия общества уходит на поддержание ранее достигнутого положения. Для движения вперед нет ни стимула, ни необходимого энергетического запаса».

Рассуждение Тойнби удивительно четко определяет историю арктических народов, у которых каждый конкретный человек участвует в преемственности поколений и традиционного религиозного сознания именно потому, что выступает в системном тождестве макромира и микромира. Преемственностью определяется специфика локальной цивилизации социальной солидарности арктических народов с миром. Личная история каждого человека – воспроизводство всей истории от начала (творения мира) до конца (личная смерть как уход к «Существам»), так как человек каждый момент своего бытия взаимосвязан с миром, обусловлен миром и обуславливает мир своим бытием. Время для человека в традиционном сознании не линейно, а циклично. Пространство и время связаны неразрывно и человек выступает необходимым и естественным элементом этой связи. Переосмысливая концепцию вызовов и критериев идентификации в применении к истории арктических народов, можно сделать выводы, что постоянным вызовом для них

являлась природа, а основными критериями идентификации длительное время являлась религия, которую А. Тойнби считал «цельной и едионаправленной» [9, с. 524].

По мнению К. Ясперса, суть истории представляет осевая эпоха, доминантой которой является рациональность. Недоверие к эмпирическому опыту и мифологическому мировоззрению доосевых культур явилось основой «недоверия» к культуре и картине мира, тем самым, представляя их неполноценными по отношению к осевой эпохе. Опыт мифологического эмоционально-образного мировоззрения был отброшен, а сами народы, обладающие подобным мировоззрением, должны были или уйти в прошлое или войти в магистральную осевую эпоху.

Наиболее полным и менее всего склонным к мистицизму является решение цивилизационной проблемы Н.Я. Данилевским, так как он предлагал новую позитивную модель «построения истории». В модели Данилевского история является не прогрессом некоторого общего разума или общей динамичной магистрали развития, а целостностью развития отдельных, замкнутых культурно-исторических типов, носителями которых являются исторически сложившиеся, т.е. естественные группы людей. Самобытность, своеобразие и специфику культурно-исторических типов Данилевский выводил из определяющих их природных и этнографических факторов. Естественнаучный подход с четкими детерминантами позволил подойти к натуралистическому решению проблемы развития конкретных сообществ, так как критерием развития являлось преуспевание в реализации и соединении черт, заложенных природой в человеческой натуре. Такая трактовка культурно-исторических типов дает возможность широкого выбора и равных возможностей разных культур, так как снимает противопоставление низших и высших, отсталых и передовых в контексте европейской рациональной системы оценок. Данилевский развил идею подчиненности исторического бытия тем же законам, которым подчиняется природа. Культурно-исторические типы равно самобытны в том смысле, что находят обоснование в особенностях своей духовной природы и внешних условий жизни, хотя не всегда реализуются с одинаковой полнотой. Культурный тип представляет самостоятельную и независимую от других культур общественно-историческую единицу, не имеющую общей шкалы ценностей с другими. Таким образом, исторический закон непередаваемости культурных начал и ценностей Данилевского отвергал идею единого «прямого» пути развития человечества. Однако Данилевский все-таки видит прогресс, который «...состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он бы скоро прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [11, с. 115].

В анализе автохтонных арктических социокультурных типов особо важна мысль Данилевского о том, что существует множественность цивилизаций, и каждая из них возникает, развивает свои собственные формы и ценности, являясь выражением бесконечного творческого гения человечества. Такой подход позволяет

нам осмыслить арктическую локальную цивилизацию как равноправную и самодостаточную в контексте общечеловеческой истории, цивилизацию, которая внесла свой уникальный вклад в развитие творческого потенциала человечества в тяжелейших, экстремальных условиях среды обитания.

Социум, к которому относятся автохтонные арктические народы¹, характеризуется «естественной общностью» и определяется стихийно сложившимися обычаями и присущими данной общности архетипами, т.е. основывается не на сконструированных, рациональных юридических нормах.

Цивилизацию автохтонных арктических народов мы можем определить как локальную арктическую цивилизацию, которая характеризуется преобладающей хозяйственной деятельностью, мироощущением солидарности с природой, основанным на устойчивой мифопоэтической традиции, которая направлена на сохранение системы «человек – мир».

Арктической цивилизации присущи черты «крестьянской (земледельческой)» цивилизации, которая возникает практически везде в мире после «неолитической революции». Такими чертами являются: ручной труд, минимальное потребление, простой быт, зависимость от природно-климатических условий и ритмов, естественно-демографическая регуляция. Идеологией арктической цивилизации являлся миф и религиозный синкретизм, в котором доминируют анимизм и аниматизм. Основной социальной ячейкой является большая семья. Эта цивилизация представляет собой «экологическое» сообщество в системе не анонимных и константных связей.

Арктическая цивилизация удивительно однородна, так как и в Евразии и в Америке мы встречаем сходные орудия труда, фольклорные сюжеты, восприятие естественной связи человека с природой, верования, организацию быта и т.д. А главное – сознание арктической цивилизации направлено на поддержание ее устойчивости во взаимосвязи с природой. Жизнь, хозяйственные циклы подчинены ритмам природы и закреплены настолько древними, сакрально оформленными, обычаями и традициями, что они представляются существующими вечно.

Феномен локальной арктической цивилизации еще раз показывает, что цивилизационный диалог возможен на основе степени их коммуникабельности². Однако сегодня достаточно ясно, что даже когда националистически ориентированные представители разных культур вступают в диалог с другими цивилизациями, то такое общение только взаимно обогащает друг друга. Феномен цивилизаций является по существу межнациональным и вненациональным [13, с. 101].

¹ В современной юридической и исторической литературе принято обозначение всех народов Севера, как «коренные малочисленные народы Севера». В работе используется это обозначение в характеристике современного состояния автохтонных арктических народов.

² Проблемы коммуникабельности цивилизации трактуются в контексте открытости или замкнутости цивилизационных систем. Наиболее полно эти проблемы изложены в трудах Н. Данилевского, О. Шпенглера, Ф. Конечного, С. Хантингтона и др.

Список литературы

1. Энгельс. Ф. Письмо «Энгельс — Карлу Каутскому в Вену. Лондон, 2 марта 1883 г.» / Ф.Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 35. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 376–378.
2. Ленин В.И. О продовольственном налоге / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 43. — М.: Издательство политической литературы, 1970. — С. 205-245.
3. Ленин В.И. Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 40. — М.: Издательство политической литературы, 1970. — С. 1-24.
4. Общественный строй у народов Северной Сибири (конец 17 – начало 20 вв.). — М.: Наука, 1970. — 454 с.
5. Суслов И.М. Шаманизм как тормоз социалистического строительства / И.М. Суслов // «Антирелигиозник». — 1932. — № 78. — С. 11-12.
6. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей / Л. Февр // Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — С. 242–247.
7. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concept and Definitions. — N. Y. 1952. — P. 291.
8. Тойнби А. Дж. Христианское понимание истории / А. Дж. Тойнби // Философия истории. — М.: Наука, 1994. — С. 228.
9. Тойнби А. Постигание истории / А. Дж. Тойнби // Постигание истории: Сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001. — С. 524.
10. Поспелова А.И. Традиционная культура и религия автохтонных арктических народов / А.И. Поспелова. — СПб.: НИИХСПбГУ, 2000. — 184 с.
11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. — СПб.: Наука, 1988.
12. Поспелова А.И. Люди арктической цивилизации / А.И. Поспелова, Е.М. Кокорев // Дальневосточный капитал. — 2008. — № 12. — С. 14.
13. Сорокин П.А. Социологические теории современности / П.А. Сорокин. — М.: ИНИОН, 1992. — 193 с.

Pospelova A.I. «Civilizathems» and «Formathems» of Arctic Folks Society // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. — 2014. — Vol. 27 (66). — № 3. — P. 377-386.

In the article the author deals with the concepts of formation and civilization. Viewed from the modern world view position exclusively as a philosopher, Karl Marx has very serious drawbacks: his outlook was restricted by the frames of this planet and the man in the context of the European model of society and culture within it. Marx supposes that the development of human nature is in the "second nature". The concept of solidarity formation developed by Lenin has caused the dichotomy "civilized" / "savage" and led to the loss of cultural identity of aboriginal population of Russia. Toynbee's concept of "civilization" is the basis of criticism of the "eurocentric" or "western-centered" scheme of historical process. His idea that the concept of an integral civilization is inherently false is especially urgent. From this point of view the Western society is proclaimed the unique civilization which possesses the unity and indivisibility and which has finally reached the goal of world domination after a long period of struggling. A thesis about unification of the world on the basis of the Western economic system as the only one possible logical result

of a continuous process of development of human history leads to a gross distortion of the facts and confinement of historical horizon. As a result, culture peculiarities are ignored, the diversity of the historical experience of the people and humanity as a whole is not taken into account, all the world's civilizations are merged into one and the history of this unique civilization is rectified in a line descending from modern Western civilization to the primitive Neolithic and Paleolithic societies. In the article indigenous Arctic peoples civilization is considered as the local Arctic civilization of solidarity with the world.

Key words: arctic folks, «civilizathems», «formathems».

РАЗДЕЛ IV

ЛОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 27 (66). 2014. № 3. С. 387–392.

УДК 16

ФОРМАЛИЗАЦИОННЫЙ МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Николко В.Н.

Выделяются две ситуации познания. В одной данные о предмете исследования хотя бы в некоторой части адекватны предмету, являются образами, копиями предмета или его сущности. В другой любые данные о предмете исследования не более, чем сигналы об исследуемой реальности, которые могут быть только знаками изучающей реальности. Ситуации являются источниками двух типов знания. Вторая ситуация определяется как «чистый» случай для формализационного метода.

Ключевые слова: *формализационный метод, данные о предмете познания, знак, образ, ситуации в познании, интерпретационные знания*

Цель: конституировать формализационный метод научного познания.

Новизна: вопрос о формализационном методе научного познания выносится на публичное обсуждение по существу дела.

Мы исходим из того, что сложная история исследования научного познания однозначно подводит нас к фундаментальному факту: существуют две самостоятельные, дополняющие, но несводимые друг к другу, ситуации познания, с соответствующими путями познания, методологиями и т.д. Пока в XIX-XX веках философы спорили о тождестве бытия и мышления, о возможности и необходимости воспроизведения в голове познающего тождественного по содержанию, но различного по форме, пока говорили о превосходстве какой диалектической логики над формализованными построениями, в недрах точного естествознания, математики и все той же формальной логики успешно заработал специфический и, как оказалось, незаменимый в некоторых условиях научный метод познания, который я называю формализационным. По существу, в гносеологии сложилась обстановка, похожая на организацию такой науки, как химия, где выделены более ста химических элементов, так что их описание и описание возможных соединений полностью исчерпывают содержание химии как науки. В гносеологии есть две основные ситуации научного познания, два типа знаний, два потока моделей, две методологии, две теории познания. Конечно, эти

ветви познания находится в одном гносеологическом отношении, в объектно-субъектном поле, но существует в категориальном строении процесса познания точка, в которой происходит раздвоение единого на два рукава, никогда далее не сливающиеся воедино и не переходящие друг в друга. Построим, для ясности, категориальный каркас научного познания и точно обозначим точку расхождения, «рукава» и этапы прохождения субъектом дорог познания вплоть до результативного конца. В научном познании фигурируют:

I.

1. Объект познания.
2. Предмет познания.
3. Информационный посредник.
4. Данные о предмете познания.

II.

5. Субъект познания.
6. Чувственные восприятия отдельных данных о предмете познания (чувственный опыт).

7. Теоретическая обработка чувственного опыта, воспроизведения данных в формах рационального знания, открытий, изобретений, предсказаний и т.д.

Отличие предложенной категориальной схемы общей части научного познания от подобных схем других авторов, пожалуй, состоит во введении отдельной строчкой категории «данных о предмете». Но именно в этой точке познания происходит разъединение единого на разное, выделяются две ситуации научного познания и исследователи расходятся по разным сторонам, чтобы получить, в конце концов, знания, но как это мы знаем сейчас, разного статуса. Скорее всего, категория «данные» охватывает тот материал познания, который другие авторы называют «фактами». Мы все помним, что «факты – упрямая вещь», основа познания и т.д. Данные, как и факты, принадлежат онтологии, они еще внешняя реальность, показания информационных посредников, но «вызваны» предметом и это вызванное воспринимаемо. Если предмет исследования обозначить x (неизвестным), то данные об x – его функции, т.е. $f(x)$, реализуемые в материале информационного посредника, но такие, которые уже чувственно (непосредственно) воспринимаемы.

Достижением существующей гносеологии является формулировка гносеологического отношения как субъект-объектного отношения, в котором познание ориентировано, с одной стороны, на субъект, коим выступает человек, группа людей, общество, а с другой, – на объект. Совершенно ясно, каким бы ни был по своей природе объект, данные о нем должны быть представлены в чувственной форме. Научного познания не будет, если это хоть однажды не состоится. Во всяком случае, чтобы процесс научного познания состоялся, нужны данные о нем в чувственной форме. Вот тут то все и начинается. Эти данные (или факты) могут быть двух типов. Необходимо признать, что есть такая реальность, некоторые данные о которой по отношению к ней как прототипу являются образами, «картинками», следами, – в общем случае адекватными отражениями. Это один, отдельный случай познания, или ситуация 1. В этом случае можно ставить

вопрос о познании как воспроизводстве предмета исследования таким, каким он есть, но в некоторой (скажем, – идеальной) форме, из материала сознания и, в конце концов, материала рационального, понятийного. Можно говорить о тождестве результатов познания и предмета познания по содержанию и различию по форме выражения, говорить о представлении сущности вещей в определениях о том, что существенное является, а явления существенны, и поэтому познание вещей самих по себе возможно до их существа. Вместе с тем, что сказано выше, есть такая реальность, являющаяся предметом познания, данные о которой могут быть онтологически, в силу природы и существующей необходимости только знаками предмета, но никак не его копиями. Это ситуация №2. При этом данные чувственно воспринимаемы и могут в таком виде выступать непосредственным знанием, но не самого предмета познания, а всего лишь результатов действия предмета познания на информационный посредник.

Здесь бессмысленно говорить о тождестве бытия и мышления, считать имеющееся знание сущностным, данные объявлять признаками предметов, из которых они состоят и т.д. Здесь иная структура познания, иные цели и качества результатов познания. Может быть кому-то покажется, что ситуация №2 не существует, что это искусственное построение и о нем нечего говорить в силу нереальности. Представляется, это не так – огромное количество эпизодов познания состоит в том, что предметы познания невидимы, неосязаемы, неслышимы и лишены запаха и вкуса. Правда, данные о них через информационные посредники или осязаемы, или видимы, слышимы, обоняемы, или со вкусом. За примерами далеко ходить не надо: общество, которое является предметом обществознания, именно такое, – если Вы выйдете и крикните «Общество, где ты?». Вы его никогда не увидите и в ответ Вам прозвучит тишина. Переход физики к освоению нанореальности – другой пример познания, в котором реализуется ситуация №2. Маньяк – преступник, после которого остаются горы трупов, но ни одного следа – неопознаваем в рамках ситуации №1.

То обстоятельство, что в науке сложился новый формализационный, как мы его назвали, метод познания, не могло остаться незамеченным в научном сообществе, без оговорок, замечаний и намеков и прочего. Основные идеи этого метода уже давно проникли в научное познание. Сегодня привычным стало понимать процесс познания как процесс кодирования реальности средствами формальных систем. Вряд ли кто будет возражать, что всякая приличная теория построена на собственном языке. Принимаемо утверждение Тарского о том, что если некая формула выполнима в некоторой предметной области, то она истинна. Или: формальная система становится теорией, если удастся построить ее интерпретацию. Правильно закодированное и есть истинное, в тексте науки столько, сколько в ней формул, формулы – знание высшего качества, открытие одной формулы может «стоять жизни» и т.д.

Формализационный метод познания носит универсальный характер в том смысле, что он может и имеет место в любом другом типе познания, но не в качестве главного, основного, определяющего, незаменимого. Однако, есть случаи познания, в которых формализационный метод оказывается определяющим,

единственным. Назовем эти случаи «чистыми» и будем отыскивать формализационный метод таким, каким он предстает в чистых случаях.

Опорой сложившегося способа познания служит формализация – отсюда и название – «формализационный». В самом общем случае формализация – это запись знаний в виде формул, коими обычно считают любое грамматически правильное непредложное или предложное выражение на естественном или искусственном языке, но с переменными, определенными в некоторой предметной области, подстановка элементов которой в выражение делает его истинным или ложным. Например, $x^2+y^2=z^2$, где x , y – длины катетов, а z – гипотенузы прямоугольного треугольника.

Формулы – квинтэссенция точного познания, концентрированное знание. Погоня за формулами привела к созданию огромных объемов формул – справочников, энциклопедий, таблиц, компактная упаковка которых привела к созданию шлифованных формальных систем, сложный формализованный способ изложения знаний, предполагающий:

- синтаксическую часть,
- формульную часть,
- семантику, интерпретационное моделирование, расчетные части, дедуктивные комплексы и т.д.

Сейчас по отношению к любой, выставляемой на обзор теории, естественно ставить вопрос выделенности в ней указанных выше частей. На основе формализованного способа организации знаний сложился формализационный способ производства знаний. Можно дать достаточно полное его описание.

Первичным материалом формализационного метода научного познания служит множество эмпирически получаемых показаний интерпретационных посредников, являющихся, обычно, графиками – следами самописцев на листках бумаги. Это, как правило, графы, то есть то, что в формализованных системах называют синтаксами – это еще не знаки, но рисунки на листах бумаги, которые могут стать знаками. Соответственно, первым этапом формализационного метода познания служит накопление данных в форме синтаксов.

Синтаксный материал доступен чувственному восприятию, его можно изучать средствами теории отражения, открывать связки и отношения фрагментов данного, создавать формульные конструкции, выделять выводные связи, описывать их и т.д. Процесс тщательного исследования синтаксно данного материала, являющегося в тоже время показаниями информационных посредников, заполняет второй этап формализационного познания.

Третьим шагом формализационного метода научного познания служит семантизация накопленного на 1 и 2 этапах материала данного, который, как мы отметили, носит на дистанциях 1 и 2 синтаксный характер. С этой целью мысленно строится из имеющегося у субъекта опытного материала картина предметной области так, как если бы она (предметная область) была видима, ощущаема сама по себе. Естественно, в этом случае, выделяются составные элементы, структурные сооружения, связки элементарных составляющих и т.д. Повторяю: из чувственных фрагментов опыта, имеющегося у субъекта, субъект строит мысленный аналог

предмета исследования. Одновременно создается гипотетическая картина выходов предметной реальности наружу и взаимодействия предмета познания и информационного посредника вплоть до его показаний. Выстроенная таким образом мысленная картина носит общее название интерпретации данных в материале предмета. Происходит превращение синтаксно данного материала о предмете исследования в знаковую реальность: показания посредников становятся «знанием» о предметной области, а не о синтаксной реальности в виде данных информационного посредника. Правда, это «знание» носит несколько иной характер, чем непосредственное знание предмета, являющиеся чувственными впечатлениями этого предмета. Ясно, что знание предмета посредством интерпретации по статусу несколько иное, его еще в полной мере следует исследовать, но это уже знание. Назовем такое знание интерпретационным. Напротив, знание, получаемое из источников ситуации 1, назовем адекватным.

Обычно интерпретационная картина предмета исследования шире данных, полученных с помощью информационных посредников в том смысле, что указывает на существование иных выходов предмета исследования наружу, т.е. в чувственно воспринимаемую среду. В этом случае возникает некоторый интерпретационный прирост знаний о предмете, который может быть обнаружен в ином посреднике. Если предсказание о действиях предмета в иных информационных средах подтверждается, совпадает с ожидаемым, статус интерпретации вырастает, а сама она становится интерпретационным знанием. Информационное знание, обычно, сливается с адекватным знанием, порождая некоторую неразбериху в дальнейшем.

Семантизация синтаксных показаний предметной области исследований в посреднической среде порождает не одну, а, как правило, несколько интерпретаций, так что процесс успешного освоения предмета исследования сопровождается постоянной «борьбой интерпретаций» в течение длительного времени, как это имело место в квантовой физике. Открытие в XX веке так называемого корпускулярно-волнового дуализма является ярким примером возможных коллизий формализационного пути познания. К сожалению, непосредственное восприятие квантовых объектов в том срезе, который нас интересует «физически невозможно», а показания информационных посредников носят противоречивый характер. Попытка построить из чувственного опыта модель квантового объекта самого по себе не приводят к желаемым результатам. Можно пойти по пути сложного усложнения предметной области, понимая под квантовым объектом часть микромира с его техническим выходом в макроплоскость. Описывается, исследуется в настоящее время в квантовой физике не микромир сам по себе, а макромир «вкуче» с макроскопическим куском – информационным посредником. И этого, вообще говоря, для технических целей достаточно. Во всяком случае, никаких мировоззренческих табу, рассуждать, как это сделано выше, нет. Мы лишены адекватного знания микромира, но нам доступно интерпретационное, а это уже много, во всяком случае, для технических целей.

Помимо онтологического интерпретирования синтаксных данных о предметной области получило распространение смысловое интерпретирование. При этом, смысл понимается в прямом толковании как использование, возможно как цена, прибыль,

функция. Существует огромная практика смыслового интерпретирования, развитая в промышленных масштабах. Природа вкуса и запаха вещей неизвестна, трудны и не определены даже подступы к ней. Мы не знаем онтологическую сущность вкуса и запаха. Но это не мешает винной и парфюмерной промышленности расширять коммерческие смыслы пахучих и вкусных вещей. Синтаксная данность без значений, но с коммерческим смыслом – реальность, и этого достаточно для многих случаев.

Существование разных по качеству типов знания, в нашем случае – адекватного и интерпретационного, порождает некоторые неудобства – в настоящее время эти виды знания в литературе существуют в «перемешанном виде». Нет точной идентификации наличного научного знания по разрядам адекватности или интерпретационности. Поэтому все мысленные построения на «смешанном знании» будут не более, чем интерпретационными. Идеал видения вещей в их сущности таковыми как они есть сами по себе, становится недостижимым. Нам придется смириться с этим обстоятельством или предпринять некоторые экстраординарные усилия.

Список литературы

1. Куайн У. ван О. С точки зрения логики / У. ван О. Куайн. – М. : «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010. – 272 с.
2. Гудмен Н. Способы создания миров / Н. Гудмен; [пер.с англ. Никифорова А.Л. и др.]. – М. : Прогресс, 2001. – 306 с.
3. Николко В.Н. Краткий курс философии / В.Н. Николко; изд. второе. – Симферополь, 2001. – 175 с.

Nikolko V.N. Formalizing Method for Scientific Cognition // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 387-392.

Two situations in cognition are distinguished. In one of them the data on the subject at least in some part of the subject is adequate as they are images, copies of the object or its essence. In other any information on the researched subject is not more than a set of signals of the studied reality that can only be studied as the signs of reality. Situations form two different sources for two types of knowledge. The second situation is defined as “pure” case for the formalizing method. Formalizing method of knowledge is universal in the sense that it can have and has a place in any other type of knowledge, but not as the main, irreplaceable. However, there are cases of knowledge, in which formalizing method is determining and single. Formalization is the ground for this method of cognition, that’s why it is named as “formalizing”. In the most general case formalization is a record of knowledge in the form of formulas, which usually are considered to be any grammatically correct propositional or non-propositional expression in natural or artificial language, but with the variables defined on a certain object set, the substitution of elements of which in this expression makes the last one to be true or false. The bisituational analyses of cognition makes it possible to detail the gnoseological nature of formalization.

Keywords: formalizing method, the data on the subject of knowledge, sign, image, situation in knowledge, interpretive knowledge

УДК 165.23

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУР

Титов А.В.

В работе исследуется возможность рассмотреть с единой позиции варианты развития логических исчислений как диалектический процесс, в котором разделению соответствует разработка вариантов логических исчислений как результат деления алгебраических структур, элементы которых служат значениями оценок формул логического исчисления.

При таком подходе в центре внимания оказывается отношение между формой логического исчисления типом структуры оценки, а так же отношением эквивалентности, определяющим меру на структуре оценки, взаимосвязь различных видов мер и структур оценки как внутри собственных классов, так и между классами поиск общей базы, обеспечивающей эту связь.

Ключевые слова: *диалектика, формальная логика, оценка, семантика, математическая структура, мера, алгебраическая структура.*

Объектом исследования является формальная логика в ее классической и неклассических формах. **Целью** работы является поиск того существенного, всеобщего в различных вариантах логических исчислений, что определяет их единство в этом разнообразии.

Мысль о зависимости характера формальной логики от семантики оценки прослеживается как в философских трудах, так и в работах ведущих математиков. В частности утверждается, что: «Принципы классической логики представлены в Set операциями на некотором множестве – двухэлементной булевой алгебре. Каждый топос имеет аналог этой алгебры, и поэтому можно сказать, что каждый топос определяет свое собственное логическое исчисление. Оказывается, что это исчисление может отличаться от классической логики, и вообще логические принципы, имеющие место в топосе, есть принципы интуиционистской логики». [1, с. 16]

«В центре нашего внимания будет попытка установить связь фактического, или семантического отношения следования... с чисто формальным отношением выводимости...» [2, с. 11]

Более того, проводится прямая параллель между языком формальной логики и языком теории структур и зависимость типа формальной логики от типа структуры:

«Аналогично, те исследования структур, которые относятся к так называемым «логикам», уже вышли за пределы своих исходных основ (анализа принципов рассуждений).

И из этой «вездесущности» вытекает не утверждение, что правильной логикой является интуиционистская, а скорее вывод, что так вообще нельзя ставить вопрос, как нельзя говорить о единственной правильной геометрии» [1, с. 11].

Подтверждение необходимости структурного единства логических форм находим и у Гегеля:

«Причина бессодержательности логических форм скорее только в способе их рассмотрения и трактовки. Так как они в качестве застывших определений лишены связи друг с другом и не удерживаются в органической связи друг с другом, и не удерживаются в органическом единстве то они мертвые формы и в них не обитает Дух, составляющий их живое конкретное. Но тем самым им не достает подлинного содержания (Inhalt) – материи, которая была бы самой в себе содержанием (Gehalt). Содержание, которого мы не находим в логических формах, есть не что иное как некоторая прочная основа и сращение (Konkretion) этих абстрактных определений, и обычно ищут для них такую субстанциальную сущность вне логики. Но сам логический разум есть то субстанциальное или реальное, которое удерживает в себе все абстрактные определения, и он есть их подлинное, абсолютно конкретное единство» [3, с. 37-38].

И поскольку сам логический разум и порождает абстрактные формы и удерживает их в единстве, то из этого следует и то, что логические исчисления не только образуют систему, но и имеют некую общую основу (стихию), обеспечивающую их единство.

РАЗВИТИЕ ФОРМАЛЬНЫХ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ

В развитии неклассических формальных логических систем доминируют подходы на основе принятия различных вариантов системы общезначимых формул или на основе принятия новой аксиоматики. Недостатки этих подходов приведены в [4, с. 382]. Поэтому в [4] и ряде других работ разрабатывается семантический подход к классификации формальных логических исчислений как результате взаимодействия различных моментов логического и это взаимодействие рассматривается как внутренняя связь между алгебраическими структурами, на которых принимают значения оценки «суждений», различных типов меры на этих структурах и связанных с ними отношений эквивалентности.

Диалектическая сторона влияния структуры значений оценки на характер истинности и, как следствие, на тип логического исчисления заключается в отображении учения об отношении таких форм бытия как качество, количество и мера на характер изменения значений истинности при эволюции структур значений оценки. Это находит свою иллюстрацию, в частности, на примере теоремы Лося о взаимоотношении утверждений нестандартного и классического анализа.

**КЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК АЛГЕБРА ФОРМУЛ
С ОЦЕНКОЙ НА БУЛЕВОЙ АЛГЕБРЕ**

Пусть h – гомоморфизм из алгебры Fm в подобную ей алгебру B , определим отношение \sim на алгебре Fm следующим образом: $a_1 \sim a_2 \Leftrightarrow h(a_1) = h(a_2)$, тогда по известной теореме отношение \sim есть конгруэнция, и Fm/\sim изоморфно B .

В традиционном исчислении высказываний истинность формулы $f \in Fm$ есть оценка $\varphi: Fm \rightarrow \mathbf{B}$, со значением в двухзначной булевой алгебре. При этом отображение φ гомоморфизм из алгебры Fm в алгебру \mathbf{B} . Определим на Fm отношение \sim . Пусть $a_1 \sim a_2 \Leftrightarrow \varphi(a_1) = \varphi(a_2)$ для любых $a_1 \in Fm, a_2 \in Fm$. Если принять, что значение истинности любой формулы зависит лишь от истинности подформул и $f = o(f_1, f_2, \dots, f_n)$, то $\varphi(f) = o(\varphi(f_1), \varphi(f_2), \dots, \varphi(f_n))$ и, следовательно, при $f_1 \sim h_1, f_2 \sim h_2, \dots, f_n \sim h_n, o(\varphi(f_1), \varphi(f_2), \dots, \varphi(f_n)) = o(\varphi(h_1), \varphi(h_2), \dots, \varphi(h_n))$, т.е. $o(f_1, f_2, \dots, f_n) \sim o(h_1, h_2, \dots, h_n)$ и \sim – конгруэнция на Fm .

Несложно показать, что оценка φ со значением, на булевой алгебре \mathbf{B} совпадает с естественным гомоморфизмом Fm на Fm/\sim . Из этого следует, в частности, что $f \wedge g \sim g \wedge f$. В общем, же из этого следует, что фактор алгебра Fm/\sim , есть булева алгебра изоморфная \mathbf{B} . Таким образом, структура, которая индуцируется оценкой на алгебре высказываний $\langle Fm, \wedge, \cup, \Rightarrow, -, \rangle$, определяется изоморфностью алгебр Fm/\sim и \mathbf{B} . Поскольку эквивалентность \sim конгруэнция, то существует гомоморфизм Fm на Fm/\sim . есть то исчисление высказываний, в которое преобразуется алгебра формул $\langle Fm, \wedge, \cup, \Rightarrow, -, \rangle$. И это преобразование обусловлено выбором алгебры, на которой принимает значение оценка.

Получаем: Принцип 1. Тип логического исчисления определяется типом алгебры, на которой принимает значение оценка формул.

В общем случае алгебра $\langle Fm, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$ формул языка нулевого порядка L_0 является свободной в классе R универсальных алгебр $\langle A, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$, в которых операции с одинаковыми индексами имеют одинаковую размерность. Множество V_0 всех пропозициональных переменных языка L_0 является системой свободных образующих в Fm .

Оценка языка L_0 есть отображение $v: Fm V_0 \rightarrow A$, где A алгебра подобная алгебре $\langle Fm, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$, как и в предыдущем случае, будем рассматривать лишь те случаи, когда отображение v есть гомоморфизм множества формул в алгебру, элементы, которой служат значениями оценки.

Но наличие такого гомоморфизма означает, что если известна структура алгебры A , на которой принимают значения оценки формул языка L_0 , то эта структура сохраняется и на алгебре формул языка $L_0 \langle Fm, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$.

В частности, если значения оценки лежат в булевой алгебре B , то и $\langle Fm, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$ – булева алгебра.

Можно сделать вывод, что традиционное восприятие истинности в формальной логике как значения из множества «истина» «ложь» формализуется наличием

«естественного гомоморфизма» гомоморфизмом $\varphi: F_m \rightarrow \mathbf{B}$, где \mathbf{B} двухзначная булева алгебра. Анализ содержания суждений на основе перехода к объему понятия обосновывает такое представление, т.к. алгебра подмножеств является булевой алгеброй. При этом в классической логике в семействе $P(\mathbf{K})$ всех подмножеств некоторого множества значений истинности могут принимать только значения $\mathbf{K}=1$ и $\emptyset=0$. Т.е. суждение истинно, если истинно для всех элементов из \mathbf{K} , т.е. объем понятия совпадает с \mathbf{K} . Т.о. отображение $\varphi: F_m \rightarrow P(\mathbf{K})$ сужается до отображения $\varphi: F_m \rightarrow \mathbf{B}$, поскольку все оценки, для которых $\varphi(F) \neq \mathbf{K}$, равны 0. Следовательно, определяется эквивалентность формул, при которой $F_1 \sim F_2$ если, либо $\varphi(F_1) = \varphi(F_2)$, либо $\varphi(F_1) \neq 1$, $\varphi(F_2) \neq 1$.

Переход от непосредственного представления о значениях истинности к рассмотрению оценки как элемента некоторой структуры, в рассматриваемом выше случае как элемента булевой алгебры подмножеств некоторого множества, позволяет обобщить этот переход и рассматривать оценки со значением на алгебраических структурах более общего вида как, например, в работе [4]. Такое рассмотрение позволяет раскрыть некоторые аспекты в природе формальной логики в форме многозначных и неклассических исчислений и вместе тем проследить диалектический аспект их порождения в зависимости от природы отношений на структуре оценки.

НАРУШЕНИЕ «ПРИНЦИПА» ОЦЕНКИ КАК ГОМОМОРФИЗМА

Нарушение введенного выше принципа в пропозициональной логике приводит к нежелательным результатам, например, в известном варианте многозначной пропозициональной логики в качестве значений истинности вместо двухэлементной булевой алгебры $\{0,1\}$ рассматриваются значения истинности из множества чисел $0 \leq x \leq 1$, на котором не сохраняется структура булевой алгебры. В результате при $\varphi A = 1/2$ имеем $\varphi(A \vee \neg A) = 1/2$, что плохо согласуется с интуицией.

Приведенные рассуждения позволяют высказать предположение о возможности построения вариантов пропозициональной логики как алгебр гомоморфных семантическим структурам.

ПЕРЕХОД ФОРМ МЕРЫ ИСТИННОСТИ НА ЗНАЧЕНИЯХ ОЦЕНКИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ

Развитию семантического подхода способствует то, что логическое исчисление может быть представлено как универсальная алгебра формул общего вида, законы которой определяются законами структуры, на которой принимает значение семантической оценки.

Непосредственное представление об истинности приводит к тому, что, суждение «А есть В» считается истинным лишь тогда, когда все а из А есть, т.е. в случае, когда в качестве значений оценки рассматривается система подмножеств $P(X)$ некоторого множества X, принимается возможным существование только двух мер истинности – 0 и 1, причем только X имеет меру 1. Кроме того, если X есть

бесконечное множество, то и разность X/N , где N – любое конечное множество, при таком задании меры имеет меру ноль.

Выход за пределы такого задания меры, представляется, носит естественный характер. Одним из способов задания меры истинности, при котором исключается описанный случай, но сохраняется как структура значений меры истинности (она по-прежнему имеет значения 0 и 1), так и система законов классического исчисления, является задание меры на системе подмножеств, принятый в нестандартном анализе. При этом мерой 1 обладают лишь те подмножества, которые считаются «большими», остальные принимаются за «малые» и имеют меру 0. В нестандартном анализе роль «больших» множеств отводится множествам, принадлежащим нетривиальному ультрафильтру – семейству F подмножеств некоторого непустого множества I , для которого:

$I \in F, \emptyset \notin F.$

$A, B \in F$ влечет $A \cap B \in F.$

$A \subseteq F$, и $A \subseteq B$ влечет $B \in F.$

F максимален, т.е. если $F \subseteq F_1$ и F_1 – фильтр (удовлетворяет условиям 1-3), то $F = F_1$

Тогда все дополнения к элементам ультрафильтра, в семейство которых входят все конечные множества, имеют меру 0.

Переход к типам логики с многозначным значением истинности возможен путем определения многозначной меры на структуре значений оценки, как это происходит, например, в случае вероятностной меры, что дает вероятностный вариант логического исчисления. Наконец, отрицанию может подвергнуться само положение о том, что любое подмножество может обладать мерой истинности, но – только подмножества, принадлежащие некоторой структуре, например, топологии.

КАТЕГОРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТИПОВ ЛОГИЧЕСКОГО ИСЧИСЛЕНИЯ

В описанном в [5] подходе рассматривались отображения алгебры формул на алгебру значений оценки, являющиеся гомоморфизмами. Обобщением этого подхода на случай алгебры оценок с дополнительной структурой может служить подход, основанный на использовании теоретико-категорного представления. При этом представлении подход, основанный на семантическом анализе типов, логическое исчисление моделируется функторами, сохраняющими дополнительную категорную структуру, из категории, соответствующей данной формальной теории в категорную структуру, на которой принимают значения оценки, *в случае обобщения структур, являющихся решетками это скелетная категория порядка с произведением и копроизведением.*

В частности, такой подход используется в нестандартном анализе, которой «есть алгебро-логический метод, основанный на рассмотрении оценок и в основном применяемый для изучения объектов, представимых в виде глобальных элементов некоторого пучка.» [см. 6].

В работе [7] уже рассматривался категорный подход к описанию задач квалиметрии и было показано, что язык теории категорий, в частности использование понятия подобъекта и классификатора подобъектов позволяет сформировать базис для фундаментального обоснования теории нечетких множеств и тем самым ввести качественные характеристики объектов оценки в область формального описания.

Модели, которые рассматриваются классической теорией, являются функторами из категории, соответствующей некоторой теории в категорию всех множеств. Рассматривая вместо последней какую-либо другую категорию, обладающую определенной структурой, получим неклассическую теорию. Тип полученной теории будет индуцироваться заданной категорией и ограничениями, наложенными на функтор (его задаваемыми свойствами).

При таком подходе «логики» как вид исследования структур представляют собой семейство функторов из категорий, соответствующих формальным теориям в категории структур, на которых принимает значение оценка. Иными словами в категорном подходе *оценка есть функтор, сохраняющий дополнительную структуру*. При таком подходе вид минимальной логики «образующей» будет определяться типом функтора и, следовательно, минимальные логики будут представлять собой семейство, определяемое семейством баз, предбаз, образующих и т.д. структур значений оценки. Нельзя исключать и того, что сюда войдут функторы как гладкие отображения многообразий, поскольку в обиход уже введен термин «локальная истинность», в частности в [1, с. 393] рассматривается язык PL, в который включена новая связка ∇ и если α формула этого языка, то формула $\nabla\alpha$ читается «локально имеет место, что α ».

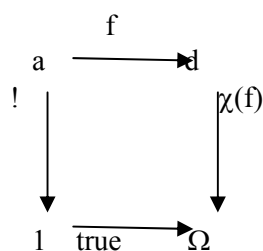
В категории \mathbf{K} подобъекты определяются как семейство вида $\text{Sub}(d) = \{[f] \mid f \text{ стрелка и } \text{cod}(f)=d\}$. Классификатором подобъектов называют \mathbf{K} -объект Ω вместе со стрелкой $\text{true}: 1 \rightarrow \Omega$, для которой диаграмма

$$\begin{array}{ccc}
 a & \xrightarrow{f} & d \\
 ! \downarrow & & \downarrow \chi(f) \\
 1 & \xrightarrow{\text{true}} & \Omega
 \end{array}$$

декартов квадрат .

Для Ω , также можно рассматривать семейство $\text{Sub } \Omega$. Рассматривая Ω как структуру, на которой принимает значение оценки, получаем инструмент для семантического анализа типа логического исчисления.

Ω -аксиома, в частности гласит, что для каждой монострелки $f: a \rightarrow d$ существует одно и только одна стрелка $\chi(f)$, для которой диаграмма



декартов квадрат .

Следствием Ω -аксиомы является утверждение, что категории, обладающей классификатором подобъектов $\text{Sub}(d) \cong \mathbf{K}(d, \Omega)$. В частности, в качестве \mathbf{K} можно взять категорию, соответствующую формальной теории (в частности алгебру формул логического исчисления), в качестве Ω – структуру, на которой принимает значение оценка. В [1, с. 96] доказано, что утверждение о том, что топос \mathbf{K} булев, эквивалентно утверждению о том, что $\text{Sub } \Omega$ – булева алгебра. Этим определяются и ограничения на свойства функции $\chi(f)$ – она должна сохранять структуру. В частности подтверждается предположение о том, что структура оценки для булевой алгебры формул должна быть булевой алгеброй, что не всегда учитывается в многозначных логиках.

Приведенная выше теорема означает так же, что если $\mathbf{H}=(\mathbf{H}, \subseteq)$ – псевдобулева алгебра формул, то $\text{Sub } \Omega$ не может быть алгеброй, отличной от булевой.

Список литературы

1. Голдблатт Р. Топосы. Категорный анализ логики / Р. Голдблатт. – М. : Мир, 1983. – 468 с.
2. Линдон Р. Заметки по логике / Р. Линдон. – М. : «Мир», 1968. – 127 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : «Наука», 1997. – 799 с.
4. Титов А.В. Диалектика в развитии типов логических исчислений на основе структур значений оценки / А.В. Титов // Доказательство, очевидность, достоверность и убедительность в математике. Труды московского семинара по философии математики. – М. : Книжный дом «Либроком», 2014. – 432 с.
5. Титов А.В. Семантический анализ логических исчислений / А.В. Титов // Материалы Второй международной научной конференции «Философия математики актуальные проблемы». – М. : МГУ, 2009. – С. 140-144.
6. Любецкий В.А. Некоторые применения теории топосов к изучению алгебраических систем / В.А. Любецкий // П.Т. Джонсон. Теория топосов.– М. : «Наука», 1986.– С. 376-430.
7. Субетто А.И., Титов А.В. Категорный подход к описанию задач квалиметрии / А.И. Субетто, А.В. Титов // Труды седьмого симпозиума «Квалиметрия человека и образования: методология и практика». – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1998. – С. 26-36.

Titov A.V. Formal Logic and Research of Structures // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 393-400.

It is investigated the possibility to consider a single position options for the development of logical calculi as a dialectical process in which the separation corresponds to develop options for the logical calculus as a result of the division of algebraic structures with the elements that are the values of the count formulas for logical calculus.

At this approach the relation between a form of logical calculation by type of structure of an assessment, and also the equivalence relation determining a measure on structure of an assessment, interrelation of different types of measures and structures of an assessment as in own classes, and a boundary by classes search of the general base providing this communication comes under the spotlight.

The idea on dependence of nature of formal logic on semantics of an assessment is traced both in philosophical works, and in works of the leading mathematicians.

Classification of formal logical calculations is considered to be a result of interaction of various moments logical and this interaction is considered to be the internal communication between algebraic structures on which accepted values of an assessment of "judgments", various types of a measure on these structures and connected remove the equivalence relations.

The principle according to which the assessment is the morphism keeping structure which consequence situation that the type of logical calculation is defined by type of algebra on which accepts value an assessment of formulas is the cornerstone of the offered approach.

Possibility of generalization into the language of the theory of categories at which using the assessment is the functor that keeps additional structure is considered.

Keywords: dialectics, formal logic, assessment, semantics, mathematical structure, measure algebraic structure.

УДК 168:303:36

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ (ОЧЕРК МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Жалдак Н.Н.

Категории «социальные силы», «потребности субъекта», «интересы», «общественные отношения» и другие категории объяснения человеческой деятельности с тем содержанием, которое частично раскрывается в данной статье, а также в других работах автора, имеют методологическое значение для исследования влияния информационных конфликтов на воспроизводство социальных сил сторон конфликтов. Духовные, т.е. управляющие, силы меньше, чем управляемые. Поэтому деструктивное действие изображениями и в особенности словами в информационном конфликте «выгоднее», чем прямое нанесение материального ущерба. Такие действия могут быть направлены на духовные силы, которыми выражаются потребности, и на все силы, которые составляют содержание потребностей. Интерес субъекта состоит в том, чтобы в данных объективных условиях, согласно своей информированности, каждый нужный результат достичь минимальной затратой, а данной производимой затратой достичь максимальных результатов. Это значит, что информационным воздействием можно менять действующий интерес субъекта и управлять его деятельностью.

Ключевые слова: *информационный конфликт, социальные силы, потребности, интересы, методология социального исследования.*

Объект исследования – информационные конфликты. **Цель** исследования – показать методологическую значимость категорий объяснения человеческой деятельности для исследования соотношения информационных конфликтов и воспроизводства социальных сил конфликтующих субъектов.

Когда информационные конфликты приобретают масштабы и значение информационной войны, для определения этой войны и других видов таких конфликтов необходимо конкретизированное знание об информационных конфликтах вообще. В связи с этим встает методологический вопрос о методе конкретизации этого знания. В качестве такого философского метода автор предлагает использовать познавательную логику, которая представляет собой систему логических форм вопросов и ответов на конкретизацию знания о любом объекте [см. 1] и в первом приближении построена автором аналогично системе категорий «Науки логики» Гегеля [см. 2]. В этот метод, в первую очередь входят

категории объяснения человеческой деятельности с тем их пониманием, которое изложено в работах автора [см.: 1, с. 76-85; 3, с. 30-180; 4, с. 16-19; 5, с. 53-86]. Разумеется, в рамках этой небольшой статьи ее тема может быть раскрыта лишь фрагментарно и только как пример для стимуляции дальнейшей исследовательской мысли.

Ответ на обязательный вопрос о существовании информационного конфликта на реальность его как объекта исследования должен быть дан его определением.

Конфликт – это взаимное уничтожение его сторонами социальных сил друг друга. Информационный конфликт – это уничтожение сил друг друга в сфере производства, распределения, обмена и потребления, в сфере, в которой осуществляется передача, получение, накопление и использование информации. Имеется в виду, как непосредственное уничтожение духовных сил, так и через его посредство уничтожение материальных сил. Как и всякое действие, информационный конфликт субъект осуществляет путем затраты на это части своих сил, если они есть и если противная сторона ущемляет интересы субъекта. Если один уничтожает силы другого, а другой не отвечает тем же, то конфликта нет, хотя со стороны первого есть конфликтогенное действие.

Существенный пункт данного в предшествующем абзаце определения – возможность опосредствованного уничтожения материальных сил. В конечном счете, основание конфликтности в обществе – соотношение материальных сил.

То, насколько значимым, действенным вообще бывает информационный конфликт, определяется строением социальных сил и соотношением в них духовной и материальной составляющих. Для выяснения этого требуется определение социальных сил.

Сила – это энергия, способная совершать работу, способная производить изменения в среде. Сила измеряется по ее проявлению. Социальная сила – это сила природы, направленная на осуществление целей человека. (Что в деятельности человека сообразно его сознательно поставленным целям, то социально.) Человек как субъект социальной деятельности есть самоуправляемая социальная система, которая включает не только биологическое тело человека, но и его внешние средства деятельности, состоящие обычно из предметов деятельности и средств воздействия на эти предметы. Уже поэтому социальные силы субъекта (человека или самоуправляемой общности) представляют собой сложную систему. Эта система тем более сложна, что в мозгу человека для непосредственного управления материальной деятельностью имеется соответствующая действительности чувственно-образная (первосигнальная) модель, а над ней для управления последней надстроена, соответствующая ей и действительности символическая, словесная (второсигнальная) модель.

Соответственно, действительная социальная сила есть соединение в нужном месте и времени в нужной последовательности, в нужном качестве и количестве всех семи следующих сил: 1) заключенных в предметах деятельности, 2) заключенных во внешних средствах изменения предметов, 3) физических, заключенных в биологических телах людей, 4) способности образно представлять деятельность, ее условия, средства и результаты, 5) способности желать эту

деятельность в этих условиях, желать применение этих средств и достижение этого результата, 6) способности словесно, символически мыслить об этой деятельности с этими средствами и результатами, способность символически моделировать деятельность, 7) силы (способности) словесно, символически мыслить о желанности этой деятельности с применением данных средств и результатов, способность словесно символически мыслить, выражать желанность (здесь 1-3 – материальные силы, 4 и 5 – силы для чувственно-образного моделирования, 6 и 7 – силы для словесного, символического моделирования). Сила 7 составляет волю субъекта, благодаря которой он может управлять своими естественными желаниями.

(Предложенный примерный, рабочий перечень наименований сил может уточняться и дополняться в связи с уточнением и дополнением категорий, в которых социальные силы осмысливаются, но и в таком виде этот перечень позволяет делать практически значимые выводы.)

Всего сочетаний наличия или отсутствия компонент, совпадение которых составляет действительную социальную силу – 27. Из них 27 минус 2 – это неполные сочетания потенциальных сил.

Из полных сочетаний одно соответствует действительным силам, остальные сочетания включают в себя потенциальные силы, которые частично составляют резервы, а частично теряются. Материальные носители социальных сил могут называться факторами или условиями деятельности.

В приведенном перечне силы выстроены таким образом, что каждая предшествующая – это определяющая, но управляемая сила по отношению к последующей, а последующая – это управляющая, но определяемая по отношению к предшествующей. Управляющая сила осуществляет выбор из того множества возможностей, пределы которому задаются управляемой, но определяющей силой. Конечные управляемые силы – это силы, заключенные в предметах природы. Они – первоисточник потенциальных и действительных человеческих сил, ими определяется всё, что может сделать любой субъект.

Информационный конфликт осуществляется в сфере воспроизводства духовных сил, т.е. воздействует на духовные управляющие силы. Для того, чтобы ответить на вопрос о том, насколько информационное конфликтное взаимодействие «эффективнее», выгоднее, чем взаимное нанесение энергетического или вещественного ущерба, надо учитывать, что в самоуправляемой системе управляющая сила управляющей подсистемы, как правило, больше, чем управляемая сила управляемой подсистемы. Осуществление информационного воздействия изображениями, а тем более словами, значительно экономичнее, чем собственно вещественно-энергетическое воздействие. При равном влиянии на материальные силы, воздействие на более высокий уровень духовных сил, как правило, более выгодно, менее затратно, чем воздействие на низший, управляемый уровень.

Каждой из сил субъекта соответствует его потребность получить такую силу в случае отсутствия. Потребности субъекта (П) – это осознанное переживание такого недостатка сил для последующего существования, который необходимо восполнить затратой имеющихся сил (С).



Таким образом, в информационном конфликте могут, как уничтожаться уже имеющиеся у субъекта духовные силы, так и ущемляться потребности в удовлетворении соответствующих потребностей. Могут уничтожать носители полезной информации, например, памятники, а могут затруднять доступ к полезной информации, например, о новых технологиях. Могут поддерживать сохранение имеющихся вредных сил, например, суеверий, а могут распространять носители вредной лживой информации для ее передачи субъекту.

Над воспроизводством сил для чувственно-образного моделирования (4, 5) работают художники, скульпторы, музыканты, и в их деятельности главное есть то, какие образы вещей и действий делаются желанными для их слушателей и зрителей.

Над воспроизводством сил для словесного символического моделирования работают литераторы (6, 7), и главный результат их работы есть то, какими словами и к чему будут выражать свои желания читатели или слушатели.

Слово должно быть не пустым, а значащим, поэтому слово объединяется с образом в театре. Образ без слова будет, если не бессмысленным, то все же недоосмысленным, непонятым, недостаточно влияющим на духовные силы человека, и ведущий музыкального концерта ищет наилучшие слова, рассказывая, о чем эта музыка. Действие, которое по его вредности должно было быть конфликтогенным и породить конфликт, в области воспроизводства духовных сил может действовать подобно наркотику. Например, музыка, которая приятна для ее слушателя может сопровождать блатной текст и утверждать приемлемость или желанность антиобщественных форм поведения.

Соответственно тому, какие недостающие силы включаются в содержание потребностей, а именно по тому, для кого полезны или вредны эти силы, множество всех потребностей людей делится на $2n$ подлежащих рассмотрению подмножеств, где n – количество социальных систем, с которыми связана жизнедеятельность субъекта, включая и его самого. Например, в идеальном случае потребность может быть полезной для общества, для государства и для индивида, а в прочих случаях в разных сочетаниях бесполезна для кого-то из них. Это относится и к духовным силам и потребностям, притом что те духовные силы (5, 7), которые управляют деятельностью субъекта, проявляются в выражении его потребностей. Вместо прямого уничтожения тех сил и потребностей субъекта, которые полезны для него, информационным воздействием может осуществляться намеренное формирование у субъекта вредных для него потребностей, которыми будут вытесняться или принижаться полезные. Если же субъект становится носителем вредной для него потребности, то ее удовлетворение равнозначно уничтожению его полезных сил, но конфликтогенном для него такое уничтожение его сил не является. Существенно то, что, Если субъект сохраняет и удовлетворением потребностей поддерживает у себя силы вредные для социальной системы, в которую входит, то это –

конфликтогенное поведение для такой системы. Последняя может быть вынуждена реагировать, тем самым получая внутренний конфликт и уничтожение в нем некоторых собственных сил. Соответственно формирование средствами информации у людей вредных потребностей и духовных сил есть удобный способ разрушать те социальные системы, в которые эти люди входят.

Подходящим условием такого информационного уничтожения сил социальной системы может быть то, что для облегчения управляемости сама система может не формировать у своих членов-исполнителей способности осознавать, рассчитывать свои личные и свои общие интересы, понимать значение объединения как источника общественного прироста социальных сил.

Абстрактное утверждение «в единстве сила» может оказаться недейственным без наполнения его конкретным знанием об источниках этой силы.

Главный источник социальных сил – это кооперация, в которой кооперирующиеся берут друг от друга такие силы, каких у них вне кооперации нет, и устраняют несовпадение разных видов своих потенциальных сил за счет взаимного дополнения неполных комбинаций. Таким путем субъекты сверх арифметической суммы тех своих действительных сил, которые они имеют независимо от кооперации, получают общественный прирост социальных сил.

Соответственно средствами информации в сознание членов разрушаемых социальных систем могут внедряться идеи «освобождения от зависимости». Поддаваясь на призывы к свободе жертвы обмана лишаются того прироста сил, за счет которого жили и имели реальную свободу выбора. Для облегчения разрыва одних отношений часто предлагаются другие. Притом это могут быть отношения, в которых субъект не получает ожидаемое, но разрыв которых может нанести больший ущерб, чем их сохранение и др.

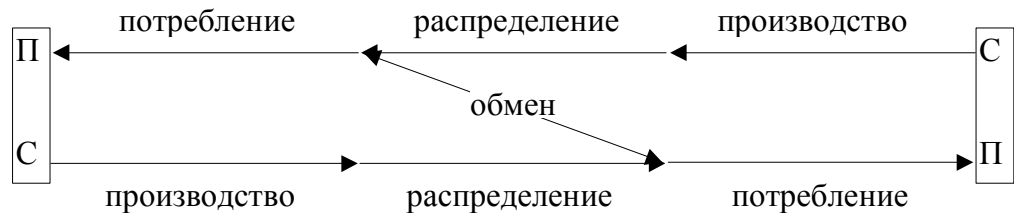
Для объяснения деятельности вообще и информационных конфликтов, важна категория «интерес». Дело не только в том, что может субъект, какие у него силы, и чего хочет субъект, какие у него потребности. Важно то, удовлетворение каких конкретных потребностей из всего их множества и какими конкретно из имеющихся у него потенциальных сил, он будет удовлетворять в данных объективных условиях, т.е. будучи в некотором положении.

Интерес субъекта состоит в том, чтобы в данных объективных условиях, согласно собственной информированности и оценкам, каждый нужный результат достичь минимальной затратой ресурсов, сил а данной производимой затратой достичь максимальных результатов, удовлетворенных потребностей.

Для оценки значимости информационных воздействий значимо именно то, что субъект соизмеряет свои результаты и затраты не в действительности, а в своей духовной сфере, т.е. степенью собственной удовлетворенности или неудовлетворенности, в своих чувствах и в своих мыслях. При этом субъект обречен на неполноту и на некоторую искаженность знания об объективных условиях своей деятельности и о том, каким возможностями он располагает. Такое соизмерение происходит не только в сознании, но и в подсознании. Большей частью мозг перерабатывает информацию, не выводя этот процесс в сознание. К тому же информация может загружаться в мозг, минуя сознание, и может действовать,

будучи неосознаваемой. Таким образом, информационные воздействия могут существенно влиять на мотивацию деятельности, на действующие интересы субъекта, побуждать тратить силы на достижение иллюзорных результатов и др. Кроме того, для достижения эффекта в информационном конфликте могут использоваться неинформационные воздействия на мозг, но именно с непосредственной целью изменить его способности к получению, хранению и переработке информации.

В информационном конфликте может обыгрываться конфликтогенность самого устройства общественного отношения:



Эта схема обмена деятельностью в общественном отношении двух сторон, двух субъектов, делает явным, что их интересы находятся в обратной зависимости: $I = П/С$; $С/П = 1/I$. Хотя субъекты вступают в отношения ради получения общественного прироста воспроизводимых ими социальных сил, но чем большая доля приобретаемого общественного прироста социальных сил достается одному, тем меньшая – другому. Тем не менее, их действующий общий интерес состоит в том, что каждый из них, согласно его субъективной оценке, получает и потребляет именно в этом отношении больше, чем мог бы это делать с любым другим потенциальным партнером. Эта оценка опять-таки может быть ложной и стороны информационного конфликтного взаимодействия могут этим пользоваться. Они могут побуждать к разрыву реально выгодных и к установлению реально невыгодных для другой стороны отношений.

Один субъект, объединяясь с другим, может желать те силы другого, которые тот и сам для себя мог бы использовать. В таком случае он пойдет на уничтожение или на прекращение действия каких-то иных сил другого, которые нужны для этого использования. Например, одна сторона может сократить информационные, интеллектуальные ресурсы, образование и промышленность другой, чтобы пользоваться ее природными ресурсами. При этом для первой выгодно использовать и тот ресурс возможностей загрязнения природной среды, которым располагает другая. Если превратить территорию другой в свалку, это будет надежно мешать самостоятельному использованию другой стороной собственных природных ресурсов.

Следует учитывать, что конфликтные, антагонистические и недружественные отношения различаются по разным основаниям. Информационно конфликтовать можно и по-дружески, стремясь уничтожить у другого вредные ему же силы и потребности. Но с другой стороны, и вражда может выдаваться за такую дружбу.

Социальная сила системы зависит не только от объема ее материальных ресурсов, но и от умения эффективно использовать их, а главной, хотя и

определяемой ими, является духовная сила, которую надо уметь сохранить и увеличить в условиях неизбежных информационных конфликтов.

Выводы: категории объяснения человеческой деятельности такие, как «социальные силы», «потребности субъекта», «интересы», «общественные отношения» и другие, с тем их содержанием, которое частично раскрывается в данной статье и в соответствующих работах автора, методологически значимы для исследования соотношения информационных конфликтов и воспроизводства социальных сил конфликтующих субъектов.

Список литературы

1. Жалдак Н.Н. Познавательная логика вопросов и ответов : [монография] / Н.Н. Жалдак. – Белгород : ЛитКараВан, 2010. – 104 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : «Наука», 1997. – 799 с.
3. Жалдак Н.Н. Социальные силы (от марксистского к кибернетическому пониманию) : Очерк практической философии : монография / Изд-е 2-е, испр. и доп. / Н.Н. Жалдак. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 268 с.
4. Жалдак Н.Н. Изобразительный логико-семантический анализ категорий детерминизма в философии экономики / Н.Н. Жалдак // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 4. – С. 16-19.
5. Жалдак Н.Н. Практическая философия: учебное пособие / Изд. 4-е испр. и доп. / Н.Н. Жалдак. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 96 с.

Zhaldak N.N. Informational Conflicts and Social Forces (Essay of Research Methodology) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 401-407.

Categories "social forces", "needs of the subject", "interests", "social relations" and other categories of explanation of human activity with the content, which is partially is disclosed in this paper and also in other works of the author, have methodological significance for the investigation of influence of the informational conflicts on the reproduction of the social forces of participants of conflicts. Spiritual, ie controlling, forces is less than which are controlled. Therefore, the destructive actions of images, and especially of words in the informational conflict are "more profitable" than causing of direct material damage. Such action may be directed to the spiritual forces that express the needs and to all forces that make up the content of needs. Interest of the subject is in objective conditions in according to his knowledge each desired result to achieve by minimum costs and by given costs to achieve maximum results. This means that information impact can change acting interest of the subject and to manage his activities.

Key words: information conflicts, social forces, needs, interests, methodology of social research

УДК: 167

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ И ПРОЦЕССОВ С ПОМОЩЬЮ СРЕДСТВ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГИКИ

Шатира О.А.

В статье представлены два пути построения модели социальных процессов и ситуаций с помощью инструментария современной логики. Первый – формально-логический путь – предполагает компиляцию теоретико-игровой семантики Я. Хинтикки с четырехзначной логикой Данна-Белнапа и синтаксисом интенциональной логики Монтегю. В результате такого объединения модель оказывается максимально приближенной к реальным ситуациям благодаря добавлению двух вариантов исхода игры: негативной ничьей (соответствует истинностному провалу у Данна-Белнапа) и консенсуса (соответствует пресыщенной оценке). Второй путь построения модели социального процесса – неформальный. Он базируется на аргументативном анализе ситуации и составлении ее карты. В результате рассмотрения обоих вариантов логического моделирования в статье представлены два алгоритма построения моделей, использование которых позволит не только анализировать развитие социального процесса в прошлом, но и давать его прогнозы и даже рекомендации по управлению ситуацией.

Ключевые слова: логическая модель, теоретико-игровая семантика, четырехзначная логика, аргументативная стратегия.

Сегодня принято говорить о тенденциях гуманизации и гуманитаризации современной науки, которые, несомненно, должны привести и к гуманизации общества. Однако, мировые (в том числе и политические) процессы доказывают, что это скорее ориентир, нежели реалии. С другой стороны, принципиальную значимость приобретают междисциплинарные исследования, по тематике своей вращающиеся вокруг вопросов социального характера. Поэтому кажется более точным говорить о смещении исследовательских интересов современного научного сообщества в сторону социальной тематики. Проблемы самоидентификации, национального и массового сознания, механизмы управления общественным мнением – все это требует немедленного решения не только в силу своего теоретического значения, но и как практическая необходимость решения острых общественных, политических и других конфликтов.

Возникает вопрос: где в этих исследованиях место для логики? Сегодня большая часть междисциплинарной проблематики остается спорной территорией: риторику взяли в свои руки филологи и актеры; теорию аргументации (особенно тему приемов влияния в аргументации) считают «своей» психологи; построением любых числовых, математических и табличных иллюстраций занимаются социологи; более того, возникает масса новых, молодых дисциплин, посвященных частным ситуациям социальной коммуникации (например, конфликтология и т.д.). Однако, не смотря на такую борьбу за раздел территории, «воз и ныне там».

Проблема заключается в том, что в большинстве случаев при изучении острых социальных вопросов ученые стараются максимально ограничить объект исследования, сводя свою работу к изучению конкретной локальной ситуации или процесса; того, что мы обычно называем «частный случай». При этом на данный момент еще нельзя говорить о полноценных, разработанных методологических основаниях таких исследований. Особенно явно нехватка методологического базиса ощущается, когда речь заходит об относительно молодых проблемах – таких, как формирование социального и информационного полей в Интернет-пространстве, особенности самоидентификации индивидов в следствие погружения в социальные сети или развитие мозаичного мышления молодежи как результат усовершенствования и распространения мультимедийных технологий. Безусловно, мы не можем отказываться от традиционных философских методов осмысления всех этих вопросов; однако, они должны быть определенным образом уточнены и дополнены соответственно трансформации самой проблематики.

Одним из самых эффективных методов исследования во многих дисциплинах по праву считается метод логического моделирования; не менее полезен он будет и при изучении социальных процессов. Именно логическая модель может не только дать ответы о причинно-следственных связях, лежащих в основе событий, но и построить достаточно достоверный прогноз дальнейшего развития ситуации, а также сформулировать определенные рекомендации по управлению этой ситуацией. Такие прогнозы и рекомендации сегодня принято называть сценариями будущего. То есть мы можем с уверенностью утверждать, что метод логического моделирования является предельно эффективным при исследовании той или иной проблемы с точки зрения ее практического разрешения.

Увы, сегодня не сформулировано еще общепризнанное определение понятия логической модели. Различные дисциплины приписывают ей самые разнообразные значения, от математической подстановки статистических данных до создания материальных объектов со сложной структурой. В принципе, такой разброс в понимании вообще характерен для терминов, используемых в большом количестве разнородных дисциплин и имеющих дополнительные бытовые значения. Не вдаваясь в сравнительный анализ всего разнообразия определений моделей, коротко уточним, о чем будем говорить далее в статье.

Крайне удачное на мой взгляд определение логической модели дает В.В. Беляев: «логическая модель – это финитное представление отношений между объектами на заданном пространстве» [1, с. 3]. Таким образом, мы будем говорить о модели как о специально создаваемом мета-объекте, воспроизводящем ключевые

отношения между объектами изучаемой проблемы (в нашем случае – социальной ситуации). Мы будем называть модель логической в том и только том случае, если речь будет идти о мета-объекте, сконструированном с помощью логического (формального или неформального) инструментария. Так, например, логической моделью можно будет называть любой из языков логики – для определенного типа высказываний или рассуждений, или аргументационную модель, разработанную в рамках любой из современных неформальных логик.

Безусловно, все вышеперечисленные дисциплины так же склонны к определенному рода моделированию. Психологи, социологи, политологи и PR-менеджеры строят многочисленные модели разнообразных социальных ситуаций. В чем же прерогатива логики? В.В. Беляев пишет: «Главное отличие ситуационных моделей от теоретических – это наличие стадии проведения ситуации абстрагирования и/или семантической интерпретации. ... Главный недостаток ситуационных моделей связан с тем, что знание, которое мы получим на выходе, будет носить только вероятностный характер» [1, с. 4]. Таким образом, нашей задачей будет построить не ситуационную, а теоретическую логическую модель, могущую служить прочным методологическим основанием для исследования самых разнообразных социальных процессов.

Основные задачи модели, построенной с помощью логического инструментария – интерпретация процессов, имевших место в прошлом или происходящих в настоящем, а также прогнозирование дальнейшего развития событий. В зависимости от того, как именно будет построена модель, акцент в ней будет на одной из этих функций.

На сегодняшний день мне представляются два возможных пути построения логической модели социальной коммуникации. Первый вариант – это построение собственно формально-логической модели, в качестве которой должен выступать некоторый логический язык с соответствующей семантикой, синтаксисом и прагматикой. Это – классический путь для логиков. В принципе, здесь даже не нужно выдумывать никакой новой логики социальных коммуникаций или чего-то в этом роде: достаточно выбрать среди уже существующего логического инструментария то, что максимально точно сможет описать коммуникативную ситуацию.

Если говорить о выборе семантики для такого логического языка, то тут, бесспорно, имеет смысл обратиться к теоретико-игровой семантике Я. Хинтикки. Тогда мы будем представлять социальную коммуникацию в виде игры, субъектами которой будут индивид с одной стороны (Элоиза) и социальная реальность (общество, толпа, масса) – с другой (Абеляр) [см. 2]. Интересно то, что нам даже не нужно адаптировать эту семантику под игру между двумя сознательными индивидами, как это было бы в случае моделирования межличностной коммуникации [см. 3]: человеческая масса, с точки зрения известного психолога и теоретика толпы С. Московичи, подчиняется скорее природным, нежели общественным и человеческим законам [см. 4]; нами так же она может быть рассмотрена аналогично Хинтиковской природе. Тогда, истинностные оценки мы будем соотносить с выигрышем в игре между индивидом и массой.

При этом кажется необходимым несколько расширить семантическое поле Я. Хинтикки, добавив в него еще два логических значения, а именно значение пресыщенной оценки и значение истинностного провала, как они определяются у Н. Белнапа соответственно [см. 5] (что повлечет за собой принятие также и правил вывода Н. Белнапа, рассмотренных в этой же работе на стр. 224-227 соответственно). Таким образом, результатом игры может стать как выигрыш одного из игроков и проигрыш другого, так и ничья. Причем ничья будет иметь два варианта: негативная ничья (провал) и позитивная ничья (консенсус). Такой подход позволит приблизить логическую модель социальной игры к реальным ситуациям, в которых обоюдный выигрыш (например, заключение взаимовыгодного торгового соглашения) и обоюдный проигрыш (война с человеческими жертвами обеих сторон) встречаются на порядок чаще, нежели привычный «шахматный» вариант расстановки сил.

Далее для формализации исходных предложений игры мы будем использовать язык интенциональной логики с соответствующим синтаксисом. Такой выбор детерминирован прежде всего сложностью реальных социальных процессов, для описания которых синтаксических возможностей логики предикатов кажется недостаточным. При этом обратим внимание на два нюанса:

Множество значений типа $t \mathbf{D}_t = \{T, F, N, B\}$, то есть по сути расширяется в два раза.

Изначально интенциональная логика построена на семантике возможных миров. Но, даже перенося ее синтаксис в теоретико-игровую семантику, мы можем сохранить понятие возможного мира. Так, рассматривая социальный процесс как игру, мы говорим о некотором множестве возможных вариантов развития игры, представленных набором альтернативных ходов каждого из игроков на каждом шаге. Это хорошо иллюстрирует развернутая форма представления игры, используемая в том числе Я. Хинтиккой и Г. Санду, визуально сразу обнаруживающая свою природу древовидного универсума. Таким образом, мы можем рассматривать каждую ветвь этого универсума как возможный мир и достаточно прозрачно определять между этими мирами отношения достижимости, тем более, что у Монтегю возможные миры также рассматриваются по сути как пары «мир-время» (то есть локализованные во времени ситуации).

Коротко напомним, что синтаксис интенциональной логики в общем виде сводится к конечному набору правил построения осмысленных выражений типа a (ME_a):

Всякая константа и переменная типа a принадлежит к ME_a .

Стандартно вводятся логические связки отрицания, конъюнкции, дизъюнкции, импликации и эквиваленции, кванторы существования и всеобщности, а также модальности необходимости и прошедшего времени для любых φ и $\psi \in ME_a$.

Равенство двух любых осмысленных выражений может быть интерпретировано с точки зрения его истинности или ложности: если $\alpha, \beta \in ME_a$, то $(\alpha = \beta) \in ME_a$.

Переход от одного осмысленного выражения к другому: если $\alpha \in ME_{\langle a, b \rangle}$ и $\beta \in ME_a$, то $\alpha(\beta) \in ME_b$.

Введение λ -абстракции, которая применяется к формулам для получения предикатов: если $\alpha \in ME_a$ и u переменная типа b , то $\lambda u[\alpha] \in ME_{\langle b, a \rangle}$

Мною здесь сознательно опущены некоторые синтаксические и все семантические правила (у Монтегю каждому синтаксическому правилу соответствует аналогичное семантическое); я принимаю во внимание только те правила, которые могут быть органично использованы в рамках нашей задачи.

Такая модель будет выполнять в первую очередь функцию интерпретации. Если же мы хотим сделать акцент на функции прогностической, то имеет смысл вместо теоретико-игровой семантики использовать для представления социальной игры развернутую форму записи теории игр. Тогда мы максимально точно отобразим темпоральность моделируемого процесса; с другой стороны, возникнут сложности с формулирование правил хода в игре.

С. Московичи пишет о том, что если личность – рациональна, при принятии решений руководствуется рассуждениями на основе вероятных выгод и поддается убеждению; то толпа – иррациональна, эмоциональна и поддается только внушению: «...мы от каждого ожидаем, что он будет действовать рассудительно, руководствуясь сознанием и своими интересами, будь он один или в обществе себе подобных. Между тем наблюдение показывает, что это вовсе не так... Внушение или влияние – это в коллективном плане то, что в индивидуальном плане является неврозом. Оба предполагают:

- уход от логического мышления, даже его избегание и предпочтение алогичного мышления;
- раскол рационального и иррационального в человеке, его внутренней и внешней жизни»[4, с. 20-24].

Таким образом, на каждом ходу игры между индивидом и массой мы должны учитывать:

- логические следствия из предыдущих ходов – если мы прогнозируем ход индивида;
- весь набор возможных действий, даже если они противоречат всякой логике и рациональности – при прогнозировании хода толпы;
- рациональные выгоды харизматического лидера толпы, если у нас имеется о нем какая-либо информация – ибо толпе будет в результате внушено лидером то действие, которое максимально для него выгодно.

В остальном аксиоматика и правила преобразования правильно построенных формул описываются стандартно для интенциональной логики (также – и в случае использования при моделировании теоретико-игровой семантики).

Прагматический момент проще всего поддается описанию. Построив прогноз вариативного развития социальной ситуации, мы условно делим варианты ее исходов на более и менее желательные. Проанализировав пути, которые ведут и к тем и к другим вариациям исхода событий, мы можем сформулировать рекомендации в выборе ходов как для индивида, так и для харизматического лидера толпы – включая разработку различных приемов влияния на толпу и внушения ей необходимой позиции.

Второй путь – путь неформальной логики, представляющий собой некоторый свод аргументативных структур и шаблонов, моделирующий реальные случаи социальной коммуникации. Этот путь негласно – а часто и неосознанно – давно используется представителями гуманитарного знания для представления тех или иных социальных, психологических или культурных процессов. Так, например, мы видим у З. Фрейда ясную логическую модель возникновения неврозов. Правда, сам З. Фрейд, видимо, не отдавал себе отчета в строгой логичности своего психоанализа, но тем не менее мы имеем основания утверждать, что его метод основан на традиционном в логике методе анализа рассуждений. Давайте сравним две стандартные процедуры:

	Психоанализ З. Фрейда	Логический анализ рассуждений
Задача	Найти причину внутреннего конфликта	Найти причину неправильности рассуждения
Анализ имеющихся данных	Выявить все имеющиеся свободные ассоциации с проблемным полем	Выявить все имеющиеся составляющие рассуждения (основания, вывод)
Поиск недостающих данных	Найти и осознать вытесненное воспоминание или проблему	Найти и вписать в общую структуру рассуждения не вербализированное основание или вывод
Установление причинно-следственных связей	Выявление, каким образом наличная проблема является следствием вытесненных, а не декларируемых причин	Установление, каким образом отсутствие отношения логического следования между основаниями и выводом связано с упущением каких-либо оснований или промежуточных выводов
Результат	Решение проблемы благодаря осознанию истинных мотивов	Решение проблемы благодаря восстановлению рассуждения в полном виде и установлению наличия в нем ошибок

Итак, по сути мы видим две аналогичные процедуры: восстановление недостающих частей процесса ради установления и устранения возникшей в нем ошибки. При этом напомним, что логика всегда имеет дело с текстом; если же бессознательные процессы, о которых ведет речь З.Фрейд, вербализовать, то их так же можно представить в виде рассуждения с недостающими составляющими [см. 6]. Впрочем, это тоже есть уже и у самого З. Фрейда: психоанализ сам по себе строго вербален.

Таким образом, самой простой неформальной логической моделью конкретной социальной ситуации будет ее представление в виде набора рассуждений и соответственный анализ этих рассуждений методами логики. Если детализировать это, то мы получим некоторый обобщенный алгоритм построения логической модели конкретной социальной ситуации:

Выделение значимых смысловых компонентов социальной ситуации и их соответствующая вербализация.

Приведение полученного набора высказываний к виду набора соритов и полисиллогизмов.

Анализ полученного набора сложных рассуждений с точки зрения их правильности.

Аргументативный анализ полученного набора рассуждений с точки зрения использования риторических приемов и приемов манипуляции; выявление аргументативных стратегий и принятие решения относительно их корректности.

Такой алгоритм удобен для простых ситуаций, включающих небольшое количество участников и небольшое количество рассуждений. Если же мы имеем о сложную социальную ситуацию, имеющую длинную и богатую историю развития событий, то имеет смысл обращаться к анализу не рассуждений и аргументов, а целых аргументационных структур – аргументативных стратегий.

Ф. ван Еемерен и П. Хоотлоссер определяют аргументативную стратегию как «методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход определенной диалектической стадии или дискуссии в целом в чью-либо пользу, которое проявляется в систематическом, координированном и одновременном использовании возможностей, соответствующих данной стадии» [7, с. 15].

Все стратегии можно условно разделить по двум критериям: относительно цели и относительно результативности [см. 8]. Я предлагала такое разделение для стратегий в конфликте, но мне кажется, что оно адекватно для представления любого социального процесса, представленного как игра. Итак, стратегии поведения могут быть нацелены на выигрыш, сотрудничество или минимизацию проигрыша. Целевое деление кажется достаточно прозрачным. Интереснее его соотнести с делением относительно результативности: все стратегии можно разделить эффективные (те, что приводят к поставленной цели – выигрышу, сотрудничеству или минимизации проигрыша) и провальные (те, что не приводят к поставленной цели, соответственно). Раньше я еще была склонна отдельно выделять выигрышную стратегию; но в принципе ее тоже можно рассматривать с точки зрения эффективности/провальности. То есть имеет место следующая любопытная ситуация: если стратегия была нацелена на минимизацию проигрыша или на сотрудничество, а привела к выигрышу, то формально ее следует отнести к провальной, так как она не привела к поставленной цели.

Если речь идет о логической модели социального процесса или ситуации, построенной на основании анализа аргументативных стратегий, то мы можем построить такой алгоритм.

Определение вида стратегии относительно ее цели. Это – самый интересный шаг анализа, поскольку фактически речь идет о том, чтобы выяснить цели (часто не афишируемые) всех участников ситуации. Мы будем называть аргументацию сильной, если ее аргументы – обоснованы и достоверны, а между аргументами и тезисом есть отношение логического следования. Соответственно, стратегию, не отвечающую этим критериям, мы будем называть слабой. Так вот: использование сильных аргументаций характерно для стратегий, направленных на выигрыш или

сотрудничество; стратегии же, направленные на минимизацию проигрыша как раз и используются в случаях, когда сильной аргументации нет. При этом, если стратегия направлена на сотрудничество, то в ней недопустимо использование некорректных приемов влияния в аргументации; тогда как в остальных стратегиях оно возможно, хотя и социально не одобряемо. Важно помнить, что в течение развития ситуации аргументативные стратегии, используемые ее участниками, могут меняться; поэтому необходимо тщательно изучить анамнез анализируемого процесса и, возможно, далее говорить о наборе аргументативных стратегий. Отдельное внимание нужно обратить на то, трансформируются ли отстаиваемые точки зрения в процессе смены стратегий.

Сравнительный анализ аргументативных стратегий всех участников социальной ситуации или процесса. Нам важно выяснить наиболее сильные позиции, найти недостатки и «дырки» в аргументации. В результате мы сможем говорить о сравнительной эффективности для каждой стратегии.

Анализ аудитории. Социальные процессы, как правило, публичны, и аргументации направлены не только на переубеждение специалистов или руководителей, но часто ориентированы на широкую публику (как, например, это происходит во время предвыборных кампаний). Нам необходимо не просто проанализировать стратегию с точки зрения ее логической правильности и элегантности: мы должны определить, какой реальный эффект она оказывает на широкие массы. Выше мы уже говорили о том, что массы сами по себе не склонны к рациональному критическому мышлению; скорее они попадут под влияние, чем под убеждение. В результате мы получаем парадокс: сильные и потенциально выигрышные при условии презумпции рациональности аргументативные стратегии оказываются неэффективными применительно к массам.

На основании всех полученных данных нам необходимо составить карту социального процесса, которая может быть представлена в виде таблицы (специфической карты процесса):

	Точка зрения	Основные аргументы	Характеристика аргументативной стратегии	Сравнительная эффективность стратегии	Реакция массы
Участник 1					
Участник 2					
...					
Участник N					

При необходимости таблицу можно сделать более подробной, добавив такие столбцы, как «преимущества выбранной стратегии», «недостатки выбранной стратегии», «декларируемая цель участника», «предполагаемые уступки участника» и т.п. в зависимости от специфики конкретной анализируемой ситуации. Эта таблица и будет служить неформальной моделью ситуации, а на основании полученных данных можно будет формулировать прогнозы и рекомендации по управлению данной ситуацией.

Таким образом, при логическом моделировании социальных процессов мы можем выбрать любой из путей построения модели – формальный или неформальный – в зависимости от наличной исходной информации и необходимого результата. При этом формальная модель будет обладать значительно большей точностью – и, соответственно, иметь более высокую достоверность прогнозов. С другой стороны, разработка формальной модели потребует затраты значительно большего количества ресурсов, тогда как неформальная модель может быть составлена достаточно оперативно. Кроме того, именно неформальная модель позволяет работать с процессами и ситуациями даже со значительным недостатком информации.

Список литературы

1. Беляев В.В. Типология финитных обучающих логических моделей: Монография / В.В. Беляев. – СПб. : СПБИГО, ООО «Книжный дом», 2008. – 306 с.
2. Хинтиikka Я. Логико-Эпистемические исследования / Я. Хинтиikka. – М. : Прогресс, 1980. – 447 с.
3. Шапиро О.О. Семантичні засади логічної моделі конфлікту / Шапиро О.О. // Наукові записки Харківського університету Повітряних Сил. Соціальна філософія, психологія. – 2009. – Вип. 2 (33) – С. 162-170.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с.
5. Белнап Н. Как нужно рассуждать компьютеру / Н. Белнап // Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 208-239.
6. Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций: Методика и техника психоанализа / Фрейд З. – СПб. : Алетейя, 1999. – 224 с.
7. Еемеерен Ф. ван, Хоотлоссер П. Аргументация как разумность. О поддерживании искусственного баланса в стратегическом маневрировании / Ф. ван Еемеерен, П. Хоотлоссер // Мысль: аргументация. Сб. статей / под ред. Мигунова А.И., Лисанюк Е.Н. – СПб. : Изд-во Петерб. ун-та, 2006. – С. 7-22.
8. Шапиро О.О. Аргументативні стратегії в конфлікті / О.О. Шапиро // Мультиверсум. Філософський Альманах. – 2010. – Вип 3 (91). – С. 187-196.

Schapiro O.A. Potentials of Social Events and Processes Modeling by Means of Contemporary Logic // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 408-417.

The article is dedicated to social processes simulating problem. There are a lot of models of particular situations in contemporary sciences (psychology, sociology, political science etc.), but at the time we don't have a universal algorithm we could use in any social situation.

We will understand a logical model as a meta-object which represents the most important relations of investigated problem objects and which is made with tools of formal or informal logic.

Two ways of simulation social processes' with contemporary logic tools are represented in the article. The first way is a formal logic's one and supposes compilation of Y. Hintikka's game-theory semantics with Dunn-Belnap's four-valued logic and Montague's intensional logic. As a result of such connection, the model becomes maximally approximate to real situations as it adds of two game outcome variants: a negative draw (corresponds to truth' gap of Dunn-Belnap) and a consensus (positive draw; corresponds to oversaturated evaluation). The most important advantage of this simulation way is a high level of its

validity; the trouble is necessity of a lot of time and computational resources. So we could use this type of logical simulation in situations with surplus of the resources only.

The second way of social process logical modeling is the informal one. It is based on situation argumentative analysis and drawing up its map. Depends on complexity of simulated process we would consider arguments or argumentation strategies. Thereafter we have to variants of argumentative simulation. The forecasting validity of this type of simulation is greatly lower than of the formal one; but it isn't such complicated, so we can use it in situations with lack of time.

As a result of both simulation ways consideration there are two algorithms of model building represented in the article. Their usage would allow not only analyze social process in the past, but also would help make its forecast and even recommendation for the situation management.

Keywords: logical model, game-theory semantics, four-valued logic, argumentative strategy.

УДК 164.1

АБДУКЦИЯ КАК ЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОИСКА ИСТИНЫ

Невельская-Гордеева Е.П.

Рассматривается сущность и структура метода абдукции, анализируются различные определения абдукции; утверждается, что абдукция является одним из методов построения и принятия гипотез (и версий), а не обратным условно-категорическим силлогизмом, что проявляется в структуре умозаключения.

Ключевые слова: абдукция, метод, определение, структура метода, гипотеза.

Цивилизационная роль логики как науки, по утверждению Г.Л.Тулчинского, обусловлена следующими особенностями логической аргументации: 1) признание верховенства неких общих оснований (законов), вынуждающих оппонентов принимать некие общие принципы и критерии; 2) признание права оппонента на свою аргументацию; 3) демонстраций возможных следствий и, тем самым, ответственности оппонента [1, с. 112]. Но кроме демонстрации возможных следствий (пункт 3) существует еще и демонстрация возможных причин и предпосылок. Эту демонстрацию обеспечивает метод абдукции, который очень важен для поиска истины. **Цель** работы состоит в рассмотрении особенностей метода абдукции.

Логические исследования абдукции популяризируются последние 20 лет: от рафинированно-научных работ в академических монографиях [см. 2] сведения об абдукции постепенно начали появляться в учебниках: сначала лишь как упоминание, (например, как в [3]), а, последние 2-3 года, как полноценные разделы [см. 4].

В философии известны три традиционные теории, раскрывающие природу истины: истина как соответствие (корреспонденция), истина как согласие (когеренция) и истина как полезность [см. 5]. Истоки трех теорий истинности можно усмотреть уже у Аристотеля, который разделил истинность на составляющие трех предметных областей аргументации: доказательственную (строгое соответствие), диалектическую (когерентная взаимосвязанность противоречащих позиций доказывающего и опровергающего), и риторическую (прагматическая полезность, выгодность, убедительность) [см. 6]. Для всех трех теорий абдукция выступает важным методом поиска истины. Задачей исследования является выяснение сущности и структуры метода абдукции.

В литературе присутствуют разнообразные определения этого понятия, например, абдукция – правдоподобный вывод от частного к частному [см. 7]. Такое

определение представляется нам неадекватным явлению, скорее так определяется частный случай аналогии. Еще одно определение, которое отбрасывается нами как логически неправильное: абдукцией называется умозаключение, обратное условно-категорическому силлогизму (изучив структуру абдукции станет понятно почему такое определение является неадекватным). «Абдукцией называется объяснительное рассуждение, в котором вывод и логическое следствие имеют разные направления, то есть на основании следствия реконструируются посылки (исходное знание, из которых данное следствие могло бы вытекать). В абдукции устанавливается отношение между результатом и предсказуемой причиной как основанием этого результата. Поэтому в абдукции как вероятностном выводе реконструируются посылки, из которых выходит вывод, или результат» [см. 4]. С таким определением можно согласиться, но за исключением первого предложения, которое является нечетким, сложным для понимания.

Под абдуктивным рассуждением понимают вывод к наилучшему объяснению – утверждает И.А. Герасимова [см. 3] вслед за Харманом [см. 8]. Задача абдукции состоит в поиске гипотезы, наилучшим образом объясняющей тезис. В повседневных рассуждениях абдукция проявляется как подведение некоторого частного случая под стереотип или общий случай. Впервые абдукция была явно выделена Чарльзом Пирсом. Согласно его учению идея абдукции может быть сформулирована следующим образом: D – множество фактов, H – множество выдвинутых гипотез, H объясняет D. Следовательно, гипотезы из H правдоподобны. У.Ликан, приводя такую же их схему, какую дает Ч. Пирс, рассматривает вывод из абдукции как безусловно истинный [см. 8].

Определение абдукции, данное С.Г. Светуньковым и Т.В. Хан [см. 9], рассматривается нами как нечеткое, сложное для понимания: «абдукция – логический метод поиска и обоснования объяснительных гипотез от фактов к теории» (под это определение подходит и метод индукции; а также, термин «объяснительная гипотеза» не раскрыт – Н.-Г). Ч. Пирс, который исследовал этот метод, действительно, считал, что абдукция представляет собою процесс формирования пояснительной гипотезы, вследствие чего уделяет особое внимание разъяснению последнего понятия. Ч. Пирс формулирует три методологических требования к объяснительным гипотезам [см. 2]: 1) они должны объяснить не только эмпирически наблюдаемые факты, но и факты непосредственно ненаблюдаемые и верифицируемые косвенным путем; 2) гипотезы должны быть сформулированы как интеррогативные утверждения, т. е. содержать определенный вопрос, на который следует ответить в ходе исследования; 3) необходимое требование к любой объяснительной гипотезе – это ее проверяемость, причем последняя не ограничивается подтверждением наблюдаемыми данными.

Способ абдуктивного рассуждения начинается с анализа установленных фактов или явлений, которые не находят объяснения с помощью имеющихся научных законов и теорий, потом осуществляется поиск приемлемых гипотез (иногда в форме предположения), которые подтверждаются и обосновываются растущим числом релевантных эмпирических данных. Абдукция не гарантирует открытие истины, но облегчает ее поиск, поскольку она опирается на поиск таких

объяснительных гипотез, которые подтверждаются и обосновываются растущим числом объясняемых фактов.

Таким образом, абдукция – один из методов построения и принятия гипотез (и версий) [см. 10], логическая операция подтверждения гипотезы или утверждения, выдвинутого предварительно в соответствии с релевантными фактами [см. 2]. Абдукция – это вывод от эмпирических фактов к гипотезе, которая объясняет их [см. 11]. Ч. Пирс писал: «Интуиция рассматривает теории и измеряет меру их согласия с фактами. Она никогда не может создать какую-либо идею вообще. Не больше этого может сделать дедукция. Все идеи науки возникают с помощью абдукции. Абдукция заключается в исследовании фактов и построении теории, которая объясняет их» [см. 12]. Главное, чем отличается абдукция от классической индукции Бэкона-Милля, заключается в том, что она не является безошибочным методом открытия новых истин в науке, своего рода алгоритмом открытия. Ее цель заключается в поиске объяснительных гипотез, которые могут помочь в нахождении таких истин [см. 2]. По утверждениям В. К. Финна абдукцию Ч. Пирса следует трактовать как логическое рассуждение, то есть познавательную процедуру, которая занимается формированием новых гипотез (дополнительным аргументом чего служит продуктивное использование идеи абдукции в области искусственного интеллекта) [см. 13]. Абдукция не может быть отнесена ни к области стратегий, ни к теории вопросов и ответов, ее некорректно отождествлять с самой гипотезой [см. 8].

Первым на исследуемый метод обратил внимание У. Уевелл. Он описал операцию связывания фактов как метод научных открытий. Научное творчество, по У. Уевеллу, имеет еще одну необходимую составляющую, кроме собственно механизма индукции, которой выступает настроение ученого на открытие, готовность ума исследователя. Когда в голове наблюдателя есть соответствующие идеи, бывает достаточно небольшого числа фактов, или даже одного факта, чтобы состоялся процесс открытия. То есть, в данном случае главной причиной успеха является предыдущее состояние интеллекту, а не единичный факт. Факт – лишь повод для приведения в действие механизма открытия [см. 14]. «Факт – это лишь искра, которая разряжает ружье, уже заряженное и нацеленное. Если верно, что падение яблока послужило толчком для развития мнений Ньютона, который привел к теории всемирного тяготения, то действительным источником этого большого события был прогресс человеческого знания, были привычки и состояние Ньютона, а не яблоко», – писал У. Уевелл (цит. по [14]). Ч.Пирс, вслед за У. Уевеллом, настаивает, что в структуру абдукции необходимо включать еще и состояние самого исследователя. Пирс определяет это предшествующее абдукции состояние мышления ученого как *musement*, что с некоторой натяжкой можно перевести как «чистая игра воображения» [см. 15].

Абдукция (Ч. Пирс) и операция связывания фактов (У. Уевелл) раскрывают научное открытие как «сшивание» известных фактов новой идеей. Однако, по У. Уевеллу, идея, которая связывает факты, должна быть известной к моменту открытия. Это единственное, что, как отмечает В.А. Светлов [16, с. 185-186], отличает абдукцию Ч. Пирса от операции У. Уевелла.

Пирс отображает ход абдуктивного рассуждения с помощью логической схемы, которую, по ряду причин, не совсем уточняет. Некоторые логики характеризует абдукцию как обратный *modus ponens* условно- категорического умозаключению, но это лишь формальный взгляд на структуру абдукции. *Modus ponens* выглядит так: если A – истинно, и $A \rightarrow B$, то и B – истинно.

1. $A \rightarrow B$

2. A – истинно

Следовательно, B – истинно

Обращение этого модуса выглядит так: $A \leftarrow B$, B – истинно, следовательно, A – вероятно. Но, отбросив эту формальную схему, рассмотрим схему абдукции: от факта, явления, действия, к достоверной его причине. Все они могут быть представлены общей схемой:

1. Наблюдается некоторое явление P .

2. P можно объяснить допускаемой причиной H_1 , или H_2 , или H_3 . или H_n .

3. Из всех приведенных возможных причин H_1 , или H_2 , или H_3 или H_n , наиболее достоверной является H_1 .

Следовательно, есть основание думать, что H_1 является причиной явления P .

На первый взгляд кажется, что абдуктивное рассуждение мало чем отличается от гипотетико-дедуктивного вывода, поскольку предусматривает гипотезу истиной. Однако ход рассуждения в нем прямо противоположный гипотетико-дедуктивному выводу, который начинается из предварительно установленной гипотезы и вывода из нее следствий, тогда как в абдукции рассуждение начинается с анализа и оценки точно установленных фактов, которые обуславливают выбор гипотезы для их объяснения. Именно так поступают ученые в своих конкретных исследованиях, поскольку в самом начале имеют дело именно с фактами и только потом ищут им объяснения. Процесс абдукции состоит из трех этапов: результат – причина – объяснение.

Абдукция является логической операцией, благодаря которой вводится новая идея: H_1 является причиной явления P , т. е. идем от истинности следствия к истинности причины, его объясняющего. Приведем пример. В рассказе Артура Конан Дойла «Берилловая диадема» банкир Александр Холдер, в доме которого случилась кража драгоценности, обратился за помощью к Шерлоку Холмсу. Холдер уверен, что в краже виноват его сын Артур, потому что ночью, когда была совершенная кража, в его руках он видел диадему. Шерлок Холмс уточняет круг подозреваемых: в доме были сам хозяин, его сын Артур, племянница хозяина Мэри, горничная. Детектив, рассказывая Холдеру о результатах расследования, сказал: мой старый принцип расследования заключается в том, чтобы исключить все явно невозможные предположения. Тогда то, которое остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она не казалась. Раздумывал я приблизительно так: конечно, не Вы отдали диадему. Следовательно, остается только Ваша племянница и горничные. Но если в краже замешана горничная, то зачем Ваш сын согласился взять ответственность на себя. Для такого предположения нет оснований. Вы говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру. И я понял причину его молчания: он не хотел выдать Мэри. Тогда я вспомнил, что Вы застали Мэри у окна

и что она потеряла сознание, увидев диадему в руках Артура. Мои предположения превратились в уверенность.

Приведенное рассуждение традиционно рассматривалось как дедуктивное (например [см. 17]). Однако здесь применяется абдуктивная схема рассуждения. Есть факт – кража диадемы. Выдвигаются предположения, которых несколько. Далее исключаются все явно невозможные предположения. Остается наиболее вероятное: «тогда то, которое остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она не казалась». Абдукция широко используется в юридической практике, науке, больничной практике, и даже в быту. Важно четко определить схему абдуктивного вывода и следовать ему.

Список литературы

1. Тульчинский Г.Л. Цивилизационная роль логики / Г.Л. Тульчинский // Проблемы викладання логіки і дисциплін логічного циклу: Матеріали Міжнар. науково-практичної конференції, Київ, 13-14 травня 2004 року. Ред.кол.: А.С. Конверський, І.В. Хоменко, А.Т. Ішмуратов, Н.А. Колотілова. – Київ : Видавничо-поліграфічний центр Київський університет, «КНУТШ; Філософський факультет. – 2004. – С. 111-112.
2. Рузавин Г.И. Абдукция как метод поиска и обоснования объяснительных гипотез / Г.И. Рузавин // Теория и практика аргументации. – М., 2001. – С. 44.
3. Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации: учеб. пособие / И.А. Герасимова. — 2-е изд. — М. : Логос, 2010. — 312 с. – (Новая университетская библиотека).
4. Воробьева С.В. Логика и коммуникация: пособие / С.В. Воробьева. — Минск : Изд-во БГУ, 2010. — 327 с.
5. Ивин А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – М. : Высшая школа, 2005. – 592 с.
6. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Том 2. / Аристотель. — М., 1978. — С. 95.
7. Войтов А.Г. Самоучитель мышления (диалектической логики) / А.Г. Войтов. – М. : Маркетинг, 1999. – 411 с.
8. Боброва А.С. Теория рассуждений Ч. Пирса (Проблема абдукции): дис. ... канд. филос. наук : 09.00.07 / А.С. Боброва. – Москва, 2005. – 154 с.
9. Светульников С.Г., Хан Т.В. Логико-гносеологическая терминология в экономике (краткий словарь) / С.Г. Светульников, Т.В. Хан. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – 125 с.
10. Логіка і аргументація в праві: матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції [«Логіка і аргументація в праві»], (Харків, 24 квітня 2013 р.) / За заг. ред. д-ра філос. наук, проф. О. М. Юркевич. – Х. : Видавництво «ФО-П Корецька Л.О.», 2013. – 268 с.
11. Ратніков В.С., Краснонос Н.А. Про особливості наукового пояснення в гуманітарному знанні / В.С. Ратніков, Н.А. Краснонос // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66). – № 1-2. – С. 30–40.
12. Pierson Ch. Collected Papers. Vol.V, № 146.
13. Финн В.К. Интеллектуальные системы и общество / В.К. Финн. – М. : Российский Государственный Гуманитарный Университет, 2001. – С. 309.
14. Стрельченко В.И., Спивак В.И. Логико-философское учение У. Уэвелла в системе гуманитарного образования / В.И. Стрельченко, В.И. Спивак // Проблемы викладання логіки і дисциплін логічного циклу: матеріали Міжнар. науково-практичної конференції, (Київ, 13-14 травня 2004 року). – Київ : Видавничо-поліграфічний центр Київський університет, КНУТШ; Філософський факультет, 2004. – С. 101-103.
15. Абрамс Джеральд. Логика догадок Шерлока Холмса и доктора Хауса [Электроний ресурс] / Дж. Абрамс. – Режим доступа: http://www.k2x2.info/filosofija/haus_i_filosofija_vse_vrut/p4.php#metkadoc2

16. Щербина О.Ю. Логіка та юридична аргументація: монографія / О.Ю. Щербина. – К. : Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2013. – 303 с.
17. Хоменко І.В. Еристика: мистецтво полеміки: Навч. посіб. / І.В. Хоменко. – К. : Юрінком Інтер, 2001. – 192 с. –

Nevelskaya-Gordeeva E.P. Abduction as Logical Method of Search of Truth // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 418-423.

Abduction inference arouses increasing interest and methodological discussions in various fields. The purpose of the work is to examine features of the method of abduction. A research goal is to find out the essence and the structure of the method of abduction. Abduction reasoning is understood as a way to the best explanation. The term «abduction» was introduced by the logician and philosopher C.S.Pierce (1839-1914) who defined it as the inference process of forming a hypothesis which explains an observed phenomenon. Often abduction has been widely interpreted as any form of “inference to the best explanation” where the best refers to the fact that the generated hypothesis is subjected to some optimal criterion. This excessively broad definition covers a wide range of different phenomena that involve some forms of hypothetical reasoning. “Abduction studies” range from philosophical treatments of human being to scientific investigations and formal and computational approaches in formal logic.

The definition of abduction is very broad and covers a wide range of hypothetical reasoning inferences that could otherwise be formally distinguished. It is quite predictable that there are many different views on what abduction is and how to implement it. Many philosophers and logicians have argued that abduction is a generalization of induction. Induction can be defined as inference of general rules that explains certain data.

The term “abduction” used in this paper refers to a form of reasoning that can be clearly distinguished from inductive inference. Abduction as a form of inference of extensional hypotheses that explain examined phenomena is a versatile and informative method of thinking over incomplete or uncertain knowledge.

Keywords: abduction, method, determination, structure of method, hypothesis.

УДК 168

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА КЛАССИЧЕСКОЙ МАТЕМАТИКИ

Сафонова Н.В.

В работе рассматриваются особенности языка математики. Обращается внимание, что ключевые единицы естественного языка (понятие) и языка математики (число) имеют различную природу. Связь с эмпирической базой натурального числа устанавливается по способу его введения. Рассматриваются три способа обоснования (логицизм, формализм, конструктивизм) и делается вывод о том, что в языке классической математики ее ключевая единица (натуральное число) принципиально не имеет денотата. Следовательно, логические правила, используемые в естественных языках, не могут применяться в языке математики или должны быть пересмотрены.

Ключевые слова: *естественный язык, язык классической математики, натуральное число, логицизм, формализм, конструктивизм, аксиоматический метод.*

О том, что язык классической математики обладает особыми свойствами, было замечено достаточно давно. Более того, в языке математики всегда видели эффективное средство познания.

Платон считает, что без занятий математикой невозможен процесс познания. На вратах академии Платона было написано: «Да не войдет сюда тот, кто не знает математики». Г. Галилей убежден, что «Философия природы написана в величайшей книге (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики, и знаки ее – треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не мог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречен блуждать по лабиринту» [1, с. 41]. Эта удивительная интенция «прочитать книгу природы на языке математики» не только сохраняется на протяжении многих веков, но к XX веку лишь усиливается. На протяжении всего периода Нового времени приверженцы как эмпиризма, так и рационализма считают, что язык математики, в отличие от естественного языка, обладает свойствами, позволяющими сформировать более точное знание. Так, Т. Гоббс и Г. В. Лейбниц обращают внимание на то, что в языке математики можно достигнуть точности и однозначности, в отличие от амбивалентности естественного языка. И. Кант

продолжает эту линию и говорит о том, что каждой науке столько научности, сколько в ней математики.

Преувеличение особой роли математики как универсального средства познания достигло своего апогея к началу XX века. Так, Д. Гильберт заявил о возможности вывести науки (вначале естественные науки, а затем и все научное знание) из математики. На II Международном конгрессе математиков, состоявшемся в 1900 г. в Париже, Давид Гильберт выступил со знаменитым докладом, где перечислил 23 проблемы [см. 2], решение которых, по его мнению, девятнадцатый век завещал двадцатому. Шестой проблемой он ставит задачу: «необходимо математическое изложение аксиом физики» [2, с. 84].

В качестве других особенностей языка математики можно указать на его претензии к универсальности и выразимости. Эти претензии существенны. В настоящее время можно констатировать факт и утверждать, что, если результат исследования в естествознании не выражен в виде формулы, познание объявляется неполным, неточным, неконкретным и во всех случаях несущественным

Однако долгое время никто не обращал внимания на то, что естественные языки и искусственный язык математики имеют различную структуру. Пожалуй, первым сообщением по этому вопросу можно назвать мнение Жака Адамара в книге «Исследование психологии процесса изобретения в области математики» (1945) [см. 3]. «Жак Адамар занялся изучением вопроса о том, как мыслит математик, и обнаружил, что в процессе творчества почти все математики избегают пользоваться языком. Они мыслят смутными образами, визуальными или тактильными» [3, с. 116].

Можно говорить о том, что это первая попытка обратить внимание на то, что естественный язык и язык математики имеет различную природу. Следует добавить, что если в первой половине XX века интерес к философии математики, (вследствие кризиса в области обоснования математики), был очень высок, то во второй половине этого столетия наблюдается, как отмечает Целищев В. В. [см. 4], стагнация. И добавляет, ссылаясь на работы Р. Херша [см. 5], что «философия математики запоздала со своими Поппером, Куном, Лакатосом и Фейерабендом, она запоздала с анализом того, что делают сами математики, и с соответствующими философскими рассматриваниями».

Если в области философии математики в настоящее время наблюдается стагнация, (с этим трудно не согласиться), то вопрос о выяснении существенных отличий между естественным языком и языком математики вообще фундаментально не разрабатывался.

На сегодняшний день можно фиксировать следующее: традиционно рассматривают и утверждают, что ключевой единицей естественного языка выступает понятие. Возникает вопрос: можно ли то же самое сказать о языке математики, а именно: является ли понятие ключевой единицей этого языка? При внимательном рассмотрении становится ясным, что положительный ответ на этот вопрос дать нельзя, так как понятия математики не обладают денотатом.

Пожалуй, нет ни одного исследователя, который бы не согласился с тем, что в языке классической математики такой ключевой единицей выступает число.

Аккуратного обоснования этого тезиса в научной литературе встретить трудно. По всей видимости, эта традиция сложилась еще в последней четверти XIX века, когда прямая была пронумерована (алгебра и геометрия были соединены и таким связующим основополагающим звеном стало число); второй кризис в математике был устранен и математики увидели возможность обоснования своей науки – общезначимым основным элементом стало число, в дальнейшем теории получили обобщение и вместо числа стали рассматривать множества. Таким образом, в настоящее время (после вышеуказанных успехов) обоснование и формирование той или иной математической модели начинают с введения натурального числа. Интуитивно ясно, что натуральные числа не тождественны понятиям. Выяснению вопроса: в чем различия ключевых единиц естественного языка и языка математики посвящена данная работа.

Несмотря на недостаток литературы в этой области можно констатировать факт того, что единого мнения в этом вопросе нет. Так, профессор Крымского Федерального Университета Николко В. Н. считает «мышление человека математическим, если и только если оно представляет собой внутреннюю речь на языке, словарь которого состоит из элементов натурального ряда чисел и сопутствующих им обстоятельств». При этом утверждает: «Сравнение фундаментальных форм математического мышления (чисел) и обычного речевого мышления в естественном языке (понятий) обнаруживает существенное различие между ними... Классический способ определения понятий, или определение через род и видовое отличие, не применим к определению числа. Числа лишены фундаментального свойства понятий, которое необходимо и достаточно для определения родовидовым способом. Числа не имеют объемов» [6, с. 114].

Мадер В.В. в монографии «Введение в методологию математики» [см. 7], обратив внимание на то, что мы часто оперируем с именами вещей, не являющимися предметами, но обладающие смыслом, (например, «действие сложения», «параллельность», «подобие»), приходит к следующим выводам. Он также считает ключевой единицей языка математики число, однако проблему отсутствия денотата у числа решает особым образом, ссылаясь на работы Э. Шредера. «Нелепо рассуждать о статусе существования абстрактных объектов независимо от теории, нелепо вырывать имена из контекста и ставить вопрос о наличии у них денотата» [7, с. 91]. Впервые на необходимость такого требования указал Э. Шредер «всякая теория, всякое рассуждение должно начинаться с явного описания соответствующей предметной области». В этом случае вопрос о денотате, например, имен Атос, Портос решается положительно, если постулировать существование предметной области, состоящей из персонажей романа «Три мушкетера». Аналогичным образом, «будем считать, что предметной областью является множество натуральных чисел. Именами чисел будут константы 1, 2, 3 и т. д., а денотатами этих имен, очевидно, будут сами натуральные числа, содержащиеся в предметной области [там же, с. 92].

На наш взгляд, ситуация более сложная. Необходимо обратить внимание – каким способом построена та или иная теория и какова природа введенного таким образом числа.

Для выяснения вопроса следует рассмотреть основные способы построения чисел, исходя из способа обоснования, можно будет делать вывод о природе математических объектов. Как известно, такими подходами являются: формализм, конструктивизм, логицизм.

Построение конструктивной математики, в основании которой лежат идеи интуиционизма, начинается с введения натурального числа, обладающего эмпирической базой. Это отчетливо видно по определению, которое дает А.А. Марков – создатель конструктивной математики. «Простым примером конструктивного процесса является построение ряда вертикальных черточек

|||||

путем писания одной такой черточки, приписывания к ней справа и слева ее копии – другой черточки, приписывания к полученным черточкам еще одной черточки, затем еще одной черточки, затем еще одной и еще одной. Результатом этого конструктивного процесса является конструктивный объект, изображенный шестью строками выше. Сам этот конструктивный объект представляет собой материальное тело, состоящее из бумаги и засохших чернил, а приведенный выше рисунок есть состоящая из бумаги и засохшей типографской краски копия этого конструктивного объекта. Она тоже есть конструктивный объект, поскольку изготовление копии можно считать конструктивным актом. Ряды вертикальных черточек вроде нашего рисунка, включая и «пустой» ряд, в состав которого не входит ни одна черточка (его можно представить в виде чистого листа бумаги), мы будем называть натуральными числами. Введенные таким образом натуральные числа суть конструктивные объекты» [8, с. 23].

Необходимо отметить, что конструктивная математика, выполнив свои задачи (в первую очередь, она вернула математике эмпирическую базу), так и не смогла стать конкурентоспособной для классической математики по масштабу решаемых задач и разнообразию разделов. (Большая часть современной математики получила название классической, так как имеет аккуратное обоснование – все ее разделы построены с помощью аксиоматического метода). Строгое выведение объектов математики путем аксиоматического метода получило название формализма. Программу выведения математики из логики (логицизм) Г. Фреге (хотя и придерживался платонистских взглядов на логику) осуществлял также путем аксиоматического метода, поэтому вопрос о природе математических объектов в формальных и логистических системах сводится к выяснению особенностей аксиоматического метода.

Исторически сложилось так, что аксиоматический метод приобрел с самого своего рождения (III – IV в. до н. э.) огромную популярность как метод, обеспечивающий абсолютную строгость. Лишь в результате сложнейших методологических исследований в середине XX века обнаружилось, что этот метод не универсален. (Это подтверждает теорема Геделя о неполноте, а также много других результатов). Д. Гильберт, посвятивший данному методу большую часть научных исследований, настаивал, что математические объекты (в том числе и числа), введенные с помощью аксиоматического метода, принципиально не должны

иметь денотата. Широко известна принадлежащая ему цитата: «хотя мы используем такие слова, как точка, прямая, плоскость и т. д., вполне можно было бы говорить о пивных кружках, стульях и любых других предметах, лишь бы они удовлетворяли аксиомам» [9, с. 281]. С одной стороны то, что дедуктивная система допускает множество интерпретаций можно рассматривать как благоприятное обстоятельство, с другой стороны, это привело к ряду неожиданных результатов, дискредитирующих аксиоматический метод. (Например, таких как теорема Левингейма-Сколема и много других). Тем не менее, принципиальное отсутствие денотата у математических объектов в дедуктивных системах является одним из важнейших особенностей аксиоматического метода (см. [10, с. 220-222]).

Следовательно, постулировать существование предметной области множества натуральных чисел классической математики с целью обеспечить натуральные числа объемом, как предлагает Мадер В. В., нет необходимости. Следует согласиться с автором учебника по современной формальной логике, что «классический способ определения понятий, или определение через род и видовое отличие, не применим к определению числа» [6, с. 114]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что логические правила, используемые в естественных языках, не могут применяться в языке математики, как это делалось до сих пор, или, как минимум, должны быть пересмотрены.

Список литературы

1. Галилей Г. Пробирных дел мастер / Г. Галилей / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Наука, 1987. – 272 с.
2. Проблемы Гильберта. Сборник / Под общ. ред. П. С. Александрова. – М. : Наука, 1983. – 237 с.
3. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар / Пер. с фр. М. А. Шаталовой и О. П. Шаталова. – М. : Советское радио, 1970. – 152 с.
4. Целищев В. В. Поиски новой философии математики [Электронный ресурс] / В. В. Целищев – Режим доступа : <http://www.filosof.historic.ru/books/item/too/soo/zo000>
5. Hersh R. A fresh winds in the philosophy of mathematics / R. Hersh // Amer. Math. Mounthly. – 1995. – Aug.-Sept. – P. 590-591.
6. Николко В. Н. Современная формальная логика. Часть 1: учебное пособие / В. Н. Николко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2012. – 226 с.
7. Мадер В. В. Введение в методологию математики : (Гносеологический , методологический и мировоззренческий аспекты математики. Математика и теория познания) / В. В. Мадер. – М. : Интерпракс, 1994. – 447 с.
8. Марков А. А., Нагорный Н. М. Теория алгоритмов / А. А. Марков, Н. М. Нагорный. – М. : Наука, 1984. – 432 с.
9. Гильберт Д. Основания геометрии / Д. Гильберт / Пер. с 7-го нем. изд. А. Д. Градштейна. – М.-Л. : Гостехиздат, 1948. – 491 с.
10. Клайн М. Математика. Утрата определенности / М. Клайн; [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. – М. : Мир, 1984. – 446 с.

Safonova N.V. Features of the Language of Classical Mathematics // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 424-429.

Features of the language of mathematics is considered in this paper. It should be noted that the key unit of natural language (concept) and the language of mathematics (number) have a different nature.

Connection with empirical base of a natural number is established by the method of its introduction. There are considered three ways to study (logicism, formalism, constructivism) and concluded that, in the language of classical mathematics its key unit (natural number) essentially has no denotate. Therefore, the logical rules used in natural languages can not be used in language of classical mathematics or should be revised.

Keywords: natural language, the language of classical mathematics, natural number, logicism, formalism, constructivism, the axiomatic method.

УДК 16

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОРМАЛИЗАЦИОННОГО МЕТОДА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ПО РАБОТАМ И. КАНТА

Соколенко М.Н.

Исследован процесс познания, представленный Кантом. Выделены две ситуации познания. Проведена аналогия с теорией познания В. Н. Николко. У Николко процесс познания по средством формализации строится по схеме синтакс-знак-интерпретация. У Канта чувственное представление-схема-понятие-суждение. Причем схема-понятие-суждение называют этапы формализации чувственного опыта. По Канту, формализация протекает в два этапа: схематизация (приобретение чувств очертаний) и понятизация. И он результаты формализации называет синтетическими знаниями, а у Николко речь идет об интерпретационных знаниях.

Ключевые слова: явление, вещь-в-себе, ситуации научного познания, этапы синтетического познания, этапы формализации познания.

Цель данной работы: высмотреть в работах И. Канта по гносеологии основные фрагменты формализационного способа научного познания.

Новизна: предлагается не встречаемая ранее интерпретация модели познания И. Канта (вещь-в-себе – вещь-для-нас).

В работе В. Н. Николко «Формализация как метод научного познания» вводятся две ситуации научного познания, которые исчерпывают содержание гносеологии как науки. Ситуация 1 – научное познание предметного мира, относительно которого среди данных о нем есть копии, картинки, образы. Ситуация 2, напротив, связана с познанием предметности, любые данные о которой являются только знаками в форме показаний информационных посредников [см. 3].

Ситуация 2, как утверждается в работе В. Н. Николко, связана напрямую с формализационным методом научного познания, который широко представлен в точных науках. Если это так, то ясно, что в сложной истории исследования научного познания найдутся философы, которые уже занимались формализационным методом познания в привычных для них категориальных единицах. Ясно, что историческая реконструкция формализационного метода интересна для современности, в которой формализация является ведущей тенденцией познания. В этом контексте интересны работы И. Канта по гносеологии. Во-первых, именно у Канта выделяются два контекста познания, две ситуации, одна связана с освоением вещей-в-себе, вторая связана с освоением вещей-для-нас.

Нужно сделать немного, чтобы понять, что И. Кант говорит о ситуации 1 и ситуации 2 – для этого достаточно считать вещью-в-себе природную реальность, данные о которой могут быть только знаками, а вещью-для-нас объявить природную реальность, данные о которой содержат её образы и копии. Во-вторых, познавательный процесс для Канта – не более чем рассудочное оформление чувственной материи, точнее – понятийно-сужденческая формализация чувственного опыта. В-третьих, у Канта высматриваются основные этапы формального представления чувственных данных в виде синтетического знания, которые можно сравнить с этапами конструирования интерпретационного знания, предложенными в работе В. Н. Николко.

Воспроизведем детально ход рассуждений Канта. Познание рассматривается им как особая активность. Взяв за образец механику Ньютона, он выделяет основные силы Ума и строит своеобразную механику сознания.

Под способностью сознания Кант понимает то, что позволяет осуществлять взаимосвязь между субъектом и объектом, т.е. те способы активности субъекта, которые позволяют ему выходить за свои пределы. Соответственно, объект в данной (субъектно-объектной) взаимосвязи фиксируется как предстоящее субъекту, т.е. как предмет; а данность предмета сознанию – как представление способности ума мыслится Кантом как способы подачи (образования) различных представлений, поэтому между способностями и представлениями существует тесная связь. «Общая логика построена по плану, совершенно точно совпадающему с делением высших познавательных способностей. Эти способности суть: рассудок, способность суждения и разум.» [1, с. 216]

Познание мыслится Кантом как рассудочное оформление чувственной материи, а полученный итоговый результат познания описывается формулой: «знание (опыт) = чувственная материя + рассудочная форма». Причем в ходе познания происходит несколько последовательных этапов оформлений, материей для которых выступают результаты предшествующих этапов.

Собственно (элементарный) познавательный акт имеет по Канту сложную структуру. Он представляет собой последовательность (иерархию) синтезов. Началом познания является акт чувственного восприятия, в результате которого внешняя для сознания «вещь в себе» воспринимается вовнутрь, т.е. помещается на внутренний экран сознания. Тем самым «внешние» предметы присваиваются сознанием и располагаются на экране сознания как чувственные представления, которые отличены друг от друга. При этом на экране сознания выделено особое представление «Я [мыслию]», или самосознание, которое выступает началом координат для других — воспринятых — представлений. В целом эта процедура сознательной координации представлений (восприятие + маркировка) называется апперцептивным синтезом (или трансцендентальным синтезом апперцепции). Вместе с этим осуществляется важнейший для познания акт схватывания, благодаря которому на экране сознания формируется пространственно-временной образ. В составе акта схватывания можно выделить два структурных момента. Собственно синтез схватывания соединяет чувственное многообразие в некоторый единый протообраз. После этого осуществляется фигурный синтез продуктивного

воображения [synthesis speciosa], который создает собственно образ схваченного содержания путем «рисования» фигуры на экране сознания, т.е. *synthesis speciosa* представляет собой пространственное оформление – пространственный синтез – схваченного протообраза объекта. Следующим существенным моментом фигурного синтеза (или его «надстройкой») выступает акт чистого фигурного синтеза, или трансцендентальный синтез воображения, в ходе осуществления которого задействована также способность суждения. Суть этого – схематического – синтеза состоит в том, что при рисовании образа–фигуры, осуществляется скорее не детальное прорисовывание какой-либо единичной фигуры, а создание ее схематического наброска – схемы, т.е. воображение «рисует форму [Gestalt] четвероногого животного [собаки] в общем виде» [1, с. 125]. Как говорит Кант, схема – «это скорее представление о методе [или общем способе]» [1, с. 124] образования того или иного образа, или, говоря более современным языком, схема – это общий алгоритм построения фигуры как возможного образа созерцания. Например, схема треугольника приложима «ко всем треугольникам – прямоугольным, остроугольным и т.п., [хотя сама схема] есть нечто такое, что нельзя привести к какому-либо [одному конкретному] образу» [1, с. 125], или, как говорит Кант, «схему все же следует отличать от образа» [1, с. 124]. Точнее, схема треугольника – это алгоритм построения пространственной фигуры путем двойного замкнутого излома в одном направлении при проведении линии, благодаря чему мы можем отличить треугольник от, например, четырехугольника, который порождается тройным изломом (resp. схема собаки – это правило рисования четвероногого животного с хвостом, ушами и немного вытянутым носом) [см. 1].

Каков механизм образования схем? Для ответа воспользуемся соображениями Канта из «Критики способности суждения». Здесь Кант описывает процедуру сознания, которая в «Логических исследованиях» Гуссерля называется варьированием. Ее суть заключается в том, что воображение строит не только (или не столько) «единичный частный облик» вещи, сколько обобщенный – схематический – образ, путем наложения множество фигур, совместимых с данным эмпирическим созерцанием [2, с. 103]. Т.е. чистое воображение варьирует признаки созданного фигурным синтезом единичного образа–фигуры: например, варьируя величину углов и/или размеры созерцаемого треугольника, и создает образ-схему «возможного для нас [предмета] созерцания» [1, с. 110]. Так проясняется механизм получения общих образов, которые уже не единичны и, вследствие этого, должны быть отнесены уже к эмпирическим понятиям. Для порождения же схем сознание должно осуществить рефлексивное переключение. Оно заключается в том, что при выделении общего «ядра» множества фигур путем их прорисовки сознание как бы переключает свое внимание с содержания образа на сам акт прорисовки, в результате чего и выделяется алгоритм (схема) как метод их построения. В отличие от фигурного пространственного синтеза это переключение и образование схем имеет явно временной характер, поэтому схематический синтез может быть назван (является) временным синтезом.

После этого познание покидает область чувственных созерцаний и передает эстафету дискурсивному рассудку, который работает со своим типом представлений

– понятиями. Рассудочные синтезы завершают процесс познания. Их первая задача – узнать в построенном образе соответствующее ему понятие и сформировать протосуждение вида « $Э\text{т}o\text{т}j - A_i$ », где $Э\text{т}o\text{т}j$ – образ (например, стола), а A_i – понятие (resp. понятие стола). В ходе понятийного синтеза образ через схему с помощью способности суждения «превращается» в понятие предмета, или в образе узнается то или иное понятие. Например, таким протосуждением является « $Э\text{т}o - \text{дом}$ ». В ходе последующих – пропозициональных – синтезов уже из имеющихся понятий рассудок образует предложения субъектно–предикатного типа « $A_j (S) - B_i (P)$ », где A_i и B_i – понятия. Например, таким суждением является « $Э\text{т}o\text{т} \text{ дом} - \text{кирпичный}$ », которое завершает собой элементарный познавательный акт, представляя собственную форму синтетического знания. Далее предложения можно объединять в теории.

Подведем итог. Общая структура элементарного познавательного акта, приводящая к получению (синтетического) знания такова:

1. первоначальный синтез схватывания;
2. синтез апперцепции;
3. фигурный (пространственный) синтез;
4. схематический (временной) синтез;
5. образно–понятийный синтез « $Э\text{т}o\text{т}j - A_i$ »;
6. заключительный пропозициональный синтез « $A_j - B_i$ »

Человек может иметь знания, но знанием чего являются они? Вот важнейший вопрос для гносеологии. Кант понимает, что синтетические знания являются чувственными знаниями.

Предпринимая анализ природы чистого разума. Кант задается вопросом о самой возможности чистого опыта – Чистый разум независим от опыта. Он выходит за пределы всякого опыта и его возможности. Чистый разум исходит в своей деятельности из всеобщих связей и зависимостей. Идея всеобщей связи у Канта выражает лишь способность бесконечного познания, лишена своего собственного содержания. Кант выделяет три вида знания: математику, естествознание и теоретическую философию (метафизику) – и формулирует соответственно вопросы: «Как возможна чистая математика?», «Как возможно чистое естествознание?» и «Как возможна метафизика как наука?». Разумеется, Кант не ставит под сомнение реальное существование этих разделов знания. Даже метафизика, по его мнению, есть «вид знания» и его «надо рассматривать в известном смысле как данный: метафизика существует если не как наука, то, во всяком случае, как природная склонность [человека] (*metaphysika naturalis*). В самом деле, человеческий разум в силу собственной потребности, а вовсе не побуждаемый одной только суетностью всезнайства, неудержимо доходит до таких вопросов, на которые не могут дать ответ никакое опытное применение разума и заимствованные отсюда принципы: поэтому у всех людей, как только разум у них расширяется до спекуляции, действительно всегда была и будет какая-нибудь метафизика. А потому и относительно нее следует поставить вопрос: как возможна метафизика в качестве природной склонности, т.е. из природы человеческого разума возникают вопросы, которые чистый разум задает себе и на которые, побуждаемый собственной

потребностью, он пытается, насколько может, дать ответ?» [1, с. 384]. Чтобы подойти к обсуждению названных вопросов, мы должны понять кантовское различие между явлениями и вещами в себе. Следует обратить внимание, что до Канта такого различия не делалось. Под явлениями обычно понималась совокупность предметов и процессов нашего опыта, за пределами которой находятся предметы, не попавшие в поле нашего внимания. Последние составляют действительность, познавательной нами не освоенную – огромный, чуждый, неизвестный мир. Такие представления служили основой, как мы уже отмечали, для наивных форм скептицизма, а в общественной жизни приводили к возникновению религиозно-мистических воззрений.

Специфика подхода Канта заключается в том, что, согласно его теории, один и тот же объект нашей познавательной установки может оказаться и познаваемым, и принципиально непознаваемым. Как это возможно? Любой предмет (и это следует особо подчеркнуть) существует безотносительно к познающему его человеку, независимо от него, как вещь сама по себе. Когда человек направляет на него свое внимание, тот становится объектом чувственного созерцания, «и, стало быть, мы можем познавать предмет не как вещь, существующую саму по себе, а лишь постольку, поскольку он объект чувственного созерцания, т.е. как явление» [1, с. 64].

В предмете познания выделяется то, что Кант называет объектом чувственного созерцания, и взаимодействие между ним и органами чувств приводит к появлению особых сущностей, которые и суть собственно явления, наши представления. Это особый предметный мир, мыслимый на основе единства категорий, субъективная реальность, мир результатов чувственных восприятий. А что же такое сам «объект чувственного созерцания»? Это некий трансцендентальный объект, обладающий единственным свойством: возможностью вступать в соприкосновение с нашими органами чувств; это то, что составляет объективную реальность, мир умопостижимый, его можно лишь мыслить, в него входят предметы нечувственного созерцания. Трансцендентальный объект «обозначает лишь нечто = x , о котором мы ничего не знаем и вообще ничего знать не можем» [1, с. 461], он может быть лишь соотносён с единством внутреннего самосознания при образовании понятий, может служить основой, обеспечивать единство многообразных воспринимаемых свойств вещи, обеспечивать и закреплять устойчивость понятия о вещи. Трансцендентальный объект не может быть даже представлен без отношения к чувственным данным, так как в противном случае его нельзя было бы и мыслить. Это «не предмет познания сам по себе, а только представление о явлениях в виде понятия о предмете вообще, определяемом посредством многообразного в явлении» [1, с. 460].

Таким образом, любой предмет познания раздваивается на явление и вещь в себе. Совокупность явлений составляет чувственно воспринимаемый мир, а совокупность вещей в себе – мир, действующий на органы чувств в виде знаков, показаний информационных посредников. Каждый из этих миров не только дан нашему сознанию неодинаковым способом, но и имеет разное познавательное значение. Мир вещей в себе недоступен для опытного познания, его «жители» –

предметы рассудка, а раз так, то «основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта». Наше эмпирическое познание непрерывно прогрессирует, доставляет нам все более углубленное знание о мире, но каков бы ни был этот прогресс, он нисколько не приближает нас к знанию вещей в себе, которые остаются недоступными для чувственных форм восприятия и познаются лишь как объекты чувственного созерцания, как явления. Вместе с тем явление и вещь в себе нельзя представить независимыми друг от друга. Различие явлений и вещей в себе сделано Кантом для того, чтобы очертить круг познавательных возможностей человека. В этот круг входят одни только предметы опыта. Но «у нас всегда остается возможность, если не познавать, то, по крайней мере, мыслить эти предметы так же, как вещи сами по себе. Ведь в противном случае мы пришли бы к бессмысленному утверждению, будто явление существует без того, что является» [1, с. 78].

Есть природа, она влияет на органы чувств, органы чувств являются информационными посредниками, показания которых, как думает И. Кант, являются только знаками, но не образами.

Список литературы

1. Кант Иммануил. Сочинения в шести томах / И. Кант; [под ред. В. Ф. Асмуса и др.]. – М. : «Мысль», 1964. – Т. 3. – 799 с.
2. Кант Иммануил. Сочинения в шести томах / И. Кант; [под ред. В. Ф. Асмуса и др.]. – М. : «Мысль», 1966. – Т. 5. – 564 с.
3. Николко В. Н. Формализационный метод научного познания / Николко В. Н. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2014. – Т. 27 (66). – № 3. – С. 387–392.

Sokolenko M.S. Reconstruction of the Formal Method on the Base of Kant's Works // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66). – № 3. – P. 430-435.

The process of cognition is represented on the base of Kant's works. The two situations of cognition are identified. The analogy with V. Nikolko's conception of knowledge is marked. Nikolko's theory process of knowledge is constructed by means of formalizing the scheme syntax-sign-interpretation. And Kant deals with sense-perception – scheme – concept – sentence. With that scheme-concept-it proposition stages of formalizing sensory experience. According to Kant formalization proceeds two stages: the schematization (acquisition senses shape) and conceptualization. And he called this synthetic results of formalization of knowledge while at Nikolko's conception it leads to interpretive knowledge.

Keywords: event, the thing-in-itself, the situation of scientific cognition, stages of synthetic cognition, stages of formalizing knowledge.

сведения об авторах

Ананьева Е.П. – к.филос.н., Академия ВМС Украины им. П.С. Нахимова, Севастополь, Крым. E-mail: ura55-08t@mail.ru

Антипов Г.А. – д.филос.н., профессор кафедры философии Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: Dr-eji2@yandex.ru

Балкин Д.Е. – к.филос.н., старший преподаватель кафедры изобразительного искусства КФ НАОМА. E-mail: kompozicia@mail.ru

Бекирова Л.С. – к.филос.н., доцент кафедры философии философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: lelyyasafet@gmail.com

Буряк В.В. – к.ф.н., доцент кафедры философии философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: buryakvv@mail.ru

Вейсова В.Э. – к. культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин РВУЗ «КИПУ».

Воеводин А.П. – д.филос.н., профессор Восточноукраинского национального университета им. В. Даля.

Волков А.Г. – к.филос.н., доцент кафедры философии Мелитопольского государственного педагогического университета им. Б.Хмельницкого. E-mail: alex_seng@list.ru

Волгогонова О.В. – д.филос.н., профессор, философский ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: vollga@gmail.com

Гаспарян М.В. – к.полит.н., доцент кафедры политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: mgasp@mail.ru

Герасимова И.А. – главный научный сотрудник Института философии РАН, д. филос.н., профессор. E-mail: home_gera@mail.ru

Гросфельд Е.В. – к.п.н., старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: alegros@mail.ru

Губанова Е.В. – ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: livenok@bk.ru

Жалдак Н.Н. – к.филос.н., доцент кафедры философии Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет». E-mail: zhnn3@ Rambler.ru

Зарапин О.В. – к.филос.н., доцент кафедры философии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: zagaoleg@yandex.ru

Иванова Р.А. – аспирант кафедры философии философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: raisaivanona2013@yandex.ua

Ильченко И.А. – студент кафедры философии философского факультета ТНУ им. В.И.Вернадского. E-mail: 966910385@mail.ru

Кацарова И.А. – к.филос.н., старший научный сотрудник ИФ РАН (Москва). E-mail: katsarova@gmail.com

Кича Л.А. – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: rikere@i.ua

Костина Г.В. – к.филос.н., старший преподаватель кафедры философии и гуманитарных дисциплин Ставропольского государственного медицинского университета. E-mail: stavjust2005@yandex.ru

Креминская Е.Д. – аспирант кафедры политических наук и международных отношений философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: elena-kreminskaya@yandex.ru

Креминский А.И. – к.филос.н., доцент кафедры социальной философии философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: alivk56@yandex.ua

Кузьмин П.В. – д.полит.наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Ломко И.Г. – к. полит. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» г. Симферополь, Республика Крым, РФ. . E-mail: iglomko@mail.ru

Марецкая Н.А. – аспирантка кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация . E-mail: maretka.n@gmail.com

Меджитов М.Э. – преподаватель, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин РВУЗ КИПУ. E-mail: marlen1802@rambler.ru

Мильков В.В. - ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук. E-mail: dr_milkov@mail.ru

Муза Д.Е. – д. филос. н., профессор, член-корреспондент Крымской Академии наук. Заведующий научно-исследовательским отделом РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь). E-mail: dmuza@mail.ru

Невельская-Гордеева Е.П. – к.филос.н., доцент кафедры логики Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого». E-mail: neveelena@yandex.ru

Николаенко Д.А. – аспирант кафедры философии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: d_nikolaenko@mail.ru

Николко В.Н. – д.филос.н., профессор кафедры философии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского.

Обринская Е.К. – кафедра политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, Крым. E-mail: obrinskaya@mail.ru

Пантелеева И.А. – к.филос.н., доцент кафедры философских наук, доцент кафедры иностранных языков Донецкого национального университета экономики и торговли имени М.Туган-Барановского. E-mail: pantelyeyeva@mail.ru

Пашковский П.И. – к.полит. н., преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: petr.pash@yandex.ru

Переход С.О. – к.филос.н., руководитель информационно-аналитического отдела фонда «Москва-Крым». E-mail: perehod1974@ya.ru

Поспелова А.И. – д.филос.н., профессор, Магаданский филиал Санкт-Петербургского университета управления и экономики. E-mail: pospp7@yandex.ru

Сафонова Н.В. – к.филос.н., доцент каф. социологии и социальной философии философского факультета ТНУ им. В. И. Вернадского. E-mail: Safonov7070@mail.ru

Сергеева Т.Б. – к.филос.н., старший преподаватель кафедры философии и гуманитарных дисциплин Ставропольского государственного медицинского университета Ставропольский государственный медицинский университет. E-mail: tat.sergeeva2010@yandex.ru

Соколенко М.Н. – аспирант кафедры философии философского факультета Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: mike.sokolenko@gmail.com

Солодухин Д.В. – к.филос.н., доцент; ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет тонких химических технологий имени М.В. Ломоносова», кафедра философии. E-mail: DV-S@yandex.ru

Суходуб Т.Д. – к. филос. н., доцент кафедры философии науки и культурологии Центра гуманитарного образования НАН Украины. E-mail: borftat@mail.ru

Титов А.В. – к.т.н., доцент МГУ ПС (МИИТ), МГТУ им. Баумана. E-mail: a.v.titov@mail.ru

Усейнова Э.Т. – аспирант кафедры культурологии философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: elvina.useinova@gmail.com

Халанская Л.Г. – к. полит. н., старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: larazbritskaya@gmail.com

Чудомех В.Н. – к.ф.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин КИПУ. E-mail: chudovnik@mail.ru

Шапиро О.А. – к.ф.н., старший преподаватель кафедры философии философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: olalesha@rambler.ru

Шевченко Р.И. – аспирант кафедры политических наук и международных отношений философского факультета ТНУ им.В.И. Вернадского. E-mail: radmila_mila_sh@mail.ru

Шоркин А.Д. – д.филос.н., профессор кафедры философии философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского. E-mail: alexshorkin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ФИЛОСОФИЯ

Воеводин А.П. Информация и смысл	3
Волкогонова О.Д. Национальная идентификация как мифическое структурирование действительности	20
Суходуб Т.Д. Классическая философия в критическом дискурсе Н.А. Бердяева	26
Солодухин Д.В. К вопросу об антропной функции биосферы в концепции В.И. Вернадского	34
Зарапин О.В. Телеология и генеалогия в истории философии	40
Кацапова И.А. Двойная природа смысла: идеология и национальная идея	57
Антипов Г.А. Ещё раз о законах истории и возможности их познания ..	73
Титов А.В. Диалектические аспекты методологического и научного обеспечения задач прогнозирования и управления развитием сложных объектов	81
Жалдак Н.Н. Информационные конфликты и социальные силы (очерк методологии исследования)	85
Ivanova R.A. Methodological Invariant of Communication Studies	92
Фахрутдинова А.З. Основания интерпретаций социальных изменений: научный и цивилизационный подходы	98
Креминский А.И. Интервал абстракции	108
Костина Г.В. Социальная роль информационных технологий (в контексте ноосферных представлений).....	115
Ильченко И.А., Буряк В.В. Владимир Иванович Вернадский – основоположник учения о ноосфере	121
Муза Д.Е. К реконструкции идеи коммюнитарности в философском дискурсе Н.А. Бердяева	130

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Обринская Е.К. Ноополитика как внешнеполитическая стратегия: концептуальный аспект	138
Пашковский П.И. О влиянии «атлантизма» на концептуальное и доктринальное обеспечение внешней политики Российской Федерации	143
Гаспарян М.В. Применение непараметрических тестов в политических исследованиях	153
Халанская Л.Г. Социальные предпосылки дестабилизации политического процесса в Украине на рубеже 2013-2014 гг.	163
Кича Л.А. Геополитическая связность Балкан, Украины и Кавказа в контексте эволюции концепции "дуги нестабильности".....	170
Волков А.Г. Экзистенциальные контексты политической рефлексии: преодоление агрессии Запада	181
Титов А.В. Системные проблемы методологии математического моделирования задач прогнозирования и управления развитием сложных систем.....	188
Вейсова В.Э., Кузьмин П.В. Профессиональная культура политолога : содержание и требования современной социальной практики.....	196
Марецкая Н.А. Коммуникативная сущность «новых медиа» и их роль в политических процессах.....	208
Ломко И.Г. Предпосылки и особенности протестного движения в современной Украине.....	214
Креминская Е.Д. Правовое регулирование миграционных процессов в Украине в контексте политики евроинтеграции.....	225
Губанова Е.В. Торговля людьми как глобальная проблема в контексте развития общества в условиях кризиса глобализации.....	234
Гросфельд Е.В. Проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях переходного периода в Крыму.....	242

Переход С.О. Крым в контексте русской идеи.....	249
Меджитов М.Е. Евромайдан в Украине: некоторые факторы возникновения и развития.....	254
Шевченко Р.И. БРИКС как неформальная организация лидеров развивающихся стран в контексте новой геополитической реальности .	261

РАЗДЕЛ III КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Шоркин А.Д. Информационные технологии как фактор культурных деструкций	269
Герасимова И.А., Мильков В.В. Традиции медицины в Древней Руси в контексте дискуссий о биомедицинских технологиях	295
Николаенко Д.А. Сущностные различия традиционного и постмодернистского танца	312
Балкинд Е.Л. Трансформация формы в изобразительном искусстве	321
Ананьева Е.П. Основные подходы к изучению феномена толерантности.....	331
Пантелеева Г.Г. Культурное разнообразие как фактор устойчивого развития общества	345
Сергеева Т.Б. Базовые ценности образования	351
Усейнова Э.Т. Этнические деревни как центры сохранения культур народов Крыма (на примере крымских татар).....	356
Чудомех В.Н. Миссионизм как духовное явление: виды и роль в истории человечества	362
Бекирова Л.С. Традиция «большой семьи» в контексте неоконсерватизма.....	369
Поспелова А.И. «Цивилизатемы» и «форматемы» культуры арктических народов	377

РАЗДЕЛ IV
ЛОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Николко В.Н. Формализационный метод научного познания	387
Титов А.В. Формальная логика и исследование структур.....	393
Жалдак Н.Н. Информационные конфликты и социальные силы (очерк методологии исследования).....	401
Шапиро О.А. Возможности моделирования социальных событий и процессов с помощью средств современной логики	408
Невельская-Гордеева Е.П. Абдукция как логический метод поиска истины	418
Сафонова Н.В. Особенности языка классической математики	424
Соколенко М.Н. Реконструкция формализационного метода научного познания по работам И. Канта.....	430
Сведения об авторах	436
Содержание.....	440

CONTENT

CHAPTER I PHILOSOPHY

Voievodin O.P. Information and Sense	3
Volkogonova O.D. National Identification as Mythical Structuring of Reality	20
Sukhodub T.D. Classical Philosophy in Critical Discourse of N.A. Berdyaev	26
Solodukhin D.V. To the Issue on the Anthrop Function of Bioshere in the Vernadskiy Conception	34
Zarapin O.V. Teleology and Genealogy in History of Philosophy	40
Katsapova I.A. Double Nature of Sense: Ideology and National Idea	57
Antipov G.A. Ones Again: the Laws of History and Possibility of Their Knowledge Reconsidered	73
Titov A.V. Dialectic Aspects of Methodological and Scientific Support of Prognostication and Management of the Development of Complex Nature Objects	81
Zhaldak N.N. Informational Conflicts and Social Forces (Essay of Research Methodology).....	85
Ivanova R.A. Methodological Invariant of Communication Studies	92
Fakhrutdinova A.Z. The Basis for the Interpretations of Social Change: Scientific and Civilizational Approaches	98
Kreminskiy A.I. The Abstraction Interval	108
Kostina G.V. Social Role of Informational Technologies (In the Context of Noospheric View).....	115
Ilchenko I.A., Buryak V.V. Vladimir Vernadskiy as a Founder of Noosphere Scholar	121
Muza D.E. By Reconstruction Idea of Community in Philosophy Discours of N.A. Berdyaev	130

CHAPTER II
POLITICAL SCIENCES. SOCIOLOGY

Obrinskaya E.K. Noopolitik as a Foreign Policy Strategy: Conceptual Aspect	138
Pashkovsky P. I. On the Influence of «Atlanticism» on the Conceptual and Doctrinal Providing of Russian Federation’s Foreign Policy	143
Gasparyan M.V. Application of Nonparametric Tests in Political Researches	153
Halanskaya L.G. Social Preconditions for Destabilization of the Political Process in the Ukraine at 2013-2014	163
Kicha L.A. Geopolitical Coherence Balkans, Ukraine and the Caucasus in the Context of the Evolution the "Arc of Instability" Concept	170
Volkov O.H. Existential Contexts for the Political Reflection: Negotiation of the Aggression of the West in the East	181
Titov A.V. System Problems in Methodology of Mathematical Modeling of Problems of Prognostication and Management of Development of Complex Systems.....	188
Veysova V.E., Kuzmin P.V. Professional Culture of the Political Scientist: the Content and Requirements of Contemporary Social Practice	196
Maretskaya N.A. The Communicative Nature of New Media and their Role in the Political Process	208
Lomko I.G. Background and Features of the Protest Movement in Contemporary Ukraine	214
Kreminskaya E.D. Legal Regulation of Migration Processes in Ukraine in the Context of the Policy of European Integration	225
Gubanova E.V. Human Trafficking as a Global Problem in the Context of the Development of Society in the Conditions of Globalization Crisis	234

Grosfeld E.V. Problems of Interaction between Government and Business in the Conditions of the Transition Period in the Crimea	242
Perekhod S.O. Role of Crimea in the Context of Russian Idea	249
Medzhytov M.E. Some Factors of the Origin and Development of Euromaidan	254
Shevchenko R.I. BRICS as a New Geopolitical Reality in the Context of Formation a New System of International Relations	261

CHAPTER III

CULTUROLOGY

Shorkin A.D. Informational Technologies as a Factor of Culture Destruction	269
Gerasimova I.A., Milkov V.V. The Traditional Medicine of Ancient Russia in the Context of Discussion on Biomedical Technologies	295
Nikolaenko D.A. Essential Differences between Traditional and Postmodern Dance	312
Balkind K.L. Transformation of Form in Visual Arts	321
Ananeva E.P. Basic Approach to the Study of the Tolerance Phenomenon ...	331
Panteleyeva G.G. Cultural Variety as the Factor of Stable Development of a Society	345
Sergeyeva T.B. The Basic Values of Education	351
Useinova E.T. Ethnic Villages as Centers of Maintenance of Crimea Folk`s Cultures (on the Example of Crimean Tatars).....	356
Chudomekh V. The "Missionizm" as a Spiritual Phenomenon: Types and Role in the History of Humanity	362
Bekirova L.S. Tradition of Big Family in the Context of the Neoconservatism	369
Pospelova A.I. «Civilizathems» and «Formathems» of Arctic Folks Society ...	377

CHAPTER IV

LOGIC. METHODOLOGY OF SCIENCE

Nikolko V.N. Formalizing Method for Scientific Cognition	387
Titov A.V. Formal Logic and Research of Structures	393
Zhaldak N.N. Informational Conflicts and Social Forces (Essay of Research Methodology)	401
Schapiro O.A. Potentials of Social Events and Processes Modeling by Means of Contemporary Logic.....	408
Nevelskaya-Gordeeva E.P. Abduction as Logical Method of Search of Truth.	418
Safonova N.V. Features of the Language of Classical Mathematics	424
Sokolenko M.S. Reconstruction of the Formal Method on the Base of Kant's Works	430
List of authors	436
Content	440